ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ XCI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

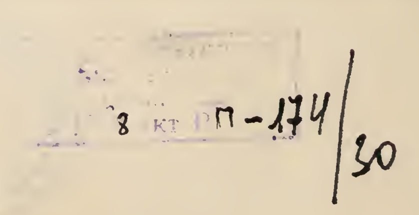
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 1 ноября 1853 года.

Ценсоръ *А. Фрейганъ.*



ОГЛАВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

НОЯБРЬ.

I. Словесность.

II. Науки и Художества.

III. Современная Хроника Россіи.

IV. Критика.

V. Библіографическая Хроника.

Новыя Сочиненія.

Продолженіе начатыхъ изданій.

Переводы.

Новыя изданія.

Журналистика.

Разныя Извѣстія.

VI. Иностранная Литература.

VII. Смѣсь.

Новости Наукъ, Искусствъ и Литературы.

I.

ВОЛЫНЩИКИ.

РОМАНЪ ЖОРЖА ЗАНДА.

Часть первая.

ПОСВЯЩЕНІЕ ЕВГЕНІЮ ЛАМБЕРТУ.

Дитя мое, такъ-какъ ты любишь слушать мои разсказы о томъ, что̀ разсказывали крестьяне на посидѣлкахъ во время моей молодости, когда у меня было еще время ихъ слушать, то я постараюсь припомнить для тебя исторію Этьенна Депардьё и слѣпить вмѣстѣ разбросанные въ памяти моей отрывки. Онъ разсказывалъ мнѣ ее самъ впродолженіе многихъ вечеровъ, на *посидѣлкахъ* — ты знаешь, такъ называются тѣ уже поздніе часы ночи, когда крестьяне собираются *трепать* коноплю, ведутъ бесѣду, разсказываютъ сказки. Прошло много лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣдушка Этьеннъ заснулъ сномъ праведныхъ и былъ онъ ужь порядочно-старъ въ то время, когда разсказывалъ намъ простыя приключенія своей молодости; а потому я поведу разсказъ отъ его лица, стараясь сколь-возможно подражать языку его. Ты не сочтешь это за пустую прихоть, ты, который по опыту знаешь, что мысли и чувства крестьянина не могутъ быть выражены нашимъ языкомъ, не исказившись совершенно и не получивъ оттѣнка натянутости. Ты знаешь также, что крестьяне угадываютъ, или понимаютъ гораздо-болѣе, чѣмъ мы полагаемъ: ты часто удивлялся неожиданному проявленію въ нихъ такихъ понятій, которыя даже въ дѣлѣ искусства могутъ показаться оригинальными. Еслибъ мнѣ вздумалось разсказать тебѣ нашимъ языкомъ то, что̀ ты самъ слышалъ отъ нихъ, ты нашелъ бы это и невѣроятнымъ и невозможнымъ, и подумалъ бы, что я, сама того не подозрѣвая, прибавила тутъ много своего и навязала имъ размышленія

и чувства, для нихъ недоступныя. И дѣйствительно, стоитъ только ввести въ выраженіе ихъ идей одно слово, несвойственное простонародной рѣчи, чтобъ возбудить сомнѣніе въ возможности образованія въ ихъ умѣ подобной идеи; но когда слушаешь ихъ, то видишь, что хотя и нѣтъ у нихъ, какъ у насъ, такого полнаго выбора словъ, усвоенныхъ для выраженія всѣхъ малѣйшихъ оттѣнковъ мысли, то нѣтъ также и недостатка въ словахъ, необходимыхъ для обозначенія того, чтò они думаютъ и описанія того, чтò поражаетъ ихъ чувства. Я хочу, чтобъ разсказъ Этьенна Депардьё сохранилъ ему свойственный колоритъ, вовсе не для того, какъ меня упрекаютъ, чтобъ имѣть удовольствіе употребить въ дѣло языкъ, неупотребительный въ литературѣ, еще менѣе для того, чтобъ воскресить обветшалыя выраженія и устарѣлые обороты, извѣстные всѣмъ и каждому, но потому, что не могу заставить его говорить нашимъ языкомъ, не уклонившись совершенно отъ того пути, которому слѣдовалъ его умъ въ то время, когда ему приходилось говорить о предметахъ, для него невполнѣ-доступныхъ, между-тѣмъ, какъ ему и самому хотѣлось хорошенько понять ихъ и сдѣлать понятными для другихъ.

Если, при всемъ моемъ вниманіи и стараніи, ты найдешь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказчикъ мой слишкомъ-ясно или слишкомъ-смутно понимаетъ то, о чемъ говоритъ, то припиши это моему безсилію и слабости подражанія. Поставленная въ необходимость выбирать между выраженіями, употребительными у насъ, только тѣ, которыя могутъ быть понятны для всѣхъ, я поневолѣ должна была отказаться отъ самыхъ оригинальныхъ и выразительныхъ; я постараюсь по-крайней-мѣрѣ не вводить такихъ, которыя не могли быть извѣстны крестьянину, отъ лица котораго поведу повѣсть: онъ былъ несравненно-выше нашихъ теперешнихъ крестьянъ и не старался употреблять въ своемъ разсказѣ словъ, непонятныхъ какъ для его слушателей, такъ и для него самого.

Я посвящаю тебѣ этотъ романъ не какъ доказательство материнской дружбы — оно тебѣ не нужно: и безъ него ты знаешь, кàкъ дорогъ ты мнѣ — но длятого, чтобъ ты сохранилъ и тогда, когда меня не станетъ, въ памяти своей воспоминаніе о той странѣ, которая почти усыновила тебя — о милой Берри! Вспомни, когда я писала этотъ романъ, ты говорилъ: «я пріѣхалъ сюда, десять лѣтъ тому назадъ, на одинъ мѣсяцъ. Пора, кажется, подумать объ отъѣздѣ». И такъ-какъ я не видѣла причины, ты представлялъ мнѣ, что ты живописецъ, что работалъ десять лѣтъ у насъ, передавая то, чтò чувствовалъ и видѣлъ въ природѣ, и что тебѣ необходимо, наконецъ, ѣхать въ Парижъ повѣрить себя мыслью и опытомъ другихъ. Я отпустила тебя съ условіемъ, что ты будешь пріѣзжать сюда каждое лѣто. Смотри же, не забывай и этого. Пусть этотъ романъ дойдетъ до тебя какъ отдаленный звукъ нашихъ волынокъ, и напомнитъ тебѣ, что распускаются листья, что прилетаютъ соловьи и что великій праздникъ, весенній праздникъ природы начинается въ поляхъ.

Ноанъ, 17 апрѣля 1853 г.

———

ПЕРВЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Я не вчера родился, говорилъ въ 1828 году *дѣдушка* Этьенъ. Явился я на свѣтъ Божій, какъ мнѣ кажется, въ 54 или 55 году прошлаго вѣка. Первые года свои я плохо помню и поведу разсказъ о себѣ съ той поры, какъ въ первый разъ причастился, а это было въ семидесятомъ, въ приходѣ Сен-Шартье, гдѣ въ то время служилъ аббатъ Монперу, который теперь и дряхлъ, и слабъ, и глухъ.

Нашъ-то собственный приходъ, Иоанскій, не былъ уничтоженъ; но какъ у насъ умеръ священникъ, то и вышло, что на нѣкоторое время обѣ церкви соединились вмѣстѣ, подъ управленіемъ аббата, къ которому и ходили мы каждый день слушать катихизисъ—я, маленькая двоюродная сестра моя, еще одинъ малый, по имени Жозефъ, жившій въ домѣ моего дяди, да еще около дюжины ребятишекъ изъ нашихъ же.

Я говорю: «дядя» для краткости, потому-что старикъ приходился мнѣ собственно дѣдушкой; онъ былъ братъ моей бабки и назывался Брюле, отчего и внучка его, которая одна только и осталась изъ всего его рода, получила названіе Брюлеты. Настоящее же ея имя было Катерина, но о немъ и помину никогда не было.

Если сказать вамъ правду, то я въ то время ужь чувствовалъ, что люблю Брюлету болѣе, чѣмъ приходилось мнѣ любить ее, какъ двоюродному брату, и ревновалъ ее къ Жозефу, который жилъ вмѣстѣ съ нею въ маленькомъ домикѣ, находившемся на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ послѣднихъ домовъ деревни и на разстояніи полуверсты съ небольшимъ отъ нашего дома, такъ-что онъ могъ ее видѣть каждую минуту, а я до той поры, какъ мы стали ходить учиться катихизису, видѣлъ ее не всякій день.

Вотъ какъ случилось, что дѣдъ мой и мать Жозефа стали жить въ одномъ домѣ. Домъ принадлежалъ старику; небольшую половину его онъ отдалъ внаймы вдовѣ, у которой, кромѣ Жозефа, другихъ дѣтей не было. Она прозывалась Мари Пико и могла бы еще быть женой хоть куда, потому ей было всего какихъ-нибудь тридцать лѣтъ съ небольшимъ, и по ея лицу и по всему было видно, что она въ свое время была красавицей. И въ ту пору еще ее звали подъ-часъ красоткой, и это не было ей противно, потому-что вдовушкѣ хотѣлось обзавестись своимъ домкомъ. Но какъ у нея не было ничего, кромѣ бойкихъ глазъ и сладкихъ рѣчей, то она довольствовалась и тѣмъ, что квартира обходилась ей недорого, а домовладѣлецъ ея и сосѣдъ былъ старикъ честный и добрый, нетревожившій ее понапрасну и часто помогавшій ей.

Старикъ Брюле и вдова Пико, попросту Маритонъ, жили во взаимномъ уваженіи лѣтъ уже съ двѣнадцать, то-есть съ того

*

самаго дня, когда мать Брюлеты умерла, произведя ее на свѣтъ. Маритонъ ухаживала за сироткой и воспитывала ее съ такой любовью и заботливостью, какъ-будто она была ея родное дѣтище.

Жозефъ былъ тремя годами старше Брюлеты; они качались въ одной люлькѣ, и малютка была первая ноша, которую привелось носить его маленькимъ ручонкамъ. Впослѣдствіи, когда ребятишки подрасли, старикъ Брюле, видя, что вдовѣ трудно усмотрѣть за ними обоими, взялъ мальчика къ себѣ; Жозефъ сталъ спать у него, а дѣвочка, попрежнему, у вдовы.

Всѣ четверо ѣли и пили вмѣстѣ. Вдова стряпала, хозяйничала, штопала и чинила, а старикъ, еще бодрый и крѣпкій, работалъ поденно и кормилъ все семейство.

Нельзя сказать, чтобъ они были очень-богаты, и ѣли и пили слишкомъ-сладко; но вдова Маритонъ была такая ласковая, добрая и работящая, а Брюлета такъ ее любила, что старикъ привыкъ смотрѣть на нее, какъ на родную дочь, или, по крайности, какъ на невѣстку.

Ничего на свѣтѣ не могло быть лучше и милѣе нашей малютки, воспитанной и выращенной доброю вдовою. Маритонъ любила чистоту и порядокъ, держала себя такъ хорошо, какъ только позволяли средства; она пріучила къ этому же и Брюлету. И въ тѣ лѣта, когда дѣти ползаютъ и валяются по землѣ, какъ собачонки, наша дѣвочка была такая разумная, чистенькая и нарядная, что каждому хотѣлось ее расцаловать, да она неслишкомъ поддавалась на такія ласки и сама ласкалась только къ тѣмъ, которые умѣли ее задобрить.

Когда ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, она была ужь подъчасъ какъ-будто маленькая женщина; иногда, бывало, забудется и зашалится за книгою, все-таки же вѣдь это было малое дитя, но тотчасъ же опомнится и остепенится, не столько отъ страха, сколько изъ важности и уваженія къ себѣ.

Ужь не знаю, право, почему, только всѣ мы какъ-то были тупы на катихизисъ; но каждый изъ насъ видѣлъ, какъ отличалась Брюлета отъ всѣхъ другихъ дѣвочекъ.

Между нами, признаться, нѣкоторые были староваты: Жозефу стукнуло пятнадцать, а мнѣ шестнадцать, и это былъ большой стыдъ для насъ, по словамъ священника и родныхъ. Мы запоздали такъ потому, что Жозефъ былъ лѣнивъ и ученіе не шло ему въ голову; а я, страшный головорѣзъ, и ровно ничего не слушалъ. Года три сряду мы не могли выйдти изъ класса; и если бъ аббатъ Монперу не былъ снисходительнѣе нашего стараго священника, то я думаю, мы и теперь бы еще оставались при томъ же.

Нужно также сознаться, что мальчики всегда какъ-то моложе умомъ дѣвочекъ; и тамъ, гдѣ собираются учиться наши ребятишки, всегда вы замѣтите эту разницу: мальчишки всѣ ужь большіе и сильные ребята, а дѣвочки малъ-мала меньше.

Всѣ мы начали съ того, что ровно ничего не знали: читать не умѣли, писать еще того менѣе, и могли заучивать только такъ, какъ божьи птички учатся пѣть, не зная ни латини, ни церковнаго пѣнія—такъ, по слуху. Священникъ умѣлъ, однакожь, отличить тѣхъ изъ насъ, которые понимали скорѣе и лучше запоминали его слово. Изъ всѣхъ этихъ умниковъ, самая разумная была Брюлета между дѣвочками, а изъ самыхъ тупыхъ, между мальчиками, самый тупой казался Жозефъ.

Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ глупѣе другихъ, но онъ такъ плохо слушалъ и, разумѣется, такъ мало запоминалъ изъ того, чего не слыхалъ, въ немъ было такъ мало охоты къ ученью, что я не могъ надивиться. У меня бывало дѣло шло всегда наладъ, когда мнѣ удавалось наконецъ усѣсться спокойно и собраться съ мыслями.

Брюлета иногда бранила его за это, но безъ всякой пользы: онъ только плакалъ съ досады.

— Да какъ же быть, когда слова нейдутъ мнѣ на память; я самъ не знаю, что̀ мнѣ дѣлать, говорилъ онъ.

— Неправда, отвѣчала Брюлета, привыкшая ужь командовать имъ и распоряжаться: — ты все можешь, когда захочешь; только у тебя мысли по стѣнамъ развѣшены, и г. аббатъ справедливо называетъ тебя разсѣяннымъ.

— Пусть-себѣ называетъ, отвѣчалъ Жозефъ: — я не понимаю этого слова.

Но мы, ребятишки, хорошо понимали его и называли Жозефа по-своему: *Жозе-ротозѣй;* это прозваніе такъ за нимъ и осталось, къ величайшей досадѣ его.

Жозефъ былъ ребенокъ печальный, слабаго сложенія и нрава брюзгливаго. Онъ не отходилъ отъ Брюлеты ни на минуту и вовсемъ ей повиновался. Она все-таки говорила, что онъ упрямъ какъ овца, и бранила его безпрестанно. Меня же она никогда не упрекала за мою лѣность, но я бы дорого далъ, чтобъ она занималась мною такъ же часто.

Несмотря на ревность, я заботился о немъ болѣе, нежели о другихъ товарищахъ, потому-что онъ былъ всѣхъ слабѣе, а я одинъ изъ самыхъ сильныхъ. Притомъ же, еслибъ я не заступался за него, Брюлета стала бы охуждать меня. Когда я говорилъ ей, что она любитъ Жозефа болѣе нежели меня, роднаго:

— Я люблю въ Жозе не его, отвѣчала она: — я люблю въ немъ его мать, которая дороже мнѣ васъ обоихъ. Еслибъ съ нимъ случилась бѣда, я бы не посмѣла вернуться домой; и какъ онъ никогда не думаетъ о томъ, что̀ дѣлаетъ, то она просила и наказывала мнѣ думать за насъ обоихъ; и я никогда этого не забуду.

Я часто слыхалъ, какъ горожане говорятъ: «я учился съ такимъ-то; это мой школьный товарищъ». Мы же, крестьяне, которые, въ мое время, и не знали, что̀ такое школа, мы говоримъ:

«я слушалъ катихизисъ съ такимъ-то; я съ нимъ впервый разъ пріобщался». Въ эту-то пору у насъ завязываются крѣпкія дружбы молодости, а иногда и ненависти, которыя продолжаются цѣлую жизнь. Въ полѣ, на работѣ, на праздникахъ люди видятся, говорятъ, сходятся и расходятся; но когда слушаешь катихизисъ — а это продолжается годъ, часто два даже — то по неволѣ приходится оставаться вмѣстѣ и помогать другъ другу впродолженіе почти пяти или шести часовъ въ день. Мы отправлялись гурьбой, рано утромъ, по лугамъ и пастбищамъ, черезъ тынъ, огороды и кустарники; вечеромъ, когда насъ отпускали на свободу, разсыпались во всѣ стороны, какъ веселыя пташки, и возвращались домой какъ-попало. Тѣ, которымъ было весело другъ съ другомъ, шли вмѣстѣ; а шаловливые и забіяки расходились порознь, или также сходились и сговаривались, кàкъ бы настращать другихъ и подурачить.

Жозефъ не былъ ни шалуномъ, ни забіякой, но въ немъ не было также ничего любезнаго. Я хорошо помню, что бъ ни случилось съ нами, онъ никогда не былъ ни очень-веселъ, ни очень-печаленъ, ни слишкомъ-сердитъ, ни слишкомъ-доволенъ. Въ дракѣ онъ никогда не отставалъ отъ другихъ и принималъ удары, не умѣя самъ платить тѣмъ же, но всегда безъ слезъ и безъ жалобъ.

Когда мы останавливались, чтобъ поиграть и позабавиться, онъ садился или ложился въ трехъ или четырехъ шагахъ отъ насъ, ни слова не говорилъ, отвѣчалъ невпопадъ и все какъ-будто слушалъ и смотрѣлъ на что-то чего мы не могли видѣть. Вотъ почему мы и думали, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые видятъ вѣтеръ. Брюлета, знавшая его причуды и никогда неговорившая о нихъ, иногда звала его и не могла дозваться. Тогда она начнетъ, бывало, пѣть и Жозефъ тотчасъ очнется, какъ просыпаются тѣ, которые храпятъ, когда начинаешь свистѣть.

Не могу объяснить вамъ, почему я привязался къ такому невеселому товарищу. Сходства между нами не было никакого. Я не могъ обойдтись безъ людей; вѣчно расхаживалъ, прислушиваясь и присматриваясь; любилъ потолковать и поразспросить; скучалъ одинъ и искалъ веселья и дружбы. Быть-можетъ, потому, что мнѣ было жаль угрюмаго и скрытнаго мальчика, или потому, что я привыкъ подражать Брюлетѣ, которая постоянно заботилась о немъ, дѣлала ему услуги, которыхъ никогда отъ него не видѣла и болѣе переносила его причуды, нежели управляла имъ. На словахъ всегда было такъ, какъ она хотѣла; но какъ онъ никогда не слѣдовалъ ни чьимъ совѣтамъ, то и выходило на дѣлѣ, что не онъ, а она и я ухаживали за нимъ и терпѣли все, что̀ ему было угодно.

Наконецъ наступилъ день причастія. Возвращаясь изъ церкви, я далъ себѣ твердое слово не шалить болѣе; и чтобъ легче

исполнить слово, рѣшился пойдти къ дѣдушкѣ, примѣръ котораго скорѣе всего могъ меня удержать.

Брюлета, по приказанію вдовы, пошла доить козу, а мы съ Жозефомъ остались въ комнатѣ, гдѣ дѣдъ мой разговаривалъ съ сосѣдкой.

Мы сидѣли молча, разсматривая лики святыхъ, которые священникъ далъ намъ въ память святаго таинства. Дѣдушка и мать Жозефа, не обращали на насъ вниманія и продолжали разговаривать:

— Теперь, сказала вдова: — когда важное дѣло кончено, мой парень можетъ наняться въ люди, а я сдѣлаю то, что̀ тебѣ говорила.

Потомъ, замѣтивъ, что дѣдушка печально покачалъ головой, она продолжала:

— Я знаю, сосѣдъ, у моего Жозе нѣтъ ума... О! я хорошо знаю, что это-то его несчастіе!.. Онъ весь вышелъ въ отца: покойникъ, бывало, и двухъ мыслей не приберетъ въ цѣлую недѣлю, а это не мѣшало ему, однакожь, быть человѣкомъ добрымъ и трезвымъ. А все-таки большое несчастіе, когда у человѣка въ головѣ такъ мало порядка и когда къ этому еще онъ женится и попадется ему жена съ пустой головой, тогда въ короткое время у нихъ все пойдетъ вверхъ дномъ. Вотъ почему, видя, что мой мальчикъ подрастаетъ, я думаю, что съ такимъ умомъ ему не прокормить себя, и мнѣ кажется, что я умерла бы спокойнѣе, если бы могла оставить ему хоть что-нибудь. Ты самъ знаешь: нужно беречь копейку на черный день. Въ нашихъ бѣдныхъ хозяйствахъ только одно это и спасаетъ. До-сихъ-поръ я не могла ничего отложить; а выйдти снова за̀мужъ, мнѣ ужь, вѣрно, не суждено, потому-что я не такъ молода, чтобъ кому-нибудь понравиться. Если это такъ, то пусть будетъ воля небесная!.. Слава Богу, я довольно-молода и могу работать; и какъ мы ужь объ этомъ заговорили, то я скажу тебѣ, сосѣдъ, что у меня даже и мѣсто есть въ виду. Бенуа, нашъ трактирщикъ ищетъ служанку и даетъ хорошее жалованье — тридцать экю въ годъ! Да къ этому еще нужно прибавить разной прибыли почти на столько же. Съ такими деньгами, усердіемъ и ретивостью въ десять лѣтъ я составлю себѣ состояніе, отложу копейку на старость и могу еще оставить кой-что своему бѣдному дитяти. Ну, что̀ жь ты на это скажешь?

Старикъ Брюле подумалъ немножко и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это неладно, сосѣдка; право, неладно!

Маритонъ также подумала нѣсколько и, угадавъ мысль старика, продолжала:

— Конечно, нанявшись въ деревенскій трактиръ служанкой, я не уйду отъ худой молвы; и какъ бы умно ни держала себя, никто этому не повѣритъ. Такъ, что̀ ли, сосѣдъ? Ты это хочешь сказать?.. Да что̀ жь дѣлать?... Я знаю, что тогда меня никто

ужь не возьметъ за себя; но вѣдь что̀ терпишь для дѣтей, того не жалѣешь, да и самыя мученія за нихъ какъ-будто сладки.

— На свѣтѣ есть кой-что хуже мученій, сказалъ дядя: — есть стыдъ, и онъ падаетъ на дѣтей.

Маринтонъ вздохнула:

— Да̀, сказала она: — въ этихъ домахъ, каждую минуту жди обиды; нужно безпрестанно быть на-сторожѣ.

— Между трактирщиками есть такіе, сказалъ старикъ:—которые нарочно берутъ въ служанки пригожихъ и веселыхъ, какъ ты, напримѣръ, чтобъ легче сбывать съ рукъ товаръ, и часто случается, что у одного трактирщика дѣла идутъ лучше, чѣмъ у другихъ его собратій, потому только, что у него бойкая служанка.

— Вѣстимо, сосѣдъ. Только, кажется, можно быть веселой и бойкой, и проворной на услуги, не даваясь въ обиду...

— Дурное слово также обида, сказалъ старикъ Брюле: — и честной женщинѣ должно быть тяжко привыкать къ такимъ непріятностямъ. Подумай только, каково будетъ твоему сыну, когда, какъ-нибудь ненарокомъ, услышитъ онъ, ка̀къ шутятъ съ его матерью извощики и разнощики.

— Слава Богу, что онъ... такъ простоватъ! сказала вдова, взглянувъ на Жозефа.

Я также взглянулъ на него и удивился, какъ могъ онъ не слыхать рѣчей матери; она говорила вовсе не тихо, такъ-что я не проронилъ ни одного слова и заключилъ изъ этого, что онъ тугъ на ухо, какъ мы называли въ то время тѣхъ, которые плохо слышали.

Вскорѣ послѣ этого Жозефъ всталъ и побрелъ къ Брюлетѣ, въ овчарню, которая была не что иное, какъ дощаный сарай, набитый соломой, гдѣ она держала пару шесть скота.

Боясь, чтобъ меня не сочли за нескромника, еслибъ я одинъ остался въ домѣ, я послѣдовалъ за Жозефомъ и увидѣлъ, что онъ бросился на солому и плакалъ про-себя, хотя на глазахъ слезъ у него и не было видно.

— Что ты, спишь, что ли, Жозе! сказала Брюлета: — Что улегся какъ больная овца? Пусти-ка, мнѣ нужна связка, на которой ты растянулся: я хочу дать корму овечкамъ.

И задавши корму, она начала пѣть, только тихонько, чуть-слышно Ея пѣніе, повидимому, произвело на Жозефа обыкновенное дѣйствіе: онъ очнулся, всталъ и ушелъ.

— Что̀ съ нимъ, сказала Брюлета: — онъ сегодня глупѣе всегдашняго.

— Должно-быть, отвѣчалъ я: — онъ смекнулъ, что ему прійдется скоро наняться въ люди и разстаться съ матерью.

— Онъ зналъ это и прежде, возразила Брюлета. — По заведенному порядку, онъ долженъ идти въ наймы тотчасъ послѣ причастія. Еслибъ я не была одно только дитя у дѣдушки, то мнѣ тоже пришлось бы покинуть домъ и заработывать хлѣбъ у чужихъ.

Брюлета, казалось, неслишкомъ была огорчена тѣмъ, что ей приходилось разстаться съ Жозефомъ; но когда я объявилъ ей, что и мать его также хочетъ идти въ наймы и будетъ жить далеко отъ насъ, она зарыдала, побѣжала искать ее и обвившись руками около ея шеи, сказала:

— Правда ли, душенька, что ты насъ оставляешь?

— Кто тебѣ сказалъ это? возразила Маритонъ: — это еще дѣло нерѣшеное.

— Неправда! вскричала Брюлета: — ты сама говорила; а теперь только хочешь скрыть отъ меня.

— Такъ-какъ у насъ есть нескромники, которые не могутъ удержать языка на-привязи, сказала сосѣдка, посмотрѣвъ на меня: — то я должна сказать тебѣ всю правду. Я оставляю васъ; но ты должна этому покориться, какъ дитя разумное и послушливое, которое посвятило сегодня свою душу Богу.

— Какъ же, папа, сказала Брюлета дѣдушкѣ: — ты согласился отпустить ее? Кто же будетъ ухаживать за тобой?

— Ты, душенька! сказала Маритонъ. — Ты ужь теперь не маленькая и должна слѣдовать своему долгу. Выслушай же меня, и ты также, сосѣдъ, я тебѣ не все еще разсказала...

И посадивъ дѣвочку къ себѣ на колѣни, между-тѣмъ, какъ я забился между ногъ дѣдушки (его печальное лицо притянуло меня къ нему), Маритонъ продолжала разсуждать, обращаясь то къ ней, то къ нему:

— Я давно бы оставила васъ и стала бы заработывать себѣ хлѣбъ насущный, еслибъ меня не удерживала дружба къ вамъ. Мнѣ было бы гораздо-прибыльнѣе оставить у васъ Жозефа и платить вамъ за него, а самóй идти въ услуженіе: я могла бы тогда заработать копейку; да я чувствовала, что на мнѣ лежала обязанность воспитать тебя, дитя мое, до настоящаго дня, потому-что ты была еще крошка и потому, что дѣвочкѣ мать нужна долѣе, чѣмъ мальчику. У меня недоставало духу покинуть тебя въ то время, когда ты не могла обойдтись безъ меня. Теперь это время миновалось и ты должна, разставаясь со мною, утѣшаться тѣмъ, что будешь полезна своему дѣдушкѣ. Я научила тебя вести хозяйство и всему тому, что̀ должна знать добрая дѣвушка для услуги родителей и домашняго порядка. Ты должна взяться за это изъ любви ко мнѣ и чтобъ сдѣлать честь тому воспитанію, которое я дала тебѣ. Я буду утѣшаться и гордиться, когда всѣ будутъ говорить, что моя Брюлета рачительно заботится о своемъ дѣдушкѣ и распоряжается своимъ добромъ какъ маленькая женщина. Полно же плакать, будь умницей и не отнимай у меня послѣдней храбрости. Если тебѣ тяжело разлучаться со мною, то подумай, каково мнѣ; подумай только, что я должна покинуть твоего дѣдушку, который былъ моимъ лучшимъ другомъ, и моего бѣднаго Жозефа. Но этого требуетъ долгъ мой, и ты, вѣрно, не станешь меня удерживать.

Брюлета плакала до самаго вечера и не могла ровно ничего дѣлать; но когда увидѣла, что бѣдная женщина, глотая слезы, принялась готовить ужинъ, то снова бросилась къ ней на шею, поклялась исполнить ея слова и принялась работать со всѣмъ усердіемъ.

Меня послали отъискать Жозефа, который не въ первый ужь разъ, да и не въ послѣдній, забывалъ, что пора воротиться домой и дѣлать то, что̀ всѣ дѣлаютъ.

Я нашелъ его въ углу; онъ думалъ о чемъ-то и смотрѣлъ въ землю такъ пристально, какъ-будто глаза его пустили корни. Противъ обыкновенія, мнѣ удалось выманить изъ него нѣсколько словъ, изъ которыхъ я увидѣлъ, что онъ болѣе раздраженъ, нежели опечаленъ. Онъ нисколько не удивлялся тому, что ему приходилось идти въ услуженіе, зная, что вступилъ ужь въ такой возрастъ и что иначе и быть не могло; но не показывая вида, что знаетъ о намѣреніяхъ своей матери, онъ жаловался, что его никто не любитъ и что его считаютъ неспособнымъ къ работѣ.

Болѣе этого я не могъ отъ него добиться и замѣтилъ, что впродолженіе всего вечера (я остался у дѣдушки, чтобъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ и Брюлетой) онъ дулся, между-тѣмъ, какъ Брюлета хлопотала и ласкалась ко всѣмъ болѣе обыкновеннаго.

Жозефъ нанялся работникомъ къ крестьянину Мишелю, въ помѣстьи Ольніеръ. Маритона поступила служанкой въ трактиръ *Увѣнченнаго Быка*, къ Бенуа, въ Сен-Шартье. Брюлета осталась у дѣдушки, а я у родныхъ, которые имѣли нѣкоторый достатокъ и полагали, что я не буду лишнимъ, помогая имъ работать.

Между-тѣмъ я сдѣлалъ надъ собою немалое усиліе, чтобъ остепениться и вести себя прилично своему возрасту; да и время, проведенное съ Брюлетой, также не мало меня измѣнило. Однакожь, дѣлаясь постоянно-благоразумнѣе въ поведеніи, чувствовалъ, что голова моя набита любовными затѣями, которыя далеко были не по возрасту моей двоюродной сестры, да и для меня самого еще ранёнько было думать объ этомъ.

Въ это-то время отецъ мой взялъ меня съ собою на орвальскую ярмарку, куда онъ отправился продавать лошадь; въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось пробыть цѣлые три дня сряду внѣ дома. Замѣтивъ, что я сплю и ѣмъ слишкомъ-мало по моему росту (а я росъ гораздо-сильнѣе, нежели растутъ у насъ обыкновенно дѣти), отецъ мой полагалъ, что поѣздка будетъ для меня полезна. Но видъ новыхъ мѣстъ и людей не веселилъ меня такъ, какъ веселилъ бы мѣсяцевъ шесть тому назадъ. На меня нашла какая-то глупая вялость: я смотрѣлъ на молодыхъ дѣвушекъ, не смѣя сказать имъ ни одного слова; и потомъ все думалъ о Брюлетѣ и мнѣ казалось, что я могу на ней жениться, потому только, что я одной ея не боялся и счи-

талъ и пересчитывалъ свои года и ея, но время отъ этого не шло скорѣе.

Возвращаясь домой, верхомъ, на другой лошади, которую мы купили на ярмаркѣ, встрѣтили мы на дорогѣ, покрытой грязью и рытвинами, пожилаго человѣка, который велъ небольшую тележку, загромозжденную поклажей и запряженную осломъ. Оселъ увязъ въ грязи и не могъ двинуться съ мѣста. Хозяинъ тележки хотѣлъ-было ужь сложить часть поклажи на дорогу, чтобъ облегчить тяжесть; замѣтивъ это, отецъ сказалъ мнѣ:

— Слѣземъ и выручимъ изъ бѣды ближняго.

Хозяинъ поблагодарилъ насъ и, обращаясь къ тележкѣ, сказалъ:

— Ну, крошка, вставай скорѣй; а не то ты у меня еще упадешь, пожалуй.

При этихъ словахъ, съ тюфяка, лежавшаго на тележкѣ, поднялась хорошенькая дѣвочка, съ перваго взгляда показавшаяся мнѣ лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, и, протирая глаза, спросила, что́ случилось?

— Да то̀, что дорога очень-плоха, дочка, отвѣчалъ отецъ, взявъ ее на руки.—Постой, постой, не ступай ногами въ грязь. Нужно вамъ сказать, прибавилъ онъ, обращаясь къ моему отцу: —что она больна лихорадкой, растетъ, вишь-ты, больно скоро: посмотри какъ вытянулась! Ну кто скажетъ, что ей всего одиннадцать лѣтъ съ половиною?

— Господи Боже мой, сказалъ мой отецъ, покачавъ головой: —а славная будетъ дѣвушка, и какая пригожая, хоть, бѣдняжка, и поблѣднѣла отъ лихорадки! Ну, да это ничего, пройдетъ; корми только ее побольше, такъ она у тебя не будетъ съ изъяномъ.

Говоря это, отецъ мой употреблялъ выраженія, которыхъ наслышался отъ лошадиныхъ барышниковъ на ярмаркѣ. Потомъ, замѣтивъ, что дѣвочка оставила башмаки въ тележкѣ, гдѣ нелегко было ихъ найдти, онъ подозвалъ меня и сказалъ:

— Тьенне, подержи-ка на минуту малютку.

И передавъ мнѣ ее на руки, онъ впрегъ, вмѣсто осла, нашу лошадь и вытащилъ тележку изъ рытвины. Но какъ онъ часто проходилъ по этой дорогѣ и зналъ, что тамъ, далѣе, будетъ еще такая же рытвина, то и велѣлъ мнѣ нести дѣвочку на рукахъ, а самъ пошелъ впередъ съ ея отцомъ, который тащилъ за уши захромавшаго осла.

Я несъ высокую дѣвочку и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: она была почти цѣлой головой выше Брюлеты, но по ея лицу было видно, что она не старѣе ея.

Она была бѣла и тонка, какъ свѣча воска яраго, и ея черные волосы, выбивавшіеся изъ-подъ маленькой шапочки, съѣхавшей у нея съ головы во время сна, падали мнѣ на грудь и доходили почти до самыхъ колѣнъ. Въ жизнь мою не видалъ я ничего лучше ея блѣднаго лица, свѣтло-голубыхъ глазъ, обведенныхъ густыми рѣсницами, ея кроткаго и усталаго вида и даже родимки, черной-черной, сидѣвшей около самаго рта и прида-

вавшей ея красотѣ что-то странное, чего нельзя было скоро забыть.

Она была еще такъ молода, что мое сердце не говорило мнѣ ничего около ея сердца, хотя такимъ ребенкомъ казалась она мнѣ не столько отъ молодости, сколько отъ болѣзненнаго изнуренія. Я несъ ее молча, не чувствуя тяжести, и глядѣлъ на нее съ удовольствіемъ, ка́къ мы глядимъ на все хорошее, будетъ ли то дѣвушка или женщина, цвѣтокъ или плодъ.

Когда мы подошли къ рытвинѣ, гдѣ отецъ мой и ея принялись—одинъ тащить лошадь, а другой толкать тележку, дѣвочка вдругъ заговорила со мной такимъ языкомъ, что я засмѣялся, не понимая ровно ни одного слова. Она удивилась моему удивленію и, заговоривъ по-нашему, сказала:

— Не надрывайся, родимый, пусти меня; я могу идти и безъ башмаковъ: я привыкла такъ ходить.

— Вѣрю, отвѣчалъ я: — только не теперь, когда ты больна; а мнѣ это нипочемъ: я снесу четырехъ такихъ, какъ ты. Скажи-ка мнѣ лучше: изъ какой ты земли и по каковски ты это сейчасъ говорила?

— Изъ какой земли? сказала она.—Я не изъ земли, я изъ лѣсу—вотъ и все. А ты-то самъ изъ какой земли?

— О! голубушка, если ты изъ лѣсу, такъ я съ поля, отвѣчалъ я, смѣясь.

Я хотѣлъ, однакожь, разспросить ее хорошенько, но не успѣлъ, потому-что въ это время подошелъ къ намъ самъ хозяинъ.

— Спасибо, добрые люди, сказалъ онъ, пожимая руку моему отцу.—А ты, крошка, поцалуй добраго парня за то, что онъ несъ тебя, какъ куклу.

Дѣвочка не заставила себя проситъ; она была еще въ томъ возрастѣ, который не знаетъ стыда, и, не вѣдая дурнаго, не ломается изъ-за пустяковъ. Она наклонилась и поцаловала меня въ обѣ щеки, говоря:

— Спасибо тебѣ, мой пригожій.

Потомъ перешла на руки къ отцу, который посадилъ ее на тележку, улеглась на тюфякѣ и собралась снова уснуть, не думая ни объ ухабахъ, ни о дорожныхъ приключеніяхъ.

— Еще разъ спасибо, сказалъ ея отецъ, помогая мнѣ влѣзть на лошадь. — Славный малый! прибавилъ онъ, смотря на меня: — и такой же великій не по лѣтамъ, какъ и моя дѣвочка.

— Отъ этого-то онъ и несовсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, отвѣчалъ мой отецъ: — но, при помощи Божей, трудъ и работа все поправятъ... Прости, добрый человѣкъ; мы поѣдемъ впередъ: намъ еще далеко, а мы хотимъ вернуться домой засвѣтло.

Говоря это, онъ стегнулъ лошадь и мы поѣхали рысью. Обернувшись, я увидѣлъ, что человѣкъ съ тележкой повернулъ направо и поѣхалъ въ противную отъ насъ сторону.

Скоро я задумался совсѣмъ о другомъ; но вспомнивъ о Брюлетѣ, снова сталъ думать о нашей встрѣчѣ, о томъ, какъ охотно поцаловала меня чужая дѣвочка, и невольно спрашивалъ себя: почему Брюлета всегда отдѣлывается отъ меня тычками, когда я хочу поцаловать ее; и такъ-какъ мы встали чуть-свѣтъ и ѣхали все время, то я сталъ дремать позади отца, мѣшая, самъ не зная какъ, въ отяжелѣвшей головѣ, образы обѣихъ дѣвушекъ.

Отецъ, чувствуя, что я ложусь къ нему на плечи и боясь, чтобъ я не свалился, щипалъ меня и тѣмъ выводилъ изъ усыпленія. Я спросилъ его, кто были тѣ люди, которыхъ мы встрѣтили на дорогѣ.

— Встрѣтили! повторилъ онъ надсмѣхаясь надъ моей дремотой:—да мы встрѣтили сегодня болѣе пятисотъ разныхъ людей.

— Я говорю про осла съ тележкой?

— Вотъ что!.. Право, не знаю; я ихъ не разспрашивалъ. Должно-быть Шампенуазцы или Маршуа, а впрочемъ, не знаю навѣрное. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ пойдетъ наша кобылка подъ хомутомъ, а объ остальномъ я и не думалъ. А лошадка славная! ретивая, сильная; нужно думать, что она будетъ хороша въ работѣ и что я не далъ за нее лишка.

Съ той поры (поѣздка, видно, принесла мнѣ пользу) я сталъ здоровѣть и получилъ охоту къ работѣ. Отецъ поручилъ моему уходу сначала лошадь, потомъ садикъ, а наконецъ и лугъ. Мало-по-малу я понавыкъ къ труду и сталъ копать, садить и косить съ удовольствіемъ.

Отецъ мой овдовѣлъ давно и желалъ, чтобъ я вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ, оставшимся послѣ моей матери. Онъ вмѣстѣ со мной разсчитывалъ барыши, и болѣе всего на свѣтѣ хотѣлъ, чтобъ изъ меня вышелъ добрый земледѣлецъ.

Скоро замѣтилъ онъ, что у меня дѣло идетъ на-ладъ, потому-что молодость съ трудомъ отказываетъ себѣ въ удовольствіяхъ только тогда, когда дѣло идетъ о пользѣ другихъ; а тамъ, гдѣ дѣло коснется до ея собственной пользы, она дѣлаетъ это охотно, особливо, если польза эта соединена съ выгодами добраго семейства, честнаго въ раздѣлѣ и дружнаго въ трудѣ.

Я попрежнему любилъ поболтать и позабавиться въ день воскресный; но меня никто не бранилъ за это дома, потому-что впродолженіе всей недѣли я работалъ усердно. Ведя такую жизнь, я повеселѣлъ, поздоровѣлъ и въ моей головѣ завелось болѣе ума, чѣмъ можно было ожидать въ самомъ началѣ. Любовный дымъ разсѣялся, потому-что ничто такъ не успокоиваетъ души, какъ работа отъ ранней зари до поздняго вечера; и когда наступаетъ ночь, тѣ, которые ухаживаютъ за тяжелой и тучной землей нашей страны—этой суровой и прихотливой владычицей, тѣ не предаются пустымъ мыслямъ, а ложатся поскорѣе спать, чтобъ на слѣдующій день приняться за то же.

Между-тѣмъ время шло своимъ чередомъ и я потихоньку достигъ того возраста, когда мнѣ позволительно уже было думать о

будущей подругѣ моей жизни; но и теперь, какъ при первомъ пробужденіи во мнѣ чувства, Брюлета была ближе всѣхъ моему сердцу.

Оставшись одна у дѣдушки, она всячески старалась опередить свои лѣта и умомъ, и усердіемъ; но, сами вы знаете, есть дѣти, которыя какъ-будто родятся на свѣтъ длятого, чтобъ ихъ баловали и угождали имъ.

Квартиру, гдѣ прежде жила мать Жозефа, наняла вдова Ламушъ, изъ Вьельвилля; она была женщина бѣдная и принялась услуживать своимъ хозяевамъ, какъ наемная работница, надѣясь, что они припомнятъ это, когда она объявитъ имъ, что ей нечѣмъ платить за квартиру. Брюлета, видя, что сосѣдка готова помогать ей, услуживать и ухаживать за нею, не надрывала надъ работой ни души, ни тѣла, и имѣла время и возможность расцвѣсти умомъ и красотою.

ВТОРЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Брюлета изъ хорошенькой дѣвочки стала красавицей. О ней сильно поговаривали въ нашемъ краю, по той причинѣ, что никогда и никто не видалъ дѣвушки такой пригожей и стройной, такихъ золотистыхъ, тонкихъ волосъ и такихъ розовыхъ щечекъ; руки были у нея бѣлыя и нѣжныя, а ножка маленькая, какъ у барышни.

Все это показываетъ, что она работала неслишкомъ-много, не выходила изъ дому въ дождь и слякоть, береглась знойныхъ лучей солнца, не стирала щолокомъ и не мучила своихъ бѣдныхъ ручекъ и ножекъ. Не думайте, однако, чтобъ она была лѣнива — совсѣмъ нѣтъ; она дѣлала все, что̀ ей приходилось, и скоро и хорошо. Такая разумница, какъ она, не могла потерпѣть въ своемъ домѣ нечистоты и безпорядка, и не ухаживать и не заботиться о своемъ дѣдушкѣ, ка̀къ надлежало. Она во всемъ любила пристойность и никогда не сидѣла сложа руки; но о работѣ тяжелой, черной, она и не слыхала; да и надобности не было: такъ и винить ее въ этомъ не приходится.

Есть семейства, гдѣ нужда сама извѣщаетъ молодость, что человѣкъ приходитъ въ міръ Божій не длятого, чтобъ веселиться, а чтобъ трудомъ заработывать себѣ хлѣбъ насущный купно съ ближними. Но въ маленькомъ домикѣ старика Брюля немудрено было сводить концы съ концами. Старику еще не было и семидесяти лѣтъ, работникъ онъ былъ добрый, искусный въ каменномъ дѣлѣ (а это, вы сами знаете, въ нашемъ краю большая рѣдкость); отъ труда не отлынивалъ, безъ работы не сидѣлъ и жилъ-себѣ припѣваючи. Будучи вдовъ и не имѣя никого, кромѣ внучки, онъ даже могъ отложить кой-что на случай могущей приключиться болѣзни или какого несчастія. Богу угодно было

сохранить его здоровымъ; дѣла шли у него ладно и, не зная богатства, онъ не видѣлъ ни въ чемъ нужды.

Отецъ мой говорилъ, однакожь, что Брюлета слишкомъ любитъ *прохлаждаться*, давая тѣмъ разумѣть, что ей прійдется отъ многаго отказаться, когда наступитъ часъ замужства. Онъ соглашался со мною, что она любезна, и говоритъ складно, и собой пригожа, но не совѣтовалъ мнѣ ухаживать за нею. Онъ находилъ, что она слишкомъ-бѣдна, а ведетъ себя такой барышней, и часто говаривалъ, что для женитьбы нужна дѣвушка или очень-богатая или очень-работящая.

— Съ перваго взгляда, прибавилъ онъ:—лучше всего казалось бы и то и другое вмѣстѣ, но какъ поразсмотришь, такъ и выйдетъ, что трудъ и бережливость едва-ли не лучше денегъ. У Брюлеты нѣтъ ни того, ни другаго, а потому человѣку разумному она не должна нравиться.

Я чувствовалъ, что отецъ говоритъ правду; но свѣтлые глазки и сладкія рѣчи Брюлеты брали верхъ надъ разсудкомъ; и такъ было не со мной однимъ, а со всѣми молодыми людьми, ухаживавшими за нею. Начиная съ пятнадцати лѣтъ, она была постоянно окружена молодчиками моего сорта; но повадки имъ не давала и умѣла держать ихъ, съ малыхъ лѣтъ привыкнувъ къ этому. Можно сказать, что она родилась ужь гордой и знала себѣ цѣну прежде, чѣмъ ласки и похвалы показали ей чего она стóитъ. До похвалъ она была большая охотница и любила, чтобъ ей всѣ подчинялись; дерзостей не терпѣла и хотѣла, чтобъ съ нею обращались боязливо. Я, какъ и многіе другіе, привязался къ ней и пуще всего желалъ ей понравиться, но въ то же время досадовалъ, что насъ было такъ много.

Изъ всѣхъ насъ, однакожь, двумъ только, мнѣ и Жозефу Нико, позволено было держать себя съ нею покороче, говорить ей *ты* и провожать ее домой, когда она возвращалась отъ обѣдни, или шла съ вечеринки; все это, однако, нисколько не подвигало насъ впередъ; и хотя мы ни слова не говорили объ этомъ, но про-себя пѣняли другъ на друга.

Жозефъ попрежнему жилъ на Ольньерскомъ Хуторѣ, въ полуверстѣ отъ дѣдушки и на разстояніи четверти версты отъ насъ. Онъ не былъ красавцемъ, но могъ нравиться тѣмъ, кто любитъ печальныя лица. Онъ былъ желтъ и худъ лицомъ; а черные волосы, падавшіе ему на лобъ и висѣвшіе по щекамъ, придавали ему видъ еще болѣе-тщедушный. Онъ не былъ, однакожь, ни дурно сложенъ, ни мѣшковатъ, и я замѣчалъ въ его сухихъ и угловатыхъ скулахъ выраженіе, котораго не бываетъ у людей слабыхъ. Его считали больнымъ и хилымъ, потому-что онъ двигался медленно и никогда не смѣялся; но, видя его очень-часто, я убѣдился, что онъ былъ ужь такимъ отъ природы и не чувствовалъ въ себѣ никакой боли.

Онъ былъ, однакожь, плохимъ работникомъ въ полѣ, мало смотрѣлъ за скотомъ и имѣлъ нравъ вовсе-нелюбезный. Ни

одинъ работникъ, ходившій за сохой, не получалъ такой малой платы, да и то всѣ удивлялись, какъ можетъ хозяинъ такъ долго держать его, потому-что у него ни въ полѣ, ни въ хлѣву дѣло не спорилось. А когда ему говорили объ этомъ, онъ выражалъ такую досаду, что просто не знали, что́ и подумать. Его хозяинъ говорилъ, впрочемъ, что онъ никогда не отвѣчалъ ему грубо, и что, по его мнѣнію, тѣ, которые повинуются съ ужимками, но молча, все-таки ужь лучше тѣхъ, которые льстятъ и обманываютъ, ласкаясь.

Хозяинъ уважалъ его за неизмѣнную вѣрность и за то отвращеніе, которое онъ обнаруживалъ ко всему безчестному; онъ видѣлъ, что Жозефъ малый честный и скромный, и сожалѣлъ, что дѣло не спорилось у него въ рукахъ, а сердце не лежало къ работѣ. Тѣмъ не менѣе онъ держалъ его у себя, частью по привычкѣ, частью изъ уваженія къ старику Брюле, который былъ ему закадычный другъ.

То, что́ я сказалъ о Жозефѣ, показываетъ вамъ, что онъ не могъ слишкомъ нравиться дѣвушкамъ. Онѣ не хотѣли и смотрѣть на него, и дивились, что никогда не встрѣчаютъ его глазъ, а глаза у него были большіе и свѣтлые, какъ у совы и, казалось, ровно ни къ чему ему не служили. Несмотря на то, я ревновалъ его къ Брюлетѣ, потому-что она была къ нему внимательнѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, да и меня принуждала къ тому же. Она давно перестала бранить его и, казалось, рѣшилась примириться съ его природнымъ нравомъ, никогда не сердилась на него и не выговаривала ему. Она прощала ему нелюбезность и даже невѣжливость — а она уважала учтивость пуще всего. Онъ могъ дѣлать всякія глупости: могъ садиться, напримѣръ, на ея стулъ, когда она вставала, и заставлять ее искать себѣ другой; не поднимать клубка шерсти, или мотка нитокъ, когда она роняла ихъ на полъ; перебивать ея рѣчь и ломать ея спицы и посуду и никогда не слыхалъ онъ отъ нея за то нетерпѣливаго слова, тогда-какъ она бранила меня и надсмѣхалась, когда мнѣ случалось сдѣлать хоть сотую долю того самаго.

И потомъ она заботилась о немъ какъ о родномъ братѣ. У нея всегда былъ въ запасѣ кусокъ говядины, когда онъ приходилъ къ нимъ; и былъ ли онъ голоденъ или нѣтъ, она заставляла его ѣсть, говоря, что ему нужно подкрѣпить желудокъ и освѣжить силы. Она смотрѣла за его одежей, какъ родная мать, и даже сама вызывалась чинить ему и штопать, говоря, что его матери нѐкогда шить и кроить. Наконецъ, она часто гоняла овецъ туда, гдѣ онъ работалъ, и разговаривала съ нимъ, несмотря на то, что онъ говорилъ очень-мало и плохо.

Она не терпѣла, чтобъ къ нему выражали презрѣніе или издѣвались надъ его печальнымъ видомъ, и на всѣ критики и упреки, которые дѣлали ему, отвѣчала, что онъ слабъ здоровьемъ, что онъ нисколько не глупѣе другихъ, что говоритъ онъ, правда,

мало, но зато думаетъ болѣе, и что лучше молчать, чѣмъ говорить только длятого, чтобъ ничего не сказать.

Когда мнѣ приходила охота побраниться съ нимъ, или досадить ему чѣмъ-нибудь, она тотчасъ же останавливала меня, говоря:

— У тебя, Тьенне, должно-быть, очень-злое сердце: ты выставляешь бѣднаго Жозè на посмѣшище другимъ вмѣсто того, чтобъ заступаться за него, когда его обижаютъ. Я считала тебя лучшимъ другомъ и болѣе-добрымъ родственникомъ.

И я дѣлалъ тó, чего она хотѣла, и заступался за Жозефа, не понимая, впрочемъ, какая болѣзнь или горе могли быть у него, потому-что скрытность и лѣность, по моему мнѣнію, никакъ-нельзя было считать болѣзнью отъ природы; а если это и дѣйствительно была болѣзнь, то отъ нея всегда можно было излечиться.

Съ своей стороны, Жозефъ, не показывая ко мнѣ прямо отвращенія, обходился со мною такъ же холодно, какъ и съ другими и, казалось, ни во чтò не ставилъ ту помощь и услуги, которыя оказывалъ я ему при всякомъ удобномъ случаѣ; и потому ли, что онъ также любилъ Брюлету, или потому, что любилъ единственно самого себя, только онъ странно улыбался и обнаруживалъ почти презрѣніе всякій разъ, когда она оказывала мнѣ при немъ хотя малѣйшій знакъ дружбы.

Разъ какъ-то, замѣтивъ, что онъ дошелъ ужь до-того, что пожимаетъ плечами, я рѣшился объясниться съ нимъ, безъ шуму, чтобъ не разсердить Брюлеты, но прямо и откровенно, чтобъ дать ему почувствовать, что если я сношу его присутствіе при ней такъ терпѣливо, то и онъ, съ своей стороны, долженъ платить мнѣ тѣмъ же. Но такъ-какъ тутъ были, кромѣ насъ, еще и другіе парни, также влюбленные въ Брюлету, то я отложилъ свое намѣреніе до той минуты, когда мы будемъ одни, и съ этой цѣлью на другой день поутру пошелъ въ поле, гдѣ онъ работалъ.

Къ удивленію, я нашелъ ихъ вмѣстѣ. Брюлета сидѣла на корняхъ толстаго дерева, на краю оврага, куда послали его нарѣзать терновнику. Но онъ и не думалъ рѣзать, а занимался тѣмъ, что строгалъ какую-то палочку, которую поспѣшно спряталъ въ карманъ, когда увидѣлъ меня, и заговорилъ съ Брюлетой, точно какъ-будто я былъ его хозяинъ, или какъ-будто онъ повѣрялъ ей какую-нибудь тайну въ ту минуту, когда я подошелъ.

Это такъ смутило и разсердило меня, что я хотѣлъ уйдти, не сказавъ ни слова; но Брюлета остановала меня и, принимаясь за пряжу—разговаривая съ Жозефомъ, она отложила работу въ сторону — пригласила меня сѣсть возлѣ нея. Полагая, что она только хочетъ этимъ меня задобрить, я отказался, говоря, что теперь не такое время, чтобъ сидѣть въ канавахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, погода тогда стояла холодная, сырая; вода, была мутная, а трава мокрая и грязная. На пашнѣ мѣстами еще лежалъ снѣгъ и дулъ сильный, непріятный вѣтеръ. Вѣрно, думалъ я, Жозефъ очень-нравится Брюлетѣ, когда она рѣшилась выйдти изъ дома въ та-

кую погоду, она, которая такъ часто и охотно предоставляла пасти свое стадо сосѣдкѣ.

— Жозѐ, сказала Брюлета:—другъ нашъ, Тьенне, сердится на насъ за то, что мы скрытничаемъ отъ него. Не разсказать ли ему нашъ секретъ? Можетъ-быть, онъ и посовѣтуетъ тебѣ что-нибудь доброе.

— Онъ? сказалъ Жозефъ, пожимая плечами, какъ наканунѣ.

— Чтò у тебя, спина что ли чешется при моемъ видѣ? сказалъ я, разсердившись.—Смотри, братъ, я почешу тебѣ ее такъ, что ты у меня въ другой разъ не захочешь!

Жозефъ посмотрѣлъ на меня изподлобья, какъ-будто собираясь укусить; но Брюлета дотронулась до него концомъ прялки и, наклонившись, стала шептать ему что-то на ухо.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ, вовсе не стараясь говорить тихо: —Тьенне не можетъ посовѣтывать мнѣ ничего путнаго. Онъ въ этомъ дѣлѣ смыслитъ такъ же мало, какъ и твоя коза; и если ты скажешь ему хоть одно слово, я не скажу тебѣ больше ничего.

Говоря это, онъ поднялъ топоръ и серпъ, и ушелъ.

— Вотъ онъ опять разсердился, сказала Брюлета, вставая и собирая стадо:—но повѣрь мнѣ, Тьенне, тутъ нѣтъ ничего важнаго. Я знаю затѣи его: помочь мы ему не можемъ, и лучше всего оставить его въ покоѣ. Онъ, должно-быть, помѣшанъ немножко отъ самаго рожденія. Онъ не умѣетъ, да и не хочетъ объясниться, и всего лучше, кажется, не тревожить его: когда начинаешь его разспрашивать, онъ принимается плакать и убивается изъ-за пустаго.

— Мнѣ кажется, впрочемъ, Брюлета, что ты умѣешь заставить говорить его.

— Я ошиблась, отвѣчала она:—я думала, что у него на душѣ въ-самомъ-дѣлѣ какое-нибудь горе. Но то, чтò разсказалъ онъ мнѣ, разсмѣшило бы тебя, если бы я могла тебѣ сказать; но какъ онъ не хочетъ этого, то нечего объ этомъ и думать.

— Если бы это были пустяки, продолжалъ я:—то вы не принимали бы въ немъ такого участія.

— А ты находишь, что я принимаю въ немъ слишкомъ-большое участіе? сказала она. Да развѣ я не обязана этимъ его матери, которая лелѣяла меня и заботилась обо мнѣ болѣе, нежели о своемъ собственномъ дѣтищѣ.

— Справедливо, Брюлета. И если ты любишь въ Жозефѣ его мать, то тутъ и говорить нечего; но въ такомъ случаѣ я бы желалъ быть ея сыномъ: я вижу, что это гораздо-лучше, нежели быть твоимъ двоюроднымъ братомъ.

— Предоставь эти глупости говорить другимъ, отвѣчала Брюлета, покраснѣвъ немного.

Между-тѣмъ мы прошли полѐ и подошли къ дому. Брюлета объявила, что зайдетъ къ намъ на минутку, повидаться съ моею сестрою. Но сестры не было дома; она пошла собрать овецъ, которыя забрели на большую дорогу. Брюлета не хотѣла ея дож-

даться. Желая задержать ее, я убѣдилъ ее снять башмаки, чтобъ счистить съ нихъ снѣгъ и просушить у печки, и заарестовавъ ее такимъ образомъ — она принуждена была сѣсть и ждать, пока башмаки высохнутъ — я рѣшился высказать ей наконецъ свою любовь и то горе, которое накопилось у меня на сердцѣ.

Но вотъ бѣда: я никакъ не могъ придумать начала *для* своего объясненія. За вторымъ и третьимъ словомъ у меня бы дѣло не стало, но первое никакъ не давалось. Потъ выступилъ у меня на лбу, а дѣло впередъ не подвигалось. Брюлета могла бы, правда, помочь мнѣ, если бы захотѣла: плутовка знала на какой ладъ хочу я затянуть пѣсенку—она не разъ слышала ее отъ другихъ; но съ нею нужно было терпѣніе да и терпѣніе; и хотя я не былъ совсѣмъ новичкомъ въ любовныхъ рѣчахъ, потому-что мнѣ не разъ случалось поговаривать объ этомъ съ другими красотками, не такими гордыми, именно съ цѣлью навостриться, тѣмъ неменѣе я никакъ не могъ придумать ничего путнаго и достойнаго такой важной дѣвушки, какъ Брюлета.

Дѣло кончилось тѣмъ, что я снова сталъ критиковать ея любимца Жозè. Сначала она смѣялась, а потомъ, видя, что я говорю нешутя, приняла серьёзный видъ и сказала:

— Оставь въ покоѣ этого несчастнаго: онъ и безъ того жалокъ.

— Да въ чемъ и почему! вскричалъ я, потерявъ терпѣніе. Чтò онъ чахоточный, или бѣшеный, что ли, что ты не хочешь, чтобъ его трогали?

— Хуже... отвѣчала Брюлета: — онъ эгоистъ.

Слово это въ мое время не вошло еще у насъ въ употребленіе: Брюлета слышала его отъ священника и запомнила. У ней была память необыкновенная, и ей часто случалось говорить такія слова, которыя я также могъ бы запомнить, но не запоминалъ, а потомъ и вовсе не понималъ. Я постыдился спросить, чтò значитъ это слово и показалъ видъ, что понимаю его. Я думалъ, что оно должно означать какую-нибудь смертельную болѣзнь и, чувствуя, что такое великое несчастіе не допускаетъ насмѣшекъ, сталъ сожалѣть, что нападалъ на Жозефа и началъ извиняться передъ Брюлетой.

— Еслибъ я зналъ это прежде, прибавилъ я: — то не сталъ бы сердиться и досадовать на бѣднаго Жозè.

— Да какъ же ты не замѣтилъ этого до-сихъ-поръ? сказала она. — Развѣ ты не видишь, кàкъ принимаетъ онъ одолженія и услуги? безъ благодарности, безъ чувства; кàкъ малѣйшее невниманіе оскорбляетъ его, малѣйшая шутка обижаетъ; кàкъ надувается и страдаетъ онъ оттого, чего другой бы и не замѣтилъ, и какъ мало отвѣчаетъ онъ на ту дружбу, которую ему оказываютъ, не подозрѣвая, что это дѣлается не для него самого, а для Господа Бога, который велѣлъ любить своихъ ближнихъ?

— Такъ это отъ болѣзни? спросилъ я, удивляясь словамъ Брюлеты.

— Разумѣется, отвѣчала она. — Этотъ сердитый недугъ хуже всякой болѣзни.

— И мать его знаетъ, что у него въ сердцѣ такая смертельная болѣзнь?

— Она догадывается. Ты понимаешь, впрочемъ, что я никогда не говорю съ ней объ этомъ, чтобъ не огорчать ее.

— А что, его не пробовали полечить отъ этой болѣзни?

— Я дѣлала все, что̀ могла и впередъ буду дѣлать, отвѣчала она, продолжая разговоръ, въ которомъ мы не понимали другъ друга; но мнѣ кажется, что моя заботливость только увеличиваетъ зло.

— Правда, прибавилъ я, подумавъ нѣсколько: — у него въ лицѣ всегда было что-то странное. Покойница бабушка, которая, какъ тебѣ извѣстно, умѣла читать въ будущемъ, говаривала, что у него на лицѣ написано несчастіе и что ему суждено жить въ горѣ и умереть въ цвѣтѣ лѣтъ, потому-что у него ужь такая черта на лбу. Признаюсь тебѣ, съ той поры, всякой разъ, какъ Жозефъ опечалится или разсердится, я какъ-будто вижу на его лицѣ эту несчастную черту, хотя, правда, и не знаю, гдѣ именно видѣла ее бабушка. И тогда я боюсь его, или, лучше, его судьбы, и мнѣ хочется избавить его отъ всѣхъ страданій и упрековъ, какъ человѣка, которому недолго суждено жить на свѣтѣ.

— Бабушкины сказки! сказала Брюлета, засмѣявшись: — я хорошо ихъ помню. Она говорила также, что глаза большіе и свѣтлые, какъ у Жозефа, видятъ духовъ и всякія тайны. Но я не вѣрю этому и не боюсь за него. Съ такой головой, какъ у него, человѣкъ можетъ жить очень-долго: онъ будетъ утѣшаться, заставляя мучиться другихъ и, можетъ-быть, схоронитъ всѣхъ тѣхъ, которые боятся такъ рано потерять его.

Эти послѣднія слова окончательно сбили меня съ толку: я ровно ничего не понималъ и хотѣлъ-было поразспросить еще Брюлету, но она быстро встала, взяла башмаки и надѣла ихъ въ одну минуту, хотя они были такъ малы, что я не могъ бы всунуть въ нихъ и руки. Потомъ, кликнула собаку и вышла, оставивъ меня одного размышлять на-досугѣ и удивляться тому, что̀ я отъ нея услышалъ.

ТРЕТЬИ ПОСИДѢЛКИ.

Въ слѣдующее воскресенье Брюлета собралась идти къ обѣднѣ въ Сент-Шартье, куда она ходила охотнѣе, нежели въ нашъ приходъ, потому-что тамъ въ послѣобѣденное время танцовали обыкновенно до самаго вечера. Я просилъ у нея позволенія проводить ее.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — я пойду туда съ дѣдушкой; а онъ не любитъ, чтобъ за мной по дорогамъ ходила куча любезниковъ.

— Я не куча любезниковъ, сказалъ я съ досадой: — я твой двоюродный братъ и никогда дѣдушка не запрещалъ мнѣ ходить съ нимъ.

— Ну хорошо! отвѣчала она: — только, пожалуйста, не ходи съ нами сегодня: мы хотимъ поговорить съ Жозефомъ; онъ теперь у насъ и пойдетъ вмѣстѣ съ нами въ церковь.

— А, понимаю! онъ сватается за васъ и вы рады случаю поговорить съ нимъ на-просторѣ!

— Ты съ ума сошелъ, Тьенне!.. Послѣ того, что̀ я говорила тебѣ...

— Ты сказала мнѣ, что у него есть какая-то болѣзнь, отъ которой онъ проживетъ долѣе другихъ. Я не вижу тутъ ничего, что̀ бъ могло меня успокоить.

— Успокоить! да въ чемъ? спросила она съ удивленіемъ. — О какой болѣзни говоришь ты?.. Что̀ сталось съ твоимъ умомъ, Тьенне?.. Нѣтъ, я вижу, что мужчины всѣ просто сумасшедшіе!

Сказавъ это, она взяла подъ-руку дѣдушку, который подошелъ къ ней съ Жозефомъ, и пошла впередъ, легкая, какъ пухъ, и веселая, какъ ласточка, между-тѣмъ, какъ добрый дѣдушка, незнавшій на свѣтѣ ничего выше ея, улыбался проходящимъ и какъ-будто бы говорилъ: «Ну-ка, кто изъ васъ можетъ похвастаться такой внучкой»?

Я слѣдилъ за ними издали, желая видѣть, ка̀къ будетъ вести себя Жозефъ съ нею: возьметъ ли онъ ее за руку и позволитъ ли старикъ имъ идти вмѣстѣ. Ничего подобнаго не было. Жозефъ все время шелъ по лѣвую сторону дѣдушки, между-тѣмъ, какъ Брюлета шла по правую. Всю дорогу они говорили о чемъ-то потихоньку.

Послѣ обѣдни я подошелъ къ Брюлетѣ и пригласилъ ее танцовать со мною.

— Поздно же ты хватился! сказала она: — я приглашена ужь по-крайней-мѣрѣ на десять танцевъ, и тебѣ прійдется подождать до вечера.

Въ этомъ дѣлѣ Жозефъ ужь никакъ не могъ быть мнѣ помѣхой, потому-что онъ никогда не танцовалъ; я могъ быть на этотъ разъ совершенно-спокоенъ; но, не желая видѣть, какъ Брюлета будетъ любезничать съ другими поклонниками, я послѣдовалъ за Жозефомъ въ трактиръ *Увѣнчаннаго Быка*, куда онъ пошелъ повидаться съ матерью, а я — убить время съ пріятелями.

Я говорилъ ужь вамъ, что частенько похаживалъ туда, не за тѣмъ, чтобъ пить: бутылка никогда не была моимъ другомъ, а потому, что любилъ компанію, разговоръ и пѣсни. Я встрѣтилъ тамъ множество знакомыхъ и усѣлся съ ними за столъ, а Жозефъ забился въ уголъ, не пилъ, не говорилъ ни слова и оставался тутъ только для того, чтобъ сдѣлать удовольствіе матери, которая, бѣгая взадъ и впередъ, все-таки находила время взглянуть на него и перемолвить съ нимъ словечко. Ужь не знаю,

былъ ли Жозефъ расположенъ помочь своей матери, у которой были полны руки хлопотъ, только думаю, что Бенуа не потерпѣлъ бы, чтобъ такой ротозѣй, какъ онъ, рылся и возился въ его плошкахъ и бутылкахъ.

Вы, вѣрно, не разъ слыхали о трактирщикѣ Бенуа. Онъ былъ высокъ, и толстъ, и грубоватъ маленько, но добрый малый въ душѣ и славный говорунъ при случаѣ. Онъ любилъ справедливость и уважалъ Моритонъ по заслугамъ, потому-что, нужно сказать правду, она была образцомъ служанокъ и съ-тѣхъ-поръ, какъ нанялась къ нему въ услуженіе, отъ посѣтителей не было отбоя.

Съ нею не случилось того, что̀ предсказывалъ старикъ Брюле. Жизнь въ трактирѣ исцѣлила ее отъ кокетства: она стала осторожнѣе и берегла себя такъ же, какъ добро хозяина. Сказать правду, только одна любовь къ сыну могла заставить ее примириться съ такимъ трудомъ и держать себя благоразумнѣе и скромнѣе, нежели того хотѣла ея природа. Она была примѣрная мать и, вмѣсто того, чтобъ потерять уваженіе, пріобрѣла его еще болѣе съ-тѣхъ-поръ, какъ стала служанкой въ трактирѣ; а это рѣдко бываетъ у насъ, въ деревнѣ, да и вездѣ, какъ я слышалъ.

Замѣтивъ, что Жозефъ блѣднѣе и печальнѣе обыкновеннаго, я невольно вспомнилъ то, что̀ говорила о немъ покойная бабушка; вспомнилъ также странную болѣзнь, которая, по словамъ Брюлеты или, лучше сказать, по моему собственному мнѣнію, была у него — и мнѣ стало жаль бѣднаго парня. Можетъ-быть, думалъ я, онъ сердится за грубыя слова, которыя у меня вырвались. Желая заставить его забыть ихъ, я принудилъ его сѣсть за нашъ столъ и рѣшился подпоить, думая — какъ думаютъ всѣ въ тѣ лѣта — что одинъ, два стакана бѣлаго вина въ головѣ лучше всего могутъ прогнать печаль.

Жозефъ, мало обращавшій вниманія на то, что̀ дѣлалось вокругъ него, не мѣшалъ подливать въ свой стаканъ и осушалъ его такъ часто, что у всякаго другаго пошла бы голова кругомъ. Тѣ, которые заставляли его пить, подавая ему примѣръ, давно опьянѣли; но я, желая приберечъ ноги для танцевъ, пересталъ пить во-время. Жозефъ между-тѣмъ впалъ въ глубокую думу, облокотился обѣими руками на столъ и, казалось, не былъ ни пьянѣе, ни трезвѣе прежняго.

Никто не обращалъ на него больше вниманія. Каждый болталъ и смѣялся про-себя; принялись пѣть, какъ поютъ обыкновенно, когда выпьютъ, каждый на свой ладъ и манеръ: одинъ кружокъ одну пѣсню, другой — другую, и всѣ вмѣстѣ подняли такой шумъ, такой гвалтъ, что голова трещала, а все длятого, чтобъ посмѣяться и покричать, тѣмъ пуще, что тогда самъ того не слышишь.

Жозефъ сидѣлъ недвижно, время-отъ-времени посматривая на насъ съ удивленіемъ. Потомъ всталъ и ушелъ, не говоря ни слова. Полагая, что ему сдѣлалось дурно, я послѣдовалъ за нимъ; но

онъ шелъ прямо и скоро, какъ человѣкъ, который не пилъ ни капли и ушелъ такъ далеко, за городъ, поднимаясь въ гору, что я скоро потерялъ его изъ виду и вернулся назадъ, чтобъ не пропустить танца, на который пригласилъ Брюлету.

Она, моя красотка, танцовала такъ хорошо, что всякій такъ бы и хотѣлъ съѣсть ее глазами. Она была безъ ума отъ льстивыхъ рѣчей, нарядовъ и танцевъ; но вольничать съ собой никому не позволяла.

Вспомнивъ, что не заплатилъ въ трактирѣ, я пошелъ разсчитаться съ Маритонъ, которая спросила меня при этомъ, куда дѣвался ея малый?

— Вы заставляли пить его, сказала она, а это не въ его обычаѣ. Какъ же не грѣхъ тебѣ послѣ этого пустить его бродить одного: ну долго ли до бѣды!

Я поднялся въ гору и пошелъ по слѣдамъ Жозефа. По дорогѣ я спрашивалъ о немъ у всѣхъ, но могъ узнать только, что онъ прошелъ здѣсь и не возвращался назадъ. Такъ дошелъ я до самаго конца лѣса, гдѣ жилъ нашъ лѣсничій, въ старой и ветхой избушкѣ, стоявшей на краю горы, пустыремъ спускавшейся внизъ — мѣсто печальное, хотя оттуда и видно далеко; тамъ не растетъ ничего, кромѣ папоротниковъ и дикаго тёрна, да и то только у опушки дубовой чащи.

Въ то время лѣсничимъ былъ Ярвуа, мой крестный отецъ, родомъ изъ Вернёля. Я рѣдко заходилъ къ нему въ гости и потому, увидя меня, онъ такъ обрадовался и встрѣтилъ меня такъ привѣтливо, что мнѣ неловко было уйдти отъ него тотчасъ же.

— Твой товарищъ, Жозефъ, сказалъ онъ: — былъ здѣсь, съ часъ тому назадъ; онъ приходилъ спросить, есть ли въ лѣсу угольщики: вѣрно, хозяинъ приказалъ ему узнать объ этомъ. Онъ говорилъ складно и держался на ногахъ крѣпко, и пошелъ отсюда къ большому дубу. Тебѣ нечего тревожиться о немъ. Садись-ка лучше, да разопьемъ бутылку, а въ это время подойдетъ жена: она пошла собрать коровъ и разсердится, если ты уйдешь, не повидавшись съ нею.

Не имѣя болѣе причины опасаться за Жозефа, я согласился на просьбу крестнаго отца и пробылъ у него до поздняго вечера. Видя, что наступаетъ ночь — на дворѣ стоялъ тогда февраль — я простился и пошелъ домой другимъ путемъ, черезъ Вернёль, чтобъ оттуда прямо пройдти домой по англійской дорогѣ, не заходя въ Сен-Шартье, гдѣ мнѣ нечего было больше дѣлать.

Крестный разсказалъ мнѣ, какъ нужно идти, потому-что я былъ въ лѣсу всего въ первый или второй разъ въ жизни. Вы знаете, что въ нашемъ краю народъ не заходитъ слишкомъ-далеко, особливо же тѣ, которые занимаются полевой работой: они вѣчно бродятъ около своихъ жилищъ, какъ цыплята около курятника.

Какъ ни толковалъ мнѣ крестный дорогу, а я все-таки сбился съ пути: взялъ слишкомъ влѣво и, вмѣсто того, чтобъ выйдти

на большую дубовую аллею, попалъ въ березнякъ, слишкомъ за версту отъ того мѣста, куда хотѣлъ выйдти.

Между-тѣмъ ночь совсѣмъ наступила и не было видно ни зги, потому-что въ то время сент-шартьевскій лѣсъ былъ еще добрый лѣсъ, не столько по величинѣ—великъ-то онъ очень никогда не былъ — а по старости деревьевъ, за которыми свѣта божьяго не было видно. Оно, конечно, было и зелено, и красиво, да зато ужь объ остальномъ и не спрашивай.

Что шагъ, то ежовый кустъ, или терновникъ, ухабы да кочки, канавы и рытвины, полные черной, жидкой грязи, гдѣ нога не вязла, а прямо уходила до колѣна, если хоть немножко возьмешь въ сторону отъ битой тропинки. Плутая въ чащѣ, зацѣпляя за кусты и попадая въ грязь въ прогалинахъ, я проклиналъ и поздній часъ и скверную дорогу.

Пробродивъ столько, что меня бросило въ потъ, несмотря на то, что вечеръ былъ холодный, я завязъ въ сухихъ папоротникахъ, такихъ высокихъ, что они доходили мнѣ почти до подбородка, и, поднявъ голову вверхъ, увидѣлъ, въ темнотѣ ночи, огромную черную глыбу посреди свѣтлѣвшей лужайки.

Тутъ только я догадался, что вышелъ на другой конецъ лѣса и что черная глыба — большой дубъ. Я никогда не видалъ этого дуба, но часто слыхалъ, что онъ одинъ изъ самыхъ старыхъ въ нашемъ краю и, по разсказамъ, зналъ, какого онъ вида. Вамъ, вѣроятно, случалось его видѣть: угрюмое дерево, еще въ молодости потерявшее верхушку и разросшееся въ ширину; его листья, засохшіе зимою, еще держались на вѣткахъ и разстилались по небу, какъ сѣтка.

Я хотѣлъ подойдти къ нему, полагая, что оттуда скорѣе найду большую тропинку, проходившую черезъ весь лѣсъ, какъ вдругъ услышалъ звукъ музыки, которая походила на нашу волынку, но раздавалась такъ громко, какъ громъ небесный.

Не спрашивайте меня, какимъ образомъ то, что̀ должно было меня успокоить, какъ признакъ присутствія души человѣческой, еще пуще испугало, какъ малаго ребенка. Нужно вамъ сказать, что, несмотря на мои девятнадцать лѣтъ и добрую пару кулаковъ, которые у меня тогда были, съ той минуты, какъ я заплутался въ лѣсу, я чувствовалъ себя несовсѣмъ-ладно. Не то̀ чтобъ я боялся волковъ, которые иногда забѣгаютъ къ намъ изъ большаго сент-ускаго лѣса, или встрѣчи съ недобрымъ человѣкомъ—нѣтъ; на меня напалъ тотъ страхъ, котораго нельзя себѣ объяснить, потому-что самъ не знаешь ему причины. Ночь, зимній туманъ, смутный шумъ, который слышится въ лѣсу и не походитъ на шумъ нашихъ полей; куча страшныхъ исторій, которыхъ наслышался и которыя тутъ, какъ нарочно, приходятъ вамъ въ голову; наконецъ мысль, что вы далеко, далеко отъ своего жилища—все это можетъ смутить умъ человѣка, когда онъ еще молодъ, да, пожалуй, и тогда, когда ужь онъ немолодъ.

Смѣйтесь надо мною, если хотите, только музыка, въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, показалась мнѣ бѣсовскимъ наважденіемъ. Она играла слишкомъ-громко для человѣческой музыки и притомъ такую печальную, такую странную пѣсню, какой не пѣвалъ никто въ цѣломъ крещеномъ мірѣ. Я ускорилъ шаги, но тотчасъ же снова остановился, услышавъ другой шумъ. Въ то время, какъ музыка гремѣла въ одной сторонѣ, въ другой звенѣлъ колокольчикъ, и оба эти звука шли прямо на меня и не давали мнѣ двинуться ни взадъ, ни впередъ.

Я бросился въ сторону и, наклонившись, юркнулъ въ кусты; при этомъ движеніи кто-то брыкнулъ всѣми четырьмя ногами, и я увидѣлъ, ка̀къ огромное черное животное прыгнуло, бросилось и исчезло. Въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ лужайки запрыгали, забѣгали, заскакали такія же животныя и всѣ бросились въ ту сторону, гдѣ слышались музыка и колокольчикъ, которые въ это время раздавались почти въ одномъ мѣстѣ. Ихъ было, можетъ-быть, штукъ двѣсти, но мнѣ показалось, что ихъ по-крайней-мѣрѣ тысячъ десять или двадцать, потому-что у меня зубы щелкали отъ страха, а въ глазахъ мелькали искры и бѣлыя пятна, какъ бываетъ всегда у тѣхъ, кто испугается такъ, что и руки распуститъ.

Ужь не знаю, ка̀къ добѣжалъ я до дуба: я не чувствовалъ ногъ подъ собою; только когда я очутился тамъ и собрался съ духомъ — все затихло; подъ деревомъ и на лужайкѣ никого не было, и я готовъ былъ подумать, что весь этотъ шумъ и гвалтъ, и бѣсовская музыка, и черные звѣри причудились мнѣ.

Мало-по-малу я сталъ приходить въ себя и началъ осматриваться. Вѣтви дуба покрывали почти всю лужайку и наводили такой мракъ, что я не могъ различить своихъ собственныхъ ногъ. Ступивъ два или три шага, я споткнулся о толстый корень и упалъ руками впередъ на человѣка, который лежалъ, растянувшись на землѣ, какъ мертвый. Ужь не знаю, что̀ я тамъ ему наговорилъ и накричалъ отъ страха, только знакомый голосъ, голосъ Жозѐ, отвѣчалъ мнѣ:

— Это ты, Тьенне? Что ты дѣлаешь здѣсь въ такую позднюю пору.

— А самъ-то ты, дружище, что̀ здѣсь подѣлываешь, сказалъ я, обрадованный и успокоенный этой встрѣчей.—Я искалъ тебя все время; мать безпокоится о тебѣ; я думалъ, что ты давно ужь къ ней вернулся.

— За дѣломъ ходилъ, отвѣчалъ онъ:—передъ уходомъ отдохнуть захотѣлось: я легъ да и заснулъ.

— И тебѣ не страшно одному, ночью, въ такомъ пустынномъ и печальномъ мѣстѣ?

— Страшно? да чего же и съ какой стати, Тьенне? я тебя не разумѣю!

Мнѣ стало стыдно сознаться ему, ка̀къ былъ я глупъ. Я отва-

жился, впрочемъ, спросить: не видалъ ли онъ людей и звѣрей въ просѣкѣ?

— Какже, видѣлъ, отвѣчалъ онъ: — и тѣхъ и другихъ видѣлъ; только страшнаго-то тутъ ничего не вижу: мы можемъ идти себѣ съ Богомъ, ничего не опасаясь.

Мнѣ показалось, по голосу, что онъ насмѣхается надъ моимъ страхомъ, но дѣлать было нѣчего и мы отправились; но когда вышли изъ-подъ дуба и я взглянулъ на Жозефа, мнѣ показалось, что у него и лицо и ростъ были какъ-будто совсѣмъ другіе. Онъ сталъ какъ-будто больше, выше держалъ голову, шелъ живѣе и говорилъ смѣлѣе обыкновеннаго. Не отъ одной покойной бабушки я слышалъ, что люди съ лицомъ бѣлымъ, зеленоватымъ окомъ, нравомъ печальнымъ и нескладною рѣчью водятся съ злыми духами, и что старыя деревья вездѣ и всегда пользовались дурной славой: что тамъ водятся колдуны и всякіе другіе.

Я не смѣлъ дышать, проходя мимо папоротниковъ, и все ждалъ, что вотъ-вотъ снова появится то̀, что̀ мнѣ пригрезилось въ душевномъ снѣ, или, что̀ видалъ я на-самомъ-дѣлѣ. Но все было спокойно, только сухія вѣтви трещали на дорогѣ, да остатки снѣга хрустѣли у насъ подъ ногами.

Жозефъ шелъ впереди и, не заворачивая въ большую аллею, углубился прямо въ чащу. Онъ, какъ заяцъ, зналъ всѣ углы и закоулки и такъ скоро вывелъ меня къ игнерскому броду — сельцо Потье осталось у насъ совсѣмъ въ сторонѣ — что я и не замѣтилъ, ка̀къ мы тамъ очутились. Тутъ онъ простился со мной, сказавъ только, что пойдетъ повидаться съ матерью, которая о немъ тревожилась, и повернулъ на дорогу въ Сент-Шартье, а я побрелъ домой общественными лугами.

Когда я очутился въ знакомомъ краю, страхъ мой тотчасъ же прошелъ и мнѣ стало больно-стыдно, что я не умѣлъ побѣдить его. Жозефъ, вѣрно, разсказалъ бы мнѣ то, что̀ хотѣлъ я знать, еслибъ я разспросилъ его; въ первый разъ въ жизни онъ сбросилъ съ себя сонный видъ; мнѣ казалось даже, что у него былъ какъ-будто бы смѣхъ въ голосѣ, а на душѣ — желаніе помочь ближнему. Крѣпко уснувъ послѣ приключеній и отдохнувъ порядкомъ, я увѣрился, что то̀, чему я былъ свидѣтелемъ въ прошедшую ночь, въ лѣсу, была вовсе не мечта, и мнѣ показалось спокойствіе Жозефа весьма-подозрительнымъ. Звѣри, которыхъ я видѣлъ въ такомъ огромномъ количествѣ, были необыкновенные звѣри. Въ нашихъ странахъ стадами держатъ только овецъ, а они не походили на нихъ ни цвѣтомъ, ни величиною; да притомъ у насъ скотину никогда не пасутъ въ лѣсахъ. Я очень-хорошо вижу теперь, ка̀къ я былъ тогда глупъ, но вѣдь въ дѣлахъ міра сего есть много для насъ невѣдомаго.

Я не посмѣлъ, однакожь, разспрашивать Жозефа, потому-что въ добрыхъ помыслахъ позволительно любопытствовать, но въ дурныхъ никогда не слѣдуетъ, и всегда должно избѣгать мѣшаться въ тѣ дѣла, гдѣ можно найдти больше, чѣмъ ожидаешь.

ЧЕТВЕРТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Новое обстоятельство заставило меня еще болѣе задуматься: я узналъ, что Жозефъ по временамъ не почуетъ дома. Надъ нимъ подсмѣивались, полагая, что у него завелась любовишка: за нимъ подсматривали, слѣдили, но никогда не видали, чтобъ онъ подходилъ къ жилому мѣсту или прохаживался съ живою душою. Онъ уходилъ обыкновенно полями и скрывался такъ быстро, что никто не могъ узнать его тайны. Возвращался домой чуть-свѣтъ, вмѣстѣ съ другими выходилъ на работу и не только не казался усталымъ, а, напротивъ, былъ бойче и довольнѣе обыкновеннаго.

Такъ было съ нимъ раза три въ зиму, а въ тотъ годъ зима была жестокая и стояла дольше обыкновеннаго. Но ни снѣгъ, ни стужа не могли удержать Жозефа, когда ему приходила въ голову мысль отправиться на ночную прогулку, такъ-что многіе полагали, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые ходятъ и работаютъ во снѣ; но вы увидите сейчасъ, что это было совсѣмъ не то.

Наканунѣ Рождества Христова, Вере, сапожникъ, пошелъ ужинать къ роднымъ въ Уруѐ; проходя мимо большаго вяза, что̀ называется Граблей, онъ увидѣлъ не великана, который, говорятъ, часто прогуливается тамъ съ граблями на плечахъ, но большаго чернаго человѣка, недобраго вида, говорившаго съ другимъ человѣкомъ, не такимъ высокимъ и страшнымъ. Вере несовсѣмъ струсилъ и прошелъ мимо ихъ близёхонько, такъ-что могъ слышать, что̀ они говорили. Замѣтивъ его, они разстались: черный человѣкъ пропалъ неизвѣстно куда, а товарищъ его подошелъ къ нему и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Куда это ты идешь, Денисъ Вере?

Это озадачило сапожника. Зная, что никогда не слѣдуетъ отвѣчать на подобные вопросы, особенно близь старыхъ деревьевъ, онъ отвернулся и пошелъ своей дорогой; но человѣкъ, котораго онъ считалъ духомъ, пошелъ сзади и слѣдовалъ за нимъ шагъ за шагомъ. Когда они вышли на открытое мѣсто, онъ зашелъ къ нему съ лѣвой стороны и сказалъ:

— Здорово, Денисъ Вере!

Тутъ только Денисъ узналъ Жозефа и сталъ смѣяться самъ надъ собою, не понимая, впрочемъ, съ какой стати и съ какими людьми разговариваетъ Жозефъ подъ вязомъ во второмъ часу утра. Узнавъ объ этомъ, я сталъ сожалѣть и каяться, что не отвратилъ Жозефа отъ того дурнаго пути, по которому онъ, повидимому, пошелъ. Но съ-тѣхъ-поръ прошло такъ много времени, что я не смѣлъ заговорить съ нимъ о нашей ночной встрѣчѣ. Когда же я сказалъ объ этомъ Брюлетѣ, она стала смѣяться надо мною, изъ чего я и заключилъ, что они втайнѣ любятъ

другъ друга и что я, да и всѣ тѣ, которые видѣли тутъ колдовство, просто остались въ дуракахъ.

Я не разсердился, но мнѣ стало больно и досадно: Жозефъ, плохой и лѣнивый работникъ, по моему мнѣнію, былъ печальный товарищъ и ненадежная опора для Брюлеты. Я могъ бы ей сказать, что, не говоря обо мнѣ, она могла бы найдти для себя что-нибудь получше; но у меня не доставало смѣлости: я боялся разсердить Брюлету и потерять ея расположеніе, которое было дорого мнѣ, несмотря на то, что всѣ надежды мои погибли.

Разъ, вечеромъ, возвращаясь домой, вижу я, что Жозефъ сидитъ на берегу ручья. Нужно вамъ сказать, что домъ нашъ выходилъ какъ-разъ на большую лужайку, которая, на вашей памяти, распродана по частямъ, какъ общественная земля, втунѣ лежавшая. Жаль бѣдныхъ людей: они прежде кормили тамъ скотъ и не могли купить себѣ ни клочечка! Въ мое время тутъ было обширное пастбище; чистыя воды ручья, который бѣжалъ извиваясь между густой и низкой травою, орашали лужайку, гдѣ и днемъ и ночью бродили стада, веселя взоръ и душу своимъ видомъ.

Я поздоровался съ Жозефомъ и хотѣлъ пройдти мимо, но онъ всталъ и пошелъ со мной рядомъ; по дорогѣ онъ началъ заговаривать со мною и былъ такъ взволнованъ, что я испугался.

— Что съ тобою? сказалъ я наконецъ, видя, что онъ путается въ словахъ, вздыхаетъ и вертится такъ, какъ-будто бы его посадили въ муравейникъ.

— Еще спрашиваетъ! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ. — И тебѣ это нипочемъ? Да что ты, глухъ что ли?

— Какъ! что̀ такое? вскричалъ я, думая, что ему привидѣлось что-нибудь, и вовсе не желая быть участникомъ этого видѣнія. Потомъ я сталъ прислушиваться и вскорѣ долетѣли до меня отдаленные звуки музыки, въ которой не было ничего необыкновеннаго.

— Что жь тутъ особеннаго? сказалъ я: — вѣрно волынщикъ возвращается съ праздника: въ Бертену была, кажись, свадьба. Да что жь это тебя такъ тревожитъ?

Жозефъ отвѣчалъ съ увѣренностью:

— Это волынка Карна; только играетъ-то не онъ... вѣдь это ужь изъ рукъ вонъ — какъ плохо!

— Плохо?.. Ты находишь, что Карна плохо играетъ на волынкѣ?

— Не руками плохо, а головой, Тьенне!.. Самъ-то онъ, негодный! право, не стоитъ своей волынки! а ужь тотъ, что̀ теперь дудитъ, стоилъ бы того, чтобъ изъ него духъ вылетѣлъ.

— Странныя рѣчи ты говоришь, Жозе́, не знаю гдѣ ты ихъ набрался... Ну почему ты знаешь, что это волынка Карна, а не чья-нибудь другая? Мнѣ кажется, что та волынка, что другая — все равно: всѣ онѣ гудятъ одинаково. Конечно та, что̀ теперь гудитъ, играетъ несовсѣмъ-ладно: эта пѣсня поется иначе;

да это мнѣ нисколько не мѣшаетъ: я знаю, что мнѣ и такъ не съиграть. А ты, небойсь, лучше съиграешь?

— Не знаю; но есть, навѣрно, такіе, которые играютъ лучше этого волынщика и даже лучше Карна, его учителя. Есть, вѣрно, люди, которые понимаютъ это дѣло.

— Да гдѣ жь они? Гдѣ жь тѣ люди, о которыхъ ты говоришь?

— Не знаю; но гдѣ-нибудь же да кроится *истина дѣла;* и когда нѣтъ ни времени, ни средствъ искать ее, остается только одно— вѣрить что она существуетъ.

— Жозѐ, Жозѐ! сказалъ я: — ужь не думаешь ли ты сдѣлаться музыкантомъ? Вотъ было бы удивительно!.. Вѣдь ты всегда былъ нѣмъ, какъ рыба, и никогда не могъ ни запомнить, ни пропѣть ни одной пѣсни. Когда ты, бывало, примешься играть на свирѣли, какъ наши пастухи, то у тебя никогда не выходило ни ладу, ни складу, такъ-что никакъ не поймешь, что̀ ты такое играешь. Въ этомъ дѣлѣ мы всегда считали тебя проще всякаго малаго ребенка, который дудитъ-себѣ въ дудочку и думаетъ, что онъ играетъ на волынкѣ. Ты говоришь, что Карна плохой волынщикъ, а онъ такъ складно играетъ танцы и такъ искусно перебираетъ лады: ужь по этому только видно, что у тебя уши-то плохи.

— Да̀, да̀! отвѣчалъ Жозефъ: — ты говоришь правду: я сужу о томъ, чего не знаю и говорю вздоръ... Покойной ночи, Тьенне; забудь то, что̀ я тебѣ говорилъ, потому-что я хотѣлъ сказать совсѣмъ не то̀; я подумаю хорошенько и постараюсь объяснить тебѣ въ другой разъ лучше.

И Жозефъ быстро пошелъ отъ меня, какъ-будто сожалѣя о томъ, что̀ говорилъ. Въ ту минуту Брюлета вышла отъ насъ съ моею сестрою; увидѣвъ Жозефа, она остановила его, подвела ко мнѣ и сказала:

— Пора кончить все это. Посмотрите, что̀ говоритъ сестра Тьенне: ей наговорили такихъ вещей, что она смотритъ на Жозефа какъ на буку. Лучше всего объясниться наконецъ.

— Пусть будетъ по-твоему, сказалъ Жозефъ; мнѣ надоѣло слыть колдуномъ: пусть лучше ужь считаютъ меня дуракомъ.

— Ты не колдунъ и не дуракъ, продолжала Брюлета:—ты только больно упрямъ, мой бѣдный Жозѐ! Повѣрь мнѣ, Тьенне, у него на умѣ ничего нѣтъ дурнаго; у него, вишь ты, припала охота къ музыкѣ: глупаго тутъ ничего нѣтъ, а опаснаго много.

— Ну теперь я понимаю, что̀ онъ мнѣ сейчасъ толковалъ, сказалъ я: — только съ чего онъ забралъ такую дичь въ голову?

— Погоди, Тьенне, возразила Брюлета: — не серди его напрасно, не говори, что онъ неспособенъ къ музыкѣ. Можетъ-быть, ты думаешь, какъ его мать и мой дѣдушка, что Жозѐ также тупъ на это, какъ и на ученье? А я тебѣ скажу, что и ты, и дѣдушка, и добрая Маритонъ въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслите. Жозефъ не можетъ пѣть не потому, что у него духъ коро-

токъ, а потому, что у него изъ горла не выходитъ то, что̀ онъ хочетъ; и какъ онъ самъ недоволенъ своимъ пѣніемъ, то и не поетъ голосомъ, который его не слушается. Теперь, конечно, ему хочется поиграть на такомъ снарядѣ, у котораго голосъ послушливый и будетъ пѣть все, что̀ ему прійдетъ въ голову. А такъ-какъ нашъ парень не можетъ завести себѣ того снаряда, то и кручинится и все сидитъ да думаетъ самъ съ собою.

— Именно такъ, сказалъ Жозефъ, у котораго на душѣ какъ-будто бы сдѣлалось полегче, когда Брюлета стала объяснять мнѣ его мысли.—Но она не говоритъ тебѣ, что ее природа надѣлила тѣмъ, чѣмъ меня обидѣла: у нея голосъ такъ нѣженъ, такъ чистъ и такъ вѣрно поетъ то̀, что̀ слышитъ, что я, еще ребенкомъ, любилъ слушать ее болѣе всего не свѣтѣ.

— Мы часто изъ-за этого ссорились, продолжала Брюлета. Я, бывало, дѣлывала то же, что̀ и наши деревенскія дѣвчонки, которыя заберутся въ поле со стадомъ, да и кричатъ тамъ изо всей мочи, чтобъ ихъ было подальше слышно; ну какъ вотъ этакъ начнешь кричать, да надсадишься, такъ все дѣло испортишь; а Жозефу куда-какъ больно было это слышать! Да и тогда ужь, когда я стала пѣть путемъ и такъ понавыкла, что могла запоминать всякія пѣсни, и тѣ, которыя такъ нравятся нашимъ парнямъ, и тѣ, отъ которыхъ они такъ пѣтушатся, часто случалось, что онъ попроситъ меня спѣть что-нибудь, да и уйдетъ вдругъ, не сказавъ ни слова. Ну да ужь объ этомъ и говорить нечего: онъ не всегда ведетъ себя, какъ прилично доброму и ловкому парню; но такъ-какъ это дѣлаетъ Жозè, то я не сержусь, а смѣюсь только. Я хорошо знаю, что онъ сызнова прійдетъ ко мнѣ, потому-что у него плохая память; и когда онъ услышитъ пѣсенку и эта пѣсенка понравится ему, онъ ко мнѣ же прибѣжитъ, зная, что она ужь навѣрно сидитъ у меня въ головѣ.

Я замѣтилъ Брюлетѣ, что Жозефъ, не имѣя памяти, не можетъ быть волынщикомъ.

— Это отчего? сказала Брюлета.—Ты-таки опять ошибаешься и тебѣ прійдется отказаться отъ этой мысли... Видишь ли, Тьенне, ни ты, ни я, не знаемъ *истины дѣла*, какъ говоритъ Жозè. Но, постоянно слушая его бредни, я по-крайней-мѣрѣ дошла до того, что понимаю то, чего онъ не умѣетъ или не смѣетъ сказать. Все дѣло здѣсь заключается въ томъ, что Жозефъ хочетъ сочинять свою музыку, и дѣйствительно ее сочиняетъ. Ему удалось сдѣлать дудку изъ тростника и онъ играетъ на ней, не знаю только ужь какимъ образомъ: до-сихъ-поръ онъ не хотѣлъ, чтобъ я или кто-нибудь изъ нашихъ его слышали. Когда ему захочется подудить, онъ встанетъ ночью, уйдетъ въ пустое мѣсто, да тамъ и дудитъ по-своему. Я просила его поиграть мнѣ, но онъ отвѣчалъ, что еще не знаетъ того, что̀ хочетъ знать, и что угоститъ меня своей дудкой, когда она будетъ того стоить. Вотъ почему онъ отлучается каждое воскресенье, а иногда и въ простой день,

ночью, если ужь его заберетъ слишкомъ-большая охота. Теперь ты видишь, Тьенне, что тутъ нѣтъ ничего дурнаго... Намъ, остается только поговорить еще вотъ о чемъ: Жозè рѣшался употребить свое жалованье (онъ отдавалъ все, что̀ получалъ, на сбереженіе матери) на покупку волынки; и какъ онъ чувствуетъ, что работникъ онъ плохой, а между-тѣмъ ему хотѣлось бы избавить мать свою отъ трудовъ, то онъ и думаетъ поступить въ цехъ волынщиковъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, получаютъ немало.

— Все это было бы очень-хорошо, сказала моя сестра:—если бы у Жозефа въ-самомъ-дѣлѣ былъ талантъ. Прежде, чѣмъ купишь волынку, не мѣшало бы, кажется, поучиться, ка̀къ нужно съ нею обращаться.

— Это ужь дѣло времени и терпѣнія, возразила Брюлета:—а главное-то затрудненіе вотъ въ чемъ: съ нѣкотораго времени Карна учитъ своего сына на волынкѣ, именно длятого, чтобъ передать ему свое мѣсто.

— Да̀, сказалъ я:—и я понимаю, что̀ изъ этого должно выйдти. Карна старъ и его мѣсто скоро очистится, но мѣсто это получитъ его сынъ, потому-что онъ богатъ и имѣетъ сильную поддержку въ нашемъ краю; между-тѣмъ, какъ у тебя, Жозè, нѣтъ ни денегъ на покупку волынки, ни учителя, который бы научилъ тебя, ни друзей и охотниковъ, которые бы тебя поддержали.

— Правда, отвѣчалъ Жозефъ печально:—у меня только и есть, что голова, дудка да *она*.

Говоря это, онъ указалъ на Брюлету, которая нѣжно взяла его за руку и сказала:

— Жозè, я вѣрю, что у тебя много въ головѣ, да не знаю, выйдетъ ли изъ этого что-нибудь. Хотѣть и умѣть — не одно и то же; думать и играть — двѣ вещи совершенно-разныя. Я знаю, что у тебя въ ушахъ, въ головѣ, или въ сердцѣ, кроется настоящая музыка: я видѣла это по твоимъ глазамъ, еще ребенкомъ, когда ты часто сажалъ меня къ себѣ на колѣни и говорилъ съ какимъ-то особеннымъ видомъ: «Не шуми, слушай и старайся запомнить!» И я слушала изъ всѣхъ силъ, и не слыхала ничего, кромѣ вѣтра, шелестившаго листьями да воды, журчавшей между камешками; но ты слышалъ совсѣмъ-другое и такъ былъ въ этомъ увѣренъ, что я также вѣрила. Оставь же при себѣ, мой милый, твою хорошую, сладкую музыку и не дѣлай изъ нея ремесла; иначе съ тобой случится одно изъ двухъ: или ты никогда не заставишь свою волынку пѣть то, что̀ нашептываютъ тебѣ на ухо вода и вѣтеръ, или, если ты сдѣлаешься волынщикомъ знаменитымъ, другіе, маленькіе волынщики нашей стороны, будутъ ссориться съ тобою и мѣшать тебѣ; они будутъ тебѣ вредить и гнать и мучить: ужь у нихъ такой обычай; они ни съ кѣмъ не хотятъ дѣлиться ни барышами, ни славой и находятъ въ этомъ и честь, и выгоду. Здѣсь и въ окрестностяхъ

ихъ найдется около дюжины; всѣ они не ладятъ между собою, но дружатся и помогаютъ другъ другу, чтобъ не дать новому зерну вырости на ихъ землѣ. Мать твоя часто слышитъ ихъ разговоры: вѣдь они всѣ на вино падки и обыкновенно пьютъ до глубокой ночи, послѣ танцевъ. Ей больно видѣть, что ты хочешь вступить въ такое братство. Всѣ они грубы и злы и всегда первые лѣзутъ на ссору и драку. Привычка вѣчно быть на праздникахъ, да пирушкахъ, дѣлаетъ ихъ расточителями и пьяницами... Нѣтъ, этотъ народъ не по тебѣ, Жозѐ; мать твоя говоритъ, что ты избалуешься съ ними. А я такъ думаю, что они загубятъ твой умъ да можетъ-быть и тѣло: вѣдь они такъ мстительны и ревнивы. А потому я прошу тебя, Жозѐ, отложить покуда твое намѣреніе и повременить немного, или, лучше всего, совсѣмъ отъ него отказаться, если только можно просить тебя объ этомъ во имя твоей дружбы ко мнѣ, твоей матери и Тьенне.

Я видѣлъ, что Брюлета говорила правду и всячески поддерживалъ ее. Сначала Жозефъ сильно опечалился, но потомъ пріободрился и сказалъ:

— Благодарю васъ за совѣтъ: я знаю, что онъ клонится къ моей пользѣ; но прошу васъ, предоставьте мнѣ свободу еще на нѣкоторое время. Когда я достигну того, чего желаю, то попрошу васъ послушать мою игру на дудкѣ, или волынкѣ, если только Богъ поможетъ мнѣ купить волынку. Если вы найдете въ моей музыкѣ что-нибудь путное, то я, изъ любви къ ней, буду готовъ на всякую борьбу; если же нѣтъ, то стану попрежнему копать землю и по воскресеньямъ играть на дудочкѣ, не извлекая изъ того никакой пользы и не возбуждая ни въ комъ зависти. Обѣщайте мнѣ это, и я буду ждать терпѣливо.

Мы согласились на все, чтобъ только его успокоить, потому-что онъ, повидимому, былъ болѣе огорченъ нашимъ сомнѣніемъ, нежели тронутъ участіемъ. Я смотрѣлъ ему прямо въ лицо, при сіяніи ночи, усѣянной звѣздами, и могъ разсмотрѣть его совершенно-ясно, потому-что чистыя воды ручья, у котораго мы стояли, были какъ зеркало и отбрасывали на насъ небесное мерцаніе. И мнѣ попрежнему казалось, что глаза его, имѣвшіе цвѣтъ воды, видѣли то̀, чего другіе не могли видѣть.

Мѣсяцъ спустя послѣ того, Жозефъ пришелъ ко мнѣ на домъ.

— Пришло время, сказалъ онъ твердымъ голосомъ и съ увѣренностью во взглядѣ: — послушать вамъ мою игру на дудкѣ. Я хочу, чтобъ Брюлета пришла сюда завтра вечеромъ: здѣсь всѣмъ намъ троимъ будетъ спокойнѣе. Я знаю, что завтра твои родные идутъ на богомолье. У тебя маленькій братъ боленъ лихорадкой и ты останешься одинъ дома. Вашъ домъ стоитъ далеко отъ деревни и насъ никто здѣсь не услышитъ. Брюлета согласилась прійдти сюда ночью; я подожду ее на проселкѣ и проведу такъ, что никто не замѣтитъ. Она проситъ тебя только никому не говорить объ этомъ; дѣдушка позволилъ ей прійдти сюда—вѣдь

старикъ дѣлаетъ все, что̀ она захочетъ — только и онъ проситъ о томъ — я далъ ему слово и за себя и за тебя.

Въ назначенный часъ я затворилъ всѣ ставни, чтобъ проходящіе подумали, что я легъ ужь спать, или ушелъ изъ дому, и ждалъ прихода Брюлеты и Жозефа. Тогда была весна. Днемъ былъ громъ и густыя тучи носились по небу. Порывы теплаго вѣтра приносили сладкій духъ майскихъ цвѣтковъ; соловьи пѣли, раздаваясь далеко, далеко по деревнѣ и, слушая ихъ, я думалъ: мудрено будетъ Жозефу спѣть такъ складно. Я смотрѣлъ, ка̀къ огоньки, одинъ за другимъ, гасли въ деревни и, минутъ десять спустя послѣ того, какъ послѣдній огонёкъ потухъ, увидѣлъ молодую чету, которую ждалъ. Они такъ тихо ступали по свѣжей травѣ, вдоль кустарниковъ, растущихъ по дорогѣ, что я и не слыхалъ, какъ они подошли. Я пригласилъ ихъ войдти въ избу, гдѣ у меня горѣлъ ночникъ; и когда взглянулъ на нее, всегда такъ нарядно-одѣтую и такъ гордо-спокойную, и на него, всегда холоднаго и задумчиваго, то почувствовалъ, что они вовсе не похожи на нѣжную чету влюбленныхъ.

Въ то время, какъ я разговаривалъ съ Брюлетой, привѣтствуя ее, какъ хозяинъ дома—а у насъ былъ хорошенькій домикъ и мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ ей понравился — Жозефъ, не сказавъ мнѣ ни слова, принялся настроивать дудку. Онъ нашелъ, что она отсырѣла отъ дождя и, подкинувъ пукъ хвороста на очагъ, сталъ сушить ее. Когда хворостъ вспыхнулъ, лицо его, озаренное яркимъ блескомъ, приняло такое странное выраженіе, что я не утерпѣлъ и тихонько замѣтилъ объ этомъ Брюлетѣ.

— Ты думаешь, сказалъ я: — что Жозефъ прячется днемъ и бѣгаетъ по ночамъ только затѣмъ, чтобъ дудить себѣ на-просторѣ? А я знаю навѣрно, что около него и въ немъ самомъ есть тайна, о которой онъ не говоритъ.

Брюлета засмѣялась.

— Потому только, начала она: — что Денисъ Вере вообразилъ себѣ, будто бы видѣлъ, какъ Жозефъ говорилъ съ чернымъ человѣкомъ...

— Можетъ-быть ему это и почудилось, перебилъ я: — но я хорошо знаю, что̀ видѣлъ и слышалъ въ лѣсу.

— А что̀ жь ты видѣлъ? спросилъ вдругъ Жозефъ, который слышалъ нашъ разговоръ, хотя мы говорили очень-тихо.—Что жь ты слышалъ? Ты видѣлъ человѣка, который мнѣ другъ и котораго я не могу тебѣ показать; а то, что̀ слышалъ ты, сейчасъ снова услышишь, если тебѣ этого хочется.

Сказавъ это, онъ принялся играть на дудкѣ. Глаза его горѣли какъ огонь, а лицо пылало какъ въ лихорадкѣ.

Ужь что̀ онъ игралъ, я не могу вамъ сказать: я думаю, что и самъ дьяволъ не могъ бы добиться тутъ толку; я по-крайпеймѣрѣ ровно ничего не понялъ: мнѣ показалось только, что онъ игралъ ту самую пѣсню, которую я слышалъ въ лѣсу. На меня напалъ такой страхъ, что я не могъ вслушаться хорошенько.

Потому ли, что пѣсня была длинная, или потому, что Жозефъ прибавилъ тутъ своего, только онъ дудилъ, я думаю, болѣе четверти часа, ловко перебирая пальцами и не отдыхая ни минуты. Иногда изъ его дудки вылеталъ такой гулъ, что можно было подумать, что три волынки играютъ вмѣстѣ; а иногда онъ игралъ тихо, такъ тихо, что былъ слышенъ крикъ сверчка въ избѣ и пѣніе соловья въ сосѣдней рощѣ, и тогда, признаюсь, мнѣ пріятно было его слушать; но все вмѣстѣ такъ мало походило на то, что̀ я привыкъ слышать, что мнѣ казалось, будто бы я попалъ въ домъ сумасшедшихъ.

— Ого! сказалъ я, когда онъ кончилъ: — вотъ такъ музыка! Да гдѣ это ты наслышался такой? Къ–чему такой гвалтъ и что̀ хочешь ты этимъ сказать?

Жозефъ не отвѣчалъ мнѣ и, казалось, не слыхалъ моихъ словъ. Онъ смотрѣлъ на Брюлету, которая стояла подлѣ него, облокотясь на столъ и повернувъ голову къ стѣнѣ.

Видя, что она не отвѣчаетъ, Жозефъ такъ разсердился, на нее или на себя, что хотѣлъ изломать въ куски дудку; но въ ту минуту Брюлета повернула голову къ нему, и я увидѣлъ, къ величайшему удивленію, на ея щекахъ крупныя слезы.

Жозефъ бросился къ ней и схватилъ ее за руки:

— Говори, родная, сказалъ онъ: — говори скорѣй отчего ты плачешь: изъ жалости ко мнѣ, или отъ удовольствія?

— Я не знаю, отвѣчала она: — можно ли плакать отъ того, что сладко слышать. Не спрашивай же меня, хорошо ли мнѣ или дурно; я знаю только, что не могла удержаться отъ слезъ — вотъ и все тутъ!

— Но о чемъ же ты думала въ то время, когда я игралъ? сказалъ Жозефъ, пристально смотря на нее.

— О многомъ! о томъ, чего я не съумѣю тебѣ разсказать, отвѣчала Брюлета.

— Да скажи хоть одно, возразилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышались и просьба и нетерпѣніе.

— Я ни о чемъ не думала, сказала она: — но тысячи воспоминаній о прошломъ вертѣлись у меня въ головѣ. И мнѣ казалось, что это играешь совсѣмъ не ты, хоть я слышала тебя очень–ясно: мнѣ чудилось, будто бы ты еще ребенокъ и мы по-прежнему живемъ вмѣстѣ; и вотъ насъ подхватилъ сильный вѣтеръ и мы понеслись по доламъ, по горамъ, по текучимъ водамъ; и я видѣла луга, лѣса, ручьи, поля, полныя цвѣтовъ и небеса, полныя птицъ, летѣвшихъ подъ облаками. Я видѣла также въ этомъ снѣ твою мать и дѣдушку: они сидѣли у огня и говорили о чемъ–то, но о чемъ — я не могла разслышать; ты въ это время стоялъ въ уголку на колѣняхъ и читалъ молитву, а я какъ-будто засыпала въ своей маленькой кроваткѣ. Я видѣла землю, покрытую облаками, стаи жаворонковъ подъ ивами и темныя ночи, полныя звѣздъ падучихъ, и мы смотрѣли на нихъ, сидя на хол-

мѣ, а вкругъ насъ, шелестя травою, бродили наши стада; я видѣла столько разныхъ видѣній, что у меня наконецъ все перепуталось въ головѣ и мнѣ захотѣлось плакать, не отъ горя, а отъ такой причины, которой я тебѣ не могу объяснить.

— О, я понимаю! сказалъ Жозефъ: — ты видѣла то, о чемъ думалъ я и что̀ видѣлъ въ это время, когда игралъ!.. Спасибо, Брюлета!.. Теперь я знаю, что я не безумный и что есть истина въ томъ, что слышишь, точно такъ, какъ въ томъ, что видишь. Да̀, да̀! продолжалъ онъ, шагая по комнатѣ и махая надъ головою дудкой: — она говоритъ, эта жалкая тростинка, она передаетъ мысли человѣка; у ней есть глаза, есть языкъ, есть сердце; она дышетъ, она живетъ! Чего же тебѣ еще, Жозѐ-дурачекъ, Жозѐ-простякъ, Жозѐ-ротозѣй? Ты можешь теперь попрежнему быть глупымъ и вялымъ; ты знаешь теперь, что ты такъ же силенъ, такъ же уменъ и такъ же счастливъ, какъ и всякой другой.

Сказавъ это, онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и казалось забылъ обо всемъ, что̀ его окружало.

ПЯТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Мы смотрѣли на него съ удивленіемъ, потому-что онъ былъ совсѣмъ не тотъ Жозѐ, котораго мы знали. Признаюсь вамъ, онъ напомнилъ мнѣ тѣ разсказы, которые ходятъ у насъ насчетъ колдуновъ-волынщиковъ. Говорятъ, будто бы они могутъ усыплять самыхъ лютыхъ звѣрей и по ночамъ водятъ за собою цѣлыя стаи волковъ по дорогамъ, какъ мы водимъ съ собою стада овецъ въ поле. По-моему, Жозефъ въ ту минуту вовсе не походилъ на обыкновеннаго человѣка. Изъ худенькаго и блѣдноватаго, онъ сталъ вдругъ высокимъ и бѣлымъ, какъ снѣгъ, какъ въ ту ночь, когда я встрѣтился съ нимъ въ лѣсу. Лицо его оживилось, а глаза сіяли какъ звѣзды; и тотъ бы нисколько не ошибся, кто бы назвалъ его въ ту минуту первымъ красавцемъ на свѣтѣ.

Мнѣ казалось, что и Брюлета была также заворожена и заколдована, потому-что она Богъ-знаетъ что̀ видѣла и слышала тамъ, гдѣ я ровно ничего не видѣлъ и не слышалъ; я хотѣлъ-было представить ей, что только развѣ самъ лѣшій можетъ танцовать подъ музыку Жозефа, но она не стала меня слушать и попросила его продолжать.

Жозефъ охотно согласился и заигралъ другую пѣсню, похожую на первую; я заключилъ изъ этого, что въ ту минуту у него всѣ мысли были одинаковы и что онъ никакъ не хотѣлъ слѣдовать тому, что̀ дѣлалось въ нашемъ краю. Видя, что Брюлета слушаетъ его очень-внимательно и, повидимому, находитъ тутъ удовольствіе, я приневолилъ себя и скоро такъ привыкъ къ этому новому сорту музыки, что она стала меня также забирать за живое, на меня также нашелъ какъ-будто сонъ и мнѣ казалось, что я вижу, ка̀къ Брюлета одна, при лунномъ сіяніи, среди кустовъ

бѣлыхъ розъ, усѣянныхъ цвѣтами, танцуетъ и поднимаетъ розовый передникъ, какъ-будто собираясь улетѣть... Вдругъ, недалеко отъ насъ, раздался звонъ колокольчика, похожій на тотъ, что̀ я слышалъ въ лѣсу; въ то же время и Жозѐ пересталъ играть на своей дудкѣ.

Я очнулся и вижу, что колокольчикъ дѣйствительно звенитъ, Жозефъ пересталъ играть, вскочилъ съ мѣста и смотритъ сердито, а Брюлета глядитъ на него съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и я. Тогда прежній страхъ овладѣлъ мною.

— Жозѐ, сказалъ я ему съ упрекомъ: — ты не хочешь сказать намъ всей правды. Ты не самъ выучился тому, что̀ знаешь: слышишь, какъ зоветъ тебя твой товарищъ и учитель. Отпусти же его поскорѣй: я не хочу, чтобъ онъ былъ у меня въ домѣ; я приглашалъ тебя, а не его и его причетъ. Пусть онъ убирается по добру-по-здорову, а не то я спою ему такую пѣсенку, отъ которой ему не поздоровится.

Говоря это, я снялъ со стѣны старое отцовское ружье, заряженное тремя пулями, потому-что нечистый издавна пошаливалъ около нашего колодца, и хотя я самъ никогда его не видѣлъ, но всегда былъ готовъ встрѣтить, зная, что мои старики сильно его побаиваются и что имъ часто приходилось отъ него жутко.

Вмѣсто отвѣта, Жозѐ засмѣялся, кликнулъ свою собаку и пошелъ къ дверямъ. Моей собаки не было, она ушла за нашими, такъ-что я не могъ узнать люди ли это звонятъ въ колокольчикъ или нечистая сила. Вы знаете, вѣроятно, что животныя, и въ-особенности собаки, больше насъ смыслятъ въ этомъ дѣлѣ и сейчасъ можно узнать, когда они лаютъ на нечистаго.

Правда, Парплюшъ, собака Жозефа, не обозлилась и не ощетинилась, а первая бросилась къ дверямъ и весело прыгнула на дворъ, когда Жозѐ отворилъ ихъ; но вѣдь и она могла быть также заколдована. Вообще я не предвидѣлъ тутъ ничего добраго.

Жозѐ вышелъ; вѣтеръ съ шумомъ захлопнулъ за нимъ дверь и мы остались одни съ Брюлетой. Она хотѣла-было отворить ее снова и посмотрѣть, что̀ дѣлается на дворѣ, но я удержалъ ее, говоря, что тутъ кроется, можетъ-быть, что-нибудь недоброе, и такъ напугалъ ее, что она стала раскаяваться, что пришла ко мнѣ.

— Не бойся, Брюлета, сказалъ я: — я вѣрю въ злыхъ духовъ, но не страшусь ихъ. Они дѣлаютъ зло только тѣмъ, кто водится съ ними, а доброму христіанину не могутъ причинить ничего, кромѣ страха; но этотъ страхъ можно и даже должно побѣждать въ себѣ. Полно же бояться, сотвори лучше молитву, а я междутѣмъ покараулю дверь, и ручаюсь тебѣ, что нечистый не войдетъ сюда.

— А бѣдный Жозѐ? сказала Брюлета: — уже ли мы оставимъ его на той дурной дорогѣ, по которой онъ идетъ?

Я сдѣлалъ ей знакъ молчать и, не выпуская изъ рукъ ружья, прислонился къ дверямъ и сталъ прислушиваться изо всѣхъ силъ. На дворѣ дулъ сильный вѣтеръ; колокольчикъ слышался только повременамъ и, казалось, постепенно удалялся. Брюлета стояла въ глубинѣ комнаты; ей было и смѣшно и страшно; она была беззаботная дѣвушка и готова была посмѣяться надъ нечистымъ, но видѣть его вовсе не желала.

Вдругъ близь дверей послышался голосъ Жозефа, который возвращался назадъ, говоря:

— Да́, да̀! непремѣнно къ иванову-дню! Спасибо тебѣ. Я сдѣлаю, съ помощью Божіею, то, что̀ ты хочешь; будь увѣренъ въ моемъ словѣ.

Услышавъ, что Жозефъ призываетъ имя Божіе, я ободрился и, пріотворивъ дверь, выглянулъ на дворъ. При свѣтѣ огня, проходившаго въ щель, я увидѣлъ Жозѐ и подлѣ него высокаго человѣка; на него гадко было смотрѣть: онъ былъ черенъ съ головы до ногъ; лицо у него было черное и руки, а позади его были двѣ огромныя собаки, такія же черныя, какъ и онъ самъ; онѣ прыгали и играли съ собакой Жозефа. Онъ заговорилъ такимъ громкимъ голосомъ, что Брюлета услушала его и вся задрожала отъ страха: «*Прощай, Жозѐ, до свиданія? Сюда, Клеринъ!*»

При этихъ словахъ колокольчикъ снова зазвенѣлъ, запрыгалъ, и я увидѣлъ, ка̀къ подбѣжала къ нему лошадка, маленькая, худенькая, косматая, съ глазами какъ уголья; на шеѣ у нея висѣлъ звонокъ, блистѣвшій какъ золото. «*Поди и собери мнѣ всѣхъ!*» продолжалъ черный человѣкъ. Маленькая лошадка побѣжала, припрыгивая, собаки помчались за нею, и наконецъ самъ хозяинъ, пожавъ руку Жозефу, послѣдовалъ за ними. Жозѐ вошелъ въ избу и, затворивъ дверь, сказалъ мнѣ съ усмѣшкой:

— Что́ ты дѣлаешь у дверей, Тьенне?

— А ты, Жозе, что́ держишь подъ мышкой? сказалъ я, видя, что онъ держитъ въ рукахъ свертокъ, зашитый въ черный холстъ.

— Вотъ какой Богъ послалъ мнѣ подарокъ, сказалъ онъ. — Тьенне! Брюлета! друзья мои! посмотрите, посмотрите скорѣй.

Въ это самое время на большой лужайкѣ, близь ручья, шагахъ въ двадцати отъ нашего дома, который отдѣлялся отъ нея только садикомъ и коноплянникомъ, послышался страшный шумъ и гвалтъ, точно какъ-будто сто или двѣсти бѣшеныхъ лошадей заскакали и запрыгали вмѣстѣ. Колокольчикъ звенѣлъ, собаки лаяли, а черный человѣкъ кричалъ во все горло:

— Скорѣй! скорѣй! сюда! сюда! ко мнѣ, Клеринъ!.. Еще трехъ недостаетъ!.. Ату, Волчокъ, Ату, Сатана!.. ну, ну! живѣй! живѣй!

Услышавъ это, Брюлета такъ перепугалась, что отступила отъ Жозефа и прижалась ко мнѣ; я схватилъ ружье и сказалъ ему:

— Я не хочу, чтобъ твой причетъ таскался сюда по ночамъ и забавлялся около моего дома. Посмотри, какъ перепугалась Брюлета: она бы дорого, я думаю, дала, чтобъ быть теперь дома. Покончи же это скорѣй, а не то я раздѣлаюсь съ твоими гостями по-своему.

Замѣтивъ, что я хочу идти, Жозѐ удержалъ меня.

— Останься, сказалъ онъ, и не суйся туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Могло бы случиться, что ты сталъ бы раскаяваться потомъ. Не бойся и посмотри лучше, что̀ я принесъ; я разскажу тебѣ все послѣ.

Такъ-какъ шумъ сталъ затихать въ это время, я согласился посмотрѣть на свертокъ, да и Брюлетѣ до смерти хотѣлось узнать, что̀ принесъ Жозѐ. Жозефъ развязалъ свертокъ и мы увидѣли волынку, такую большую, толстую и прекрасную, что это просто было чудо и подобной я никогда не видывалъ.

Она была о двухъ басахъ, изъ которыхъ одинъ, футовъ въ пять, я думаю, шелъ во всю длину мѣха; все дерево — гладкая, черная черешня, было усѣяно цацами, а по всѣмъ швамъ были врѣзаны свинцовыя полоски, блестѣвшія какъ серебро. Мѣхъ сдѣланъ былъ изъ чудесной кожи и покрытъ ситцевой на̀волокой съ голубыми и бѣлыми полосками; и все въ ней было такъ искусно прибрано и прилажено, что стоило только чуть-чуть дунуть— и она тотчасъ же вся надувалась и издавала гулъ, подобный грому.

— Итакъ рѣшено! сказала Брюлета:—ты хочешь быть волынщикомъ, Жозѐ, несмотря на всѣ бѣды и препоны, которыя ждутъ тебя, и несмотря на то горе, которое причиняетъ это твоей матери?

Но Жозефъ и не слыхалъ ее: онъ весь предался своей радости и разбиралъ и перебиралъ всѣ части волынки.

— Я буду волынщикомъ, сказалъ онъ, наконецъ, когда научусь играть на волынкѣ, а до-тѣхъ-поръ еще много утечетъ воды и много листьевъ упадетъ въ лѣсу. Не заботьтесь же о томъ, что̀ будетъ впередъ, дѣтки, а узнайте-ка лучше то, что̀ теперь есть и не обвиняйте меня въ томъ, что я продалъ душу дьяволу. Тотъ, кто принесъ мнѣ волынку, не колдунъ, не демонъ. Онъ только суровъ маленько, да и то при случаѣ; ремесло его того требуетъ; и такъ-какъ онъ переночуетъ эту ночь здѣсь, то я совѣтую и прошу тебя, другъ Тьенне, не ходи ты, пожалуйста туда, гдѣ онъ расположится. Извини, что я не могу сказать тебѣ ни имени его, ни ремесла, и даже попрошу никому не говорить, что ты видѣлъ его и что онъ здѣсь проходилъ: это можетъ причинить ему непріятность, да и намъ всѣмъ будетъ плохо. Знай только, что онъ человѣкъ добрый и разумный. Ты самъ слышалъ въ сент-шартьевскомъ лѣсу, ка̀къ игралъ онъ на волынкѣ, и нужно тебѣ сказать, что хотя онъ и не волынщикъ по ремеслу, а знаетъ толкъ въ этомъ дѣлѣ и играетъ такія пѣ-

сни, которыя не въ примѣръ лучше нашихъ. Видя, что у меня нѣтъ денегъ и что я не могу купить волынки, онъ взялъ съ меня только задатокъ и согласился подождать остальнаго, обѣщая принести мнѣ волынку вотъ объ эту самую пору и говоря, что я расквитаюсь съ нимъ тогда, когда у меня будутъ деньги. Вѣдь волынка-то стоитъ восемь добрыхъ золотыхъ, а это составляетъ почти все мое жалованье. У меня на-лицо не было тогда и трети этой суммы. Онъ и говоритъ мнѣ: «если вѣришь мнѣ, такъ отдай мнѣ эти деньги и я также тебѣ повѣрю». Вотъ какъ дѣло-то было у насъ: я его совсѣмъ не зналъ, свидѣтелей не было, и еслибы онъ захотѣлъ, то могъ бы легко обмануть меня. Посовѣтуйся я тогда съ вами, вы бы навѣрно мнѣ отсовѣтовали. А человѣкъ-то онъ, какъ вы видите, вышелъ честный. Онъ сказалъ мнѣ: «я буду въ вашемъ краю о будущихъ святкахъ и скажу тебѣ тогда отвѣтъ». Я ждалъ его на святкахъ подъ большимъ вязомъ. Онъ дѣйствительно пришелъ и сказалъ: «волынка въ работѣ и еще не готова; въ первыхъ числахъ мая я опять буду здѣсь и принесу тебѣ ее». А теперь у насъ осьмое число мая. Онъ нарочно свернулъ съ прямаго пути и пошелъ искать меня по деревнѣ; проходя мимо дома, онъ услышалъ звуки пѣсни, которая одному только мнѣ извѣстна въ этомъ краю; а я услыхалъ и узналъ звонъ его Клерина. Вотъ какимъ образомъ, безъ всякаго участія злаго духа, мы свидѣлись съ нимъ и вновь назначили другъ другу свиданіе на ивановъ-день.

— Если это такъ, сказалъ я, то почему же ты не пригласилъ его войдти сюда? онъ могъ бы здѣсь отдохнуть и выпить чарку добраго вина. Я бы угостилъ его отъ всей души за то̀, что онъ такъ честно поступилъ съ тобою.

— Нельзя, сказалъ Жозефъ:—онъ не всегда дѣйствуетъ такъ, какъ всѣ другіе люди: у него есть свои обычаи, привычки и резоны... Не спрашивай же меня о томъ, чего я не могу тебѣ сказать.

— Онъ прячется отъ добрыхъ людей, замѣтила Брюлета, а это, по-моему, хуже чѣмъ быть колдуномъ. У него вѣрно лежитъ какое-нибудь зло на душѣ, иначе ему не зачѣмъ было бы скитаться по ночамъ, а тебѣ скрывать отъ друзей имя его.

— Мы потолкуемъ объ этомъ завтра, сказалъ Жозефъ, смѣясь нашимъ опасеніямъ:—а сегодня думайте себѣ что̀ хотите: я не скажу вамъ болѣе ни слова... Намъ пора домой, Брюлета: на часахъ полно̀чь. Я провожу тебя до дому и оставлю у тебя на сохраненіе волынку; играть на ней я еще не умѣю, а учиться здѣсь не могу.

Брюлета простилась со мною очень-ласково; она пожала мнѣ руку; но, уходя, она взяла подъ-руку Жозефа и тѣмъ снова возбудила во мнѣ ревность. Они пошли по большой дорогѣ, а я бросился въ конопляникъ, перебѣжалъ наискосокъ лужайку и подошелъ къ забору, чтобъ посмотрѣть, какъ пойдутъ они мимо.

Небо прояснилось, но передъ тѣмъ шелъ дождикъ и на улицѣ было грязно. Чтобъ удобнѣе подобрать платье, Брюлета оставила руку Жозефа, говоря:

— Рядомъ неловко идти, ступай-ка впередъ.

На мѣстѣ Жозефа, я предложилъ бы ей перенести ее черезъ грязь, или, еслибъ не посмѣлъ взять ее на руки, то пошелъ бы по-крайней-мѣрѣ сзади, чтобъ вдоволь наглядѣться на ея хорошенькую ножку; но Жозе и не подумалъ объ этомъ: онъ весь былъ занятъ волынкой, и видя, съ какой заботливостью онъ несетъ ее и съ какой любовью на нее смотритъ, я убѣдился, что въ ту минуту у него въ душѣ не было другой страсти.

Я вернулся домой совершенно-успокоенный и легъ въ постель, чувствуя усталость и въ умѣ и въ тѣлѣ. Но только-что я успѣлъ заснуть, меня разбудила собака Жозефа; пробѣгавъ все время съ собаками чернаго человѣка, она пришла за хозяиномъ и царапалась ко мнѣ въ двери. Я долженъ былъ встать и впустить ее. Отворивъ дверь, я услышалъ шумъ въ овсѣ, который густо и зелено росъ около самаго нашего дома; мнѣ показалось, что какой-то четвероногій звѣрь прогуливается у меня въ полѣ, преспокойно уписывая хлѣбъ, котораго я вовсе не думалъ продавать ему на корню.

Я бросился къ нему, схвативъ первую попавшуюся мнѣ подъруки палку, и кликнувъ Парплюша, который, однакожь, не послушался меня и отправился за своимъ хозяиномъ, обнюхавъ на̀скоро все въ избѣ.

Войдя въ поле, я увидѣлъ, что кто-то валяется по землѣ, поднявъ ноги кверху, мнетъ мой овесъ направо и налѣво, вскакиваетъ, прыгаетъ и распоряжается какъ у себя дома. Я пробылъ съ минуту въ нерѣшимости, не зная, какого бъ рода могло быть это животное. Я могъ разсмотрѣть явственно только уши: они были гораздо-длиннѣе лошадиныхъ, но у осла не могло быть такого чернаго и толстаго тѣла. Я сталъ подкрадываться потихоньку и, подойдя очень-близко, увидѣлъ наконецъ, что это мулъ. Мнѣ мало удавалось ихъ видѣть: въ нашемъ краю ихъ вовсе не держатъ, а погонщики заходятъ къ намъ рѣдко. Я хотѣлъ взять его и схватилъ ужь за гриву, какъ вдругъ онъ поднялся на дыбы, брыкнулъ разъ десять задними ногами, какъ заяцъ, перепрыгнулъ черезъ канаву и исчезъ прежде, чѣмъ я успѣлъ очнуться.

Вовсе не желая, чтобъ онъ вернулся назадъ и снова принялся мять мнѣ овесъ, я рѣшился не ложиться до-тѣхъ-поръ, пока не покончу съ нимъ начистую. Я вернулся въ избу взять кафтанъ и надѣть башмаки, заперъ двери и пошелъ въ ту сторону, куда побѣжалъ мулъ. Мнѣ почему-то казалось, что онъ долженъ быть изъ шайки чернаго человѣка, пріятеля Жозефа. Жозефъ именно совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ это дѣло; но съ той

минуты, какъ я дотронулся до живаго звѣря, страхъ мой совершенно прошелъ. Имѣть дѣло съ призракомъ неочень-пріятно; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о человѣкѣ, то какой бы онъ ни былъ силачъ и чѣмъ бы ни напачкалъ себѣ образину, бояться его нѣчего.

Вы, вѣроятно, слыхали, что въ молодые годы я былъ однимъ изъ первыхъ силачей въ нашемъ краю; и теперь даже, когда я ужь старъ, не побоюсь никого; притомъ же я былъ ловокъ и проворенъ, какъ плотица, и зналъ также, что тамъ, гдѣ нельзя было справиться одному, могу навострить такія лыжи, что меня и птица не догонитъ.

Захвативъ съ собою веревку и взявъ ружье, которое было заряжено простой пулей, но брало гораздо-вѣрнѣе отцовскаго, я отправился на поискъ. Пройдя шаговъ двѣсти, я увидѣлъ еще трехъ муловъ, въ зятненомъ полѣ, гдѣ они распоряжались такъ же, какъ у меня. Они подпустили меня къ себѣ довольно-близко и потомъ вдругъ ударились бѣжать и перешли на другое поле, принадлежавшее Ольньерской Фермѣ. Здѣсь ихъ собралась ужь цѣлая стая: всѣ они были, какъ одинъ въ одному, прыгали какъ мыши и бѣсились при свѣтѣ восходившей луны, какъ сущая *ослиная охота*—любимый танецъ бѣсовскихъ клячъ, который выплясываютъ онѣ въ то время, когда вѣдьмы и оборотни скачутъ на нихъ подъ облаками.

Колдовства, однакожь, тутъ не было никакого, а была безсовѣстная потрава и страшное опустошеніе. Посѣвъ былъ не мой, и я могъ бы не мѣшаться въ это дѣло; но мнѣ было досадно, что я понапрасну гонялся за мерзкою тварью, и потомъ нельзя видѣть безъ жалости, когда истребляютъ попустому хлѣбъ Божій, хоть бы это былъ и чужой хлѣбъ.

Я вошелъ въ поле: кругомъ, вижу, ни души человѣческой, а мои мулы жнутъ-себѣ хлѣбъ попрежнему; я рѣшился поймать одного изъ нихъ и представить, какъ доказательство, при жалобѣ на причиненный мнѣ убытокъ. Выбралъ я того, который показался мнѣ постепеннѣе, подкрался къ нему потихоньку, и вижу, что это не мулъ, а маленькая, поджарая лошадка, съ колокольчикомъ на шеѣ; колокольчикъ этотъ, какъ я узналъ послѣ, у бурбонезцовъ называются *клерйнъ*, отчего и самая лошадь такъ прозывается. Вовсе не зная ихъ обычаевъ, я совершенно-случайно напалъ на самое лучшее средство: рѣшился поймать лошадь и увести ее, захвативъ съ собою, если удастся, еще двухъ или трехъ муловъ.

Лошадка была умная и смирная: она позволила себя приласкать и послѣдовала за мной безъ всякаго страха; но какъ только она двинулась съ мѣста и зазвенѣлъ колокольчикъ, такъ всѣ мулы, разсѣянные по полю, къ величайшему моему удивленію, бросились за мною, какъ пчелы за маткой. Я увидѣлъ изъ этого, что они были ужь такъ пріучены и знали звонокъ клерйна.

ШЕСТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Я недолго думалъ о томъ, что́ дѣлать мнѣ съ этой окаянной шайкой, и пошелъ прямо къ фермѣ, полагая, что мнѣ легко будетъ отодвинуть запоръ у воротъ и ввести на дворъ незваныхъ гостей; потомъ я бы разбудилъ работниковъ, заявилъ бы имъ о потравѣ, а они бы ужь распорядились, какъ знали.

Подходя къ фермѣ, я обернулся случайно и увидѣлъ, что сзади меня по дорогѣ бѣжитъ кто-то; думая, что это хозяинъ муловъ, и что намъ пріидется, можетъ-быть, поссориться съ нимъ, я взвелъ курокъ у ружья. Оказалось, что это Жозефъ: онъ проводилъ Брюлету до деревни и возвращался на ферму.

— Что́ ты дѣлаешь здѣсь, Тьенне? сказалъ онъ, подбѣгая ко мнѣ во всю прыть: — вѣдь я тебѣ говорилъ, чтобъ ты не выходилъ изъ дому. Ты попадешься въ смертельную бѣду. Пусти скорѣй лошадь и оставь въ покоѣ муловъ. Должно терпѣть то, чему нельзя помѣшать, чтобъ не нажить себѣ еще новой бѣды.

— Спасибо, товарищъ, отвѣчалъ я: — нечего сказать, у тебя славные друзья: они приходятъ пасти свой скотъ на нашихъ поляхъ, а имъ еще тутъ и слова не скажи!.. Ладно, братъ, ладно! ступай-себѣ своей дорогой, если тебѣ страшно, а я доведу это дѣло до конца и получу удовлетвореніе по суду, или силой.

При этихъ словахъ я остановился, чтобъ отвѣчать Жозефу. Мы услышали отдаленный лай собаки. Въ ту же минуту Жозефъ схватился за веревку, на которой я велъ лошадь и сказалъ мнѣ:

— Ради Бога, Тьенне, уйдемъ поскорѣе! Это собаки погонщика. Если ты не хочешь, чтобъ онѣ разорвали тебя на куски, пусти скорѣй лошадь; видишь, она узнала голосъ своихъ спутниковъ: теперь тебѣ съ ней не справиться.

Онъ сказалъ правду; лошадка сначала подняла уши, какъ-бы прислушиваясь, потомъ опустила ихъ назадъ — что́ у лошадей несомнѣнный признакъ великой досады — и вдругъ заржала, запрыгала, забрыкала; мулы принялись скакать вокругъ насъ, мы едва успѣли отскочить въ сторону, и вся шайка, какъ вихрь, помчалась туда, гдѣ раздавался лай собаки.

Мнѣ все-таки не хотѣлось уступить. И какъ собаки, собравъ стадо, подходили къ намъ какъ-будто длятого, чтобъ потребовать у насъ отчета, я поднялъ ружье и рѣшился убить первую, которая разинетъ ротъ.

Жозефъ предупредилъ меня: онъ вышелъ впередъ и, подозвавъ собакъ, сказалъ:

— Такъ-то вы дѣлаете свое дѣло! Вмѣсто того, чтобъ караулить стадо, вы гоняетесь за зайцами по полю. Вотъ, постойте, задастъ вамъ хозяинъ, какъ проснется, да не найдетъ васъ на мѣстѣ.

Волчецъ и Сатана, чувствуя свою вину, повиновались Жозефу. Онъ вывелъ ихъ въ ту часть поля, которая была подъ паромъ

и гдѣ мулы могли пастись, не причиняя вреда, говоря, что они останутся тутъ до возвращенія хозяина.

— Нѣтъ, Жозе, сказалъ я: — это дѣло не можетъ кончиться такъ тихо; и если ты не скажешь мнѣ, гдѣ ихъ хозяинъ, я останусь здѣсь, дождусь его, объясню ему дѣло и потребую вознагражденія за убытки.

— Видно, ты не знаешь погонщиковъ, сказалъ Жозефъ:—если думаешь, что съ ними такъ легко ладить; и то правда, что они сюда рѣдко заходятъ. Обыкновенно, они прямо изъ Бурбонезскаго Бора, черезъ Мелльанъ и Эпинассъ переходятъ въ Шёррскій Лѣсъ. Я совершенно-случайно встрѣтился съ ними въ нашемъ лѣсу, гдѣ они отдыхали, на пути въ Сент-У, и съ однимъ изъ нихъ, по имени Гюріелемъ, познакомился; онъ идетъ теперь на арденскіе заводы перевозить уголь и руду. Чтобъ одолжить меня, онъ рѣшился потерять часа два или три, отдѣлился отъ товарищей и вышелъ изъ песчанаго края, гдѣ пролегаетъ дорога, по которой они обыкновенно слѣдуютъ, и гдѣ мулы могутъ пастись, не причиняя вреда; можетъ-быть, онъ думалъ, что и въ нашей хлѣбной странѣ можно дѣлать то же самое... Не спорю, это очень-дурно съ его стороны, но не совѣтую тебѣ говорить ему объ этомъ.

— Ну ужь, братъ, извини: непремѣнно скажу, отвѣчалъ я.— Я знаю теперь, какого поля эта ягода... Погонщикъ! знаемъ мы ихъ. Я хорошо помню, что мнѣ разсказывалъ о нихъ мой крестный отецъ, Жерве, лѣсничій. Это народъ дикій, злой и грубый; онъ убьетъ человѣка, какъ кролика; онъ думаетъ, что имѣетъ право кормить свою скотину на-счетъ бѣднаго крестьянина; а когда ему этого не позволятъ и онъ долженъ будетъ уступить силѣ, такъ онъ послѣ приведетъ цѣлую шайку своихъ товарищей, переморитъ у васъ скотъ, подожжетъ домы или надѣлаетъ чего-нибудь еще хуже: вѣдь они помогаютъ другъ другу, какъ воры на ярмаркѣ.

— Такъ-какъ ты знаешь ихъ, отвѣчалъ Жозефъ:—то не грѣхъ ли тебѣ изъ-за пустаго накликать бѣду на моего хозяина и твое семейство. Я знаю, что это скверное дѣло; и когда Гюріель сказалъ мнѣ, что переночуетъ здѣсь и ляжетъ спать на дворѣ, какъ онъ вездѣ и всегда это дѣлаетъ, я указалъ ему вонъ на тотъ шалашъ и просилъ не пускать муловъ на засѣянную землю. Гюріель малый добрый и обѣщалъ мнѣ это охотно, но онъ горячъ и ни за что не уступитъ, хотя бы на него напала вся наша деревня. Конечно, ему плохо прійдется; но я спрашиваю тебя, Тьенне, ну, стóютъ ли десять или двѣнадцать четвериковъ хлѣба—я кладу ужь самое бóльшее — жизни человѣка и тѣхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою убійство? Ступай же лучше домой, присмотри, если хочешь, за глупой скотиной, но не ссорься ни съ кѣмъ, пожалуйста. И если тебя завтра будутъ спрашивать, то скажи, что ты ничего не видѣлъ.

Я долженъ былъ согласиться съ Жозефомъ и пошелъ домой совершенно-недовольный окончаніемъ дѣла, потому-что отступать передъ опасностью для стариковъ — дѣло благоразумія, а для молодости — великая досада. Я подходилъ ужь къ дому, въ твердой рѣшимости не ложиться спать, какъ вдругъ замѣтилъ, что у меня въ окнахъ свѣтъ. Я удвоилъ шаги и вижу, что дверь, которую заперъ на запоръ, растворена настежь; я вхожу, не робѣя, и нахожу у себя человѣка, который подсѣлъ къ печкѣ, раздулъ огонекъ и закуриваетъ-себѣ трубку. Когда онъ обернулся и посмотрѣлъ на меня такъ спокойно, какъ-будто я пришелъ къ нему въ гости, я узналъ въ немъ замазаннаго человѣка, котораго Жозефъ называлъ Гюріелемъ.

Гнѣвъ взорвалъ меня; я затворилъ дверь и, подходя къ нему, сказалъ:

— Очень-радъ, что вы пожаловали къ волку въ пасть. Мнѣ нужно сказать вамъ слова два-три...

— Четыре, если угодно, отвѣчалъ онъ, садясь на корточки и вытрясая огонь изъ трубки, въ которой табакъ отсырѣлъ и не зажигался. Потомъ прибавилъ, какъ-будто въ насмѣшку: — И щипцовъ-то у васъ нѣтъ: огня нечѣмъ захватить!

— Щипцовъ нѣтъ, сказалъ я: — а есть добрая дубина, чтобъ поразгладить вамъ кости.

— Это за что̀? спросилъ онъ, ни мало не теряя прежняго спокойствія. — Вы сердитесь на меня за то, что я вошелъ къ вамъ безъ позволенія? Вольно же вамъ не сидѣть дома... Я стучался, просилъ огня: въ этомъ добрѣ никому не отказываютъ. Мнѣ не отвѣчали. Кто молчитъ, тотъ согласенъ, подумалъ я и отворилъ задвижку. Зачѣмъ не держите замко̀въ, если боитесь воровъ?... Я осмотрѣлся кругомъ, заглянулъ въ постель — вижу все пусто и закурилъ трубку. Вотъ и все. Что̀ жь вы тутъ находите дурнаго?

Сказавъ это, онъ взялъ ружье въ руки какъ-будто длятого, чтобъ осмотрѣть замо̀къ, но собственно длятого, чтобъ сказать мнѣ: «если ты, братъ, вооруженъ, такъ и я также въ долгу у тебя не останусь».

Я хотѣлъ-было сначала приложиться въ него, чтобъ поубавить въ немъ спеси, но, вглядѣвшись хорошенько, нашелъ, что у него такое открытое лицо и такіе живые, добрые глаза, что гнѣвъ во мнѣ сталъ утихать, а зашевелилась гордость. Ему было лѣтъ двадцать не больше; онъ былъ высокъ и статенъ, и еслибъ его вымыть и обрить, изъ него вышелъ бы прекрасный мужчина. Я поставилъ ружье къ стѣнѣ и подошелъ къ нему безъ всякаго страха.

— Поговоримъ, сказалъ я, садясь возлѣ него.

— Сколько угодно, отвѣчалъ онъ, также положивъ ружье.

— Ваше имя Гюріель?

— А ваше, Этьенъ Депардьё?

— Какимъ образомъ, вы узнали мое имя?

— А вы какимъ образомъ узнали мое: отъ нашего пріятеля Жозефа Пико?

— Такъ это вашихъ муловъ я поймалъ?

— Поймали? сказалъ онъ, привставъ отъ удивленія; потомъ, засмѣявшись, прибавилъ:—шутить изволите! ихъ поймать не такъ-то легко.

— Очень легко! отвѣчалъ я:—стоитъ только поймать лошадку.

— Вотъ какъ! вамъ это извѣстно, сказалъ онъ, взглянувъ на меня недовѣрчиво: — а собаки-то?

— Собакъ нѣчего бояться тому, у кого въ рукахъ доброе ружье.

— Ты убилъ моихъ собакъ? вскричалъ онъ, вскочивъ на ноги. И лицо его вспыхнуло гнѣвомъ. «Ого!» подумалъ я: «малой-то онъ веселый, а при случаѣ можетъ обозлиться».

— Я могъ бы ихъ убить, отвѣчалъ я:—и отвести вашихъ муловъ на ферму, гдѣ пришлось бы вамъ вести переговоры съ дюжиной добрыхъ парней. Я не сдѣлалъ этого только потому, что Жозефъ остановилъ меня, сказавъ, что вы одни и что низко было бы, изъ одного убытка, подвергать опасности жизнь человѣка. Я согласился съ нимъ и ушелъ; но теперь мы, кажется, съ вами одинъ на одинъ. Вашъ скотъ изгадилъ все поле у меня и у моей сестры, а потомъ вы вошли ко мнѣ въ мое отсутствіе: а это дерзко и безчестно. Не угодно ли же вамъ теперь извиниться передо мною и удовлетворить меня за убытокъ, а не то...

— А не то, что̀? перебилъ онъ съ усмѣшкой.

— А не то раздѣлаться со мной по правамъ и обычаямъ Берри; а они, я думаю, одни и тѣ же, что̀ и у васъ, когда берутъ кулаки въ адвокаты.

— То-есть по праву сильнаго? сказалъ онъ, заворачивая рукава.—Пожалуй, по-моему это лучше, чѣмъ жаловаться да судиться. И если тутъ нѣтъ засады...

— Мы выйдемъ отсюда, сказалъ я:—и тогда вы увидите, одинъ ли я, или нѣтъ... Вамъ не за что̀ оскорблять меня: когда я вошелъ, ваша жизнь висѣла у меня на концѣ дула. Но оружіемъ у насъ бьютъ только волковъ да бѣшеныхъ собакъ. Я не хотѣлъ поступить съ вами, какъ съ звѣремъ. Теперь я вижу, что у васъ есть также ружье; но мнѣ кажется, что людямъ низко угощать другъ друга пулями, когда имъ даны сила и разумъ. Вы, кажется, не злѣе меня, и если у васъ достанетъ...

— Постой, дружокъ! сказалъ онъ, подводя меня къ огню, чтобъ лучше разсмотрѣть:—напрасно ты такъ торопишься: вѣдь я гораздо старше тебя, и хотя ты, кажется, плотенъ и дюжъ, а я не могу поручиться за твою кожу. Не лучше ли тебѣ попросить меня хорошенько и положиться на мою справедливость.

— Довольно! сказалъ я, сбивая съ него шляпу, чтобъ разсердить его:—мы сейчасъ увидимъ, кому изъ насъ прійдется попросить хорошенько.

Онъ спокойно поднялъ шляпу и, положивъ ее на столъ, сказалъ:

— А какъ у васъ это дѣлается?

— Между людьми молодыми, отвѣчалъ я: — не должно быть ни хитрости, ни обмана. Мы боремся просто: бьемъ куда можемъ, кромѣ лица. Кто возьметъ палку или камень, тотъ считается подлецомъ и убійцей.

— Совершенно какъ у насъ, сказалъ онъ. — Пойдемте же. Я буду щадить васъ; но если расхожусь слишкомъ, такъ вы ужь лучше сдайтесь, потому-что, сами вы знаете, есть минута, когда за себя нельзя отвѣчать.

Мы вышли въ поле, сняли платье, чтобъ не драть его понапрасну, и схватились бороться. Выгода была на моей сторонѣ: мнѣ было гораздо-легче ухватить его, потому-что онъ былъ цѣлой головой выше меня; притомъ же онъ не былъ разгоряченъ и боролся слегка, думая, что ему легко будетъ свалить меня. При первой схваткѣ я сорвалъ его съ ногъ и положилъ подъ себя; но въ ту же минуту онъ оправился и прежде, чѣмъ я успѣлъ ударить его, онъ вывернулся, какъ змѣя, и стиснулъ меня такъ крѣпко, что у меня духъ занялся.

Я успѣлъ, однакожь, встать прежде его, и мы снова схватились. Видя, что со мною шутить нельзя— я порядочно начистилъ ему бока и плечи—онъ принялся платить мнѣ тѣмъ же, и нужно сказать правду, у него кулакъ былъ, какъ гиря. Но я скорѣй умеръ бы, чѣмъ уступилъ, и всякій разъ, какъ онъ мнѣ кричалъ *сдайся*, у меня прибывало храбрости и силы и я отплачивалъ ему тою же монетой.

Цѣлую четверть часа борьба шла почти ровно. Наконецъ я сталъ изнемогать, между-тѣмъ, какъ онъ только-что расходился. Онъ былъ не сильнѣе меня, но старше лѣтами и гораздо-спокойнѣе. Какъ ни бился я, а онъ повалилъ меня и стиснулъ такъ крѣпко, что я не могъ выбиться изъ-подъ него; но сдаваться не хотѣлъ. Увидѣвъ, что я скорѣй умру, чѣмъ сдамся, онъ поступилъ со мной великодушно.

— Будетъ съ тебя, сказалъ онъ, отпуская меня:—я вижу, что у тебя голова крѣпче, чѣмъ кости; я могъ бы тебѣ ихъ всѣ переломать, а она бы мнѣ все-таки не уступила. Ну, молодецъ, будемъ же теперь друзьями. Я извиняюсь передъ тобою въ томъ, что вошелъ къ тебѣ безъ спроса и желаю знать сколько причинилъ тебѣ убытку. Я спорить не стану и заплачу тебѣ такъ же честно, какъ поколотилъ тебя. Потомъ ты дашь мнѣ стаканъ вина и мы разстанемся добрыми друзьями.

Окончивъ разсчетъ и положивъ въ карманъ три экю, которыя онъ далъ мнѣ на мою долю и долю моего зятя, я принесъ вина и мы усѣлись за столъ. Три добрыя кружки исчезли въ одну минуту, потому-что у насъ горло-то порядочно пересохло отъ драки, да притомъ у моего гостя былъ такой сундукъ, въ который можно было влить сколько угодно. Я нашелъ, что онъ до-

брый собесѣдникъ, отличный говорунъ и любезенъ какъ нельзя болѣе; съ своей стороны, я также не хотѣлъ отстать отъ него, подчивалъ его на-пропалую и такъ клялся ему въ дружбѣ, что стекла дрожали.

Онъ, повидимому, ничего не чувствовалъ послѣ драки, а у меня-такъ, признаюсь, всѣ кости болѣли; я не хотѣлъ, однакожь, показать этого и даже вызвался спѣть пѣсню; но слова съ трудомъ лѣзли изъ горла, на которомъ я чувствовалъ еще слѣды его желѣзныхъ пальцевъ. Гюріель расхохотался.

— Товарищъ, сказалъ онъ:—ни ты, ни твои не понимаете, что̀ такое пѣсни. Ваши пѣсни и голоса такъ же бѣдны и жалки, какъ ваши мысли и забавы. Вы, какъ гусеницы, вѣчно дышете однимъ и тѣмъ же воздухомъ и сосете одну и ту же кору. Вы думаете, что міръ кончается за тѣми голубыми холмами, которые возвышаются у васъ на небосклонѣ, тогда-какъ это и не холмы даже, а лѣса моей родины. А я тебѣ скажу, Тьенне, что тамъ міръ только начинается. И еслибъ ты пошелъ скоро, скоро, то тебѣ пришлось бы идти много дней и много ночей прежде чѣмъ ты вышелъ бы изъ нашихъ лѣсовъ, передъ которыми ваши лѣса—огородъ цвѣтнаго гороха. И потомъ ты увидѣлъ бы горы, а тамъ опять такіе лѣса, какихъ никогда не видывалъ—сосновые лѣса Оверни, неизвѣстные вашимъ тучнымъ равнинамъ. Къ-чему, впрочемъ, говорить тебѣ о тѣхъ странахъ, которыхъ тебѣ не суждено никогда увидѣть? Берріецъ, я знаю, голышъ, который перекатывается себѣ изъ одной борозды въ другую, непремѣнно возвращаясь на правую сторону, если какъ-нибудь сохой перекинетъ его на лѣвую. Онъ дышетъ воздухомъ тяжелымъ, любитъ покой и удобства; въ немъ нѣтъ любопытства; онъ копитъ деньгу, бережетъ ее какъ зеницу ока, но пустить въ оборотъ не съумѣетъ и не посмѣетъ. Я говорю не о тебѣ, Тьенне : ты за свое добро постоишь горою; но чтобъ увеличить его, ты не отважишься на промыселъ; а мы, перелетныя птицы, мы живемъ вездѣ, какъ у себя дома.

— Согласенъ, отвѣчалъ я : — только ремесло-то ваше не похвальное ; а по-моему лучше быть не такъ богатымъ, да зато имѣть спокойную совѣсть. А у васъ, другъ Гюріель, совѣсть не можетъ быть спокойна, когда вы, на старости дней, начинаете наслаждаться дурно-нажитымъ добромъ. Но теперь не о томъ рѣчь идетъ. Ты смѣешься надъ моимъ пѣніемъ : что, ты самъ можешь спѣть лучше?

— Я не говорю этого, Тьенне; я говорю только, что пѣсня, жизнь на волѣ, край дикій, бойкость въ умѣ, и, если ты хочешь, умѣнье нажить копейку, не оглупѣвъ при этомъ, все это, братъ, связано между собою какъ кольца одной цѣпи; я говорю, что кричать не значитъ пѣть и что какъ вы тамъ себѣ ни орите въ полѣ, да по кабакамъ, а я музыки тутъ не вижу. Музыка у насъ, а не у васъ. Твой другъ Жозѐ понялъ это: у него, братъ, чувства-то потоньше твоихъ; а ты, я вижу, не понялъ бы этой разницы, еслибъ

я сталъ толковать тебѣ ее три года. Ты, Берришонецъ, съ головы до ногъ, какъ воробей съ головы до ногъ воробей; каковъ ты теперь, такимъ будешь и черезъ пятьдесятъ лѣтъ: грива-то у тебя только побѣлѣетъ, а мозгъ-то останется все тотъ же.

— Чтожь это я показался тебѣ такимъ глупымъ? сказалъ я, обидясь.

— Глупымъ, повторилъ онъ:—нисколько! Ты простъ сердцемъ, но себѣ на умѣ: таковъ ты есть, такимъ и будешь. А живости въ тѣлѣ и легкости на душѣ отъ тебя и спрашивать нечего... И вотъ почему, дружище, прибавилъ онъ, показывая на утварь и посуду, разставленныя по избѣ:—посмотри-ка, какія у васъ пузатыя постели, гдѣ вы спите въ пуху по самое горло. Вы народъ работящій, вѣчно возитесь съ заступомъ да лопатой и трудитесь въ потѣ лица, пока свѣтитъ солнце, а потомъ, чтобъ отдохнуть, вамъ нужно гнѣздышко изъ перышковъ. А мы, народъ лѣсной, мы бы разболѣлись не на шутку, еслибъ намъ пришлось заживо положить себя въ простыни да покрывала. Шалашъ изъ вѣтвей, да постель изъ сухихъ листьевъ—вотъ вся наша утварь; и даже тѣ изъ насъ, которые странствуютъ постоянно и не постоятъ за издержками въ трактирѣ, не выносятъ надъ своей головой постоянной крыши; въ глубокую зиму они спятъ подъ открытымъ небомъ, положивъ голову на сѣдло и снѣгъ служитъ имъ бѣлой простынею. А ты? посмотри-ка, чего только у тебя нѣтъ: и поставецъ, и столы, и стулья, славная посуда, глиняные горшки, доброе вино, кочерга да ухваты, суповая миска и Богъ знаетъ что̀ еще! Все это необходимо для вашего счастія. Вамъ нуженъ добрый часъ, чтобъ набить себѣ брюхо; вы жуете какъ быки, отрыгающіе жвачку; и когда вамъ приходится встать на ноги и снова приниматься за работу, такъ у васъ щемитъ сердце, а это бываетъ каждый Божій день раза по два или по три. Вы тяжелы и неуклюжи умомъ, какъ ваша ломовая скотина. Въ воскресенье, засядете за столы, наѣдаетесь слишкомъ и черезчуръ напьетесь, полагая, что отяготить себѣ брюхо—удовольствіе и отдыхъ; вздыхаете по дѣвушкамъ, которыя скучаютъ съ вами, сами не зная почему; выплясываете неуклюжіе танцы въ домахъ или на гумнѣ, гдѣ можно задохнуться—и день отдыха и веселія ложится лишнею тяжестью на ваши умы и желудки, и вся недѣля потомъ вамъ кажется оттого тяжелѣе, печальнѣе и длиннѣе... Вотъ жизнь, братъ, которую вы ведете! Любя слишкомъ покой, вы слишкомъ-много затѣваете, и живя слишкомъ-хорошо, вы почти вовсе не живете.

— А какъ же живетъ ваша братья, погонщики? сказалъ я, нѣсколько-озадаченный его словами. Я говорю не о твоей сторонѣ: я ея не знаю, а о тебѣ самомъ, любезнѣйшій. Вотъ ты сидишь здѣсь напротивъ меня, положа локти на столъ, пьешь преисправно и, кажется, очень-доволенъ тѣмъ, что тебѣ есть съ кѣмъ поболтать и покурить трубку. Что же ты, небойсь, иначе созданъ, чѣмъ всѣ мы, грѣшные? И когда ты лѣтъ двадцать поживешь той дикой жизнью, которую такъ выхваляешь, и наживешь себѣ

наконецъ копейку, развѣ ты не истратишь эту трудовую копейку на то, чтобъ обзавестись женой, домкомъ, столомъ, постелью, добрымъ виномъ и покоемъ?

— Ухъ! сколько вопросовъ задалъ ты мнѣ вдругъ! сказалъ погонщикъ муловъ. Постараюсь отвѣчать на нихъ, какъ съумѣю. Я пью и болтаю, потому-что человѣкъ, и люблю вино. Добрый столъ и бесѣда мнѣ нравятся болѣе, нежели тебѣ, потому-что я къ нимъ не привыкъ и не имѣю въ нихъ непремѣнной нужды. Я всегда на ногахъ, ѣмъ наскоро, пью чистую воду, сплю на листьяхъ перваго встрѣчнаго дерева, и когда, случайно, нападу на хорошій столъ и доброе вино — для меня это праздникъ, а не постоянная потребность. Оставаясь иногда по цѣлымъ недѣлямъ одинъ, я обществу друга радъ какъ находкѣ и въ часъ откровенной бесѣды съ нимъ наговорю больше, чѣмъ другой въ цѣлый день кутежа и пьянства. Я всѣмъ наслаждаюсь болѣе, нежели вы, потому-что ни чѣмъ не пользуюсь чрезъ мѣру. Не знаю, будутъ ли у меня когда-нибудь свой домъ и жена; а если будутъ, то повѣрь мнѣ, Тьенне, я буду болѣе, нежели ты, благодаренъ Господу Богу, и болѣе, чѣмъ ты, оцѣню сладость семейнаго счастія; но клянусь тебѣ, моей хозяйкой не будетъ ни одна изъ вашихъ сдобныхъ и краснощекихъ красавицъ, будь у ней хоть двадцать тысячъ приданаго. Тотъ, кто разумѣетъ истинное счастіе, никогда не женится на деньгахъ. Я могу полюбить только дѣвушку бѣлую и стройную, какъ наши молодыя березы, одну изъ тѣхъ проворныхъ красотокъ, которыя цвѣтутъ только въ тѣни нашихъ лѣсовъ и поютъ слаще, нежели ваши соловьи.

«Такую дѣвушку, какъ Брюлета, подумалъ я. Хорошо, что ея нѣтъ здѣсь: она презираетъ все, что ей знакомо, и могла бы, пожалуй, изъ одной прихоти влюбиться въ этого черномазаго».

Гюріель продолжалъ:

— Я не охуждаю тебя, Тьенне, за то, что ты идешь по тому пути, который лежитъ передъ тобою; но мой путь нравится мнѣ болѣе. Я очень радъ, что познакомился съ тобою; и если тебѣ случится надобность во мнѣ, то обратись ко мнѣ смѣло. Отъ тебя я того же не требую; я знаю васъ, жителей равнинъ: вы пишете духовную, когда вамъ приходится идти верстъ за десять повидаться съ родственникомъ или другомъ. Мы — другое дѣло: мы, летаемъ какъ ласточки и нашего брата почти вездѣ можно встрѣтить. Прости же, дай руку на прощанье; и если тебя одолѣетъ скука, то кликни на помощь чернаго ворона: онъ припомнитъ, какъ безъ злобы отбарабанилъ пѣсенку на твоей спинѣ и какъ уступилъ тебѣ изъ уваженія къ твоей храбрости.

СЕДЬМЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Гюріель пошелъ отъискивать Жозефа, а я побрелъ на постель, надъ которой онъ такъ издѣвался. До его ухода, изъ самолюбія

и любопытства, я скрывалъ и забывалъ боль въ костяхъ; но тутъ только почувствовалъ, что онъ измолотилъ меня съ головы до ногъ. Онъ пошелъ отъ меня ровнымъ и твердымъ шагомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а я пролежалъ цѣлую недѣлю въ постели: у меня шла кровь горломъ и всѣ кости ныли. Жозефъ пришелъ навѣстить меня и дивился моей хвори; изъ глупаго стыда, я не хотѣлъ ему признаться, видя, что Гюріель, говоря съ нимъ обо мнѣ, не сказалъ ему ни слова о томъ, ка̀къ мы съ нимъ объяснились.

Весь народъ дивился тому, что на ольньерской фермѣ помяли пшеницу и никто не могъ понять какимъ образомъ появились слѣды муловъ на нашихъ дорогахъ.

Отдавая зятю деньги, которыя мнѣ такъ дорого достались, я разсказалъ ему, подъ секретомъ, ка̀къ было дѣло. Онъ былъ парень осторожный и не сказалъ объ этомъ никому ни слова.

Жозефъ спряталъ волынку въ домѣ Брюлеты, но пользоваться ею не могъ: ему и некогда было: у нихъ началась уборка сѣна, да и Брюлета, боясь злобы волынщика Карна, всячески убѣждала его отстать отъ своего намѣренія.

Жозефъ какъ-будто бы убѣдился, а между-тѣмъ про-себя задумалъ что-то новое и, какъ казалось намъ, намѣревался наняться въ другой приходъ, надѣясь, что тамъ ему будетъ посвободнѣе.

Передъ ивановымъ-днемъ онъ ужь не сталъ и скрывать этого и объявилъ хозяину, чтобъ искалъ другаго работника. Но не было никакой возможности узнать отъ него, куда именно онъ хочетъ идти; и такъ-какъ онъ отвѣчалъ обыкновенно: *не знаю*, когда его спрашивали о томъ, чего ему не хотѣлось говорить, то мы и полагали, что онъ дѣйствительно хочетъ наняться къ кому-нибудь, но еще самъ не знаетъ къ кому именно.

Такъ-какъ на ярмарку у насъ большой праздникъ въ городѣ, танцы, веселости, то Брюлета пошла туда, и я также. Мы думали, что увидимъ тамъ Жозефа и узнаемъ наконецъ, въ какое мѣсто и къ какому хозяину онъ рѣшился наняться; но ни поутру, ни вечеромъ на базарѣ его не было; никто не встрѣчалъ его въ городѣ. Онъ оставилъ волынку, но взялъ съ собою наканунѣ тѣ вещи, которыя обыкновенно оставлялъ у дѣдушки.

Вечеромъ пошли мы домой всѣ вмѣстѣ: я, Брюлета, весь ея причетъ и вся молодёжь нашего прихода. Брюлета взяла меня подъ-руку и, сойдя съ дороги на траву, поодаль отъ другихъ, сказала:

— Знаешь ли, Тьенне, меня сильно безпокоитъ нашъ Жозе? Я видѣла мать его въ городѣ: она, несчастная, горюетъ и не можетъ придумать, куда онъ дѣвался. Жозѐ давно ужь намекалъ ей, что намѣренъ уйдти отсюда подальше; а ка̀къ теперь узнать куда именно? Бѣдная женщина просто убивается съ тоски.

— Да и вы, Брюлета, какъ мнѣ кажется, неслишкомъ-веселы: на другихъ праздикахъ вы танцовали, сколько мнѣ помнится, совсѣмъ не такъ.

— И вправду, отвѣчала она. — Я люблю этого бѣднаго парня, хоть онъ и чудной такой. Люблю прежде всего по долгу, ради его матери, потомъ, по привычкѣ, люблю, наконецъ, потому, что онъ мастеръ играть на свирѣли.

— Такъ тебѣ въ-самомъ-дѣлѣ нравится его свирѣль?

— Что жь тутъ удивительнаго, братецъ? Я не вижу тутъ ничего дурнаго.

— И... я также, но...

— Да объяснись же, наконецъ, сказала она, засмѣявшись: — ты давно ужь мнѣ все что-то напѣваешь: мнѣ хотѣлось бы покончить это одинъ разъ навсегда.

— Брюлета, сказалъ я: — оставимъ Жозе въ покоѣ и поговоримъ о насъ самихъ. Развѣ ты не видишь, ка́къ я люблю тебя? Скажи же мнѣ, могу ли я надѣяться, что ты когда-нибудь будешь отвѣчать мнѣ тѣмъ же?

— Ого-го! Да что жь ты, наконецъ, серьёзно говоришь?

— Я говорилъ всегда серьёзно; даже и тогда, когда стыдъ заставлялъ меня обращать свои слова въ шутку.

— Если такъ, сказала Брюлета, ускоряя шаги, чтобъ насъ не могли слышать другіе: — разскажи мнѣ, какъ и почему ты меня любишь; а потомъ я ужь тебѣ отвѣчу.

Я видѣлъ, что ей хочется отъ меня похвалъ и сладкихъ рѣрѣчей; а я, признаюсь, былъ на это небольшой мастеръ. Я принялся, однакожь, говорить какъ умѣлъ, и разсказалъ ей, какъ съ-тѣхъ-поръ, какъ явился на свѣтъ Божій, только о ней одной и думалъ, какъ о самой пригожей и любезной изъ всѣхъ дѣвушекъ въ мірѣ и какъ въ то время, когда мнѣ было всего еще двѣнадцать лѣтъ, она меня ужь околдовала.

Новаго я ей тутъ ничего не сказалъ: она сама призналась, что давно замѣтила это. Но, надсмѣхаясь, сказала:

— Объясни же мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ ты не умеръ отъ печали, когда такъ убивался по мнѣ? и ка̀къ могло случиться, что ты сталъ такимъ здоровымъ и сильнымъ парнемъ, когда любовь, какъ ты говоришь, тебя изсушила?

— Ты шутишь, Брюлета, а обѣщала говорить со мой серьёзно, сказалъ я.

— Ничуть, отвѣчала она: — я говорю очень-серьёзно. Я могу полюбить только того, кто поклянется мнѣ, что во всю жизнь не смотрѣлъ, не любилъ и не желалъ никого, кромѣ меня.

— Вотъ это другое дѣло, Брюлета! вскричалъ я: — и если тебѣ этого хочется, то я не страшусь никого, не исключая и твоего Жозе, хоть онъ, правда, и не взглянулъ никогда ни на одну дѣвушку, но вѣдь у него глаза-то ничего не видятъ, не исключая и тебя, моя красавица, иначе бы онъ не покинулъ тебя.

— Оставимъ Жозе въ покоѣ, мы вѣдь условились въ этомъ, возразила Брюлета съ живостью: — и такъ-какъ ты хвалишься тѣмъ, что твои глаза много видятъ, то признайся, что, несмотря

на любовь ко мнѣ, ты заглядывался не на одну дѣвушку... Ну, ну... не лги, пожалуйста, я терпѣть не могу лжи. Скажи мнѣ откровенно, чему вы это, напримѣръ, такъ весело смѣялись, въ прошломъ году, въ Сильвани, не болѣе, какъ мѣсяцъ или два тому назадъ, и съ длинновязой Боннинъ, съ которой ты плясалъ передъ моимъ носомъ два воскресенья сряду?.. Что жь ты думаешь, что я слѣпа?

Я обидѣлся сначала, но потомъ, подумавъ, что Брюлета могла сказать это изъ ревности, отвѣчалъ откровенно:

— То, что я говорилъ тѣмъ дѣвушкамъ, родная, вовсе не такъ хорошо, чтобъ я сталъ повторять дѣвушкѣ, которую люблю и уважаю. Мало ли какихъ глупостей можетъ надѣлать человѣкъ отъ скуки; но раскаяніе, которое онъ чувствуетъ потомъ, лучше всего доказываетъ, что его сердце и умъ тутъ вовсе не участвовали.

Брюлета покраснѣла и поспѣшно сказала:

— Стало-быть, ты можешь дать мнѣ клятву въ томъ, что ниникогда, съ-тѣхъ-поръ, какъ живешь на свѣтѣ, ни одна дѣвушка ни лицомъ своимъ, ни своимъ нравомъ не затемняла меня въ твоемъ уваженіи.

— Могу! отвѣчалъ я.

— Ну такъ поклянись же—только подумай хорошенько, какъ христіанинъ, о томъ, что ты мнѣ скажешь—поклянись мнѣ, что ни одна дѣвушка не казалась тебѣ такой пригожей, какъ я.

Я хотѣлъ-было ужь произнести клятву, какъ вдругъ, самъ не знаю какимъ-образомъ, во мнѣ пробудилось воспоминаніе, которое заставило меня остановиться. Глупо было, можетъ-быть, съ моей стороны, обращать на него вниманіе; человѣкъ, болѣе-опытный, счелъ бы это пустяками; но я никакъ не могъ солгать въ ту минуту, когда образъ такъ ясно представлялся моимъ глазамъ; а между-тѣмъ, я совсѣмъ-было забылъ о немъ и, вѣроятно, никогда бы не вспомнилъ, еслибъ Брюлета не потребовала отъ меня этой клятвы.

— Что жь ты задумался? сказала она.—Это хорошо, впрочемъ, я буду уважать тебя, если ты мнѣ скажешь всю правду, и презирать, если солжешь.

— Не солгу, Брюлета, отвѣчалъ я:—только если ты отъ меня требуешь справедливости, то будь же и сама справедлива... Въ жизнь мою я видѣлъ двухъ дѣвушекъ, двухъ дѣтей, можно сказать, изъ которыхъ мнѣ трудно было сдѣлать выборъ, еслибъ тогда же, въ то время, когда я еще и самъ былъ ребенкомъ, мнѣ сказали; «вотъ двѣ дѣвочки: онѣ полюбятъ тебя современемъ: на которой же изъ нихъ ты бы хотѣлъ жениться?» Разумѣется, я выбралъ бы тебя, Брюлета, потому-что зналъ ужь, какъ ты любезна и хороша, между-тѣмъ, какъ другой не зналъ ни крошки и видѣлъ ее всего какихъ-нибудь десять минутъ. Но подумавъ хорошенько, я, можетъ-быть, сталъ бы сожалѣть, не пото-

му, чтобъ она была лучше тебя красотою, это невозможно, я думаю, но потому, что она такъ просто и охотно поцаловала меня въ обѣ щеки, тогда-какъ отъ тебя я никогда еще этого не видѣлъ. Я могъ заключить изъ того, что дѣвушка эта просто, отъ всей души, отдастъ мнѣ свое сердце, между-тѣмъ, какъ твое сердце, Брюлета, загадка, которая и тогда ужь и теперь еще мучитъ меня и пугаетъ.

— Гдѣ же она теперь? спросила Брюлета, пораженная, повидимому, моими словами: — и какъ зовутъ ее?

Она сильно удивилась, когда я сказалъ, что не знаю, какъ ее зовутъ и откуда она, и помню только, что она сама назвала себя *лѣсной дѣвушкой*. Я разсказалъ ей, какъ мы съ отцомъ встрѣтили засѣвшую въ грязь тележку, причемъ она закидала меня вопросами, на которые я не могъ отвѣчать, потому-что въ памяти моей все это ужь перепуталось, да и я не думалъ придавать пустому дѣлу такой важности, какъ она думала. Она старалась объяснить себѣ каждое мое слово и какъ-будто бы спрашивала сама себя съ видимой досадой, дѣйствительно ли она такъ хороша, чтобъ такъ много ужь требовать, и что́ скорѣе можетъ понравиться въ дѣвушкѣ: откровенность или притворство.

Въ первую минуту, можетъ-быть, ей и хотѣлось заставить меня забыть хорошенькую дѣвочку, которая такъ неожиданно явилась въ моей памяти, и рѣшительно, безъ всякой причины, безпокоила ее; но послѣ двухъ или трехъ словъ болтовни, она отвѣчала мнѣ на мои упреки:

— Нѣтъ, Тьенне, я не виню тебя въ томъ, что ты поглядѣлъ на хорошенькую дѣвушку, когда это случилось такъ просто и естественно, какъ ты разсказываешь; но пустяки, о которыхъ мы съ тобой вотъ ужь нѣсколько минутъ толкуемъ, заставили меня, сама не знаю какимъ-образомъ, подумать очень-серьёзно о тебѣ и о себѣ... Вѣдь я кокетка, родной мой; я чувствую, что болѣзнь эта сидитъ въ каждомъ кончикѣ моихъ волосъ. Не знаю, излечусь ли я когда-нибудь отъ нея, но теперь по-крайней-мѣрѣ я смотрю на любовь и на замужство, какъ на конецъ всѣхъ радостей и веселій. Мнѣ пошелъ девятнадцатый годъ: пора бы, кажется, подумать о себѣ хорошенько; а между-тѣмъ, вѣришь ли, для меня эта мысль — ножъ острый въ сердцѣ. Ты — совсѣмъ другое дѣло: съ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ ты ужь сталъ подумывать о семейномъ счастіи, и твое простое сердце дало тебѣ отвѣтъ справедливый: тебѣ нужна, родимый, подруга добрая и простая, какъ ты самъ, безъ лукавства, гордости и капризовъ. А я обманула бы тебя самымъ низкимъ образомъ, еслибъ сказала, что ты найдешь во мнѣ то, что́ ищешь. Ужь не знаю, капризъ ли это, или недовѣрчивость, только меня не влечетъ ни къ кому изъ тѣхъ, кого я знаю. Чѣмъ болѣе живу я, тѣмъ болѣе мнѣ нравится свобода и веселіе... Будь же мнѣ другомъ, товарищемъ и роднымъ: я стану любить тебя, какъ Жозефа, и даже болѣе, если ты будешь вѣренъ мнѣ въ дружбѣ; но не думай жениться на

мнѣ: я знаю, что это было бы противно желанію твоихъ родныхъ, да и моей собственной волѣ; и я могла бы на это рѣшиться, только изъ опасенія огорчить тебя... Отвѣчай же скорѣй: видишь, за нами наблюдаютъ и бѣгутъ сюда, чтобъ прервать нашъ длинный разговоръ. Скажи мнѣ, вѣдь ты не сердишься на меня? ты соглашаешься на мою просьбу и будешь попрежнему мнѣ братомъ? Если ты скажешь: «дà», мы встрѣтимъ вмѣстѣ ивановъ-день и весело откроемъ танцы.

— Пусть будетъ по-твоему, Брюлета, сказалъ я, вздохнувъ:—я постараюсь любить тебя такъ, какъ ты велишь, и во всякомъ случаѣ, останусь вѣрнымъ другомъ и добрымъ родственникомъ, какъ этого требуетъ долгъ мой.

Она взяла меня за руку и, желая помучить своихъ поклонниковъ, бѣгомъ добѣжала со мною до площадки, гдѣ наши старики сложили ужь костеръ изъ прутьевъ и соломы. Брюлета прибѣжала первая и потому ей предоставили подложить огонь: костеръ вспыхнулъ и скоро пламя поднялось выше колокольни.

Все было бы хорошо, да музыки у насъ не было. Къ-счастью, Франсуа, сынъ волынщика Карна, пришелъ съ волынкой и охотно согласился помочь намъ, потому-что онъ также, какъ всѣ мы, грѣшные, ухаживалъ за Брюлетой.

Мы весело принялись плясать, но черезъ нѣсколько минутъ замѣтили, что отъ его музыки ноги только путались. Франсуа былъ еще новичокъ и, несмотря на все его стараніе, у него не выходило ни складу, ни ладу. Онъ не унывалъ, впрочемъ, и продолжалъ гудѣть, подъ градомъ насмѣшекъ, очень-довольный тѣмъ, что ему представился случай напрактиковаться: чуть-ли ему не въ первый разъ пришлось играть танцы. Но танцовать подъ его музыку не было никакой возможности. Посмѣялись, подурачились да и стали поговаривать о томъ, чтобъ распроститься и пойдти окончить день за бутылкой, въ холостой компаніи. Услышавъ это, Брюлета и другія дѣвушки закричали, стали называть насъ пьянчугами и невѣжами; поднялся шумъ и споръ, посреди котораго вдругъ какъ изъ земли выросъ незнакомый человѣкъ высокаго роста.

— Эй вы, ребята! закричалъ онъ такъ громко, что покрылъ наши голоса и заставилъ всѣхъ замолчать:—танцовать что-ли еще хотите? Дѣло за этимъ не станетъ!.. Богъ посылаетъ вамъ музыканта, который будетъ играть сколько душѣ вашей угодно и не возьметъ съ васъ за то ни копейки. Дай-ка мнѣ волынку-то, сказалъ онъ Франсуа: — да прислушайся маленько: можетъ тебѣ пригодиться. Я не музыкантъ, денегъ не беру, а играю, братъ, почище тебя.

И, не дожидаясь позволенія, онъ надулъ волынку и принялся играть при радостныхъ крикахъ дѣвушекъ. Съ первыхъ словъ я узналъ голосъ погонщика; но не вѣрилъ глазамъ своимъ—такъ измѣнился и похорошѣлъ онъ. Не было и слѣдовъ замазаннаго балахона, старыхъ кожаныхъ штиблетъ, изломанной шляпы и за-

пачканнаго лица; на немъ было новое платье, изъ тонкаго бѣлаго драгета съ голубой искрой, чистое бѣлье и соломенная шляпа, обшитая лентой тридцати-шести цвѣтовъ; борода была выбрита, а лицо вымыто. Въ жизнь мою не видалъ я мужчины красивѣе: онъ былъ высокъ, какъ дубъ, и статенъ всѣмъ тѣломъ; нога у него была тонкая и жилистая, зубы бѣлые, какъ чотки слоновой кости, глаза какъ лезвее бритвы и весь видъ какъ у знатнаго господина. Онъ переглядывался со всѣми дѣвушками, улыбался пригожимъ, смѣялся до ушей надъ неуклюжими, но со всѣми и каждымъ былъ веселъ и любезенъ и одушевлялъ и оживлялъ танцы и голосомъ, и ногою, и взглядомъ. Онъ такъ искусно управлялъ своимъ духомъ, что не надувалъ постоянно мѣха: онъ надуетъ его вдругъ да и начнетъ говорить шутки да прибаутки, отъ которыхъ у всѣхъ на умѣ становилось весело. И притомъ, онъ не алтынничалъ и не считалъ каждый шагъ танцующихъ, какъ наши наемные музыканты, которые вдругъ останавливаются посреди танцевъ, когда наиграютъ су на два или на три съ каждой пары, а игралъ, не переставая, цѣлую четверть часа, то на одинъ ладъ, то на другой, и Богъ его знаетъ какъ онъ перемѣнялъ эти лады: переходовъ у него не было совсѣмъ замѣтно. И какіе танцы это были! самые лучшіе на свѣтѣ, вовсе неизвѣстные въ нашемъ краю и такіе ловкіе и разгульные, что ноги у насъ не скакали по травѣ, а какъ-будто бы летали по воздуху.

Я думаю, онъ проигралъ бы, а мы проплясали бы всю ночь, безъ устали, еслибъ намъ не помѣшалъ старикъ Карна, который, заслышавъ изъ ближняго трактира звукъ волынки, пришелъ послушать и полюбоваться мастерству своего парнишки. Но когда онъ увидѣлъ, что на волынкѣ играетъ чужой человѣкъ, а сынишка его выплясываетъ вмѣстѣ съ нами, онъ разбѣсился страшнымъ образомъ и, подойдя сзади, такъ толкнулъ погонщика, что тотъ соскочилъ съ камня, на который усѣлся, и полетѣлъ прямо въ средину танцующихъ.

До крайности удивленный такимъ неожиданнымъ приключеніемъ, Гюріель обернулся и увидѣлъ Карна, который, внѣ себя отъ злости, кричалъ, чтобъ онъ отдалъ ему назадъ волынку.

Вы не могли знать волынщика Карна; въ то время ужь онъ былъ человѣкомъ пожилымъ, но былъ еще довольно-бодръ и золъ, какъ старый чортъ.

Гюріель сжалъ-было кулаки, но замѣтивъ, что его противникъ старикъ, удержался и спокойно отдалъ ему волынку, говоря:

— Ты бы могъ сказать мнѣ поучтивѣе, старичина. Но ужь если ты такъ сердишься за то, что я занялъ твое мѣсто, то я уступаю тебѣ его охотно, тѣмъ болѣе, что мнѣ и самому хотѣлось бы поплясать, если только здѣшнія дѣвушки захотятъ танцовать съ чужимъ человѣкомъ.

— Еще бы! разумѣется! танцуй! Ты заслужилъ это, закричалъ со всѣхъ сторонъ народъ. Весь приходъ собрался его слушать и всѣ, и молодые и старые, были безъ ума отъ него.

— Если такъ, сказалъ онъ, взявъ за руку Брюлету, на которую чаще другихъ посматривалъ:—то я прошу, какъ награды, позволенія протанцовать вотъ съ этой красавицей, еслибъ даже она была и приглашена ужь.

— Она приглашена мною, Гюріель, сказалъ я:—но такъ-какъ мы друзья, то я охотно уступлю тебѣ свое право на этотъ танецъ.

— Спасибо! сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку. Потомъ, наклонясь, шепнулъ на ухо:

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ никто не зналъ, что я знакомъ тебѣ; если бъ ты согласился на это, то весьма бы одолжилъ меня.

— Не говори только, что ты погонщикъ муловъ, отвѣчалъ я:— и все пойдетъ, какъ нельзя лучше.

Всѣ, разумѣется, стали спрашивать меня кто онъ, откуда и какъ я его знаю, а между-тѣмъ возникло новое затрудненіе: старикъ Карна не хотѣлъ играть, да и сынишкѣ своему запретилъ также; мало того, онъ началъ еще бранить его за то, что онъ уступилъ свое мѣсто постороннему; и чѣмъ болѣе старались его успокоить, говоря, что прохожій музыкантъ игралъ даромъ, тѣмъ болѣе онъ сердился. Когда же старикъ Морицъ Біо назвалъ его завистникомъ и началъ стыдить, говоря, чтобъ онъ посовѣстился хоть чужаго человѣка, который можетъ разсказать все это въ своемъ краю, Карна просто взбѣсился отъ злости.

Онъ подбѣжалъ къ намъ и, обратясь къ Гюріелю, спросилъ, есть ли у него свидѣтельство? Всѣ, разумѣется, расхохотались при этомъ, а Гюріель пуще всѣхъ. Но такъ-какъ злой старичишка настаивалъ на своемъ, онъ сказалъ ему:

— Я не знаю здѣшнихъ обычаевъ, старина; но, слава Богу, не мало странствовалъ на своемъ вѣку и очень-хорошо знаю, что во Франціи артисты никому не платятъ пошлины.

— Артисты? сказалъ Карна, удивляясь слову, которое впервый разъ слышалъ. — Что это значитъ? что ты вздоръ-то городишь?

— Ну, музыканты, если тебѣ угодно, отвѣчалъ Гюріель. — Я хочу только сказать, что имѣю право играть на чемъ мнѣ угодно, не платя никакой пошлины королю.

— Я, братъ, это и безъ тебя знаю, сказалъ Карна. — А вотъ, знаешь ли ты, что въ здѣшнемъ краю музыканты платятъ повинность своему цеху за право безпрепятственнаго отправленія ремесла и что они получаютъ отъ него свидѣтельство, если удостоятся того при испытаніи?

— Какъ не знать! очень-хорошо знаю, отвѣчалъ Гюріель. Я даже знаю, какъ у васъ, молодцовъ, это дѣлается, только не совѣтую тебѣ подвергать меня испытанію, да и не зачѣмъ, къ ва-

шему счастью: я не ремесленникъ и пришелъ сюда вовсе не за тѣмъ, чтобъ отбивать у васъ хлѣбъ. Я играю даромъ, гдѣ мнѣ вздумается, и запретить этого мнѣ никто не смѣетъ, потому-что я принятъ мастеромъ въ цехъ волынщиковъ, тогда-какъ ты, любезнѣйшій, который такъ возвышаешь голосъ, можетъ-быть, не удостоишься еще такой чести.

Услышавъ это, Карна пріутихъ нѣсколько. Они шопотомъ поговорили о чемъ-то между собою— вѣроятно, обмѣнялись условными знаками—и убѣдились, что принадлежатъ къ одному цеху. Послѣ чего старикъ Карна и его сынъ не могли ужь ни къ чему придраться, потому-что всѣ засвидѣтельствовали единодушно, что Гюріель игралъ даромъ, и ушли съ угрозами и бранью, на которую никто, впрочемъ, не обратилъ вниманіе, чтобъ только отъ нихъ поскорѣй отвязаться.

Когда они убрались, позвали Мари Галльяръ, большую искусницу пѣть и выигрывать танцы языкомъ, и заставили ее играть, чтобъ Гюріель также могъ потанцовать.

Онъ танцовалъ совсѣмъ не такъ, какъ мы, но не путалъ нашихъ танцевъ и не сбивался съ ладу. Онъ какъ-то лучше насъ держался и всѣ его движенія были такъ ловки и свободны, что онъ казался красивѣе и выше обыкновеннаго. Брюлета это замѣтила, потому-что въ ту минуту, когда онъ поцаловалъ ее, какъ это дѣлается у насъ при началѣ каждаго танца, она покраснѣла и смѣшалась, тогда-какъ прежде обыкновенно оставалась при этомъ совершенно-спокойна и равнодушна.

Я заключилъ изъ того, что она нѣсколько преувеличила передо мною свое отвращеніе къ любви, но не сказалъ ни слова, потому-что, сказать правду, несмотря на досаду, самъ сознавалъ, что Гюріель, по своимъ талантамъ и красотѣ, человѣкъ удивительный.

Послѣ танца, онъ подошелъ ко мнѣ, держа Брюлету подъ-руку, и сказалъ:

— Теперь твоя очередь, товарищъ; возвращаю тебѣ твою красавицу: лучше этого отблагодарить тебя не умѣю. Она хороша какъ красавицы моей родины и, ради ея, я беру назадъ то, что̀ сказалъ тебѣ насчетъ вашего берришонскаго племени. Жаль только, что праздникъ долженъ кончиться такъ скоро... Да не-уже-ли у васъ въ деревнѣ, кромѣ этого стараго хрыча, ни у кого нѣтъ волынки?

— Нѣтъ, есть! съ живостью сказала Брюлета: ей такъ хотѣлось поплясать еще, что она измѣнила тайнѣ, которую обѣщала хранить. Потомъ, спохватившись, она покраснѣла и прибавила:

— То-есть, у насъ есть свирѣли и многіе изъ нашихъ пастуховъ играютъ на нихъ довольно-изрядно.

— Ну, Богъ съ ними! сказалъ Гюріель: — еще засмѣешься какъ-нибудь да проглотишь свирѣль, такъ потомъ и не откашляешься! У меня ротъ слишкомъ-великъ для такого инструмента, а между-тѣмъ я непремѣнно хочу, чтобъ вы танцовали, моя кра-

савица-Брюлета—вѣдь васъ такъ зовутъ? Я слышалъ, продолжалъ онъ, отходя съ нами въ сторону: — я знаю, что у васъ есть чудесная волынка: она принесена изъ Бурбонѐ и принадлежитъ Жозефу Пико, другу и товарищу вашего дѣтства.

— А почему вы это знаете? сказала Брюлета, въ изумленіи.— Вы знаете нашего Жозѐ? Скажите, ради Бога, гдѣ онъ теперь?

— А вы о немъ сильно безпокоитесь? сказалъ Гюріель, смотря на нее пристально.

— Такъ сильно, что я не буду даже знать какъ васъ и поблагодарить, если вы мнѣ о немъ что-нибудь скажете.

— Непремѣнно скажу, красавица, но только тогда, когда вы отдадите мнѣ его волынку; онъ поручилъ мнѣ взять ее.

— Такъ онъ ужь далеко отсюда? сказала Брюлета.

— Дà, порядкомъ.

— И назадъ не вернется? Можетъ-быть, онъ останется тамъ навсегда?.. Нѣтъ, я не хочу послѣ этого ни танцовать, ни смѣяться.

— Голубушка! сказалъ Гюріель: — вѣдь я не зналъ, что вы его невѣста: онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ ни слова.

— Ошибаетесь! сказала Брюлета, выпрямляясь: — я вовсе не невѣста Жозѐ!

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Гюріель: — только онъ поручилъ мнѣ показать извѣстную вамъ вещь въ случаѣ, еслибъ вы не повѣрили, что я присланъ за волынкой.

— Какую вещицу? спросилъ я съ удивленіёмъ.

— А вотъ не угодно ли взглянуть, сказалъ онъ, поднимая клокъ своихъ черныхъ, вьющихся волосъ и показывая серебряное сердечко, привѣшенное къ большой сережкѣ изъ чистаго золота, какія носили тогда зажиточные горожане.

— Вы вовсе не тò, чѣмъ хотите казаться, сказала Брюлета:— но я увѣрена, что вы не захотите обмануть бѣдныхъ людей. Притомъ же сердечко, которое виситъ у васъ на серьгѣ, точно принадлежитъ мнѣ, или, лучше сказать, Жозѐ, потому-что мать его подарила мнѣ эту вещицу въ день перваго причастія, а я отдала ее Жозефу на память въ тотъ день, когда онъ оставилъ нашъ домъ.. Слѣдовательно, тутъ нечего сомнѣваться, прибавила она, обращаясь ко мнѣ. — Сходи къ намъ, Тьенне, возьми волынку и снеси ее вонъ туда, на церковную паперть, гдѣ теперь довольно-темно; да смотри, чтобъ никто не видѣлъ: старикъ Карна страшно золъ и будетъ мстить дѣдушкѣ, если узнаетъ, что мы принимали въ этомъ дѣлѣ участіе.

Я повиновался, скрѣпя сердце, и пошелъ, оставивъ ихъ наединѣ, въ уединенномъ уголкѣ площади, одѣтой сумракомъ наступающей ночи. Разобравъ и свернувъ волынку, я спряталъ ее подъ блузу и тотчасъ же возвратился назадъ. Они были на томъ мѣстѣ и разговаривали о чемъ-то очень-горячо.

— Будь свидѣтелемъ, Тьенне, сказала Брюлета: — что я не отдавала этому человѣку сердечка, которое виситъ у него на сереж-

кѣ. Онъ не хочетъ возвратить мнѣ его, потому, будто бы, что оно принадлежитъ Жозефу, а самъ между-тѣмъ говоритъ, что Жозѐ не возьметъ его у него назадъ. Я знаю, что эта бездѣлушка и десяти су не стоитъ, но не хочу отдавать ее чужому. Мнѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, когда я подарила ее Жозѐ, и тогда никто не могъ найдти тутъ ничего худаго; а вотъ теперь нашлись люди, которые толкуютъ это по-своему: послѣ того, разумѣется, я ни за что́ не отдамъ ея никому.

Мнѣ показалось, что Брюлета слишкомъ ужь хлопочетъ о томъ, чтобъ не показаться влюбленной въ Жозефа, а Гюріель, съ своей стороны, очень-доволенъ тѣмъ, что ея сердечко свободно. Онъ, впрочемъ, нисколько не стѣснялся моимъ присутствіемъ и продолжалъ ухаживать за нею передъ моимъ носомъ.

— Вы напрасно сомнѣваетесь во мнѣ, говорилъ онъ. — Я не стану хвастаться вашими подарками передъ другими, хотя, признаться, и было бы чѣмъ похвастаться, еслибъ вы точно мнѣ что-нибудь подарили. Но я сознаюсь, вотъ передъ нимъ, что вы ко мнѣ вовсе не благоволите, хотя въ то же время не могу поручиться, что не стану васъ любить. Во всякомъ случаѣ, вы не можете запретить мнѣ вспоминать о васъ и цѣнить вещицу, которая, по-вашему, не стоитъ и десяти су—дороже всего на свѣтѣ. Жозефъ мнѣ другъ и я знаю, что онъ васъ любитъ; но онъ любитъ такъ холодно и спокойно, что и не подумаетъ взять ее у меня назадъ. И если мы увидимся съ вами черезъ годъ, или черезъ десять лѣтъ, то вы найдете сердечко на прежнемъ мѣстѣ, если только у меня не оторвутъ его вмѣстѣ съ ухомъ.

Говоря это, онъ взялъ руку Брюлеты, поцаловалъ ее и потомъ преспокойно принялся настроивать и надувать волынку.

— Напрасно безпокоитесь! сказала она: — я по-крайней-мѣрѣ не стану танцовать: что тутъ за веселье, когда Жозѐ надолго и можетъ-быть навсегда покинулъ мать и своихъ друзей. Да и вамъ также не совѣтовала бы играть, потому-что вамъ не миновать драки, если на грѣхъ зайдутъ сюда наши волынщики.

— Посмотримъ, какъ-то они будутъ драться! отвѣчалъ Гюріель.—Обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойтесь; и сами вы будете танцовать непремѣнно, иначе я подумаю, что вы оплакиваете неблагодарнаго, который васъ покинулъ.

Потому ли, что гордость Брюлеты была возмущена такимъ предположеніемъ, или потому, что страсть къ танцамъ взяла въ ней верхъ надъ печалью, только она не вытерпѣла, и когда волынка загудѣла, отправилась танцовать со мною.

Вы представить себѣ не можете, друзья мои, какимъ крикомъ радости и удивленія огласилась площадь, когда раздались громкіе звуки бурбонезской волынки. Всѣ думали, что Гюріель ушелъ ужь; танцы не клеились и народъ сталъ ужь помаленьку расходиться, когда онъ вновь появился на площади. Всѣ точно какъ-будто бы взбѣсились: начали танцовать не по четыре, не по восьми паръ, а по шестнадцати и по тридцати по двѣ, схватывались за руки,

прыгали, кричали, смѣялись, и такъ шумѣли, такъ веселились, что голова кружилась.

Скоро старики, дѣти, маленькіе ребятишки, неумѣвшіе еще ногой ступить, дѣдушки, едва на ногахъ стоявшіе, бабушки, выплывавшія по-старинному, неуклюжіе парни, отъ-роду непопадавшіе въ тактъ — всѣ пустились въ пляску. Да и какъ было не потанцовать, когда играла отличнѣйшая музыка, какой мы и не слыхивали никогда, да еще и даромъ! Самъ бѣсъ, кажется, вселился въ нашего музыканта: онъ игралъ не останавливаясь ни на минуту и не уставая ни капли, тогда-какъ мы просто изъ силъ выбивались.

— Я хочу быть послѣднимъ! кричалъ онъ, когда ему предлагали отдохнуть: — я хочу, чтобъ весь приходъ у меня надсадился и чтобъ заря нашла насъ всѣхъ здѣсь вмѣстѣ: меня на ногахъ — молодцомъ, а васъ — измученныхъ и умоляющихъ меня о пощадѣ.

И давай опять играть, а мы-то плясать, словно сумасшедшіе.

Старуха Біодъ, трактирщица, видя, что тутъ будетъ пожива, велѣла принести на площадь столы, скамейки и всякой всячины, и для питья, и для ѣды; но такъ-какъ припасовъ-то у нея оказалось недостаточно для насыщенія такого множества желудковъ, порядочно-отощавшихъ отъ танцевъ, то хозяева притащили изъ домовъ все, чтó было, я думаю, заготовлено у нихъ на цѣлую недѣлю. Кто принесъ сыру, кто мѣшокъ орѣховъ, а кто цѣлую четверть козы или молодаго поросенка, и все это было сварено и изжарено тутъ же, на скорую руку. Точно, какъ-будто бы у насъ была свадьба въ деревнѣ и всѣ сосѣди пригласили другъ друга на праздникъ. Дѣтей уложить спать не могли порядкомъ: времени не хватало, и они спали кучами, какъ овцы, на бревнахъ, которыя всегда лежатъ у насъ на площади, при бѣшеномъ гулѣ танцевъ и волынки, которая умолкала только тогда, когда музыканту подносили чарку самаго лучшаго нашего вина.

И чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ становился веселѣй и забавнѣй и игралъ удивительнѣйшимъ образомъ. Наконецъ, когда голодъ прошибъ самыхъ сильныхъ, Гюріель долженъ былъ перестать играть, потому-что плясать было нѣкому. Онъ сдержалъ свое слово: измучилъ насъ всѣхъ до единаго, и потомъ ужь согласился ужинать съ нами. Всякому, разумѣется, хотѣлось угостить его; но замѣтивъ, что Брюлета подошла къ моему столу, онъ принялъ мое приглашеніе и сѣлъ подлѣ нея. Его рѣчь искрилась умомъ и веселостью; ѣлъ онъ скоро и славно, но, повидимому, не чувствовалъ отъ-того ни малѣйшей тяжести, и, поднявъ стаканъ, первый запѣлъ и запѣлъ голосомъ чистымъ и звучнымъ, несмотря на то, что впродолженіе нѣсколькихъ часовъ гудѣлъ, какъ органъ. Мы было хотѣли подтянуть ему, но дѣло не пошло на ладъ: самые лучшіе наши пѣвцы замолчали и принялись его слушать, потому-что наши пѣсни передъ его пѣснями, просто, никуда негодятся, какъ по голосу, такъ и по словамъ; даже и

припѣвъ-то повторять мы могли съ трудомъ, потому-что онъ пѣлъ все новое и такого отличнаго качества, что оно было намъ не съ-руки.

Всѣ встали изъ-за столовъ, чтобъ послушать его; и когда утренній свѣтъ сталъ пробираться сквозь листья, около Гюріеля стояла густая толпа, очарованная и безмолвная.

Тогда онъ всталъ, влѣзъ на скамейку и, поднявъ стаканъ къ первымъ лучамъ солнца, скользнувшимъ надъ его головою, сказалъ голосомъ, отъ котораго мы всѣ вздрогнули, сами не зная, какъ и почему:

— Друзья, вотъ Божій факелъ! погасите ваши тусклыя свѣчи и поклонитесь тому, что всего прекраснѣе и свѣтлѣе въ мірѣ!.. Теперь, продолжалъ онъ, садясь на скамью и поставивъ стаканъ вверхъ дномъ: — будетъ болтать, пѣть и смѣяться... Эй, понамарь! что жь ты зѣваешь? Ступай звонить къ утренней молитвѣ, и пусть каждый осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ: тогда мы распознаемъ тѣхъ, кто веселится честно, отъ глупцевъ, упивающихся чрезъ мѣру. Потомъ, воздавъ Богу славу, мы распрощаемся другъ съ другомъ. Примите же отъ меня благодарность за веселіе, которое вы мнѣ доставили, и довѣренность, которую оказали. Я былъ у васъ въ долгу за тотъ вредъ, который недавно причинилъ нѣкоторымъ изъ васъ, разумѣется, совершенно-невольно. Угадайте, если можете; а я распространяться не намѣренъ. Я постарался повеселить васъ, какъ могъ; и такъ-какъ удовольствіе лучше всякой прибыли, то, по-моему, мы квиты.

Нѣкоторые стали-было просить его объяснить, но въ ту минуту раздался звукъ колокола.

— Тише, слышите благовѣстъ! закричалъ онъ и всталъ на колѣни; вся толпа послѣдовала его примѣру и припала къ землѣ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ, потому-что человѣкъ этотъ, казалось, имѣлъ власть надъ умами.

Когда кончилась молитва, его ужь не было: онъ исчезъ такъ быстро и неожиданно, что многіе протирали глаза, думая, что имъ привидѣлась во снѣ эта ночь радости и веселія.

ВОСЬМЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Брюлета вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ; и когда я спросилъ, что съ нею и о чемъ она думаетъ, она отвѣчала, приложивъ ладонь къ щекѣ:

— Этотъ человѣкъ любезенъ, Тьенне, но онъ страшно-дерзокъ.

Я выпилъ нѣсколько-болѣе обыкновеннаго и такъ расходился, что сказалъ ей:

— Если поцалуй чужаго обжегъ тебѣ кожу, такъ поцалуй друга можетъ заживить рану,

Но она оттолкнула меня, говоря:

— Онъ ушелъ; а лучше всего не думать о тѣхъ, которые насъ покидаютъ.

— Бѣдный Жозѐ!

— О, нѣтъ; Жозѐ совсѣмъ-другое дѣло, сказала она.

— Отчего же другое?.. Что̀ жь ты не отвѣчаешь? А! Брюлета, ты не равнодушна къ...

— Къ кому? сказала она съ живостью. — Какъ его зовутъ? Скажи скорѣй, если ты знаешь?

— Къ нему, отвѣчалъ я, засмѣявшись: — къ черному человѣку, ради котораго Жозѐ продалъ свою душу, и который такъ напугалъ тебя нынѣчѣ весною, въ тотъ вечеръ, какъ ты была у меня.

— Да полно смѣяться!.. Скажи мнѣ, голубчикъ Тьенне, какъ его зовутъ, кто онъ и откуда?

— Нѣтъ, Брюлета, ни за что̀ не скажу. Сама ты говоришь, что нужно забывать отсутствующихъ, и я вполнѣ съ тобою согласенъ.

Весь приходъ дивился тому, что прохожій музыкантъ исчезъ такъ неожиданно, прежде чѣмъ успѣли узнать отъ него, кто онъ такой. Многіе разспрашивали его; но одному онъ сказалъ, что онъ изъ Маршуа и называется такъ, а другому сказалъ совсѣмъ-другое, такъ-что истины никто не зналъ. Чтобъ сбить ихъ окончательно съ толку, я назвалъ имъ еще имя, не потому, впрочемъ, чтобъ Гюріель, потоптавшій пшеницу, могъ чего-нибудь опасаться послѣ того, какъ Гюріель-волынщикъ всѣхъ насъ такъ повеселилъ и потѣшилъ, а такъ только, чтобъ посмѣяться и побѣсить Брюлету. Потомъ, когда меня стали спрашивать, какимъ-образомъ я съ нимъ познакомился, я отвѣчалъ, въ насмѣшку же, что вовсе незнакомъ съ нимъ, что ему, Богъ-знаетъ почему, вздумалось обратиться ко мнѣ, какъ къ другу, а я, для шутки, отвѣчалъ ему такимъ же образомъ.

Брюлета, впрочемъ, такъ приступила ко мнѣ съ разспросами, что я не выдержалъ и разсказалъ ей все, что̀ зналъ. Потомъ она стала сожалѣть о томъ, что спрашивала меня, потому-что она, какъ и многіе изъ нашего края, была сильно предубѣждена противъ чужеземцевъ, и особливо противъ погонщиковъ муловъ.

Я надѣялся, что это предубѣжденіе заставитъ ее забыть Гюріеля. Ужь не знаю, сбылись ли мои надежды, только перемѣны въ ней никакой не было; она продолжала попрежнему веселиться, никому не оказывая особеннаго предпочтенія. Она говорила, что желаетъ быть женой доброй и вѣрной, точно такъ, какъ была дѣвушкой беззаботной, и потому имѣетъ право повременить и поразузнать хорошенько съ кѣмъ имѣетъ дѣло; мнѣ же она часто повторяла, что не желаетъ отъ меня ничего, кромѣ вѣрной и тихой дружбы, безъ всякой мысли о женитьбѣ.

Я отъ природы былъ нрава веселаго и не зачахъ отъ печали. Мнѣ, признаться, также, какъ Брюлетѣ, хотѣлось попользоваться своей свободой; и я пользовался ею, какъ всякой холостой ма-

лый : жилъ себѣ на волѣ и веселился и наслаждался тамъ, гдѣ только могъ; но когда веселье проходило, я спѣшилъ къ своей красавицѣ-сестрицѣ, тихой, скромной и веселой подругѣ, безъ которой никакъ не могъ обойдтись. Она была умнѣе всѣхъ нашихъ дѣвушекъ и даже женщинъ; въ домѣ у нея все было такъ хорошо, чисто, въ порядкѣ, нужды ни въ чемъ не было замѣтно, такъ-что на зимнія посидѣлки и другіе праздники и веселости собиралась къ нимъ вся лучшая молодежь нашего прихода. Дѣвушки охотно бывали у Брюлеты, потому-что около нея увивались самые отборные парни, и не одна изъ нихъ подцѣпила тутъ себѣ добраго муженёчка. Пользуясь уваженіемъ, которое оказывали ея здравому уму и разумнымъ рѣчамъ, Брюлета часто заставляла нашихъ молодыхъ парней обращать вниманіе на дѣвушекъ, которымъ они нравились, и вообще была въ этомъ отношеніи великодушна, какъ богачъ, который знаетъ, что у него недостатка никогда не будетъ.

Старикъ Брюле любилъ молодежь и потѣшалъ ее старыми пѣснями и разсказами, которыхъ у него была цѣлая куча. Иногда и Маритона забѣгала къ нимъ на минутку, чтобъ потолковать о своемъ сынѣ. Она была большая мастерица говорить и всѣ молодыя дѣвушки учились у нея, кàкъ нужно наряжаться, потому-что она одѣвалась всегда чудесно, изъ угожденія къ своему хозяину, который хотѣлъ, чтобъ она своимъ пригожимъ и нарядным видомъ украшала его заведеніе.

Случалось также нерѣдко, что волынщики, проходя мимо и видя собраніе молодежи, принимались играть, а мы плясать на лужайкѣ передъ домомъ Брюлеты, такъ-что она, безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ красоты и любезности, сдѣлалась какъ-бы царицей, которую дѣвушки, дурныя собою и злыя, побранивали втихомолку, но зато всѣ остальныя, для своей собственной выгоды, честили и посѣщали.

Такъ прошелъ съ годъ, я думаю, мы все веселились да потѣшались, а извѣстій отъ Жозè не получали, кромѣ двухъ писемъ, которыми онъ увѣдомлялъ мать, что здоровъ и заработываетъ хлѣбъ себѣ въ Бурбонè. Онъ не писалъ, впрочемъ, гдѣ именно находится, и оба письма были изъ различныхъ мѣстъ. Второе изъ этихъ писемъ трудно было даже разобрать, несмотря на то, что нашъ новый священникъ былъ большой мастеръ читать всякія руки. Вѣроятно, Жозефъ началъ учиться и въ первый разъ самъ попробовалъ написать. Наконецъ мы получили третье письмо, на имя Брюлеты. Священникъ прочелъ его скоро и нашелъ, что оно написано очень-складно. Въ письмѣ было сказано, что Жозефъ боленъ и поручилъ написать за себя другу; что безпокоиться, впрочемъ, о немъ нечего, потому-что у него только лихорадка. Сказано было также, что онъ находится у друзей, которые обыкновенно переходятъ изъ одного мѣста въ другое, и въ настоящее время отправляются въ Шамбера, откуда еще будутъ

писать, если его здоровье не понравится, несмотря на всѣ заботы и попеченія, которыя ему оказываютъ.

— Боже мой! вскричала Брюлета, когда священникъ разсказалъ ей содержаніе письма: — ужь не сдѣлался ли онъ погонщикомъ муловъ? Я ни за что̀ не скажу его матери, что онъ боленъ и попалъ къ такимъ людямъ. Бѣдняжка и безъ того убивается съ тоски.

Потомъ, посмотрѣвъ на письмо, она спросила, что̀ подписано внизу. Священникъ, необратившій сначала никакого вниманія на подпись, надѣлъ очки, и снова взглянувъ на письмо, разсмѣялся, говоря, что онъ никогда не видѣлъ подобной подписи и что на письмѣ, вмѣсто имени, изображенъ кончикъ уха съ кольцомъ, на которомъ надѣто что-то въ родѣ сердечка.

— Вѣроятно, это условный знакъ, сказалъ онъ: — у каждаго братства есть свой знакъ и разобрать тутъ что-нибудь — дѣло мудреное.

Но Брюлета очень-хорошо разобрала въ чемъ дѣло; она смутилась нѣсколько, взяла письмо съ собою и, я думаю, частенько посматривала на него, оставаясь наединѣ. Ей даже пришло въ голову выучиться читать, и она принялась учиться, потихоньку, у старой горничной, которая, отойдя отъ господъ, завела мелочную торговлю у насъ въ деревнѣ и часто приходила къ намъ въ домъ поболтать и послушать новостей.

Для такой головушки, какъ у нея была, немудрено было выучиться, и скоро я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что она списываетъ молитвы и пѣсенки и выводитъ крючки довольно-чисто. Я не могъ утерпѣть, чтобъ не спросить ее, для чего она учится такимъ мудростямъ и съ кѣмъ будетъ она переписываться: съ Жозефомъ или съ пригожимъ погонщикомъ?

— Какъ же! такъ вотъ я и стану все думать объ этой верзилѣ съ продѣтыми ушами! сказала она, засмѣявшись. — Уже ли ты меня считаешь такой вѣтренной и глупой? Стану я писать письма чужому человѣку!.. Но скажу тебѣ откровенно, Тьенне, что Жозефъ сдѣлаетъ очень-хорошо, если выйдетъ изъ невѣжества и возвратится къ намъ ученымъ, да и я сама буду рада, если буду не такой дурой, какъ прежде.

— Брюлета! Брюлета! сказалъ я: — ты слишкомъ-далеко заносишься. Смотри, голубушка, это можетъ дурно кончиться! Я боюсь, чтобъ съ тобою здѣсь не случилось того, что̀, вѣрно, будетъ съ Жозефомъ, который ушелъ на чужую сторону.

— На мой счетъ ты можешь быть спокоенъ, Тьенне, отвѣчала она: — что̀ бъ тамъ ни говорили, а у меня голова совершенно-холодна; а вотъ бѣднаго Жозѐ такъ жаль; болѣе шести мѣсяцовъ мы не получаемъ отъ него писемъ. Другъ его наобѣщалъ намъ много, далъ слово увѣдомить о его здоровьѣ, да, видно, раздумалъ потомъ. Маритонъ больно огорчается тѣмъ, что Жозефъ забылъ о ней; вѣдь она не знаетъ, что онъ боленъ и, можетъ-быть, даже умеръ теперь.

Я сказалъ ей, что, въ такомъ случаѣ, мы бы навѣрное получили извѣстіе, и что потому только и нѣтъ вѣстей, что все обстоитъ благополучно.

— Говори, что́ хочешь, отвѣчала она:—а я, двѣ ночи тому назадъ, видѣла во снѣ, будто бы къ намъ пришелъ погонщикъ муловъ, принесъ волынку и сказалъ, что Жозѐ погибъ. Сонъ этотъ больно опечалилъ меня и мнѣ такъ стало совѣстно, что послѣднее время я вовсе почти не думала о бѣдненькомъ Жозѐ и ни разу не попробовала написать ему; да и какъ же, правда, писать къ нему, когда мы не знаемъ даже гдѣ онъ?

Говоря это, Брюлета случайно взглянула въ окно, у котораго сидѣла, и вдругъ вскрикнула и поблѣднѣла какъ полотно. Я также взглянулъ въ окно и увидѣлъ Гюріеля, съ головы до ногъ выпачканнаго углемъ. Онъ шелъ прямо къ намъ, разгоняя на пути дѣтей, которыя убѣгали, крича: «чортъ! чортъ!» между-тѣмъ, какъ собаки заливались на него громкимъ лаемъ.

Пораженный словами Брюлеты и не желая, чтобъ она вдругъ узнала о несчастіи, если оно дѣйствительно случилось, я бросился къ нему на встрѣчу и спросилъ въ величайшемъ волненіи :

— Что́, онъ умеръ?

— Кто? Жозефъ? отвѣчалъ онъ:—нѣтъ, слава Богу. Но еще до-сихъ-поръ боленъ.

— Опасно?

— И да, и нѣтъ. Я разскажу тебѣ все подробно при Брюлетѣ... Это, кажется, ихъ домъ?.. Веди же меня къ ней поскорѣе.

— Иди за мною! сказалъ я и побѣжалъ впередъ, успокоить Брюлету и сказать ей, что новости вовсе не такъ печальны, какъ она ожидала. Брюлета пошла позвать дѣдушку, который въ то время кропалъ что-то въ сосѣдней комнатѣ. Старикъ приготовился-было принять гостя самымъ радушнымъ образомъ; но, когда увидѣлъ, что онъ, и по лицу, и по платью, вовсе не походилъ на того человѣка, который остался у него въ памяти, то совершенно растерялся и потупилъ глаза съ печалью и смущеніемъ.

Замѣтивъ это, Гюріель улыбнулся и, приподнявъ, какъ-бы случайно, свои густые волосы, открылъ ухо, на которомъ попрежнему висѣло сердечко.

— Это я самъ, сказалъ онъ:—а не кто-нибудь другой. Я пришелъ издалека поговорить съ вами о другѣ, который, слава Богу, живъ и не думалъ умирать. Но мнѣ хотѣлось бы поговорить на-просторѣ; досугъ ли вамъ меня выслушать?

— Какъ не выслушать! сказалъ старикъ.—Садитесь, любезнѣйшій; сейчасъ подадутъ вамъ покушать.

— Мнѣ ничего не нужно, сказалъ Гюріель, садясь на стулъ. —Я подожду вашего обѣда... Прежде всего я долженъ познакомить васъ съ самимъ собою.

— Говорите, сказалъ дѣдушка:—мы васъ слушаемъ.

ДЕВЯТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Погонщикъ муловъ началъ такъ:

— Меня зовутъ Жанъ Гюріель; по ремеслу я погонщикъ муловъ. Отецъ мой, Себастіенъ Гюріель, по прозванію Бастіенъ *великій* дровосѣкъ—вольнщикъ, весьма извѣстный и ремесленникъ, много-уважаемый въ лѣсахъ бурбонезскихъ. Вотъ мои титлы и достоинства, которыми я могу гордиться и хвалиться. Я знаю, что мнѣ слѣдовало бы явиться къ вамъ въ другомъ видѣ, чтобъ возбудить въ васъ болѣе довѣренности къ себѣ, но, по обычаю людей моего ремесла...

— Знаемъ мы вашъ обычай, любезнѣйшій, сказалъ старикъ Брюле, слушавшій его съ большимъ вниманіемъ. — Онъ хорошъ или дуренъ, смотря по тому хороши или дурны вы сами. Слава Богу, я довольно пожилъ на свѣтѣ и хорошо знаю, что̀ такое погонщикъ муловъ. Въ молодые годы бывалъ нерѣдко въ вашей сторонѣ и насмотрѣлся на ваши нравы и обычаи: они, братъ, мнѣ извѣстны, какъ свои пять пальцевъ. Слышалъ я также, стороною, что за вами водится не мало грѣховъ: что вы дѣвушекъ похищаете, бьете поселянъ, а иногда и до смерти ихъ заколачиваете въ дракахъ, а денежки ихъ прибираете къ рукамъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Гюріель, засмѣявшись: — что вы слишкомъ ужь преувеличиваете наши грѣхи. То, что̀ вы разсказываете, было такъ давно, что теперь не осталось и слѣдовъ тѣхъ людей; страхъ до такой степени преувеличилъ эти слухи въ вашемъ краю, что долгое время погонщики муловъ выходили изъ лѣсовъ не иначе, какъ большими партіями, да и то съ великой опасностью. Доказательствомъ же того, что нравы ихъ измѣнились и что ихъ теперь нечего страшиться, можетъ служитъ то, что они сами теперь никого не боятся; вотъ я, напримѣръ, одинъ пришелъ къ вамъ.

— Разумѣется, сказалъ старикъ Брюле, убѣдить котораго было нелегко: — только зачѣмъ же лицо-то у васъ вымазано сажей?.. Вы даете клятву во всемъ слѣдовать уставу братства, а уставъ этотъ велитъ вамъ ходить въ такомъ видѣ по тѣмъ странамъ, гдѣ васъ считаютъ еще людьми подозрительными, на тотъ конецъ, чтобъ потомъ, когда кто-нибудь изъ васъ напроказитъ, нельзя было сказать: «это онъ или не онъ сдѣлалъ». Притомъ же, вы всѣ отвѣчаете другъ за друга. Конечно, круговая порука дѣло хорошее: она дѣлаетъ изъ васъ вѣрныхъ друзей, людей, преданныхъ другъ другу, но зато ужь объ остальномъ и не спрашивай! И еслибъ погонщикъ муловъ—будь онъ малый добрый и даже богатый — вздумалъ со мной породниться, то, скажу тебѣ откровенно, я угостилъ бы его отъ души и виномъ, и всѣмъ, чѣмъ угодно, но никогда бы не отдалъ за него своей дочки.

— Да я вовсе не за тѣмъ пришелъ, сказалъ Гюріель, смѣло глядя на Брюлету, которая показывала видъ, что ничего не слы-

шитъ и думаетъ совсѣмъ о другомъ: — вы напрасно отказываете мнѣ, не зная даже, холостъ ли я, или женатъ: вѣдь я не сказалъ вамъ объ этомъ ни слова.

Брюлета опустила глаза въ землю, такъ-что нельзя было видѣть, довольна ли она отвѣтомъ погонщика, или нѣтъ. Потомъ, собравшись съ духомъ, сказала:

— Не о томъ теперь рѣчь: вы обѣщали сообщить намъ извѣстіе о Жозефѣ, болѣзнь котораго такъ сильно меня тревожитъ. Дѣдушка также принимаетъ въ немъ большое участіе: онъ выросъ у него въ домѣ. Скажите же намъ, пожалуйста, прежде всего о немъ что-нибудь.

Гюріель пристально посмотрѣлъ на Брюлету; казалось, онъ хотѣлъ подавить въ себѣ печальное чувство; потомъ, собравшись съ силами, продолжалъ.

— Жозефъ боленъ, тàкъ боленъ, что я рѣшился прійдти сюда, чтобъ спросить виновницу его болѣзни: хочетъ ли она исцѣлить его и въ ея ли это власти?

— Чтò онъ такое толкуетъ? спросилъ дѣдушка, открывая уши (онъ начиналъ ужь плохо слышать). — Какимъ образомъ моя дочка можетъ исцѣлить Жозефа?

— Я началъ сперва говорить о себѣ, отвѣчалъ Гюріель: — именно потому, что мнѣ совѣстно было начать прямо съ этого. Теперь, если вы считаете меня человѣкомъ честнымъ, позвольте мнѣ разсказать вамъ толкомъ все, чтò я знаю и думаю.

— Можете говорить смѣло, сказала Брюлета съ живостью: — мнѣ рѣшительно все-равно, чтó обо мнѣ думаютъ.

— Я не думаю о васъ ничего, кромѣ хорошаго, моя красавица, отвѣчалъ Гюріель: — вы не виноваты въ томъ, что Жозефъ васъ любитъ; и если вы отвѣчаете ему тѣмъ же въ тайнѣ души, то никто не имѣетъ права охуждать васъ. Можно завидовать ему, но коварствовать противъ него и огорчать васъ не должно. Я сейчасъ разскажу вамъ, кàкъ шли у насъ дѣла съ того самаго дня, какъ мы подружились съ нимъ и я убѣдилъ его идти въ нашу сторону учиться музыкѣ, которая такъ сильно ему полюбилась.

— Нечего сказать, вы оказали ему славную услугу! замѣтилъ дѣдушка: — мнѣ кажется, что онъ могъ бы и здѣсь также хорошо всему научиться, не тревожа и не огорчая своихъ понапрасну.

— Онъ говорилъ мнѣ, продолжалъ Гюріель: — и я самъ послѣ въ томъ убѣдился, что здѣшніе волынщики не дадутъ ему покоя; и притомъ, я долженъ былъ сказать ему правду, потому-что онъ почти съ перваго раза открылъ мнѣ всю свою душу. Музыка — трава дикая и не растетъ на вашей тучной землѣ. Ужь не знаю почему, только ей привольнѣе у насъ, въ нашей вересковой странѣ; въ нашихъ лѣсахъ и оврагахъ она хранится и обновляется, какъ цвѣты въ весеннее время; тамъ зарождается она и приноситъ плоды, которые расходятся потомъ по тѣмъ странамъ, гдѣ ихъ недостаетъ; оттуда ваши *гудари* заимствуютъ самыя

лучшія вещи и потомъ угощаютъ ими васъ; но такъ-какъ они лѣнивы и скупы, а вы довольствуетесь вѣчно однимъ и тѣмъ же, то они заходятъ къ намъ всего какой-нибудь разъ въ жизни и потомъ пробавляются этимъ до конца дней своихъ. У нихъ также есть ученики, которые твердятъ наши старыя пѣсни, коверкая ихъ нещадно, и думаютъ, что имъ нѣтъ ужь надобности ходить къ намъ учиться. «Слѣдовательно, говорилъ я вашему Жозефу: «если малый добросовѣстный, какъ ты, напримѣръ, обратится къ настоящему источнику, то онъ почерпнетъ въ немъ такія свѣжія и богатыя силы, что противъ него мудрено будетъ устоять вашимъ волынщикамъ»; а потому мы и порѣшили, чтобъ Жозе ушелъ отсюда въ ивановъ-день и отправился въ Бурбоннè, гдѣ онъ могъ всегда найдти себѣ работу и хлѣбъ насущный и въ то же время пользоваться уроками достойнаго учителя, потому-что, нужно вамъ сказать, самые лучшіе изобрѣтатели живутъ въ Верхней Бурбоннè, близь сосновыхъ лѣсовъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сіула спускается съ До́мскихъ Горъ, и что отецъ мой, родившійся въ мѣстечкѣ Гюріель, отъ котораго онъ и имя свое получилъ, провелъ всю жизнь въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ. Онъ, признаться, не любитъ работать два года сряду на одномъ и томъ же мѣстѣ, и чѣмъ старѣе дѣлается, тѣмъ становится дѣятельнѣе и непосѣдливѣе. Прошлый годъ, напримѣръ, онъ началъ работать въ Тронсейскомъ Лѣсу, потомъ перешелъ въ Эспинасскій, а теперь находится въ Аллё, куда пошелъ за нимъ и Жозефъ. Жозефъ не отстаетъ отъ него ни на шагъ: вмѣстѣ съ нимъ рубитъ, колетъ и играетъ на волынкѣ; любитъ его какъ родной сынъ и хвалится тѣмъ, что и самъ также любимъ. Онъ пообвыкъ у насъ и былъ счастливъ такъ, какъ можетъ быть счастливъ человѣкъ въ разлукѣ съ милой сердцу. Но у насъ жизнь не такъ легка и удобна, какъ въ вашемъ краю; и хотя отецъ мой, человѣкъ опытный, всячески удерживалъ Жозефа, но желаніе поскорѣй достигнуть успѣха въ немъ такъ сильно, что онъ не слушался и надсадилъ себѣ грудь, играя на волынкѣ; а вы сами видѣли, что наши волынки больше вашихъ и страшно утомляютъ грудь, пока не узнаешь, ка̀къ нужно надувать ихъ. Жозефъ схватилъ лихорадку и началъ кашлять кровью. Батюшка, зная эту болѣзнь и средство противъ нея, отнялъ у него волынку и велѣлъ ему отдохнуть. Лихорадка дѣйствительно прошла, но зато появилась болѣзнь другая. Онъ перестался кашлять и харкать кровью, но впалъ въ такую тоску и слабость, что мы стали опасаться за его жизнь. Дней восемь тому назадъ, возвратясь изъ отлучки, я нашелъ его такимъ блѣднымъ, что едва узналъ: онъ исхудалъ страшно и еле держался на ногахъ. Когда я сталъ спрашивать его, что̀ съ нимъ, онъ заплакалъ и сказалъ печальнымъ голосомъ: «Видно, мнѣ суждено, Гюріель, умереть въ этомъ лѣсу, далеко отъ родины, матери и друзей, не видавъ ни крошки любви отъ той, передъ которой мнѣ такъ хотѣлось показать свое знаніе. Тоска давитъ мнѣ грудь, а нетерпѣніе сушитъ сердце. Лучше бы

твоему отцу не мѣшать мнѣ уходить себя волынкой: я бы умеръ тогда, наигрывая тѣ нѣжныя рѣчи, которыхъ никогда не умѣлъ высказать ей словами, и думая о томъ, что мы снова вмѣстѣ. Конечно, твой отецъ хотѣлъ моей пользы: я самъ чувствовалъ, что изнемогаю отъ излишней натуги; но что̀ пользы въ томъ, что я умру не такъ скоро? Такъ или иначе, а мнѣ все-таки прійдется отказаться отъ жизни, потому, вопервыхъ, что мнѣ ѣсть нечего: работать я не въ-силахъ, а быть вамъ въ тягость не хочу, а главное потому, что у меня слаба грудь и я не могу играть на волынкѣ. Слѣдовательно, для меня все ужь кончено. Изъ меня никогда ничего не выйдетъ, и я умру, не зная послѣдняго утѣшенія — не вспомнивъ ни одной минуты любви и счастія...» — Не плачьте, Брюлета, продолжалъ Гюріель, взявъ ее за руку, которой она утирала себѣ лицо: — еще есть надежда спасти его. Выслушайте только меня до конца. Видя, ка̀къ бѣдняжка страдаетъ, я призвалъ искуснаго лекаря, который, осмотрѣвъ Жозефа, объявилъ, что онъ хвораетъ болѣе отъ тоски, чѣмъ отъ болѣзни, и что онъ ручается за его выздоровленіе, если онъ еще цѣлый мѣсяцъ не будетъ играть на волынкѣ и не станетъ работать. О работѣ и думать было нечего: мы съ батюшкой, слава Богу, не нуждаемся и никогда не потяготимся другомъ, которому болѣзнь мѣшаетъ работать; но скука и тоска, невозможность учиться и необходимость оставаться на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ и Брюлеты, безъ всякой пользы и успѣха — вотъ что̀ обмануло доктора. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а Жозѐ все въ томъ же положеніи. Онъ-было не хотѣлъ увѣдомлять васъ объ этомъ, но я убѣдилъ его и даже хотѣлъ привезти съ собою. Мы подняли его, усадили бережно на мула и отправились въ путь; но, проѣхавъ версты двѣ, Жозѐ такъ ослабъ, что я долженъ былъ вернуться назадъ и сдалъ его на руки отцу. Тогда отецъ сказалъ мнѣ: «Ступай къ нему на родину и приведи сюда его мать, или невѣсту: онъ боленъ отъ тоски, и когда повидается съ ними, то ободрится и скоро поправится; тогда онъ можетъ опять приняться за ученіе, или возвратиться домой». Услыхавъ это, Жозѐ перетревожился. «Маменька! вскричалъ онъ, какъ ребенокъ: — бѣдная маменька! позовите ее скорѣй ко мнѣ!» Потомъ, спохватившись, прибавилъ: «Нѣтъ, не надо! Я не хочу, чтобъ она видѣла мою смерть; умереть при ней мнѣ было бы еще тяжелѣе!» — А Брюлета? сказалъ я ему тихо. — «О! Брюлета не прійдетъ, отвѣчалъ онъ: — Брюлета очень-добра, но теперь, вѣроятно, она ужь нашла человѣка, который не отпуститъ ее проститься съ умирающимъ». Тогда я взялъ клятву съ Жозѐ, что онъ потерпитъ и подождетъ до моего возвращенія, и пришелъ сюда. Рѣшайте же теперь, что̀ дѣлать; а вы, Брюлета, посовѣтуйтесь съ своимъ сердцемъ.

— Я пойду, сказала Брюлета, вставая: — хоть я вовсе не невѣста Жозѐ и ничто не обязываетъ меня къ этому, кромѣ любви къ его матери, которая кормила меня и носила на своихъ ру-

кахъ. Только я не вижу, изъ чего заключили вы, что Жозè меня любитъ? Богъ свидѣтель, что онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ ни слова.

— Такъ онъ сказалъ мнѣ правду! вскричалъ Гюріель, какъ-бы въ восхищеніи отъ-того, чтó слышалъ.

Потомъ, спохватившись, прибавилъ : — это не помѣшаетъ, однако, ему умереть отъ любви, тѣмъ болѣе, что его не поддерживаетъ надежда : вижу, что мнѣ приходится заступиться за него и высказать его чувства.

— Развѣ онъ поручилъ вамъ это? сказала Брюлета съ гордостью и даже съ нѣкоторой досадой.

— Поручилъ или нѣтъ, а я долженъ взять это на себя, возразилъ Гюріель. Я хочу очистить передъ нимъ свою совѣсть... Онъ повѣрилъ мнѣ свое горе и просилъ моей помощи. Вотъ, чтò говорилъ онъ мнѣ : «Я хотѣлъ быть музыкантомъ столько же изъ любви къ музыкѣ, сколько и изъ любви къ моей голубушкѣ, Брюлеточкѣ. Она всегда смотрѣла на меня какъ на роднаго и заботилась и сожалѣла обо мнѣ, хотя въ то же время была внимательна ко всѣмъ и каждому, окромя меня. Охуждать ее за это, конечно, нельзя : она любитъ веселіе и все, чтò доставляетъ славу, и имѣетъ право быть привередливой и желать нравиться. Конечно, мнѣ было больно; но вѣдь не она, а я виновенъ, что она любитъ болѣе меня тѣхъ, которые болѣе меня того заслуживаютъ. Да и чтò я такое въ-самомъ-дѣлѣ? зàступа въ руки взять порядочно не могу; не умѣю ни говорить, ни танцовать, ни шутить, ни даже пѣть; стыжусь самого себя и своей участи и, разумѣется, всегда буду послѣднимъ въ числѣ тѣхъ, которые ухаживаютъ за нею. Я знаю, горе это убьетъ меня, если еще продолжится, и хочу помочь своей печали. Я чувствую, что во мнѣ есть что-то, что-то говоритъ мнѣ, что я могу играть лучше тѣхъ, которые берутся у насъ за это дѣло ; и если мнѣ удастся, то я не буду ужь *ничьмъ* : я буду больше другихъ ; и такъ-какъ Брюлета любитъ пѣніе и сама поетъ чудесно, то легко оцѣнитъ мое достоинство и притомъ будетъ польщена тѣмъ уваженіемъ, которое мнѣ станутъ оказывать».

— Слушая васъ, сказала Брюлета съ улыбкой, я точно какъ-будто бы его самого слышу. Жозè всегда былъ большой самолюбецъ и теперь, я вижу, онъ думаетъ подѣйствовать на меня тѣмъ же; но такъ-какъ болѣзнь эта подвергаетъ его смертельной опасности, то, чтобъ ободрить его, я готова сдѣлать все, чтò будетъ завѣсить отъ того сорта любви, который къ нему чувствую. Я пойду къ нему съ матерью, если только дѣдушка позволитъ.

— Съ матерью? сказалъ старикъ Брюль: — это дѣло невозможное, по причинамъ, которыя мнѣ одному извѣстны и которыя ты сама скоро узнаешь, моя милая. А покуда я скажу тебѣ только, что она не можетъ оставить своего хозяина въ настоящую минуту : у нихъ дѣла теперь поразстроились. Да и не для чего тревожить

и мучить бѣдную женщину, если Жозефъ можетъ еще оправиться. Я пойду съ тобою. Ты всегда направляла Жозефа къ доброму, и теперь, я увѣренъ, найдешь средство ободрить его и образумить. Я знаю, что̀ ты думаешь о немъ и вполнѣ раздѣляю твои мысли. Если же мы найдемъ Жозѐ въ безнадежномъ положеніи, то дадимъ тотчасъ же знать его матери и она прійдетъ закрыть ему глаза.

— Если вы позволите мнѣ быть вашимъ спутникомъ, сказалъ Гюріель, то я проведу васъ какъ-разъ въ сутки къ тому мѣсту, гдѣ находится теперь Жозефъ, и даже въ одинъ день, если вы только не боитесь дурныхъ дорогъ.

— Мы потолкуемъ объ этомъ за столомъ, отвѣчалъ дѣдушка; а въ разсужденіи твоей компаніи, я скажу тебѣ, что не только желаю, но даже прошу тебя быть нашимъ спутникомъ, потому-что ты говорилъ честно, и мнѣ хорошо извѣстно къ какому прекраснѣйшему семейству принадлежишь ты.

— Вы знаете моего отца? сказалъ Гюріель... То-то, услышавъ, что мы говоримъ про Брюлету, онъ сказалъ намъ съ Жозефомъ, что у его отца въ молодости былъ другъ по имени Брюле.

— Точно такъ, сказалъ дѣдушка. Лѣтъ тридцать тому назадъ, я работалъ вмѣстѣ съ твоимъ дѣдомъ въ Сент-аманскомъ Лѣсу и зналъ твоего отца еще молодымъ: онъ и тогда ужь, впрочемъ, игралъ на волынкѣ удивительнѣйшимъ образомъ. Славный былъ мальчикъ, да и теперь, впрочемъ, онъ не долженъ быть старъ. Когда ты давеча назвалъ себя, я не хотѣлъ тебя перебивать; дай только, думаю себѣ, я его поиспытаю: и началъ бранить ваши нравы и обычаи... Ну, садись же, голубчикъ, и кушай-себѣ на здоровье все, что̀ тебѣ подадутъ.

За столомъ Гюріель держалъ себя чинно и былъ такъ же разуменъ въ рѣчахъ, какъ веселъ и забавенъ на праздникѣ въ ивановъ-день. Брюлета слушала его очень-внимательно и, повидимому, привыкла къ его замазанному лицу. Когда же зашла рѣчь о томъ, когда и ка̀къ отправиться, Брюлета стала опасаться за дѣдушку, которому трудно было справиться съ дорогой. Гюріель прямо объявилъ намъ, что для человѣка такихъ преклонныхъ лѣтъ не легко будетъ туда добраться. Видя это, я вызвался проводить Брюлету.

— Вотъ это было бы чудесно! вскричалъ Гюріель: — мы бы пошли тогда прямымъ путемъ и, выйдя завтра поутру, пришли бы туда завтра же вечеромъ. У меня есть сестра, умная и добрая дѣвушка: она помѣститъ Брюлету въ своей землянкѣ, потому-что, нужно предупредить васъ: тамъ, гдѣ они живутъ, нѣтъ ни домовъ, ни постелей, къ которымъ вы такъ привыкли.

— Правда, сказалъ дѣдушка, я слишкомъ ужь старъ, чтобъ спать на сухихъ листьяхъ; и хотя не очень балую свое грѣшное тѣло, да неравенъ часъ, пожалуй еще заболѣю и тогда только стѣсню васъ, дѣтки. А потому лучше всего будетъ, если Тьенне пойдетъ съ вами: я хорошо его знаю и могу смѣло поручить

ему свою дочку. Я увѣренъ, что онъ не отойдетъ отъ нея ни на шагъ тамъ, гдѣ можетъ представиться хоть какая-нибудь опасность для молодой дѣвушки; да и ты батюшка, надѣюсь, также побережешь ее во время дороги.

Я былъ доволенъ какъ-нельзя-больше и заранѣе радовался и гордился тѣмъ, что буду сопровождать и охранять Брюлету. Мы разошлись поздно вечеромъ, а на другой день, чуть свѣтъ, были ужь у дверей дѣдушкина дома; Брюлета стояла на крыльцѣ, съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ, а Гюріель держалъ подъ уздцы лошадку и трехъ муловъ: на одномъ изъ нихъ было мягкое и чистенькое сѣдло, на которое онъ посадилъ Брюлету; потомъ самъ сѣлъ на лошадь, а я влѣзъ на другаго мула, нѣсколькс удивляясь тому, что забрался такъ высоко. Третій мулъ, навьюченный новыми корзинами, послѣдовалъ за нами, а собака Гюріеля замыкала шествіе. Никто еще не вставалъ въ деревнѣ, къ великому моему сожалѣнію: мнѣ до смерти хотѣлось, чтобъ поклонники Брюлеты поревновали и помучились, потому-что они не разъ заставляли меня самого мучиться; но Гюріель спѣшилъ поскорѣй выбраться изъ деревни, не желая, вѣроятно, чтобъ стали смѣяться передъ Брюлетой надъ его чернымъ лицомъ.

Скоро онъ далъ мнѣ почувствовать, что ни мало не расположенъ дѣлать все по-моему. Въ полдень мы достигли Маритетской Рощи и слѣдовательно сдѣлали почти половину пути. Близь этого мѣста лежитъ деревушка, по имени *Кружокъ;* мнѣ хотѣлось зайдти туда и позавтракать хорошенько; но Гюріель сталъ смѣяться надъ моей страстью къ приборамъ; и такъ-какъ Брюлета поддерживала его, то онъ своротилъ съ дороги и спустился въ небольшой оврагъ, на днѣ котораго течетъ маленькая рѣчка, по имени *Портфёль;* такъ называется она потому, что вся покрыта широкими листьями бѣлыхъ цвѣтовъ и пріосѣнена густыми листьями деревьевъ, которыя спускаются на обѣихъ сторонахъ оврага до самыхъ береговъ. Онъ пустилъ лошадей въ тростникъ, выбралъ мѣстечко, покрытое свѣжею травою, открылъ корзины, вскрылъ бочонокъ, и, поставивъ передъ нами чудесный завтракъ, сталъ насъ подчивать такъ радушно и съ такимъ уваженіемъ, что Брюлета не могла скрыть своего удовольствія.

Замѣтивъ, что онъ чисто-на-чисто вымылъ въ рѣкѣ руки, по самые локти, прежде чѣмъ прикоснулся къ хлѣбу и скатерти, въ которую были завернуты съѣстные припасы, Брюлета засмѣялась и сказала съ милой ужимкой, которая всегда появлялась у нея на лицѣ, когда она чего-нибудь требовала.

— Вы бы, кажется, могли теперь вымыть себѣ и лицо, чтобъ мы могли по-крайней-мѣрѣ убѣдиться, что вы точно нашъ знакомецъ, пригожій волынщикъ, посѣтившій насъ въ ивановъ-день.

— Нѣтъ, голубушка, старайтесь привыкать видѣть другую сторону медали. Я не требую отъ васъ ничего, кромѣ дружбы и уваженія, въ которыхъ вы не можете отказать даже и мерзкому по-

гонщику муловъ; мнѣ не для чего охорашиваться передъ вами и не для вашихъ прекрасныхъ глазъ буду я бѣлиться.

Брюлета обидѣлась, но продолжала настаивать на-своемъ.

— Къ-чему же пугать своихъ друзей? сказазала она:—глядя на ваше лицо, право ѣсть не захочется.

— Ну-такъ я отойду къ сторонѣ, чтобъ не мѣшать вамъ кушать, отвѣчалъ онъ.

И дѣйствительно отошелъ, сѣлъ на камень, лежавшій на берегу, позади того мѣста, гдѣ мы сидѣли, и сталъ ѣсть одинъ, а я между-тѣмъ принялся подчивать Брюлету.

Сначала она смѣялась, думая, что разсердила его, и тѣшилась, какъ всѣ кокетки; потомъ, когда ей это надоѣло, она начала его звать и всячески задѣвать словами; но Гюріель и не думалъ двигаться съ мѣста, и всякій разъ, какъ она оглядывалась на него, онъ оборачивался спиною, пряча лицо и отпуская разныя шуточки, да все такъ ловко и кстати, безъ всякой грубости и досады, а это, разумѣется, было ей всего пуще.

Брюлетѣ стало, наконецъ, досадно; а когда у него вырвалось одно довольно-крупное словечко насчетъ причудницъ, которое она приняла на свой собственный счетъ, на глазахъ ея навернулись слезы, какъ ни старалась она удержаться отъ нихъ въ моемъ присутствіи. Гюріель не видалъ этихъ слезъ, да и я показалъ видъ, какъ-будто ихъ не замѣчаю.

Когда мы насытились достаточно, Гюріель попросилъ меня положить остатки въ корзину и прибавилъ:

— Вы можете теперь отдохнуть, дѣтки, если устали; лошадки также отдохнутъ маленько, а между-тѣмъ жаръ спадетъ. Въ полдень ихъ мухи больно одолѣваютъ; а здѣсь, въ чащѣ, имъ есть гдѣ и почесаться и отряхнуться. Надѣюсь, Тьенне, что ты будешь беречь нашу принцессу, а я схожу въ лѣсокъ, посмотрѣть, что́ тамъ дѣлается.

И, не чувствуя жара, какъ-будто бы мы были въ апрѣлѣ, между-тѣмъ, какъ тогда былъ іюль въ половинѣ, онъ легкими шагами поднялся по берегу и исчезъ между густыми деревьями.

ДЕСЯТЫЯ ПОСИДѢЛКИ.

Брюлета старалась скрыть отъ меня свою скуку, а ей стало больно-скучно, когда Гюріель ушелъ. Не желая говорить, она притворилась спящей: прилегла на чистомъ пескѣ, положила голову на корзину и прикрыла лицо бѣлымъ платкомъ. Не знаю, спала ли она или нѣтъ. Раза два или три я заговаривалъ съ нею, но, не получая отвѣта, положилъ голову на передникъ, который она предоставила въ мое распоряженіе, и притаился; но мнѣ не спалось сначала, потому-что подлѣ нея я все еще чувствовалъ себя какъ-то несовсѣмъ-спокойно. Наконецъ усталость взяла свое: я

забылся, только ненадолго. Проснувшись, слышу разговоръ и по голосу узнаю, что Гюріель вернулся и говоритъ съ Брюлетой. Чтобъ слушать удобнѣе, я не поднималъ головы съ передника и такъ крѣпко сжалъ его въ рукахъ, что красотка не могла сдѣлать ни шагу отъ меня, еслибъ даже ей и захотѣлось этого, чего я, впрочемъ, не думаю.

— Наконецъ, я имѣю кажется право, говорилъ Гюріель: — спросить васъ, ка̀къ намѣрены вы поступить съ бѣднымъ Жозе. Онъ мнѣ другъ; я люблю его болѣе, нежели васъ, потому-что васъ любить я не долженъ; и если у васъ на умѣ обманъ, то лучше не ходите къ нему, не заставляйте меня раскаяваться...

— Кто говоритъ вамъ объ обманѣ? перебила его Брюлета. — Къ-чему осуждать намѣренія человѣка, не зная ихъ?

— Я не осуждаю васъ, Брюлета, а только спрашиваю, какъ истинный другъ Жозефа; я уважаю васъ отъ всей души и готовъ повѣрить, что вы поступите съ нимъ прямо и честно.

— Это ужь мое дѣло, господинъ Гюріель. Съ какой стати я буду повѣрять вамъ свои чувства?... Вы не имѣете права судить о нихъ. Вѣдь я не спрашиваю васъ, вѣрны ли вы вашей женѣ и откровенны ли съ нею?

— Съ женой? сказалъ Гюріель, съ удивленіемъ.

— Ну, да̀! продолжала Брюлета:—развѣ вы не женаты?

— Да кто же вамъ сказалъ это?

— Вы сами, кажется: вчера вечеромъ, когда дѣдушка, думая, что вы пришли свататься, такъ поспѣшно отказалъ вамъ.

— Нѣтъ, Брюлета, я сказалъ только, что вовсе не думаю свататься. Прежде-чѣмъ возьмешь за себя дѣвушку, нужно овладѣть ея сердцемъ; а на ваше сердце, Брюлета, я не имѣю никакого права.

— Вотъ теперь, по-крайней-мѣрѣ, вы держите себя чинно и не позволяете себѣ такихъ дерзостей, какъ въ прошломъ году.

— Если при первой встрѣчѣ съ вами, на праздникѣ, у меня вырвалось нѣсколько пустыхъ словъ, то, повѣрьте, я сказалъ ихъ такъ, не подумавъ; съ-тѣхъ-поръ утекло много воды и вы должны были бы, кажется, забыть обиду.

— Да кто же вамъ говоритъ, что я ее помню? Развѣ я васъ упрекаю?

— Вы упрекаете меня въ душѣ и не хотите забыть прошлой обиды; иначе, почему бы, кажется, вамъ не объясниться со мной откровенно насчетъ Жозефа?

— Мнѣ кажется, сказала Брюлета голосомъ, въ которомъ слышалось нетерпѣніе: — что я довольно-ясно объяснилась на этотъ счетъ вчера вечеромъ... Но что̀ же общаго вы находите между тѣмъ и другимъ? Положимъ, что я точно все забыла; но въ такомъ случаѣ, менѣе-чѣмъ когда-нибудь, я могу признаться вамъ въ своихъ чувствахъ къ другому.

— Послушайте, голубушка, сказалъ Гюріель, на котораго хитрости и намеки Брюлеты не производили, повидимому, никакого

дѣйствія:—вчера вечеромъ вы прекрасно говорили насчетъ прошедшаго, но о будущемъ вы не сказали ни слова, и до-сихъ-поръ я не вижу, что̀ намѣрены вы сдѣлать съ бѣднымъ Жозефомъ и какимъ средствомъ думаете возвратить его къ жизни. Почему жь вы не хотите прямо сказать мнѣ этого?

— А позвольте васъ спросить, что вамъ до этого за дѣло? Если вы женаты, или сговорены, то мнѣ кажется, вамъ вовсе не слѣдуетъ заглядывать въ сердца дѣвушекъ.

— Брюлета! вамъ хочется непремѣнно отъ меня услышать, что я свободенъ и могу ухаживать за вами. А вы, съ своей стороны, вы ничего не скажете мнѣ о себѣ—не такъ ли? По-вашему, я вовсе не долженъ знать, будете ли вы, или нѣтъ, любить Жозефа, и не дали ли вы ужь слова кому-нибудь другому—вотъ, напримѣръ, хоть тому парню, который спитъ теперь на вашемъ передникѣ?

— Вы слишкомъ-любопытны! сказала Брюлета, вставая и быстро отдергивая передникъ, который я принужденъ былъ выпустить изъ рукъ, показывая видъ, какъ-будто только-что проснулся.

— Ѣдемъ! сказалъ Гюріель, на котораго хандра Брюлеты не произвела, кажется, никакого дѣйствія: онъ попрежнему шутилъ и смѣялся, показывая свои бѣлые зубы, которые одни только у него и не были покрыты трауромъ.

Мы снова пустились въ путь. Солнце скрылось за большой тучей, которая ползла по небу, а вдали, на краю неба, слышались раскаты грома.

— Эта туча не бѣда, сказалъ Гюріель: — она пройдетъ лѣвой стороной; и если насъ не настигнетъ другая, при переправѣ черезъ притоки Жуайезы, то мы доберемся домой благополучно; но воздухъ что-то очень-тяжелъ: нужно-быть на всякой случай готовымъ.

Говоря это, онъ развернулъ плащъ, который былъ свернутъ сзади его вмѣстѣ съ женскимъ салопомъ, совершенно-новымъ и такимъ чудеснымъ, что Брюлета удивилась.

— Теперь вы не скажете, сказала она, краснѣя: — что вы не женаты; или, можетъ-быть, вы купили этотъ подарокъ по дорогѣ для своей невѣсты?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Гюріель, тѣмъ же голосомъ: — но, когда пойдетъ дождь, вамъ прійдется его обновить и, я увѣренъ, вы не найдете его тогда лишнимъ: вы одѣты очень-легко.

То, что̀ онъ предсказывалъ, случилось. Небо разъяснилось съ одной стороны, а съ другой омрачилось; когда же мы вышли на плоскую степь, которая лежитъ между Сатурниномъ и Сидіаллемъ, оно вдругъ все нахмурилось и пахну̀ло на насъ сильнымъ вѣтромъ. Страна съ каждымъ шагомъ становилась все болѣе и болѣе дикой, и печаль невольно начала овладѣвать мною. Брюлета также нашла, что мѣсто это далеко-невесело и замѣтила, что

кругомъ нѣтъ ни одного деревца, подъ которое можно было бы укрыться. Гюріель сталъ смѣяться надъ нами.

— Вотъ всѣ вы таковы, жители хлѣбныхъ странъ! сказалъ онъ: — чуть только попадете въ степь, ужь и думаете, что пропали!

Гюріель велъ насъ по прямому пути, зная, какъ свои пять пальцевъ, всѣ дорожки и тропинки, по которымъ можно было пройдти ближе. Мы оставили въ сторонѣ Сидіалль и прямо спустились къ берегамъ Жуайезы, маленькой рѣченки, которая съ виду казалась такая смирная и тихая; но онъ спѣшилъ переправиться черезъ нее какъ можно скорѣе. Когда мы вышли на другой берегъ, дождь сталъ накрапывать: намъ предстояло или измокнуть или зайдти на мельницу. Брюлета хотѣла идти далѣе, то же совѣтовалъ и Гюріель, говоря, что дороги съ каждой минутой будутъ становиться все хуже и хуже, но я объявилъ, что Брюлета поручена мнѣ, и что я вовсе не хочу, чтобъ она заболѣла; на этотъ разъ Гюріель уступилъ моему желанію.

Мы просидѣли на мельницѣ битые два часа; и когда снова тронулись въ путь, солнце было на закатѣ. Жуайеза такъ вздулась, что походила на настоящую рѣку и переправиться черезъ нее было бы трудненько; къ-счастью, она осталась за нами; но дороги стали никуда негодны, а намъ предстояло переправиться еще черезъ одну рѣчку.

Покуда было свѣтло, мы еще кой-какъ подвигались впередъ. Но когда совсѣмъ стемнѣло, Брюлета начала бояться, не показывая, впрочемъ, вида, что труситъ. Замѣтивъ, что она молчитъ, Гюріель понялъ въ чемъ дѣло, слѣзъ съ лошади и, пустивъ ее впередъ, взялъ подъ-уздцы мула, на которомъ она сидѣла. Такъ шли мы, я думаю, слишкомъ съ версту. Гюріель поддерживалъ Брюлету, ступая по колѣни въ грязи, и смѣялся, когда она сожалѣла о немъ и просила не мучиться такъ для нея. Тутъ только, я думаю, она поняла, что онъ былъ другъ болѣе-вѣрный и надежный, чѣмъ какой-нибудь вздыхатель, и что онъ умѣлъ оказывать услуги, не мало не давая того чувствовать.

Страна, которой мы проходили, по-моему, становилась все гаже и гаже. Она вся была покрыта маленькими холмиками, перерѣзанными ручьями, поросшими густой травой и цвѣтами, которые пахли прекрасно, но не годились для сѣна. Деревья были, правда, очень-хороши и, по словамъ Гюріеля, весь этотъ край былъ богаче и лучше нашего, по своимъ пастбищамъ и отличнѣйшимъ плодамъ; но я не замѣтилъ тамъ ни одного порячнаго поля, и отъ души желалъ быть дома, тѣмъ болѣе, что мое присутствіе ровно ни къ-чему не служило для Брюлеты, потому-что я самъ съ величайшимъ трудомъ выбивался изъ рытвинъ и ухабовъ, которыми была усѣяна дорога.

Наконецъ погода разгулялась, показалась луна и мы скоро достигли Рошскаго Бора, гдѣ Арнонъ сливается съ другой какой-то рѣкой, имя которой не помню.

— Погодите здѣсь, на высотѣ, сказалъ Гюріель: — можете слѣзть на землю и дать отойдти ногамъ. Здѣсь песокъ и должно-быть сухо; а я пойду посмотрю, можемъ ли мы перейдти въ бродъ.

Онъ спустился къ рѣкѣ и скоро вернулся назадъ, говоря:

— Нигдѣ дна не слышно! Намъ прійдется подняться до Сен-Пале, чтобъ попасть на тотъ берегъ. Еслибъ мы не останавливались на мельницѣ, насъ не захватило бы полноводіе и мы были бы теперь на другомъ берегу; но, чтó прошло, того не воротишь! Чтó бъ намъ теперь такое сдѣлать? Вода начинаетъ сбывать. Если мы переждемъ часа четыре или пять, то къ утру доберемся до мѣста назначенія безъ труда и опасности; если же мы пойдемъ къ Сен-Пале, то всю ночь проходимъ по грязи и все-таки не прійдемъ домой прежде.

— Разумѣется, лучше же переждать, сказала Брюлета. Здѣсь мѣсто сухое, дождя нѣтъ теперь, и хотя мы и въ дикомъ лѣсу, но съ вами двумя я не боюсь ничего.

— Скажите, какая храбрость! сказалъ, Гюріель, улыбаясь... —Итакъ, дѣло рѣшено: мы останемся здѣсь. Давайте же ужинать! Тьенне, привяжи клерина: мы окружены со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, а въ лѣсу, ты знаешь, водятся волки, на которыхъ нельзя полагаться. Разнуздай муловъ; пусть погуляютъ: они не уйдутъ далеко отъ колокольчика; а вы, голубушка, помогите мнѣ развести огонь: теперь сыро и вы можете простудиться, когда будете кушать; а вамъ нужно покушать хорошенько.

Самъ не знаю почему мнѣ было тяжело и грустно; потому ли, что мнѣ было совѣстно: мое присутствіе ровно ни къ чему не служило для Брюлеты, или потому, что я въ-самомъ-дѣлѣ считалъ себя погибшимъ, кàкъ выразился въ насмѣшку Гюріель, только мной овладѣла какъ-будто бы тоска по родинѣ.

— Ну что ты кряхтишь! сказалъ мнѣ Гюріель, который становился все веселѣе, по-мѣрѣ-того, какъ мы съ Брюлетой становились печальнѣе: — чего недостаетъ тебѣ? Вѣдь ты здѣсь, кажется, какъ дома; посмотри, кàкъ похожи эти камни на твою печку, стулья и поставцы; мѣсяцъ свѣтитъ намъ гораздо-лучше твоей старой жестяной лампы, а ѣшь ты сегодня, слава Богу, въ третій разъ. Съѣстные припасы въ корзинахъ нисколько не попортились отъ дождя; костеръ лучше всякаго очага сушитъ около насъ воздухъ, а трава и вѣтви, увлаженныя дождемъ, пахнутъ во сто разъ пріятнѣе вашихъ запасовъ сыру и прогорклаго масла. Какъ-то легче дышать подъ сводами вѣтвей древесныхъ! Посмотри, кàкъ освѣщены онѣ пламенемъ костра: точно сотни огромныхъ рукъ скрестились межь собою, чтобъ пріютить насъ подъ своимъ кровомъ; а когда налетитъ легкій порывъ вѣтра и закачаетъ мокрые листья, какими алмазами, братъ, они насъ осыпятъ! Чтò жь печальнаго находишь ты въ томъ, что мы сидимъ въ незнакомомъ тебѣ мѣстѣ? Здѣсь теперь красавица-дѣвушка и два друга, готовые положить другъ за друга голову. И

потомъ, человѣкъ, повѣрь мнѣ, былъ бы гораздо-сильнѣе, веселѣе и здоровѣе умомъ и тѣломъ, еслибъ менѣе заботился объ удобствахъ, которыя дѣлаютъ его слабымъ, боязливымъ и чахлымъ. Чѣмъ болѣе укрывается онъ отъ жара и холода, тѣмъ жаръ и холодъ сильнѣе дѣйствуютъ на него, когда онъ имъ попадается. Вотъ вы увидите моего отца: онъ во всю жизнь спалъ всего, можетъ-быть, разъ десять на постели, да и то тогда только, когда бывалъ боленъ, несмотря на то, что работаетъ зимой въ одной рубашкѣ.

Наконецъ, скажи мнѣ, пожалуйста: развѣ не пріятно чувствовать себя сильнѣе вѣтра? А громъ — вѣдь тоже музыка!.. А водяные потоки! Боже ты мой милостивый! когда они мчатся въ овраги и прыгаютъ съ корня на корень, унося съ собою камни и оставляя пѣну на травѣ и стебляхъ, какія пѣсни поютъ они тогда и какъ сладко спится подъ эти пѣсни на островкахъ, которые описываютъ они около васъ въ одну ночь! Всѣ животныя, конечно, скучаютъ въ дурную погоду: птицы не поютъ, лисицы прячутся въ норы — вонъ и моя собака укрывается подъ брюхо лошади; но человѣкъ тѣмъ-то и отличается отъ другихъ животныхъ, что сохраняетъ спокойствіе и тишину сердечную даже посреди борьбы воздуха съ облаками. Только онъ одинъ умѣетъ предохранять себя разумомъ отъ страха и опасностей и находить хорошее даже въ этомъ гвалтѣ и сумятицѣ.

Брюлета слушала погонщика съ великимъ вниманіемъ. Она слѣдила за его глазами и движеніями, и наслаждалась каждымъ словомъ, сама не понимая какимъ образомъ слова и мысли, столь новыя, забираются ей въ голову и согрѣваютъ душу. Я также былъ нѣсколько растроганъ, хотя, признаться, и старался не поддаваться его сладкимъ рѣчамъ; но никакъ нельзя было: Гюріель подъ своей черной личиной казался такимъ добрымъ и удалымъ малымъ, что, слушая его, всякой бы увлекся невольно, точно такъ, какъ, играя въ шары съ отличнымъ игрокомъ, удивляешься ему, проигрывая ставку.

Мы ужинали не торопясь, потому-что совершенно согрѣлись и обсохли; а когда костеръ прогорѣлъ и обратился въ кучу пепла, погода совсѣмъ разгулялась и на дворѣ стало такъ тихо и свѣтло, что мы поуспокоились маленько, пріободрились и только слушали да наслаждались веселыми разсказами и сладкими рѣчами погонщика. Время отъ времени онъ останавливался и прислушивался къ шуму рѣки, все еще попрежнему журчавшей; и такъ-какъ вода, нападавшая сверху, стекала въ нее безчисленнымъ множествомъ журчавшихъ ручейковъ, то мы никакъ не могли отправиться въ дорогу прежде полуночи. Гюріель еще разъ сходилъ посмотрѣть на рѣку и, вернувшись, посовѣтовалъ намъ лечь спать. Онъ состряпалъ Брюлетѣ постель изъ попонъ, окуталъ ее всѣмъ, что̀ у него было съ собою, и все шутя, безъ всякихъ льстивыхъ

прибаутокъ, но съ такой внимательностью и заботливостью, какъ-будто она была маленькое дитя.

Потомъ, безъ покрышекъ и подушекъ, растянулся на землѣ, пообсохшей вокругъ костра, совѣтуя и мнѣ то же самое сдѣлать, и въ ту же минуту заснулъ какъ убитый.

Я былъ совершенно спокоенъ, но заснуть не могъ, потому-что такого сорта постель была вовсе не по-мнѣ. Вдругъ слышу колокольчикъ: вѣрно, клеринъ, думаю я, отвязался и пошелъ бродить по лѣсу. Поднялъ голову и вижу, что лошадка стоитъ спокойно на прежнемъ мѣстѣ. Въ то же время вижу, что и Гюріель привсталъ, послушалъ, потомъ всталъ совершенно и подошелъ ко мнѣ.

— Я сплю очень-крѣпко, сказалъ онъ:—и когда со мною одни мулы, то могу заспаться на-пропалую; но теперь, когда у насъ на рукахъ такая важная принцесса, я спалъ всего однимъ глазомъ. Да и ты, кажется, также молодецъ! Говори только тише и не шевелись: мнѣ все не хотѣлось бы встрѣтиться съ своими собратьями; да этого, кажется, и не будетъ: я выбралъ такое мѣсто, что насъ здѣсь найдутъ нескоро.

Едва выговорилъ онъ эти слова, какъ человѣкъ, черный съ головы до ногъ, мелькнулъ между деревьями и такъ близко прошелъ мимо Брюлеты, что еще бы, кажется, немножко, такъ задѣлъ бы за нее. Увидѣвъ насъ, онъ испустилъ крикъ наподобіе свистка; нѣсколько голосовъ изъ разныхъ мѣстъ отвѣчали ему такимъ же крикомъ, и въ ту же минуту около дюжины черныхъ чертей, одинъ страшнѣе другаго, окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Намъ измѣнила собака Гюріеля: почуявъ друзей и знакомыхъ въ собакахъ погонщиковъ, она отправилась къ нимъ навстрѣчу и навела ихъ на насъ.

Гюріель старался скрыть отъ меня свое безпокойство; но я видѣлъ, что онъ встревоженъ; и хотя я и шепнулъ Брюлетѣ, чтобъ она не шевелилась и, вставъ передъ нею, закрылъ ее, но все-таки она не могла укрыться отъ ихъ глазъ.

Въ этой встрѣчѣ не было, повидимому, ничего особеннаго, но я смутно угадывалъ опасность, потому-что Гюріель не успѣлъ сказать мнѣ ни слова насчетъ качества людей, такъ неожиданно насъ окружившихъ. Они разговаривали съ нимъ на языкѣ Верхней Бурбонне, похожимъ на оверньское нарѣчіе, на которомъ Гюріель говорилъ такъ же хорошо, какъ и они, хотя родился въ нижней странѣ. Я могъ понять только нѣсколько словъ, но видѣлъ, что они говорятъ съ нимъ дружелюбно и спрашиваютъ, что̀ онъ здѣсь дѣлаетъ и кто я такой. Что̀ онъ имъ отвѣчалъ—я не могъ понять; только онъ очевидно старался поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ и даже сказалъ мнѣ громко, такъ, чтобъ и они могли слышать:

— Эй, товарищъ! распростимся-ка съ друзьями, да и отправимся въ путь-дорогу.

Вмѣсто того, чтобъ дать намъ собраться въ путь на свободѣ, погонщики, найдя, что имъ будетъ тутъ удобно и отдохнуть и погрѣться, принялись развьючивать муловъ.

— Я пойду и закричу: волкъ! чтобъ удалить ихъ отсюда на минутку, сказалъ Гюріель шопотомъ.—Только вы, смотрите, не уходите до моего возвращенія; а между-тѣмъ ты соберешь и навьючишь нашихъ муловъ. Мы тотчасъ же отправимся; оставаться здѣсь нѣтъ никакой возможности.

Онъ сдѣлалъ такъ, какъ говорилъ. Услышавъ крикъ, погонщики бросились къ тому мѣсту, гдѣ онъ кричалъ. Къ-несчастью, я не вытерпѣлъ и вообразилъ, что лучше всего воспользоваться суматохой и увести Брюлету. Брюлета не могла привстать, не обративъ на себя вниманіе: до-сихъ-поръ, подъ плащами, они принимали ее, вѣроятно, за груду платья и тюковъ. Она замѣтила мнѣ, что Гюріель просилъ подождать его; но гнѣвъ, страхъ и ревность овладѣли мною въ ту минуту: мнѣ пришло на мысль все, что̀ слышалъ я насчетъ нравовъ погонщиковъ; Гюріель показался мнѣ подозрительнымъ, словомъ, я потерялъ голову, и замѣтивъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ густую чащу, схватилъ за руку Брюлету и насильно увлекъ за собою.

При лунномъ свѣтѣ, разумѣется, насъ тотчасъ же замѣтили; поднялся крикъ: «Эге! женщина! женщина!» и въ ту же минуту вся стая негодяевъ бросилась за нами въ погоню. Видя, что мнѣ остается только умереть, я обернулся, какъ кабанъ, поднялъ палку и хотѣлъ ужь съѣздить по башкѣ ближайшаго ко мнѣ бездѣльника, но Гюріель, въ ту же минуту очутившійся подлѣ меня, удержалъ мою руку.

Онъ началъ о чемъ-то говорить съ ними, горячо и смѣло; завязался страшный споръ; мы съ Брюлетой не могли понять ни слова, но не предвидѣли ничего добраго. Гюріель успѣвалъ иногда заставить себя слушать, только ненадолго; раза два или три, одинъ изъ бездѣльниковъ, болѣе другихъ вылѣзавшій впередъ, дотрогивался своими проклятыми руками до руки Брюлеты, желая, вѣроятно, увести ее, и еслибъ я не запустилъ ему когтей въ его воловью шкуру, онъ, навѣрное, вырвалъ бы ее изъ моихъ рукъ при помощи товарищей; ихъ было въ ту минуту восьмеро; всѣ они были вооружены добрыми кольями и казались людьми, привыкшими къ спорамъ и дракамъ.

Гюріелъ лучше меня владѣлъ собою; онъ постоянно становился между мной и врагами и удерживалъ меня, безъ чего, какъ я послѣ самъ убѣдился, мы навѣрно погибли бы. Онъ продолжалъ говорить то голосомъ убѣжденія, то съ видомъ угрозы и наконецъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ по-нашему:

— Увѣрь ихъ, пожалуйста, Этьеннъ, что она твоя сестра, честная дѣвушка, и что она идетъ вмѣстѣ съ нами въ Бурбоне́ познакомиться съ моимъ семействомъ. Они — товарищи мои, люди добрые и справедливые и ссорятся со мною теперь только потому, что сомнѣваются въ истинѣ моихъ словъ. Пришло имъ въ

голову, что мы забавляемся здѣсь Богъ-знаетъ съ кѣмъ; вотъ они и хотятъ, чтобъ мы взяли ихъ къ себѣ въ компанію. А я говорю имъ и клянусь Богомъ, что прежде, чѣмъ они хоть словомъ оскорбятъ твою сестру, имъ прійдется убить насъ обоихъ и тогда кровь наша падетъ на ихъ душу передъ лицомъ Бога и судомъ человѣческимъ.

— Эка важность! отвѣчалъ тотъ изъ нихъ, который все наскакивалъ на меня, и котораго мнѣ до-смерти хотѣлось съѣздить кулакомъ въ животъ. — Если вы уходите себя— вамъ же хуже. Здѣсь, въ лѣсу канавъ не мало: свалимъ мы васъ туда, дураковъ, а потомъ и ищи гдѣ знаешь! Завтра мы будемъ ужь далеко отсюда, а деревья и камни, братъ, не разсказываютъ того, что̀ видѣли.

Къ-счастью, въ толпѣ одинъ только и былъ такой негодяй; всѣ остальные стали бранить его, а одинъ, какой-то высокій рыжій мужичина, схватилъ его за руку и, оттолкнувъ прочь, началъ такъ бранить, что лѣсъ задрожалъ.

Главная опасность миновалась: мысль о пролитіи крови человѣческой возбудила совѣсть въ этихъ дикихъ людяхъ. Они обратили дѣло въ шутку и стали трунить надъ Гюріелемъ, который, скрѣпя сердце, отвѣчалъ имъ тѣмъ же. Но отпустить насъ такъ все еще не хотѣли: они желали видѣть лицо Брюлеты, которая закрылась салопомъ и, противъ обыкновенія, отъ души желала, я думаю, быть дурной и старой.

Вдругъ, догадавшись, что погонщики, обращаясь къ Гюріелю и ко мнѣ на овернскомъ нарѣчіи, говорили собственно о ней, она вспыхнула отъ гнѣва и гордости и, опустивъ мою руку, открыла голову.

— Ахъ, вы изверги этакіе! сказала она разобиженнымъ голосомъ, но съ твердостью:—я, къ счастью моему, не понимаю, что̀ вы тамъ про меня говорите, но вижу, что у васъ на умѣ недоброе и что вы хотите оскорбить меня. Посмотрите жь на меня хорошенько, и если вамъ только когда-нибудь доводилось видѣть лицо женщины, заслуживающей уваженіе, такъ знайте, что мое лицо заслуживаетъ его. Постыдитесь своего поведенія и отпустите меня тотчасъ же, чтобъ я и духу вашего не слышала!

Поступокъ Брюлеты произвелъ удивительное дѣйствіе. Рыжій великанъ пожалъ плечами и началъ посвистывать, между-тѣмъ, какъ остальные совѣтовались между собою въ замѣшательствѣ; потомъ рыжій вдругъ обернулся и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Довольно: наговорились! Маршъ въ дорогу! Я накажу того, кто будетъ приставать еще къ Гюріелю: онъ малый добрый и на хорошемъ у насъ счету.

Они ушли, а Гюріель, не думая ни минутки и не говоря ни слова, поскорёхонько навьючилъ муловъ, посадилъ Брюлету и, оглядываясь на каждомъ шагу, повелъ насъ къ рѣкѣ. Рѣка еще дулась и ворчала попрежнему, но онъ смѣло бросился въ нее и, дойдя до середины, закричалъ намъ:

— Ступайте! не бойтесь!

И такъ-какъ я медлилъ, боясь за Брюлету: вода и безъ того доходила ей до самыхъ ногъ, онъ вернулся къ намъ съ гнѣвомъ и, ударивъ передняго мула такъ сильно, что онъ сразу очутился на серединѣ рѣки, проговорилъ, стиснувъ зубы, что лучше умереть, чѣмъ сносить оскорбленія.

— Я думаю! сказала Брюлета такимъ же голосомъ.

И стегнувъ мула, смѣло погрузилась въ потокъ, который сердито ворчалъ и обдавалъ насъ пѣной съ головы до ногъ.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ ЧАСЪ.

Сцена.

═

Вечеръ. Большая и красиво-убранная гостиная, освѣщенная только одной лампой; въ отворенныя двери видно, что другія комнаты пусты и темны. Марья Михайловна, молодая и хорошенькая дѣвушка, работаетъ, сидя предъ лампою. Весеньевъ, молодой человѣкъ, ходитъ по комнатамъ. Долгое молчаніе. Время-отъ-времени Марья Михайловна смотритъ на Весеньева съ какимъ-то страхомъ и печалью; Весеньевъ продолжаетъ ходить, ничего не замѣчая. Она принимается работать съ усиленнымъ прилежаніемъ.

———

Весеньевъ (*проходя*). — Какая ужасная погода! (*смотритъ въ окно*).

Марья Михайловна (*работая*). — Дà, дождь и вѣтеръ.

Весеньевъ (*садится подлѣ нея*). — Чтó вы сказали?

Марья Михайловна. — Я говорю, что дождь... Вы устали ходить?

Весеньевъ. — У васъ зарябило въ глазахъ отъ моей прогулки?.. Нестерпимое время!...

Марья Михайловна. — Да́, оно должно вамъ казаться продолжительно.

Весеньевъ (*въ раздумьи*). — Знаете ли, что́ мнѣ пришло сейчасъ въ голову? Я смотрѣлъ въ окно, чтобъ разглядѣть, что̀ дѣлается на улицѣ, и, вмѣсто того, въ темныхъ стеклахъ видѣлъ только свое лицо, какъ въ зеркалѣ...

Марья Михайловна. — Такъ что́ жь?

Весеньевъ. — Несносно! Видѣть только себя, думать только о себѣ...

Марья Михайловна (*смѣется немного-рѣзко*). — Вотъ этому я не повѣрю!

Весеньевъ. — Чему? Чтобъ я думалъ только о себѣ?

Марья Михайловна. — Теперь? Конечно, нѣтъ.

Весеньевъ. — Напротивъ, теперь именно, потому-что теперь для меня рѣшительный часъ. Моя мать поѣхала сватать за меня невѣсту — о комъ же мнѣ думать, какъ не о себѣ?

Марья Михайловна (*съ усиліемъ, не поднимая глазъ отъ работы*). — О вашей невѣстѣ.

Весеньевъ. — Я знаю, что мнѣ не откажутъ. Визитъ моей матери дѣлается только для формы; чрезъ часъ она возвратится, и вы меня поздравите.

Марья Михайловна. — Отъ всей души.

Весеньевъ. — Я въ этомъ увѣренъ, потому-что привыкъ считать васъ нечужою. Два года, какъ мы видимся всякій день.

Марья Михайловна. — Да́, два года, какъ я живу у вашей матушки и она замѣняетъ мнѣ мать и родныхъ.

Весеньевъ (*подвигается ближе и смотритъ ея работу*). — Два года!.. Знаете ли, вѣдь это давно?

Марья Михайловна. — Очень!..

Весеньевъ. — Представьте, что́ мнѣ вспомнилось: мы никогда въ эти два года не оставались такъ, вдвоемъ.

Марья Михайловна. — Сколько разъ!

Весеньевъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ? а мнѣ показалось... Что́ же мы дѣлали тогда?

Марья Михайловна. — Не знаю. Вы бывали заняты другимъ.

Весеньевъ. — Можетъ-быть. Вѣроятно, и вы тоже.

Марья Михайловна. — Не помню.

Весеньевъ. — Дá, каждый изъ насъ велъ свою жизнь посвòему... Довольны ли вы жизнью, Marie?

Марья Михайловна (*взглядываетъ на него*). — А вы?

Весеньевъ. — Я?... Не очень, если сказать вамъ откровенно... Каково это, живя вмѣстѣ, мы никогда не говорили съ вами откровенно! Но что же? лучше никогда, чѣмъ поздно.

Марья Михайловна. — Вы перемѣшали немного...

Весеньѐвъ. — Чтò я сказалъ? Ахъ, дà! Лучше поздно, чѣмъ никогда. Но вы меня довольно знаете, я хорошо знаю васъ (*она взглядываетъ на него опять*), и мы можемъ говорить безъ объясненій... Мнѣ что-то тяжело.

Марья Михайловна. — Отъ ожиданія?

Весеньевъ. — Можетъ-быть, и отъ ожиданія... но, нѣтъ, не думаю. Во мнѣ какое-то безпокойство.

Марья Михайловна. — Оно очень-понятно.

Весеньевъ (*смотритъ на нее пристально.*). — А кáкъ вы его понимаете?

Марья Михайловна (*тихо и такъ спокойно, что спокойствіе ея кажется принужденнымъ*).— Очень-просто. Вы любите такъ сильно и искренно, вы ждете столько счастья отъ вашей любви, что теперь, въ рѣшительный часъ, вы безпокоитесь за нее.

Весеньевъ. — Marie, я люблю не въ первый разъ.

Марья Михайловна (*смущена*). — Тѣмъ сильнѣе вы должны любить. Вы ужь испытали чувство и знаете, чтó можетъ сдѣлать васъ счастливымъ.

Весеньевъ. — Въ томъ-то и бѣда, что не знаю.

Марья Михайловна. — Какъ это?

Весеньевъ. — Не знаю, увѣряю васъ. Это чувство такъ разнообразно... Кто-то сказалъ, что оно прихоть; по-крайней-мѣрѣ, оно является въ самыхъ прихотливыхъ видахъ. Богъ-знаетъ, чтò намъ нравится. Сегодня, когда грустно, мы ищемъ сочувствія; завтра, когда весело на душѣ, ищемъ веселой души, неизвѣдавшей горя, невникающей въ жизнь, души нѣжной и впечатлительной, потому-что горе и пониманіе жизни дѣлаетъ насъ какъ-то грубѣе...

Марья Михайловна. — Грубѣе?..

Весеньевъ. — Дá. Согласитесь, что, испытавъ горе, лишенія, утраты, вглядѣвшись въ нихъ пристально, мы становимся ужь не въ-состояніи дѣтски смѣяться и дѣтски радоваться бездѣлицамъ, которыми веселитъ насъ жизнь; мы становимся строже къ тѣмъ, кого онѣ еще радуютъ; мы почти не понимаемъ этихъ людей... а если и понимаемъ, по старой памяти того, чтó когда-то бывало съ нами, то раздѣляемъ ихъ веселость какъ-будто снисходя и прощая... Согласитесь, это не льститъ тѣмъ, кому мы снисходимъ и прощаемъ; никто не захочетъ видѣть себя въ положеніи ребенка, съ которымъ играютъ по добротѣ сердца. Послѣ этого, пріятно ли, можетъ ли удовлетворить насъ и сдѣлать счастливыми печальная любовь?

Марья Михайловна. — Что жь дѣлать!

Весеньевъ. — Конечно, женщина не виновата, если, пославъ ей несчастія, судьба заставила ее поневолѣ сдѣлаться серьёзнѣе и строже; но вмѣстѣ съ тѣмъ она сдѣлалась и взыскательнѣе къ нашимъ недостаткамъ, рѣшительнѣе... она потеряла свою грацію, она стала грубѣе, какъ я ужь сказалъ. Къ-тому же, у такихъ женщинъ всегда есть воспоминанія; а еслибъ вы знали, какъ мы не любимъ воспоминаній!

Марья Михайловна. — Вѣроятно, столько же, сколько мы ихъ не любимъ.

Весеньевъ (*смѣется*). — Въ-самомъ-дѣлѣ?

Марья Михайловна. — Вы сейчасъ сознались въ движеніи самолюбія: надо же признаваться и женщинамъ.

Весеньевъ. — О! мы знаемъ, что у женщинъ самолюбія много, и потому щадимъ его.

Марья Михайловна. — Мы это знаемъ тоже. Например, вы сейчасъ сказали мнѣ, что любите не въ первый разъ; но вы не сказали этого вашей невѣстѣ.

Весеньевъ. — Нѣтъ... А почему вы знаете?

Марья Михайловна (*очень-серьёзно*). — Вы бы не захотѣли огорчить ее.

Весеньевъ (*подумавъ*). — Ваша правда. Но, знаете ли, мнѣ это не приходило въ голову.

Марья Михайловна. — Какъ? вы не разбирали никогда, что̀ можетъ огорчить ее?

Весеньевъ. — Нѣтъ... Но она всегда такъ весела и беззаботна, что разбирать и размышлять нѐкогда.

Марья Михайловна. — Тѣмъ лучше; васъ не будетъ огорчать серьёзность вашей невѣсты.

Весеньевъ. — Можетъ-быть... Но, знаете, Marie, вы такъ часто повторяете, что m-lle Catherine моя невѣста...

Марья Михайловна (*взглядываетъ на него и, тотчасъ опустивъ глаза, отвѣчаетъ несовсѣмъ-спокойно*). — Что жь? въ эту минуту она, быть-можетъ, ужь ваша невѣста. (*Молчаніе. Весеньевъ облокачивается на столъ и смотритъ на нее пристально*).

Весеньевъ. — Будьте откровенны, Marie. Всегда ли вамъ бываетъ весело?

Марья Михайловна (*оглядывается съ волненіемъ*). — Мнѣ?.. Всегда.

Весеньевъ. — Это странно... Еслибъ вы знали, ка̀къ мнѣ тяжело и скучно!

Марья Михайловна. — Это точно странно.

Весеньевъ. — Зачѣмъ вы такъ насмѣшливо улыбнулись?

Марья Михайловна. — Еслибъ m-lle Catherine это слышала!.. Вы не тревожитесь, что вамъ откажутъ, вы увѣрены въ вашемъ будущемъ счастьи, а вамъ тяжело и скучно!

Весеньевъ. — Что жь изъ этого? (*она смотритъ на него съ удивленіемъ*). Какъ женщины самолюбивы! Не-уже-ли онѣ предполагаютъ, что вся наша жизнь, всѣ чувства, всѣ желанія поглощаются въ любви къ нимъ; что добиться ихъ руки ужь такое блаженство, за которое ничего не жаль отдать?

Марья Михайловна. — А! вамъ жаль вашей свободы.

Весеньевъ. — Нимало. Мнѣ жаль моего чувства... Ради Бога, не смотрите такъ странно-насмѣшливо :. мнѣ тяжело, и я готовъ высказаться всякому, кто захочетъ меня выслушать. Васъ я мало знаю... вовсе не знаю; но дайте мнѣ ошибиться и не считать васъ за женщину кокетливо-равнодушною, которыхъ такъ много. Мнѣ нужно участіе. Будете ли вы доб-

ры и терпѣливы? Въ состояніи ли вы не обвинять, выслушивая признанія?

Марья Михайловна. — Говорите.

Весеньевъ. — Я прожилъ молодость, какъ всѣ молодые люди. Сейчасъ я вамъ признался, что много разъ любилъ и, вы повѣрите—потому-что шутить и притворяться не время—не разъ бывалъ любимъ. Я хорошо узналъ эту опасную игру. Сначала отдавался я ей всей душою; не стыжусь признаваться, что я увлекался, страдалъ, сходилъ съ ума. Это было прекрасное время! За наслажденіе, которое испытывалъ, я охотно прощалъ, если даже меня обманывали, если даже смѣялись надо мною... Но скоро ко мнѣ явилось размышленіе. Странно, оно пришло среди полнаго счастья! Я разглядѣлъ, что всѣ впечатлѣнія, приносившія мнѣ столько блаженства, были только повтореніемъ одно другаго... Не улыбайтесь: я знаю, что это не ново, но тѣмъ не менѣе, это не счастье... Конечно, эти повторенія являлись разнообразны, но разнообразны столько, сколько былъ я самъ настроенъ, чтобъ принять ихъ. Натурально, что чувство было сильно только до-тѣхъ-поръ, пока душа была для него настроена; настроеніе проходило, съ нимъ проходило и чувство...

Марья Михайловна. — Не-уже-ли любовь зависитъ отъ расположенія духа?

Весеньевъ. — Отъ погоды! Отвѣчать за себя невозможно... Кажется, эти слова вамъ не нравятся...

Марья Михайловна. — Нѣтъ, говорите, прошу васъ... Но когда вы переставали любить, вы отъискивали какой-нибудь недостатокъ въ любимой женщинѣ?..

Весеньевъ. — Къ-чему?

Марья Михайловна. — Чтобъ оправдать себя, я думаю.

Весеньевъ. — Будьте безпристрастны: найдти легко.

Марья Михайловна. — Да! вы ужь сказали: вы не любите слезъ.

Весеньевъ. — Я не люблю и смѣха. Вѣчно-веселая рѣзвушка заставитъ меня потерять терпѣніе... Вы хотите сказать, что m-lle Catherine весела? Изъ этого ничего не слѣдуетъ.

Марья Михайловна (*смущена*). — Конечно.

Весеньевъ. — Или, вѣрнѣе, слѣдуетъ окончаніе моего признанія. Я женюсь, потому-что замѣтилъ на балѣ хорошенькое личико и что, говорятъ, мнѣ пора жениться. Родные рѣшили это между собою... Что съ вами?

Марья Михайловна (*закрываетъ руками лицо*). — Боже мой! и только!..

Весеньевъ. — Да, не правда ли, тяжело?.. Я не могу сказать, что не люблю ея; но кто скажетъ мнѣ, найду ли я съ нею хоть одну минуту отраднаго, обдуманнаго чувства? Вотъ чего мнѣ жаль! (*Молчаніе*). Не говорите, что я эгоистъ. Право, есть что-то высокое въ желаніи мысли, которая украшаетъ любовь, и мнѣ жаль этого желанія. Женщинѣ, можетъ-быть, довольно того, что восхищаются ея красотой; этого мало для меня: я знаю, что можно столько же восхищаться другими; помню, что я ужь восхищался прежде и что это прошло; чувствую, что душа моя занята еще невполнѣ! Я не думаю, сколько, много ли чувства внушу я; я самъ хочу его испытывать... Таланты — они хороши для постороннихъ, когда еще только начинается сближеніе: они привязываютъ недолго и забываются въ ощущеніи болѣе-развитомъ... Кокетливая игривость ума... Богъ, знаетъ какую изнанку найду я у свѣтской обычной болтовни, которая сблизила меня съ этой дѣвушкой; можетъ-быть, въ этомъ умѣ исчезло чувство... Говорятъ, она кротка и добра; говорятъ, я буду счастливъ... Буду ли я доволенъ? Капризное сердце!.. (*Долгое молчаніе*). Знаете ли, кого бы мнѣ хотѣлось встрѣтить? Женщину безъ претензій на красоту, забывающую о томъ, что она молода, любящую такъ сильно, чтобъ у нея достало мужества скрывать свою любовь... Не правда-ли, это мужество?

Марья Михайловна. — Я думаю (*берется за работу*).

Весеньевъ. — Еслибъ я нашелъ такую женщину...

Марья Михайловна. — Вы бы ея не замѣтили.

Весеньевъ. — При ней, я увѣренъ, бы не оглянулся я на мое прошедшее, не сталъ бы искать въ немъ ȯбраза, похожаго на нее... тамъ нѣтъ такого ȯбраза! Надо мною не тяготѣло бы принужденіе объяснять какъ ребенку, оправдывать какъ судьѣ, всѣ мои поступки, всѣ движенія моей души: ей все и такъ было бы понятно. Привязанность къ ней не прошла бы отъ расположенія духа...

Марья Михайловна. — Вы ошибаетесь въ себѣ.

Весеньевъ. — Почему?

Марья Михайловна. — Потому-что теперь вы разсуждаете такъ — тоже отъ расположенія духа.

Весеньевъ (*съ увлеченіемъ*). — Можно ли говорить это въ такую минуту, когда я переслѣдовалъ все свое прошедшее, когда я готовлюсь измѣнить всю свою жизнь... (*она взглядываетъ на него съ испугомъ*) и у меня нѣтъ силъ...

Марья Михайловна. — Не стыдно ли? Эго ли счастье вы ей готовите?

Весеньевъ. — О, довольно ей этого счастья! Свѣтская, избалованная женщина... такихъ женщинъ тысячи! она не разглядитъ и не пойметъ...

Марья Михайловна. — Кто вамъ сказалъ это? Не трудясь заглянуть ей въ душу, вы ее ужь осудили!... Вамъ нужно занятіе, говорите вы—займите ее, разсѣйте ее. Безъ горечи и осужденія замѣтьте, чего не достаетъ въ ней, и постарайтесь пробудить эти чувства... Иногда, чтобъ пробудить ихъ, стóитъ только ихъ назвать!... (*Весеньевъ смотритъ на нее съ удивленіемъ*). Вы жалуетесь, что мы пусты, что мы несносны вѣчной веселостью, и мучимъ, когда разсуждаемъ. Кто виноватъ? Кто научитъ насъ не впадать въ крайность, когда мы часто нарочно, насильно впадаемъ въ крайность, стараясь нравиться вамъ? Кàкъ хотите вы, чтобъ сердце, усталое отъ горя, когда-нибудь не высказалось въ жалобѣ, не бросилось искать утѣшенія въ воспоминаніяхъ? Знаете ли вы, хотите ли вы догадаться, что нашъ смѣхъ часто скрываетъ горькія слезы, слезы, можетъ-быть, вызванныя вами! Знаете ли вы, что часто мы смѣемся и шутимъ длятого, чтобъ не дать вамъ замѣтить вашу собственную вину?... Цѣните ли вы это?... Можете ли вы знать, сколько и кàкъ мы способны любить, когда не хотите разсмотрѣть сколько и чтò мы способны понять?... Не оправдывайтесь теперь: вы это дѣлаете вѣчно. Думая о себѣ, только о себѣ, вѣчно объ одномъ себѣ, вы не замѣчаете ничего вокругъ себя. (*Увлекаясь*) Чего вы пожелали сейчасъ? Любви самоотверженной до того, чтобъ она умѣла скрываться предъ вами... (*Останавливается, замѣчая взглядъ Весеньева*).

Весеньевъ (*послѣ минутнаго молчанія, тихо, но съ волненіемъ*). — Marie, скажите мнѣ, отчего въ два года вы никогда не говорили такъ со мною?

Марья Михайловна (*въ волненіи*). — Не знаю... Не случалось.

Весеньевъ. Но могло бы случиться...

Марья Михайловна. — Судьба!

Весеньевъ. — Не самъ ли я виноватъ, что не зналъ васъ? Еслибъ я постарался сблизиться съ вами, еслибъ вызвалъ васъ на откровенный разговоръ... скажите, вы не отказали бы мнѣ?..

Марья Михайловна. — Въ чемъ?

Весеньевъ. — Въ счастьи говорить со мною.

Марья Михайловна. — Это счастье?...

Весеньевъ. — Не смѣйтесь, не мучьте меня! Да̀, счастье, необходимое мнѣ счастье... и оно было такъ близко!

Марья Михайловна (*стараясь казаться спокойною*). — Что жь? стало-быть, оно не было необходимо, когда вы его не искали. Въ человѣкѣ всегда есть какой-то инстинктъ, который заставляетъ его обращать вниманіе только на то́, что̀ ему нужно... а вы... (*съ горечью*) вы меня не замѣчали... стало-быть...

Весеньевъ. — Marie, но еслибъ...

Марья Михайловна. — Что̀?

Весеньевъ (*хочетъ взять ея руку*). — Захотѣли ли бы вы показаться такою, каковы вы на самомъ дѣлѣ?

Марья Михайловна. — Не знаю.

Весеньевъ. — Почему? Почему вы говорите такъ только теперь, въ этотъ часъ, въ этотъ страшный часъ?...

Марья Михайловна. — Еслибъ не этотъ часъ, я бы не говорила съ вами. Еслибъ ваша участь не была ужь рѣшена, я бы не позволила себѣ высказаться... Вы не хотѣли замѣчать меня: какимъ именемъ назвали бы вы поступки бѣдной дѣвушки, которая бы старалась обратить на себя ваше вниманіе? (*увлекаясь*) Какъ бы вы осмѣяли ея чувство!... И даже, еслибъ вы не осмѣяли его, трудиться, чтобъ вызвать

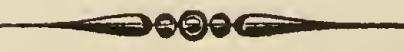
вниманіе, овладѣть чувствомъ насильно... нѣтъ!... Еслибъ вы сами сдѣлали одинъ шагъ...

Весеньевъ (*схватывая ея руку*). — Тогда?...

Марья Михайловна (*опомнясь*). — Мы разговорились не во-время. Лучше никогда, чѣмъ поздно... Слышите ли? ваша матушка возвратилась... Поздравляю васъ.

В. Крестовскій.

20 сентября 1853.



УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНѢЕ.

Повѣсть.

Княгиня Авдотья Прокофьевна Криницкая жила на дачѣ, верстахъ въ десяти отъ Москвы. На такое разстояніе не переносится ужь городская пыль, зелень стелется съ чисто-сельской яркостью, и чувствуется въ воздухѣ запахъ мяты и ландышей. Старинный домъ княгини выстроенъ между стриженнымъ садомъ и дворомъ, обнесеннымъ, какъ водится, бѣлой каменной оградой и обсаженнымъ высокими липами, что̀, къ-сожалѣнію встрѣчается теперь гораздо-рѣже. Широкія вѣтви этихъ почтенныхъ, вѣковыхъ деревьевъ не колыхались въ свѣтлое и тихое іюльское утро, которымъ я намѣренъ начать свой разсказъ. Домъ, непоновляемый съ-давнихъ-поръ, носилъ отпечатокъ XVIII-го вѣка. Стѣны его большихъ комнатъ, устроенныхъ длинной амфиладой, были расписаны цвѣтами, райскими птицами и ландшафтами. Только новая мёбель дома противорѣчила характеру старины. Наши дѣды не любили комфорта, и фреймановская мёбель, разбросанная въ гостиной, не на шутку оскорбила бы ихъ глазъ, привыкшій къ чопорной холодности. Зато нынѣшніе Москвичи привыкли не гоняться за стилемъ, и едва-ли во всей Москвѣ найдется теперь хоть одинъ домъ, въ которомъ бы уцѣлѣлъ положительный характеръ, незамѣненный пестрой смѣсью всѣхъ вѣковъ

и всѣхъ обычаевъ. Присутствіе стиля менѣе чѣмъ для кого-нибудь было потребностью для княгини. Она знала, что мёбель ей стоила пятнадцать тысячъ и такую цѣну считала ручательствомъ за безукоризненность...

Одна изъ стеклянныхъ дверей гостиной выходила на широкую террасу, гдѣ расцвѣтали экзотическія растенія, перенесенныя сюда изъ теплицъ. Въ выборѣ цвѣтовъ и ихъ прихотливой разстановкѣ угадывались заботы молоденькой руки, да и самая терраса съ перваго раза казалась любимымъ убѣжищемъ женщинъ. На одномъ ея концѣ, подъ лимоннымъ деревомъ стоялъ столикъ съ чашкой чаю, французскимъ романомъ и пачкой пахитосъ. Возлѣ стола, въ широкихъ креслахъ сидѣла или, вѣрнѣе, лежала дѣвушка лѣтъ восьмнадцати. Это была внучка и воспитанница княгини Криницкой. Въ семействѣ имя ея переиначивали всячески, какъ имена всѣхъ балованныхъ дѣтей: ее звали Дуня, Душа, Додо, и она такъ освоилась со всѣми этими уменьшительными, что мы не рѣшаемся употреблять полное ея имя, Авдотья Николаевна. Красавицей, даже хорошенькой женщиной она слыла въ глазахъ очень-немногихъ, но этихъ немногихъ я позволяю себѣ назвать знатоками дѣла: опытный глазъ дѣйствительно долженъ былъ угадать въ Дунѣ мильйоны будущихъ красотъ. У ней были рыжіе волосы, но съ золотистымъ отливомъ, какъ у итальянскихъ женщинъ; къ-тому же ея коса была такъ густа, что съ трудомъ подбиралась подъ черепаховую гребенку. Дуня была средняго роста и, несмотря на ослѣпительную свѣжесть лица, хила какъ четырнадцатилѣтній ребенокъ. Ея большіе зеленые глаза, покрытые темными рѣсницами, были въ эту минуту жадно устремлены на книгу, которую она держала въ рукѣ. Другой рукой она безпощадно мяла и обсыпала жгучимъ пепломъ пахитоски кружева своего батистоваго пеньюара, не обращая вообще никакого вниманія ни на себя, ни на юношу въ студенческомъ мундирѣ, ужь съ четверть часа стоявшаго передъ ней съ озабоченнымъ видомъ.

— А понимаю! сказалъ наконецъ студентъ протяжнымъ голосомъ и картавя:—понимаю, почему сегодня отъ тебя слова не добьешься. Ты читаешь запретную книгу тайкомъ отъ бабушки...

— Именно. Я ужь тебѣ велѣла, Ваня, меня оставить въ покоѣ.

— Пожалуй, оставлю; но выслушаешь ли ты меня, Душенька, спрашиваю тебя въ послѣдній разъ?

— Нѣтъ! запретныя книги занимательнѣе тебя, отвѣчала Дуня, не отрываясь отъ чтенія.

— Хорошо, сказалъ Ваня, удаляясь и придавая своему голосу рѣшительный тонъ:—я возвращу записку.

— Какую записку? спросила Дуня, быстро приподнявъ голову.

— А-га! а не хотѣла меня выслушать...

— Что̀ мудренаго? ты надоѣлъ страшно... Здороваешься цѣлые полчаса. Подай записку... отъ кого?

Ваня осторожно осмотрѣлся, вынулъ изъ кармана маленькую записочку и подалъ ее Душѣ. Она схватила ее и развернула.

— А... Онъ ко мнѣ пишетъ! Молчи теперь, Ваня; я буду читать.

Она снова уложилась въ кресло. Вотъ содержаніе записки:

«Вы давно знаете, что я васъ люблю. Объясниться съ вами словесно я не рѣшаюсь. Завтра я буду у васъ на дачѣ, «и умоляю васъ сказать мнѣ окончательно: позволяете ли вы «мнѣ переговорить съ вашей бабушкой. Въ послѣдній разъ, «оставляя васъ, я былъ почти счастливъ. Одно ваше слово, «одна улыбка выражаютъ такъ много, заключаютъ въ себѣ «столько блаженства, что нѣтъ силъ васъ не любить! Не смѣю «писать все то, что̀ у меня на душѣ, но жду отъ васъ одного «ободрительнаго слова. Вымолвите его, ради Бога.»

Улыбка самодовольствія пробѣжала по тонкимъ губамъ Дуни. Она задумалась и продолжала улыбаться.

— Который годъ этому юношѣ? спросила она вдругъ.

— Кому?

— Статину.

— Двадцать-шесть лѣтъ.

— Гм! Вѣдь, кажется, не глупъ, и вѣроятно, влюблялся ужь сто разъ. Двадцать-шесть лѣтъ! Мнѣ только восьмнадцать, а я никогда не спрошу: любите ли вы меня или нѣтъ, то-есть, дурачите ли вы меня, милостивый государь, или нѣтъ? Наивенъ! А записочка очень-мила.

Она снова задумалась.

— Скажи, Ваня, какъ ты себѣ позволяешь передавать мнѣ такія дерзости?

— Это что за вздоръ? Чѣмъ я виноватъ? сказалъ Ваня, смотря на нее съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, не вздоръ, прервала Дуня, возвышая голосъ. — Ты принялъ на себя благородную роль, нѐчего сказать! Обманываешь бѣдную бабушку, которая на тебя смотритъ какъ на главу семейства, и передаешь мнѣ любовныя записочки, забывая, что онѣ могутъ мнѣ вскружить голову, что я сирота, а при случаѣ не ты же за меня заступишься, хоть ты мнѣ и двоюродный братъ.

— Полно, Дуня, успокойся, не кричи, ради Бога! говорилъ испуганный Ваня, не зная, какъ ее унять, и озираясь во всѣ стороны.

Дуня громко засмѣялась.

— Не пугайся, душа моя, сказала она: — мнѣ вздумалось прикрикнуть на тебя, чтобъ посмотрѣть, какъ-то ты устоишь противъ заслуженной грозы. Ну, помни, Ваня, что тебѣ и не снилось о той грозѣ, которая разразится надъ твоей головой, если когда-нубудь бабушка узнаетъ о этой запискѣ. Не сердись. Гдѣ ты видѣлъ Статина?

— Вчера въ театрѣ.

— Онъ былъ одинъ?

— Нѣтъ, съ Вѣтлицкимъ.

— Когда же Статинъ сбирается къ намъ?

— Въ воскресенье, то-есть сегодня.

— И пріѣдетъ... одинъ?...

— Нѣтъ, я звалъ и Вѣтлицкаго.

— Хорошо... А послушай, Ваня, ты не знаешь, будетъ ли сегодня баронъ Мансфельдъ?

— А тебѣ этого хочется? спросилъ Ваня, улыбаясь какъ-можно-лукавѣе.—Я знаю тебя: тебѣ этого точно хочется, потому-что баронъ тебѣ сдѣлалъ предложеніе, а бабушка спитъ и видитъ выдать тебя за него.

— Право?... И ты думаешь, что и я рада была бы выйдти замужъ за барона?

— Отчего же нѣтъ, хоть ты объявила, что не согласишься ни за что̀ на свѣтѣ?

— Да ему сорокъ-пять лѣтъ, онъ носитъ парикъ, Нѣмецъ съ головы до ногъ. Та̀къ и кажется, что по утрамъ онъ будетъ посылать меня въ кладовую и сантиментальничать вечеромъ... Grand mercie!

— Онъ вовсе не сантименталенъ, и въ кладовую ему посылать тебя не зачѣмъ, потому-что у него двѣ тысячи душъ.

— Все-равно.

— Онъ еще красивый мужчина, продолжалъ Ваня: — и въ тебя влюбленъ, такъ почему же тебѣ не выйдти за него? Ужь не потому ли, что тебѣ жаль разстаться съ бабушкой? Ты можешь ее тѣшить такими баснями, а она вольна имъ вѣрить; но я тебя знаю покороче. Ты и не вздохнешь по бабушкѣ, хоть она тебя любитъ и балуетъ. Меня ты тоже въ ґрошъ не ставишь... Миссъ Буттлеръ правду говоритъ: ты никого на свѣтѣ не любишь.

— Да́; миссъ Буттлеръ глубокій знатокъ сердца человѣческаго вообще, а ты—въ-особенности женскаго. Ну, вотъ, смотри: люблю же я Фанни, продолжала Дуня, цалуя красивую болонку, которая съ визгомъ къ ней ласкалась. — Впрочемъ, можетъ-быть, вы съ миссъ Буттлеръ и правы: я никого не люблю, зато меня любятъ, какъ видишь.

— То-то ты и выйдешь за барона, какъ вышла бы за всякаго! Развѣ, ты думаешь, я не замѣтилъ, ка́къ въ послѣдній разъ ты съ нимъ кокетничала и, говоря съ нимъ, опускала глаза, потому-что онъ любитъ скромныхъ женщинъ?

— Какъ ты глупъ сегодня! воскликнула Дуня, совсѣмъ-разсерженная.

— Ну, полно! не горячись! Я давно знаю, что ты для всякаго найдешь привѣтливое слово; вотъ только мнѣ несчастливится... А ка́къ ты хороша сегодня, Душенька! продолжалъ Ваня, облокотясь на спинку стула и глядя ей прямо въ глаза.

— Ты находишь? Одно жаль: рыжа немного, а не всѣ знаютъ цѣну рыжимъ волосамъ. Сказать тебѣ правду, я надѣла этотъ бархатецъ на шею потому только, что онъ тебѣ вчера понравился.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?... Что-то плохо вѣрится! А впрочемъ, я иногда думаю, что ты просто ребенокъ, и что напрасно тебя называютъ кокеткой.

— А называютъ? Кто же это, напримѣръ, говорилъ, что я кокетка?

— Рѣшительно всѣ! Да и Статинъ съ того началъ.

— И теперь разувѣрился? А еще кто?

— Да вотъ вчера вечеромъ Матюша, мой товарищъ... Онъ, надо тебѣ сказать, узналъ, ка́къ ты его прозвала...

— А я, право, и забыла... Такъ Матюша находитъ, что я кокетка? Какая клевета! Прощай, Жано, пора одѣваться... Подожди: часа черезъ полтора я сойду нарядная, какъ роза...

Туалетъ Дуни продолжался болѣе полутора часа. Она тщательно себя высматривала съ головы до ногъ и повидимому осталась очень-довольною собой. И то сказать: шея ея отличалась бѣлизною, исключительно-свойственной рыжеволосымъ женщинамъ, а продолговатые глаза, исполненные ума и молодости, блестѣли какъ искры изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Княгиня Криницкая, любя Дуню сколько умѣла любить, развила въ ней почти одно тщеславіе. Внучка отлично говорила по-французски и порядочно играла на фортепьяно; но тѣмъ почти и ограничивалось ея нравственное образованіе Ея пылкой и волнующейся природѣ ненавистны были книги, уединеніе, всякое дѣльное занятіе. Свѣтскій блескъ, успѣхи, обожатели стали ея потребностью и, казалось, наполняли ея восьмнадцатилѣтнюю жизнь. Свѣтъ довершилъ трудъ заботливыхъ воспитателей и далъ окончательное направленіе способностямъ многообѣщавшему ребенку. Одна только природная черта характера Дуни осталась нетронутой. Ничто не успѣло искоренить въ ней непоколебимую и холодную рѣшимость, которая впослѣдствіи пригодилась ей. Это свойство вообще не женское, если оно не смягчено извѣстной нѣжностью формъ, во всякомъ случаѣ становится добродѣтелью или порокомъ, смотря по данному ему направленію; но, безъ-сомнѣнія, это свойство не дюжинныхъ природъ: ихъ можно направить на разные пути добра и зла, но остановить ихъ невозможно. Для нихъ придумана поговорка, что тотъ не умѣетъ любить, кто ненавидѣть не умѣетъ; онѣ равно способны мстить и прощать, но середины для нихъ нѣтъ. Княгиня, можетъ-быть, не любила бы Дуни, еслибъ Дуня не была хороша собой; старушкѣ сильно льстили свѣтскіе успѣхи внучки, ея красота и врожденная спѣсь; но показались бы непростительными романическія увлеченія молодости. Когда Дуња разсказывала бабушкѣ пламенныя объясненія своихъ обожателей, княгиня трепала ее по щекѣ и говорила: «Веселись, мой другъ, смѣйся-себѣ надъ ними»...

Дуња, проводя зиму въ Москвѣ, а лѣто на дачѣ, тщательно одѣвалась съ утра, въ-ожиданіи молодыхъ людей, которые почти всякій день наѣзжали къ ней — иные изъ любви къ ея

кокетству и созрѣвающей красотѣ, а бо́льшая-часть изъ любви къ будущему полумильйону, обѣщанному ей въ приданое. Дуня съ ними одинаково кокетничала, и каждый, возвращаясь домой, мечталъ вдоволь о любимомъ предметѣ—о ней или полумильйонѣ. Она же очень-долго не мечтала ровно ни о комъ, и только съ недавняго времени мысли ея сильно устремились на новое лицо, появившееся въ московскихъ гостиныхъ. Полученное ею впечатлѣніе выходило изъ ряда ежедневныхъ впечатлѣній, хотя она и не умѣла дать себѣ въ немъ строгаго отчета. Серьёзныхъ ощущеній Дуня никогда и никому не повѣряла. Она была скрытна, какъ почти всѣ рѣзко-обрисованныя природы, и своимъ пріятельницамъ разсказывала только о бальныхъ своихъ подвигахъ. Предметомъ ея особеннаго вниманія былъ Григорій Павловичъ Вѣтлицкій, съ годъ только возвратившійся изъ-за границы. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, окружавшихъ Дуню, одинъ, можетъ-быть, Вѣтлицкій казался и дѣйствительно былъ совершенно-равнодушнымъ къ ней. Потому ли онъ ей нравился, что, какъ справедливо сказалъ Пушкинъ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей...

или потому, что имѣлъ право на особенное вниманіе женщинъ — этого я не знаю, и врядъ ли, повторяю, сама Дуня умѣла опредѣлить капризное чувство, которое ею овладѣвало при каждой встрѣчѣ съ Вѣтлицкимъ. Она часто видала его въ свѣтѣ и довольно-рѣдко у себя. Казалось, привлекательная обстановка ея восьмнадцати лѣтъ оставалась незамѣченною этимъ человѣкомъ. Насъ вообще усыпляютъ явленія, къ которымъ мы приглядѣлись, и нужна какая-нибудь новизна, чтобъ вызвать наши чувства наружу. Поэтому долго, очень-долго Дуня не могла привязаться, и любящія способности ея души оставались тайной для нея и для другихъ... Въ первый разъ, какъ она встрѣтила лорнетъ Вѣтлицкаго, остановленный на ней, она съ особеннымъ любопытствомъ разспросила, кто онъ, и съ настойчивостью добивалась его знакомства. Ихъ первыя свиданія и разговоры не произвели, кажется, благопріятнаго дѣйствія на Вѣтлицкаго, и онъ безъ особаго приглашенія ни разу не былъ у Криницкихъ. Самолюбіе Дуни было сильно затронуто. Ей случалось не разъ измѣнять сво-

ему характеру и рѣшаться на первый шагъ для сближенія съ Вѣтлицкимъ; и когда онъ учтиво, но сухо отвѣчалъ на ея привѣтствіе, она со злостью говорила про-себя: «Не понимаю, почему всѣ говорятъ объ умѣ Вѣтлицкаго и только-что не жалуютъ его въ герои романа. Нѣтъ въ немъ ничего особеннаго. Умными женщинами онъ не занимается и по цѣлымъ вечерамъ болтаетъ съ какой-нибудь Ольгой Лозовой... Она просто глупа; а онъ такъ занятъ собой, что никогда порядочная женщина его не полюбитъ».

Теперь, однако, въ-ожиданіи пріѣзда Вѣтлицкаго, Дуня обвила тонкій станъ свой широкимъ лиловымъ кушакомъ, потому-что на-дняхъ она мимоходомъ слышала, какъ Григорій Павловичъ, разсматривая поясъ Лозовой, хвалилъ его лиловый цвѣтъ — свой любимый цвѣтъ. Я не ручаюсь нисколько, что еслибъ въ эту минуту Дуня узнала, что розовый бантикъ пріидется по вкусу Статина, она бы не отказалась и отъ бантика. Къ-сожалѣнью, костюмъ арлекина не согласенъ съ изящнымъ вкусомъ...

Но кáкъ ни испорчено было нравственное развитіе этой своенравной дѣвочки, и кàкъ ни отзывались баловствомъ и дурнымъ воспитаніемъ ея отрывистые пріемы и выраженія чисто-рѣзкія, въ ней съ перваго взгляда нельзя было не признать того, что̀ Французы называютъ «l'enfant de bonne maison». Надменность пристала къ нѣкоторымъ личностямъ, и спѣсивый поклонъ, который усвоила себѣ Дуня, какъ-то особенно шелъ къ ней. Въ немъ чувствовалось сознаніе собственнаго достоинства, уваженіе только равныхъ себѣ и неумолимое презрѣніе ко всякой посредственности.

Въ то время, какъ Дуня довершала туалетъ свой, щегольской фаэтонъ уносилъ Вѣтлицкаго и влюбленнаго Статина по дорогѣ, пролегающей отъ Москвы къ дачѣ княгини Криницкой. Послѣ несвязнаго разговора и долговременнаго молчанія, Вѣтлицкій закурилъ сигару.

— Статинъ! спросилъ онъ: — что это вы такъ усердно молчите? Вы, кажется, не въ духѣ.

— Вы въ первый разъ ѣдете на дачу къ княгинѣ? спросилъ въ свою очередь Статинъ.

— Нѣтъ, я у ней былъ, кажется, въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Вообще я не избаловалъ своимъ посѣщеніемъ ни бабушки, ни внучки. Онѣ, признаться, мнѣ обѣ не по вкусу.

— Вы несносны въ своихъ предубѣжденіяхъ, Вѣтлицкій. Бабушку я вамъ выдаю головой; но внучки вы вовсе не знаете.

— Какъ быть! отвѣчалъ равнодушно Вѣтлицкій. Женщины съ перваго взгляда мнѣ внушаютъ или симпатію, или совсѣмъ-противоположное чувство... Cette petite fille me rappelle les fées des lagunes de Venice... Итальянцы изображаютъ ихъ рыжими и злыми. Скажите, Статинъ, кому принадлежатъ эти луга?

— Не знаю, съ досадою отвѣчалъ Статинъ и замолчалъ. Григорій Павловичъ продолжалъ флегматически курить, стряхивая повременамъ пепелъ сигары и любуясь волнистой травою москворѣцкихъ луговъ.

Но полуразсерженному Статину захотѣлось снова навести своего товарища на оставленный разговоръ, и онъ спросилъ безъ обиняковъ:

— Чтó жь вамъ, однако, особенно не понравилось въ ней?

— Въ комъ? Дá!... Виноватъ, я засмотрѣлся на луга. Да какъ вамъ сказать?... Въ ней мнѣ ровно ничего не нравится.

— Только?

— Она очень-недурна собой.

— Невыразимо-хороша! перервалъ Статинъ.

— Пожалуй, и невыразимо; но привлекательнаго въ ней нѣтъ ничего. Хуже дурной! По-моему, эта дѣвочка живой образецъ мертвыхъ понятій княгини Криницкой. Женственности въ ней мало. Вообще мнѣ привольно бесѣдовать съ женщиной, когда отъ нея вѣетъ добротой и простодушіемъ; я люблю необдуманность женскихъ сужденій и чувствъ. А въ Авдотьѣ Николаевнѣ особенно ощутителенъ недостатокъ простодушія.

— Какъ вы странно судите, ей-Богу! Васъ поражаютъ только однѣ наружныя формы, и вы никакъ не хотите отдѣлить привитое воспитаніемъ отъ даннаго природой. Я согласенъ, что такой женщинѣ не слѣдовало попадать въ руки Криницкой: упрекайте безтолковую старуху во всѣхъ недостаткахъ воспитанія Авдотьи Николаевны; а о ней самой вы пожалѣете, убѣдившись въ богатствѣ ея природныхъ свойствъ. Но покамѣстъ вы точно дали себѣ слово подмѣчать въ ней одни недостатки, и это мнѣ досадно, потому-что вы скорѣе

другаго способны оцѣнить ее. И то сказать: развѣ не всѣ женщины болѣе или менѣе подчинены вліянію свѣта и дурныхъ романовъ?

— Вы отчасти правы. Нуженъ огромный запасъ нравственной силы, чтобъ избѣгнуть дѣйствія такихъ вліяній... а тутъ, кажется, они и сопротивленія не нашли никакого.

— Вы такъ предубѣждены, Вѣтлицкій, что лучше отказаться отъ разговора; а еще говорите, что любите женщинъ! У васъ обыкновеніе судить женщину не по ея достоинству, а по впечатлѣнію, которое вы получаете при первой встрѣчѣ съ нею; надобно же сознаться, что это впечатлѣніе можетъ быть и обманчиво. Я самъ съ того началъ, что не полюбилъ Авдотьи Николавны, но свѣтъ насъ сблизилъ, и не скрою, что я слѣпо отдаюсь вліянію этихъ живыхъ и молодыхъ глазъ; а холодныхъ анализовъ не терплю.

— Кажется, вы не на шутку разсердились, Статинъ... Неуже-ли вы въ нее влюблены? Этого я ей никогда не прощу, потому-что она васъ втянетъ въ какую-нибудь непростительную глупость, и княгиня впишетъ ваше имя въ побѣдный листъ забракованныхъ жениховъ.

— У ней благородныя свойства, продолжалъ Статинъ. — Бабушкины понятія и замашки въ ней искоренить легко.

Фаэтонъ въѣхалъ въ проспектъ, ведущій къ дому. Статинъ погрузился въ задумчивость. На его добродушномъ и открытомъ лицѣ выражалось и неудовольствіе на Вѣтлицкаго и желаніе разувѣрить его.

Всѣ привычные гости Криницкихъ собрались ужь въ гостиную, когда въ нее вступили наши пріятели. Дуня еще не выходила изъ своей комнаты и выжидала пріѣзда Вѣтлицкаго, разсчитывая на эффектъ своего появленія. Дѣйствительно, когда въ дверяхъ гостиной обрисовалось ея легкое платье, всѣ встали и окружили ее. Она кланялась едва-замѣтнымъ наклоненіемъ головы и, проходя мимо Статина, поспѣшно опустила глаза, чтобъ не оставить ему никакого сомнѣнія въ полученіи вчерашней записки. Вѣтлицкій поклонился ей издали. Она слегка покраснѣла и знакомъ подозвала его къ себѣ.

— Я успѣла вырости съ-тѣхъ-поръ, какъ вы у насъ не были, сказала она улыбаясь: — и даже выучила романсъ, о которомъ мы говорили въ послѣдній разъ. Помните? Надѣюсь, что мы сегодня пропоемъ его вмѣстѣ.

— Мнѣ очень-жаль, что я долженъ отказаться отъ такой чести, отвѣчалъ Вѣтлицкій: — я никогда не пою въ обществѣ.

— Отъ упрямства, или отъ неумѣстной скромности?

— Отъ положительнаго недостатка въ голосѣ.

— Статинъ мнѣ сказывалъ, что у васъ отличный теноръ, и я добьюсь того, что услышу васъ. Кстати, скажите пожалуйста, отчего сегодня у Статина такая двусмысленная физіономія? Вѣрно, дорòгой вы говорили о политикѣ... о Лудовикѣ Бонапартѣ чтò ли?

— Дорóгой онъ былъ очень-веселъ, отвѣчалъ Григорій Павловичъ: — а тайныхъ своихъ мыслей онъ мнѣ не повѣрялъ.

— Какъ вы счастливы! зато онъ мнѣ ихъ повѣряетъ... Впрочемъ, онъ очень-добрый человѣкъ, и я его отъ души... уважаю.

Доложили объ обѣдѣ. Баронъ Мансфельдъ предложилъ руку княгинѣ. Статинъ неловко бросился къ Дунѣ, но она, будто не замѣчая его, положила маленькую ручку свою на руку Вѣтлицкаго. Когда вошли въ столовую, княгиня обернулась къ Дунѣ и знàкомъ показала ей мѣсто возлѣ барона.

Обѣдъ продолжался полтора часа, и завязался общій разговоръ. Дуня тихо и прилично отвѣчала барону и съ очень-замѣтной ироніей Вѣтлицкому, оскорбившему ее своей холодностью. Она ему сдѣлала нѣсколько колкихъ замѣчаній, на которыя Григорій Павловичъ отвѣчалъ неумолимымъ хладнокровіемъ. Когда обѣдъ кончился, въ гостиной ужь были готовы карточные столы. Княгиня сѣла за преферансъ съ барономъ, а Дуня устроилась въ противоположномъ углу комнаты съ Вѣтлицкимъ и нахмуреннымъ своимъ обожателемъ. Статину дѣйствительно становилось все болѣе досадно и грустно. Ему вдругъ вздумалось, что Дунѣ не понравилась его записка, и, вовсе не зная неуловимыхъ капризовъ женскаго характера, онъ рѣшился объясненіемъ поправить дѣло. Онъ нагнулся на спинку креселъ Дуни и сказалъ ей вполголоса: Вы сердитесь на меня?

— Я?.. за что? Напротивъ, и я васъ очень люблю... Отойдите, пожалуйста, Статинъ, прибавила она: — отъ васъ жарко. Григорій Павлычъ, вы, можетъ-быть, любите играть въ карты? Не хотите ли я вамъ составлю партію?

— Благодарю васъ, я въ карты не играю, отвѣчалъ Вѣтлицкій, будто не замѣчая ея насмѣшливаго намѣренія.

— Или вы, можетъ-быть, хотите бесѣдовать съ Жанъ Полемъ или Руссо?.. Пройдите въ библіотеку.

— Позвольте мнѣ остаться здѣсь.

— Какъ хотите... теперь я могу васъ угостить только Ваней, Статинымъ и собой... Вы вчера не видали мадамъ Плесси?

— Не говорите ему о мадамъ Плесси! сказалъ Статинъ. — Онъ сущій вандалъ — терпѣть ея не можетъ.

— Не-уже-ли?.. Что̀ же вы любите, наконецъ?

— Онъ человѣкъ первобытный и влюбляется только въ первобытную красоту.

— Правда ли это? спросила Дуня, смѣясь.

— Труднѣе всего излагать мысли самыя простыя, отвѣчалъ Вѣтлицкій: — я люблю все хорошее. Что же касается до мадамъ Плесси, она, дѣйствительно, мнѣ не нравится. Жеманна и въ простотѣ не скажетъ «да̀» и «нѣтъ».

— Знаете ли, кто-то нашелъ, что я на нее похожа?

— Лицомъ? Нѣтъ.

Дуня вспыхнула.

— Я не нахожу, чтобъ она была хороша собой, прибавилъ Вѣтлицкій, чтобъ загладить дерзость перваго намека.

— Я это принимаю за комплиментъ, хотя убѣждена, что онъ случайный. Хочется мнѣ кстати о мадамъ Плесси предложить очень-нескромный вопросъ... Скажите, Григорій Павлычъ, влюблялись вы когда-нибудь во что̀-нибудь?

— Это васъ интересуетъ?

— Какъ-нельзя-больше. Я люблю изучать характеры, а вашъ—презанимательный... Подай мнѣ мой кофе, Ваня!

— Да̀, мнѣ случалось влюбляться, равнодушно сказалъ Вѣтлицкій.

— Въ героинь Пушкина или Вальтера Скотта?..

— Именно въ нихъ мнѣ невозможно было бы влюбиться; онѣ бы надѣлили меня соперниками, а я не терплю соперниковъ.

— Вы подвержены ревности? Я начинаю думать, что у васъ скрытныя страсти, и съ этой минуты уважаю васъ... Тише, Фанни, продолжала она, слегка ударивъ болонку, которая вспрыгивала на колѣни Вѣтлицкаго: — Григорій Павлычъ любитъ только первобытную красоту, а тебя общество испортило, потому-что остригло тебѣ хвостикъ и привязало голу-

бой бантикъ на шею... Статинъ, вы не находите, что я похожа на Фанни?..

Вѣтлицкій не отвѣчалъ ничего на послѣдній вызовъ. Никогда, можетъ-быть, Дуня не производила на его предубѣжденное воображеніе впечатлѣнія болѣе-невыгоднаго. Онъ посмотрѣлъ на встревоженную физіономію Статина, и ему стало досадно и на себя, и на Статина, и на Дуню. Григорій Павловичъ видимо былъ предметомъ ея особеннаго вниманія и невольно дѣлался оружіемъ, которое окончательно поражало послѣднія надежды Статина.

Дуня живописно опрокинулась на спинку креселъ и, ни на минуту не покидая насмѣшливаго тона, трунила поочередно надъ Вѣтлицкимъ, надъ Статинымъ, даже надъ Ванею, и, несмотря на неблагопріятное расположеніе духа своихъ собесѣдниковъ, неустрашимо поддерживала разговоръ. Она вдругъ остановилась среди рѣчи, случайно или съ умысломъ посмотрѣлась въ зеркало и замѣтила, что завялъ цвѣтокъ, приколотый къ ея волосамъ.

— Принесите мнѣ свѣжій цвѣтокъ, сказала она Статину, а ты, Ваня, сдѣлай мнѣ букетъ.

Когда они оба сошли въ садъ для выполненія приказанія, между Дуней и Вѣтлицкимъ настала минута молчанія; наконецъ, Дуня подняла голову и спросила:

— Скажите мнѣ, за что вы меня ненавидите?

— Я? отвѣчалъ Вѣтлицкій, озадаченный неожиданнымъ вопросомъ.—Почему же вы думаете, что я васъ ненавижу?

— Сознайтесь, что я вамъ сильно не нравлюсь.

— Я записной поклонникъ красоты, сказалъ Вѣтлицкій: — и вѣрьте, что вашей отдаю всю должную справедливость.

— Напрасно вы видите въ моихъ словахъ только вызовъ на комплиментъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, что̀ именно вы преслѣдуете во мнѣ?

— Вы рѣшительно на меня нападаете... Я вообще человѣкъ холодный, какъ вы замѣчали нерѣдко.

— Нѣтъ, вы не холодный человѣкъ и способны на искреннее чувство... Я васъ видала съ моей кузиной Анной...

— Мы съ ней старые друзья... А въ доказательство искренности вообще моихъ дружескихъ сношеній, позвольте

предложить вамъ сойдти со мною въ садъ на выручку Статина. Вы сами выберете цвѣтокъ. Статину не счастливится сегодня; я такъ и жду, что онъ на васъ не угодитъ.

Вѣтлицкій видимо избѣгалъ объясненія съ Дуней и не замѣтилъ слезы досады, блеснувшей въ ея глазахъ. Когда онъ подалъ ей руку, она разсмѣялась и заговорила о другомъ... На террасѣ они встрѣтили Статина съ вѣткой геліотропа. Дуня поблагодарила его съ непривычной любезностью и поручила приколоть ей цвѣтокъ въ волоса, продолжая ласково разговаривать съ озадаченнымъ своимъ поклонникомъ. Они нѣсколько времени втроемъ гуляли по саду. Возвратясь въ гостиную, Дуня сѣла за фортепьяно и играла отлично. Вѣтлицкій увлекся музыкой Шопена, слушалъ съ большимъ вниманіемъ и аплодировалъ. Дуня встала съ скрытной радостью и велѣла Ванѣ съиграть вальсъ. Она вальсировала съ Вѣтлицкимъ; онъ же ей принесъ чашку чаю, и ее обрадовало это ничтожное вниманіе къ ней со стороны человѣка, неизбаловавшаго ее своей внимательностью.

Статинъ нѣсколько разъ пытался завязать съ ней разговоръ, но Дуня отъ него искусно уклонялась или шуткой, или двусмысленнымъ объясненіемъ въ дружбѣ. Статинъ, совершенно-обезнадеженный, предложилъ Вѣтлицкому выкурить сигару въ саду. Когда они ушли, Дуня отправилась въ свой кабинетъ. Она облокотилась на окно, выходящее на террасу, и задумалась, какъ, можетъ-быть, никогда ей не случалось задумываться.

Она стала себя спрашивать о странномъ и неопреодолимомъ влеченіи своемъ къ человѣку, къ ней убійственно-равнодушному. Какое именно чувство высказывалось въ этомъ влеченіи? Хотѣла ли она просто побѣдить холодность Вѣтлицкаго, или влюбилась въ него и невластна постоянно скрывать отъ него свою любовь, имъ, можетъ-быть, давно-угаданную? Мысль эта оскорбила ея гордость и, безъ-сомнѣнія, подавила бы въ ней всякое другое чувство, еслибы робкая надежда быть когда-нибудь любимой Вѣтлицкимъ не заронилась безсознательно въ ея душу. Она охотно допускала мысль, что холодность Вѣтлицкаго не что иное, какъ обдуманная игра, чтобъ привлечь ея вниманіе и раздражить ея самолюбіе... Ужь вечерѣло, а Дуня все не покидала своей задумчивой позы; въ ея взволнованномъ воображеніи постоянно мель-

калъ образъ Вѣтлицкаго; ей видѣлся его высокій станъ, слышался тихій голосъ. По временамъ это видѣніе наводило на нее болѣзненное чувство, близкое къ страху. Какъ дитя, она ощущала боль и не умѣла объяснить ее. Дѣйствительно, восьмнадцати-лѣтняя Дуня была еще ребенкомъ. Несмотря на частые выѣзды и на толпу молодыхъ людей, ее окружавшихъ, она была незнакома съ сильными впечатлѣніями и ни въ какой борьбѣ не испытала свѣжихъ силъ своихъ.

Густые левкои стояли въ вазахъ на открытомъ окнѣ. Вдругъ сквозь ихъ вѣтви мелькнули тѣни Статина и Вѣтлицкаго. Они стояли на террасѣ молча, потомъ расположились на скамьѣ, поставленной подъ самымъ окномъ. Сердце Дуни сильно забилось. Притая дыханіе, прислонилась она къ цвѣтамъ; между листьевъ пробирался дымъ сигары Вѣтлицкаго и вѣялъ ей въ лицо. Пріятели говорили вполголоса, и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ Дуня смотрѣла ничего не слыша. Она вглядывалась въ профиль Вѣтлицкаго, рѣзко-обозначавшійся въ вечернемъ воздухѣ, и при каждомъ колыханіи листьевъ, быстро опрокидывалась на спинку стула, боясь быть замѣченной. Но Вѣтлицкій не оборачивался; въ его словахъ она наконецъ разобрала свое имя и жадно стала прислушиваться.

— Я это вамъ доказывалъ сегодня поутру, Статинъ, говорилъ онъ. — Мое удаленіе отъ нея не слѣдствіе личной обиды, и я не говорю какъ человѣкъ предубѣжденный. Не нравится мнѣ эта дѣвочка... Какая натянутость и въ обращеніи и въ умѣ! Убѣдитесь, что вы влюблены въ образъ, вами же созданный, и вы перестанете печалиться какъ ребенокъ. Право, мнѣ за васъ досадно.

— Вѣтлицкій, отвѣчалъ Статинъ: — больно васъ слушать. Развѣ вы не угадали, что вы ей нравитесь?

Григорій Павловичъ засмѣялся.

— Полноте, пожалуйста! сказалъ онъ. — Еслибъ и дѣйствительно я имѣлъ счастіе ей нравиться, то это бы нисколько не перемѣнило моего мнѣнія о ней. И вы бы ей нравились, еслибъ были хладнокровнѣе. Правда, она сегодня кокетничала со мной, да что̀ жь это доказываетъ?.. Порядочный и неослѣпленный человѣкъ на ней не женится. На какихъ данныхъ поручить ей свое семейное счастье?..

Онъ замолчалъ, а можетъ-быть, Дуня и не слыхала продолженія разговора. Не знаю, долго ли она просидѣла у окна.

Ея горничная вошла въ кабинетъ и доложила ей, что княгиня проситъ ее въ гостиную.

— Уѣхали гости? спросила Дуня.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчала горничная.

— Доложи бабушкѣ, что у меня болитъ голова, и что я сойду къ ней, когда всѣ разъѣдутся.

Она встала и отправилась наверхъ, въ свою спальню. Дверь маленькаго балкона была отворена. Дуня машинально ступила на балконъ. У подъѣзда стоялъ фаэтонъ, и мѣсяцъ освѣщалъ обширный дворъ и каменную ограду. Вдругъ раздался мужскій голосъ; онъ напѣвалъ съ веселой интонаціей, противорѣчившей драматическому характеру словъ:

La tomba... la tomba a me s'appresta!
. . . .
Ora fatale è questa!

Вѣтлицкій стоялъ на послѣдней ступени крыльца, и лунный свѣтъ падалъ на его длинные темноватые волосы, закинутые назадъ. Статинъ усаживался въ фаэтонъ; послѣ него сѣлъ Вѣтлицкій, и фаэтонъ быстро удалился, оставивъ на пескѣ рѣзкій слѣдъ своихъ колесъ.

Когда доложили Дунѣ, что всѣ гости разъѣхались, она все еще стояла на балконѣ скрестивъ руки и вглядывалась въ длинный проспектъ, на которомъ давно ужь замолкъ стукъ отъѣзжающаго экипажа. Дуня медленно сошла въ спальню княгини.

Утомленная старуха снимала свое черное штофное платье, и горничная, по старой привычкѣ, завивала на шпильки ея сѣдые волосы. Дуня стала возлѣ ея рѣзнаго туалета изъ чернаго дерева съ мѣдной насѣчкой.

— Что съ тобою? спросила княгиня Авдотья Прокофьевна съ недовольнымъ видомъ.

— У меня вдругъ закружилась голова, grand maman. Извините, что я ушла такъ рано. Вы устали?

— Что жь ты не раздѣлась?

Дуня не отвѣчала. Старуху уложили въ постель, и она своей горничной приказала удалиться. Эта горничная была ровесница ей и въ домѣ пользовалась особеннымъ почетомъ.

— Душенька, сказала она: — я тебѣ говорила на-дняхъ, что баронъ Мансфельдъ мнѣ намекалъ о своихъ намѣреніяхъ, да ты, кажется, будто и не слыхала!

— Вы сами мнѣ объ этомъ не говорили положительно, бабушка.

— Я на то имѣла свои причины. Въ этихъ случаяхъ поспѣшность не у мѣста. Теперь я все обдумала и все узнала. Послушай, Душенька, ты точно ребячишься. Не забывай, что тебѣ скоро девятнадцать лѣтъ, а дѣльныхъ жениховъ у тебя еще не было. Баронъ сегодня говорилъ со мной окончательно и просилъ рѣшительнаго отвѣта.

— Чтò жь вы отвѣчали ему?

— Я объявила, что переговорю съ тобой, и просила его быть здѣсь завтра въ два часа.

— Я вамъ повинуюсь во всемъ, grand maman, и выйду за барона, спокойно сказала Дуня.

— Вотъ такъ-то лучше, мой дружечекъ! Умно, право умно. Да и почему не выйдти за барона? какъ за него не выйдти?.. Сегодня мнѣ Ивановъ принесъ отвѣтъ отъ своего брата, который ужь пятнадцать лѣтъ управляетъ имѣніемъ барона. Двѣ тысячи душъ и ни одна не заложена! Впрочемъ, я въ тебѣ не ошиблась... Знаю, найдутся добрые люди, которые тебя будутъ съ толку сбивать и скажутъ, что барону сорокъ-пять лѣтъ и что онъ тебѣ не партія .. Но вѣрь, что это бòльшею-частью говорится изъ зависти. Ты, я думаю, помнишь покойную сестру Марью Прокофьевну? Она была красавица и въ восьмнадцать лѣтъ вышла за зятя Аркадія Иваныча, которому было за пятьдесятъ, да покойникъ былъ еще не барону чета, подлинно некрасивъ, а сестра прожила-таки пресчастливо. Онъ у нея ходилъ по стрункѣ, и ей отказу ни въ чемъ не было... Вѣдь одна слава, мой дружокъ, что за тобой полмильйона. Какіе полмильйона! Да и Ванѣ-то достанется всего-навсе тысячъ триста.

— Я выйду за барона, повторила Дуня твердымъ голосомъ, словно ей хотѣлось прекратить разсужденія княгини.

— Вѣрь, душечка, что я тебѣ дурнаго не пожелаю. Сама подумай, какихъ здѣсь жениховъ дождешься. Статинъ женихъ, что ли? Вотъ Вѣтлицкій точно смотритъ порядочнымъ человѣкомъ, да двухъ тысячъ душъ у него нѣтъ. Онъ, кажется, начинаетъ за тобой ухаживать? а?..

— Онъ былъ очень-любезенъ сегодня, отвѣчала Дуня.

— А Статинъ-то! лица на немъ нѣтъ, бѣдняжка! Я раза два замѣтила, кàкъ онъ растерялся, когда ты съ нимъ начинала говорить. Застрѣлится завтра!

Старуха засмѣялась; Дуня улыбнулась какъ-то горько и злобно.

— Что дѣлать! продолжала княгиня.—У твоего отца, конечно, было четыре тысячи душъ, да времена-то были плохія; его же вина: въ спекуляціи пустился... А то бы ты была первой невѣстой не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Тамъ жениховъ побольше. Думала я ѣхать въ Петербургъ будущей зимой, да здоровье плохо, и доходы, должно-быть, будутъ плохи... Приданое я тебѣ выпишу изъ Петербурга.

— Merci, grand maman, отвѣчала Дуня, цалуя у ней руку.

— Теперь слушай, продолжала княгиня: — счастье твое въ твоихъ рукахъ; но, кажется, ты такъ умна, что сама все поймешь. Вопервыхъ, баронъ въ тебя влюбленъ.

— Онъ въ меня не влюбленъ, отрывисто сказала Дуня.— Я ему нравлюсь, и онъ хочетъ устроиться. Пора: ему сорокъ-пять лѣтъ!

— Ты меня будешь увѣрять, что баронъ въ тебя не влюбленъ? Вотъ прекрасно! Кажется, я тебя поопытнѣе. Онъ человѣкъ положительный и неглупый. Ты очень-умна. Поведи его кàкъ слѣдуетъ, и ты изъ него сдѣлаешь все, чтó хочешь. Семейное счастье, мой другъ, всегда зависитъ отъ умной жены: этого ты не забывай. Молодой женщинѣ надобно веселиться. Твое положеніе въ свѣтѣ блистательно, и я надѣюсь, что ты его поддержишь какъ слѣдуетъ. А сорока-пяти-лѣтній мужъ богатый, съ связями и съ приличнымъ именемъ— ужь самъ-по-себѣ сильная поддержка въ свѣтѣ. Романическихъ глупостей у тебя въ головѣ нѣтъ, я въ этомъ увѣрена. Веселись, кàкъ свойственно твоимъ лѣтамъ. Главное, всегда бойся молвы... Говорить вѣдь ни кому не запретишь... Да что ты вздрагиваешь? Не-уже-ли тебѣ холодно? Надѣнь мою желтую шаль... Куда ее Прасковья положила?

— Ничего, бабушка, я согрѣюсь. Да, кажется, вамъ пора отдохнуть.

— Точно. Главное сказано, а завтра успѣемъ еще поговорить. Поди спать, Душенька, да не задумывайся, а то зав-

тра блѣдна будешь. Посмотри, ты и теперь ни на что̀ не похожа. Завтра надѣнь голубое платье, что̀ съ воланами: оно тебѣ очень-къ-лицу.

Княгиня, прощаясь съ Дуней, поцаловала ее лишній разъ.

Мѣсяцъ спустя, свадьба Дуни совершилась на дачѣ, въ присутствіи однихъ родственниковъ жениха и невѣсты. Наканунѣ свадьбы она поручила Ванѣ передать письмо Статину, который не являлся съ роковаго дня. «Это отвѣтъ на его записку», сказала она.

Въ августѣ Дуня уѣхала изъ Москвы. Баронъ повезъ ее представить своей матери, которая жила въ одной изъ нашихъ остзейскихъ губерній.

Я коротко зналъ Вѣтлицкаго и думаю, что не легко встрѣтить человѣка привлекательнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Ему было тридцать-пять лѣтъ; наружность его вообще нравилась женщинамъ, и никогда ему не случалось явиться въ общество, чтобъ не спросили, кто онъ. У него были всѣ пріемы джентльмена; мужскихъ бесѣдъ онъ не любилъ, и друзей у него не было, такъ-что всѣ его связи ограничивались добрымъ знакомствомъ. Его умъ, обработанный свѣтомъ и навыкомъ болѣе, чѣмъ серьёзными занятіями, былъ крайне-гибокъ и надѣленъ рѣдкою способностью не впадать въ повторенія. Остроты его никогда не переходили границъ тонкой ироніи, безъ умолку сыпались, когда Григорій Павловичъ бывалъ въ духѣ, и достигали полной меткости, потому-что онъ ихъ говорилъ необыкновенно-просто, безъ малѣйшаго возвышенія голоса. Женщинъ Вѣтлицкій любилъ исключительно, и въ его сношеніяхъ съ ними измѣнялся его обычный характеръ. Онъ вообще слылъ за человѣка положительнаго; но когда случалось ему влюбляться, въ немъ обнаруживалась экзальтація, несродная съ его понятіями и холодною волей. Тогда онъ былъ готовъ на всѣ возможныя и невозможныя пожертвованія. Онъ словно сроднился съ женщинами, имѣлъ друзей и повѣренныхъ только между ними... Его раздражительной и утонченной организаціи необходимы были тишина, женскій

говоръ, слабый запахъ комнатныхъ цвѣтовъ и шорохъ шелковаго платья. Вѣтлицкій получилъ способность скоро посвящаться въ задушевныя женскія мысли, съ разу пріобрѣтать многія преимущества стараго знакомства и становиться на ногѣ любезной короткости, при соблюденіи всѣхъ условій строгаго приличія. Здороваясь съ женщиной, онъ удерживалъ ея руку въ своей, пока съ нею говорилъ.... Зато иныя женщины съ перваго раза внушали ему отчужденіе. Онъ въ женщинѣ любилъ мягкія свойства и, наоборотъ, не терпѣлъ всего, что̀ выступало изъ круга чисто-женскихъ добродѣтелей. Къ-несчастью, онъ нерѣдко внушалъ самое нѣжное расположеніе именно тѣмъ женщинамъ, которыя ему не нравились; на ихъ привѣтливыя рѣчи отвѣчалъ ледяными словами, и даже не отвѣчалъ вовсе, когда это могло согласоваться съ законами учтивости и свѣтскихъ приличій. Въ свѣтскихъ отношеніяхъ такое упорство предубѣжденій становилось недостаткомъ. Впрочемъ, я не знавалъ человѣка скромнѣе и уживчивѣе. Что касается до другихъ сторонъ его характера, въ нихъ, сколько я имѣлъ случай ихъ изучить, встрѣчались рѣзкія противоположности. Невозможно было не признать въ Вѣтлицкомъ самыхъ добрыхъ и мягкихъ свойствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обиды онъ не прощалъ, оттого, можетъ-быть, что оскорбленное самолюбіе неумолимо и беретъ верхъ надъ всѣми чувствами. Вообще онъ былъ недовѣрчивъ, даже мнителенъ. Поэзіи, несморя на многія поэтическія условія своей личности, онъ не любилъ и не понималъ.

Послѣ отъѣзда Авдотьи Николаевны я рѣдко встрѣчался съ Вѣтлицкимъ. Его постигнулъ сплинъ, и онъ поѣхалъ въ деревню, забывая, что деревня плохо лечитъ отъ сплина. Однако ему посчастливилось: онъ былъ утѣшенъ какимъ-то нежданнымъ сосѣдствомъ; потомъ соскучился и отправился въ Петербургъ слушать итальянскую оперу. Говорятъ, что и тутъ ему посчастливилось, и онъ опять соскучился и воротился въ Москву.

По свѣтъ ему надоѣлъ, и его не встрѣчали иначе, какъ въ самомъ уютномъ кругу короткаго знакомства. Отшельничество Григорья Павловича стало на нѣкоторое время предметомъ жалобъ и комментарій московскихъ гостиныхъ. Жалобы не трогали сердца Вѣтлицкаго, а надъ комментаріями онъ отъ души смѣялся, когда бывалъ въ веселомъ расположеніи духа,

и оставался доволенъ своей спокойною жизнью, и тихими вечерними бесѣдами.

Авдотья Николаевна ужь цѣлые три года была замужемъ, а въ Москвѣ ея еще не видали. *Я* желалъ бы попрежнему называть ее Душей или Дуней, но, становясь дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ разсказѣ, лишаюсь права употреблять всякое уменьшительное имя и по возможности буду избѣгать этой замашки людей дурнаго тона. Изъ нашихъ прибалтійскихъ губерній она на пароходѣ переѣхала въ Германію, гдѣ прожила два года. Въ Россію она ни къ кому не писала, кромѣ княгини Криницкой, и то рѣдко. Мало-по-малу Москва стала о ней забывать, какъ вдругъ разнесся слухъ о ея возвращеніи изъ-за границы, и въ гостиныхъ снова о ней заговорили. Ея сверстницы и прежніе обожатели принялись вспоминать многіе анекдоты того времени, когда она выѣзжала, и ужасаться ея кокетства.

Одинъ Статинъ оставался ей вѣренъ, хотя трехлѣтняя разлука почти излечила его сердечный недугъ. Онъ никому не сообщалъ содержанія письма, полученнаго имъ отъ Авдотьи Николаевны; но узнали нечаянно о существованіи этого письма, и оно явилось въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, совершенно-неизвѣстнымъ автору. Статинъ былъ очень-обрадованъ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ баронессы Мансфельдъ и продолжалъ говорить, что она оклеветанная и превосходная женщина.

Она показалась въ Москву въ началѣ зимы, и, нѣсколько дней спустя, я былъ ей представленъ на раутѣ. Мы едва успѣли обмѣняться нѣсколькими словами. Авдотья Николаевнаскоро уѣхала; мнѣ показалось, что она очень пополнѣла и что всѣ черты ея сформировались. Многіе находили, что она не сдержала обѣщаній своей первой молодости, что въ ней мало блеска, что она даже блѣдна; но мнѣ она очень понравилась. Тонкія линіи ея профиля и простота наряда рѣзко отличали ее отъ другихъ женщинъ. Впрочемъ, видя ея мелькомъ, я на этотъ разъ долженъ былъ ограничиться поверхностными наблюденіями. На слѣдующее утро отправился я къ ней съ визитомъ.

Меня ввели въ маленькій кабинетъ, гдѣ я засталъ ее въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. На ней еще былъ утренній пеньюаръ; она стояла на стулѣ и устанавливала книги на

рѣзную этажерку орѣховаго дерева, только-что принесенную изъ магазина. Полный и румяный мальчикъ сидѣлъ на коврѣ возлѣ ея стула; по временамъ, она нагибалась къ нему съ книгой въ рукѣ, и, собравъ всѣ листья въ руку, распускала ихъ вѣеромъ у лица ребенка. Онъ опрокидывался, заливаясь свѣжимъ дѣтскимъ смѣхомъ, и Авдотья Николаевна тоже принималась смѣяться.

— Здравствуйте, сказала она, увидѣвъ меня.—Pardon... дайте мнѣ кончить, а лучше всего помогите мнѣ установить остальныя книги.

Я принялся за работу. Вся маленькая библіотека состояла изъ романовъ Бальзака и Занда въ щегольскомъ переплетѣ изъ голубаго пергамента съ золотымъ обрѣзомъ. Когда мы кончили, она спрыгнула на коверъ, взяла сына на руки, расцаловала его и потрепала по щекѣ.

— Какъ вы находите этого молодаго человѣка? сказала она мнѣ. — Не правда ли, мы очень-милы?

Ребенокъ былъ замѣчательно-хорошъ и, несмотря на свои темные волосы, походилъ на мать. Она его отдала нянѣ и съ усталымъ видомъ опустилась на диванъ.

Мнѣ прежде случалось встрѣчать Авдотью Николаевну въ свѣтѣ, но теперь я на нее смотрѣлъ какъ на новое явленіе. Такъ много о ней говорили, и съ такими противорѣчіями, что я въ ней доискывался чего-то особеннаго. Что касается до наружности ея, я убѣдился, что она пріобрѣла много красоты, если и утратила много прежней свѣжести. Мнѣ легко удалось вызвать ее на разговоръ, и она мнѣ показалась живою безъ вспыльчивости и веселою безъ жеманства; смѣялась она рѣдко и улыбалась часто. Я нашелъ, что она очень-умна, хотя и подвержена недостатку, общему многимъ женщинамъ: говоря о серьёзныхъ вещахъ, она выказывала много воображенія, но часто впадала въ односторонность. Я это замѣтилъ ей; она было-принялась меня оспоривать, потомъ согласилась со мною. Потомъ стала она напѣвать итальянскую арію, взяла со стола маленькую пилочку и принялась чистить свои длинные и тонкіе ногти. Не помню ка̀къ, но въ разговорѣ мнѣ довелось назвать Вѣтлицкаго.

— Вы его знаете? спросила она разсѣянно:—что̀ онъ дѣлаетъ?

— Онъ поссорился съ свѣтомъ и живетъ въ уединеніи.

Она заговорила о другомъ.

Простившись съ Авдотьей Николаевной, я остался совершенно подъ вліяніемъ ея ума и неподдѣльной простоты, и съ того утра сталъ часто ее навѣщать; впрочемъ, это было почти единственнымъ средствомъ съ нею видѣться, потомучто на балы она рѣдко являлась. Замужство и хорошее общество дѣйствительно преобразовали ее; но тѣмъ не менѣе въ ней проглядывала прежняя Дуня, хотя разоблаченная отъ всего привитаго дурнымъ воспитаніемъ, съ характеромъ выдѣланнымъ вполнѣ. Каждое ея движеніе стало выраженіемъ ея личности; она отрывисто произносила иныя слова, особенно тѣ, которыми высказывалась воля, и часто въ рѣчахъ ея проявлялся колкій намёкъ, прикрытый мягкою формою. Въ ней не было ни тѣни экзальтаціи, ни романизма, составляющихъ всю прелесть многихъ женщинъ. Напротивъ того, самостоятельная положительность ея характера не допускала и мысли о возможности увлеченія. Объ обществѣ и его условіяхъ она судила хладнокровно и здраво въ полномъ смыслѣ слова, не возставая на прозу жизни, какъ выражаются многія женщины. Она была скрытна, и проникнуть въ тайны ея семейной жизни, казалось, невозможно. Не умѣю рѣшить, принадлежала ли она къ числу тѣхъ женщинъ, которыя пріобрѣтаютъ безукоризненную репутацію цѣною всего своего существованія, или дѣйствительно довольствовалась она своимъ отличнымъ положеніемъ въ свѣтѣ и блескомъ своей гостиной и нарядовъ. Многіе говорили, что баронъ ревнивъ, не спускаетъ глазъ съ Авдотьи Николаевны и неохотно дозволяетъ ей выѣзды. Но такая догадка опровергалась образомъ жизни барона. По утрамъ онъ бывалъ на службѣ и занимался дѣлами; правда, обѣдалъ дома, но на вечерà своей жены не являлся почти никогда и обыкновенно проводилъ ихъ за карточнымъ столомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ требовалъ, чтобъ Авдотья Николаевна принимала, и приглашалъ къ себѣ порядочныхъ молодыхъ людей, даже самъ представлялъ ихъ Авдотьѣ Николаевнѣ и звалъ на свои обѣды. Онъ былъ гастрономъ, хлѣбосолъ и, что̀ называется, человѣкъ неизмѣнно-приличный въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Но, признаюсь, его солидныя лѣта, его флегматическая личность представлялись мнѣ тяжкимъ вопросомъ о счастіи Дуни.

Не знаю почему, я невольно думалъ о Вѣтлицкомъ и ждалъ отъ первой его встрѣчи съ Авдотьей Николаевной завязки

драмы, которой не умѣлъ придумать конца. Разскажу вамъ эту встрѣчу; она случилась мѣсяца полтора послѣ пріѣзда Авдотьи Николаевны въ Москву.

Вѣтлицкій попрежнему не выѣзжалъ вовсе, но не могъ отдѣлаться отъ именинпаго вечера у одной изъ своихъ родственницъ. Авдотья Николаевна была также на этомъ вечерѣ. Я посмотрѣлъ на нее, когда Вѣтлицкій вошелъ въ гостиную, но она его не видала. Онъ подошелъ къ хозяйкѣ дома, сталъ у окна, поговорилъ съ двумя-тремя знакомыми, объявилъ, что ему скучно, и собрался ѣхать.

— Погодите, сказалъ я ему: — я васъ представлю очень-замѣчательной женщинѣ.

— Я ихъ не люблю, отвѣчалъ онъ, взявшись за шляпу: — кто она такая?

— Авдотья Николавна Мансфельдъ...

— А! Говорятъ, она похорошѣла. Но все такая же кокетка?

— Нѣтъ; увидите сами.

— Да гдѣ она?

Я ему показалъ Авдотью Николаевну, которая въ эту минуту перелистовала кипсекъ на другомъ концѣ комнаты. Григорій Павловичъ былъ близорукъ; онъ прищурился и сказалъ:

— Пожалуй. Говорятъ, она похорошѣла.

Мы подошли къ Дунѣ. Она подняла голову, очень покраснѣла и довольно-небрежно поклонилась Вѣтлицкому. Онъ сѣлъ воздѣ нея, и они скоро разговорились объ ея путешествіи и о множествѣ посторонныхъ предметовъ. Авдотья Николаевна говорила свободно и смѣялась. Она встала, чтобъ ѣхать; Вѣтлицкаго не звала къ себѣ; онъ самъ просилъ позволеніе быть у нея.

— Я дома по четверкамъ, отвѣчала она и съ этимъ словомъ удалилась. Я проводилъ ее до кареты и, надѣвая на нее шубу, просилъ извиненія, что представилъ ей пріятеля не спрося предварительно ея согласія.

— Вѣдь я его знавала прежде, отвѣчала она. Во всякомъ случаѣ, вы меня избавили отъ кипсека и познакомили съ умнымъ человѣкомъ.

Она протянула мнѣ свою маленькую ручку, обтянутую бѣлой перчаткой, слегка-надушенной, и исчезла. Вѣтлицкаго я

завезъ домой и спросилъ у него, ка̀къ онъ нашелъ Авдотью Николавну.

— Она дѣйствительно похорошѣла, отвѣчалъ онъ: — и замужство ей во всѣхъ отношеніяхъ очень удалось. Все-таки она не по-мнѣ; но справедливость я ей отдаю, и поѣду къ ней съ утреннимъ визитомъ. Она меня какъ-то небрежно звала, оттого я къ ней и поѣду. Что̀, много у ней бываетъ по четверкамъ?

— Нѣтъ; человѣкъ десять, пятнадцать.

— И все мужчины?.. Ну! кажется, по четверкамъ я не ѣздокъ.

— Напрасно: бываютъ и женщины. Вечеръ очень-оживленъ.

— Замѣтили вы, что Статинъ по ея милости вовсе рехнулся? Вчера мы встрѣчаемся на улицѣ; я ему говорю: здравствуйте, а онъ мнѣ отвѣчаетъ:

«Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь одно мгновенье...»

Плохо̀! подумалъ я. Далѣе, разумѣется, не помню, а ужь это онъ мнѣ натвердилъ...

На другой день Вѣтлицкій отправился къ Авдотьѣ Николаевнѣ и не засталъ ея дома; онъ пріѣхалъ въ слѣдующій четверкъ и остался доволенъ вечеромъ. Авдотья Николаевна любила общество и умѣла оживлять эти интимные вечера, вообще отличающіеся пустотой и однообразіемъ. Съ Вѣтлицкимъ она разговаривала довольно-долго и чрезвычайно-тонко и умно отъигрывалась отъ его шутокъ, иногда довольно-колкихъ, но ни на волосъ не обращала на него болѣе вниманія, чѣмъ на другихъ. Уѣзжая домой, Вѣтлицкій былъ очень въ-духѣ, что̀ было залогомъ будущихъ посѣщеній. Дѣйствительно, онъ сталъ являться чаще и чаще въ гостиной Авдотьи Николаевны; онъ не умѣлъ скучать, и ему необходимо было заниматься чѣмъ-нибудь, то-есть собственно женщиной, съ какой бы то ни было цѣлью, если только можно допустить въ этомъ случаѣ, что цѣль непостоянно одна и та же. По-крайней-мѣрѣ, неимовѣрно-разнообразны были пріемы Ветлицкаго, которые онъ успѣлъ приспособлять къ понятіямъ и характеру каждой женщины. Онъ всегда безошибочно-вѣрно опредѣлялъ свое собственное положеніе и не имѣлъ

слабости льстить своимъ чувствамъ и преувеличивать ихъ въ собственныхъ глазахъ; не искалъ душевнаго влеченія тамъ, гдѣ его быть не могло, и, очень-охотно допуская такое отсутствіе въ дѣлѣ чистаго самолюбія и прихоти, выжидалъ только удобной минуты, чтобъ приступить къ последнему вопросу. Вѣтлицкій вѣрилъ въ свои силы, несмотря на то, что не было возможности упрекнуть его ни въ чемъ похожемъ на нескромность. Къ Авдотьѣ Николаевнѣ онъ казался совершенно-равнодушнымъ, а между-тѣмъ умѣлъ стать съ ней на ногу совершенной короткости, бывалъ у нея каждый день, о молодыхъ же людяхъ, увивавшихся около нея, не заботился ни мало; вступать съ кѣмъ-нибудь въ соперничество было совершенно противно его правиламъ. Свои частыя посѣщенія объяснялъ онъ капризами своего воображенія, на которое, говорилъ онъ, сильно дѣйствуетъ Авдотья Николавна. Въ ней самой онъ находилъ много частныхъ перемѣнъ къ лучшему, но увѣрялъ, что ни чуть въ ней не сгладились черты дурнаго воспитанія, что оно проглядывало въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ ея движеніи, что теперь ея испорченная природа получила свое полное развитіе, и прежняя кокетливая дѣвочка очень-естественнымъ путемъ преобразовалась въ разсчетливую и холодную женщину. Жаль, прибавлялъ онъ: потому-что она умна и хороша собой.

Въ Большомъ Театрѣ давали безконечную драму въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Не знаю, по какому случаю Авдотья Николаевна была въ театрѣ и терпѣливо выслушивала пьесу. На третьемъ дѣйствіи баронъ отправился, поручая жену Вѣтлицкому только-что вошедшему въ ихъ ложу. Авдотья Николавна погрузилась въ кресла и казалась утомленною отъ скуки. Григорій Павловичъ предложилъ ей ѣхать домой, чтобъ вмѣстѣ провести остальную часть вечера. Авдотья Николаевна поспѣшно встала; глаза ея блеснули; въ Вѣтлицкомъ замѣтилъ я лихорадочное движеніе радости. Имъ, наконецъ, въ первый разъ предстоялъ случай видѣться наединѣ. Я въ это время стоялъ у ложи; вдругъ Авдотья Николаевна нагнулась ко мнѣ и сказала:

— Вамъ, вѣроятно, скучно... я вамъ предлагаю чашку чаю у себя — хотите?

Вѣтлицкій слегка поблѣднѣлъ, что̀ съ нимъ нерѣдко случалось, когда онъ бывалъ взбѣшенъ; но онъ привыкъ вла-

дѣть собою и тотчасъ же обратился ко мнѣ съ предложеніемъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, накинулъ шаль на плечи Авдотьи Николаевны и посадилъ ее въ карету. Дорогой онъ удивительно-мило разсказывалъ по-своему сюжетъ драмы и придумывалъ конецъ. Когда мы пріѣхали, Авдотья Николаевна спросила чаю и ушла въ кабинетъ, чтобъ переодѣться. Вѣтлицкій сѣлъ у камина, раздулъ огонь и молча сталъ грѣть руки. Подали самоваръ, и Авдотья Николаевна вошла въ гостиную. На ней былъ пеньюаръ голубаго цвѣта и черная кружевная косыночка на головѣ. Ее дѣйствительно утомило представленіе: она была блѣдна, но, не жалуясь на усталость, сѣла за чайный столъ.

— Вы, кажется, легко устаете? спросилъ ее Вѣтлицкій.

— Да̀, отвѣчала она.—Я была очень-больна въ чужихъ краяхъ; это съ–тѣхъ–поръ.

— Отчего вы были больны?

— Отъ самой прозаической причины: я ѣздила верхомъ и упала съ лошади.

— Зная васъ, сказалъ я: — готовъ биться объ закладъ, вы не сознаѐтесь въ томъ, что на васъ точно такъ же могла бы подѣйствовать и другая причина, нефизическая.

— Можетъ-быть.

— Это недостатокъ, позвольте вамъ замѣтить. Къ-чему всегда играть роль и не сознаваться въ иныхъ чувствахъ?

— Вѣроятно потому, что чувства несовсѣмъ-похвальны.

— Въ счастливо-надѣленной природѣ такія чувства не существуютъ.

— Вы ошибаетесь.

— Положимъ, что и существуютъ; но въ иномъ случаѣ непремѣнно высказываются.

— Нѣтъ! Пріятно иногда морочить людей: право, для того только не высказываешься.

— Иныхъ людей трудно морочить, сказалъ Вѣтлицкій.

— Полноте, Григорій Павлычъ; вы первые на это способны болѣе чѣмъ кто-нибудь. Развѣ вамъ не случалось обманывать вашего лучшаго пріятеля?

— Въ какомъ случаѣ?

— Да почти во всѣхъ. Вы счастливы — это тайна; вы грустны—опять тайна; о причинахъ мы говорить не будемъ.

— А я именно и настаиваю на причины. Я грустенъ бываю тогда только, когда у меня сплинъ; а сплинъ на меня наводитъ драма въ пяти дѣйствіяхъ и морозы въ двадцать-пять градусовъ. Отчего же этого не повѣрить лучшему пріятелю?

— Не-уже-ли только драмы и морозы?

— Не-уже-ли же любовь? Помилуйте! Какъ такую прекрасную вещь обращать въ причину тоски?

— Однако, можетъ же случиться, что вамъ не посчастливится?

— Я вамъ покажусь крайне-самонадѣяннымъ; но этого случиться не можетъ.

— По-крайней-мѣрѣ, я подумаю, что вы слѣпо вѣруете въ вашу судьбу.

— Нѣтъ, я не фаталистъ, а просто не понимаю людей, которые влюбляются подобно Дон-Кихоту и рѣшаются на первый шагъ безъ ручательства въ успѣхѣ.

— Теперь я буду думать, что вы глубокій математикъ въ любви, и очень-счастливы, если вамъ по вкусу такая любовь.

— Не правда ли?

— Знаете, мнѣ кажется, что вы себя немного оклеветали въ описаніи вашей любви?

— Я васъ увѣряю, что говорю правду, и не вижу почему, поступая такъ, какъ говорю, я поступалъ бы хуже другаго.

— А можетъ-быть. Я не заступаюсь за свое сомнѣніе и такъ мало знаю васъ, что могу только предположить.

Я подумалъ: «нашла коса на камень».

Разговоръ замялся; настала минута молчанія; Авдотья Николаевна пожаловалась на холодъ; Вѣтлицкій надѣлъ на ея плечи горностаевую мантилью, брошенную на кресло; потомъ взялъ ея руку, удержалъ ее въ своей и сталъ слегка растирать, чтобъ она согрѣлась; Авдотья Николаевна не отнимала руки. Это продолжалось нѣсколько минутъ. Авдотья Николаевна вдругъ повеселѣла и стала невыразимо-мила. Щеки ея разгорѣлись; право, она кокетничала, но такъ удачно и тонко, что нельзя было не приписать къ случаю, можетъ-быть, и обдуманность. Мантилья скользила съ плечъ Авдотьи Николаевны, и Григорій Павлычъ поднималъ ее. Не знаю, какъ ему пришлось подвинуть подушку подъ ножки Дуни,

и какъ изъ-подъ широкихъ складокъ платья выглянула маленькая ножка и скрылась въ ту же минуту. Авдотья Николаевна курила пахитосы, смѣялась, дразнила Вѣтлицкаго и на всѣ наши слова отвѣчала парадоксами.

Въ два часа я взялся за шляпу и простился. Авдотья Николаевна мнѣ сказала: «До завтра... а теперь точно пора отдохнуть.»

— И я усталъ послѣ драмы и вашихъ нападокъ, поспѣшно сказалъ Вѣтлицкій.

Мы вышли вмѣстѣ. На другой день мы съ нимъ встрѣтились опять у Авдотьи Николаевны. Она казалась задумчивой, даже скучной; вчерашней Дуни въ ней нельзя было узнать. Вѣтлицкій мимоходомъ упомянулъ о вчерашнемъ вечерѣ... она, казалось, не понимала. Вѣтлицкій перещеголялъ ее равнодушіемъ, навелъ разговоръ на предметы вовсе-незанимательные ни для себя, ни для насъ, и они разстались, какъ обыкновенно, полудрузьями.

Трудно было отгадать развязку такихъ отношеній. Авдотья Николаевна была хитра и не забыла, что нѣкогда гордость ея была сильно оскорблена Вѣтлицкимъ. Вѣтлицкій былъ очень-самолюбивъ, и можно навѣрное сказать, что его самолюбіе никогда не бывало до такой степени раздражено. Новость положенія нравилась его праздному воображенію, и онъ вступалъ въ равный бой съ наслажденіемъ и, вѣроятно, не безъ тайной надежды на побѣду.

Однако прошло два мѣсяца, и ихъ отношенія, казалось, не измѣнились нисколько. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней Авдотьи Николаевны разсматривали ея портретъ, недавно-присланный изъ-за границы. Она была изображена въ бѣломъ платьѣ, съ вѣткой геліотропа въ волосахъ. Григорій Павловичъ вошелъ въ гостиную въ ту минуту, какъ портретъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Онъ взялъ его и сталъ внимательно разсматривать. Я издали поглядѣлъ на Дуню. Она сидѣла прислонясь къ спинкѣ креселъ и пристально смотрѣла на Вѣтлицкаго. Ея подбородокъ опирался на кончикъ вѣера, который она крѣпко сжимала въ рукахъ. Въ первый разъ Авдотья Николаевна забылась. Вѣтлицкій поставилъ портретъ на столъ и сказалъ:

— Отличная акварель... Я нахожу только, что голубой цвѣтъ вамъ болѣе къ лицу, нежели бѣлый.

— Я положилась на вкусъ портретиста, равнодушно отвѣчала Авдотья Николаевна.

Вскорѣ послѣ этого вечера Авдотью Николаевну стали рѣже заставать дома. Она начала выѣзжать на балы, которые въ эту зиму возобновлялись безпрестанно. Нѣсколько разъ случалось, что, во время утренняго моего посѣщенія, ей приносили букетъ отъ неизвѣстнаго обожателя. Она говорила, что это дань, заплаченная ея кокетству, и небрежно бросала цвѣты на столъ. На балѣ Авдотья Николавна была очаровательна. Несмотря на довольно-серьёзное свое направленіе, она казалась перенесенною въ свою сферу, когда ея головка мелькала въ вихрѣ вальса, или польки. Воздушное платье, обвитое гирляндами, цвѣты, искусно разбросанные въ волосахъ, а болѣе всего красота, исполненная огня и жизни, придавали ей видъ сильфиды. Не знаю, почему мазурки она не танцовала вовсе и всегда первая уѣзжала съ бала, не внимая ни просьбамъ, ни ропоту своихъ поклонниковъ. Однакожь все шло постарому, и я, признаюсь, пересталъ-было ждать перемѣны, какъ вдругъ совершенно-невѣроятный случай довелъ до моего свѣдѣнія сцену окончательно-опредѣлившую отношенія Вѣтлицкаго къ Авдотьѣ Николавнѣ.

Какъ-то баронъ Мансфельдъ звалъ Вѣтлицкаго обѣдать; обѣдали поздно, а послѣ обѣда довольно-долго разговаривали. Авдотья Николаевна въ этотъ вечеръ собиралась на балъ. Когда ей доложили, что пришелъ парикмахеръ, Григорій Павловичъ взялъ шляпу и уѣхалъ. Онъ явился ко мнѣ въ необыкновенно-веселомъ расположеніи духа; мы вмѣстѣ напились чаю, онъ выкурилъ сигару и, прощаясь со мной часовъ въ одиннадцать, сказалъ:

— Я сегодня необыкновенно расположенъ ухаживать за Авдотьей Николаевной; жаль, что ея нѣтъ дома. Къ ней очень идутъ букли à la Vallière.

Проѣзжая мимо оконъ Авдотьи Николаевны, Вѣтлицкій увидѣлъ огонь въ ея кабинетѣ. У подъѣзда не было экипажа; Авдотья Николаевна могла быть у себя. Григорій Павловичъ вошелъ, и былъ принятъ.

Авдотья Николаевна лежала на кушеткѣ противъ камина и разсѣянно курила пахитоску. Въ волосахъ ея оставались бальные цвѣты, забытые и полуизмятые. Она съ удивленіемъ

посмотрѣла на Вѣтлицкаго и спросила, не забылъ ли онъ чего-нибудь.

Вѣтлицкій разсказалъ просто, по какому случаю онъ попалъ къ ней, и сѣлъ возлѣ нея, разспрашивая, почему она не поѣхала на балъ.

— Моя карета сломалась, отвѣчала она, и я придралась къ этому обстоятельству, чтобъ не ѣхать. Балъ будетъ скученъ.

Разговоръ не вязался. Вѣтлицкій взялъ книгу и сталъ читать вслухъ. Авдотья Николаевна вдругъ остановила его, говоря, что его чтеніе раздражаетъ ей нервы.

— И мнѣ тоже, отвѣчалъ Григорій Павловичъ, придвинувъ свой стулъ къ кушеткѣ. Спросите у меня, съ какою цѣлью я сталъ читать — право, не знаю!

Авдотья Николаевна улыбнулась. Вѣтлицкій бросилъ книгу, слегка нагнулся и понюхалъ цвѣты, которыми была убрана голова Дуни. Она привстала и сказала:

— Вы любите цвѣты? Посмотрите, какіе у меня на этажеркѣ чудесные гіацинты.

Вѣтлицкій едва разслушалъ эти слова. Уединеніе и красота Авдотьи Николаевны сильно на него дѣйствовали. Онъ былъ блѣденъ, и въ эту минуту голова у него закружилась не на шутку. Онъ сжалъ руку Авдотьи Николаевны и въ несвязныхъ словахъ сказалъ, что любитъ ее.

Авдотья Николавна смотрѣла на него долго. Въ ея грустномъ взорѣ не было замѣшательства любви и увлеченія. Она пожала ему руку и отвѣчала:

— Я васъ прошу, скажите мнѣ по совѣсти, любите ли вы меня?

— Я васъ люблю, убѣдительно отвѣчалъ Вѣтлицкій.

— Благодарю васъ за это слово, сказала она.—Вообразите, я думала, что вы меня любите шутя, отъ скуки...

Она платкомъ утерла слезы, навернувшіяся на ея глазахъ... Вѣтлицкій остолбенѣлъ.

— Я васъ люблю тоже, продолжала Авдотья Николаевна: — я васъ давно люблю... вы это отгадали, несмотря на мои усилія скрыть отъ васъ свое чувство... Не обвиняйте меня въ холодности. Вы часто говорите, что съ чувствомъ не торгуются; но вѣрьте, женщина, покорная своему долгу, не всегда холодная женщина... Вѣтлицкій, я часто плакала до

утра у этого камина, послѣ вечера, проведеннаго съ вами... Мужъ мой честный человѣкъ, и я его не обману. Было время, когда тщеславіе и дурное воспитаніе заглушили во мнѣ добрыя свойства. Замужство мнѣ объяснило, что̀ такое честь, и съ-тѣхъ-поръ я не смѣюсь надъ любовью. Между нами не будетъ борьбы; мы не допустимъ той минуты, въ которую бы мнѣ пришлось выбирать между вами и моими обязанностями... Мы далѣе не пойдемъ. Я дала себѣ слово, что счастлива не буду... меня трудно переспорить.

Авдотья Николаевна говорила съ усиліемъ, часто останавливалась; въ ея голосѣ слышались слезы. Вѣтлицкій, сильно-пораженный, не находилъ ни слова... Она сидѣла, опустивъ голову на грудь. Онъ взялъ ея руку, поцаловалъ и вышелъ.

Онъ не влюбился въ нее страстно, какъ вы, можетъ-быть, предполагаете; но ея неожиданное объясненіе вложило въ его душу самое неожиданное и самое нѣжное чувство. Съ той минуты Дуня наполнила его праздное существованіе. Онъ не искалъ случая ее видѣть наединѣ, иногда писалъ къ ней и говорилъ о ней съ особеннымъ уваженіемъ и нѣжностью. Когда она входила въ гостиную и была блѣднѣе обыкновеннаго, сердце его сжималось... онъ находилъ, что Дуня еще неотразимѣе, и не выносилъ мысли о ея страданіяхъ. Тогда онъ забывалъ всѣ принятыя имъ намѣренія и покушался слѣдовать за ея каретой... но легкое наклоненіе головы и грустная улыбка Авдотьи Николаевны выражали непобѣдимую рѣшимость, и Вѣтлицкій на 24 часа терялъ и сонъ и аппетитъ.

Но удержался ли этотъ порядокъ вещей?..

Въ моихъ глазахъ, Вѣтлицкій былъ оригиналъ, а Авдотья Николаевна — исключеніе между подобными ей женщинами. Онъ, казалось, не желалъ перемѣны въ своемъ положеніи, а она шла опредѣленной дорогой, не опасаясь ни себя, ни его. Много я помню разговоровъ и сценъ между ними; одна сцена осталась въ моей памяти.

У Авдотьи Николаевны былъ вечеръ; но около полуночи разъѣхалась бо̀льшая часть гостей, чтобъ попасть на балъ къ К***. Осталось человѣка три-четыре, которые, что-называется, переливали изъ пустаго въ порожнее, занимаясь жаркимъ споромъ объ истертыхъ вещахъ — о женщинахъ и о любви. Авдотья Николаевна не вмѣшивалась въ разговоръ. Какой-то петербургскій франтъ второстепеннаго общества обратился

къ ней съ вопросомъ, сильно-напоминающимъ бальный разговоръ губернатора съ двумя дамами въ «Мертвыхъ Душахъ»:

— Позвольте спросить, кáкъ вы опредѣляете любовь? Авдотья Николаевна улыбнулась и отвѣчала:

— Мои теоріи скучны... я лучше послушаю вашихъ.

— Моихъ? Я вотъ кàкъ опредѣляю любовь: въ ней много идеализма, но существенности еще болѣе. Извините, женщины не изъяты изъ общихъ законовъ.

Франтъ обратился потомъ къ Вѣтлицкому и заговорилъ о продолжительности любви. Вѣтлицкій долго отшучивался, наконецъ принужденъ былъ ему отвѣчать.

— Я увѣренъ, сказалъ онъ: — что мужчина можетъ надолго сохранить впечатлѣніе, произведенное на него женщиной. Это зависитъ отъ женщины. Правда, рѣдко встрѣчаются женщины такого рода; это почти исключеніе.

— Чтò вы понимаете подъ словомъ исключеніе? спросилъ Петербуржецъ. Исключеній нѣтъ...

— Вы ручаетесь за всѣхъ?

— Можно и за всѣхъ поручиться. Авдотья Николавна, вы думаете про-себя, что я крайне-дерзокъ, но право, это въ порядкѣ вещей.

— Трудно доказать, что это въ порядкѣ вещей!

— Да тутъ и доказательства становятся общими мѣстами...

— Мы оттого слабѣемъ въ добрыхъ намѣреніяхъ, что сначала торгуемся съ совѣстью, отвѣчала Авдотья Николаевна. —Кто жертвуетъ воображаемымъ счастьемъ строгости убѣжденій, тотъ не собьется на общій ладъ. Къ-чему разсуждать, сближать и сравнивать? Это насъ губитъ. Это страшная игра, гдѣ утомляются наши силы... Зачѣмъ ее затѣвать?

— Были романы, наполненные вашей теоріей; но историческаго факта нѣтъ въ ея оправданіе.

— Есть и факты, сказала Авдотья Николаевна.

— Въ какой же это исторіи? развѣ въ той, чтò пишетъ Александръ Дюма на «Желѣзную Маску»?

— M-lle de la Fayette.

— Повѣрьте, она удалилась отъ свѣта, чтобъ примириться съ совѣстью... А вотъ завтра даютъ водевиль Скриба *Une faute*, гораздо-правдоподобнѣе — поѣзжайте въ театръ. Да скажите, если бы все шло по вашимъ понятіямъ, было ли бы въ жизни достаточно одной дружбы?

— Да я не вѣрю дружбѣ между женщиной и мужчиной, замѣтилъ Вѣтлицкій: — начинаютъ съ любви и кончаютъ совершеннымъ равнодушіемъ.

Авдотья Николаевна быстро подняла голову и посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Вы такъ думаете, или шутите? спросила она.

Вѣтлицкій былъ не въ духѣ. Когда что-нибудь раздражало его нервы, онъ говорилъ не по убѣжденію, а подъ прямымъ вліяніемъ головной боли. Тогда, судя по обстоятельствамъ, онъ дѣлался скептикомъ, романтикомъ, или отжившимъ человѣкомъ. Хандра въ немъ была невыносима и обрывалась на всѣхъ окружавшихъ его, особенно же на людей, ему самыхъ близкихъ; по голосу Авдотьи Николаевны можно было угадать, что ей не понравились слова Вѣтлицкаго; онъ ихъ, однакожь, повторилъ не обинуясь.

— Я въ этомъ увѣренъ; иначе и быть не можетъ. Смѣшно было бы въ мои лѣта вѣрить небывалымъ чувствамъ, выдуманнымъ французскими романистами. Будемъ говорить положительно.

— Однакожь, сказала Авдотья Николаевна: — любовь невысказанная, нераздѣленная, близка къ дружбѣ; она готова на всѣ пожертвованія...

— Такая любовь не что иное, какъ игра воображенія; любовь не существуетъ безъ возврата. Изъ нея вообще дѣлаютъ какую-то педантку. Любять просто — можно разлюбить и вновь полюбить : на это закона нѣтъ, и всѣ теоріи смѣшны.

— Изъ вашихъ словъ можно заключить, что для васъ существуетъ одна минута — минута упоенія, и далѣе ничего.

— Все, чтó предшествуетъ этой минутѣ — восхитительно! отвѣчалъ Вѣтлицкій: — а за нею наступаетъ пустота до новаго впечатлѣнія. Повѣрьте, современемъ и вы будете такъ же думать, хотя теперь еще придерживаетесь исключительныхъ понятій.

— Не отвѣчайте за меня, Григорій Павлычъ, сказала Авдотья Николáевна съ свойственной ей холодной надменностью. — Странно придавать такъ мало значенія женщинѣ... Впрочемъ, въ вашихъ сужденіяхъ много скромности насчетъ чувства, которое мужчина способенъ внушить женщинѣ. Если вы дѣйствительно полагаете, что это чувство такъ легко и

скоро вымираетъ... спорить не о чемъ: у всякаго свои доводы и мысли, можетъ-быть, основанные на опытѣ...

— Именно на опытѣ, отвѣчалъ Вѣтлицкій своимъ тихимъ, неизмѣннымъ голосомъ. — Но, во всякомъ случаѣ, можно судить хладнокровно и не придавать самымъ простымъ вещамъ романическаго колорита. Я болѣе, нежели кто-нибудь, умѣю цѣнить женщинъ, но не могу имъ приписывать вовсе-чуждыя имъ свойства. Къ-чему? Женщина полюбитъ, и полюбитъ искренно, отъ внутренней способности любить, перешедшей даже въ необходимость. Самый же предметъ ея привязанности, выборъ этого предмета — дѣло чаще всего случайное; она точно также полюбила бы другаго, еслибъ такъ угодно было случаю — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія...

— Я думаю, сказала Авдотья Николаевна: — что въ жизни всякой женщины, устоявшей противъ искушенія, есть минуты тихаго торжества, которымъ она обязана тому, что никому на свѣтѣ не выдала своихъ убѣжденій. Знать себѣ цѣну — своего рода счастье. Вы всѣ разсуждали о любви... Право, лучшій изъ васъ не достоинъ любви благородной женщины.

Она закурила пахитоску и перемѣнила разговоръ; но Григорій Павловичъ продолжалъ доказывать хладнокровно, что онъ способенъ только на неэкзальтированное, невзыскательное чувство, потому-что совершенно примирился со всѣми недостатками человѣческой природы. Авдотья Николаевна старалась казаться веселой, и когда мы стали собираться домой, довольно-сухо простилась съ Вѣтлицкимъ.

Прощаясь со мной, она сказала:

— Право, хорошо прожить съ невинной совѣстью...

— То-то и есть, отвѣчалъ я. — Васъ страшно полюбить...

Она засмѣялась. На лѣстницѣ мы уговорились ѣхать въ театръ на другой день. Плесси играла въ водевилѣ Скриба. Вѣтлицкому было не по-себѣ; онъ, казалось, что-то придумывалъ и вдругъ сказалъ: «Кстати, я предложу Авдотьѣ Николаевнѣ взять для нея билетъ — она любитъ Плесси.»

Съ этимъ словомъ онъ вернулся въ гостиную.

Мы подождали его нѣсколько минутъ у подъѣзда. Авдотья Николаевна согласилась ѣхать въ театръ.

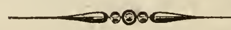
Но на другой день ея тамъ не было. Мы узнали, что ей нездоровится, и послѣ спектакля отправились о ней провѣдать.

— Вы напрасно не были въ театрѣ, сказалъ я: — Плесси очень-хорошо играла въ «Une faute»; право, вы не поѣхали изъ презрѣнія къ бѣдной Léonie...

Авдотья Николаевна не отвѣчала. Ветлицкій заговорилъ о Плесси...

Прощаясь съ Дуней, я поцаловалъ у нея руку. Я никогда не принималъ въ ней такого искренняго участія, какъ въ этотъ вечеръ.

ОЛЬГА Н***.



II.

РОДЪ И ДѢТСТВО ПУШКИНА.

Въ послѣдней книжкѣ «Москвитянина» за прошлый 1852 годъ, между матеріалами для исторіи русской словесности, которыми нерѣдко украшается журналъ этотъ, напечатана небольшая статья: подъ заглавіемъ: *Для біографіи Пушкина.* Кому дорога́ память великаго поэта, тотъ прочелъ ее, конечно, съ живѣйшимъ любопытствомъ. Она принадлежитъ Александру Юрьевичу Пушкину, родственнику покойнаго (со стороны матери). Хотя вся она состоитъ изъ подробностей, относящихся болѣе къ предкамъ и родственникамъ поэта, нежели къ нему самому, но тѣмъ не уменьшается ея занимательность и важность. Самъ Пушкинъ дорожилъ древностью своего рода и самыми мелкими извѣстіями о своихъ предкахъ; и хотя это уваженіе проистекало, быть-можетъ, отъ особенныхъ, частныхъ обстоятельствъ, тѣмъ неменѣе оно многозначительно. Итакъ нельзя не поблагодарить почтеннѣйшаго Александра Юрьевича за сообщенныя имъ свѣдѣнія.

Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе дороги, что до-сихъ-поръ въ нашей литературѣ очень-мало было говорено о родѣ Пушкиныхъ. Все, что́ мы о немъ знаемъ, заключается почти-исключительно въ краткихъ замѣткахъ самого поэта и въ немногихъ указаніяхъ Бантышъ-Каменскаго, который (замѣчу мимоходомъ) во второмъ томѣ своего «Словаря Достопамятныхъ Людей» (изд. 1847 года)

напечаталъ самую полную въ настоящее время біографію Пушкина. Правда, родословная Пушкиныхъ напечатана въ извѣстной «Родословной Книгѣ», изданной въ 1787 году въ Москвѣ; ее можно найдти также въ «Родословной Книгѣ», напечатанной недавно въ десятой книжкѣ «Временника» Общества Исторіи и Древностей; но это не болѣе, какъ исчисленіе собственныхъ именъ... Къ-тому же эта родословная не идетъ дальше конца XVII столѣтія.

Постараемся сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, болѣе-опредѣлительныхъ.

Прежде всего представляется вопросъ о древности рода Пушкиныхъ, объ этой древности, которою такъ дорожилъ незабвенный поэтъ. Пушкины происходятъ отъ прусскаго (1) выходца *Радши, мужа честна*, по выраженію лѣтописца (2). Этотъ Радша выселился къ намъ въ княженіе св. Александра Невскаго. Но отъ него ведутъ свой родъ Пушкины вмѣстѣ со многими другими родами; настоящій же предокъ ихъ, отъ котораго пошло ихъ имя, былъ нѣкто *Григорей Пушка*, потомокъ Радши, въ шестомъ колѣнѣ, какъ передаютъ намъ «родословцы». Когда жилъ этотъ Григорей Пушка и, слѣдовательно, когда повелись на Руси Пушкины—положительно сказать трудно, потому-что о Григорьи Пушкѣ упоминается только въ «родословцахъ» и нигдѣ не говорится въ другихъ историческихъ памятникахъ. Мы можемъ, однако, съ вѣроятностью помѣстить его въ началѣ XV вѣка, и именно на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Въ весьма-любопытномъ *счетномъ дѣлѣ*, или мѣстническомъ спорѣ Пушкина съ Плещеевымъ (3), первый говоритъ, что «прадѣда его не стало при Великомъ Князѣ Василіи Ивановичѣ, тому больши ста лѣтъ». Споръ происходилъ въ 1627 году, слѣдовательно прадѣдъ спорщика жилъ около двадцатыхъ годовъ XVI-го столѣтія, а этотъ прадѣдъ, по «родословцамъ», Иванъ, приходился правнукомъ Григорью Пушкѣ, то-есть происходилъ отъ него въ третьемъ колѣнѣ. Отсчитывая на три поколѣнія сто лѣтъ, мы должны будемъ отнести Григорья Пушку къ началу XV вѣка, или къ концу XIV-го. Это подтверждается еще тѣмъ, что праправнуки Пушки, то-есть четвертое колѣно, служили, какъ замѣчено въ родословной, *новгородскому владыкѣ Геннадію*, а Геннадій жилъ въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка († 1505).

---

(1) Вѣроятно, славянскаго; ибо Пруссія тогда еще не существовала. Когда составлялась родословная, тамошнія мѣста уже назывались не иначе, какъ Пруссіею.

(2) Карамз. т. IV, прим. III.

(3) «Временникъ», 1852, книга 14-я.

Итакъ, Пушкины пользуются почти пятисотлѣтнею давностью своего существованія на Руси, и поэтъ справедливо, хотя съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, хвалился своимъ *шестисотлѣтнимъ дворянствомъ*.

У Григорья Пушки было семь сыновей. Отъ нихъ, по разнымъ прозвищамъ, напримѣръ, Курчь, Рожонъ, Муса, Кологривъ, Шаѳеръ, Бобрище (4) и проч. пошли многіе наши роды, перечисленные въ родословныхъ. Пушкины собственно, удержавшіе прозвище родоначальника, пошли отъ пятаго изъ этихъ сыновей — Константина.

Мы не намѣрены излагать въ подробности родословную роспись Пушкиныхъ, тѣмъ болѣе, что это чрезвычайно-трудно сдѣлать, ибо перечень Пушкиныхъ, занимающій шесть страницъ извѣстной «Родословной Книги», весьма перепутанъ. Наша цѣль поговорить о Пушкиныхъ, являвшихся въ русской исторіи чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ, представить, сколько то возможно, исторію Пушкиныхъ.

Но и тутъ мы должны ограничиться лишь главнѣйшимъ. Исчислять всѣхъ Пушкиныхъ, записанныхъ въ нашихъ историческихъ памятникахъ, нѣтъ ни возможности, ни, кажется, нужды. Поэтъ былъ совершенно правъ, сказавъ, что имена предковъ его встрѣчаются поминутно въ нашей исторіи. Двадцать-одинъ разъ говорится о нихъ въ «Исторіи Государства Россійскаго» (откуда попреимуществу узнавалъ поэтъ о своемъ родѣ). Вдвое, втрое бòльшее число ихъ можно набрать изъ лѣтописей, разрядовъ, чиновниковъ, синодиковъ и пр. Конечно, упоминается часто только одно имя ихъ, безъ обозначенія дѣйствій; но самое число упоминаній ужь говоритъ въ пользу извѣстности и значенія этого стариннаго рода. Выбираемъ самое замѣчательное.

Выше было сказано, что праправнуки Григорья Пушки служили новгородскому владыкѣ Геннадію. Въ Новгородѣ же встрѣчаемъ перваго Пушкина, упоминаемаго въ «Исторіи» у Карамзина. Въ маѣ 1514 года, при в. к. Василіи Ивановичѣ, возобновлялись у насъ сношенія съ Ганзою, прерванныя Іоанномъ III-мъ; пріѣхали въ Новгородъ послы 70-ти ганзейскихъ городовъ и утвердили договорную граммату; съ нашей стороны «за намѣстниковъ «цѣловали крестъ *бояре* новогородскіе, Григ. Петр. Валуевъ,

(4) Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ прозвищъ въ родѣ Пушкиныхъ: Морхиня, Булага, Збужоръ, Кострецъ, Слепень, Чесыхо, Шумиха, Брызгало, Лихачь, Курица, Черть, Другиня, Неклюдъ, Субота, Злоба, Сулемша и пр. и пр.

*

«*Иванъ Ивановичъ Пушкинъ*, купецкій староста Вас. Никит. Тараковъ» (5) и пр. Такимъ-образомъ въ первый разъ въ исторіи нашей Пушкины являются ужь въ санѣ бояръ *новогородскихъ*. Этотъ Иванъ Ивановичъ, безъ-сомнѣнія, тотъ самый, на котораго ссылается вышеупомянутый спорщикъ. При Васильи Ивановичѣ больше не упоминается ни объ одномъ Пушкинѣ, по-крайней-мѣрѣ мы не встрѣтили ни одного, ни у Карамзина, ни въ другихъ доступнымъ намъ источникахъ.

Надо думать, что при Іоаннѣ IV Пушкины переселились, или были переселены въ Москву. Во вторую половину этого царствованія они ужь очень-часто являются, и сначала опальные (вѣроятно, потому, что были Новгородцы) выслуживаются и мало-по-малу возвышаются. Въ одномъ синодикѣ упоминается, въ числѣ дѣтей боярскихъ Великаго Новагорода подъ градомъ Казанью пострадавшихъ и убіенныхъ, Тихоміръ Юрьевъ сынъ Пушкинъ (6). Во время Опричины Пушкины принадлежали къ людямъ земскимъ. Они были въ опалѣ у Грознаго, о чемъ говорится въ вышеупомянутомъ счетномъ дѣлѣ. Пушкинъ говоритъ тамъ: «А въ 79 году (то-есть 1571) была у Государя Опришнина, а родители наши втѣпоры были въ опалѣ въ земскихъ, и хотя будетъ въ «Государевой не въ милости, и были въ томъ году въ подрындахъ.» Но вскорѣ Пушкины начали возвышаться, именно: пять сыновей нѣкоего Михаила Өедоровича, прямаго потомка Григорья Пушки въ 6-мъ колѣнѣ. Особенно поднялъ свой родъ старшій изъ этихъ пяти братьевъ, *Остафій* или *Остапей Михайловичъ* (7): на него послѣ постоянно ссылаются Пушкины въ родословныхъ счетахъ своихъ и мѣстническихъ притязаніяхъ. О немъ такъ часто говорится въ памятникахъ того времени, что легко прослѣдить всю его службу и возвышеніе (8). Въ 1573 году встрѣчаемъ его *рындою* у царевича Өеодора Ивановича, въ *поѣздѣ* на свадьбѣ Магнуса; на войнѣ онъ *въ сторожахъ*. Въ томъ же году царь смѣнилъ имъ князя Коркодинова и велѣлъ *быть у наряду*,

---

(5) Карамз. т. VII, прим. 103.

(6) Россійская Вивліоө. ч. VIII. Мы пользовались первымъ изданіемъ этого драгоцѣннаго сборника.

(7) Въ «Борисѣ Годуновѣ», въ разговорѣ съ Шуйскимъ, онъ изображенъ, какъ живой свидѣтель грознаго іоаннова царствованія. По ошибкѣ самого Пушкина, или по недосмотру издателей, онъ названъ тамъ Аөанасіемъ.

(8) Подробныя ссылки почитаемъ излишними. Мы пользовались, кромѣ Карамзина, «Др. Росс. Вивліоөикою», изданіями Археогр. Эксп., «Разрядной книгою», изданною Валуевымъ, «Временникомъ».

то-есть завѣдывать артиллеріею, что́ ужь показываетъ его смышленость. Въ 1575 году онъ продолжаетъ, вмѣстѣ съ кн. Волконскимъ, завѣдывать нарядомъ. Въ слѣдующемъ году мы его встрѣчаемъ воеводою *въ правой рукѣ, въ передовомъ полку*, воеводою въ Новосили, воеводою въ Старицѣ. Въ 1581 году онъ воевода въ Смоленскѣ—должность по тому времени важная и предполагающая многія достоинства въ ея исполнителѣ. Вѣроятно, онъ умѣлъ обратить на себя вниманіе прозорливаго царя, который въ томъ же году употребилъ его въ тогдашнихъ трудныхъ и важныхъ сношеніяхъ съ Баторіемъ. Онъ былъ принятъ въ число *думныхъ дворянъ* — новый санъ, учрежденный въ 1572 году для введенія въ Думу людей, по выраженію Карамзина, *отличныхъ умомъ, хотя и незнатныхъ родомъ*. Вмѣстѣ съ Писемскимъ, Остафей Михаиловичъ отправился къ Баторію. Въ наказѣ имъ было сказано: «а будетъ учнутъ укорять, или безчествовати, или лаяти... ино «отвѣчивати слегка, а не бранитися». Ужь овладѣвшій тогда Великими Луками Баторій не захотѣлъ говорить съ послами нашими; потомъ, однако, принималъ ихъ въ Вильнѣ (9). Смышленость и ловкость Остафея Михайловича доказываются еще порученіемъ, которое ему сдѣлалъ Іоаннъ въ слѣдующемъ, 1582 году. Тогда въ Москвѣ былъ знаменитый Антоній Поссевинъ; происходили любопытныя пренія съ нимъ нашего царственнаго діалектика. Въ первое воскресенье великаго поста, въ недѣлю православія, царь бесѣдовалъ съ Антоніемъ и, послѣ богословскихъ споровъ, захотѣлъ показать ему наше богослуженіе. «И велѣлъ Государь съ Антоньемъ итти въ церковь *О. Пушкину* «да Ѳ. Писемскому и приставомъ его, а наказалъ, чтобъ они по-«ждали Государя предъ Пречистою (передъ Успенскимъ Собо-«ромъ), и Антоней бы то видѣлъ, какъ встрѣтитъ Государя со «кресты Митрополитъ, и Антоней бы за Государемъ же... и Ан-«тоней хотѣлъ итти тотчасъ въ церковь не дожидаяся Государ-«скаго приходу, и О. Пушкинъ съ товарищи его поуняли, и Ан-«тоней почалъ сердитовати, а хотѣлъ ѣхати къ себѣ на подворье; «и они сказали про то Государю, и царь прислалъ къ Антонею «Дьяка А. Щелкалова, а велѣлъ ему говорити, чтобъ онъ не при-«гожева дѣла не дѣлалъ» (10) и пр. Скоро затѣмъ послѣдовавшая смерть царя остановила возвышеніе Пушкина. Въ слѣдующее царствованіе находимъ его *намѣстникомъ елатомскимъ*. Въ этомъ санѣ онъ ѣздилъ, въ 1592 году, съ другими *полными великими послами* на рѣку Нарову, для заключенія вѣчнаго мира съ

(9) Карам. т. IX, стр. 322, прим. 558.
(10) Карамз. т. IX, прим. 632.

договора со Швеціею (11). Потомъ его посылали въ Астрахань, гдѣ скоропостижно умеръ изгнанный крымскій царевичъ Муратъ, усердствовавшій Россіи. Думали, что его испортили подосланные изъ Крыма *злодѣи* (вѣдуны). Государь послалъ въ Астрахань «Дворянина своего Остафья Михайловича Пушкина и вѣдуновъ «пытати велѣлъ, по чьему умышленью портили» (12). Такое порученіе опять показываетъ въ Остафьѣ умнаго дѣльца. Въ 1597 году, во время великолѣпнаго пріема, который устроили въ Москвѣ послу императора Рудольфа, бургграфу Донавскому, въ числѣ знатныхъ лицъ, окружавшихъ Бориса Годунова, встрѣчаемъ «дворянина Остафья Мих. Пушкина». Исчисливъ эти лица, исторіографъ прибавляетъ: «Вотъ люди родовые, болѣе или менѣе «знатные, которые послѣ Іоаннова вѣка окружали престолъ Мо«сковскій» (13).

Надо думать, что Борисъ Годуновъ, еще будучи правителемъ, не доброжелательствовалъ Пушкину; по-крайней-мѣрѣ его удаленіе отъ двора о томъ можетъ свидѣтельствовать. Эта немилость выказалась явно, вѣроятно тогда, когда родственникъ его Гаврила передался Отрепьеву. По доносу дворовыхъ людей своихъ, Остафій Михайловичъ сосланъ въ Сибирь *съ братіею* (14). Тамъ впослѣдствіи онъ воеводствовалъ въ Тобольскѣ, гдѣ, вѣроятно, и умеръ безъ потомства; по-крайней-мѣрѣ о дѣтяхъ его нигдѣ не упоминается.

Можно думать, что Остафій Михайловичъ содѣйствовалъ братьямъ своимъ на служебномъ поприщѣ. Иванъ Михайловичъ, въ санѣ ловчаго, воеводствовалъ въ началѣ войны Іоанна съ Баторіемъ, въ 1578 г., и потомъ въ концѣ этой войны, въ 1583 г., вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Елецкимъ ѣздилъ въ Варшаву, чтобъ взять съ короля присягу въ вѣрномъ соблюденіи заключеннаго договора. При Ѳеодорѣ онъ отвозилъ въ Астрахань царевича Мурата. Годуновъ сослалъ его въ Сибирь за то, что *билъ челомъ въ отечествѣ* на князя Андрея Елецкаго. Про третьяго брата, Леонтія, извѣстно, что онъ былъ также сосланъ въ Сибирь Годуновымъ, потомъ воротился и въ смутное время былъ убитъ подъ Кромами. Братъ его, тоже Иванъ Михайловичъ, убитъ подъ Новгородомъ. Пятый братъ, Никита, въ смутное время былъ окольничимъ, воеводствовалъ на Вологдѣ и получилъ благодарствен-

---

(11) Кар. т. X, прим. 290.
(12) Тамъ же, прим. 254.
(13) Тамъ же, примѣч. 315.
(14) Т. XI, примѣч. 161.

ную граммату отъ Шуйскаго за успѣшныя дѣйствія противъ русскихъ воровъ и литовскихъ людей. Его сынъ, Василій Никитичъ, извѣстенъ по мѣстническому дѣлу съ Андреемъ Плещеевымъ, напечатанному въ 14-й книжкѣ «Временника». Тутъ онъ показалъ ловкость, умъ; онъ явно превосходитъ своего соперника хитрымъ изобрѣтеніемъ разныхъ *случаевъ* въ свою пользу, и между-прочимъ ссылается на родственника своего Гаврилу Пушкина, который измѣною попалъ въ милость къ Отрепьеву; Плещеевъ возразилъ ему на это, что *тотъ случай воровской*. Потомъ этого Василія Никитича мы встрѣчаемъ въ Сибири, воеводою въ Якутскѣ, на *великой рѣкѣ Ленѣ*; тамошніе служилые люди жаловались царю на его корыстолюбіе, жестокость и самоуправство (15).

Въ концѣ борисова царствованія эти Пушкины подверглись явной опалѣ, вѣроятно, за родственника своего Гаврилу, перешедшаго къ Отрепьеву. Остафій съ братьею, какъ сказано выше, былъ удаленъ въ Сибирь, и послѣ потомки ихъ почти не встрѣчаются на видныхъ мѣстахъ.

Замѣтнѣе становится въ XVII вѣкѣ другая вѣтвь Пушкиныхъ — сыновья нѣкоего *Григорья*, двоюродные братья тѣмъ, о которыхъ мы доселѣ говорили.

Извѣстно участіе Гаврилы Григорьевича Пушкина въ исторіи Отрепьева, который сдѣлалъ его *великимъ сокольничимъ*. Онъ удержался и послѣ смутнаго времени, и въ 1613 году, во время вѣнчанія царя Михаила Θеодоровича, даже не хотѣлъ *сказывать боярство* князю Пожарскому, считаясь съ нимъ мѣстами. Царь приказалъ, для его царскаго вѣнчанья, быть безъ мѣстъ. Знаменитому освободителю отечества, кромѣ того, приходилось два раза считаться съ Пушкиными : всѣ три раза судъ не былъ вершонъ. При Шуйскомъ, когда еще Пожарскій не совершилъ своего великаго дѣла, Иванъ Михайловичъ Пушкинъ, воевода коломенскій, билъ на него челомъ; въ другой разъ, въ 1628 г., не хотѣлъ быть ниже его мѣстомъ Борисъ Ивановичъ Пушкинъ, племянникъ Гаврилы (16). Личныя заслуги не признавались упорнымъ мѣстничествомъ ; Михаилъ Θеодоровичъ долженъ былъ самъ отстаивать освободителя Москвы, и Бориса Пушкина за безчестье послали въ тюрьму.

Не менѣе Гаврилы извѣстенъ былъ въ то время братъ его *Григорій Григорьевичъ*. Въ смутное время онъ оставался вѣренъ присягѣ и твердо стоялъ за Шуйскаго , подобно род-

---

(15) Дополн. къ Акт. Истор., т. III (1649 г.).

(16) См. Разряд. Книгу, напеч. въ «Симбирскомъ Сборникѣ».

ственнику своему *Михаилу Пушкину*, который погибъ за царя въ Землѣ Сѣверской, тогдашнемъ гнѣздѣ мятежа (17). Посланный противъ мятежниковъ, въ 1607 году, Григорій Гавриловичъ, вмѣстѣ съ Измайловымъ, *сдѣлалъ честно свое дѣло* (18)— выраженіе Карамзина, которое видимо льстило родовому самолюбію поэта. Этотъ Пушкинъ спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и разбилъ мятежниковъ у Серебряныхъ-Прудовъ, дѣйствовалъ въ тѣхъ самыхъ, гдѣ нѣкоторое время жилъ его отдаленный потомокъ истинно-поэтическою жизнью (въ селѣ *Болдинѣ* Пушкинъ прожилъ осень 1830 года). Потомъ онъ былъ посыланъ изъ-подъ Москвы противъ Лисовскаго, и *въ санѣ боярина* воеводствовалъ въ *Большомъ Полку* вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ (19). Это первый *московскій* бояринъ изъ рода Пушкиныхъ. Съ него начинается значительное возвышеніе Пушкиныхъ, которые являются во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Стольникъ *Борисъ* Пушкинъ, впослѣдствіи спорившій съ Пожарскимъ, въ 1610 г., былъ отряженъ «изъ московскихъ чиновъ» въ посольство подъ Смоленскъ къ Сигизмунду съ просьбою дать на царство королевича Владислава. Въ началѣ 1613 года *Михаилъ* Пушкинъ былъ членомъ тогдашняго временнаго правительства; по-крайней-мѣрѣ подпись его встрѣчаемъ подъ грамматою, данною князю Трубецкому на отчину Вагу (20).

Въ царствованіе трехъ первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, Пушкины были постоянно въ чести; изъ нихъ встрѣчаемъ и бояръ и окольничихъ. Самой большой почести достигъ *Григорей Гавриловичъ*. На свадьбѣ царя Михаила Ѳедоровича онъ упоминается въ числѣ 40 главныхъ стольниковъ и *бояръ большихъ* (21). Также между первыми сановниками встрѣчаемъ его на обѣихъ свадьбахъ царя Алексѣя Михайловича (1648 и 1671 годовъ); тутъ же, между первыми боярынями и жена его, Ульяна (22). Онъ *бояринъ и оружейничій*. Въ 1650 году онъ ѣздилъ къ Яну Казимиру съ требованіемъ, чтобъ не уменьшались титлы его царскаго величества. Объ этомъ мы знаемъ изъ 4-го тома «Актовъ Историческихъ». У Бантыша же Каменскаго сказано, что онъ заставилъ Яна Казимира сжечь на площади въ Варшавѣ всѣ предосудительныя книги для Россіи, поставилъ съ нимъ до-

---

(17) Карамз., т. XII, примѣч. 47.
(18) Тамъ же, примѣч. 116.
(19) Тамъ же, примѣч. 213.
(20) «Др. Росс. Вивл.», ч. VIII.
(21) Тамъ же, ч. VII.
(22) Тамъ же.

говоръ о наказанiи сочинителей и о ненарушимомъ содержанiи поляновскаго трактата; но авторъ не сказываетъ, откуда почерпнулъ это любопытное извѣстiе. Григорiй Гавриловичъ именуется при этомъ случаѣ великимъ и полномочнымъ посломъ, бояриномъ и оружейничимъ и намѣстникомъ Нижняго Новгорода (23). Родной его племянникъ, стольникъ Матвѣй Степановичъ, какъ видно, участвовалъ въ дѣлѣ Никона; ибо въ «Описи Столбцамъ Патрiаршаго Разряда» (напечатанной въ 5-мъ томѣ «Актовъ Историческихъ»), въ первомъ столбцѣ находилась «Сказка Матвѣя Пушкина о Никонѣ Патрiархѣ». Что̀ это была за сказка—неизвѣстно, такъ-какъ столбцы эти не изданы. Потомъ встрѣчаемъ его окольничимъ и воеводою въ Астрахани; наконецъ онъ достигъ сана боярскаго. Поэтъ упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ и иронически ставитъ ему въ упрекъ, что онъ подписался подъ грамматою объ уничтоженiи мѣстничества. Его значенiе, какъ одного изъ первыхъ бояръ, продолжалось и при царѣ Петрѣ. Въ 1694 года вмѣстѣ съ знатнѣйшими тогда лицами: Голицынымъ, Лыковымъ, Ромодановскимъ, Бутурлинымъ, онъ сопровождалъ царя въ походѣ къ Архангельску; тогда же, въ потѣшномъ кожуховскомъ походѣ онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Никитою Зотовымъ въ государевой нарядной каретѣ. Братъ его, *Яковъ*, также нерѣдко упоминается въ дѣлахъ того времени.

Все сказанное довольно свидѣтельствуетъ о древности и знатности Пушкиныхъ. Они участвуютъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ:

Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
И въ воеводствѣ, и *въ отвѣтѣ,*
Служили доблестно царямъ.

Въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка Пушкины утрачиваютъ свое значенiе; они еще сохраняютъ родовыя связи и богатство, но ихъ не видать больше на замѣтныхъ мѣстахъ службы; и только черезъ сто слишкомъ лѣтъ суждено имъ было вновь прославиться на Руси новою славою, въ лицѣ знаменитаго поэта.

---

(23) Поэтъ дорожилъ памятью его и его дяди. Въ честь ихъ онъ назвалъ Григорьемъ втораго своего сына.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть поближе родословную поэта и показать предковъ его по прямоя линіи. Скажемъ напередъ, что это дѣло трудное, именно потому, что въ XVIII вѣкѣ Пушкиныхъ не встрѣтишь въ нашихъ историческихъ памятникахъ, и источникомъ служатъ одни записанныя семейныя преданія, въ которыхъ есть противорѣчія. Итакъ просимъ родственниковъ поэта исправить наши ошибки, буде таковыя окажутся.

Былъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и сыновьяхъ его, нѣкто стольникъ *Петръ Петровичъ* Пушкинъ (24). Родной дѣдъ его, *Тимоѳей Семеновичъ* (25) приходится двоюроднымъ братомъ тому Остафью, о которомъ было говорено выше. Это одна изъ вѣтвей обширнаго рода, недостигавшая большой извѣстности. Петръ Петровичъ жилъ въ Москвѣ, въ Бѣломъ Городѣ, на большомъ дворѣ своемъ, на Рожественкѣ, въ приходѣ, теперь, кажется, ужь несуществующей церкви Николая Чудотворца Божедомскаго. Домъ этотъ достался вдовѣ его Настасьѣ Аѳанасьевнѣ, дочери Василисѣ, вышедшей потомъ за стольника Собакина, и двумъ сыновьямъ, стольникамъ Ѳедору и Петру Петровичамъ (26). У втораго изъ нихъ, Петра, надо думать, было два брата, Александръ и Михаилъ Петровичи, изъ которыхъ первый приходится роднымъ прадѣдомъ Александра Сергѣевича, по отцу его, а второй роднымъ прапрадѣдомъ по матери (27).

Александръ Петровичъ Пушкинъ служилъ въ гвардіи и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ припадкѣ сумасшествія. Извѣстіе о женитьбѣ его на дочери знаменитаго любимца петрова и перваго андреевскаго кавалера, Ивана Михаиловича Головнина(?), помѣщенное въ «Запискахъ» поэта и у Бантышъ-Каменскаго—сомнительно, потому-что по «Дневнику» Берхгольца, присутствовавшаго и подробно описавшаго эту свадьбу, надо полагать, что то̀ былъ не Пушкинъ, а Мусинъ-Пушкинъ. Единственный сынъ Александра

---

(24) Онъ былъ въ числѣ поѣзжанъ на первой свадьбѣ Алексѣя Михаиловича (Вивл., ч. II.—Слич Акты. Истор., т. IV, стр. 29).

(25) О немъ и сынѣ его Петрѣ Тимоѳеевичѣ см. «Временникъ», кн. 14, стр. 21 и 25.

(26) Все это видно изъ двухъ находящихся у меня рукописныхъ бумагъ, *выписи* и *купчей* на означенный домъ.

(27) См ниже. Свѣдѣнія объ этихъ ближайшихъ предкахъ Пушкина заимствуемъ изъ собственныхъ его *Записокъ*, въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1840 года (№ 7, т. II, апрѣль), изъ Замѣтокъ Александра Юрьевича Пушкина («Москвит.» 1852 г., № 24) и изъ рукописныхъ воспоминаній о дѣтствѣ А. С. Пушкина, составленныхъ со словъ сестры его.

Петровича, дѣдъ поэта, Левъ Александровичъ, былъ женатъ два раза: первая жена его, Воейкова, не оставила дѣтей; отъ второй, Чичериной, родились Сергѣй и Василій Львовичи и нѣсколько дочерей. Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи подполковникомъ. Владѣтель 3000 душъ, онъ жилъ знатнымъ бариномъ въ Москвѣ и деревняхъ своихъ (особенно въ селѣ Болдинѣ, Нижегородской Губерніи, Лукояновскаго Уѣзда). Къ чести его относится, что онъ далъ отличное, по тогдашнему времени, воспитаніе сыновьямъ своимъ.

Старшій изъ нихъ, въ свое время очень-извѣстный, Василій Львовичъ (28), родился 27 апрѣля 1770 года, въ Москвѣ. Воспитавшись въ домѣ родительскомъ, онъ поступилъ въ екатерининскую гвардію и былъ сослуживцемъ Дмитріева, съ которымъ оставался до конца жизни пріятелемъ. Это знакомство, вмѣстѣ съ природными стремленіями, образовало изъ него русскаго стихотворца... Послѣ неудачнаго брака, онъ до конца велъ жизнь одинокую. Независимое состояніе, образованность, острота ума, соединенная съ любезностью и добродушіемъ, давали ему всегда видное мѣсто въ обществѣ. Съ конца прошлаго столѣтія онъ сдѣлался почти постояннымъ Москвичомъ. Въ однихъ рукописныхъ воспоминаніяхъ (29) метко и живо разсказано его пребываніе въ селѣ Марѳинѣ, въ гостяхъ у бывшаго московскаго генерал-губернатора, графа Ивана Петровича Салтыкова (іюнь, 1801 г.). Въ 1802 и 3-мъ годахъ онъ путешествовалъ по Европѣ и обогащался свѣдѣніями. Въ Парижѣ онъ познакомился со многими литературными знаменитостями, перевелъ для нихъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсенъ и сказокъ, и переводъ тогда же былъ напечатанъ въ журналѣ графа Сегюра: Archives littéraires. Извѣстный Сен-Пьеръ находилъ въ нихъ много сходства съ древностью гомерическою. Въ Парижѣ и Лондонѣ Василій Львовичъ собралъ драгоцѣнную библіотеку, которая, къ-сожалѣнію, сгорѣла въ 1812 году: въ ней многія книги принадлежали Французской Королевской Библіотекѣ. Впослѣдствіи онъ собралъ себѣ другую библіотеку. Вообще онъ былъ горячо преданъ литературѣ и просвѣщенію, а его искренность и добросердечіе заставляли забывать нѣкоторыя странности, къ числу которыхъ принадлежали франтовство и излишняя страсть читать вслухъ стихи. Въ 1807 году, въ Москвѣ, вышло въ небольшомъ числѣ

(28) См. «Некрологъ В. Л. Пушкина», напечатанный другомъ его М. Макаровымъ въ 70 № «Московскихъ Вѣдомостей» 1830 года.

(29) Тѣхъ самыхъ, о которыхъ говорится въ біографіи Крылова («Полное Собр. Сочин. Крылова» 1847 г., т. I, стр. XLI).

экземпляровъ *Путешествіе г-на Пушкина въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія.* Эту шутку сочинилъ Дмитріевъ и напечаталъ ее для знакомыхъ (въ типографіи родственника своего Пл. Бекетова) съ фронтисписомъ, на которомъ «славный парижскій актеръ Тальма, наставляетъ путешественника въ искусствѣ театральной игры» (30). Вотъ отрывки изъ этого путешествія :

«Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ.
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ Лицеѣ, Пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близёхонько къ нему,
Не вѣря счастью моему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье.
. . . .
Я въ Лондонѣ, друзья, и къ вамъ
Уже объятья простираю!
Какъ всѣхъ увидѣть васъ желаю!
Сегодня на корабль отдамъ
Всѣ, всѣ свои пріобрѣтенья
Въ двухъ знаменитѣйшихъ странахъ.
. . . .
Какой прекрасный выборъ книгъ!
Считайте, я скажу вамъ вмигъ :
Бюффонъ, Руссо, Мабли, Корнелій,
Гомеръ, Плутархъ, Тацитъ, Виргилій,
Весь Шакеспиръ, весь Попъ и Гюмъ;
Журналы Адиссона, Стелля!
(И все Дидота Бакервиля!)
Европы цѣлой собранъ умъ!» и проч.

Въ литературныхъ преданіяхъ сохранилась память о церемоніалѣ, съ которымъ Василій Львовичъ былъ принятъ въ «Арзамасъ». Какъ старшій изъ дѣйствительныхъ членовъ этого общества, онъ назывался *старшиною Арзамаса.* Но, кромѣ того, подобно прочимъ членамъ, онъ носилъ имя, заимствованное изъ

---

(30) О сношеніяхъ его съ Тальмою см. «Московскій Телеграфъ» 1827 года, № 2, стр. 78, въ статьѣ о Тальмѣ, принадлежащей, по всей вѣроятности, кн. Вяземскому.

балладъ секретаря общества, Жуковскаго. Ему дали названіе *Вотъ*.

Пріятель Карамзина, Вяземскаго и Жуковскаго, онъ радовался успѣхамъ своего геніальнаго племянника, который увѣрялъ его, что онъ ему *дядя и на Парнассѣ*, и до конца сохранилъ къ нему родственную привязанность. Въ 1830 году, когда Василій Львовичъ, страдавшій подагрою, лежалъ ужь на одрѣ смерти, Александръ Сергѣевичъ заботливо ухаживалъ за нимъ. Старый литераторъ оставался до послѣдней минуты вѣренъ себѣ, продолжалъ читать и разговаривать о литературѣ. Тогда въ одной газетѣ печатался цѣлый рядъ статей К–на объ исторіи словесности. «Какъ скучны разборы К–на!» сказалъ Василій Львовичъ. «Выйдемте, господа» обратился къ присутствующимъ Александръ Сергѣевичъ, постоянный защитникъ К-на: «пусть это будетъ его послѣднее слово!» Вскорѣ, 20 августа 1830 г., Василій Львовичъ скончался и похороненъ въ Донскомъ Монастырѣ. Племянникъ несъ его туда съ Басманной, гдѣ у покойнаго былъ свой домъ съ знаменитымъ въ Москвѣ поваромъ Власомъ или Блезомъ (31). Его каламбуры и записки въ стихахъ были извѣстны всему московскому обществу. Послѣднія изданы въ особой книжкѣ пріятелемъ его Шаликовымъ въ 1834 году подъ заглавіемъ: *Записки въ стихахъ В. Л. Пушкина.* Жизнь и произведенія его могутъ быть предметомъ особой, любопытной статьи.

Братъ его, отецъ поэта, также служилъ первоначально въ гвардіи, въ Измайловскомъ Полку, потомъ числился въ Коммисаріатѣ и по этой службѣ жилъ нѣкоторое время въ Варшавѣ. Въ отставкѣ онъ имѣлъ 5-й классъ. Наравнѣ съ братомъ своимъ, онъ получилъ блестящее французское образованіе. Созданный для общества, онъ умѣлъ оживлять его своими неистощимыми остротами и каламбурами. Въ дамскихъ альбомахъ осталось отъ него много прекрасныхъ стиховъ на французскомъ языкѣ; въ одномъ, принадлежавшемъ славной въ свое время пьянисткѣ, г-жѣ Шимановской, тещѣ автора «Крымскихъ Сонетовъ», написалъ онъ посланіе къ ней, прозою и стихами, въ которомъ говорится о тогдашней русской литературѣ (32). Также въ высокой степени вла-

(31) См. статью М. Макарова въ «Современникѣ» 1843 года, № 3.— См. также о Васильѣ Львовичѣ «Дневникъ Студента», подъ 2-мъ числомъ марта, 9-мъ октября и проч.

(32) См. «Телеграфъ» 1827 года. Въ альбомѣ Шимановской, украшенномъ многими знаменитыми людьми, есть также стихи Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Крылова, Гнѣдича и др. Она была у насъ въ 20-хъ годахъ.

дѣлъ онъ сценическимъ искусствомъ и, вмѣстѣ съ братомъ, игрывалъ на домашнихъ представленіяхъ. Французская и итальянская словесность ему были близко-знакомы; не менѣе любилъ онъ и нашу словесность. Онъ имѣлъ великое несчастіе пережить нѣсколькими годами знаменитаго своего сына, который въ послѣдніе годы своей жизни съ нѣжностью заботился о немъ и объ устройствѣ его обстоятельствъ, какъ видно изъ одного ненапечатаннаго письма его. Жена его, Надежда Осиповна Ганнибалъ, приходилась ему внучатною сестрою.

Поговоримъ теперь о родственникахъ поэта со стороны матери.

Въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія у турецкаго султана, въ сералѣ, содержался аманатомъ ребенокъ-негръ, сынъ какого-то африканскаго владѣтельнаго князька. Ему было 8 лѣтъ, когда русскій посланникъ въ Царьградѣ купилъ его и, вмѣстѣ съ другими арапчатами, послалъ въ подарокъ Петру-Великому. Государь вмѣстѣ съ польскою королевою, супругою Августа, крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 г., и далъ ему фамилію Ганнибалъ, конечно, въ память его соотечественника, знаменитаго врага Римлянъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Царьградъ, а потомъ и въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но государь, сначала принявшій къ себѣ арапченка, вѣроятно, только по страсти своей къ рѣдкостямъ, видно, замѣтилъ въ немъ достоинства: онъ полюбилъ крестника и не согласился отдать его брату. Такимъ-образомъ молодой Ганнибалъ остался въ Россіи. «Но до глубокой старости онъ помнилъ свою Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ которыхъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ связанными руками за спину, междутѣмъ, какъ онъ одинъ оставался свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся»... До 1716 г. Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. На 18 году своего возраста онъ былъ посланъ для обученія во Францію, гдѣ вступилъ въ армію регента, герцога орлеанскаго, участвовалъ въ испанской войнѣ и въ одномъ подземномъ сраженіи получилъ рану въ голову. Жизнь и отношенія его парижскія изображены въ неоконченномъ романѣ Пушкина: *Арапъ Петра Великаго*, равно какъ и возвращеніе его въ Россію. Дальнѣйшія о немъ подробности можно читать въ 11 томѣ сочиненій Пушкина. Прибавляемъ только то, чего тамъ нѣтъ (33). Абрамъ

(33) Всѣ эти свѣдѣнія о Ганнибалѣ сохранены для потомства геніальнымъ его правнукомъ, который дорожилъ малѣйшею подробностью о

Петровичъ былъ личный врагъ Бирона, который, желая повредить ему, послалъ съ порученіемъ въ Сибирь, измѣрять китайскую стѣну. Минихъ ему доброхотствовалъ. Онъ былъ два раза женатъ. Съ первою женою, красавицею-Гречанкою, которая родила ему дочь Поликсену, онъ развелся, и женился во второй разъ, въ бытность свою обер-комендантомъ въ Ревелѣ, на Христинѣ Регинѣ фон-Шеберхъ: отъ нея у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей. Такимъ-образомъ законъ, въ новое время замѣченный историками, что великіе народы возникаютъ отъ смѣшенія различныхъ племенъ, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, оправдывается надъ нашимъ поэтомъ: кромѣ русской и африканской крови, въ жилахъ его текла и нѣмецкая кровь. По преданію, сообщенному мнѣ моею теткою, которая помнитъ еще Державина губернаторомъ въ Тамбовѣ и, какъ дочь липецкаго городничаго (34), была коротко знакома съ бабкою и матерью Пушкина, Абрамъ Петровичъ слылъ суровымъ, неумолимымъ человѣкомъ, по-крайней-мѣрѣ, въ старости: младшій сынъ его, Осипъ, женился противъ его воли, и когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, молодые явились къ нему и на колѣняхъ просили прощенія, то отъ его суроваго взгляда молодая невѣстка упала въ обморокъ.

Самъ Пушкинъ говоритъ о старшемъ его сынѣ, Иванѣ Абрамовичѣ, героѣ наваринскомъ: ему поставлены два памятника — въ Херсонѣ, котораго онъ былъ основателемъ, и въ Царскомъ Селѣ, съ надписью: *Побѣдамъ Ганнибала*. Послѣдній памятникъ всегда былъ на глазахъ молодаго поэта,

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Онъ безмятежно расцвѣталъ.

Младшій сынъ, Осипъ Абрамовичъ, также флотскій офицеръ, пріѣхавъ въ 1773 году на липецкіе чугунные заводы, женился на дочери тамбовскаго воеводы, Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной. Соединясь бракомъ по страсти, они вскорѣ развелись и до конца жизни не сходились. Онъ оставался въ деревняхъ своихъ;

своемъ предкѣ-Африканцѣ. Пушкинъ имѣлъ намѣреніе напечатать полную біографію его, о чемъ говоритъ самъ въ одномъ изъ примѣчаній къ первому изданію «Евгенія Онѣгина». Для этого онъ имѣлъ, кромѣ семейныхъ преданій, особенные матеріалы, погибшіе, надо думать, вмѣстѣ съ его *Записками*, объ утратѣ которыхъ онъ такъ жалѣлъ. «Записки» эти были ведены съ 1820 года и сгорѣли осенью 1826 года.

(34) См. «Москвитянинъ» 1852 г., № 24; также «Дневникъ Студента» подъ 16-мъ іюля.

жена, съ единственною дочерью Надеждою Осиповною, сначала жила подъ покровительствомъ деверя, потомъ въ домѣ зятя своего.

Марья Алексѣевна Ганнибалъ замѣчательна для насъ особенно потому, что была первою воспитательницею поэта. У нея выучился онъ читать и писать порусски. Онъ залѣзалъ въ ея рабочую корзину, смотрѣлъ, какъ она занималась рукодѣльемъ, слушалъ ея разсказы про старину... Отъ нея, безъ-сомнѣнія, осталось въ памяти Пушкина много семейныхъ преданій. Замѣтить надо, что Марья Алексѣевна отлично писала порусски. Русскимъ слогомъ ея писемъ восхищался Дельвигъ. Она скончалась въ 1818 году, въ Михайловскомъ (Псковской Губерніи, Опочковскаго Уѣзда), на рукахъ своего внука, тогда только-что вышедшаго изъ Лицея, и похоронена, подлѣ своего мужа, въ Святогорскомъ Монастырѣ. Тутъ Пушкинъ въ первый разъ посѣтилъ Михайловское—родовую деревню Ганнибаловъ, гдѣ потомъ суждено было ему провести два лучшіе года, полные поэтической дѣятельности, съ іюля 1824 по конецъ августа 1826 года (тутъ писалъ онъ «Онѣгина» и «Бориса Годунова»). Рядомъ съ бабкою въ Святогорскомъ Монастырѣ лежитъ онъ теперь подъ бѣлымъ саркофагомъ, осѣняемый старинными липами, на площадкѣ, передъ алтаремъ церковнымъ...

Мать поэта, Надежда Осиповна, съ прекрасною наружностью креолки, какъ называли ее въ обществѣ, отличалась добротою характера и здравымъ, твердымъ разсудкомъ. Въ 1796 году она вышла замужъ за своего внучатнаго дядю, Сергѣя Львовича (35). 40 лѣтъ продолжалось это супружество. Она скончалась въ Санктпетербургѣ, въ началѣ 1836 года. Поэтъ проводилъ ея тѣло въ

---

(35) Для ясности предлагаемъ таблицу.

Стольникъ Петръ Пушкинъ.

Александръ Петровичъ —	Михаилъ Петровичъ.		
Левъ Александровичъ.	Алексѣй Михайловичъ, женатый на Саррѣ Юрьевнѣ, урожденной Ржевской.		
Сергѣй Львовичъ.	Марья Алексѣев.	Михаилъ Алексѣев.	Юрій Алексѣев.
Александръ Сергѣевичъ.	*Надежда Осиповна.*	Алексѣй Михайловичъ, переводчикъ Мольера.	Александръ Юрьевичъ.

Святогорскій Монастырь, тамъ похоронилъ подлѣ ея отца и матери, и рядомъ съ ними купилъ для себя мѣсто, куда, ровно черезъ годъ, его и положили.

Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна переѣхали изъ Петербурга на житье въ Москву. Здѣсь, въ 1799 году, 26 мая, въ день Вознесенія (36), родился у нихъ сынъ, Александръ. Они жили тогда не въ Нѣмецкой Слободѣ, какъ сказано у почтеннѣйшаго Александра Юрьевича, а на Молчановкѣ. Послѣ Пушкины дѣйствительно квартировали около Нѣмецкой Слободы, подлѣ Яузскаго Моста, какъ пишетъ и г. Макаровъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о дѣтствѣ Александра Сергѣевича, но самъ поэтъ, жившій въ 1826 и 27 годахъ на Собачьей Площадкѣ, въ теперешнемъ домѣ Левенталя (во флигелѣ къ переулку), часто проѣзжая по Молчановкѣ, говаривалъ пріятелямъ, что онъ родился на этой улицѣ, но дòма не могъ ужь указать. Крестилъ ребенка графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, женатый на двоюродной сестрѣ Марьи Алексѣевны. Лѣтъ до семи Пушкинъ не обнаруживалъ ничего особеннаго. Толстый, неповоротливый ребенокъ, всегдашнею молчаливостью онъ даже приводилъ въ отчаяніе домашнихъ. Его почти насильно водили гулять и заставляли бѣгать. Однажды, гуляя съ матерью, онъ отсталъ и усѣлся посреди улицы; замѣтивъ, что одна дама смотритъ на него въ окошко и смѣется, онъ поднялся, говоря: «Ну, нечего скалить зубы!» (37). Историческія и семейныя преданія отъ бабушки и народныя отъ няни, Арины Родіоновны, которая отлично знала пѣсни, сказки, повѣрья и сыпала поговорками и пословицами (38), рано заронились въ душу будущаго поэта и не пропали въ ней, несмотря на то, что все формальное образованіе его было вполнѣ иностранное.

Лѣтъ семи онъ сдѣлался развязнѣе, и прежняя неповоротливость замѣнилась въ немъ даже рѣзвостью и шаловливостью. Едва-ли не

---

(36) Передъ смертью Пушкинъ говаривалъ, что важные случаи его жизни приходились въ Вознесенье, и, намѣреваясь на житье переѣхать въ свое Михайловское, онъ думалъ построить тамъ церковь Вознесенія.

(37) Изъ «Воспоминаній» сестры Ольги Сергѣевны, нынѣ дѣйствительной статской совѣтницы *Павлищевой*.

(38) Она воспѣта прекрасно Языковымъ въ «Посланіи къ ней» и въ стихахъ «На смерть ея».

съ этихъ поръ началъ онъ писать стихи на французскомъ языкѣ, потому-что въ домѣ этотъ языкъ господствовалъ, да и гувернёры (часто смѣнявшіеся) были по-большей-части Французы. Изъ первыхъ его произведеній въ памяти семейной сохранилась поэма *La Toliade*, пѣсняхъ въ шести, которой содержаніемъ была война между карлами и карлицами короля Дагобера. Эта героикомическая поэма была написана послѣ чтенія «Генріады» Вольтера. Ни одного русскаго стихотворенія не сохранилось отъ этого времени. Учители Пушкина были иностранцы. Русскому языку и Закону Божію училъ его священникъ Маріинскаго Института Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, переводчикъ Массильйона и въ свое время извѣстный проповѣдями. Учился Пушкинъ небрежно и лѣниво; но зато рано пристрастился къ чтенію, любилъ читать плутарховы біографіи, Иліаду и Одиссею, въ переводѣ Битобе, и забирался въ библіотеку отца, которая состояла преимущественно изъ французскихъ классиковъ, такъ-что впослѣдствіи онъ былъ настоящимъ знатокомъ французской словесности и исторіи и усвоилъ себѣ тотъ прекрасный французскій слогъ, которому въ письмахъ его не могли надивиться природные Французы, въ томъ числѣ и извѣстный писатель, Сен-При. Страсть къ литературѣ и чтенію развивалъ въ немъ и отецъ, любившій читать вслухъ и особенно-мастерски читавшій Мольера, и общество, у нихъ собиравшееся: кромѣ Василья Львовича и другаго двоюроднаго дяди, Алексѣя Михайловича, очень-извѣстнаго въ московскомъ обществѣ (39), молодой Пушкинъ безпрестанно видалъ Дмитріева, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, графа Местра (40) и пр. Все это возбуждало и настроивало мальчика къ самодѣятельности. Онъ началъ писать стихи, которые обратили на него вниманіе. Въ «Воспоминаніяхъ» Макарова читаемъ любопытный анекдотъ о застѣнчивости отрока-поэта. Ужь тогда нѣкоторые знакомые могли предвидѣть въ немъ что-то особенное. Онъ справедливо говорилъ впослѣдствіи про свою Музу:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой; и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами...

---

(39) Воспитанника Московскаго Университета и переводчика мольерова «Тартюфа»: *Ханжеевъ или Лицемѣръ*, 1809 года.

(40) Ксавье, недавно-умершаго автора извѣстной книги: «Voyage autour de ma chambre».

Къ числу обстоятельствъ, которыя могли поддерживать и питать поэтическое дарованіе молодаго Пушкина, безъ-сомнѣнія, принадлежитъ то, что, съ 1806 года до вступленія въ Лицей, онъ ежегодно проводилъ лѣтнее время въ деревнѣ своей бабушки, сельцѣ *Захарьинѣ*, лежащемъ верстахъ въ сорока отъ Москвы, по Можайкѣ. Тамъ раздавались русскія пѣсни, устроивались праздники, хороводы, и Пушкинъ имѣлъ возможность обильно воспринимать впечатлѣнія народныя. Онъ очень любилъ эту деревню, и въ зрѣломъ возрастѣ не разъ посѣщалъ ее, ужь перешедшую къ другому владѣльцу. Вспоминая объ этой деревенской жизни, онъ разсказывалъ одному изъ друзей своихъ слѣдующій анекдотъ. Въ Захарьинѣ жила съ ними одна родственница, молодая дѣвушка, сумасшедшая. Ее держали въ особой комнатѣ. Говорили и думали, что ее можно вылечить испугомъ. Разъ молодой Пушкинъ ушелъ гулять въ рощу. Онъ любилъ гулять, расхаживалъ, воображалъ себя богатыремъ и палкою сбивалъ верхушки и головки растеній. Возвращаясь домой съ такой прогулки, встрѣчаетъ онъ на дворѣ свою сумасшедшую родственницу, въ бѣломъ платьѣ, растрепанную, взволнованную. «Mon frère, on me prend pour un incendie» кричитъ она ему. Дѣло въ томъ, что для испуга къ ней въ окно провели кишку пожарной трубы. Догадавшись объ этомъ, Пушкинъ спокойно и съ любезностью сталъ увѣрять ее, что она напрасно такъ думаетъ, что ее сочли не за пожаръ, а за цвѣтокъ, что цвѣты тоже поливаютъ изъ трубы.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Захарьина, въ большомъ селѣ князей Голицыныхъ, Вязёмѣ, на погостѣ старинной церкви (въ которой, какъ и въ селѣ, сохранилась память Бориса Годунова) (41) похороненъ братъ Пушкина, Николай (род. 1802, ум. 1807 г.). Ни онъ, ни другой братъ, недавно-умершій, Левъ Сергѣевичъ, не были настоящими товарищами его дѣтства—первый потому, что скоро умеръ, второй потому, что былъ моложе его. Другомъ дѣтства Пушкина была до конца нѣжно-любимая имъ сестра (старше его однимъ годомъ) Ольга Сергѣевна. Она училась съ нимъ вмѣстѣ, была товарищемъ его игръ, первымъ и единственнымъ судьею и цѣнителемъ его ребяческихъ опытовъ въ стихотворствѣ.

Въ 1811 году, когда Пушкину минуло двѣнадцать лѣтъ, стали думать объ опредѣленіи его куда-нибудь въ заведеніе для болѣе правильнаго образованія. Тогда заводился Царскосельскій Лицей. Директоромъ его назначали друга Сергѣя Львовича, Василья

---

(41) См. о Вязёмѣ у Карамзина, т. XI, стр. 265 и еще стр. 248. Вездѣ ссылки на *второе* изданіе.

*

Өедоровича Малиновскаго, брата извѣстнаго археолога. Александръ Ивановичъ Тургеневъ, служившій при тогдашнемъ министрѣ просвѣщенія князѣ Голицынѣ, обѣщалъ свое содѣйствіе; родители предварительно съѣздили въ Петербургъ освѣдомиться, и лѣтомъ 1811 года Василій Львовичъ повезъ туда двѣнадцатилѣтняго поэта. Съ іюня по октябрь шли приготовительныя занятія къ вступительному экзамену, а 19 октября 1811 года открылся Лицей.

Поступленіемъ въ это заведеніе рѣшилась будущая судьба Пушкина. Онъ становится на свою дорогу. Слѣдить за нимъ на этой дорогѣ предоставляется его біографу...

ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.

1853 г. іюня 11-го.
Село Петрищево.

ГОДИЧНАЯ ВЫСТАВКА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Нынѣшняя выставка въ Императорской Академіи Художествъ была малая, годичная, предназначенная для учениковъ и вообще для офиціальныхъ работъ. Изъ извѣстныхъ мастеровъ весьма-немногіе выставили свои произведенія; но, несмотря на это, посѣтитель Академіи неравнодушно покидалъ ея залы: онъ уносилъ въ душѣ своей нѣсколько пріятныхъ впечатлѣній; въ головѣ возникало нѣсколько новыхъ эстетическихъ вопросовъ, вызывающихъ на размышленіе. Слѣдовательно, три или четыре часа были проведены имъ въ Академіи не даромъ; слѣдовательно искусство наше открываетъ въ себѣ новыя стороны, новыя силы, которыя значатъ болѣе нежели одно техническое совершенствованіе. Это ужь была бесѣда съ мыслящими людьми, а не съ одними исполнителями... Постараемся же припомнить, чтó мы видѣли замѣчательнаго, опредѣлимъ свое впечатлѣніе и передадимъ его юнымъ художникамъ: можетъ-быть, они найдутъ въ этомъ отчетѣ нѣчто для себя полезное.

Изъ картинъ нынѣшней выставки, писанныхъ для полученія извѣстной степени, болѣе всего самостоятельности и серьёзныхъ, положительныхъ достоинствъ мы найдемъ, конечно, въ произведеніяхъ гг. *Завьялова* и *Шамшина*, писанныхъ ими для полученія званія профессора. Первый изобразилъ «Положеніе во гробъ Іисуса Христа», второй — «Воскресеніе Господне». Это художники, ужь извѣстные публикѣ, докончившіе свое художественное образованіе въ Италіи, слѣдовательно, въ ихъ картинахъ

мы должны найдти болѣе, нежели въ ученическихъ работахъ. До-сихъ-поръ г. Завьяловъ, ученикъ Егорова, былъ извѣстенъ, какъ отличный рисовальщикъ, какъ строгій критикъ художественныхъ произведеній. Въ критикѣ его было всегда много справедливаго, но многое онъ охуждалъ часто только потому, что оно уклонялось отъ его идеала и отъ того стиля, который онъ считалъ единственно-вѣрнымъ въ искусствѣ. Этимъ объясняется любопытство, съ которымъ знающіе г. Завьялова по его репутаціи, спѣшили посмотрѣть его собственное произведеніе и, вѣроятно, многіе заранѣе приготовились раскритиковать его картину, для усложденія страдающаго самолюбія. Но каково было ихъ изумленіе, когда критика ихъ не нашла для себя поприща и могла подхватить только одну или двѣ черты во всей картинѣ—не болѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, высокое классическое образованіе, строгій вкусъ, пониманіе вполнѣ избраннаго предмета, характеризуютъ талантъ Завьялова и отразились вполнѣ въ его прекрасной картинѣ. При всемъ своемъ классицизмѣ онъ мастерски умѣлъ избѣжать всего такъ-называемаго академическаго, выученнаго, дошедшаго по преданію школы. Сочиненіе его въ высшей степени благородно; никакого изъисканнаго эффекта для того, чтобъ поразить зрителя; простота движеній и позъ, доведенная до совершенства, выраженіе лицъ сильное, но неуродующее фигуръ — вотъ несомнѣнныя достоинства этой мастерской картины! Но чтó еще болѣе приковываетъ къ ней вниманіе и участіе зрителя, это—глубокая вдуманность въ изображенное дѣйствіе. Божественный Страдалецъ здѣсь ужь мертвъ, но, смотря на его тѣло, бережно вносимое въ гробовой склепъ, вы не можете въ немъ не видѣть сосудъ, вмѣщавшій въ себѣ Божественный Духъ. Окружающія Его лица преисполнены таинственнаго благоговѣнія; горесть ихъ сдержана святостью совершаемаго дѣйствія: но тѣмъ не менѣе сильно выраженіе ихъ лицъ, особенно фигуры, находящейся на заднемъ планѣ. Одна только Св. Марія Магдалина (на первомъ планѣ), какъ женщина, не владѣетъ собою и отчаяніе вырываетъ изъ груди ея вопль при мысли о томъ, что она въ послѣдній разъ созерцаетъ священные останки Божественнаго Учителя, къ которому она привязана всею высокою душою своею. Не менѣе выразительна поза другой женской фигуры, упавшей ницъ передъ тѣломъ Іисуса Христа; въ этомъ поклоненіи ея видна не только горесть, но и признаніе Божества въ добровольномъ страданіи Искупителя. Но какъ ни прекрасно движеніе Маріи Магдалины, мы не можемъ не передать художнику одного, почти общаго, замѣчанія по поводу этой фигуры; еслибъ мы умолчали о немъ, насъ могли бы упрекнуть въ пристрастіи, хотя дѣйствительно трудно не быть пристрастнымъ къ произведенію, которое неожиданно поразило

насъ множествомъ несомнѣнныхъ красотъ и достоинствъ. Замѣчаніе это, конечно не важное, касается рисунка въ этой фигурѣ. Она представляется слишкомъ-тонкою, слишкомъ-плоскою, что̀ и само-собою поражаетъ глазъ зрителя, и еще болѣе-рѣзко въ картинѣ, обладающей всѣми достоинствами высокаго, строгаго стиля. Но это, вѣроятно, будетъ замѣчено самимъ художникомъ... Мы знаемъ, что̀ значитъ выставить свое произведеніе на судъ публики! Еще не слыша ни чьихъ толковъ, въ эту минуту самъ какъ-то вдругъ прозрѣваешь, и никто еще не указалъ вамъ недостатковъ, но вы ужь знаете, гдѣ ваши слабыя стороны... Но торжество г. Завьялова, обезоружившее совершенно его подготовленныхъ критиковъ—еще не въ одной композиціи и выраженіи; какую мастерскую кисть они встрѣтили въ его картинѣ! какой прекрасный колоритъ! ка̀къ онъ овладѣлъ гармоніей красокъ! Ничто не рѣжетъ вашего глаза, ничто не теряется въ какомъ-нибудь одномъ тонѣ, какъ это встрѣчается часто въ произведеніяхъ многихъ ужь извѣстныхъ художниковъ, или какъ бы этого можно было ожидать отъ ученика Егорова, потому-что, надобно сознаться, покойный Егоровъ, при своемъ огромномъ талантѣ, былъ плохимъ колористомъ: у него всегда, особенно въ позднѣйшую эпоху, преобладалъ коричневый и сѣроватый тонъ, съ которымъ никакъ не гармонировали красные, желтые и другіе цвѣта въ картинѣ. Но довольно о г. Завьяловѣ. Признаемся, онъ поразилъ насъ своею кортиною; она была вполнѣ оцѣнена публикою и мы искренно радуемся его торжеству и успѣхамъ его на избранномъ имъ поприщѣ.

Задача г. Шамшина была гораздо-труднѣе — изобразить Іисуса Христа въ Его Божественной Славѣ, въ минуту Возстанія Его изъ гроба. Здѣсь ужь нѣтъ ничего земнаго, кромѣ ужаса испуганныхъ воиновъ, а представить себѣ мысленно Божество во славѣ гораздо-легче, чѣмъ изобразить какимъ-нибудь внѣшнимъ образомъ. Отчего Рафаэль одинъ почти пользуется такою знаменитостью, тогда-какъ многіе великіе мастера писали картины Преображенія Господня? Онъ одинъ болѣе всѣхъ приблизился къ высокому идеалу, но, надобно замѣтить, и его изображеніе гораздо-слабѣе того, что̀ ожидаетъ найдти въ немъ всякій вѣрующій; по-крайней-мѣрѣ при первомъ созерцаніи его картины почти каждый остается несовсѣмъ-доволенъ, и только по внимательномъ изученіи изумится, сколько мысли было у великаго художника при изображеніи лика Спасителя. Въ картинѣ г. Шамшина лучше всего — фигуры воиновъ-стражей; художникъ прекрасно передалъ ихъ ужасъ и изумленіе.

Первую золотую медаль получили нынѣшній годъ гг. Кабановъ, Венигъ и Бронниковъ.

Г. Бронниковъ и г. Сорокинъ писали на одну тэму — «Божія Матерь радости всѣмъ скорбящимъ». Если мы вспомнимъ, что вся художественная жизнь Рафаэля, оставившаго намъ множество картинъ, изображающихъ Пресвятую Дѣву, была постояннымъ стремленіемъ выразить идеалъ тѣхъ совершенствъ, которымъ христіанинъ покланяется въ образѣ Богоматери; если мы вспомнимъ, что въ немногихъ изъ своихъ Мадоннъ Рафаэль сколько-нибудь достигъ до своей цѣли и умѣлъ соединить съ внѣшнею красотою формъ величіе и непричастность ко всему земному (какъ, напримѣръ, въ дрезденской Мадоннѣ) кротость и любовь (какъ, напримѣръ, въ Madonna della Seggiola), то, конечно, мы въ ученическихъ картинахъ не будемъ останавливаться на ликѣ Божіей Матери. Оба молодые художника, кажется, чувствовали это, и изобразили Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ какъ видѣніе, ограничиваясь одними намеками, и помѣстили Ее какъ-бы для связи и объясненія того, чтó происходитъ на нижнемъ планѣ картины. Для нихъ пока еще доступнѣе міръ земной, нежели божественная идея; они еще какъ-бы знакомѣе съ міромъ скорбей и страданій человѣчества, прибѣгающаго съ жаркою молитвою къ Небесной Заступницѣ. Но въ этихъ фигурахъ, страждущихъ, трудно отдать преимущество тому или другому художнику. У г. Сорокина болѣе смѣлости и оригинальности; вообще онъ на насъ производитъ такое впечатлѣніе, что это будто юный титанъ, юный геній, который не довольствуется избитой колеей, и кидается на трудности, стоющія того, чтобъ съ ними побиться; другому, можетъ-быть, крайности эти не прійдутъ въ голову, но съ ними и онъ еще не совладаетъ вполнѣ. Кіевскіе мученики — до-сихъ-поръ, по нашему мнѣнію, еще его лучшая картина—кажется, вполнѣ оправдываютъ наши слова. Не говоримъ ужь о позахъ и живости и быстротѣ дѣйствія; взгляните на однѣ его головы. На бóльшей части ученическихъ, да и неученическихъ картинъ, вы узнаете, напримѣръ, воспоминанія головъ Гверчино или Гвидо Рени, или Пуссена и старой французской академической школы; у г. же Сорокина эти головы въ высшей степени оригинальны и поражаютъ своей натуральностью. Въ примѣръ укажемъ на нынѣшней картинѣ его, хоть на голову старика, съ котораго ангелъ снимаетъ оковы. Движеніе старика вполнѣ выражаетъ, что онъ глубоко вѣритъ въ заступничество Пресвятой Дѣвы. Голова старухи, поднятая кверху — типъ правильной, но оригинальной красоты. Точно также и лицо больнаго мальчика — совсѣмъ - особенное. Въ колоритѣ и манерѣ своей г. Сорокинъ тоже какъ-бы пытается создать нѣчто-особенное, что-то свое. Ясно, что онъ добивается общей гармоніи красокъ — путемъ совсѣмъ-особеннымъ; онъ ста-

рается неслишкомъ *выписывать*, чтобъ дать работу и воображенію зрителя; но, имѣя хорошія побужденія, еще не умѣетъ *не выписывать*, не знаетъ гдѣ остановиться, отчего всѣ его картины кажутся неоконченными; тѣмъ не менѣе, однако, всѣ согласно, во многихъ частяхъ, назовутъ его кисть мастерскою. Вообще при разныхъ неудачахъ, при разныхъ недостаткахъ его картинъ, этотъ художникъ не можетъ не заинтересовать собою внимательнаго наблюдателя за развитіемъ талантовъ, еще вѣрящаго въ силу генія, вѣрящаго въ то, что богатые зачатки принесутъ современемъ обильные плоды; что не погибнутъ они подъ гнётомъ дѣйствительности и что художникъ свято сохранитъ и разовьетъ посланный въ удѣлъ его талантъ. Таково наше мнѣніе: талантъ г. Сорокина еще не опредѣлился вполнѣ; но если онъ, овладѣвъ матеріальною частью искусства, разовьетъ тѣ силы, которыя сказываются въ его картинахъ, въ немъ мы будемъ имѣть утѣшеніе привѣтствовать великаго художника.

Г. Бронниковъ гораздо-осторожнѣе и осмотрительнѣе своего совмѣстника. Сочиненіе его гораздо-спокойнѣе; у него видно болѣе обдуманности, тогда-какъ у г. Сорокина — болѣе вдохновенія. Тѣмъ не менѣе мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе Академіи въ назначеніи первой золотой медали г. Бронникову. Фигуры его картины прекрасно сгруппированы, выраженіе лицъ почувствовано сильно, а тѣло умирающаго, почти совсѣмъ обнаженнаго мальчика и его голова (на первомъ планѣ), истинно-превосходны; точно такъ же полна выраженія голова матери этого несчастнаго, и другой старухи, которая молитъ Божію Матерь пролить Ея благословеніе на юную дочь ея. Фигура же послѣдней совсѣмъ-неудовлетворительна. Колоритъ г. Бронникова можетъ быть нѣсколько рѣзокъ (un peu cru); сіяніе, исходящее отъ ореолы Пресвятой Дѣвы, тяжело стушевано съ облаками, и образуетъ къ концамъ картины сырой, черноватый тонъ. Вообще нижняя часть картины гораздо-лучше, и, исключая дѣвочки, о которой упомянуто выше, она сдѣлала бы честь любому опытному мастеру.

Сюжетъ другихъ соискателей золотой медали былъ: *Эсѳирь предъ Артаксерксомъ*. Изъ двухъ картинъ, на эту тэму выставленныхъ г. Венигомъ и г. Мартыновымъ, мы также вполнѣ соглашаемся съ приговоромъ Академіи, присудившей г. Венигу первую золотую медаль, и г. Мартынову просто золотую медаль *за экспрессію*, какъ сказано въ «Указателѣ Художественныхъ Произведеній» нынѣшней выставки. Въ этомъ приговорѣ вполнѣ опредѣлились достоинства той и другой картины. Въ сочиненіи г. Венига болѣе движенія, болѣе жизни, но выраженіе лицъ довольно-

слабо: Эсѳирь, готовая лишиться чувствъ, какъ-будто просто засыпаетъ, и притомъ надобно замѣтить, что всѣ женскія лица похожи одно на другое. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ недостаткомъ выраженія, показываетъ, что художникъ рабски придерживался модели, а не совѣтовался только съ натурой. У г. Мартынова болѣе внутренней драмы, болѣе благости въ лицѣ царя, болѣе движенія въ фигурѣ министра, негодующаго на Эсѳирь, являющуюся просить своего супруга о пощадѣ ея соотечественниковъ, плѣнныхъ Евреевъ.

Молодой Ахиллесъ, учащійся стрѣлять у Кентавра, г. Кабанова, удостоенъ также первой золотой медали. Хотя Кентавръ очень внимателенъ къ своему питомцу и очень-ясно показываетъ ему, кȧкъ надобно приноровить стрѣлу къ луку, однако въ наше время какъ-то дико смотрѣть на эти миѳическія существа, полулюдей, полулошадей. Пускай еще это встрѣтится въ какой-нибудь бездѣлкѣ, въ эскизѣ, въ антологическомъ стихотвореніи, или, пожалуй, и въ картинѣ, но какъ символическое изображеніе страсти, или идеи, мы еще допустимъ эти аномаліи, мы перенесемъ себя на мѣсто древнихъ Грековъ и потѣшимся ихъ міросозерцаніемъ; но, воля ваша, мы не вынесли бы этого, еслибъ кто-нибудь вздумалъ вывести языческихъ боговъ и полубоговъ въ эпической поэмѣ—а большая картина стоитъ эпической поэмы. Вотъ почему зритель холоденъ къ картинѣ г. Кабанова, тѣмъ болѣе, что и колоритъ его черноватый въ тѣняхъ, довольно-рѣзкій и холодный и ненатуральный въ тѣлѣ, нисколько не располагаетъ зрителя тѣшиться избраннымъ миѳомъ.

Гг. Солдаткинъ и Волковъ должны были изобразить *Фидія, показывающаго Периклу знаменитую статую Минервы.* Картина г. Солдаткина удостоена второй золотой медали. Г. Ильинскій и Плешановъ изобразили *смерть Гектора.* Г. Ильинскій получилъ вторую золотую медаль. О картинахъ этихъ художниковъ мы еще ничего не можемъ сказать: таланты ихъ еще не обозначились рѣзкими чертами. Картины носятъ на себѣ отпечатокъ такъ-называемаго академическаго стиля, отъ котораго, впрочемъ, они будутъ понемногу освобождаться; отъ условной театральности перейдутъ къ бȯльшей естественности и наблюденіемъ за проявленіями души человѣческой согрѣютъ нѣсколько еще холодныя свои композиціи. Справедливо замѣчено молодымъ художникамъ, что ихъ Гекторъ какъ-будто кончилъ преспокойно дни свои на лонѣ семейства, оплакиваемый доброю женою. Ничто не напоминаетъ о трагической его смерти, какъ она описана у Гомера; нѣтъ слѣдовъ, чтобъ тѣло его было влачено Ахилломъ вокругъ стѣнъ троянскихъ. Если ужь художники взялись за Иліа-

ду, то надобно было бы проникнуться ея духомъ; простота Гомера должна была бы внушить имъ произведенія совсѣмъ-другаго стиля, еслибъ они посмотрѣли на Иліаду и гомеровыхъ героевъ не сквозь призму французскаго псевдо-классицизма. Вотъ для кого могли бы быть вполнѣ полезны труды г. Ордынскаго, то-есть его переводъ Иліады въ прозѣ. Будемъ надѣяться, что нашъ ученый эллинистъ довершитъ начатое имъ дѣло: услуга его будетъ несомнѣнна, что́ ни говори гг. критики. Что жь касается до сравнительнаго достоинства обѣихъ картинъ, то въ композиціи мы бы отдали преимущество г. Плешанову. У него гораздо-болѣе простоты движеній и болѣе горести въ фигурахъ. Пріамъ, схватясь обѣими руками за голову, съ нѣмымъ отчаяніемъ прислонился къ изголовью ложа Гектора, и въ этомъ неподвижномъ взглядѣ видно, что онъ не можетъ еще обнять мыслью всю великость своей потери. Это горесть отца и мудраго старца, лишающагося послѣдней своей подпоры. Гекуба, мать, рыдаетъ; поза ея очень-выразительна. Андромаха, съ заплаканнымъ лицомъ, прислонилась къ кресламъ. Горе парализировало ея силы; отъ отчаянія она ужь перешла къ глубокой, тихой скорби; во взорахъ видна вся нѣжность, съ которой она любила падшаго героя. Этихъ строкъ нельзя примѣнить къ картинѣ г. Ильинскаго, хотя сюжетъ тотъ же. Но съ красками г. Плешановъ еще рѣшительно не умѣетъ управляться: яркіе цвѣта одеждъ и неестественныя краски въ лицахъ производятъ непріятное впечатлѣніе, такъ-что на первый взглядъ общій тонъ картины г. Ильинскаго гораздо-пріятнѣе.

Г. Мореншильдъ, два года тому назадъ, поразилъ всѣхъ своею картиною, изображающею смерть св. Себастіана. Эта картина обѣщала такъ много, что послѣдующая затѣмъ на прошлогодней выставкѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ, не произвела никакого особеннаго впечатлѣнія. Но теперь онъ выставилъ картину, въ которой опять видѣнъ художникъ, написавшій Себастіана. Тѣни пріятныя, теплые тоны, граціозныя позы, колоритъ и манера чрезвычайно-оригинальныя, нѣсколько напоминающія великаго испанскаго колориста Мурильйо. Эта картина изображаетъ явленіе пастухамъ ангела, благовѣствующаго о рожденіи въ мірѣ Спасителя. Одинъ изъ пастуховъ указываетъ другому явленіе небеснаго вѣстника; третій только-что слышитъ надъ собою невѣдомые звуки и не знаетъ еще откуда они несутся. Впрочемъ, для живописи это моментъ невесьма-удачный; очень-легко ошибиться въ выраженіи лица того пастуха; очень легко можно подумать, что онъ просто смотритъ на зрителя и что, слѣдовательно, не вяжется съ общей идеей. Эти три пастуха составляютъ прекрасную живописную групу, мастерски-освѣщенную небеснымъ свѣ-

томъ, исходящимъ отъ ореолы ангела. Кругомъ все погружено въ глубокій сонъ: стада и пастухи; тьма покоится на всѣхъ предметахъ: впечатлѣніе такое, что дѣйствительно будто-бы въ эту ночь совершается на землѣ нѣчто-дивное. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ у г. Моренпшльда ангелъ: въ его очеркѣ такъ много граціи, что невольно сознаешься, что подобныя фигуры рѣдко встрѣчаются у нашихъ художниковъ. Вообще насъ пріятно поразила эта картина, и мы душевно рады, что художникъ поправилъ ею свою неудачу прошлаго года и доказалъ, что первый успѣхъ его не былъ случайностью. Къ-сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же о портретахъ г. Моренпшльда: они гораздо-ниже его историческихъ картинъ.

Г. *Бейдеманъ* въ своей картинѣ «Бѣгство Святаго Семейства въ Египетъ и встрѣча его на пути съ разбойниками», затронулъ одинъ немаловажный вопросъ въ нынѣшнемъ художественномъ мірѣ, именно, о томъ, въ какой мѣрѣ нынѣшнему искусству слѣдуетъ держаться стараго греческаго стиля. Вопросъ этотъ сильно взволновалъ художниковъ въ первые годы романтизма въ Германіи, заставилъ ихъ бросить всѣ ученыя преданія, хорошія и дурныя, обратиться къ Перуджину, даже къ Джіотто, и искать у нихъ наставленій и вдохновенія. Лучшее, что́ произвела эта школа — строгій, но нѣсколько-сухой стиль Овербека, единственнаго, сколько намъ извѣстно, художника, который воспользовался общимъ движеніемъ и былъ отчасти его главою, и который одинъ почерпнулъ для своего таланта отъ древнѣйшихъ мастеровъ разумную пищу. Онъ искалъ того, что́ слѣдовало искать, то-есть старался проникнуться духомъ тѣхъ временъ; другіе, какъ водится, остановились на формѣ. У насъ есть драгоцѣнные памятники древняго искусства, изъ которыхъ многіе, при всемъ младенчествѣ еще и несовершенствѣ линій, имѣютъ на себѣ отпечатокъ высокаго духовнаго выраженія; въ нихъ видна высокая настроенность духа художника, видна его благая мысль, но замѣтно также, что рисунокъ вовсе не давался неопытной рукѣ, не говоря ужь о краскахъ, перспективѣ, раккурсахъ и другихъ условіяхъ искусства, почерпаемыхъ изъ наблюденія и изученія природы. Слѣдовательно, вмѣсто того чтобъ, изъ желанія написать картину въ національномъ духѣ, придерживаться несовершенныхъ линій; вмѣсто того, чтобъ изъ одного подражанія посадить съ лѣвой стороны картины треугольную фигуру въ синемъ одѣяніи почти безъ складокъ и почти скопировать въ ея лицѣ старый типъ, г. Бейдеманъ гораздо-лучше бы сдѣлалъ, еслибъ понялъ это подражаніе не такъ матеріально, то-есть уловилъ бы, какую идею имѣлъ древній художникъ объ изображаемомъ имъ лицѣ; что́, какія качества хотѣлъ онъ въ немъ выразить; сло-

вомъ, еслибъ онъ себя поставилъ въ то же нравственное настроеніе, въ которомъ находился старый живописецъ, но придалъ бы ему только тѣ познанія въ матеріальной части, какими владѣетъ самъ, при нынѣшнемъ развитіи искусства. Такое подражаніе не было бы рабскимъ, напротивъ, могло бы быть чрезвычайно-плодотворно; а то теперь стиль, который онъ хотѣлъ воспроизвести, обозначается только треугольной линіей въ главной фигурѣ и вовсе-некрасивыми лицами. Вообще въ заимствованіи художнику надобно быть очень-осторожнымъ. Есть очень-много любителей искусствъ, которые негодуютъ на итальянскихъ мастеровъ вообще за то, что въ изображеніи, напримѣръ, священныхъ лицъ, они болѣе всего гоняются за внѣшнею красотою. Этотъ упрекъ по-бóльшей-части справедливъ; но изъ него не выходитъ противнаго, то-есть не слѣдуетъ выводить изъ него такое заключеніе: при изображеніи священныхъ лицъ не должно стараться, чтобъ черты лица ихъ были прекрасны. Скорѣе, напротивъ, итальянскіе художники по-бóльшей-части стоютъ упрека за то, что опустили изъ виду наивный элементъ, который составлялъ красоту болѣе старыхъ произведеній. Но какъ нельзя также безусловно останавливаться на преданіи первыхъ вѣковъ новой живописи, то должно стараться соединить въ себѣ тò, что̀ прекрасно въ обоихъ искусствахъ: прекрасныя формы оживляйте прекрасной душою, потому-что странно предположить, что прекрасная душа можетъ обитать только въ непрекрасномъ тѣлѣ. Убѣдится ли художникъ въ справедливости нашихъ словъ—не знаемъ; но мы долгомъ считали высказать ему это, тѣмъ болѣе, что не разъ ужь на нашихъ выставкахъ замѣчали направленіе, которое онъ повидимому хочетъ себѣ усвоить, и высказать тѣмъ болѣе, что вообще въ его картинѣ виденъ замѣчательный талантъ, потому-что многія части ея безукоризнено-хороши, особенно св. Іосифъ. Что жь касается до разбойниковъ, то движенія ихъ очень-неясны; рѣшительно нельзя понять, что̀ они дѣлаютъ; не видно только одного—чтобы они бѣжали отъ божественныхъ путниковъ, а кажется эту мысль хотѣлъ выразить художникъ.

Г. академикъ *Лавровъ* представилъ на нынѣшнюю выставку Вакханку—картину весьма-замѣчательную. Въ лицѣ Вакханки много огня, страсти; черты ея прекрасны. Фигура ея натуральной величины; она бросилась послѣ пляски съ бубномъ отдыхать подъ тѣнью дерева. Колоритъ картины теплый, мягкій; раккурсы вообще очень-рельефны и прекрасно выполнены. Нѣтъ сомнѣнія, что это одна изъ лучшихъ картинъ на Выставкѣ.

Чтобъ заключить нашъ обзоръ исторической живописи на нынѣшней выставкѣ, остается еще упомянуть о двухъ копіяхъ, присланныхъ нашими художниками изъ Испаніи. Событія по-

слѣднихъ годовъ прервали на-время артистическую жизнь Италіи; такимъ-образомъ сама судьба заставила насъ обратиться къ другой странѣ, гдѣ, во времена почти всемірнаго владычества Карла V и Филиппа II, процвѣло оригинальное искусство, и куда стекались, какъ къ центру тогдашняго міра, лучшія произведенія Италіи и Фландріи. Имя и вліяніе Карла V встрѣчается въ біографіи почти всѣхъ современныхъ ему европейскихъ художниковъ. Великій монархъ былъ искреннимъ другомъ и покровителемъ искусствъ: кто не знаетъ анекдота о Тиціанѣ и Карлѣ V, который поднялъ кисть Тиціану? Поэтому мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, чтобъ наши художники, пребывающіе теперь въ Испаніи, познакомили насъ съ богатствами ея музеевъ, съ ея національнымъ искусствомъ, и наконецъ познакомили бы насъ съ ея живописной природой и ея живописными людьми. Національное искусство Испаніи замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что оно образовалось подъ вліяніемъ двухъ совершенно-противоположныхъ школъ — итальянской и фламандской. Нидерланды были наслѣдственнымъ достояніемъ Карла V; владычество въ Италіи было цѣлью его постоянныхъ стремленій; Миланъ и Неаполь ему принадлежали. Художники той и другой страны встрѣчались при дворѣ Карла. Національное испанское искусство переняло отъ Италіи колоритъ и великія задачи христіанскаго искусства, но никогда не могло оно подняться до преслѣдованія идеала, ибо, съ другой стороны, фламандская живопись заставляла испанскихъ художниковъ смотрѣть на природу и удерживала на землѣ полетъ ихъ фантазіи. Поэтому, рядомъ съ изображеніемъ католическихъ святыхъ, большею-частью испанскихъ, тамъ вы встрѣчаете безконечный рядъ сценъ народной жизни, народныхъ типовъ. Испанская галерея въ Императорскомъ Эрмитажѣ у насъ очень-богата, и тамъ мы можемъ отчасти прослѣдить главныя направленія испанской живописи. Реальное направленіе въ ней гораздо-сильнѣе. Святые ихъ — всѣ почти туземные типы; въ лицѣ Мадонны всегда узнаете испанскую дѣвушку, въ которой божественнаго нѣтъ почти ничего; она одушевлена только чудной невинностью и материнской любовью. Затѣмъ слѣдуютъ портреты и сцены народной жизни, переданныя съ антологической граціей, хотя и съ фламандской вѣрностью натурѣ. По извѣстіямъ изъ мадридскихъ газетъ, многія ужь картины нашихъ художниковъ, гг. Сорокина, Горѣцкаго и другихъ, были въ числѣ лучшихъ произведеній на мадридской выставкѣ. Эти картины ожидаются въ Петербургъ, и мы пока будемъ питать надежду, что увидимъ ихъ на будущей выставкѣ у насъ и посмотримъ, какое вліяніе произвела Испанія на талантъ нашихъ художниковъ.

Теперь передъ нами только одна представительница испанской живописи, въ копіи г. Баскакова съ извѣстныхъ Гулякъ (les buveurs) Веласкеса. Это теньеровская сцена, но подъ другимъ небомъ, посреди другой природы, между другими людьми, у которыхъ одно общее съ почтенными Фламандцами — поклоненіе Вакху. Но представлять на попойкѣ бога гроздій несвойственно степенному фламандскому бюргеру или селянину; а эта идея очень можетъ прійдти въ голову оборванному саламанхскому баккалавру, когда онъ попалъ въ веселую компанію нищихъ, бродягъ и разбойниковъ. Нельзя довольно налюбоваться на эту картину даже въ копіи: въ ней столько жизни, веселья, откровеннаго смѣха, не говоря ужь о смѣлой композиціи и мастерской кисти испанскаго Микель Анджело... Вы удивляетесь что Веласкесъ, авторъ Гулякъ, называется испанскимъ Микель-Анджеломъ, Микель Анджеломъ — творцомъ Страшнаго Суда?.. Да, Веласкесъ посягалъ на такіе же сюжеты, какъ и великій Буонаротти обнаруживалъ въ нихъ геній, ему родственный, и писалъ такъ же хорошо, такъ же неподражаемо «Гулякъ», какъ все семейство Теньеровъ. Въ страну вотъ какихъ чудесъ попали мы!

Другое сокровище Испаніи, la Madonna della Perla Рафаэля, является къ намъ въ копіи г. Михайлова. Оригиналъ былъ купленъ Карломъ I-мъ и привезенъ въ Англію вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными картинами. По смерти Карла I-го, эта картина была куплена испанскимъ королемъ Филиппомъ IV за три тысячи фунтовъ стерлинговъ (около двадцати тысячъ рублей серебромъ). Разсказываютъ, что, при видѣ этого сокровища, Филиппъ воскликнулъ: «вотъ моя настоящая жемчужина»! Отъ этого будто бы и картина эта получила названіе Madonna della Perla. Она считается одною изъ лучшихъ Мадоннъ Рафаэля: въ-самомъ-дѣлѣ въ этой милой композиціи такъ много граціи и простоты, вся група дышетъ такою наивною невинностью, а въ лицѣ Богоматери столько кротости и любви, что точно она должна быть жемчужиною богатой коллекціи Эскуріала. Жаль только, что краски въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потемнѣли, отчего, особенно два младенца, кажутся нѣсколько грубо-сдѣланными. Это видно и въ копіи г. Михайлова. Но побѣдите въ себѣ первое впечатлѣніе, нѣсколько-непріятное, производимое этими почернѣвшими красками и нѣкоторой грубостью формъ дѣтей (недостатокъ довольно-общій у Рафаэля и утрированный еще болѣе его ученикомъ, Джуліо Романо) и посмотрите, сколько граціи въ сочиненіи этой картины, сколько милаго въ выраженіи всѣхъ лицъ! Здѣсь-то, въ этомъ-то и сила Рафаэля. Дѣтей многіе писали лучше его, но, исключая Корреджіо, никто не придавалъ имъ столько игривой

дѣтскости. А какъ въ этомъ видна прекрасная душа великаго художника!... Копія г. Михайлова передаетъ въ этой картинѣ многое, что́ говоритъ не одному глазу; изъ этого можно заключить, что она должна быть хорошая копія.

Переходя къ живописи «домашнихъ сценъ» какъ у насъ называютъ genre, первое мѣсто, разумѣется, мы должны дать старому любимцу нашей публики — г. Риццони. Этотъ талантливый художникъ пріобрѣлъ разомъ себѣ извѣстность, благодаря «Толкучему Рынку...» то-есть, его картинѣ, гдѣ изображена сцена на Толкучемъ Рынкѣ. Послѣ этой картины, еще памятной всѣмъ петербургскитъ любителямъ, нельзя не признать, что г. Риццони значительно усовершенствовалъ свою манеру; отдѣлка мельчайшихъ подробностей у него доведена до совершенства; игра лицъ и физіономій передается имъ съ безпощадной вѣрностью. Но въ «Толкучемъ Рынкѣ» было болѣе задатковъ, кромѣ этихъ нѣскольколо-матеріальныхъ данныхъ. Проникся ли еще глубже г. Риццони «русскимъ духомъ», который такъ могущественно, такъ сильно выразился въ сценахъ на Толкучемъ? Едва-ли... Кажется, какъ-будто бы онъ усвоилъ себѣ нѣсколько типовъ, и пока ограничилась этимъ его наблюдательность. Въ нынѣшней картинѣ его, изображающей «внутренность погребка», посреди всей веселой компаніи, есть только, можетъ-быть, двѣ-три новыя черты, два типа новые и вполнѣ-русскіе. Другія фигуры — какъ-бы повтореніе типовъ и групъ изъ другихъ картинъ г. Риццони, являвшихся на прежнихъ выставкахъ, а именно, изъ «брюссельской таверны», изъ «чухонской избушки». Даже колоритъ нѣсколько напоминаетъ его же цыганскія сцены. Наконецъ въ самомъ выборѣ сюжетовъ у него встрѣчается нѣкоторое однообразіе, это — всегда попойка, всегда люди групирующіеся около стакана. «Толкучій Рынокъ» между-тѣмъ доказываетъ, что талантъ г. Риццони не есть такой исключительный. Но, несмотря на это, все-таки, «внутренность кабачка» есть первокласное въ своемъ родѣ произведеніе; и если мы позволи ли себѣ высказать вышеизложенныя мысли, то потому только, чтобъ обратить вниманіе художника на нѣкоторыя стороны его дѣятельности, которыя ускользнули отъ него повидимому, и чтобъ напомнить ему, что ежедневная жизнь можетъ представить сцены, гдѣ выражается, можетъ-быть, еще болѣе юмора и русскаго духа, и схватить ихъ — значитъ приготовить себѣ новое торжество. Надобно только иной

разъ въ счастливую минуту взглянуть на улицу... Да вотъ хоть теперь передъ нашими глазами ѣдутъ дроги, возвращающіяся съ кладбища; гдѣ ихъ печальное великолѣпіе? Сейчасъ этотъ мрачный экипажъ тихо двигался посредствомъ двухъ коней въ черныхъ мантіяхъ, съ серебряной каймой, посреди плачущей толпы, сопровождаемый черными факельщиками, рядомъ каретъ, толпою пѣшеходовъ съ обнаженной головой — но теперь траурный возничій сбросилъ свою мантію и оказался въ нагольномъ тулупѣ извощикомъ, весело-распѣвающимъ какую-то пѣсню; на головѣ его еще траурная шляпа; онъ со всею русскою удалью погоняетъ тощихъ разной величины двухъ коней, у которыхъ черныя попоны не прикрываютъ болѣе высунувшихся ребръ... Факельщики и лакеи, съ разноцвѣтными лентами, тоже, разоблачившись вполовину, сидятъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ, закусываютъ и оказываются, можетъ-быть, самыми-веселыми людьми теперь на всей улицѣ... О, г. Риццони! только смотрите вокругъ васъ — и сюжетамъ для вашей кисти не будетъ конца!...

«Кабачокъ» г. Риццони помѣщается въ подвальномъ зданіи, подъ арками. Тамъ царствуетъ сырой полумракъ съ изящными испареніями всякаго рода, что̀ придаетъ тамошней атмосферѣ синеватый цвѣтъ, такъ-что люди, тамъ находящіеся, движутся какъбудто въ туманѣ. На лѣвой сторонѣ картины, подъ окномъ, помѣщаются странствующіе музыканты — старуха въ соломенной шляпѣ, играющая на контрбасѣ, и молодой нѣмецъ, играющій на скрипкѣ. Безучастное лицо старухи механически-исполняющей свою работу, чрезвычайно-характерно, тѣмъ-болѣе, что въ томъ заведеніи нѣтъ лица равнодушнаго. Спутникъ же ея искоса посматриваетъ на то, что̀ передъ нимъ дѣлается, и, кажется, самъ бы не прочь быть на мѣстѣ хоть ближайшаго къ нему молодца, любезничающаго съ одною умильною трактирною дамой. Нельзя не замѣтить, что у этой дамы совершенно то же лицо, какъ и у другой, которая куритъ папироску: это какъ-будто невнимательность со стороны художника. Зато лица двухъ другихъ дамъ— верхъ натуральности и вѣрности русскому и отчасти чухонскому типу. Но вотъ лицо истинно-прекрасное, и въ картинѣ г. Риццони совсѣмъ-новое и вѣрно-передающее русскій типъ: мужикъ, который преспокойно помѣстивъ голову на бочкѣ, спитъ; шляпа его сдвинулась на самый носъ, отяжелѣвшій языкъ покоится на нижней губѣ. Эта фигура рѣшительно-лучшая между всѣми другими, точно также, какъ второй планъ и сцены, происходящія въ перспективѣ подъ арками, тоже едва-ли не лучше передняго плана. Здѣсь опять встрѣчается характерный эпизодъ изъ жизни нашего простонародья. Мужикъ, вѣроятно, бывшій подрядчикъ и, должно-быть, подрядчикъ разумный, уважаемый

артелью, сошелся въ заведеніи съ другимъ, надобно думать, бывшимъ его работникомъ, малымъ ненадежнымъ, которому онъ вѣрно отечески наказывалъ не пить, выдавая ему приходящіяся за всѣми вычетами деньги; но гуляка, видно, соблазнился, спустилъ въ кабакѣ все, и теперь, встрѣтясь съ подрядчикомъ, кается, проситъ прощенія, цалуетъ, въ припадкѣ нѣжности, его руки и вѣроятно, клянется, что больше нога его не будетъ въ проклятомъ вертепѣ. Вотъ, чтò значитъ вѣрно подмѣтить и такъ характерно изобразить сцену довольно-обыкновенную: каждый изъ зрителей, смотря на картину, сочиняетъ фразы, которыя должны быть произнесены обоими лицами при такомъ казусномъ случаѣ! «Говорилъ я тебѣ, Ванюха — не послушался» и пр. подсказываютъ съ одной стороны. «Извѣстно», отвѣчаютъ зрители съ другой стороны за Ванюху: — «ты человѣкъ разумный, Артемій Петровичъ, худому учить не станешь — да чтò дѣлать! Нечистый попуталъ — подгулялъ маненько!» Но мы не можемъ описать всѣхъ эпизодовъ этой странной жизни. Здѣсь все поражаетъ необыкновенной вѣрностью; ничего изъ мельчайшихъ подробностей не упущено художникомъ и изображено такъ, что вы ни на минуту не задумаетесь, чтò это такое. Тутъ и замасляныя карты валяются на полу; на этихъ картахъ вы отличите и десятку, и валета; тутъ и разбитый штофъ, и пролитое вино; у пьянаго мужика, валяющагося на полу, въ рукѣ головка луку; сигары, папироски у курящихъ; веревочка въ рукахъ полицейскаго подчастка; пряничный пѣтушокъ на полу, и пр., и пр. — все изумляетъ васъ мастерскою отдѣлкою, наблюдательностью и исполненіемъ необычайнымъ.

Итакъ, таланта въ этой картинѣ много; она сочинена и выполнена превосходно; но отчего же отходишь отъ нея какъ-то невполнѣ-удовлетворенный? Чего же въ ней недостаетъ? Мы, вѣря всего болѣе впечатлѣнію, и не любя головныхъ сужденій, долго старались отдать себѣ отчетъ въ неполнотѣ душевнаго удовольствія при видѣ этой мастерской картины. Эпизоды у г. Риццони, если можно такъ выразиться, написаны даже краснорѣчиво; каждый говоритъ за себя, но общей идеи, общаго впечатлѣнія въ ней нѣтъ. Чтò же, хорошо или дурно эти люди дѣлаютъ? Имѣетъ ли это какое-нибудь вліяніе на судьбу и жизнь этихъ людей? Чтò ихъ привело сюда? Можно ли на этой картинѣ указать примѣръ, что-молъ, вотъ кàкъ гибельна такая жизнь, и подѣйствовать этимъ на воображеніе слабаго, но еще неиспорченнаго человѣка? Нѣтъ, ничто не наводитъ васъ на эту мысль... Не показываетъ ли, наоборотъ, эта картина того, кàкъ весело въ этомъ заведеніи, кàкъ бы хорошо туда зайти? И этого, конечно, не имѣлъ въ виду художникъ. Если же кар-

тина такого рода лишена высокихъ человѣческихъ интересовъ, а передаетъ только то, что̀ бываетъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, она остается изумительно-вѣрной копіей съ дѣйствительности. Отчего? Оттого, что художникъ, какъ въ зеркалѣ, представилъ то, что̀ происходитъ передъ его глазами, и совершенно скрылъ, какое впечатлѣніе оно возбуждаетъ въ его душѣ. У г. же Рицдони талантъ такъ великъ, что мы требуемъ отъ него больше, и чего не въ-правѣ были бы ожидать отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ талантовъ. Припомните въ исторіи нашей литературы, ка̀къ при первомъ появленіи «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, многіе изъ нашихъ писателей, думая подражать ему, ударились въ изображеніе грязнаго, но дѣйствительно-встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ закоулкахъ нашего быта. Изображенія ихъ были вѣрны; но попробуйте прочесть ихъ теперь — вы бро̀сите книгу: грязь, ими изображенная, будетъ не болѣе какъ грязью; впечатлѣніе будетъ тяжелое, даже нисколько незабавное. Теперь бо̀льшая часть авторовъ этихъ пьесъ смотритъ на нихъ, какъ на грѣхи юности, и отъ нихъ отказывается. Эти писатели остановились на одной внѣшней сторонѣ, на одной поверхности, и на первыхъ по̀рахъ не замѣтили, что въ комизмѣ Гоголя скрывается сердце вовсе-несо̀чувствующее грязному міру, который онъ изображалъ, и изображалъ съ цѣлью не простаго дагеротиписта, а высокаго моралиста. Онъ подставлялъ пороку зеркало, но такъ, какъ мать дѣлаетъ это съ капризнымъ ребенкомъ, и говоритъ притомъ: «поглядись въ зеркало — на что ты похожъ теперь». Вотъ эта-то невидимая мать, это-то любящее сердце и составляетъ душу гоголевыхъ сочиненій, и ее-то не понимали его первые подражатели. Задача искусства не заключается въ томъ, чтобъ воспроизводить то, что̀ есть, но въ томъ истинное торжество его, чтобъ передать внѣшними знаками то̀ впечатлѣніе, которое производятъ явленія живущаго міра на высокую душу, неупускающую никогда изъ виду идеала человѣческаго нравственнаго совершенства. Изъ художниковъ никто, можетъ-быть, не изображалъ такія грязныя сцены, никто не представлялъ гнуснѣйшихъ страстей человѣческихъ въ такомъ отвратительномъ видѣ, какъ Гогартъ; но усомнился ли когда-нибудь, кто-нибудь въ чистотѣ его намѣреній—въ его высокой нравственности? Но ка̀къ Гогартъ поступалъ съ такими сюжетами? Вводилъ ли онъ васъ въ темный притонъ, и показывалъ ли тамъ печальныя жертвы, туда стекающіяся? Вы тутъ различите и нѣкогда роскошнаго щеголя, котораго тщеславіе и жажда чувственныхъ наслажденій лишили всего состоянія и низвели на низшую степень человѣчества, и онъ, въ припадкѣ отчаянія, ищетъ забвенія въ винѣ — но напрасно! надъ нимъ посреди оргіи тяготѣетъ тяжелая дума о

промотанной жизни. Вы тутъ же найдете и неопытнаго юношу, вовлеченнаго туда товарищами, и на лицѣ его прочтете нѣкоторое природное отвращеніе отъ порока, борьбу дѣвственнаго стыда и цѣломудрія съ порочными наклонностями. А посреди густой групы разныхъ людей вы узнаете по лицу каждаго, кто онъ и что привело его въ это мѣсто... Тутъ есть и игрокъ, и бездарный актеръ, претендующій на роли Гаррика, и отецъ семейства, за которымъ приходитъ рыдающая жена съ груднымъ младенцемъ. Словомъ, въ этой грязной картинѣ вы почувствуете какой-то трагическій ужасъ; вы услышите, что здѣсь, гдѣ-то вопіетъ попранная нравственность, поруганное достоинство человѣка, разумъ, низпровергнутый въ борьбѣ съ необузданными страстями. Въ каждомъ лицѣ вы увидите результатъ какой-то страшной драмы... Вотъ искусство въ его апогеѣ! здѣсь нельзя не познать въ художникѣ великаго карателя во имя добра и высокой нравственности! Вотъ этой-то гогартовской глубины взгляда, проницающаго далеко въ жизнь человѣческую, нѣтъ въ картинѣ г. Рицциони, при всей мастерской отдѣлкѣ внѣшности; а безъ этого нравственнаго чувства, которое бы возбуждалось въ васъ, когда васъ вводятъ въ вертепы порока, къ чему и оскорблять наши взоры, нашъ вкусъ такимъ зрѣлищемъ?.. Отъ этого у г. Рицциони много данныхъ, но у него нѣтъ содержанія; при его средствахъ ему надобно быть мыслителемъ, иначе его будутъ цѣнить только за мастерскую отдѣлку. Но объ этомъ было говорено въ свое время много, и, избѣгая повтореній, мы только посовѣтуемъ всѣмъ нашимъ художникамъ, занимающимся изображеніемъ сценъ, подобныхъ «Кабачку», перечесть «Разъѣздъ послѣ представленія одной комедіи» Гоголя, гдѣ этотъ писатель со всею художническою искренностью изложилъ истинное значеніе комизма и высказалъ подъ какими условіями даже грязное можетъ быть предметомъ искусства. Здѣсь они найдутъ для себя полезные уроки, ибо всѣ искусства съ-родни между собою, всѣ должны дѣйствовать одинако, по однимъ законамъ творчества, служа великой идеѣ добра. Обдумайте мысли Гоголя г. Рицциони, изучите Гогарта — и повѣрьте, что новый міръ откроется передъ вами, достойный вашей мастерской кисти, вашего великаго таланта. Ваши произведенія выиграютъ тысячу процентовъ, потому-что вы тогда вложите въ нихъ сокровище вашей души и сердца.

На наши слова, можетъ-быть, скажутъ нѣкоторые, что смѣшно требовать, чтобъ художникъ былъ моралистомъ, и что было много отличныхъ и уважаемыхъ мастеровъ, которые изображали будничную жизнь и вовсе не заботились о нравственности. Это несправедливо. Мы не требуемъ, чтобъ художники преподавали

намъ уроки нравственности и правила хорошаго поведенія, и для этого изображали бы только благопристойныхъ джентльменовъ хорошаго круга, или идиллическихъ мужичковъ; но мы желали бы, чтобъ художникъ никогда не терялъ свѣжаго, юношески-чистаго чувства, когда сталкивается съ предметами грязными; мы желали бы, чтобъ изображенное имъ «грязное» производило на насъ такое впечатлѣніе, какое оно произвело на художника въ первый разъ, когда онъ его увидѣлъ; чтобъ онъ, словомъ, не полюбилъ грязное какъ свою сферу, гдѣ ему хорошо и тепло, гдѣ онъ какъ-бы дома, но чтобъ оно было средствомъ для проведенія нравственныхъ началъ. А что были художники, которые изображали грязь для грязи, то стоютъ ли они подражанія? стоитъ ли имъ завидовать и гнаться за ихъ славой? Если же намъ, для доказательства противнаго, укажутъ на Теньера, то мы на это возразимъ, что Теньеръ совсѣмъ не таковъ, хотя вино и пиво всегда разливается въ его картинахъ, и хотя онъ вводилъ въ свои сочиненія эпизоды несовсѣмъ-приличные. Теньеръ по-большей-части изображалъ деревенскіе праздники. Вамъ смотрѣть на его картины всегда весело оттого, что онъ изображалъ почтенныхъ Голландцевъ, собравшихся съ цѣлью повеселиться; но, несмотря на то, что многіе изъ его героевъ повеселились уже черезчуръ, вы въ нихъ видите людей не порочныхъ уже ex professo, а добрыхъ и честныхъ поселянъ. Посмотрите, съ какимъ откровеннымъ смѣхомъ эти почтенные старички пляшутъ и прыгаютъ посреди молодежи! Кàкъ другіе флегматически-спокойно покуриваютъ свои трубки, кàкъ весело его хмѣльнымъ гостямъ!.. Да, дѣло въ томъ, что у всѣхъ этихъ людей вы видите чистую совѣсть, а въ праздникѣ ихъ—отдыхъ посреди трудолюбивой и заботной жизни; за этимъ весельемъ вы видите трудъ—единственный источникъ ихъ веселости и нравственной чистоты: ваше нравственное чувство не оскорблено, а напротивъ, вы радуетесь за это мирное и доброе населеніе.

Но довольно... Къ-чему все сказанное нами по поводу художника, котораго мы не знаемъ, но искренно любимъ и уважаемъ? Въ насъ не было желанія блеснуть оригинальностью сужденія; въ насъ не могло быть желанія уронить его извѣстность... Намъ хотѣлось только отъискать причину, отчего такое произведеніе, какъ его картина, достигающая почти совершенства въ своемъ родѣ, не производитъ на зрителя полнаго впечатлѣнія; и тутъ нами руководило одно чистосердечное желаніе принести нѣкоторую пользу сильному, прекрасному таланту; а еслибъ мы не признавали и не уважали въ немъ этого таланта, мы не взялись бы такъ горячо за дѣло, мы не стали бы много говорить...

Если ужь о картинѣ много говорятъ и она вызываетъ на размышленіе, вѣрьте, г. художникъ, картина хороша. Но мы предсказываемъ вамъ, что если вы не обдумаете сказанное нами и не возвысите вашъ взглядъ на изображаемые вами предметы, къ вашей славѣ не прибавится ни одного новаго лавра, хотя бы вы нарисовали цѣлую галерею подобныхъ картинъ. Вѣдь славу доставляетъ не техническое совершенство, а новая мысль, новое сокровище, которое вы откроете въ душѣ и жизни человѣка. Мы твердо убѣждены въ справедливости нашихъ словъ, и, страстно любя искусство, во имя его, просимъ молодыхъ художниковъ обратить на наши слова вниманіе.

Г. Трутневъ очень-пріятно поразилъ насъ выставленною имъ прекрасною картинкою, гдѣ представлена «Игра въ носки». Дѣйствіе происходитъ въ крестьянской избѣ; главное дѣйствующее лицо — солдатъ, который готовится тремя картами совершить выигранные имъ удары по носу проигравшаго мужичка. Солдатъ, съ плутовской миной, высоко занесъ руку съ картами и видимо застращалъ своего паціента, который съ покорностью предается своей участи и прищуриваетъ глаза, ожидая ударовъ. Сцена эта въ окружающихъ возбуждаетъ смѣхъ и, должно-быть, вызываетъ остроты. Особенно-хорошъ блѣдный и худой мальчишка, неравнодушный зритель игры, стоящій на второмъ планѣ: по его серьёзной минѣ, по его блѣдному, страстному лицу, можно предсказать, что родись онъ въ другой сферѣ, изъ него вышелъ бы игрокъ, даже шулеръ, чего никогда не будетъ съ другимъ, здоровымъ парнемъ, который отъ души хохочетъ надъ экзекуціей проигравшаго.

«Крестьяне, возвращающіеся съ поля», картина г. *Горбунова*, очень-живая и веселая сцена, въ которой довольно-удачно схваченъ русскій типъ; но колоритъ его блѣденъ, несмотря на освѣщеніе заходящимъ солнцемъ. «Жницы» г. *Зеленскаго* также очень-недурны, за исключеніемъ мальчишекъ, которые ниже всякой посредственности, особенно одинъ, съ лѣвой стороны.

«Цыганскій танецъ» и «Высадка войскъ въ одесскомъ портѣ», г. *Жуковскаго*, очень-замѣчательныя картинки, хотя очень-малаго размѣра. Цыганскіе типы, говорятъ, очень-вѣрны, а одесскій портъ, гдѣ Европа, въ лицѣ русскаго промышленика и русскаго солдата, при итальянской обстановкѣ города, встрѣчается лицомъ къ лицу съ чалмоносным Востокомъ — зрѣлище для петербургскихъ жителей весьма-новое и оригинальное. Г. Жуковскій не остановился на общихъ чертахъ, а разъигралъ общую идею въ оригинальныхъ эпизодахъ.

«Контрабандиты», г. *Худякова* — прекрасная сцена, исполненная движенія и выразительности. Это Чухонцы, отбивающіеся отъ таможенной стражи; одни дерутся на берегу, другіе кое-какъ покидались въ лодку и отчаливаютъ. Это вполнѣ-прекрасная картина; жаль только, что она какъ-будто писана не масляными, а гуашью, или клеевыми красками: въ ней нѣтъ совсѣмъ колорита; зато Чухны являются во всемъ блескѣ своего характера, сосредоточеннаго и мрачнаго.

Если мы упомянемъ еще о маленькой картинкѣ г. *Попова*, которая, при всей юности и неопытности кисти, обличаетъ въ художникѣ добрыя начала, то мы исчерпаемъ весь запасъ наблюденій нашихъ молодыхъ художниковъ надъ жизнью русскаго народа за нынѣшній годъ.

Двѣ картинки иностраннаго художника, г. Мейера, привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе посѣтителей Академіи. Передъ окномъ, въ чистенькой комнаткѣ, маленькая дѣвочка въ томъ возрастѣ, когда маленькой дѣвочкѣ ужь хочется казаться совсѣмъ-большою барышней, развернула большую книгу и нагнулась надъ нею; но книга эта только предлогъ: въ дѣвочкѣ ужь является игривое желаніе пококетничать, и она смотритъ на васъ изъ-за книги, лукаво улыбаясь... Въ этой небольшой картинкѣ столько жизни и граціи, что она стóитъ иной большой композиціи. Это цѣлое антологическое стихотвореніе, или хорошій сонетъ, одинъ изъ такихъ, какіе, по выраженію Вольтера, стóятъ доброй эпической поэмы. Другая картинка г. Мейера — «Дѣти, плачущія на могилѣ», также хорошо прочувствована и исполнена той же простоты и граціи, какъ и первая.

Число картинъ изъ военной жизни увеличивается съ каждымъ годомъ на выставкахъ. Между художниками, занимающимися этимъ родомъ живописи, замѣтенъ также нѣкоторый успѣхъ; они ужь не ограничиваются однимъ изображеніемъ военныхъ формъ, но стараются схватить разныя черты и эпизоды изъ военной жизни. Лейб-гусары у водопоя (г. *Микѣшина*) шутятъ съ двумя крестьянскими дѣвушками, которыя стыдятся и отворачиваются, и, пожалуй, по-своему кокетничаютъ. Менѣе разъиграна сцена у г. Шильдера, въ пикетѣ Лейб-гвардіи Литовскаго Полка, но нѣкоторыя фигуры — очень-вѣрные типы. «Солдатъ, читающій

книгу» въ картинѣ г. *Штейнберга*, замѣчателенъ по выраженію и отдѣлкѣ. Но вотъ четыре картины большаго размѣра, въ которыхъ много достоинства и которыя обнаруживаютъ въ художникахъ талантъ и умѣнье живописно располагать большія массы. «Сраженіе при Дебречинѣ», князя *Максутова*, удостоенное первой золотой медали, исполнено движенія и эффекта; «Бой при Карлсбургѣ противъ Венгровъ», г. *Шарлеманя*, и «Казаки, отбивающіе обозъ у Французовъ въ кампанію 1812 года», г. *Филиппова*— исполнены эпизодовъ очень-любопытныхъ, особенно въ картинѣ послѣдняго. У г. Филиппова прекрасно передано драматическое положеніе Французовъ; съ обѣихъ сторонъ люди бьются, какъ герои; во многихъ лицахъ много благородства и движенія. Картина г. Филиппова нѣсколько потеряла въ общемъ эффектѣ оттого, что выбранное имъ дѣйствіе происходитъ зимою, отчего фигуры человѣческія выдаются слишкомъ-рѣзко на бѣломъ снѣгѣ, планы на картинѣ не могли быть разъиграны и раздѣлены воздушной перспективой, а въ картинѣ вышло много пестроты. Но этотъ недостатокъ, обусловливаемый мѣстностью и временемъ года, выкупается занимательностью эпизодовъ. Видъ несчастнаго французскаго обоза и прикрывавшаго его отряда, пораждаетъ чувство состраданія въ зрителѣ. Эта картина замѣчательна еще тѣмъ, что народные типы превосходно въ ней сохранены; не только по лицамъ воиновъ вы видите какой они націи, но и въ женскихъ лицахъ, напримѣръ, въ этой прекрасной женщинѣ въ черномъ, нельзя съ перваго взгляда не узнать Француженки. У г. Шарлеманя массы расположены и раздѣлены гораздо-эффектнѣе; дѣйствіе происходитъ подъ безоблачнымъ утреннимъ небомъ, между горъ, и вообще съ перваго взгляда его картина гораздо-привлекательнѣе, чему немало способствуетъ прекрасно-написанный пейзажъ; но у него за-то нѣтъ такого разнообразія и движенія въ отдѣльныхъ эпизодахъ. Однакожь, если мы вспомнимъ, что это первыя картины молодыхъ художниковъ, являвшихся до-сихъ-поръ съ маленькими сценами и этюдами, то мы не можемъ не сознаться, что для перваго раза ими сдѣлано болѣе, нежели сколько можно было отъ нихъ ожидать.

Гг. Филипповъ и Шарлемань награждены второю золотою медалью.

«Бой при редутѣ шевардинскомъ», г. Кеппена—также весьма-замѣчательная картина; массы въ ней расположены очень-эффектно. Половина перваго плана находится въ густой тѣни, покрывающей собою цѣлый отрядъ французскаго войска. Но къ этому отряду, вытянутымъ фронтомъ, приближается русскій отрядъ, который ярко освѣщенъ заревомъ пожара. Это освѣщеніе при-

даетъ рельефность многимъ фигурамъ; особенно эффектенъ скачущій или становящійся на дыбы бѣлый конь.

Портретовъ нынче на выставкѣ появилось немного, а изъ тѣхъ, которые выставлены, много очень-хорошихъ. Давно ли, кажется, мы радостно привѣтствовали появленіе г. Зарянко, и теперь, нынѣшній годъ, встрѣчаемъ новый талантъ въ г. Тютрюмовѣ, который оспориваетъ лавры г. Зарянки, но идетъ, кажется, путемъ особеннымъ. Выставленные имъ портреты генерал-лейтенанта Дядина и профессора Басина — превосходныя картины. Но совершеннѣйшая, по нашему мнѣнію, вещь въ своемъ родѣ на выставкѣ — это портретъ самого художника, писанный имъ же, г. Тютрюмовымъ. При всей вѣрности околичностей, боброваго воротника на шинели, пуговицъ на военномъ сюртукѣ (г. Тютрюмовъ военный) и пр., эти подробности не убиваютъ лица, а напротивъ, лицо, все въ рефлектахъ, какъ живое глядитъ на васъ съ полотна. Въ немъ столько натуры, столько жизни, что рѣшительно не приходитъ въ голову посмотрѣть на аксессуары. Калоритъ у г. Тютрюмова мягкій, теплый ; въ манерѣ есть что-то чего опредѣлить нельзя, но чтó мы будто бы понимаемъ подъ названіемъ поэзіи. Нѣтъ, г. Тютрюмовъ напалъ рѣшительно на свой родъ. По выставленной имъ прошлаго года картинѣ, изображающей «Изведеніе св. апостола Петра изъ темницы» никакъ нельзя было предсказать ему такого огромнаго успѣха. То было произведеніе ученика; здѣсь онъ является полнымъ мастеромъ, и мастеромъ, стоящимъ на прекрасномъ пути искусства. Искренно радуемся такому отрадному явленію и съ большимъ любопытствомъ будемъ ожидать дальнѣйшихъ его трудовъ.

Г. Зарянко выставилъ своей работы два портрета: одинъ — генерал-адъютанта Ростовцева, другой — г. статс-секретаря Танѣева. Мы не распространяемся ужь здѣсь о несомнѣнныхъ достоинствахъ этихъ новыхъ произведеній кисти знаменитаго художника; чтó бы о немъ ни говорили, г. Зарянко — великій портретистъ: явись онъ въ Парижѣ, онъ давно бы снискалъ всемірную славу. Мы, Русскіе, съ гордостью можемъ сказать, однако, что мы съумѣли оцѣнить талантъ его. Но г. Зарянко — звѣзда первой величины, и о немъ надобно говорить много или ничего, потому-что труды такихъ талантовъ — цѣлая наука для эсте-

тиковъ. Пока мы можемъ еще изумляться ему, а не разбирать его. Изъ нынѣшнихъ двухъ картинъ его, намъ кажется, что портретъ г. статс-секретаря Танѣева гораздо-выше портрета генерал-адъютанта Ростовцева, по-крайней-мѣрѣ, что́ касается до живописи лица. Въ этомъ отношеніи онъ почти подходитъ къ лучшему произведенію г. Зарянко, къ портрету графа Толстаго, выше котораго современная портретная живопись еще не произвела ничего.

Замѣчательны также работы г. *Яковлева*—картины профессора Бруни и доктора Блажке; г. *Горавскаго* — портретъ римско-католическаго епископа Войткевича; г. *Чумакова*, который до-сихъ-поръ выставлялъ почти только однѣ этюды съ головъ старухъ; теперь оказывается, что кисть его не лишена граціи въ изображеніи женскихъ лицъ — камень преткновенія для нашихъ живописцевъ! Его портреты г-жи Читау и г-жи Мызниковой, лучшіе изъ женскихъ портретовъ масляными красками на выставкѣ... Заключимъ нашъ обзоръ портретовъ указаніемъ на этюдъ г-на *Бѣлякова*, лишеннаго рукъ, какъ говорятъ, по локти. Несмотря на это несчастіе, талантъ г. Бѣлякова заставилъ его обойдтись и безъ этого натуральнаго орудія. Онъ беретъ кисть локтевыми костями обѣихъ рукъ и пишетъ ими свободно и ловко, какъ можно видѣть по выставленной имъ мужской фигурѣ — не чудно ли это?

Но особенное вниманіе публики было возбуждено новизною — появленіемъ на выставкѣ одиннадцати портретовъ г. *Робильяра*, рисованныхъ пастельными карандашами. Въ нихъ много граціи, особенно въ женскихъ лицахъ, и въ своемъ родѣ это прекрасныя произведенія. Но при всѣхъ совершенствахъ этихъ портретовъ, цвѣтные карандаши никогда не достигнутъ эффекта и живости масляныхъ красокъ. Какъ ни освѣтите эти портреты, вы никогда ими не обманете, тогда-какъ портреты Брюлова, Зарянки и нынѣ г. Тютрюмова не разъ бывали принимаемы за живыхъ людей.

Болѣе всѣхъ намъ понравились портреты г-жи Плесси, Шиловской, Лебцельтеп; гг. Галаховыхъ, Арну, Булгарина.

Въ послѣдніе два-три года г. *Лагоріо* обратилъ на себя всеобщее вниманіе нашихъ дилеттантовъ. Видъ на Лисьемъ Носу и его

кавказскіе виды памятны всѣмъ съ прошлогоднихъ выставокъ, и потому бóльшая часть публики вознегодовала на г. Лагоріо за то, что теперь онъ выставилъ только два этюда съ натуры: на одномъ искривленное дерево, на другомъ два дерева и густая трава. Въ негодованіи этомъ справедливо развѣ только то, зачѣмъ художникъ выставилъ эти этюды, а не то, зачѣмъ онъ ими занимается. Мы увѣрены, судя по предъидущимъ опытамъ г. Лагоріо, что ему предстоитъ блистательный путь на поприщѣ искусства, и потому радуемся, что художникъ приготовляется добросовѣстно къ этому пути и не увлекается обольщеніемъ славы. Чтобъ слышать новыя похвалы, ему бы достаточно было и того запаса наблюденій надъ природою, который онъ имѣетъ. У древнихъ мудрецовъ Греціи былъ обычай удаляться въ уединеніе, гдѣ

«Разумъ зрѣетъ въ размышленьи,»

прежде чѣмъ выступать на общественное поприще. Древніе понимали человѣка и имъ не худо бы слѣдовать во всякое время въ этомъ отношеніи. Сколько погибло прекрасныхъ талантовъ отъ чада преждевременныхъ похвалъ и тріумфовъ!

Лучшими изъ выставленныхъ нынѣ пейзажей показались намъ пейзажи гг. *Бочарова*, *Горавскаго* и *Давыдова*. Въ нихъ много достоинствъ; но на этотъ разъ мы будемъ менѣе-скромны и укажемъ только на ихъ недостатки. У г. Горавскаго дальніе планы хороши, но первый планъ и деревья дурно написаны: это колера палитры, а не цвѣтъ натуры. У г. Бочарова нѣтъ воздушной перспективы; г. Давыдовъ слишкомъ выписываетъ, отчего картина выходитъ суха. Вообще въ этихъ и въ другихъ выставленныхъ нынѣ пейзажахъ еще видна рабская подражательность природѣ; художники ее превосходно дагерротипировали (особенно г. Давыдовъ), но не умѣли ей придать души. Вѣдь красота сама-по-себѣ не существуетъ; прекрасная природа сама себя не сознаетъ. Представьте себѣ, что есть прекрасная мѣстность, на ней деревья, травы, вдали горы. Каждое дерево, каждая травка—все это живетъ; но чтобъ во всемъ этомъ найдти живописный видъ, уразумѣть гармонію красокъ, воздушную перспективу, и опредѣлить характеръ этой мѣстности, надобно, чтобъ туда пришелъ человѣкъ, созналъ бы развертывающіяся передъ нимъ красоты, созналъ бы впечатлѣніе, какое въ немъ производится при зрѣлищѣ совершающагося передъ его глазами процеса жизни природы. Но поставьте передъ этой природою дагерротипъ, и посмотрите потомъ, чтó изобразится на дощечкѣ. Результатъ выйдетъ совершенно-неожиданный: вы этой мѣстности не узнаете въ дагерротипномъ изображеніи, а чтó можетъ быть вѣрнѣе его? Онъ ни

прибавитъ, ни убавитъ ни одной черты, а между-тѣмъ, характеръ мѣстности совершенно потеряется. Это фактъ, чрезвычайно-любопытный, доказывающій, что искусство не должно гнаться только за вѣрнымъ снимкомъ съ природы, и что сущность его составляетъ нѣчто-иное, что̀ заключается не внѣ художника, а въ немъ самомъ. Гораздо-вѣрнѣе и живѣе будетъ вашъ пейзажъ, если вы, вмѣсто копіи съ природы, станете въ немъ немножко фантазировать, лишь бы фантазія ваша была вѣрна законамъ природы и лишь бы вы не опускали изъ вида главной идеи—общаго характера, то-есть, если вы, напримѣръ, пишете ураганъ, то *помните при каждомъ ударѣ кисти*, то-есть, думайте, когда пишете, что̀ дѣлается въ это время съ деревомъ, съ тростникомъ, съ людьми, съ облаками, съ животными и пр. Если пишете видъ природы въ солнечный жаръ, то помните, что дубу, липѣ должно быть тоже жарко, и они склоняютъ листочки ; что травкѣ и цвѣтамъ тоже жарко, и они опускаютъ головки ; ель, правда, неподвижна, но зато по стволу ея таетъ и течетъ смола и т. д. Замѣтьте притомъ, что въ природѣ много аналогіи. Вы непремѣнно между вашими знакомыми найдете нѣкоторую аналогію въ очеркѣ съ какой-нибудь птицей и проч. Зайдите въ глушь разнообразнаго кустарника и лѣса : посмотрите въ какомъ вы очутитесь разнохарактерномъ обществѣ. Поэтъ чувствуетъ это и, для выраженія этого, прибѣгаетъ къ сравненіямъ и миѳамъ. Художникъ долженъ чувствовать и передавать инымъ образомъ эту аналогію формъ ; тогда его картина будетъ говорить воображенію зрителя какъ и настоящій лѣсъ.

Но фантазіи, разумѣется, должны быть границы, а за эти границы переступила кисть г-жи *Сухово-Кобылиной* въ ея прекрасныхъ крымскихъ видахъ, окруживъ крымскія горы и наполнивъ тамошнія долины и ущелья совершенно-синимъ туманомъ. Воздушная перспектива никогда нигдѣ не принимаетъ такого рѣзкаго отлива, и очень жаль, что этотъ недостатокъ, эта невѣроятность ослабили впечатлѣніе этихъ очень-милыхъ картинокъ, обличающихъ въ художницѣ замѣчательный талантъ. Г-жа Сухово-Кобылина получила вторую золотую медаль.

Въ прекрасныхъ крымскихъ видахъ г. *Мейера* встрѣчаете тотъ же недостатокъ. Впрочемъ, вообще надобно сказать, что южныя горы, принимающія въ разные часы дня и времени года разные цвѣта̀ — синій, голубой, лиловый, почти аметистовый, розовый, и пр.—рѣдко удаются. Но мы въ другой разъ когда-нибудь поговоримъ, отчего труднѣе передать полотну величественное зрѣлище природы, нежели обыкновенный видъ, и отчего послѣдніе бываютъ всегда занимательнѣе первыхъ въ картинѣ.

Гг. *Чернецовы* попрежнему знакомятъ насъ съ Востокомъ : теперь они показали намъ въ девяти картинахъ Тиверіадское Озеро, Казбекъ, видъ съ хеопсовой пирамиды въ Египтѣ, сфинкса, гробъ Господень въ Іерусалимѣ, Вертепъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ, гробницу Пресвятой Богородицы въ Геѳсиманіи, фонтанъ въ Каирѣ и пр. Труды этихъ художниковъ-странствователей всегда представляютъ что-нибудь любопытное и поучительное.

По части морскихъ видовъ замѣчательны были на выставкѣ четыре картины лейтенанта *Боголюбова* (три вида Ревеля и петербургское взморье). Нѣтъ сомнѣнія, что г. Боголюбовъ займетъ почетное мѣсто между нашими маринистами и замѣнитъ намъ покойнаго Дòрогова : г. Боголюбовъ прекрасно ужь изображаетъ всѣ капризы влажной стихіи. Лучшая изъ его картинъ, по нашему мнѣнію, та, на которой изображено волненіе моря. Лунное освѣщеніе въ тихую погоду очень-эффектно, но въ этихъ картинахъ эффектъ достигается почти механически. Г. Боголюбовъ получилъ первую золотую медаль.

Гравированіе на мѣди — искусство у насъ еще юное, досихъ-поръ имѣло только двухъ замѣчательныхъ представителей : г. Уткина и г. Іордана ; но кажется въ гг. Пищалкинѣ и Вендрамини оно пріобрѣтаетъ двухъ талантливыхъ дѣятелей. Первый выставилъ нѣсколько своихъ рисунковъ тушью для гравюры съ картины Гвидо Рени, изображающей Благовѣщеніе, и съ картины «Взятія Божіей Матери на небо», Брюллова, и также оттискъ съ недоконченной еще гравюры съ послѣдней. Судя по этому оттиску, мы въ-правѣ ожидать отъ г. Пищалкина мастерскаго воспроизведенія гравюрою этой прекрасной картины. Г. Вендрамини выставилъ гравюру съ тиціановой картины «Убіеніе св. Петра Доминиканца», находящейся въ Венеціи; тоже эстампъ превосходный.

Гравированіе на деревѣ доведено, кажется, г. Серяковымъ до того совершенства, въ его этюдѣ головы съ Рембрандта, котораго оно достигло во Франціи. Невозможно узнать, чтобъ его гравюра была рѣзана на деревѣ, а не на мѣди. Впрочемъ, въ гравюрѣ на деревѣ намъ болѣе нравится прежняя манера, въ которой гравёръ болѣе старается сохранить всѣ особенности мас-

терскаго карандаша художника, и потому до-сихъ-поръ еще лучшими въ этомъ родѣ остаются вырѣзанные такимъ-образомъ рисунки Гаварни. Многіе рисунки изъ «Мертвыхъ Душъ» г. Бернардскаго могутъ служить у насъ образцомъ въ этой отрасли искусства.

Скульптурныхъ произведеній появилось мало на выставкѣ. Исакіевскій Соборъ и соборъ Спасителя въ Москвѣ поглощаютъ дѣятельность нашихъ ваятелей, и тамъ только можно будетъ изучить состояніе этого монументальнаго искусства у насъ. Вице-президентъ Академіи, графъ Толстой выставилъ теперь слѣпокъ, въ натуральную величину со своей «Нимфы, льющей воду», которою ужь всѣ любовались на прошлогодней выставкѣ; тогда она была отлита съ первоначальнаго эскиза малой величины. Объ этой граціозной нимфѣ мы ужь говорили въ свое время; теперь укажемъ только на новости.

Г. Бродскій высѣкъ изъ мрамора «Спящаго купидона въ раковинѣ» — прекрасное произведеніе во многихъ отношеніяхъ. Дѣтскія формы мягки, граціозны; поза купидона мила, небрежна. Но въ прекрасномъ его лицѣ, какъ-будто чего-то недостаетъ. Въ спящемъ человѣкѣ, а еще болѣе въ спящемъ ребенкѣ, есть что-то таинственное; смотря на лицо спящаго, вы чувствуете, что въ немъ, во всемъ его организмѣ совершается какой-то необъяснимый жизненный процесъ; вы присутствуете передъ какимъ-то таинствомъ природы; кàкъ тутъ природа возобновляетъ наши силы — этого понять невозможно, но вы это чувствуете въ спящемъ человѣкѣ. Вотъ этого-то «сна» какъ-будто нѣтъ въ купидонѣ г. Бродскаго. Кромѣ купидона г. Бродскій вмѣстѣ съ г. Фолетти выставили (на вторую золотую медаль) двѣ статуи отдыхающаго Актеона — очень-хорошія этюды мужской красоты.

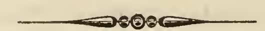
Замѣчательны также: Орфей г. Матушевскаго—статуя съ большимъ выраженіемъ; Марій въ темницѣ г. Забеллы; голова умирающаго на крестѣ Іисуса Христа г. Мальте (но въ этой головѣ художникъ ограничился почти однимъ выраженіемъ физическаго страданія)... И пр. и пр.

Вотъ ужь шестой или седьмой отчетъ мой, помѣщаемый въ «Отечественныхъ Запискахъ» о годичныхъ выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ. Въ-теченіе этого времени слу-

чилось мнѣ привѣтствовать много новыхъ талантовъ; много разъ пытался я опредѣлить значеніе въ исторіи нашего искусства его настоящихъ дѣятелей и тѣхъ, которые были его свѣтилами въ свое время; многихъ, и юныхъ и старцевъ, пришлось мнѣ проводить въ могилу послѣднимъ добрымъ словомъ: К. П. Брюллова, Ставассера, Иванова, Егорова, Дорогова, Федотова... Успѣхъ каждаго былъ для меня радостнымъ событіемъ. Ни одно явленіе художественнаго міра, которое сколько-нибудь вызываетъ на размышленіе, не оставлялъ я безъ того, чтобъ его не обдумать, и смѣло выражалъ свое убѣжденіе. Это убѣжденіе, можетъ-быть, иногда и оказывалось потомъ неправильнымъ, но оно было всегда искреннее, никогда не говорилось на-угадъ и притомъ никогда не почерпалось изъ какой-нибудь чужой теоріи, а подсказывалось внутреннимъ чувствомъ и основывалось на впечатлѣніи. Можетъ-быть, строки мои и послужили въ пользу кому-нибудь изъ молодыхъ моихъ собратій по искусству — это было единственною цѣлью моихъ иногда слишкомъ-строгихъ приговоровъ, иногда слишкомъ-смѣлыхъ требованій, какъ, напримѣръ, въ этой статьѣ, отъ г. Рицциони... Но, припоминая всѣ явленія нашего художественнаго міра въ эти шесть или семь лѣтъ, я не могу не почувствовать живѣйшей радости, что былъ свидѣтелемъ въ эти годы постепеннаго и постояннаго развитія искусства, подъ сѣнью нашей Академіи. Съ каждымъ годомъ оно дѣлаетъ новый и новый успѣхъ. Бывало, только съ картины извѣстнаго мастера пахнетъ вѣяніемъ жизни, а все остальное представляло полное отсутствіе мысли; искусство большею-частью понимали только съ самой матеріальной стороны, не сближая его съ жизнью и обществомъ. А теперь, если вы нѣсколько разъ посѣтили выставку и имѣли время коротко познакомиться съ выставленными картинами, вы не могли не замѣтить, что идеальная сторона искусства, душа и мысль его, высказывается по-крайней-мѣрѣ въ половинѣ изъ находящихся передъ вами картинъ. Иногда она выражается еще неудачно, но видно, что художники къ ней стремились. Вотъ отчего, при первомъ посѣщеніи академическихъ залъ, вы останетесь еще неудовлетвореннымъ, но во второй и въ третій разъ вы найдете на выставкѣ все болѣе-и-болѣе интереснаго — значитъ, тамъ есть мысль. Можетъ-быть, въ моемъ подробномъ отчетѣ указаніе недостатковъ нѣсколько затмѣваетъ достоинства картинъ, потому-что недостатки болѣе требуютъ доказательства, почему я считаю это недостаткомъ; но, оставивъ въ сторонѣ эти погрѣшности, посмотрите, сколько остается передъ вами прекраснаго: картины Завьялова, Рицциони, Зарянко, Тютрюмова, Бронникова, Сорокина, Филиппова, Михайлова, Баскакова, Моренширьда, Яковлева, Трутнева, Шарлеманя, Плешанова, Чумакова, Лаврова, Ху-

дякова, Боголюбова и другихъ, о которыхъ я говорилъ въ статьѣ моей и въ которыхъ нельзя не чувствовать присутствія мысли — не-уже-ли этого мало? Нѣтъ, успѣхи нашего искусства очевидны, и не даромъ Петербургъ такъ любитъ свою Академію, что въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль въ залахъ ея нѣтъ прохода посреди публики всѣхъ состояній.

Аполлонъ Майковъ.



III.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА СЕНТЯБРЬ 1853 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Для производства дѣлъ по разбору и погашенію неокладныхъ недоимокъ, Высочайше повелѣно учредить при V-мъ Отдѣленіи Департамента Разныхъ Податей и Сборовъ особый распорядительный столъ на три года. Съ тѣмъ вмѣстѣ удостоенъ Высочайшаго разсмотрѣнія и проектъ штата означеннаго стола.

— Высочайше повелѣно: утвержденный 6 февраля 1848 года временный дополнительный штатъ Канцеляріи Главнаго Директора Межеваго Корпуса продолжить впредь до утвержденія проекта о преобразованіи губернской межевой части, съ отнесеніемъ потребныхъ на содержаніе онаго ежегодно *четырехъ тысячъ семи сотъ восьмидесяти пяти* рублей, *восьмидесяти одной* копейки серебромъ, на счетъ процентовъ отъ запаснаго межеваго капитала, составленнаго изъ экономическихъ суммъ сенаткой типографіи, и на особый капиталъ, образовавшійся отъ поступленія задѣльной платы за чертежныя работы чиновъ Межеваго Корпуса.

— Высочайше повелѣно: для образованія дѣтей нижнихъ служителей вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, назначаемыхъ въ аптекарскіе ученики казенныхъ аптекъ, а также въ мастеровые инструментальныхъ заводовъ и типографіи, учредить школу въ С. Петербургѣ,

въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, съ отпускомъ на содержаніе сей школы по 2,500 р. ежегодно изъ операціонной суммы Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій.

II. Законы о службѣ гражданской.

— Относительно порядка производства жалованья чиновникамъ, вновь опредѣляемымъ на службу, перемѣщаемымъ отъ одной должности къ другой и увольняемымъ отъ службы, а также временно исправляющимъ должность, Высочайше повелѣно: въ разрѣшеніе встрѣченныхъ по сему дѣлу вопросовъ, постановить слѣдующія правила: *I. Объ опредѣляемыхъ въ службу.* 1) Опредѣляемымъ въ службу чиновникамъ содержаніе производится со дня состоянія Высочайшихъ о нихъ приказовъ. 2) Если мѣстное начальство, представляя въ Инспекторскій Департаментъ объ опредѣленіи чиновника на службу, сообщитъ притомъ, что онъ, по настоятельной надобности, къ исправленію должности уже допущенъ, въ такомъ случаѣ, подъ статьею приказа объ опредѣленіи выставлять то самое число, на которое мѣстное начальство укажетъ, и съ того времени исчислять службу опредѣляемаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и право пользоваться присвоеннымъ должности содержаніемъ. Содержаніе это и при неутвержденіи въ оной сего чиновника приказомъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не подлежитъ возврату. 3) Допущеніе къ исправленію должности опредѣляемыхъ лицъ до воспослѣдованія приказа, ограничивается крайнею необходимостью, т. е. если не представится возможнымъ назначить временно къ исправленію таковыхъ обязанностей изъ среды служащихъ въ томъ же мѣстѣ чиновниковъ. Причемъ означенное право предоставляется мѣстнымъ начальствомъ при открытіи такихъ лишь вакансій, замѣщеніе которыхъ, до учрежденія Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, зависѣло отъ непосредственной власти самихъ начальствъ, безъ представленія о томъ высшему управленію. Съ предоставленіемъ, на семъ основаніи, чиновникамъ всѣхъ правъ, должности присвоенныхъ, возлагаются на нихъ, равномѣрно, и всѣ обязанности оной, съ полною отвѣтственностью за могущія быть упущенія. 4) Правило о назначеніи жалованья опредѣляемымъ въ службу лицамъ со дня воспослѣдованія Высочайшаго приказа не распространяется, однакожь, на тѣхъ чиновниковъ, которые сами дадутъ начальству поводъ къ справедливому заключенію объ уклоненіи ихъ отъ своевременнаго вступленія въ должность, напримѣръ: недоказанностью болѣзни, невѣдѣніемъ о выходѣ приказа, по которому опредѣленіе его послѣдовало, а прибывающіе изъ другихъ мѣстъ, кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, и просрочкою сверхъ поверстнаго срока. *II. О переводимыхъ изъ одной должности въ другую.* Назначеніе жалованья по новой должности и прекращеніе оной по прежней опредѣляются также днемъ состоянія Высочайшаго о перемѣщеніяхъ приказа, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ случаевъ, обличающихъ чиновника въ уклоненіи отъ своевременнаго вступленія въ новое свое назначеніе. *III. Объ увольняемыхъ отъ службы по собственнымъ прошеніямъ.* Увольняемые отъ службы

чиновники удовлетворяются жалованьемъ, изъ какихъ бы источниковъ оно ни производилось, по день полученія въ мѣстахъ ихъ служенія Высочайшихъ о томъ приказовъ, если только во все это время оставались при отправленіи своей обязанности. Доказанное въ законномъ порядкѣ, болѣзненное состояніе, которому чиновникъ подвергся бы въ промежутокъ времени между представленіемъ начальства объ увольненіи и самымъ увольненіемъ по приказу, не должно лишать его заслуженнаго содержанія по день полученія въ мѣстѣ его служенія приказа. *IV. Объ устраняемыхъ начальствомъ отъ должностей, съ представленіемъ объ удаленіи ихъ вовсе отъ службы:* Инспекторскій Департаментъ обязывается наблюдать, чтобъ въ Высочайшихъ приказахъ подъ статьею объ удаленіи таковыхъ лицъ отъ службы показывалось всегда то число, когда начальство ихъ сдѣлало свое о томъ постановленіе, и съ того самаго числа должно прекращаемо быть и право на полученіе жалованья. V. Относительно удовлетворенія всѣхъ вообще увольняемыхъ отъ службы чиновниковъ, прочимъ, кромѣ жалованья, содержаніемъ, т. е. столовыми и квартирными деньгами, такъ-какъ оныя выдаются впередъ, первыя за мѣсяцъ, а послѣднія за треть года, существующій законъ остается во всей своей силѣ, хотя бы увольненіе произошло и прежде истеченія вышеупомянутыхъ періодовъ времени.

III. Законы относительно казеннаго управленія.

— Во вниманіе къ тому, что изъ помѣщичьихъ имѣній лучшіе люди, годные въ рекруты, находятся весьма-часто на заработкахъ въ столицахъ, или въ окрестностяхъ ихъ, и въ-особенности изъ имѣній, состоящихъ въ малоземельныхъ губерніяхъ, и по уваженію той пользы, которая можетъ произойдти для помѣщиковъ, при дозволеніи имъ сдавать въ рекруты такихъ людей, по объявляемымъ наборамъ, въ столичныхъ Рекрутскихъ Присутствіяхъ, Высочайше повелѣно: 1) Разрѣшить помѣщикамъ сдавать въ С. Петербургскомъ и Московскомъ Рекрутскихъ Присутствіяхъ въ рекруты, въ счетъ каждаго объявленнаго Манифестомъ рекрутскаго набора, за имѣнія внѣ столичныхъ губерній людей, находящихся для заработковъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ, или въ окрестностяхъ ихъ. 2) Пріемъ сихъ людей въ столичныхъ Рекрутскихъ Присутствіяхъ производить по общимъ правиламъ о текущемъ наборѣ, со дня объявленія онаго до срока, который будетъ назначенъ въ Манифестѣ для открытія набора. 3) При семъ пріемѣ наблюдать слѣдующія правила. а) Для удостовѣренія, что представляемый есть крѣпостной человѣкъ сдающаго помѣщика и имѣетъ указный возрастъ, помѣщикъ, или его уполномоченный, обязанъ представить Рекрутскому Присутствію, при сдачѣ, о лѣтахъ свидѣтельство мѣстной Казенной Палаты, или Уѣзднаго Казначейства, основанное на ревизскихъ сказкахъ, или иныхъ мѣстныхъ актахъ. б) Столичное Рекрутское Присутствіе, по пріемѣ такого рекрута и по взносѣ въ Казначейство опредѣленныхъ суммъ, выдаетъ отдатчику, вмѣсто пріемной квитанціи, особое свидѣтельство на гербовой бумагѣ установлен-

наго достоинства и въ то же время увѣдомляетъ объ этомъ Инспекторскій Департаментъ и Казенную Палату той губерніи, гдѣ находится имѣніе, за которое сданъ рекрутъ. в) Это свидѣтельство отдатчикъ обязанъ немедленно и не позже срока, назначеннаго въ Манифестѣ для окончанія набора, представить въ Казенную Палату, или въ Рекрутское Присутствіе, въ вѣдѣніи котораго состоитъ рекрутскій участокъ, обязанный поставить рекрута по набору, дабы это служило удостовѣреніемъ, что повинность по набору исполнена вся, или частью, въ столицѣ. При невыполненіи этого своевременно со стороны отдатчика, участокъ подвергается взысканію рекрутъ, по правиламъ объ очищеніи недоимокъ.

— Высочайше повелѣно: назначенный Манифестомъ, 8 іюля сего года состоявшимся, сборъ рекрутъ по три человѣка съ тысячи душъ, недовзысканныхъ въ 1852 году съ губерній Псковской, Витебской и Могилевской, которыя Манифестомъ 31 октября 1845 и 26 сентября 1846 года, по случаю неурожая, были изъяты отъ поставки въ 1846 и 1847 годахъ, отложить впредь до производства 11-го частнаго очереднаго набора съ западной полосы; что же касается до Евреевъ Витебской и Могилевской губерній, то они должны, согласно съ Манифестомъ 8 іюля сего года, поставить по десяти человѣкъ съ тысячи душъ наравнѣ съ Евреями прочихъ губерній, обязанными на точномъ основаніи дополненія къ 685-й ст. Свода Законовъ тома IV Уст. Рекр. по XVI Продол., отправить рекрутскую повинность при предстоящемъ въ семъ году 10-мъ частномъ очередномъ наборѣ съ восточной полосы.

— Для возмѣщенія расходовъ Государственнаго Казначейства, производимыхъ имъ при вознагражденіи за крѣпостныхъ людей, поступающихъ по разнымъ случаямъ въ казну, кромѣ лишь имѣній, покупаемыхъ казною по особымъ даннымъ Министерству Государственныхъ Имуществъ правиламъ, Высочайше повелѣно: 1) Что тѣ крѣпостные, которые обращаются въ государственные крестьяне съ землею, облагаются высшимъ противъ прочихъ государственныхъ крестьянъ оброкомъ, смотря по количеству и качеству земли, на какой они поселены и другимъ мѣстнымъ выгодамъ и удобности; причемъ Управленіе Государственныхъ Имуществъ должно, повозможности, придерживаться размѣра, опредѣленнаго въ особыхъ Высочайше утвержденныхъ 11-го августа 1847 года правилахъ. 2) Что приписываемые къ обществамъ государственныхъ крестьянъ дворовые люди, или крестьяне безъ земли, по надѣленіи ихъ землею, облагаются, по минованіи льготнаго времени, двойною подушною податью впродолженіе 40 лѣтъ, независимо отъ оброка и прочихъ сборовъ, уплачиваемыхъ въ томъ мѣстѣ другими государственными крестьянами по количеству и качеству земли или по классу губерній (Уст. Под. ст. 21, Прилож. II). 3) Что обращаемые въ казну крѣпостные, приписывающіеся къ городамъ, сверхъ установленныхъ общихъ сборовъ съ городскихъ обывателей, по минованіи льготнаго времени, облагаются высшими податьми въ размѣрѣ, который могъ бы соотвѣтствовать суммѣ, потребной на погашеніе заплаченнаго за нихъ капитала, при платежѣ и четырехъ слѣдующихъ съ онаго процентовъ, и 4) Что означенныя въ предшед-

шихъ 1, 2 и 3-мъ пунктахъ увеличенныя подати не распространяются на тѣхъ дѣтей и внуковъ поступившихъ въ вѣдомство казны людей, которые родились послѣ ужь приписки ихъ отцовъ и дѣдовъ къ обществамъ городскимъ или сельскимъ.

IV. Законы о состояніяхъ.

— Относительно порядка увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, Высочайше постановлено правиломъ, что: 1) Помѣщикъ, предполагающій уволить своихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, представляетъ начальнику губерніи проектъ взаимнаго ихъ о томъ договора. 2) Начальникъ губерніи, получивъ таковый проектъ, приглашаетъ къ себѣ губернскаго предводителя дворянства и управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ, для совѣщанія; и въ случаѣ единогласнаго признанія ими, что возлагаемыя договоромъ на крестьянъ обязанности, не превосходя ихъ способовъ, возможны къ исполненію, возвращаетъ оный помѣщику для подписанія какъ обѣими сторонами, такъ равно по установленному порядку, уѣзднымъ предводителемъ дворянства и земскимъ исправникомъ; послѣ чего договоръ этотъ вновь подается отъ помѣщика начальнику губерніи при прошеніи на Высочайшее имя и при установленномъ свидѣтельствѣ Гражданской Палаты. 3) Если признано будетъ необходимымъ сдѣлать мѣстное удостовѣреніе, тогда начальникъ губерніи распоряжается о собраніи дополнительныхъ свѣдѣній, и по полученіи оныхъ, приглашаетъ губернскаго предводителя и управляющаго Палатою къ новому совѣщанію. 4) Если эти свѣдѣнія и удостовѣренія окажутся неудовлетворительными и будутъ признаны таковыми единогласно, то проектъ договора, с сдѣланными по оному замѣчаніями, возвращается помѣщику по принадлежности, для составленія съ крестьянами новаго проекта, и 5) Въ случаѣ разномыслія начальника губерніи съ губернскимъ предводителемъ дворянства или управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ, насчетъ положенія крестьянъ или удобства исполненія условій, начальникъ губерніи представляетъ проектъ договора съ своимъ заключеніемъ и прочими мнѣніями министру Внутреннихъ Дѣлъ, который входитъ въ сношеніе съ министромъ Государственныхъ Имуществъ и затѣмъ, по взаимному ихъ соглашенію, означенный проектъ договора или обращается къ исправленію или къ подписанію онаго, какъ опредѣлено выше во 2-мъ пунктѣ.

V. Законы государственнаго благоустройства.

— По предмету взысканія пошлинъ за заграничные паспорты, Высочайше повелѣно: 1) Объявить къ исполненію, въ дополненіе къ 447 и 449 ст. Св. Зак. Т. XIV Уст. о Паспор., что, на основаніи 6 пункта Высочайшаго указа 15 іюня 1851 г., слѣдуетъ освобождать отъ платежа пошлинъ за заграничные паспорты дѣтей, недостигшихъ 10-ти-

лѣтняго возраста, обоюдныхъ помѣщиковъ, когда они отправляются въ находящіяся за границею свои имѣнія, не долѣе какъ на четыре мѣсяца, а также иностранцевъ, лицъ, отъѣзжающихъ за границу по распоряженію правительства, равно семейства и прислугу чиновниковъ, отправляющихся туда на постоянную службу и нѣкоторыя другія лица, поименованныя въ 6, 7, 10 и 11 пунктахъ 447 ст. и въ 4 примѣч. къ 449 ст., и что всѣ прочіе отъѣзжающіе за границу должны вносить установленную въ семъ указѣ возвышенную пошлину, кромѣ только больныхъ и раненныхъ и лицъ торговаго сословія, поименованныхъ во 2, 3, 4 и 5 пунктахъ означеннаго указа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество собственноручно соизволилъ повелѣть: *платить по таксѣ для больныхъ* художникамъ и ученымъ, отправляющимся за границу на собственный счетъ, для усовершенствованій (12 и 14 пунк. 447 ст. т. XIV Св. Зак. въ VIII и IX прод.), и пансіонерамъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, отправляемымъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и торговыхъ дѣлахъ (15 п. 447 ст. въ XI продол.). 2) Относительно платы за паспорты членовъ Императорскаго Яхтъ-Клуба: въ дополненіе къ уставу Яхтъ Клуба, *постановить*, что члены Яхтъ-Клуба, отправляясь за границу, обязаны каждый разъ публиковать о томъ въ газетахъ, а служащіе, сверхъ-того, испрашивать разрѣшеніе начальства. Плата за паспорты каждый разъ не производится, но членъ Яхтъ-Клуба, при отправленіи за границу на яхтѣ въ первый разъ по вступленіи въ клубъ, вноситъ единовременно за паспортъ свой и служителей своихъ, несостоящихъ въ составѣ команды яхты, по 25 руб. сер.; плата сія возобновляется при слѣдующихъ отправленіяхъ за границу только за новыхъ служителей, которые еще не были за границей на яхтахъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Уборка хлѣбовъ и травъ въ имперіи. — Заключаемъ лѣтопись нашу о произрастеніи хлѣбовъ и травъ въ имперіи въ текущемъ году оффиціальными свѣдѣніями объ уборкѣ тѣхъ и другихъ, заимствованными нами изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Хотя въ *Архангельской* Губерніи погода въ-теченіе лѣта весьма благопріятствовала росту хлѣба и травъ, но успѣшному ходу полевыхъ работъ, особенно при уборкѣ сѣна, много препятствовали начавшіеся съ конца іюля постоянные проливные дожди. Въ *Астраханской* Губерніи въ концѣ іюля производилась повсемѣстно уборка озимаго хлѣба, который оказался зерномъ хорошъ, но въ нажинѣ несовсѣмъ-удовлетворителенъ; яровый мѣстами уже созрѣвалъ и имѣлъ видъ вообще благонадежный. Въ *Бессарабской* Области въ половинѣ августа уборка хлѣбовъ производилась довольно-успѣшно, кромѣ Хотинскаго Уѣз-

да, гдѣ были безпрерывные дожди; сѣнокошеніе приходило къ концу. Дожди затрудняли отчасти жатву озимаго хлѣба и уборку травъ въ *Виленской* Губерніи; но, по заключенію Продовольственной Коммиссіи, нынѣшній урожай, при имѣющихся запасахъ, можетъ быть вполнѣ-достаточенъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, если впредь погода будетъ благопріятствовать полевымъ работамъ и яровые хлѣба дозрѣютъ благополучно. Въ *Витебской* Губерніи уборкѣ хлѣба и успѣху сѣнокошенія также препятствовали частые дожди и вообще урожай предвидится посредственный. Въ *Владимірской* Губерніи жатва озимаго хлѣба въ половинѣ августа была ужь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кончена; но по пробнымъ замолотамъ урожай оказался посредственнымъ. Къ уборкѣ яроваго хлѣба также ужь приступили, а травы бóльшею-частью были скошены. По причинѣ дождливой погоды, начавшейся съ конца іюля, уборка хлѣбовъ и травъ въ *Вологодской* Губерніи не могла быть приведена къ концу даже въ исходѣ августа. Столь же неуспѣшно производились полевыя работы въ *Волынской* Губерніи. Въ концѣ іюля яровый хлѣбъ въ *Воронежской* Губерніи обнадеживалъ довольно-хорошимъ урожаемъ; уборка озимаго продолжалась, но не обѣщаетъ обильной жатвы. Впрочемъ, по заключенію Продовольственной Коммиссіи, нельзя ожидать ощутительнаго недостатка въ средствахъ къ мѣстному продовольствію, какъ по причинѣ ожидаемаго урожая, такъ и по количеству запасовъ прежнихъ лѣтъ. Въ *Вятской* Губерніи урожай оказался довольно-хорошимъ и до половины августа производилась уборка хлѣба успѣшно. Во второй половинѣ іюля погода въ *Гродненской* Губерніи вполнѣ благопріятствовала созрѣванію яроваго хлѣба и уборкѣ озимаго и травъ; но съ наступленіемъ августа началось ненастье, которое продолжалось до конца этого мѣсяца и мѣшало какъ уборкѣ хлѣбовъ, такъ и обработкѣ полей для новыхъ посѣвовъ. Въ *Екатеринославской* Губерніи озимый хлѣбъ въ половинѣ августа былъ убранъ съ полей; жатва яроваго также приходила къ концу, а сѣнокошеніе кончено еще въ іюнѣ. Впрочемъ, урожай озимаго хлѣба и травъ оказался несовсѣмъ-хорошъ. Въ *Енисейской* и *Иркутской* Губерніяхъ произрастеніе хлѣбовъ и травъ до конца іюля шло весьма-успѣшно; только перепадавшіе въ послѣднее время дожди замедляли уборку сѣна. Озимый хлѣбъ въ *Казанской* Губерніи къ концу августа убранъ съ полей; сѣнокошеніе также кончено; но уборкѣ яроваго хлѣба препятствовали постоянные дожди. Яровые хлѣба въ *Калужской* Губерніи обѣщали въ исходѣ августа хорошій урожай; озимый въ худшемъ положеніи. По отзыву Продовольственной Коммиссіи, губернія можетъ обойдтись безъ чрезвычайныхъ пособій, если въ сосѣдственныхъ губерніяхъ не послѣдуетъ особаго повышенія цѣнъ. Въ *Кіевской* Губерніи уборка хлѣбовъ въ половинѣ августа приходила ужь къ окончанію; урожай вообще хорошъ. Въ *Ковенской* Губерніи одни яровые хлѣба обнадеживаютъ изряднымъ урожаемъ; урожай же озимаго хлѣба очень-посредственъ и уборкѣ его препятствовали частые дожди, которые замедляли полевыя работы и въ *Костромской* Губерніи, гдѣ, впрочемъ, урожай хлѣбовъ оказался довольно-порядочнымъ. Въ половинѣ августа сѣнокошеніе въ *Курляндской* и

Курской Губерніяхъ было кончено; уборка озимаго хлѣба производилась повсемѣстно, хотя урожай его несовсѣмъ-удовлетворителенъ; только яровые хлѣба въ губерніи Курляндской подавали самыя благопріятныя надежды. Хотя урожай хлѣбовъ и сборъ сѣна въ *Лифляндской* Губерніи очень-посредственный; но, по заключенію Продовольственной Коммиссіи, жители въ пособіи нуждаться не будутъ. Сборъ озимаго хлѣба и сѣна въ *Могилевской* Губерніи весьма-посредственъ; яровый хлѣбъ обѣщаетъ порядочный урожай. Въ *Московской* Губерніи уборка озимаго хлѣба въ началѣ августа приходила ужь къ концу и урожай оказался довольно-порядочнымъ; яровые хлѣба послѣ дождей также поправились. Въ *Нижегородской* Губерніи въ концѣ августа травы были скошены и убраны, жатва озимаго хлѣба кончена; яровый также начали жать. Урожай вообще довольно-хорошій. Въ *Новгородской* Губерніи также повсемѣстно производилась уборка озимей и сѣнокошеніе; яровый хлѣбъ приспѣвалъ также къ жатвѣ. Рожь умолотомъ оказалась очень-хороша, и потому урожай хлѣба, въ общей сложности, вѣроятно, будетъ не ниже посредственнаго. Озимый хлѣбъ и травы въ *Олонецкой* Губерніи убраны при благопріятной погодѣ, и съ достовѣрностью можно заключить, что урожай ихъ, а равно и яроваго хлѣба, долженъ быть хорошій. Въ *Оренбургской* Губерніи погода для полевыхъ работъ стояла бо́льшею-частью благопріятная, и вообще урожай удовлетворителенъ. Въ концѣ іюля производилась уборка хлѣба въ *Орловской* Губерніи; но хлѣба вышли посредственны; сѣнокошеніе ужь кончилось, но сборъ сѣна также хуже прошлогодняго. Въ *Пензенской* Губерніи сѣнокошеніе въ половинѣ августа было кончено; уборка хлѣба тоже приходила къ концу и урожай долженъ быть хорошій. По отзыву *Пермской* Продовольственной Коммиссіи, сборъ какъ хлѣбовъ, такъ и сѣна весьма-достаточенъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, тѣмъ болѣе, что, при самой уборкѣ, не было никакого препятствія. Отъ частыхъ дождей, бывшихъ въ *Подольской* Губерніи въ концѣ іюля и началѣ августа, убранный въ копны хлѣбъ подвергся порчѣ, и потому урожай настоящаго года нельзя считать удовлетворительнымъ. Въ *Полтавской* Губерніи въ половинѣ августа озимый и яровый хлѣба, кромѣ проса и гречихи, убирались съ полей, и урожай оказывался посредственнымъ. Въ-теченіе августа погода въ *Псковской* Губерніи препятствовала успѣху полевыхъ работъ, вслѣдствіе чего озимый хлѣбъ, оставаясь, послѣ жатвы, долго неубраннымъ, началъ прорастать въ снопахъ; яровый произрасталъ довольно-хорошо, Въ *Рязанской* Губерніи въ концѣ іюля и началѣ августа нерѣдко перепадали обильные дожди; вообще урожай хлѣбовъ предвидится несовсѣмъ-хорошій. Въ концѣ августа въ *Самарской* Губерніи довольно-успѣшно производилась уборка хлѣбовъ и травъ, созрѣвшихъ довольно-благополучно отъ бывшихъ въ іюлѣ дождей; такъ-что вообще нельзя ожидать недостатка ни въ хлѣбѣ, ни въ сѣнѣ. Въ *Санктпетербургской* Губерніи въ половинѣ августа продолжалась уборка озимаго хлѣба и травъ; но урожай очень-посредственный; яровый хлѣбъ также не въ удовлетворительномъ состояніи. По сужденію *Саратовской* Продовольственной Коммиссіи, жатвою нынѣшняго года могутъ быть вполнѣ

обезпечены мѣстныя нужды губерніи, особенно если погода будетъ благопріятствовать полевымъ работамъ. Въ *Смоленской* Губерніи ненастье имѣло неблагопріятное вліяніе на уборку озимаго хлѣба и травъ, а также и на яровый хлѣбъ въ уѣздахъ Духовщинскомъ и Смоленскомъ. Въ началѣ августа жатва хлѣбовъ и сѣнокосъ были кончены въ *Таврической* Губерніи и затѣмъ производилась уборка хлѣба и сѣна; урожай, по мѣстнымъ отзывамъ, долженъ быть порядочный. Въ *Тамбовской* Губерніи хлѣба созрѣли благополучно и уборка ихъ производилась весьма-успѣшно; напротивъ того, въ *Тверской* Губерніи уборкѣ озимаго хлѣба и сѣнокошенію препятствовала дождливая погода; къ жатвѣ яроваго хлѣба еще не приступили. Въ *Томской* Губерніи сѣнокошеніе въ началѣ августа производилось повсемѣстно; но, по случаю перепадавшихъ дождей, несовсѣмъ-успѣшно; озимые хлѣба наливались въ зерно, а яровые еще цвѣли. *Тульская* Продовольственная Коммиссія заключила, что если погода будетъ благопріятствовать уборкѣ хлѣба и травъ, то урожай долженъ-быть посредственный; сборъ же сѣна менѣе противъ прошлаго года на половину; такое же заключеніе объ урожаѣ постановила и *Харьковская* Продовольственная Коммиссія. Въ *Херсонской* Губерніи урожай какъ сѣна, такъ и хлѣба несовсѣмъ-обильный; въ-теченіе августа производилась уборка хлѣбовъ, а сѣнокошеніе было ужь кончено. Въ концѣ августа въ *Черниговской* Губерніи повсемѣстно производилась уборка хлѣбовъ и травъ; но урожай въ бо́льшей части губерніи посредственный. Въ *Ярославской* Губерніи рожь въ концѣ августа была бо́льшею-частью сжата, но пробныхъ замолотовъ еще сдѣлано не было, и потому о степени урожая нельзя сдѣлать положительнаго заключенія. Сѣнокосъ былъ вездѣ конченъ; яровый хлѣбъ тоже начали жать, но на низкихъ мѣстахъ хлѣбъ этотъ былъ еще зеленъ, по причинѣ продолжавшейся холодной и дождливой погоды. (Ж. М. В. Д.).

Наводненія.—Въ-продолженіе минувшаго іюня произошли отъ разлива рѣкъ, вслѣдствіе продолжительныхъ проливныхъ дождей, наводненія въ Брестскомъ и Сокольскомъ уѣздахъ, Таврической, и въ городѣ Задонскѣ, Воронежской Губерній; но наводненія эти не причинили никакихъ ощутительныхъ несчастій: только въ Задонскѣ быстрымъ теченіемъ протекающей чрезъ этотъ городъ рѣчки Тешевки сорвало деревянный мостъ на липецкой дорогѣ, снесло другой, построенный собственно для перехода черезъ эту рѣку, и причинило нѣкоторыя другія поврежденія городскихъ зданій и мостовой.

Замѣчательнѣе другихъ, по значительности своей, было наводненіе 15 іюля въ г. Тифлисѣ, отъ внезапнаго разлива рѣки Куры, происшедшаго отъ проливныхъ дождей въ верховьяхъ ея и въ мѣстахъ, гдѣ протекаютъ впадающія въ нее рѣчки. Вода стала прибывать съ ранняго утра, такъ-что въ десять часовъ воспрещенъ ужь былъ переходъ чрезъ временный, деревянный, такъ-называемый *Саперный* мостъ, поврежденный нѣсколькими сильными ударами отъ плотовъ, сорванныхъ съ пристани, устроенной для нихъ на Верѣ и въ другихъ мѣстахъ. Рѣка продолжала возвышаться до четырехъ часовъ пополудни, и затопила самую низменную часть *песковъ*, гдѣ у тамошнихъ

домовладѣльцовъ построены сараи, конюшни и сложено сѣно Плоты неслись по Курѣ до самаго вечера; число ихъ, сорванныхъ съ пристани Веры и съ верховьевъ Куры, должно быть больше 1000. Кромѣ этихъ плотовъ, погибло еще нѣсколько десятковъ перевозившихся на нихъ кулей хлѣба. Вообще убытокъ отъ этого наводненія полагаютъ свыше 50,000 руб. сер. (Ж. М. В. Д.).

Водяной смерчъ. — Таврической Губерніи, Мелитопольскаго Уѣзда, въ мѣстечкѣ Геническѣ, 13 іюня въ четыре часа пополудни, показался отъ югозапада въ Азовскомъ Морѣ водяной смерчъ, или тифонъ, который, проходя съ сильнымъ вихремъ вдоль по проливу въ Сивашъ, опрокинулъ въ воду стоявшую на поромѣ лошадь съ двумя повозками, и разбилъ три баркаса. Стоявшіе на берегу 10 чумацкихъ возовъ были подняты на воздухъ и, крутимые въ немъ довольно-долго, брошены потомъ на землю совершенно-разбитыми. Сверхъ-того, нѣкоторыя строенія разрушены, а на другихъ повреждены крыши. (Ж. М. В. Д).

Бури и грозы. — Замѣчательнѣйшія бури и грозы случились въ слѣдующихъ мѣстахъ: 10 іюня въ Шушинскомъ Уѣздѣ, Шемахинской Губерніи, градомъ и ливнемъ выбитъ весь хлѣбъ на поляхъ жителей Зангезурскаго Участка; градъ былъ такъ силенъ и великъ, что, когда пересталъ дождь, на землѣ лежало льду до четверти аршина, а на другой день найдены на поляхъ убитыми градомъ 4 оленя, нѣсколько зайцевъ и много птицъ.

Іюня 21 Волынской Губерніи, Заславскаго Уѣзда, въ селеніяхъ графини Потоцкой, разрушены бурей около 40 разныхъ построекъ, поломано много дубовъ, а на поляхъ повреждены градомъ озимые посѣвы.

Астраханской Губерніи, въ Калмыцкой Землѣ Большедербетевскаго Улуса, пронеслась съ югозапада, 10 іюля въ самый полдень, при сильномъ знoѣ, буря съ громомъ и градомъ. Вѣтеръ опрокинулъ большое число калмыцкихъ кибитокъ и 69 изъ нихъ снесъ на значительное разстояніе со всемъ находившимся въ нихъ имуществомъ, а градъ, величиною съ куриное яйцо, покрылъ землю глубиною съ полуаршина на пространствѣ 30 верстъ въ длину и 5 въ ширину.

10 же іюля въ городѣ Ставрополѣ въ половинѣ седьмаго пополудни сильный западный вѣтеръ поднялъ облака пыли, которыя такъ покрыли весь городъ, что сдѣлалось темно; потомъ пошелъ проливный дождь и наконецъ разразилась буря съ градомъ, немного менѣе голубинаго яйца. Съ корпуса лавокъ, устроенныхъ для ярмарки, сорвало во многихъ мѣстахъ желѣзную крышу, и часть ея, величиною въ двѣ квадратныя сажени, отнесло на 100 саженъ; въ садахъ почти все побито было градомъ; но болѣе всего пострадали вербы.

19 іюля въ Родомысльскомъ Уѣздѣ, Кіевской Губерніи, пронесся ураганъ съ дождемъ и градомъ, на пространствѣ въ длину до 40 и въ ширину до 20 верстъ, и продолжался около двухъ часовъ. Убытокъ, причиненный этимъ ураганомъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, простирается свыше 20,000 руб. сер. (Ж М. В Д.).

Пожары. — Изъ числа бывшихъ пожаровъ, особенное вниманіе, по количеству причиненныхъ ими убытковъ, обращаютъ на себя слѣду-

ющіе: 4 іюля въ г. *Бѣльцахъ*, Бессарабской Области, истреблено пожаромъ, впродолженіе не болѣе часа, до 166 домовъ, съ находившимися при нихъ службами. Въ Глуховѣ, Черниговской Губерніи, въ ночь съ 20 на 21 іюля сгорѣли два ряда деревянныхъ лавокъ съ разными товарами, всего на сумму до 100,000 руб. сер.; пожаръ начался отъ самопроизвольнаго и неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Въ Казани 22 іюля уничтожены огнемъ 36 обывательскихъ домовъ, торговая баня, часть пивовареннаго завода и питейный домъ; кромѣ-того, у нѣсколькихъ домовъ разломаны крыши и заборы. Въ Волгскѣ, Саратовской Губерніи, 24 іюля сгорѣлъ до основанія старый винный подвалъ, въ которомъ помѣщалось до 194 бочекъ казеннаго спирта. 9 августа въ Кременчугѣ, Полтавской Губерніи, истреблено при сильномъ вѣтрѣ 40 обывательскихъ дворовъ, 9 деревянныхъ лавокъ и одно каменное зданіе съ лавками. (Ж. М. В. Д.).

— Изверженіе волкана на Таманскомъ Полуостровѣ. — 6-го августа на Таманскомъ Полуостровѣ произошло полное изверженіе волкана, пробудившагося чрезъ 35 лѣтъ. Помощникъ директора Керченскаго Музеума, г. Бѣгичевъ, производящій археологическія разъисканія на полуостровѣ, на пути къ Таманскому Заливу, былъ свидѣтелемъ изверженія. Заимствуемъ изъ доставленнаго имъ въ редакцію Санктпетербургскихъ Вѣдомостей описанія этого любопытнаго грознаго явленія, слѣдующія подробности. На вершинѣ горы, называемой Карабетовою, и отстоящей отъ Тамани верстахъ въ трехъ или четырехъ, въ 6 часовъ, 36 минутъ утра, показалось мгновенно вспыхнувшее пламя, которое быстро увеличивалось въ объемѣ и сопровождалось густыми клубами чернаго дыма и вслѣдъ затѣмъ изверженіями земли. Пламя это въ нѣсколько секундъ достигло высоты отъ 15 до 20 саженъ надъ поверхностью горы и оставалось въ такомъ положеніи 5 или 6 минутъ; потомъ, быстро измѣняясь въ объемѣ, исчезло. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣдовали вторый и третій подобные же взрывы, но ужь съ меньшею противу прежняго силой и съ большими промежутками одинъ послѣ другаго. Изверженіе земли, съ небольшими промежутками, видимо было въ-теченіе 26 минутъ, но дѣйствіе его было неравномѣрно: за болѣе-сильнымъ изверженіемъ слѣдовалъ бо̀льшій промежутокъ времени, и наоборотъ, слабое изверженіе повторялось одно за другимъ почти-непрерывно. Чрезъ 13 минутъ, въ-продолженіе которыхъ поверхность горы оставалась совершенно-спокойною, показалось слабое изверженіе, или, вѣрнѣе, изліяніе какой-то жидкой массы, продолжавшееся около трехъ минутъ и казавшееся послѣднимъ усиліемъ волкана; но послѣ того, почти черезъ полчаса, дѣйствія волкана обнаружились еще разъ довольно-сильнымъ изверженіемъ земли, продолжавшимся болѣе трехъ минутъ, и послѣ котораго волканъ совершенно потухъ. Тогда г. Бѣгичевъ, вмѣстѣ съ спутниками своими и рабочими людьми, взошелъ на гору и увидѣлъ обширную сплошную массу густой черной грязи, покрывавшую поверхность горы на 700 шаговъ въ окружности, мѣстами на сажень, мѣстами болѣе въ толщину. Посреди этой массы замѣтно было еще небольшое колебаніе, продолжавшееся около часа, въ-теченіе котора-

го послѣдовали три легкіе взрыва, сопровождаемые изверженіемъ грязи и глухими подземными ударами; извнутри кратера слышенъ былъ постоянный ревъ наподобіе паровъ, выпускаемыхъ пароходомъ. Съ сѣверной стороны масса грязи была въ болѣе-жидкомъ состояніи, нежели со стороны противоположной, гдѣ, повидимому, она была выброшена прежде и успѣла засохнуть. Внѣ пространства, занимаемаго массой грязи, замѣтны были на поверхности горы, въ-особенности съ южной стороны кратера, сильные всплески жидкой грязи по направленію отъ центра къ окружности, и камни, выброшенные изъ кратера. Поверхность горы, также болѣе съ южной стороны, была изрыта глубокими трещинами въ разныхъ направленіяхъ, то отъ центра къ окружности, то параллельно съ ней, на протяженіи 200 или 300 шаговъ; съ этой же стороны цѣлыя глыбы земли были взорваны на поверхность, и самая поверхность мѣстами казалась значительно-приподнятою, мѣстами провалившеюся. По окраинамъ трещинъ, почти на всемъ ихъ протяженіи, трава была обожжена и находившійся тутъ коровій пометъ горѣлъ еще во многихъ мѣстахъ; въ воздухѣ носился запахъ нефти, но легкій, и то по направленію вѣтра. Всѣ описанныя явленія, продолжавшіяся около трехъ часовъ, происходили при совершенно-спокойномъ состояніи атмосферы и безоблачномъ небѣ; равнымъ образомъ ничто заранѣе не предвѣщало наступленія изверженія; только окрестные жители наканунѣ въ-продолженіе цѣлаго дня слышали громъ по направленію отъ горы, между-тѣмъ, какъ на небѣ не видно было никакихъ тучъ, а за четверть часа до начала изверженія, вдругъ затихъ дувшій до-того довольно-свѣжій сѣверозападный вѣтеръ. (С. П. В.)

Освящение обновленнаго смядынскаго колодца, близь Смоленска. — Съ именемъ и мѣстностью Смядынскаго Колодца связано одно изъ печальнѣйшихъ историческихъ воспоминаній нашего отечества. При урочищѣ Смядыни, на пути своемъ изъ Смоленска въ Кіевъ, претерпѣлъ мученическую смерть князь муромскій Глѣбъ. Убійство совершено 5 сентября 1016 года, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ колодезь, то есть на берегу бывшей рѣки Смядыни, тѣло благовѣрнаго князя лежало нѣсколько времени безъ погребенія. Въ XII вѣкѣ существовалъ здѣсь монастырь, можетъ-быть, возникшій въ память этого событія. Остатки его, въ тридцати саженяхъ отъ колодца, доселѣ не были еще изслѣдованы. Въ 1145 году, князь смоленскій Ростиславъ, по возвращеніи изъ похода противъ галицкаго князя Владиміра, построилъ близь монастыря церковь, ужь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Развалины этой церкви, видныя и теперь, также ожидаютъ руки трудолюбиваго археолога. Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что храмъ этотъ былъ усыпальницею князей смоленскихъ. Въ послѣднее время Смядынскій Колодезь оставался нѣсколько лѣтъ въ полуразрушенномъ видѣ. Нынѣшній начальникъ Смоленской Губерніи возъимѣлъ благочестивую мысль обновить этотъ памятникъ священной старины, и достойное дѣло уваженія къ древности нашло себѣ достойнаго исполнителя. Муромскій первой гильдіи купецъ А. В. Ермаковъ, какъ гражданинъ города Мурома, покровительствуемаго св. мученикомъ

княземъ Глѣбомъ, добровольно вызвался возвысить вокругъ колодца мѣстность, нерѣдко понимаемую водой, и надстроить надъ нимъ изящный навѣсъ, осѣненный позлащеннымъ крестомъ на вершинѣ. По окончаніи работъ, въ 24 день іюля, когда церковь празднуетъ память св. мучениковъ Бориса и Глѣба, изъ храма Архистратига Михаила совершенъ былъ крестный ходъ къ колодезю и послѣдовало торжественное его освященіе. Отсюда весь священный клиръ и народъ перешли къ древнимъ развалинамъ церкви во имя св. Бориса и Глѣба. Высокій курганъ, образовавшійся надъ мѣстомъ усыпальницы князей, былъ увѣнчанъ хоругвіями; на вершинѣ его поставленъ образъ Божіей Матери и за упокоеніе душъ усопшихъ отправлена трогательная панихида. (Ж. М. В. Д.)

Памятникъ въ Кіевѣ великому князю святому Владиміру. — Въ Кіевъ привезенъ недавно памятникъ великому князю Владиміру святому и находится на Александровской Горѣ, куда ежедневно стекаются сотни любопытныхъ, чтобъ посмотрѣть на этотъ колоссальный монументъ. Памятникъ вылитъ изъ бронзы. Великій князь изображенъ поднявшимъ взоры на небо съ благодарственной молитвой въ ту минуту, когда народъ спѣшитъ, по его слову, креститься въ рѣкѣ. Мысль исполнена художникомъ превосходно, такъ что памятникъ, по изящности своей, достоинъ быть поставленнымъ въ честь просвѣтителя Россіи христіанскою вѣрою, и будетъ служить однимъ изъ богатѣйшихъ украшеній маститаго города. (Губ. Вѣд.)

Памятникъ Жуковскому въ селѣ Порѣчьѣ.—Читателямъ, безъ сомнѣнія, ужь извѣстно о предположеніи воздвигнуть въ селѣ Порѣчьѣ памятникъ В. А. Жуковскому, нашему великому народному поэту, оставившему по себѣ неизгладимую память въ русскомъ сердцѣ и вѣковѣчныя творенія въ русскомъ словѣ. Нынѣ всѣ части памятника поставлены ужь на своемъ мѣстѣ и въ-продолженіе осени будутъ приведены къ совершенному окончанію всѣ садовыя работы, сюда относящіяся. Извлекаемъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» краткое описаніе памятника.

Памятникъ этотъ поставленъ на возвышенномъ мѣстѣ, избранномъ А. П Брюловымъ, обозрѣвавшимъ съ этою цѣлью всѣ подробности Порѣцкаго Парка. Въ началѣ аллеи, ведущей къ памятнику, стоятъ чугунныя двери, состоящія изъ двухъ рѣшетчатыхъ створовъ въ граненыхъ столбахъ, увѣнчанныхъ лирами; по обѣимъ сторонамъ столбовъ идутъ дугообразные рѣшетчатые отводы, поддерживающіе самые растворы и дополняющіе форму отдѣльно-стоящаго входа. Тѣ же самыя части, изъ которыхъ состоятъ чугунныя двери, повторяются съ большею легкостью и въ чугунной рѣшеткѣ, окружающей цвѣтникъ, среди котораго возвышается памятникъ, состоящій изъ усѣченной колонны дорическаго ордена съ ножками. Колонна эта, стержень которой изсѣченъ изъ темнаго пиренейскаго мрамора съ желтыми жилами, поставлена на гранитномъ пьедесталѣ; на ней находится бронзовая лира съ спущеннымъ до половины покрываломъ; вершину памятника осѣняетъ золотая звѣзда.

Рисунокъ памятника принадлежитъ А. П. Брюлову, а исполненіе А. А. Мартынову, составившему, кромѣ-того, рисунокъ самаго входа; работы мраморныя и бронзовыя исполнены въ мастерской Кампіони въ Москвѣ, а чугунныя двери и рѣшетки отлиты на заводѣ княгини Бибарсовой. (М. В.)

Торговля. — Урожай нынѣшняго года былъ такъ счастливъ, что, несмотря на то, что полмильйона четвертей хлѣба въ зернѣ и льнянаго сѣмени приняты были изъ города Бердянска на заграничные корабли, въ амбарахъ этого города въ концѣ августа скопилось ужь вновь болѣе 400,000 четвертей разнаго хлѣбнаго зерна, закупленнаго иностранными конторами; кромѣ того, каждый день привозятъ въ городъ на базаръ не менѣе 7,000 четвертей зерна, арнаутки и красной пшеницы, не говоря ужь о транспортахъ съ хлѣбомъ, получаемыхъ отъ помѣщиковъ и колонистовъ. Хотя недостатокъ въ заграничныхъ судахъ стѣсняетъ замѣтно торговую дѣятельность въ Бердянскѣ, но, несмотря на то, въ-продолженіе остальныхъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ, до закрытія навигаціи, надѣются отправить за границу и другую половину—мильйона четвертей хлѣба. Вообще никогда еще при Бердянскомъ Портѣ не было столь живыхъ продажъ и покупокъ. Что касается до торговли въ Одессѣ, то въ первой половинѣ сентября обороты поправились нѣсколько извѣстіями изъ Лондона и Марсели о возвышеніи цѣнъ; но значительнаго вліянія на одесскія цѣны они не произвели, какъ по огромному накопленію тамъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ и по недостатку судовъ для нагрузки хлѣба. На перемѣну этого положенія дѣлъ мало надежды, потому-что, при недостаткѣ магазиновъ для склада наличнаго хлѣба, сухопутные подвозы, благопріятствуемые хорошею погодою, такъ значительны, что количество хлѣба, ежедневно-погружаемаго на суда, не уравновѣшиваетъ ихъ; на пониженіе фрахтовъ нельзя разсчитывать, такъ-какъ для подъема всего заготовленнаго на складъ хлѣба, необходимо было бы вдвое болѣе судовъ противъ ожидаемаго ихъ количества. (Спб. В.)

IV.

ПРОПИЛЕИ. *Сборникъ статей по классической древности, издаваемый* **П. Леонтьевымъ.** *Книга III. Москва 1853.*

Объемомъ и разнообразіемъ содержанія третій томъ «Пропилеевъ» далеко превосходитъ двѣ первыя книги этого сборника. Читатель найдетъ въ немъ статьи почти по всѣмъ отраслямъ классической древности. Исторію Греціи въ періодъ до персидскихъ войнъ можетъ онъ подробно изучить, не прибѣгая къ другимъ пособіямъ и довольствуясь тѣми, которыя предлагаетъ ему сборникъ: съ этою цѣлью во второмъ отдѣлѣ его онъ прочтетъ статью г. Леонтьева: *Исторія Греціи до персидскихъ войнъ*, которая одна, по своей обширности, могла бы составить особое сочиненіе; затѣмъ пусть перейдетъ къ *Критическимъ разысканіямъ о законодательствѣ Алкмеонида Клисѳена*, г. Куторги, и наконецъ дополнитъ и оживитъ свои свѣдѣнія чтеніемъ прекрасной статьи г. Грановскаго: *Чтенія Нибура о древней исторіи*. Обращаясь къ міру римскому, онъ не найдетъ въ «Пропилеяхъ» такой капитальной статьи, какъ та, которую г. Леонтьевъ посвятилъ греческой исторіи; зато здѣсь разнообразіе чуть-ли ёще не бо̀льшее; литература римская представлена въ этомъ томѣ сборника комедіею Плавта: *Хвастливый Воинъ*, переведенною г. Шестаковымъ. Характеръ и впечатлѣнія, производимыя вѣчнымъ городомъ, превосходно изображены въ очеркѣ: *Римъ*, графа С. С. Уварова. Быту древняго римскаго общества посвящены статьи: *День въ римскомъ циркѣ*, Августа Данца, и *Баіи*, *г. Б–го.* Наконецъ этотъ рядъ статей заключается превосходными біографіями двухъ тацитовскихъ женщинъ: *Агриппины-Младшей* и *Поппеи-Сабины*, г. Кудрявцева. Въ поясненіе къ этой статьѣ приложена родословная таблица дома цезарей.

Не оставлено безъ вниманія и древне-классическое искусство. Ему посвящены преимущественно *Письма изъ Рима и Неаполя*, г. Авдѣева, къ которымъ приложена таблица рисунковъ, изображающихъ планъ и фасадъ трехъ древнихъ римскихъ базиликъ, давно ужь обращенныхъ въ христіанскіе храмы. Остальныя три статьи, по части классическаго искусства, относятся къ тѣмъ его произведеніямъ, которыя хранятся въ самой Россіи: это 1) записка графа Уварова *О древне-классическомъ памятникѣ, перевезенномъ изъ Рима въ Порѣчье*; 2) г. Беккера — *Керчь и Тамань въ іюлѣ 1852 года* и 3) г. Кёне — *Собраніе древностей г. Монферрана*. Къ этому описанію относятся приложенныя въ концѣ сборника четыре таблицы рисунковъ. Но больше всего заслуживаетъ вниманія безспорно самое замѣчательное изъ всѣхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ доселѣ въ сборникѣ: мы говоримъ объ очеркахъ древнѣйшаго періода греческой философіи, г. Каткова.

Одинъ ужь перечень показываетъ, какъ разнообразно и занимательно содержаніе третьей книги «Пропилеевъ». Что же сказать о внутреннемъ достоинствѣ помѣщенныхъ въ ней статей? О немъ всего краснорѣчивѣе говорятъ имена ученыхъ, которыми онѣ написаны, имена гр. Уварова, гг. Грановскаго, Каткова, Кудрявцева, Леонтьева, Кёне, Куторги. Рѣдкое и даже единственное соединеніе именъ, столь значительныхъ въ нашей ученой литературѣ! Среди статей, достоинство которыхъ заключается въ томъ, что онѣ вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ современной науки, можемъ указать и на такія, которыя, отличаясь самостоятельностью изслѣдованія, приводятъ къ новымъ результатамъ и проливаютъ свѣтъ на вопросы, доселѣ неразъясненные. Къ такимъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ должны быть отнесены *Очерки древнѣйшей греческой философіи*, г. Каткова, потомъ та часть обширной статьи г. Леонтьева, которая посвящена аѳинской исторіи, и наконецъ *разысканія о законодательствѣ Клисѳена*, г. Куторги.

Объ изслѣдованіи г. Каткова, котораго обѣ части вышли ужь отдѣльнымъ изданіемъ, мы будемъ говорить особо впослѣдствіи; теперь же обратимся къ прочимъ статьямъ третьей книги «Пропилеевъ» и начнемъ съ статьи г. Леонтьева: *Историческая Греція (время до персидскихъ войнъ)*. Она служитъ продолженіемъ замѣчательной статьѣ того же автора, помѣщенной во второй книгѣ «Пропилеевъ» подъ именемъ «Миѳическая Греція». Читатели конечно ужь знакомы съ достоинствами послѣдней. Теперь предстоитъ имъ познакомиться съ исторіею Греціи до войнъ персидскихъ. Г. Леонтьевъ излагаетъ ее, основываясь главнѣйшимъ образомъ на обширномъ сочиненіи Грота, но излагаетъ самостоятельно, какъ ученый, коротко-знакомый и съ источниками и съ новѣйшими изслѣдованіями по части греческой исторіи, не увлекаясь сужденіями Грота, когда они оказываются неосновательными, указывая на недостатки въ его сочиненіи и восполняя его

собственными изслѣдованіями. Словомъ, онъ передастъ намъ исторію Греціи въ томъ видѣ, какъ обработана она въ новѣйшее время трудами не одного Грота, но всѣхъ вообще современныхъ ученыхъ, и русскій читатель можетъ теперь легко усвоить себѣ результаты, до которыхъ достигла современная историческая наука относительно древней Греціи. Постараемся и мы передать наиболѣе изъ нихъ замѣчательные.

Достовѣрная исторія Греціи начинается лишь съ 776 года до Р. Х., то-есть съ того времени, когда, на ряду съ народною молвою, историческія событія стали передаваться и письменно—именно съ первой записанной олимпіады. Важнѣйшимъ политическимъ успѣхомъ той полумиѳической и полуисторической эпохи, которая предшествовала этому времени, было соединеніе слободъ въ города, когда городская жизнь получила рѣшительный перевѣсъ надъ жизнью въ слободахъ въ тѣхъ странахъ Греціи, которыя принимали дѣятельное участіе въ исторіи. Жизнь въ слободахъ, по понятіямъ Грековъ, не удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ человѣка, и предки, по ихъ мнѣнію, вели жизнь варварскую до соединенія слободъ въ города. Зато городъ казался имъ чѣмъ-то полнымъ и оконченнымъ, и Грекъ неохотно соглашался искать политическаго авторитета внѣ стѣнъ своего города. Для нихъ не существовало различія между городомъ и государствомъ; почти каждый городъ былъ особымъ, самостоятельнымъ государствомъ, имѣлъ свои учрежденія, нравы и обычаи, своихъ особенно-чтимыхъ боговъ и нерѣдко даже свое особое нарѣчіе. Словомъ, нигдѣ историческая жизнь не представляетъ такого безконечнаго разнообразія, и нигдѣ стремленіе къ обособленію не проявилось съ такою силою, какъ въ Греціи. Самая мѣстность ея, въ главнѣйшихъ чертахъ своихъ прекрасно-описанная г. Леонтьевымъ, какъ-бы приготовлена была для историческаго разнообразія греческой жизни. Несмотря на все это разнообразіе, нельзя, однакожь, не замѣтить и единства; но оно поддерживалось не внѣшнею силою, а одинаковыми внутренними свойствами, внутреннимъ сознаніемъ и преимущественно религіею. Такъ и древнѣйшіе союзы между племенами греческими — амфиктіоніи, имѣли значеніе попреимуществу религіозное, а не политическое, и ни въ чемъ чувство народнаго единства не выражалось такъ сильно у Грековъ, какъ въ ихъ національныхъ религіозныхъ праздникахъ, играхъ олимпійскихъ, пиѳійскихъ, исѳмійскихъ и немейскихъ, краткую исторію которыхъ можно прочесть въ статьѣ г. Леонтьева. Понятный для всѣхъ Грековъ языкъ, несмотря на безчисленное множество нарѣчій, на которыя онъ распадался, общіе обычаи, боги и праздники — всѣ эти узы, соединявшія Грековъ въ одинъ народъ, были такого рода, что ими нисколько не стѣснялось самостоятельное развитіе отдѣльныхъ странъ и городовъ Греціи.

Въ-продолженіе первыхъ двухъ столѣтій достовѣрной исторіи, отъ 776 года до 560 — до эпохи Креза въ Малой Азіи и Пизи-

*

страта въ Аѳинахъ, всѣ событія показываютъ бо́льшее стремленіе къ политическому раздробленію Греціи, чѣмъ къ сближенію отдѣльныхъ ея частей; но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ сознаніе національныхъ особенностей и превосходства надъ варварами и усиливается симпатія Грека къ соотечественникамъ. Около 560 года до Р. Х. эта симпатія сильно пробудилась въ европейскихъ Грекахъ къ азіатскимъ ихъ соплеменникамъ вслѣдствіе того, что послѣдніе подпали игу сначала Лидянъ, а потомъ Персовъ. Всѣ Греки впервые почувствовали тогда побужденіе къ соединенію своихъ силъ для одного общаго дѣйствія—для борьбы съ Азіею. Къ тому же времени успѣло образоваться болѣе другихъ могущественное государство—Спартанское, способное стать во главѣ движенія, направленнаго противъ Азіи. «Такимъ-образомъ одна общая цѣль и признанное первенство одного государства соединяютъ Грецію и придаютъ ея исторіи единство, котораго прежде не было. Приготовляется великая эпоха персидскихъ войнъ и слѣдовавшій за тѣмъ споръ Аѳинъ со Спартою о предводительствѣ Гелленами, или о такъ-называемой гегемоніи» (2 отд. стр. 29).

Г. Леонтьевъ останавливаетъ свое вниманіе только на исторіи Спарты и Аѳинъ, оставляя въ сторонѣ исторію политическихъ измѣненій, происходившихъ въ другихъ государствахъ Греціи, распространеніе колоній и успѣхи умственной жизни въ періодъ до персидскихъ войнъ.

Гротъ подвергъ строгому критическому анализу легенду о завоеваніи Пелопоннеса Дорянами, и остроумныя соображенія его по этому вопросу привели къ слѣдующимъ, чрезвычайно-важнымъ результатамъ: Аргосъ и Коринѳъ были заняты, независимо отъ дорійской дружины, покорившей Лаконику и Мессенію, особымъ отрядомъ Дорянъ, которые прибыли изъ первоначальной своей родины — Дориды, моремъ, а не сухимъ путемъ. Этотъ выводъ подтверждается тѣмъ, что въ древнѣйшее время Аргосъ былъ не только независимъ отъ Спарты, но даже во враждебныхъ съ нею отношеніяхъ. Въ то время Аргосъ былъ первымъ по могуществу дорійскимъ государствомъ въ Пелопоннесѣ. Перевѣсъ его ясно обозначился въ томъ, что система монеты, мѣры и вѣсовъ, введенная знаменитѣйшимъ его царемъ Фидономъ, была принята во всѣхъ дорійскихъ государствахъ Пелопоннеса. Этотъ царь, время котораго не можетъ быть опредѣлено достовѣрно и падаетъ въ промежутокъ отъ 747 и до 660 года до Р. Х., первый въ Греціи сталъ чеканить мѣдную и серебряную монету, и ввелъ систему мѣры и вѣса, которую обыкновенно называютъ эгинскою. Заимствовалъ онъ эту систему, какъ доказалъ Бёкъ, изъ Финикіи, и притомъ чрезъ посредство малоазіатскихъ дорійскихъ колоній, которыя введены были также изъ Аргоса и нѣкоторыхъ другихъ подчиненныхъ ему городовъ. Все свидѣтельствуетъ, что Аргосъ ранѣе всѣхъ другихъ дорійскихъ государствъ достигъ процвѣтанія и былъ центральнымъ пунктомъ для морскихъ сношеній.

Что же касается до завоеванія Мессеніи и Лаконики, то оно совершено было другими дорійскими отрядами, прибывшими сухимъ путемъ въ Пелопоннесъ. Вышедъ изъ своей родины, они направили свой путь къ Навпакту, соединились здѣсь съ Этолами и на плотахъ переправились въ Пелопоннесъ чрезъ узкій проливъ, раздѣляющій Коринѳскій Заливъ отъ Іонійскаго Моря, помогли Этоламъ при завоеваніи Элиды, а сами устремились далѣе вверхъ по теченію Алфея—одинъ отрядъ на Мессенію, другой на Лаконику. Эти мессенскіе и спартанскіе Доряне вовсе не были такъ могущественны и такъ многочисленны, какъ предполагаетъ легенда, и при первомъ своемъ появленіи не покорили всѣхъ странъ южнаго Пелопоннеса: совершенное его завоеваніе произошло ужь впослѣдствіи, благодаря вѣковымъ усиліямъ Спартанцевъ. Указываемъ на этотъ результатъ изслѣдованій Грота, какъ на особенно-важный при объясненіи самого происхожденія ликурговыхъ узаконеній.

О времени и личномъ существованіи Ликурга ничего достовѣрнаго не было извѣстно уже и въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. Пиѳія сомнѣвалась, назвать ли его богомъ или человѣкомъ; въ Спартѣ ежегодно приносились ему жертвы и въ честь его устроено было особое святилище; отцомъ его былъ Эвномъ, благой законъ, а сыномъ—Эвкосмъ, благой порядокъ; словомъ, лицо его сдѣлалось вполнѣ достояніемъ народныхъ, полумиѳическихъ сказаній. Впрочемъ, по всей вѣроятности, введеніе законовъ Ликурга относится ко времени между 830-мъ и 820-мъ годомъ до Р. Х.

Наибо́льшую важность имѣетъ вопросъ объ отношеніи ликурговыхъ постановленій къ первоначальному быту и обычаямъ дорійскаго племени. До-сихъ-поръ въ наукѣ принято было мнѣніе Отф. Мюллера, что Ликургъ былъ только возстановителемъ древняго племеннаго быта дорійскаго, потрясеннаго въ Спартѣ внутренними смутами. Гротъ рѣшительно отвергаетъ это мнѣніе, утверждая, что ликурговы постановленія были исключительно спартанскія, а не дорійскія, потому-что ничего имъ подобнаго не находимъ въ другихъ странахъ дорійскихъ. Истинное рѣшеніе этого вопроса, по нашему мнѣнію, предложено г. Леонтьевымъ: оно примиряетъ противоположныя мнѣнія Мюллера и Грота и, какъ намъ кажется, основано на убѣжденіи, что отличительныя свойства дорійскаго племени опредѣлились поклоненіемъ его Аполлону, а характеръ этого дорійскаго божества ясно отразился и въ постановленіяхъ Ликурга, которыя, правда, изъ всѣхъ дорійскихъ государствъ принадлежали одной Спартѣ. Впрочемъ, въ учрежденіи государственныхъ властей, какія находимъ въ Спартѣ вскорѣ послѣ Ликурга, а также и въ распредѣленіи народонаселенія Спартанскаго Государства по сословіямъ не было ничего исключительно-дорійскаго, а также ничего и такого, что̀ принадлежало бы одной Спартѣ. Государственныя власти Спарты — цари, дума старцевъ (герусія), общественное собраніе, которое могло

принять или отвергнуть предложенія герусіи — тѣ же самыя, которыя существовали и въ героическое время, изображенное Гомеромъ. Въ этомъ отношеніи Ликургъ вѣроятно ограничился тѣмъ, что точнѣе опредѣлилъ права и обязанности всѣхъ этихъ властей. Народонаселеніе Спартанскаго Государства раздѣлялось, какъ извѣстно, на три сословія: 1) Спартанцевъ, которые первоначально всѣ были равны между собою и составляли аристократію относительно подчиненнаго народонаселенія; 2) періэковъ, жителей подчиненныхъ Спартѣ городовъ, которые лишены были всякой политической самостоятельности, и 3) гелотовъ, сельскихъ жителей, крѣпкихъ землѣ, подобно колонамъ послѣднихъ временъ Римской Имперіи. Это раздѣленіе народа не могло быть дѣломъ законодателя и, за исключеніемъ политическаго равенства Спартанцевъ, принесеннаго изъ Дориды, «опредѣлилось (какъ говоритъ г. Леонтьевъ) не дорійскимъ происхожденіемъ послѣднихъ, а образованіемъ Спартанскаго Государства чрезъ завоеваніе» (стр. 65).

Относительно главнаго вопроса, который насъ теперь занимаетъ, этотъ выводъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но изъ приведенныхъ нами словъ имѣемъ полное право вывести заключеніе о самомъ происхожденіи сословій періэковъ и гелотовъ — именно о происхожденіи ихъ вслѣдствіе завоеванія Лаконики Дорянами, и это общепринятое мнѣніе само-по-себѣ кажется намъ неопровержимымъ. Но ему противорѣчатъ другія мнѣнія, которыя приводятся и излагаются въ той же статьѣ г. Леонтьева. Такъ о гелотахъ онъ говоритъ на стр. 62: «Нельзя сомнѣваться, что дорійское завоеваніе не создало этого класса сельскихъ жителей, а нашло его ужь существующимъ». Здѣсь, кажется намъ, г. Леонтьевъ несовсѣмъ-вѣрно передалъ мысль Грота, отчего и произошло противорѣчіе съ приведенными выше словами. Гротъ, безъсомнѣнія, имѣя въ виду сказать только, что жители, обращенные завоевателями Лаконики въ гелотовъ, и прежде того были поселянами, прибавляетъ: «неизвѣстно, были ли эти поселяне въ зависимости отъ прежнихъ ахейскихъ владѣльцевъ земли». А если это неизвѣстно, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, что классъ гелотовъ существовалъ прежде дорійскаго завоеванія. Принимая предположеніе Грота, несовсѣмъ-точно выраженное, имѣемъ полное право утверждать, согласно съ общимъ мнѣніемъ, что классъ гелотовъ былъ созданъ дорійскимъ завоеваніемъ и въ составъ его вошло прежнее сельское народонаселеніе страны, общественное положеніе котораго въ ахейское время намъ вовсенеизвѣстно.

Несравненно-больше трудностей представляетъ вопросъ о періэкахъ. Вопросъ этотъ недостаточно разъясненъ въ статьѣ г. Леонтьева; сообщаемыя имъ въ разныхъ мѣстахъ свѣдѣнія могутъ привести читателя къ противорѣчащимъ другъ другу заключеніямъ. Да и самъ Гротъ касается его какъ-бы мимоходомъ и,

высказавъ нѣсколько новыхъ мнѣній, оставляетъ ихъ неразвитыми и недоказанными. На основаніи ужь приведенныхъ словъ г. Леонтьева (Проп. стр. 65), мы въ-правѣ заключить, что сословіе періэковъ произошло вслѣдствіе завоеванія Лаконики, а потому и состояло, по-крайней-мѣрѣ, первоначально, изъ однихъ покоренныхъ туземцевъ ахейскаго племени. Таково мнѣніе Отфр. Мюллера и бо́льшей части ученыхъ. Но г. Леонтьевъ говоритъ на страницѣ 62: «Изъ обстоятельствъ, приведенныхъ Гротомъ, оказывается, что въ дѣйствительности не было такого рѣзкаго племеннаго различія между Спартанцами и періэками, какое мы наклонны предполагать. Несомнѣнно, что между періэками было много Дорянъ, а между Спартанцами довольно-много знатныхъ родовъ ахейскаго происхожденія... Спартанца дѣлало Спартанцемъ и отличало отъ періэковъ не столько его происхожденіе, сколько воспитаніе и образъ жизни. Періэки были дѣти страны, Спартанцы—дѣти воспитанія». Приведенное нами мѣсто подаетъ поводъ къ многимъ недоумѣніямъ. Спрашивается: 1) полагаетъ ли Гротъ, а вмѣстѣ съ нимъ и г. Леонтьевъ, что ужь при самомъ происхожденіи періэковъ, или же только впослѣдствіи не было рѣзкаго племеннаго различія между періэками и Спартанцами? и 2) опредѣлилось ли первоначально особое положеніе періэковъ въ Государствѣ Спартанскомъ различіемъ ихъ воспитанія и образа жизни отъ воспитанія и образа жизни, къ которымъ обязаны были Спартанцы, или же оно опредѣлилось первоначально тѣмъ, что періэки принадлежали къ племени побѣжденному, а Спартанцы къ племени побѣдителей? Г. Леонтьевъ не разрѣшаетъ этихъ недоумѣній. Замѣтимъ только, что оба первыя предположенія противорѣчили бы мнѣнію, вытекающему изъ собственныхъ его словъ о происхожденіи спартанскихъ сословій вслѣдствіе завоеванія, и послѣ этого замѣчанія обратимся прямо къ Гроту, тѣмъ болѣе, что нашъ авторъ не даетъ отвѣта и на вопросъ: какимъ образомъ Доряне могли попасть въ число періэковъ? и далѣе, на страницѣ 8, также безъ объясненія и безъ опроверженія приводитъ мнѣніе Грота, будто-бы во времена Ликурга вовсе еще не было періэковъ, а были только Спартанцы-побѣдители и гелоты— ихъ подданные. Гротъ, повидимому, болѣе наклоненъ къ тому предположенію, что и первоначально не было рѣзкаго племеннаго различія между періэками и Спартанцами. «Каково бы ни было племенное различіе, можетъ-быть, существовавшее нѣкогда между ними, во всякомъ случаѣ оно сгладилось еще до временъ историческихъ, впродолженіе которыхъ нѣтъ свидѣтельства объ Ахеяхъ въ Лаконикѣ» (стр. 686, I-го тома, по нѣмецкому переводу Мейснера, или 500 стр. II-го тома англійскаго подлинника). Высказываясь нерѣшительно въ этомъ отношеніи, Гротъ прямо отрицаетъ происхожденіе періэковъ, какъ слѣдствіе первоначальнаго завоеванія Лаконики, и относитъ его ко времени, послѣдовавшему за Ликургомъ, когда Спартанцы стали распространять свое завоеваніе на цѣлую Лаконику. Мнѣніе его не болѣе, какъ догадка

самого Грота, неподтвержденная древними свидѣтельствами и неслужащая ничему объясненіемъ. Съ точки зрѣнія г. Леонтьева она тѣмъ менѣе можетъ быть принята, что противорѣчитъ предложенному имъ объясненію обстоятельствъ, вызвавшихъ узаконенія Ликурга. Объясненіе этихъ обстоятельствъ кажется намъ вполнѣ справедливымъ, а оно не можетъ обойдтись безъ предположенія, что ужь до Ликурга существовалъ классъ періэковъ. Постановленія Ликурга, по этому объясненію, вызваны были опасеніями и желаніемъ Спартанцевъ предотвратить свое сліяніе съ побѣжденными; еслибъ въ то время, какъ предполагаетъ Гротъ, не было класса періэковъ, то Спартанцамъ, конечно, нѣчего было бы опасаться сліянія съ гелотами, положеніе которыхъ для того было слишкомъ-низко.

Опять не высказываясь рѣшительно, Гротъ повидимому склоняется къ тому мнѣнію, что сословіе періэковъ, образовавшееся, по его словамъ, ужь послѣ Ликурга, составилось первоначально изъ бѣднѣйшихъ гражданъ Спарты, которые переселены были въ покоренные города на мѣсто побѣжденнаго и изгнаннаго, или же добровольно-удалившагося за море народонаселенія. Въ этомъ заключается объясненіе и тому, что между періэками было много Дорянъ. Но самый этотъ фактъ и его объясненіе основаны только на свидѣтельствѣ Павзанія, который говоритъ о трехъ городахъ лаконскихъ, населенныхъ періэками, что, при дорійскомъ завоеваніи, они оставлены были прежними своими жителями и получили дорійское народонаселеніе. На основаніи этого свидѣтельства, пожалуй, можетъ быть еще допущенъ выводъ, что и Доряне могли стать періэками, вѣроятно, по своей бѣдности и по избытку народонаселенія самой Спарты, что́ во всякомъ случаѣ, разумѣется, могло быть только исключеніемъ изъ общаго правила. Но чтобъ обѣдненіе гражданъ Спарты и, вслѣдствіе того, невозможность вести національный образъ жизни были причиною первоначальнаго происхожденія сословія періэковъ—съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Дѣйствительно, въ V-мъ вѣкѣ до Р. Х. ужь не было рѣзкаго племеннаго различія между Спартанцами и періэками; несравненно-болѣе различались они между собою воспитаніемъ, образомъ жизни и, должно прибавить, еще тѣмъ, что послѣдніе были гражданами подчиненныхъ Спартѣ городовъ, а первые—го́рода господствующаго. Но самый этотъ порядокъ вещей могъ установиться только, какъ слѣдствіе завоеванія и той его особенности, что завоеватели не разсѣялись по покореннымъ городамъ, а остались всѣ вмѣстѣ въ одной Спартѣ, но отнюдь не какъ слѣдствіе различнаго образа жизни и воспитанія. Что бѣдность и невозможность вести спартанскій національный образъ жизни не дѣлали Спартанцевъ періэками, видно изъ слѣдующаго соображенія: впослѣдствіи нарушилось равенство между Спартанцами и произошли два класса гражданъ—полноправныхъ или «равныхъ» и неполноправныхъ, которые составляли массу народа и не избирались ни въ Сенатъ, ни въ другія высшія должности,

за исключенiемъ эфората, доступнаго даже самымъ бѣднымъ гражданамъ. Происхожденiе этого неравенства удовлетворительно объясняется въ статьѣ г. Леонтьева: неполноправными гражданами, по мнѣнiю Германа и Грота, стали тѣ изъ Спартанцевъ, которые не получили нацiональнаго воспитанiя и не вели спартанскаго образа жизни. Въ этомъ отношенiи неполноправные граждане нисколько не отличались отъ перiэковъ, и однакожь, въ положенiи тѣхъ и другихъ была огромная разница; эта разница очевидно опредѣлилась первоначально не различiемъ воспитанiя и образа жизни, а единственно различiемъ происхожденiя. Люди дорiйскаго происхожденiя, не получивъ спартанскаго воспитанiя и не ведя спартанскаго образа жизни, не переставали быть гражданами, теряли, правда, полноту правъ, но не становились перiэками. Устраняя поэтому предположенiя, къ которымъ склоняется Гротъ, остаемся при слѣдующемъ убѣжденiи: сословiя гелотовъ и перiэковъ произошли въ Спартанской Республикѣ еще при первомъ завоеванiи Лаконики и первоначально заключали въ себѣ покоренныхъ туземцевъ ахейскаго племени; причемъ сельскiе жители обращены были въ гелотовъ, а городскiе—въ перiэковъ. Положенiе тѣхъ и другихъ опредѣлилось тѣмъ, что они принадлежали къ племени побѣжденному, а положенiе перiэковъ еще тѣмъ, что завоеватели остались въ одной Спартѣ и въ ней сосредоточилась вся политическая власть. Впослѣдствiи племенное различiе сгладилось: по покоренiи Мессенцевъ много людей дорiйскаго происхожденiя обращено было въ гелотовъ, и многiе перiэки были также, вѣроятно, дорiйскаго происхожденiя. Впрочемъ, на такое распредѣленiе сословiй никакого влiянiя не имѣло то обстоятельство, что завоеватели были дорiйскаго племени: въ немъ нельзя видѣть ничего исключительно-дорiйскаго или спартанскаго, потому-что почти такiя же сословiя находимъ и въ другихъ странахъ Грецiи, напримѣръ, въ Ѳессалiи. Что́ отличало Спарту отъ всѣхъ другихъ государствъ Грецiи и что́ исключительно ей одной свойственно — это ея нравы и особенная организацiя общественной жизни. Этотъ суровый и строгiй бытъ Спартанцевъ, подчиненный неусыпной военной дисциплинѣ, созданъ былъ Ликургомъ, или, лучше, тѣми мѣстными условiями, въ которыя поставлены были Доряне завоеванiемъ Лаконики. Какъ ужь сказано, эти учрежденiя, относительно нравовъ и образа жизни, должны быть признаны за чисто-спартанскiя, а съ другой стороны въ нихъ выразился во всей своей чистотѣ и силѣ духъ дорiйскаго племени, и Спартанцы основательно считались всегда полнѣйшими его представителями. Высказавъ эту мысль, г. Леонтьевъ, противъ своего обыкновенiя, не развиваетъ ея съ тою точностью и строгою послѣдовательностью, которыя особенно ему свойственны. Вѣрность ея подтверждается самыми обстоятельствами происхожденiя спартанскихъ учрежденiй. Гротъ не касается этого вопроса, за недостаткомъ вполнѣ-достовѣрныхъ извѣстiй объ этомъ времени, и г. Леонтьевъ обращается къ изслѣдованiямъ

Германа. Вотъ выводъ, который мы въ-правѣ сдѣлать изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній: тѣ учрежденія Ликурга, которыя исключительно принадлежатъ одной Спартѣ, были вызваны реакціею дорійскаго начала, которому грозила не только опасность, но даже гибель со стороны окружавшаго его ахейскаго народонаселенія. Вспомнимъ, ка́къ малочисленна была дорійская дружина, прибывшая въ Лаконику, и ка̀къ недалеко простирались первыя ея завоеванія. Не довѣряя силѣ своей, она безъ-сомнѣнія сначала искала сближенія съ покоренными туземцами и уступила имъ важныя права. Цари спартанскіе пошли еще далѣе въ покровительствѣ своемъ періэкамъ: они принимали ихъ въ число гражданъ, чтобъ ограничить права потомковъ завоевателей и тѣмъ усилить собственную власть свою. Ужь вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ Спартанцы могли утратить свои племенныя особенности и свои права завоевателей, а потому въ Спартѣ начались сильныя внутреннія смуты, которыми могло бы воспользоваться и окружное, еще непокоренное народонаселеніе, безъ-сомнѣнія, враждебно-расположенное къ дорійскимъ пришельцамъ. Тогда-то, подъ гнётомъ двоякой опасности, и внутренней и внѣшней, съ необыкновенною силою воспрянулъ дорійскій духъ, продолжавшій жить въ завоевателяхъ Лаконики, и плодомъ его напряженія были учрежденія Ликурга. Этими обстоятельствами объясняется также и успѣшное ихъ введеніе. Двоякая цѣль была ими указана законодателю: 1) предотвратить сліяніе Дорянъ съ Ахейцами, поставивъ ихъ навсегда въ-отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ, и 2) сдѣлать первыхъ способными къ завоеванію всей лаконской области. Обѣ цѣли были вполнѣ достигнуты Ликургомъ: образъ жизни, имъ установленный, былъ военный, лагерный, а не гражданскій; за Спартанцами навсегда удержано имъ было устройство дружины: они составили одно военное братство, одну сплошную массу, въ которой общее единство поглощало все индивидуальное. Къ этой цѣли приноровлено было воспитаніе и образъ жизни Спартанцевъ. «Всю свою жизнь, съ семилѣтняго возраста, Спартанецъ находился подъ надзоромъ своихъ начальниковъ и согражданъ, стѣсненный строгимъ соблюденіемъ полувоенныхъ, полуаскетическихъ правилъ національнаго о́браза жизни, не зная самостоятельности домашняго хозяйства, тайкомъ посѣщая свою жену въ первые годы послѣ бракосочетанія и почти не видя дѣтей. День проводилъ онъ въ публичныхъ упражненіяхъ или за публичнымъ столомъ, ночь—въ общественной будкѣ, къ которой принадлежалъ» (Проп. стр. 67). Словомъ, онъ велъ жизнь лагерную, какъ-будто со всѣхъ сторонъ окруженный врагами. Ликургъ былъ болѣе военнымъ воспитателемъ, нежели законодателемъ своего народа. Нетрудно опредѣлить, какимъ образомъ содѣйствовали предположенной имъ цѣли два наиболѣе-извѣстныя его учрежденія: общественные столы (сисситіи) и періодически-повторявшееся изгнаніе иностранныхъ гостей. Совершенное разобщеніе со всѣмъ внѣшнимъ, безъ-сомнѣнія, должно было упрочить внутреннее един-

ство спартанскаго военнаго братства и устранить всякую возможность розни. Той же цѣли и еще въ бо́льшей мѣрѣ достигали общественные столы: они содѣйствовали сближенію гражданъ, устраняли всякое различіе въ образѣ жизни, обобщали употребленіе имуществъ и дѣлали безплоднымъ пріобрѣтеніе богатства. По мысли Ликурга, это было одно изъ важнѣйшихъ учрежденій: кто, по бѣдности, не имѣлъ возможности вносить опредѣленнаго количества съѣстныхъ припасовъ и такимъ образомъ переставалъ быть членомъ одного изъ застольныхъ обществъ, на которыя раздѣлялись Спартанцы, тотъ терялъ важнѣйшую часть своихъ гражданскихъ правъ. Вопреки мнѣнію Грота, учрежденіе это не было создано вновь Ликургомъ, а только имъ возстановлено, потому-что сисситіи были въ употребленіи и въ другихъ, дорійскихъ и недорійскихъ, странахъ Греціи — въ Критѣ, Мегарѣ, Коринѳѣ и даже въ Аркадіи.

Ужь сколько вѣковъ неизмѣнно повторяется со словъ Плутарха всѣмъ извѣстный разсказъ о томъ, что Ликургъ раздѣлилъ область Спарты на 9000 большихъ участковъ, по одному на каждаго Спартанца, а остальную область Лаконики на 30,0000 меньшихъ участковъ, которые отдалъ періэкамъ. Видя невозможность раздѣлить также поравну и движимую собственность, онъ ограничился изгнаніемъ золотой и серебряной монеты и введеніемъ желѣзныхъ денегъ. И что же? Послѣ остроумныхъ разъисканій Грота, переданныхъ г. Леонтьевымъ, оказывается, что весь этотъ разсказъ принадлежитъ къ числу историческихъ вымысловъ. Вопервыхъ, замѣчаетъ Гротъ, золотая и серебряная монета не могла быть изгнана изъ Спарты Ликургомъ по той очень-уважительной причинѣ, что первый въ цѣлой Греціи началъ ее чеканить Фидонъ, по-крайней-мѣрѣ около ста лѣтъ жившій послѣ Ликурга. Далѣе: число участковъ, означенное у Плутарха, предполагаетъ, будтобы при самомъ введеніи ликурговыхъ постановленій вся Лаконика была ужь въ рукахъ Спартанцевъ, а такое предположеніе противорѣчитъ самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ. Это замѣчаніе касается, правда, второстепеннаго пункта—числа участковъ; главный же вопросъ въ томъ: было ли установлено Ликургомъ равенство поземельной собственности? Но и этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Еслибъ это равенство было установлено Ликургомъ, то, безъ-сомнѣнія, онъ принялъ бы и мѣры къ его охраненію; на самомъ же дѣлѣ въ Спартѣ не оказывается такихъ законовъ, охраняющихъ равенство поземельной собственности; и еще задолго до конца пелопонесской войны упоминаются въ ней богатые и бѣдные, а богатство Спартанцевъ могло состоять только въ поземельномъ владѣніи, потому-что всѣ промыслы были имъ запрещены. Далѣе: никто изъ древнѣйшихъ и основательнѣйшихъ писателей, говоря о Ликургѣ, не упоминаетъ объ этой мѣрѣ, которая была бы труднѣйшею и важнѣйшею изъ всѣхъ, имъ принятыхъ. Первыя извѣстія о томъ встрѣчаются ужь у Полибія и Плутарха. Отвергая на этихъ основаніяхъ извѣстіе

Плутарха, Гротъ указываетъ и на самый его источникъ. По его мнѣнію, оно произошло впервые въ половинѣ III вѣка до Р. Х., подъ вліяніемъ тѣхъ чувствъ и мечтаній, которыя овладѣли спартанскимъ царемъ Агисомъ III и его современниками. Спарта находилась тогда въ состояніи униженія; число ея гражданъ низошло съ 8000 до 700, изъ которыхъ только 100 человѣкъ владѣли землею. Чтобъ возстановить прежнее ея могущество, Агисъ не находилъ другаго средства, какъ раздѣлить всю землю на равные участки и снабдить ими бѣднѣйшихъ гражданъ. И вотъ, увлеченные этимъ планомъ, къ исполненію котораго удалось Агису убѣдить и Сенатъ и народъ, увлеченные благоговѣніемъ къ Ликургу, Агисъ и его современники невольно приписали ему, какъ первому виновнику спартанскаго могущества, ту мѣру, которою сами думали возстановить его. Всѣ эти доводы убѣждаютъ въ томъ, что экономическія мѣры Ликурга касались не распредѣленія имущества между гражданами, а только употребленія, какое можетъ быть изъ него сдѣлано. «Онъ не пытался сдѣлать бѣдныхъ богатыми или богатыхъ бѣдными, но наложилъ на тѣхъ и на другихъ обязанность употреблять одинаковую пищу, носить одинаковое одѣяніе и равно переносить всѣ возможные труды и лишенія» (Проп. стр. 81). Эти труды и лишенія вознаграждены были тѣмъ, что Спартанцы не только удержали за собою свое завоеваніе, но и распространили его на всю Лаконику. Тотчасъ же послѣ Ликурга начался цѣлый рядъ завоеваній, неослабно-продолжавшійся въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій. Важнѣйшимъ было завоеваніе Мессеніи. «Ко времени персидскихъ войнъ (прибавляетъ въ заключеніе г. Леонтьевъ на стр. 85) Спарта была ужь не только самымъ большимъ и многолюднымъ изъ греческихъ государствъ, но и самымъ централизованнымъ. Ни одно государство не могло и подумать о томъ, чтобъ съ нею равняться; и когда ходъ событій привелъ съ собою вопросъ о первенствѣ, никто въ Греціи не могъ его оспоривать у Спарты... Въ эпоху персидскихъ войнъ она выступаетъ какъ предводительница цѣлой Греціи».

Ограничившись вопросами объ отношеніи ликурговыхъ постановленій къ быту дорійскому и происхожденіи сословій въ Спартѣ, сколько интересныхъ подробностей не передали мы своимъ читателямъ о спартанскихъ царяхъ, эфорахъ, Сенатѣ, о положеніи періэковъ и гелотовъ, о самомъ воспитаніи Спартанцевъ! Всѣ эти подробности чрезвычайно-занимательно изложены г. Леонтьевымъ, къ статьѣ котораго и слѣдуетъ обратиться любознательнымъ читателямъ. Переходимъ къ исторіи Аѳинъ.

Оставляя на-время въ сторонѣ сочиненіе Грота, г. Леонтьевъ посвящаетъ все свое вниманіе вопросу о филахъ (колѣнахъ), фратріяхъ (соединеніи родовъ) и родахъ, на которые дѣлились Аѳиняне. Этотъ вопросъ имѣетъ чрезвычайную важность для внутренней аѳинской исторіи. Съ одной стороны, древнѣйшіе и знаменитѣйшіе роды аѳинскіе служатъ подтвержденіемъ высказаннаго

еще г. Катковымъ мнѣнія о томъ, что нигдѣ въ Греціи прошедшее не имѣло такой силы и не сохранялась такъ долго и такъ упорно, какъ въ Аѳинахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти роды до позднѣйшаго времени хранили древнѣйшіе обычаи и религіозные обряды, ведущіе начало свое, можетъ-быть, еще отъ Пеласговъ. Одни изъ нихъ состояли въ связи съ поклоненіемъ Деметрѣ и Персефонѣ, другіе въ связи съ служеніемъ Аѳинѣ, наконецъ нѣкоторые твердо сохраняли религіозныя представленія, отъ которыхъ главная масса аѳинскаго народа давно ужь отрѣшилась, или же, не имѣя жреческаго значенія, оставались въ эпоху полнаго господства демократіи вѣрны началу, которое вполнѣ развилось и утвердилось на востокѣ : они именно сохраняли свои наслѣдственныя занятія, напримѣръ родъ Дедалидовъ-ваятелей, къ которому принадлежалъ Сократъ. «Аѳинскій народъ (прибавляетъ г. Леонтьевъ) отличался подвижностью; но движеніе происходило здѣсь на почвѣ болѣе-твердой, нежели въ другихъ странахъ Греціи». Это постоянное вліяніе прошедшаго на дальнѣйшее развитіе аѳинскаго народа объясняется отчасти тѣмъ, что Аттика осталась свободною отъ переворотовъ, отрывающихъ исторію отъ ея корня. Г. Леонтьевъ, по поводу другаго вопроса, несомнѣнно доказалъ, что Аттика не подвергалась завоеванію въ древнѣйшее доисторическое время. Вскорѣ представится намъ случай познакомиться съ его доводами.

Съ другой стороны, аѳинскіе роды, фратріи и филы могутъ быть разсматриваемы, какъ союзы политическіе съ религіознымъ характеромъ. Эти филы и роды не имѣли ничего общаго съ узами кровнаго родства; они произошли вслѣдствіе произвольнаго желанія лицъ жить и дѣйствовать вмѣстѣ, и, будучи такимъ-образомъ учрежденіями политическими, составились, однакожь, по образцу естественныхъ родовъ и колѣнъ, потому-что въ то древнѣйшее время еще неизвѣстно было никакой другой формы соединенія людей, кромѣ родовой. Этимъ искусственнымъ образованіемъ объясняется, по мнѣнію г. Леонтьева, круглое число родовъ, фратрій и колѣнъ. Такъ Аѳиняне дѣлились на 4 филы; въ каждой было 12 фратрій и въ каждой фратріи по 30 родовъ. Намъ кажется, что искусственное образованіе аѳинскихъ и римскихъ родовъ еще не объясняетъ круглаго числа ихъ, если принять, вмѣстѣ съ г. Леонтьевымъ, что они составились сами-собою. Другое дѣло, еслибъ такое раздѣленіе народа вело свое начало отъ законодателя и устроителя общества. Не останавливаясь на этомъ второстепенномъ пунктѣ, обращаемся къ вопросу наибольшей важности: о составѣ іонійскихъ филъ въ Аѳинахъ. Это коренной вопросъ для всей первоначальной и послѣдующей исторіи аѳинской: онъ въ связи съ вопросами о происхожденіи аѳинскаго народа и о томъ, было ли іонійское народонаселеніе Аттики искони туземнымъ, или же утвердилось въ ней завоеваніемъ? Отъ его рѣшенія зависитъ пониманіе законодательства Солона, а также и правильная оцѣнка мѣръ, принятыхъ Клисѳеномъ. Г. Леонтьевъ подробно и самостоятельно разсмот-

рѣлъ этотъ сложный вопросъ по всѣмъ правиламъ современной исторической критики, и пришелъ къ заключеніямъ, на которыхъ можетъ успокоиться наука, несмотря на то, что онѣ состоятъ въ противорѣчіи съ мнѣніями Нибура и Отф. Мюллера. Нибуръ утверждалъ, что іонійскія филы въ Аѳинахъ заключали въ себѣ только тамошнихъ патриціевъ, или эвпатридовъ, и что все прочее народонаселеніе стояло внѣ филъ, какъ плебеи въ Римѣ. Кромѣ аналогіи съ Римомъ, вся вѣроятность этого мнѣнія основывается еще лишь на одномъ предположеніи, что Аттика, первоначально населенная Пеласгами, была потомъ завоевана Іонянами, потому-что раздѣленіе народа на такія двѣ части, изъ которыхъ одна состоитъ изъ родовыхъ филъ, другая же вовсе не принадлежитъ къ нимъ, возможно только въ государствѣ, происшедшемъ или наподобіе римскаго, или же составившемся, вслѣдствіе завоеванія, изъ двухъ различныхъ племенъ. Нибуръ предполагаетъ послѣднее и говоритъ, что аѳинскіе эвпатриды были потомки іонійскихъ завоевателей Аттики, а все прочее народонаселеніе принадлежало къ покоренному племени пеласгическому. Теперь, при болѣе-глубокомъ и вѣрномъ воззрѣніи на племена греческія вообще и на іонійское въ-особенности, это мнѣніе никакъ не можетъ быть принято. Такое воззрѣніе на племена еще недавно выработано наукою и не было извѣстно Нибуру; у насъ оно ужь нѣсколько разъ было высказано гг. Леонтьевымъ (см. «О Поклоненіи Зевсу», стр. 198 и сл.) и Катковымъ («Очерки древнѣйшей греческой философіи», стр. 12 и сл.). И въ настоящемъ случаѣ оно привело г. Леонтьева къ несомнѣнно-вѣрному рѣшенію вопроса о составѣ родовыхъ аѳинскихъ филъ. Взвѣсивъ напередъ всѣ свидѣтельства древнихъ и всѣ соображенія, приводимыя Нибуромъ и Отф. Мюллеромъ въ пользу ихъ мнѣнія, нашъ авторъ такъ опредѣляетъ значеніе іонійскаго племени и отношеніе его къ другимъ племенамъ греческимъ: іонійское племя было не только древнѣйшимъ изъ всѣхъ племенъ эллинскихъ, но, не различаясь отъ Пеласговъ, составляло общую, пеласгическую основу, на которой возникли другія племена греческія. Говоря иначе, Іоняне были Пеласги, и изъ іонійскаго племени, съ теченіемъ времени, выдѣлились всѣ другія племена; и тогда-какъ послѣднія (напр. Доряне) навсегда остановились на однажды уже достигнутой степени развитія, іонійское племя продолжало развиваться, а плодомъ этого дальнѣйшаго развитія было не только перерожденіе Іонянъ изъ Пеласговъ въ Гелленовъ, но и явленіе въ исторіи—Аѳинъ, истиннаго средоточія греческаго міра. Ясно, что, послѣ такого пониманія іонійскаго племени, не можетъ быть и рѣчи о завоеваніи Аттики Іонянами и о покореніи ими Пеласговъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все мнѣніе Нибура о филахъ оказывается несостоятельнымъ. Изъ положенія, что Іоняне были Пеласги, и изъ всего, что̀ сказано выше, истекаютъ слѣдующія заключенія, что родовыя филы аѳинскія должны быть признаны за первоначальное раздѣленіе іонійскаго или пеласгическаго населенія Аттики; что эвпатриды не

были потомками завоевателей, а принадлежали къ одному и тому же племени съ другими сословіями аѳинскаго народа: съ геоморами (землевладѣльцами) и деміургами (ремесленниками), а стало-быть, и филы іонійскія, вопреки мнѣнію Нибура, заключали въ себѣ не однихъ эвпатридовъ, а вмѣстѣ съ ними и геоморовъ, и деміурговъ. Что жь касается до вопроса о происхожденіи знатныхъ и незнатныхъ родовъ, оно можетъ быть объяснено помимо всякаго завоеванія естественнымъ неравенствомъ нравственныхъ и физическихъ силъ различныхъ родовъ.

Это воззрѣніе г. Леонтьева на составъ іонійскихъ филъ подтверждается послѣдующими событіями: такъ оно служитъ лучшимъ объясненіемъ государственному устройству, введенному въ Аѳинахъ Солономъ, тогда-какъ мнѣніе Нибура противорѣчитъ цѣли, которую долженъ былъ предположить себѣ аѳинскій законодатель. До Солона, вся власть исключительно принадлежала однимъ эвпатридамъ : они одни избирались въ архонты и, по истеченіи служебнаго года, становились членами Ареопага. Злоупотребленія эвпатридовъ довели до крайности государство. Солону надлежало отнять у нихъ исключительное право на высшую власть и вообще устранить, или по-крайней-мѣрѣ ограничить возможность злоупотребленій. Первой цѣли достигъ онъ раздѣленіемъ народа на 4 класса по доходу, какой получалъ каждый съ своей земли. Съ доходомъ каждаго класса соразмѣрилъ онъ налоги и обязанности, которые должны были нести граждане различныхъ классовъ, а также и права, которыми они пользовались. Такъ богатѣйшіе граждане, принадлежавшіе къ первому классу, обложены были болѣе-тяжелою податью; но зато, безъ всякаго вниманія къ сословіямъ, къ которымъ они прежде принадлежали, всѣмъ имъ открытъ былъ доступъ къ высшимъ санамъ архонта и ареопагита, которые прежде составляли принадлежность однихъ эвпатридовъ. Этимъ новымъ раздѣленіемъ народа по началу ценза онъ смѣшалъ между собою и, можно сказать, уничтожилъ старыя сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличилъ число лицъ, которыя могли стать архонтами и членами Ареопага. Мнѣніе Нибура, будто бы Солонъ раздѣлилъ на классы однихъ эвпатридовъ и, слѣдовательно, только богатѣйшимъ изъ нихъ предоставилъ высшіе саны, очевидно противорѣчитъ самой цѣли, которую могъ имѣть въ виду Солонъ. Согласно съ этимъ мнѣніемъ, мѣры его только усилили бы и безъ того необузданную олигархію, сосредоточивъ всю власть въ рукахъ еще меньшаго числа лицъ, чѣмъ прежде.

Пресбразованія Солона отличались вообще справедливостью, обдуманностью и большою умѣренностью. Власть архонтовъ оставлена имъ была въ прежней силѣ; значеніе Ареопага еще болѣе прежняго увеличено; слѣдовательно, старыя основы государственнаго устройства укрѣплены; но въ то же время эти старыя власти, доступныя весьма-немногимъ, уравновѣшены тѣмъ, что уве-

личено значеніе общественнаго собранія, къ которому допущены были граждане всѣхъ четырехъ классовъ. Этому собранію подчинилъ онъ выборъ архонтовъ; ему же обязаны они были давать отчетъ въ своемъ управленіи и ужь тогда только могли вступать въ Ареопагъ. Съ этою же цѣлью учрежденъ имъ былъ новый совѣтъ, или дума изъ 400 членовъ, которая имѣла важное значеніе. Существенный вопросъ состоитъ въ томъ, по какой формѣ происходило общественное собраніе? собирались ли граждане по старымъ іонійскимъ филамъ, которыя оставлены были Солономъ безъ всякаго измѣненія, или же по вновь-устроеннымъ классамъ? Этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, основательно рѣшенъ г. Леонтьевымъ въ пользу перваго предположенія. Мнѣніе его основывается 1) на томъ, что солоновы классы, которыми опредѣлялась мѣра гражданскихъ правъ, а также и обязанностей, не получили отъ него нужной организаціи, не имѣли никакихъ подраздѣленій, необходимыхъ длятого, чтобъ служить основаніемъ общественному собранію; 2) нѣтъ ни одного извѣстія, чтобъ въ Аѳинахъ когда-либо собирались граждане и подавали голоса по классамъ, а не по филамъ. Стало-быть, вопреки мнѣнію Грота, люди, небывшіе членами филъ или филетами, не могли принимать участія въ собраніи; точно также не могли они быть и членами учрежденнаго Солономъ совѣта, который, по словамъ Плутарха, состоялъ изъ 400 человѣкъ, по сту изъ каждой филы — значитъ, кто не принадлежалъ къ іонійскимъ филамъ, тотъ былъ устраненъ отъ всякой политической дѣятельности. По мнѣнію г. Леонтьева, такому исключенію подверглись только позднѣйшіе переселенцы въ Аттику—метеки, такъ-какъ все остальное, туземное народонаселеніе было распредѣлено по филамъ. Но, по Нибуру, только одни эвпатриды принадлежали къ филамъ: выходитъ, будто-бы для нихъ однихъ увеличилъ Солонъ значеніе помянутаго собранія; для нихъ также учредилъ и Совѣтъ Четырехсотъ, что̀ очевидно противорѣчитъ цѣли, имъ предположенной, и еще болѣе доказываетъ несостоятельность нибурова мнѣнія о составѣ аѳинскихъ филъ. Итакъ, если полнота гражданскихъ правъ зависѣла, по законамъ Солона, отъ обладанія значительнымъ участкомъ земли, то участіе въ общественномъ собраніи и доступъ къ новой думѣ неразрывно связаны были съ званіемъ филета. Іонійскія родовыя филы пріобрѣли такимъ-образомъ высокое политическое значеніе, какого не имѣли прежде Солона.

Дальнѣйшій ходъ исторіи долженъ былъ обнаружить новыя потребности государства, и чрезъ 80 лѣтъ послѣ Солона новый законодатель аѳинскій, Клисѳенъ, счелъ за должное замѣнить старое раздѣленіе народа на 4 родовыя филы новымъ—на 10 филъ мѣстныхъ. Эти филы подраздѣлялись еще на демы; и замѣчательно, что демы одной и той же филы не лежали рядомъ, а были разбросаны по разнымъ мѣстамъ: такъ Аѳины раздѣлялись на пять демовъ, отнесенныхъ къ разнымъ пяти филамъ. Это указываетъ на побужденія, которыми руководился Клисѳенъ при новомъ раз-

дѣленіи народа. Ясно, что онъ имѣлъ въ виду предотвратить возможность мѣстныхъ партій, основанныхъ на сосѣдствѣ. Эти мѣстныя партіи, подъ именемъ педіэевъ (обитателей полей), паралієвъ (обитателей приморскаго берега) и діакріевъ (горной страны) существовали еще до Солона, мутили своими раздорами государство и послѣ него; въ послѣдній разъ борьбою ихъ воспользовался для своего возвышенія Пизистратъ. Но послѣ мѣръ, принятыхъ Клисѳеномъ, онѣ навсегда исчезаютъ въ Аѳинахъ. Вводя новое раздѣленіе народа, Клисѳенъ хотѣлъ еще устранить вліяніе частныхъ интересовъ и преданій, которыя ужь успѣли укорениться въ старыхъ филахъ. Наконецъ, съ помощью новыхъ филъ, Клисѳенъ привелъ въ исполненіе одну изъ важнѣйшихъ мѣръ своихъ: онъ ввелъ въ нихъ тѣхъ обитателей государства, которые, не будучи филетами, вовсе лишены были правъ гражданства. Это были рабы-метеки и иностранцы-метеки, которыхъ, по словамъ Аристотеля, Клисѳенъ ввелъ въ учрежденныя имъ филы.

Этой мѣрѣ Клисѳена г. Куторга посвятилъ особое разсужденіе, также напечатанное въ 3-мъ томѣ «Пропилеевъ», въ первомъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ: *Критическія разысканія о законодательствѣ Алкмэонида Клисѳена. Разсужденіе первое о дарованіи гражданскаго званія метекамъ*. Все это разсужденіе написано въ объясненіе вышеприведенныхъ словъ Аристотеля. Напередъ г. Куторга устранилъ предложенныя учеными исправленія самого текста греческаго философа, справедливо замѣтивъ противъ нихъ, что текстъ этотъ требуетъ не исправленія, а только новаго и лучшаго толкованія. Затѣмъ автору оставалось объяснить значеніе словъ : «ввелъ въ филы», потомъ словъ : «рабы-метеки», и «иностранцы-метеки», и наконецъ показать значеніе самой этой мѣры въ цѣломъ развитіи Аѳинскаго Государства. Относительно перваго пункта, г. Куторга совершенно справедливо говоритъ, что ввести въ филы и даровать право гражданства означаетъ одно и то же, прибавляя къ тому, что званіе гражданина неразрывно связано въ Аѳинахъ съ званіемъ филета — мнѣніе, къ которому инымъ путемъ пришелъ и г. Леонтьевъ. Такъ-какъ это мнѣніе высказано ученымъ авторомъ безъ всякаго ограниченія, то мы въ-правѣ отнести его не къ однимъ мѣстнымъ филамъ, которыя учреждены были Клисѳеномъ, но и къ родовымъ іонійскимъ, и вывести заключеніе, что до Клисѳена надлежало быть членомъ послѣднихъ для того, чтобъ пользоваться гражданскими правами. Но, по мнѣнію г. Куторги, высказанному въ этомъ же разсужденіи (см. примѣч. на стр. 154), іонійскія филы заключали въ себѣ однихъ эвпатридовъ; а въ заключеніе своего изслѣдованія онъ говоритъ, что «по законамъ Солона стали гражданами геоморы, владѣвшіе собственными, независимыми участками земли». Геоморы, по его мнѣнію, не были филетами, и нѣтъ ни одного извѣстія, чтобъ Солонъ ввелъ ихъ въ филы. Стало-быть, можно было

пользоваться правами гражданства и не Филетамъ, и званіе гражданина такимъ-образомъ не было бы неразрывно связано съ званіемъ Филета, какъ утверждаетъ самъ же г. Куторга при разборѣ словъ Аристотеля. Такимъ-образомъ г. Куторга впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, потому-что раздѣляетъ мнѣніе Нибура объ іонійскихъ Филахъ, и это притиворѣчіе показываетъ уже, какъ трудно согласить мнѣніе Нибура съ несомнѣнными заключеніями, къ которымъ приводятъ свидѣтельства древнихъ.

Подъ именемъ метѐковъ-рабовъ г. Куторга разумѣетъ тѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые, вслѣдствіе бѣдности, утратили свой участокъ земли и отдались подъ защиту и покровительство другаго лица, живутъ на его землѣ и обработываютъ его поля, а потому и обязаны исполнять, относительно его, нѣкоторыя повинности; словомъ, онъ приравниваетъ ихъ къ колонамъ послѣднихъ временъ Римской Имперіи. Такое объясненіе, хотя и основанное только на аналогіи съ римскими колонами и съ средневѣковыми поселянами, едва-ли не единственно-возможное въ этомъ случаѣ. Но съ этимъ объясненіемъ г. Куторга связываетъ мнѣніе о первоначальномъ происхожденіи вообще цѣлаго класса метѐковъ, и, вопреки всѣмъ древнимъ и новымъ толкователямъ, говоритъ, что первоначально этотъ классъ людей образовался и состоялъ не изъ иностранцевъ, навсегда-переселившихся въ Аѳины, а именно изъ такихъ туземцевъ, которые утратили свой участокъ земли, а вмѣстѣ съ нимъ и личную независимость. Въ пользу этого мнѣнія приводитъ онъ, вопервыхъ, будто-бы у лучшихъ греческихъ писателей иностранцы очень-часто противополагаются метѐкамъ. Но изъ приведенныхъ г. Куторгою подлинныхъ словъ греческихъ писателей не видно этого противоположенія, а видно только, что оба рѣченія различались между собою. Да и въ-самомъ-дѣлѣ нельзя не замѣтить различія между ними: метѐки были иностранцы, навсегда-поселившіеся въ Аѳинахъ и составившіе особый классъ людей въ государствѣ съ опредѣленными правами и обязанностями, тогда-какъ иностранцы только пріѣзжали въ Аѳины на короткое время, не переставая быть гражданами роднаго своего города. Вовторыхъ, г. Куторга ссылается на слова Исократа, приведенныя имъ и въ подлинникѣ и въ переводѣ (на стр. 177 и 8). «Слова эти (говоритъ авторъ) показываютъ, что метѐками назывались тѣ изъ Аѳинянъ, которые были соотечественниками гражданъ». Смѣемъ думать, что г. Куторга невѣрно передалъ смыслъ словъ Исократа и что свидѣтельство аѳинскаго оратора скорѣе можетъ быть приведено противъ, нежели въ пользу его мнѣнія. Исократъ говоритъ въ похвалу Аѳинянамъ: «они считали ужаснымъ, чтобъ, имѣя общую родину, одни присвоили себѣ всю власть, другіе же стали метѐками и, по природѣ будучи гражданами, закономъ лишены были гражданства». Изъ этого точнаго перевода словъ Исократа можно ли вывести то слѣдствіе, которое выводитъ г.

Куторга? Не выходитъ ли напротивъ, что, по мнѣнію Аѳинянъ, метѐками не должны были и не могли быть соотечественники гражданъ (какъ нѣчто подобное тому было въ Спартѣ), потому-что это казалось имъ ужасною несправедливостью, а могли ими быть только иностранцы, поселившіеся въ ихъ области? Всякій согласится, что наше толкованіе несравненно-ближе къ подлиннику, чѣмъ предложенное г. Куторгою. Итакъ, мнѣніе его о первоначальномъ образованіи цѣлаго класса метѐковъ, какъ неподтвержденное достаточными доказательствами, не можетъ быть принято, и мы должны довольствоваться тѣмъ объясненіемъ, которое предлагаютъ всѣ древніе и новые толкователи, дополнивъ его тѣмъ, что̀ сказано г. Куторгою объ однихъ рабахъ-метѐкахъ. Итакъ, метѐками первоначально назывались иностранцы, которые, поселившись навсегда въ Аттикѣ, не пользовались, однакожь, правами гражданства, не имѣли права владѣть землею, находились въ зависимости отъ цѣлаго государства и, въ нѣкоторой степени, также отъ частныхъ лицъ, потому-что для дѣлъ судебныхъ обязаны были избирать себѣ защитника изъ гражданъ (προστάτης). Впослѣдствіи къ нимъ присоединились и назвались ихъ именемъ, по сходству въ правахъ и положеніи, туземцы, утратившіе свою землю и обработывавшіе чужія поля; но такъ-какъ они утрачивали съ тѣмъ вмѣстѣ и личную независимость, то, въ отличіе ихъ отъ иностранцевъ-метѐковъ, назывались рабами-метѐками. И тѣмъ и другимъ Клисѳенъ даровалъ права гражданства, и съ-тѣхъ-поръ навсегда прекратилось существованіе класса рабовъ-метѐковъ. Продолжалъ существовать только классъ иностранцевъ-метѐковъ, составившійся изъ прибывшихъ вновь переселенцевъ.

Что касается до историческаго значенія этой мѣры, то г. Куторга такъ его опредѣляетъ: «До Клисѳена званіе гражданина соединено было съ владѣніемъ поземельной собственности... Такое соединеніе составляло главное начало, на которомъ утверждалась тогда Аѳинская Республика... Клисѳенъ же потрясъ республику въ самомъ основаніи, нарушилъ прежнія государственныя начала и внесъ новыя, до того вовсе-непринятыя... Другими словами: онъ уничтожилъ правило, по которому званіе гражданина соединено было неразрывными узами съ владѣніемъ землею» (см. § 3, разсужденія, стр. 153 и 152), такъ-какъ, прибавимъ отъ себя, онъ даровалъ гражданство метѐкамъ, которые, по закону, не могли владѣть землею. Позволимъ себѣ усомниться, что таково было значеніе этой мѣры Клисѳена. По законамъ Солона, лица, имѣвшія менѣе 200 драхмъ поземельнаго дохода и даже вовсе-неимѣвшія никакой недвижимой собственности, какъ и прочіе деміурги (ремесленники), если они принадлежали къ іонійскимъ филамъ, не были вовсе исключены изъ числа гражданъ: приписанные Солономъ къ четвертому, низшему классу ѳетовъ,

они принимали участіе въ народномъ собраніи и, слѣдовательно, были гражданами, хотя и неполноправными. На этомъ основаніи слѣдуетъ такъ измѣнить выводъ г. Куторги: не званіе гражданина вообще, а только полнота гражданскихъ правъ зависѣла по законамъ Солона отъ обладанія—не вообще землею, а именно такимъ участкомъ земли, который могъ дать по-крайней-мѣрѣ 500 драхмъ ежегоднаго дохода, потому-что только владѣльцамъ такихъ участковъ открытъ былъ доступъ къ высшимъ санамъ архонта и ареопагита. Этихъ узаконеній нисколько не коснулся и Клисѳенъ, и метѐки, какъ невладѣвшіе землею, если не пріобрѣли ея по вступленіи своемъ въ филы, поступали, конечно, въ число неполноправныхъ гражданъ, ѳетовъ. Не приводимъ противъ г. Куторги мнѣнія г. Леонтьева, который повидимому предполагаетъ, что метѐки могли быть землевладѣльцами (см. Проп. III кн., 2 отд., стр. 148, и 140 въ примѣч.), потому-что не видимъ, на чемъ оно основано. Слѣдовательно, Клисѳенъ нисколько не нарушилъ прежнихъ государственныхъ началъ, по которымъ полнота правъ гражданскихъ соединена была съ обладаніемъ извѣстнымъ количествомъ земли. Значеніе, которое приписываетъ г. Куторга Клисѳену, скорѣе принадлежитъ Аристиду, по предложенію котораго и ѳеты стали полноправными гражданами. Что жь касается до мнѣнія автора «Разысканій», будто до самого Аристида ѳеты не участвовали въ народномъ собраніи и, слѣдовательно, вовсе не были гражданами, то оно не имѣетъ никакой силы, потому-что неизвѣстно, на чемъ основано.

Сверхъ-того, въ «разсужденіи» г. Куторги, находимъ теорію завоеванія Аттики Іонянами со всѣми ея послѣдствіями—теорію, ужь достаточно-опровергнутую г. Леонтьевымъ, и еще довольно-обширное и само-по-себѣ очень-занимательное изслѣдованіе о значеніи и происхожденіи частнаго поземельнаго владѣнія вообще, какъ у Грековъ, такъ и у Германцевъ; не распространяемся о немъ, потому-что оно мало относится къ настоящему предмету «разсужденія».

Въ заключеніе сообразимъ все сказанное о постепенномъ внутреннемъ развитіи Аѳинскаго Государства. До Солона свободное народонаселеніе Аѳинской Республики состояло изъ двухъ классовъ: филетовъ и метѐковъ; первые раздѣлялись на сословія: эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ, но политическими правами исключительно пользовались одни эвпатриды. Солонъ уничтожилъ эту исключительность, смѣшавъ старыя сословія въ новыхъ, учрежденныхъ имъ классахъ; послѣ того всѣ филеты пользовались гражданскими правами, къ какому бы сословію они прежде ни принадлежали; но пользовались ими не всѣ въ равной мѣрѣ, а смотря по классу, къ которому отнесены были по своему имуществу. Метѐки же, рабы и иностранцы, были попрежнему вовсе лишены гражданства. Клисѳенъ и ихъ ввелъ въ число граж-

данъ; Аристидъ же уничтожилъ и тѣ различія въ правахъ, которыя существовали между гражданами по законамъ Солона и основаны были на неравенствѣ поземельнаго владѣнія: всѣ граждане, не исключая ѳетовъ и деміурговъ, стали полноправными и равными между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранено было политическое значеніе начала ценза, выведеннаго Солономъ; за нимъ осталось лишь значеніе финансовое и административное.

Обращаясь снова къ статьѣ г. Леонтьева, мы должны сказать, что въ ней подробно разсмотрѣны всѣ стороны и всѣ явленія исторіи Аѳинъ въ періодъ, предшествующій персидскимъ войнамъ. Благодаря изслѣдованіямъ Грота, многое является въ новомъ свѣтѣ и получаетъ другое значеніе, напримѣръ, законодательство Дракона и судъ остракизма, введенный Клисѳеномъ. Финансовыя мѣры Солона также изложены необыкновенно-ясно и занимательно. Читатель, конечно, обратится къ самой статьѣ г. Леонтьева и будетъ вполнѣ вознагражденъ за свой трудъ. Нельзя не порадоваться намѣренію автора: разсматривая сочиненіе Грота, мало-по-малу изложить всю исторію Греціи. Ученая наша литература обогатится тогда трудомъ весьма-замѣчательнымъ и капитальнымъ.

Статья Т. Н. Грановскаго посвящена *Чтеніямъ Нибура о древней исторіи.* Историческія и филологическія лекціи, читанныя Нибуромъ въ Боннскомъ Университетѣ, долгое время оставались достояніемъ однихъ его слушателей; теперь по запискамъ этихъ слушателей ужь составлены и изданы въ свѣтъ его сыномъ почти всѣ историческіе его курсы. Въ статьѣ своей г. Грановскій обозрѣлъ первые два тома «Чтеній о Древней Исторіи», которые содержатъ въ себѣ исторію Востока и исторію Греціи до конца пелопонесской войны. Она вполнѣ знакомитъ съ манерою Нибура, какъ «превосходнаго повѣствователя, какъ мужа живаго, увлекательнаго слова», и съ воззрѣніями его на всѣ главнѣйшія явленія и значительнѣйшія дѣйствующія лица греческой исторіи, а отчасти также и исторіи Востока. Какъ всѣ произведенія г. Грановскаго, эта статья отличается не одною занимательностью содержанія и вѣрностью мыслей, но и необыкновенно-увлекательнымъ, художественнымъ изложеніемъ. Вотъ почему все, что ни было имъ писано, можетъ быть прочитано нѣсколько разъ, и всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ. Въ слѣдующей своей статьѣ онъ обѣщаетъ читателямъ «Пропилеевъ» обозрѣть остальныя лекціи Нибура, посвященныя печальнымъ, но поучительнымъ временамъ упадка греческой жизни.

Переходимъ къ міру римскому. Изъ статей, посвященныхъ ему въ сборникѣ, наибольшаго вниманія заслуживаетъ статья г. Кудрявцова: *Римскія женщины по Тациту. Агриппина Младшая и Поппея Сабина*, служащая продолженіемъ тѣмъ, которыя помѣ-

щены въ первыхъ двухъ книгахъ «Пропилеевъ». Эти статьи г. Кудрявцева принадлежатъ къ числу наиболѣе-занимательныхъ въ сборникѣ г. Леонтьева; всякій разъ вызывали онѣ единодушныя похвалы какъ со стороны читателей, такъ и со стороны журнальныхъ критиковъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, онѣ отличаются замѣчательными достоинствами. Около одного женскаго лица авторъ умѣетъ сгруппировать почти всѣ современныя ему событія такъ, что изъ этихъ біографическихъ этюдовъ читатель коротко знакомится съ самою эпохою цезарей. Сверхъ-того, г. Кудрявцевъ владѣетъ даромъ глубокаго и чрезвычайно-тонкаго психологическаго анализа: основываясь на свидѣтельствахъ Тацита, онъ разъясняетъ намъ всю внутреннюю организацію изображаемыхъ имъ лицъ, всѣ побужденія и движенія ихъ сердца, и въ этомъ отношеніи справедливо можетъ быть названъ достойнымъ истолкователемъ величайшаго изъ историковъ. Впрочемъ, гдѣ извѣстія Тацита или вовсе пресѣкаются, или же становятся скудны, тамъ авторъ обращается къ Светонію и Діону Кассію. Ко всему этому должно прибавить еще необыкновенно-легкій и живой разсказъ, искусство драматически изображать событія, наконецъ, прекрасный языкъ, чтобъ составить приблизительное понятіе о достоинствѣ этихъ историческихъ біографій.

Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ развратъ римскаго общества достигалъ все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ размѣровъ и нигдѣ не отражался такъ страшно, какъ въ сердцѣ женщинъ. Агриппина-Старшая еще добродѣтельна въ-сравненіи съ Мессалиною; но дочь ея и Германика, сестра Кая Калигулы, знаменитая Агриппина-Младшая превзошла и Мессалину развратомъ и преступленіями. Все существо ея было поглощено одною страстью—непомѣрнымъ властолюбіемъ. Интригами добилась она чести сдѣлаться супругою своего престарѣлаго и слабоумнаго дяди цезаря Клавдія, и, невсегда скрывая свои дѣйствія подъ его именемъ, вполнѣ наслаждалась обаяніемъ высокой власти. Но одно настоящее не могло удовлетворить ее: она страшилась за будущее, а потому, обезпечивъ напередъ успѣхъ своихъ дѣйствій, отравила Клавдія и безъ труда доставила престолъ сыну своему отъ перваго брака — Нерону съ тѣмъ, чтобъ спокойно управлять имперіею отъ его имени. Въ статьѣ, помѣщенной во 2-й книгѣ «Пропилеевъ», г. Кудрявцевъ изобразилъ ее какъ супругу Клавдія; теперь же выступаетъ она, какъ мать Нерона. Послѣдній менѣе всего думалъ о дѣлахъ правленія, предоставляя ихъ своей матери, а она начала новое царствованіе казнью Силана, который, безъ всякой вины, почти-явно былъ отравленъ по ея приказанію. «И дѣло пошло бы на казни (прибавляетъ Тацитъ), еслибъ не воспротивились два мужа: Афраній Бурръ, начальникъ преторіанской гвардіи, и Анней Сенека, воспитатель Нерона». Постараемся собрать отзывы г. Кудрявцева о знаменитомъ философѣ-моралистѣ и на немъ сосредоточить вниманіе читателя: изъ этихъ отзывовъ, разсѣянныхъ въ двухъ по-

слѣднихъ статьяхъ нашего автора, можно ужь составить довольно-полное понятіе о характерѣ и дѣятельности Сенеки.

Издавна ужь замѣчено было глубокое противорѣчіе между высоко-нравственнымъ ученіемъ и далеко-небезукоризненною жизнью Сенеки. Нѣкоторые изъ ревностныхъ цѣнителей его сочиненій никакъ не хотѣли примириться съ этимъ противорѣчіемъ; характеръ современныхъ его обвинителей давалъ имъ возможность оправдывать жизнь его отъ тяжелыхъ нареканій. Не думаемъ, чтобъ эти попытки могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ: нравственная чистота Сенеки весьма-сомнительна, и во всякомъ случаѣ онъ далеко не былъ героемъ добродѣтели, какимъ можно вообразить его, прочитавъ его сочиненія. Первое изъ обвиненій, съ которымъ встрѣчаемся въ статьѣ г. Кудрявцева, это — въ непозволительной связи съ сестрою Калигулы и племянницею Клавдія, Юліею. Обвиненіе это возведено было на Сенеку, ужь достигшаго сорокалѣтняго возраста, самóю Мессалиною и сопровождалось ссылкою его на островъ Корсику, въ которой онъ и оставался около восьми лѣтъ. Юлія же была не только сослана, но вскорѣ затѣмъ и умерщвлена, по приказанію Мессалины. Это послѣднее обстоятельство и еще болѣе всѣмъ извѣстный характеръ Мессалины даютъ защитникамъ Сенеки поводъ сомнѣваться въ справедливости самаго обвиненія. Они допускаютъ частыя сношенія между философомъ и племянницею Клавдія и прибѣгаютъ къ предположенію, что обвиненіе внушено было Мессалинѣ опасеніями, чтобъ Сенека не возъимѣлъ чрезъ Юлію вліянія и на самого цезаря. Основаніе, по которому г. Кудрявцевъ считаетъ невозможнымъ защищать Сенеку въ этомъ случаѣ, несовсѣмъ-вѣрно. Онъ говоритъ, что Тацитъ приводитъ это обвиненіе какъ положительный фактъ, и нигдѣ не сомнѣвается въ его истинности. Послѣднее справедливо: такихъ сомнѣній не находимъ въ сохранившихся книгахъ Тацита; но нигдѣ также не говоритъ онъ отъ своего лица о связи Сенеки съ Юліею, какъ о положительномъ фактѣ. Обвиненіе это встрѣчается въ его анналахъ въ числѣ многихъ другихъ, возводимыхъ на Сенеку самымъ ожесточеннымъ его порицателемъ — П. Суилліемъ. Нѣсколько словъ объ этомъ лицѣ вовсе не будетъ излишне: онъ былъ въ силѣ при Клавдіи и злоупотреблялъ его довѣренность; всѣ страшились его тогда и спѣшили расположить въ свою пользу, удовлетворяя его корыстолюбію. Не послѣднюю роль игралъ онъ и при обвиненіи Валерія Азіатика, садами котораго хотѣлось овладѣть Мессалинѣ. Словомъ, это человѣкъ далеко-ненравственный, подкупной, строптиваго и завистливаго характера. Высокое положеніе Сенеки озлобляло его, и онъ, конечно, не пропускалъ ни малѣйшаго повода, чтобъ очернить его въ мнѣніи современниковъ. Вѣрить безусловно всѣмъ его показаніямъ противъ Сенеки, конечно, нельзя; но и они производятъ нѣкоторое впечатлѣніе тѣмъ-болѣе, что Сенека, руководя волею Нерона, не показалъ

должнаго великодушія къ своему недоброжелателю: не безъ ненависти со стороны неронова воспитателя (non sine invidia Senecae, Tac.) Суиллій былъ преданъ суду, все имѣніе его было конфисковано, а самъ онъ сосланъ на Балеарскіе Острова. Ужь самъ Неронъ счелъ должнымъ вступиться за сына его, потому-что и ему готовила гибель мстительность Сенеки. Еслибъ и была доказана любовная связь Сенеки съ Юліею, мы могли бы вывести изъ этого случая одно лишь заключеніе, что женская красота, а, можетъ-быть, и разсчеты тщеславія, не оставались безъ вліянія и на Сенеку, и что въ жизни своей онъ невсегда бывалъ такимъ же строгимъ моралистомъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Болѣе восьми лѣтъ продолжалась его ссылка; потомъ, по милости Агриппины, онъ возвращенъ былъ въ Римъ и сдѣлался воспитателемъ ея сына. Результаты воспитанія не зависятъ отъ одной доброй воли и достоинствъ воспитателя, и, конечно, никто не станетъ винить Сенеку въ томъ, что Неронъ сталъ впослѣдствіи извергомъ. Первоначальное воспитаніе его было крайне пренебрежено; потомъ, когда, благодаря интригамъ матери, онъ вступилъ въ родъ и домъ цезарей, предъ глазами его совершались самыя страшныя преступленія съ тою легкостью, которую усвоило себѣ въ этомъ дѣлѣ это вполнѣ-безотрадное время. Примѣръ матери и окружавшихъ ея лицъ, конечно, не оставался безъ дѣйствія на воспріимчивую его натуру. Одиннадцати лѣтъ отъ-роду поступилъ Неронъ на попеченія Сенеки. «Желая привязать исключительно къ себѣ удивленіе своего ученика» говоритъ нашъ авторъ (Проп. II т., стр. 195), «Сенека старался держать его какъ-можно-дальше отъ истинныхъ образцовъ ораторскаго искусства, такъ-что до него не доходила почти никакая серьёзная или глубокая мысль». Это обвиненіе Сенеки, какъ воспитателя, въ недобросовѣстности и въ непомѣрномъ самолюбіи, сколько намъ извѣстно, не основано на прямыхъ свидѣтельствахъ древности. Послѣ долгихъ поисковъ удалось намъ найдти два мѣста у древнихъ писателей, которыя могли привести г. Кудрявцева къ такому предположенію — но не болѣе, какъ предположенію. Первое мѣсто — у Тацита (XIII, 42): Суиллій, объясняя вражду къ себѣ Сенеки, говоритъ, что онъ «завидуетъ тѣмъ, кто, для защиты гражданъ, владѣетъ неиспорченнымъ и исполненнымъ жизни краснорѣчіемъ». Изъ этихъ словъ Суиллія, еслибъ и можно было на нихъ положиться, слѣдовало бы вывести только заключеніе о завистливомъ характерѣ Сенеки относительно современныхъ ему ораторовъ; но едва-ли могутъ они служить даже отдаленнымъ указаніемъ на то, что, при воспитаніи Нерона, онъ устранялъ отъ него истинные образцы краснорѣчія. Изъ собственныхъ сочиненій Сенеки мы знаемъ, что онъ не былъ поклонникомъ своихъ предшественниковъ въ литературѣ и краснорѣчіи. Квинтиліанъ же (Instit. Rhetoricae кн. 10) прямо говоритъ, что «онъ не переставалъ нападать на древнихъ и лучшихъ писате-

лей» ,и объясняетъ это тѣмъ, что «онъ сознавалъ все различіе между ними и собою и не считалъ возможнымъ, чтобъ рѣчь его понравилась тѣмъ, кому нравились означенные писатели». На основаніи этихъ словъ можно прійдти къ тому предположенію, относительно воспитанія Нерона, которое, какъ фактъ, высказываетъ г. Кудрявцевъ. Но вспомнимъ, что слова эти не болѣе, какъ объясненіе самого Квинтиліана, а его, какъ самъ онъ говоритъ, считали ненавистникомъ Сенеки, и конечно не даромъ. Еслибъ обвиненіе, приводимое нашимъ авторомъ, и было несомнѣнно-вѣрно, то и тогда нельзя, намъ кажется, сдѣлать такого вывода, что никакая серьёзная или глубокая мысль не доходила до Нерона. Положимъ, что Сенека, при обученіи Нерона краснорѣчію, ограничивался своими только произведеніями : это было недобросовѣстно и указываетъ на страшное его самолюбіе; но собственныя его сочиненія не лишены же глубокихъ и серьёзныхъ мыслей.

Но вотъ питомецъ Сенеки сталъ ужь цезаремъ и, продолжая предаваться склонностямъ своей артистической натуры, нисколько не заботился о дѣлахъ правленія. Сенека, такъ близко-поставленный къ новому императору, задумалъ присвоить себѣ главное направленіе дѣлъ общественныхъ, чтобъ вырвать его изъ рукъ Агриппины. Предполагая, что сильнѣйшимъ къ тому побужденіемъ было желаніе общаго блага, замѣтимъ, что, вступая на поприще политическаго дѣятеля, Сенека почти сознательно принималъ на себя роль вовсе-несогласную съ возвышенно-нравственными своими убѣжденіями. Безспорно, въ душѣ своей носилъ онъ самые возвышенные идеалы, но въ то же время, безъ-сомнѣнія, сознавалъ, что не ими можно дѣйствовать на испорченную волю Нерона и противодѣйствовать такой женщинѣ, какъ Агриппина, всегда и на все готовая. Ему пришлось прибѣгать къ самымъ предосудительнымъ средствамъ : потворствовать порочнымъ наклонностямъ Нерона и, если не участвовать, то быть свидѣтелемъ и укрывателемъ самыхъ гнусныхъ его преступленій. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи положеніе Сенеки было крайне-затруднительно : еслибъ онъ предпочелъ безвѣстность уединенія славѣ и могуществу политическаго дѣятеля, то и тогда, такъ близко-поставленный къ цезарю, онъ не избѣжалъ бы нареканія въ постыдномъ равнодушіи къ общественному благу. Положеніе его, по всей справедливости, можетъ быть названо трагическимъ.

Трудно сказать, одно ли желаніе общей пользы руководило волею Сенеки, когда онъ рѣшился присвоить себѣ главное вліяніе на дѣла правленія. Положимъ, что оно было на первомъ планѣ, но, безъ-сомнѣнія, къ нему примѣшивались и личныя побужденія. По-крайней-мѣрѣ, къ концу политическаго его поприща, кромѣ облегченія участи имперіи, оказалось и то, что̀ могло бы удовлетворить самаго тщеславнаго и корыстолюбиваго человѣка. «Все, что̀ только славнаго совершилось въ то время,

народъ прямо относилъ къ Сенекѣ, по свидѣтельству его обвинителей у Тацита (XIV, 52). Притомъ же несметныя богатства скопились въ рукахъ его: около 15 мил. р. сер. на наши деньги, великолѣпно-устроенные сады, виллы вблизи самаго Рима; обширныя поля состояли во владѣніи философа-моралиста, который съ такимъ презрѣніемъ отзывается въ своихъ сочиненіяхъ о внѣшнихъ благахъ (см. Tac. XIII, 42 и XIV, 53). Но былъ ли онъ въ самомъ-дѣлѣ тщеславенъ, и какими средствами пріобрѣлъ онъ такія богатства? О тщеславіи его прямо говоритъ Тацитъ, и чуть-ли оно не было главнѣйшимъ его недостаткомъ. Такъ устами Нерона приводилъ онъ во всеобщую извѣстность свои рѣчи о милосердіи, «желая тѣмъ показать (прибавляетъ историкъ, XIII, 11), какія нравственныя правила внушалъ онъ своему питомцу, или же просто длятого, чтобъ выставить свои умственныя дарованія». Какимъ путемъ достались ему несметныя богатства, о томъ говоритъ Суиллій и отчасти упоминаетъ самъ Сенека. Изъ словъ г. Кудрявцева, что Сенека истощалъ Италію и провинціи безжалостными поборами (стр. 313), можно было бы подумать, что онъ позволялъ себѣ злоупотреблять свою власть для собственнаго обогащенія. Но, справившись съ Тацитомъ, находимъ, что нашъ авторъ не точно выразился, и что рѣчь здѣсь должна идти о чрезмѣрномъ ростѣ, которымъ, не безъ вѣдома Нерона, истощалъ Сенека провинціи Римской Имперіи. Другимъ источникомъ его богатствъ была щедрость самого Нерона; наконецъ, по свидѣтельству Суиллія, «онъ какъ-бы сѣтью опутывалъ людей бездѣтныхъ и подбиралъ къ своимъ рукамъ богатыя ихъ наслѣдства». Таковъ былъ Сенека! Кто знакомъ съ его сочиненіями, тотъ будетъ пораженъ глубокимъ противорѣчіемъ между его жизнью и ученіемъ. Мстительность, тщеславіе, корыстолюбіе, потворство Нерону и, наконецъ, участіе въ самихъ его преступленіяхъ — кто бы могъ ожидать всего этого отъ такого строгаго моралиста? Впрочемъ, любовь къ блеску и тщеславіе имѣли немало вліянія даже и на ученую его дѣятельность и отразились въ способѣ выраженія. Многое въ его жизни можетъ быть отнесено къ положенію, въ которомъ онъ находился, къ обстоятельствамъ и духу того времени, въ которое онъ жилъ; еще больше недостатковъ искупилъ онъ своею героическою смертью; но, во всякомъ случаѣ, онъ далеко не былъ образцомъ добродѣтели, какимъ желаютъ его представить нѣкоторые ученые.

Переходимъ къ другимъ статьямъ сборника, которыя относятся къ общественному и частному быту Римлянъ той же эпохи. Такихъ статей двѣ: *День въ римскомъ циркѣ* — іенскаго профессора Августа Данца, и *Баіи* г. Б—го. Въ первой изъ нихъ находимъ живое и полное изображеніе игръ и зрѣлищъ римскаго цирка. Авторъ избралъ для своего разсказа день рожденія Калигулы, ознаменованный самыми великолѣпными и блистательными играми,

и отнесъ къ этому дню всѣ извѣстія и подробности о римскомъ циркѣ, какія встрѣчаются у древнихъ писателей. Изображеніе его чрезвычайно оживлено тѣмъ, что оно поставляетъ читателей какъ-бы зрителями того, что̀ происходило въ этотъ день въ циркѣ. Игры римскаго цирка, какъ извѣстно, состояли не изъ однихъ конныхъ ристаній и бѣга колесницъ : главную ихъ часть и наиболѣе-любимую народомъ составляла травля звѣрей между собою, или же съ людьми, къ тому пріученными, на сторонѣ которыхъ и оставалась большею частью побѣда, или же наконецъ съ преступниками, обреченными на съѣденіе звѣрямъ, и еще болѣе любимый бой гладіаторовъ, который почти-всегда оканчивался смертью этихъ несчастныхъ бойцовъ. Справедливо замѣтилъ еще Шиллеръ, что въ играхъ и забавахъ народа, можетъ быть лучше, чѣмъ въ серьёзной его жизни, выражается самый его характеръ. Ничѣмъ нельзя было такъ угодить римской черни, какъ этими ужасающими, кровопролитными зрѣлищами. Вмѣстѣ съ безденежною раздачею хлѣба, они въ-состояніи были привести народъ къ забвенію всего прошедшаго, и въ этомъ заключалось политическое ихъ значеніе. До чего доходила безумная страсть къ нимъ Калигулы, видно уже изъ того, что въ девять мѣсяцевъ издержалъ онъ на нихъ болѣе 150 мил. р. сер. на наши деньги; неменѣе безумная страсть къ нимъ народа крупными чертами изображена въ статьѣ г. Данца.

Одною изъ наиболѣе-прославленныхъ мѣстностей въ-древности были Баіи, въ Кампаніи, недалеко отъ Неаполя, на самомъ берегу моря. Весь морской берегъ этотъ застроенъ былъ великолѣпными виллами богатыхъ и знатныхъ Римлянъ; нерѣдко и самое море наполнялось насыпями, на которыхъ потомъ воздвигались виллы прихотливыхъ богачей. Сюда стекались Римляне лѣтомъ съ цѣлью пользоваться цѣлебными водами и еще чаще безъ всякой цѣли для того только, чтобъ праздно и весело провести время. Нигдѣ въ древнемъ мірѣ шумъ, веселье и развратъ не достигали бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ въ Баіяхъ. Г. Б-ій, какъ видно, самъ посѣщавшій эту мѣстность, представилъ подробное ея описаніе, сообщилъ о ней нѣкоторыя историческія воспоминанія, собралъ извѣстія древнихъ о цѣлебныхъ ея водахъ и о томъ образѣ жизни, какой вели здѣсь Римляне. «Какой контрастъ (говоритъ въ заключеніе авторъ) съ этимъ вѣчнымъ шумомъ, съ этою роскошною, богатою жизнью представляютъ Баіи въ настоящую пору! Давно ужь не раздается здѣсь музыка, давно смолкли пѣсни, исчезли роскошныя виллы, дворцы и храмы. Отъ всего этого осталась груда кирпичей и нѣсколько печальныхъ развалинъ, окруженныхъ злокачественною атмосферой. Только нѣсколько бѣдныхъ рыбачьихъ лачужекъ оживляютъ эту печальную картину, да передъ небольшимъ за̀мкомъ, который построенъ на возвышенности, молчаливо расхаживаетъ истощенный лихорадкою неаполитанскій часовой» (стр. 347).

Въ третьемъ же томѣ «Пропилеевъ» нашло себѣ мѣсто одно изъ замѣчательныхъ произведенiй древнѣйшей римской литературы — комедiя Плавта: *Хвастливый Воинъ*, переведенная г. Шестаковымъ. Плавтъ родился во время первой пунической войны, около 250 г. до Р. Х., и умеръ 65 лѣтнимъ старцемъ, въ 185 г.; 20 уцѣлѣвшихъ его комедiй всѣ написаны въ послѣднiя два десятилѣтiя его жизни; слѣдовательно, онъ жилъ и писалъ въ то время, когда греческая образованность только-что начала проникать въ римское общество и вовсе еще не коснулась всей массы народа. Чисто-художественное наслажденiе конечно не могло быть доступно большинству тогдашнихъ Римлянъ и даже не входило въ ихъ потребности. Сценическому поэту предстояло еще прiохотить ихъ къ сценическимъ представленiямъ, привлечь ихъ въ театръ. Нечего было думать о томъ, чтобъ развить и облагородить вкусъ ихъ, чтобъ подѣйствовать на ихъ нравы поэтическимъ произведенiемъ; Плавтъ могъ разсчитывать только на врожденную всѣмъ племенамъ италiйскимъ склонность къ веселымъ и подъ-часъ грубымъ шуткамъ, на потребность посмѣяться и позабавиться, а потомъ хоть и вовсе забыть о поэтѣ и поэзiи. Свойствами времени опредѣлялись и свойства плавтовыхъ комедiй. Правда, онѣ принадлежатъ къ тому роду, который назывался fabulae palliatae, то-есть къ роду пьесъ, составленныхъ въ подражанiе и по образцу произведенiй новой греческой комедiи, которая, въ противоположность древней, изображала частную жизнь людей. Но Плавтъ не могъ близко подражать своимъ греческимъ оригиналамъ: передѣлывая ихъ для римской публики, онъ долженъ былъ многое измѣнить, многое прибавить, чтобъ удовлетворить ея вкусу, и въ этой более-свободной передѣлкѣ греческихъ образцовъ состоитъ главное его отличiе отъ позднѣйшаго римскаго комика Теренцiя. Часто Плавтъ измѣнялъ самый ходъ греческихъ пьесъ, вставляя отъ себя совсѣмъ-новыя сцены или заимствуя ихъ изъ другой, греческой же, пьесы, изображающей тѣ же самые характеры; нерѣдко изъ двухъ греческихъ комедiй слагалъ онъ одну римскую. Къ числу такихъ сложенныхъ пьесъ принадлежитъ, между-прочимъ, помѣщенная въ «Пропилеяхъ», составленная изъ двухъ, а можетъ-быть и трехъ комедiй греческихъ. Эта комедiя, какъ и всѣ другiя того же автора, конечно, не удовлетворяетъ художественнымъ потребностямъ современнаго читателя; единство содержанiя и мысли почти исчезаетъ за разнообразiемъ хитро-придуманныхъ и многосложныхъ интригъ; характеры изображаются не всегда вѣрно съ дѣйствительностью: такъ въ нашей пьесѣ хвастливость воина и льстивость его слуги и парасита доведены до каррикатурнаго; самое дѣйствiе нерѣдко выходитъ за предѣлы вѣроятнаго. Чтобъ позабавить своихъ зрителей, Плавтъ часто прибѣгаетъ къ грубымъ и жесткимъ шуткамъ, вовсе намъ непривычнымъ; съ тою же цѣлью ставитъ онъ дѣйствующiя лица въ самыя смѣшныя положенiя, очень-ча-

сто позволяетъ себѣ игру словъ, или же переиначиваетъ ихъ, образуетъ новыя комическія, словомъ, не щадитъ средствъ, чтобъ возбудить смѣхъ въ своихъ зрителяхъ, чѣмъ вполнѣ удовлетворялъ невзыскательному ихъ вкусу. Болѣе-серьёзныя достоинства его комедій состоятъ въ дѣйствительномъ остроуміи, въ оживленномъ, незамедляющемъ хода пьесы разговорѣ лицъ и наконецъ въ легкости и ужь древними признанномъ мастерствѣ владѣть языкомъ. И дѣйствительно, своими комедіями онъ угодилъ римской публикѣ: впродолженіе многихъ столѣтій до послѣднихъ временъ имперіи пьесы его еще давались на сценѣ римскихъ театровъ; особенно же любимы онѣ были въ послѣднее время республики и первое имперіи. Образцовый языкъ, которымъ онѣ написаны, былъ причиною того, что онѣ тщательно изучались во всѣхъ римскихъ школахъ.

Нѐчего и говорить, ка̀къ трудно перевести Плавта на какой бы то ни было новый языкъ. При всей внѣшней точности перевода, легко можетъ случиться, что онъ и вполовину не передастъ того остроумія, той игривости и живости, тѣхъ забавныхъ шутокъ и того изящества языка, словомъ, всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя составляютъ существенное достоинство комедій Плавта. При всемъ томъ читатель съ удовольствіемъ прочтетъ одну изъ нихъ въ «Пропилеяхъ» хоть для того, чтобъ лично ознакомиться съ пьесами, которыя столько вѣковъ привлекали римскую публику въ театръ.

Наконецъ двѣ статьи въ сборникѣ относятся къ самому Риму и его достопримѣчательностямъ. Одна изъ нихъ: «Римъ» переведена для сборника изъ извѣстныхъ «Etudes de philologie et de critique» графа С. С. Уварова. Это одинъ изъ самыхъ блестящихъ очерковъ вѣчнаго города, какіе когда-либо случалось намъ читать. Необыкновенно-увлекательно и живо изображены тѣ впечатлѣнія, которыя производитъ Римъ и художественныя его сокровища на человѣка, коротко-знакомаго съ прошедшими его судьбами и съ классическимъ искусствомъ. Всѣ описанія исполнены глубокой мысли, проникнуты знаніемъ, согрѣты живымъ и искреннимъ художественнымъ чувствомъ. Хотя этотъ очеркъ и переступаетъ за предѣлы древне-классическаго міра и касается иногда произведеній христіанскаго искусства, но всякій читатель отъ души поблагодаритъ г. Леонтьева за то, что онъ напечаталъ переводъ его въ своемъ классическомъ сборникѣ. Другая статья—*Письма изъ Рима и Неаполя*, принадлежитъ г. Авдѣеву. Въ нихъ нѣтъ того разнообразія, которое составляетъ достоинство, или, скорѣе, недостатокъ, бо̀льшей части писемъ другихъ путешественниковъ. Г. Авдѣевъ, какъ видно изъ его писемъ, спеціалистъ, вполнѣ-преданный изученію своего искусства—архитектуры, и съ этою цѣлью предпринявшій свое путешествіе. Поэтому и все вниманіе его въ «Письмахъ» обращено на произве-

денія архитектуры, украшающія вѣчный городъ. На ряду съ уцѣлѣвшими развалинами древнихъ памятниковъ, авторъ говоритъ и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія произвели на него памятники христіанской эпохи, храмы, дворцы и виллы эпохи возрожденія, то-есть XV и XVI вѣковъ, и говоритъ о нихъ, какъ знатокъ-спеціалистъ. Несмотря на краткость времени, предназначеннаго для путешествія, ему удалось побывать въ Геркуланумѣ и въ Помпеи, о которыхъ онъ, впрочемъ, мало распространяется. Замѣтимъ, что чтеніе его писемъ нѣсколько-затруднительно для тѣхъ, кто не знакомъ съ теоріею архитектуры, вслѣдствіе частаго употребленія чисто-архитектурныхъ терминовъ; хорошо еще, что наименѣе изъ нихъ извѣстные объяснены имъ въ выноскахъ.

Три статьи сборника посвящены собственно образовательному художеству древности, и именно тѣмъ его произведеніямъ, которыя находятся въ самой Россіи; это, вопервыхъ, записка президента Императорской Академіи Наукъ графа С. С. Уварова — *О древне-классическомъ памятникѣ, перевезенномъ изъ Рима въ Порѣчье*, перепечатанная изъ «Ученыхъ Записокъ Императорской Академіи Наукъ». Читатели ужь знакомы съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ, который находится въ 140 верстахъ отъ Москвы, въ имѣніи графа Уварова, Порѣчьи; о немъ была статья г. Леонтьева въ первомъ томѣ «Пропилеевъ», въ которой онъ названъ бакхическимъ памятникомъ. Существенное различіе между обѣими статьями заключается въ мнѣніяхъ о его назначеніи. Еще Винкельманъ приписывалъ ему назначеніе погребальное, называя его овальною урною. Теперешній владѣлецъ памятника не хочетъ допустить этого мнѣнія и полагаетъ, что онъ служилъ «чашею, бассейномъ или вообще какимъ бы то ни было хранилищемъ священной воды, которая всегда играла важную роль въ церемоніяхъ мистерій». Въ доказательство своего мнѣнія, онъ указываетъ на четыре львиныя головы, которыми замыкаются рельефы на сторонахъ памятника, а «головами львовъ всегда завершались только бассейны, фонтаны, водопроводы и проч.» Вторымъ доказательствомъ служитъ то, что памятникъ не имѣетъ продолговатой и четыреугольной формы саркофаговъ, и что окружающіе его сплошные барельефы не оставляютъ гладкой стороны, которою саркофаги ставились къ стѣнѣ и до которой обыкновенно не прикасался рѣзецъ художника. Г. Леонтьевъ, напротивъ, повидимому, склоняется къ мнѣнію Винкельмана. Онъ замѣчаетъ, что, при всякомъ другомъ, а не погребальномъ назначеніи, внутренность была бы непремѣнно выполирована, тогда-какъ памятникъ графа Уварова внутри просто выдолбленъ, но не полированъ. Каково бы ни было его назначеніе, по художественному своему достоинству и по связи его изображеній съ мистеріями Діониса, онъ въ высокой степени замѣчателенъ. Не предлагаемъ

его описанія; замѣтимъ только, что, къ-сожалѣнію, онъ до-сихъ-поръ еще не изданъ.

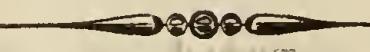
Керчь и Тамань въ іюнѣ 1852 года, г. Беккера. Эта статья знакомитъ съ археологическими разъисканіями и открытіями, совершенными въ Крыму въ іюнѣ 1852 г. Она не лишена интереса для тѣхъ, кто постоянно слѣдитъ за археологическими изслѣдованіями въ южныхъ предѣлахъ нашего отечества.

Собраніе древностей, г. Монферрана, статья Б. В. Кёне. При собираніи художественныхъ произведеній знаменитый архитекторъ болѣе всего обращалъ вниманіе на скульптуру, и по этой отрасли искусства ему удалось составить собраніе, которое, по словамъ г. Кёне, въ Россіи, послѣ императорскаго не имѣетъ себѣ равнаго и можетъ поспорить съ подобными, частными же, собраніями сѣвера Европы. Кромѣ мелкихъ вещицъ и произведеній среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, оно заключаетъ въ себѣ до 110 произведеній античной пластики, изъ которыхъ 73 могутъ быть названы замѣчательными. Изъ этого числа г. Кёне описалъ для читателей сборника 6 наиболѣе-замѣчательныхъ статуй, 6 бюстовъ и 12 рельефовъ работы греческихъ и римскихъ художниковъ, потомъ нѣкоторые предметы египетскаго искусства, также принадлежащіе г. Монферрану. Къ статьѣ его приложены 4 таблицы рисунковъ, изображающихъ описанные въ ней предметы древняго искусства. Рисунки, особенно 6 статуй и 6 бюстовъ, вышли совершенно-удачны и отчетливы. Статья г. Кёне отличается всѣми достоинствами, за которыя ручается самое имя автора, одного изъ лучшихъ знатоковъ классическаго искусства въ Россіи. Кромѣ обстоятельнаго и точнаго описанія разбираемыхъ имъ памятниковъ, онъ сообщаетъ исторію открытія каждаго изъ нихъ и пріобрѣтенія нынѣшнимъ ихъ владѣльцемъ, краткую оцѣнку художественнаго достоинства сравнительно съ подобными же античными произведеніями, и наконецъ предположенія о времени, къ которому каждый изъ нихъ относится. Къ числу наибольшихъ рѣдкостей и драгоцѣнностей въ собраніи г. Монферрана принадлежитъ колоссальная бронзовая статуя Юлія Цезаря, работы современнаго диктатору художника. Цѣнность ея увеличивается оттого, что статуи Юлія Цезаря вообще очень-рѣдки, и, за исключеніемъ этой одной, всѣ онѣ изъ мрамора и далеко-ниже ея по изяществу работы.

Третій томъ «Пропилеевъ» оканчивается біографіею знаменитѣйшаго современнаго филолога Августа Бёка, которому такъ много обязана филологія и реальныя науки классической древности. Жизнь его небогата внѣшними событіями, но зато представляетъ правильное внутреннее развитіе, постоянное совершенствованіе познаній и постепенное расширеніе круга ученыхъ занятій. Изслѣдованія его пролили свѣтъ на состояніе финансовъ

въ государствѣ аѳинскомъ, на метрологію древнихъ народовъ и многіе другіе предметы; ему же обязана наука созданіемъ греческой метрики на истинныхъ началахъ, превосходными толкованіями къ Пиндару и т. д. Мысленнымъ взоромъ своимъ обнималъ онъ всѣ стороны жизни классическихъ народовъ и въ лекціяхъ своихъ поразительно-вѣрно опредѣлилъ ихъ сущность, а также и значеніе отдѣльныхъ племенъ греческихъ. Біографія его, написанная г. Леонтьевымъ, объясняетъ путь, которымъ шло развитіе этого знаменитаго ученаго.

А. Георгіевскій.



V

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Путешествіе въ Китай Е. Ковалевскаго. *Санктпетербургъ. 1853. Въ тип. Королева и Комп. Въ 8-ю д. л. Въ двухъ частяхъ. Въ І-й—199, во ІІ-й—213 стр.*

Въ настоящую минуту, когда образованная часть человѣчества не знаетъ навѣрное, что̀ она будетъ пить въ будущемъ году: тотъ ли благовонный чай, который пьетъ въ нынѣшнемъ, или тотъ кирпичный чай, сваренный съ масломъ, которымъ наслаждаются Киргизы, и который, когда перейдетъ въ Европу, будетъ названъ Французами soupe au thé; въ минуту тяжелую и для Китая, потому-что самъ Сянь-Фынь еще не знаетъ, попадетъ ли его главнокомандующій Ян-Ван-Тинъ во враговъ, стрѣляя изъ пищалей направо и налѣво, и наводя страхъ на себя и на своихъ — въ такую-то минуту появились въ свѣтъ два томика путешествія г. Ковалевскаго, нашего странствователя по сушѣ и по морямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сочиненіе это возбудитъ общій интересъ во всѣхъ, кто пьетъ чай, кто мысленно слѣдитъ за Ян-Ван-Тиномъ и кто привыкъ считать Срединную Имперію за государство ученѣйшее и искуснѣйшее. Если же вы не вѣрите мудрости Китайцевъ, изобрѣтшихъ порохъ и бумагу, если не пьете чаю, или думаете, будто Ян-Юнъ храбрѣе Ян-Вана, то и вы прочтете путешествіе г. Ковалевскаго потому, что авторъ соблазнитъ, увлечетъ васъ своимъ разсказомъ, и вы не оторветесь отъ книги. Извѣстно, что г. Ковалевскій принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ разсказчикамъ, и мы хвалили бы его книгу еще болѣе, еслибъ конецъ первой части и почти вся вторая не были напечатаны въ нынѣшнемъ году въ нашемъ журналѣ; а то, пожалуй, найдутся люди, которые сочтутъ наши похвалы пристрастными. Но читатели наши знаютъ уже мастерскія описанія жизни и нравовъ Китайцевъ, и имъ теперь понятно все неудобопонимаемое. Понятно,

почему Ян-Ванъ, подойдя къ городу Чинь-кян-Фу, важному стратегическому пункту на пути къ Пекину, зарядилъ всѣ пушки въ виду непрiятеля и выстрѣлилъ разомъ изъ всѣхъ и во всѣ стороны. Ян-Ванъ считалъ долгъ свой совершенно-исполненнымъ, потому-что не побоялся приказать сдѣлать одинъ изъ ужаснѣйшихъ артиллерiйскихъ залповъ. Онъ былъ храбръ въ эту минуту, и что̀ за нужда, если ни одно ядро не попало въ непрiятеля? все-таки Ян-Ванъ человѣкъ храбрый и достоинъ командовать флотомъ и армiею. Почему? спрашиваете : потому-что въ Китаѣ храбръ тотъ, кто не боится выстрѣлить изъ пушки, потому-что точно такъ же въ Китаѣ — докторами философiи называются тѣ, которые могутъ натянуть самый тугой и тяжелый лукъ, никогда, впрочемъ, неупотребляемый на войнѣ. Поэтому, на генеральномъ китайскомъ артиллерiйскомъ ученьѣ, на которомъ стрѣляютъ въ мишень изъ двухсотъ пушекъ, и передъ которымъ пушки наводятъ въ цѣль двѣ недѣли — хорошо, если два раза попадутъ въ размалеванную доску... Какъ же Ян-Вану съ-разу было попасть въ непрiятеля!

Понятно также, почему Китайцы и ученѣйшiй народъ, несмотря на легковѣрiе нѣкоторыхъ западныхъ докторовъ филологiи, которые думаютъ, будто Китайцы—круглые невѣжды. Извольте, напримѣръ, отвѣтить хоть на такой вопросъ (а этотъ вопросъ считается легкимъ въ Китаѣ), который заданъ былъ несчастному Кё въ залѣ, называемой «Гармонiя и Стройность Природы» — извольте сказать: «въ какихъ книгахъ, въ какихъ словахъ, какими учеными и въ какомъ мѣстѣ книгъ говорится объ отношенiи родственниковъ между собою, и какiя опредѣленiя представляютъ наиболѣе основанiй?» Одинъ Конфуцiй не станетъ въ-тупикъ отъ такого вопроса.

Но собственно говорить о Китайцахъ — значитъ говорить о чаѣ, и потому обратимся къ чаю, который Японцы называютъ всемiрнымъ напиткомъ и прославленiю котораго посвящены въ Китаѣ цѣлые томы сочиненiй въ стихахъ и прозѣ. Изъ огромнѣйшаго числа стихотворенiй славнаго богдохана и одного изъ знаменитѣйшихъ китайскихъ поэтовъ — Цянь-Луна, лучшее, истинно-поэтичное написано имъ во время охоты въ Монголiю—на чашку чая. Бо̀льшая часть миссiонеровъ, множество Англичанъ, Французовъ, Сѣверо-Американцевъ вникали въ чай, не только въ то время, когда пили его, но и напившись чая, вникали на будущее время, для пользы соотечественниковъ и потомства. Однакожь, до настоящаго времени о производствѣ и произрастенiи чая живутъ рядомъ отзывы, иногда совершенно-противоположные. Г. Ковалевскiй въ свою очередь говоритъ, что онъ занимался этимъ предметомъ прилежно, много трудился, добывая свѣдѣнiя изъ книгъ и отъ торговцовъ чаемъ, выписывая образцы его изъ разныхъ мѣстъ. Поэтому, когда новыя изслѣдованiя г. Ковалевскаго были въ началѣ нынѣшняго года напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ», они приняты были, какъ послѣд-

нее слово *науки о чаѣ*. Въ одномъ обществѣ, за чайнымъ столикомъ, гдѣ собралось нѣсколько гостей, въ томъ числѣ и г. Ковалевскій, одна дама, видя, какъ хозяйка готовится поставить чайникъ на конфорку самовара, и не подозрѣвая, что въ числѣ гостей находится авторъ «Путешествія въ Китай», ужаснулась и вскрикнула: «что́ вы дѣлаете! Ковалевскій не велитъ ставить чайникъ на конфорку». Раздался общій смѣхъ, и сконфуженная гостья узнала, что возлѣ нея сидитъ самъ г. Ковалевскій.

Авторъ, между-прочимъ, говоритъ о байховомъ или черномъ чаѣ, о зеленомъ и о желтомъ. Байховый чай употребляется преимущественно въ Россіи, желтый — въ Китаѣ, а зеленый — въ Америкѣ и въ Англіи. Нашъ чай растетъ на покатостяхъ горъ Фу-Цзяньской Провинціи. «Чайное деревцо (говоритъ г. Ковалевскій) *любитъ черноземъ, неочень жирный, смѣшанный съ каменистою осыпью горъ*». Дюгальдъ и Леконтъ оба неправы, утверждая, первый, что чайное дерево любитъ каменистый грунтъ, а второй— песчаный. Г. Ковалевскій допускаетъ, что чайное дерево, по нуждѣ растетъ и на этихъ почвахъ, но бываетъ хило и бѣдно листьями. Между-тѣмъ, мнѣніе о томъ, будто чайное деревцо любитъ песчаный или каменистый грунтъ, существуетъ и въ Россіи. Недавно мы прочли въ статьѣ г. Щукина (Спб. Вѣдом., № 251) слѣдующее мнѣніе доктора Кирилова, жившаго въ Пекинѣ съ 1830 по 1840 годъ. Еслибъ въ этой статьѣ не приводились мнѣнія лицъ, жившихъ въ Пекинѣ, и еслибъ г. Щукинъ не ссылался на оффиціальныя свѣдѣнія, мы не обратили бы, конечно, вниманія на это мнѣніе, имѣющее, впрочемъ, другой интересъ. Въ статьѣ этой говорится слѣдующее :

«Министерство Иностранныхъ Дѣлъ предписывало нѣсколько разъ нашей Пекинской Миссіи достать сѣменъ чайнаго дерева и прислать въ Россію. Отправленъ былъ нарочно служитель русскаго подворья, Китаецъ, въ губернію Фу-цзянъ (ту самую, о которой говорилъ и г. Ковалевскій), гдѣ преимущественно занимаются разведеніемъ чайнаго кустарника. Посланному велѣно вникнуть въ производство разведенія чаевъ и другія подробности. Онъ привезъ съ собою около пуда сѣменъ, *мѣшочекъ земли, на которой растетъ чай*, и объясненіе, что кустарникъ никогда не достигаетъ значительной высоты, потому-что молодые листья обрываются, а на четвертый годъ растеніе засыхаетъ. Съ молодаго растенія листья начинаютъ собираться на четвертую весну. Такимъ образомъ чайный кустарникъ прозябаетъ впродолженіе восьми или даже семи лѣтъ. Привезенная изъ Фу-цзяна *земля оказалась краснаго цвѣта; но былъ ли то разрушенный глинистый сланецъ, или красный песчаникъ, не дознано.*»

Ка́къ согласить эти мнѣнія доктора Кирилова, жившаго въ Пекинѣ десять лѣтъ, и г. Ковалевскаго, жившаго въ 1849 г. и такъ усердно-занимавшагося изслѣдованіемъ чайной производительности, когда мнѣнія эти почти совершенно-противоположны? Далѣе г. Ковалевскій говоритъ, что *желтый и зеленый чай собирается съ одного и того же вида чайнаго кустарника, что у Китайцевъ и нѣтъ этого различія, а цвѣтъ зависитъ отъ способа приготовленія.*

*

«Есть еще другіе *секреты* (говоритъ г. Ковалевскій), чтобъ сообщить чаю лучшій, наиболѣе желаемый въ торговлѣ цвѣтъ: каждый изъ плантаторовъ знаетъ ихъ нѣсколько. Англичане особенно гоняются за цвѣтомъ ярко-зеленымъ. Говорили, что чай заимствуетъ этотъ цвѣтъ отъ окиси мѣдной посуды, въ которой поджаривается; но это совершенно несправедливо. Робертъ Уаринтонъ, при разложеніи чая изъ одной подозрительной партіи, открылъ въ немъ присутствіе лазури; въ такомъ случаѣ, это ужь едва-ли не фабрикація кантонскихъ купцовъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же онъ нашелъ примѣсь разнаго песку, часто подмѣшиваемаго въ Кантонѣ для тяжести. Девисъ, потомъ Гуцлавъ, также предполагали искусственное окрашиваніе зеленаго чая. Сколько я могъ узнать, плантаторы если и прибѣгаютъ иногда къ поддѣлкѣ его, то именно посредствомъ индиго, въ смѣшеніи съ сѣрнокислою известью.»

А г. Щукинъ говоритъ слѣдующее:

«Въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду растутъ два чайныя деревца, *одно чернаго, а другое зеленаго чая.*»

Слѣдовательно, г. Щукинъ допускаетъ, что черный чай собирается съ другихъ деревьевъ, нежели зеленый? На чемъ онъ основывается—не знаемъ; по-крайней-мѣрѣ, слѣдовало бы привести какое-нибудь доказательство послѣ всего сказаннаго г. Ковалевскимъ. Нельзя же, чтобъ г. Щукинъ, котораго такъ интересуетъ разведеніе чая, не прочелъ интересной и основательной статьи г. Ковалевскаго, и, будучи въ сношеніяхъ съ бывшимъ пекинскимъ архимандритомъ Веніаминомъ и докторомъ Кириловымъ, не старался повѣрить своихъ собственныхъ мнѣній!

Потомъ, г. Ковалевскій ничего не говоритъ о чайномъ *цвѣтѣ* и только упоминаетъ, что «при обрываніи листковъ, тщательно отбираютъ *молоденкіе ростки*, довольно-жосткіе, какъ-бы покрытые пухомъ: *они-то у насъ называются цвѣтами*, и по нимъ чай получилъ названіе цвѣточнаго». Г. Щукинъ, говоря о томъ, какъ ухаживать за чайнымъ деревцомъ, говоритъ положительно только о настоящемъ цвѣткѣ чайнаго дерева, а объ *отросткахъ* не упоминаетъ. «*Цвѣты* можно сушить сперва въ тѣни на сквозномъ воздухѣ, а потомъ на солнцѣ (говоритъ г. Щукинъ). Если нужно прибавить ихъ къ чаю, то класть въ чайникъ одну щепотку... Въ листахъ и *цвѣтахъ чайныхъ* есть эѳиръ или масло летучее: оно сообщаетъ чаю *букетъ*».

Что̀ жь, въ-самомъ-дѣлѣ, такое *чайный цвѣтъ?* Цвѣтокъ, или только ростокъ, о которомъ говоритъ г. Ковалевскій? Вѣдь этакъ положеніе гостя за чайнымъ столикомъ сдѣлается невыносимо, особенно въ тѣ тяжелыя минуты, когда разговоръ прекратится неожиданно, и онъ не будетъ знать, чѣмъ его возобновить. Все-таки лучше, какъ навѣрное знаешь, что чай черный есть дѣйствительно чай черный, а зеленый — дѣйствительно зеленый, что ростокъ — цвѣтокъ, а цвѣтокъ — ростокъ. Какимъ-образомъ разсудить теперь? научите насъ, искуснѣйшіе синологи! Положеніе наше такъ же горестно, какъ и того ученаго Китайца Кё,

которому предложенъ былъ вопросъ о степеняхъ родства—и онъ не зналъ, чтó отвѣчать.

Къ «Путешествію» г. Ковалевскаго приложенъ путевой журналъ всей дороги русскаго каравана отъ Кяхты до Пекина. Въ этомъ журналѣ описаны положеніе мѣстности и всѣхъ станцій, удобства ихъ и неудобства, разстояніе ихъ одной отъ другой, положеніе термометра, барометра и психометра во всю дорогу; указано, чтó можетъ найдти караванъ на каждой станціи, чего ему ожидать въ безлюдной степи, безконечной-безконечной степи, по которой должно ѣхать два мѣсяца съ половиною. Этотъ «Путевой Журналъ» чрезвычайно-полезенъ и даже, по-своему, интересенъ. Перелистывая его, такъ и видишь, что путешествуешь въ мѣстахъ дикихъ и пустынныхъ, и даже, кажется, самъ сидишь на верблюдѣ и однообразно въ дремотѣ покачиваешься на спинѣ этого неутомимаго животнаго, и не видишь предѣла этому странствію. «Путевой Журналъ» г. Ковалевскаго — драгоцѣнное пріобрѣтеніе русской географіи.

Вообще же книга г-на Ковалевскаго — лучшее пріобрѣтеніе русской литературы въ послѣдніе мѣсяцы. Множество новыхъ свѣдѣній о Китаѣ, живой разсказъ, подробности быта Срединной Имперіи, въ высшей степени занимательныя, далеко оставляютъ за собою прежнія сочиненія о Китаѣ, отъ которыхъ такъ и вѣяло скукою на читателя, и которыя перелистывались только записными учеными. «Путешествіе» г. Ковалевскаго, напротивъ, читается какъ романъ. Начнешь читать—и нечувствительно прочтешь всю книгу, то-есть обѣ ея части.

Алфавитный Указатель *фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ І-мъ Отдѣленіи Московскаго Архива Министерства Юстиціи, съ обозначеніемъ служебной дѣятельности каждаго лица и годовъ состоянія въ занимаемыхъ должностяхъ. Составленъ* **П. И. Ивановымъ.** *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1853. Съ тремя снимками почерковъ V и 498. стр.*

Изданіе полезное, впрочемъ, относительно, то-есть въ томъ только отношеніи, что, при теперешнемъ направленіи трудовъ по русской исторіи, всякій матеріалъ, какъ бы онъ ни былъ изданъ, всегда найдетъ какое-либо примѣненіе и, слѣдовательно, будетъ полезенъ. Труды г. Иванова извѣстны: всѣ они безъ исключенія полезны, но въ то же время, къ-сожалѣнію, лишены ученой критической обработки и представляютъ одни только извлеченія. Составить и издать, напримѣръ, «Обозрѣніе Писцовыхъ Книгъ» (Москва 1840 г.) можно было бы и ученымъ образомъ, какъ, напримѣръ, недавно издано изслѣдованіе о «Пятинахъ и Погостахъ Новгородскихъ» г. Неволина; можно и такъ, что о существенномъ содержаніи писцовыхъ книгъ не сказать почти ни слова, а выписать изъ нихъ только фамиліи землевладѣльцовъ да

имена владѣній, и думать, что составлено обстоятельное обозрѣніе... Такъ составленъ и «Алфавитный Указатель» въ который, однакожь, внесено, какъ мы видѣли изъ заглавія, *обозначеніе служебной дѣятельности каждаго лица.*

Авторъ, вслѣдъ за покойнымъ Языковымъ, полагаетъ, что боярскія книги, изъ которыхъ составленъ этотъ алфавитъ, заведены при Іоаннѣ III, потому-де, что «Быстрое распространеніе «Московскаго Государства присоединеніемъ къ нему владѣній Князей Удѣльныхъ, увеличеніе пышности и блеска двора великокня«жескаго, согласное съ достоинствомъ Государя юной, но ужь «могучей державы, наконецъ бракъ Іоанна III съ Греческою Ца«ревною и введеніе многихъ византійскихъ придворныхъ обы«чаевъ, все это необходимо требовало значительнаго увеличенія «числа чиновъ и должностей. Но таковое увеличеніе, вмѣстѣ съ «введеніемъ точнѣйшаго разграниченія служебныхъ отношеній и «обязанностей, а въ особенности система помѣстныхъ окладовъ «и споры по мѣстничеству заставляли правительство постоянно «имѣть въ виду всѣхъ служащихъ лицъ и строго слѣдить за ихъ «служебною дѣятельностію; поэтому и заведены были всѣмъ этимъ «лицамъ особые списки, получившіе названіе боярскихъ книгъ». Все это такъ; но еще правильнѣе думать, что списки бояръ въ книгахъ, или столбцахъ, начались съ того времени, съ котораго бояре стали служить у великихъ князей и пользоваться за свою службу окладами содержанія денежнаго и помѣстнаго, слѣдовательно, за-долго до Іоанна III. Самъ авторъ указываетъ на подобный списокъ, относящійся къ 1462 году, году вступленія на великокняженіе Іоанна III (*); слѣдовательно, списки существовали и при отцѣ Іоанна; по-крайней-мѣрѣ совершенно-неизвѣстно, чтобъ Іоаннъ первый и именно въ этомъ году завелъ такой порядокъ.

Боярскихъ книгъ сохранилось только *двѣнадцать*, съ 7135 г. по 7200 годъ, съ промежутками годовъ въ срединѣ. Всѣ ли здѣсь книги, или нѣкоторыя изъ нихъ утрачены — опредѣлить съ точностью весьма-трудно, потому-что книги составлялись повидимому не каждый годъ: въ нихъ находятся отмѣтки о перемѣнахъ и за всѣ промежуточные годы. Въ-отношеніи книгъ, это предположеніе весьма-вѣроятно, и потому г. Ивановъ напрасно опровергаетъ (стр. 11) покойнаго Языкова, который говорилъ, что боярскіе списки (замѣтьте: списки, а не книги) составлялись каждый годъ (**), что̀, вопреки г. Иванову, не только вѣроятно, но даже и положительно-вѣрно. Такой списокъ для служебнаго порядка былъ необходимъ, да и составлялся онъ весьма-легко — выписывались одни только имена по разрядамъ должностей.

(*) Этотъ списокъ, или, вѣрнѣе, сводъ боярскихъ списковъ съ 1462 года до Петра I-го, былъ сначала напечатанъ въ *Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія* и перепечатанъ потомъ въ *Древней Россійской Вивліоѳикѣ*, т. XX.

(**) «Энциклопедическій Лексиконъ», т. VI, ст. *Боярскій Списокъ.*

«Въ Боярскихъ Книгахъ (продолжаетъ авторъ) означались не только чины и должности служащихъ, но и получаемые ими оклады, помѣстные и денежные, а также всѣ перемѣны, происходившія въ ихъ служебной дѣятельности (повышеніе въ чины, прибавка окладовъ, отставка и проч.). При нѣкоторыхъ лицахъ дѣлались даже особыя біографическія отмѣтки, заключавшія извѣстія о какомъ нибудь особенно-важномъ случаѣ ихъ жизни (о постигавшемъ ихъ тяжкомъ недугѣ и болѣзни, о плѣненіи ихъ непріятелями, объ ихъ опалѣ, казни, поступленіи въ монастырь и проч.)»

«Такимъ образомъ (говоритъ авторъ далѣе) понятно значеніе, которое Боярскія Книги должны имѣть въ ряду историческихъ памятниковъ. Раскрывая намъ *полную картину служебной дѣятельности* въ Россіи за извѣстное время, сообщая драгоцѣнныя и до сихъ поръ неизвѣстныя біографическія свѣдѣнія о разныхъ историческихъ лицахъ, книги эти представляютъ богатые матеріалы для внимательнаго изслѣдователя. Изъ нихъ можно получить понятіе объ устройствѣ придворной службы и о великолѣпіи двора государей московскихъ, которые, по мѣрѣ увеличенія своего могущества, постепенно умножали число и разнообразили должности окружавшихъ ихъ чиновниковъ. Но особо важное значеніе имѣютъ эти книги, какъ документы оффиціальные, при розысканіи о происхожденіи древнихъ родовъ дворянскихъ и при доказательствахъ дворянскаго происхожденія: въ нихъ дворянинъ найдетъ не только имена своихъ предковъ, но узнаетъ, какія должности занимали они, *какое участіе принимали въ историческихъ событіяхъ своего времени*, какія услуги оказали царю и отечеству.»

Все это, въ извѣстной степени справедливо, хотя съ нѣкоторыми положеніями совсѣмъ нельзя согласиться. Съ содержаніемъ боярскихъ книгъ мы знакомы изъ сочиненія его же, г. Иванова «Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива» (Москва 1842 г.), гдѣ приведены на нѣсколькихъ страничкахъ выписки изъ нихъ — впрочемъ, въ такомъ объемѣ, что мы вообще можемъ судить о характерѣ и значеніи этого памятника. Имѣя въ виду эти выписки, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобъ боярскія книги *раскрывали полную картину служебной дѣятельности* въ Россіи за извѣстное время и давали *понятіе о великолѣпіи московскаго двора.* Это заимствовано изъ упомянутой выше статьи г. Языкова, который сказалъ, что изъ боярскаго списка можно составить себѣ вѣрное понятіе о постепенномъ умноженіи великолѣпія московскаго двора. Но все это должно разумѣть въ-отношеніи только учрежденія новыхъ чиновъ, которые даютъ понятіе только объ устройствѣ двора, а не о великолѣпіи его. *Множество* чиновниковъ никакъ не можетъ составить великолѣпія, а можетъ представить только бо́льшую *чинность*, въ древнемъ значеніи этого слова. Для *великолѣпія* требуется совсѣмъ-другое, о чемъ понятіе получается не изъ боярскихъ книгъ, или списковъ, а, напримѣръ, изъ дворцовыхъ разрядовъ, царскихъ выходовъ, статейныхъ списковъ и другихъ подобныхъ памятниковъ. Что же касается до картины служебной дѣятельности, то картину эту весьма-трудно раскрыть изъ отмѣтокъ, что, напримѣръ, окольничему Ѳ. Л. Бутурлину за *волуйскую*

розмѣну придано къ 300 р. еще 50 р., или боярину Өедору Иванову Шереметеву за литовскія за два посольства придано 200 р. Здѣсь картина не обозначаетъ даже, какія это были посольства, и что́ это за «волуйская размѣна», трудно-объяснимая даже для знакомыхъ не съ однѣми боярскими книгами. Такими же отмѣтками описывается и участіе бояръ въ историческихъ событіяхъ того времени.

Какъ бы то ни было, познакомить публику съ боярскими книгами, какъ говоритъ авторъ, полезно и даже необходимо.

«Всякій, знакомый съ трудами подобнаго рода, легко пойметъ всѣ препятствія, какія должно преодолѣть при составленіи Алфавита, въ которомъ помѣщено въ должномъ порядкѣ и въ строгой хронологической послѣдовательности десятки тысячъ лицъ и болѣе чѣмъ вдвое разныхъ при нихъ отмѣтокъ. Особенно представлялись затрудненія при размѣщеніи отмѣтокъ: требовалось безпрерывныхъ справокъ и соображеній для удостовѣренія, дѣйствительно ли то лицо, противъ котораго дѣлается отмѣтка, находится въ слѣдующемъ спискѣ. Но, несмотря на всѣ старанія—сообщить въ Алфавитѣ съ возможною точностію и ясностію всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ Боярскихъ Книгахъ, представились однако при этомъ нѣкоторыя недоразумѣнія: такъ въ спискахъ встрѣчаются лица, сначала въ высшихъ чинахъ, а впослѣдствіи въ нисшихъ. Отъ чего происходитъ такая непослѣдовательность—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что самыя книги, даже темными намеками, не разрѣшаютъ этого вопроса; можетъ быть то были два разныя лица — однофамильцы и соименники, а можетъ быть и одно, разжалованное почему либо Государемъ.»

Составленіе какого бы то ни было алфавита — трудъ тяжелый и скучный. Главная задача въ подобныхъ трудахъ—всевозможная точность, пунктуальность въ-отношеніи сообщаемыхъ извѣстій. Посмотримъ, успѣшно ли авторъ преодолѣлъ представляемыя имъ затрудненія, на сколько дѣйствительны эти самыя затрудненія, и вѣрно ли, точно ли все передано? Работа заключалась въ томъ, чтобъ сдѣлать сводъ именъ, записанныхъ въ 12 боярскихъ книгахъ съ обозначеніемъ должности или чина при каждомъ имени, и года, подъ которымъ записано извѣстное лицо или въ который сдѣлано производство этого лица въ извѣстный чинъ или должность. Слѣдственно, сто́яло только взять первую, то-есть древнѣйшую книгу, выписать по алфавиту изъ нея всѣ имена съ ихъ чинами, и потомъ изъ слѣдующихъ 11 книгъ дополнять алфавитъ новыми именами, которыя будутъ встрѣчаться, и отмѣчать перемѣны въ чинахъ и должностяхъ прежнихъ, ужь обозначенныхъ именъ. Важнѣйшія затрудненія при этой работѣ могли представиться только тамъ, гдѣ встрѣчались одинакія имена и фамиліи въ разныхъ книгахъ и подъ разными годами. Должно было опредѣлить: одно это лицо или два, бывшія только однофамильцами и соименниками? При внимательной работѣ, это опредѣлить нетрудно. Напримѣръ, Хрущовъ, Иванъ Лукинъ, въ 7135 году показанъ московскимъ дворяниномъ, а въ 7137 году—стряпчимъ. Весьма-ясно, что это одно и то же лицо, и нечего

раздѣлять его на два, какъ то дѣлаетъ г. Ивановъ. Нельзя также раздѣлять и Стрѣшневыхъ Леонтья Аѳанасьева и Степана Ѳедорова. Даже Стрѣшневъ Никита Нехорошево, показанный съ 7135 по 7185 г. московскимъ дворяниномъ и стольникомъ, одно лицо съ Стрѣшневымъ Никитою Константиновымъ, который съ 7187 по 7200 г. показанъ окольничимъ и бояриномъ, безъ извѣстія о предъидущей службѣ. Отчество *Нехорошево* — только прозвище. Къ той же категоріи относятся Пушкины Никита Астафьевъ, Петръ Петровъ, Ѳедоръ Ивановъ и такъ далѣе... Въ книгѣ г. Иванова такихъ примѣровъ множество. Обстоятельство немаловажное для алфавита, и на первый разъ весьма-ясно показывающее, что безпрерывныя справки и соображенія хотя и требовались, но не были дѣйствительно употреблены. Подобный безпорядокъ можетъ произойдти въ такомъ только случаѣ, когда сводъ именъ дѣлается разными лицами, безъ общаго соображенія и руководства. Одинъ, напримѣръ, возьметъ для составленія алфавита одну книгу, другой—другую и т. д. Оттого одно и то же лицо, записанное въ двухъ книгахъ, по способу работы, является вдвойнѣ. Впрочемъ, для тѣхъ, которые будутъ пользоваться книгою, указанныя неточности неслишкомъ важны: каждый можетъ съ перваго же взгляда узнать въ чемъ дѣло — итакъ, пойдемъ далѣе.

Пушкинъ, Григорій Гавриловичъ показанъ стольникомъ въ 7135, 7137, 7144, 7148 годахъ, и потомъ окольничимъ въ 7135 году, то-есть въ первомъ году его стольничества. Что это такое? Извѣстно, впрочемъ, что Григорій Гавриловичъ Пушкинъ былъ еще прежде окольничества думнымъ дворяниномъ, а послѣ окольничества—бояриномъ и оружейничимъ. Гдѣ жь въ алфавитѣ извѣстія объ этомъ?... По дворцовымъ разрядамъ, Пушкинъ пожалованъ въ думные дворяне въ 7152 году въ февралѣ (Т. II. стр. 731), изъ думныхъ дворянъ въ окольничіе, въ 7153 г. ноября 27, (Т. II, стр. 743), а изъ окольничихъ въ бояре въ 7154 г. августа 15 (Дв. Разр , т. III. стр. 42). Всѣхъ этихъ свѣдѣній въ «Алфавитѣ» не имѣется: мудрено согласиться, чтобъ ихъ не было и въ боярскихъ книгахъ. Во всякомъ случаѣ, окольничимъ въ 7135 г. Пушкинъ быть не могъ. *Морозовъ*, Борисъ Ивановичъ, извѣстнѣйшее лицо, въ «Алфавитѣ» показанъ стольникомъ въ 7135 г. и бояриномъ въ 7137 году. Между-тѣмъ извѣстно, что онъ пожалованъ въ бояре при назначеніе его въ *дядьки* къ царевичу Алексѣю Михайловичу въ 7142 (1634) г. января 6. (Дв. Разр. т. II. 354). *Морозовъ* Иванъ Васильевичъ показанъ бояриномъ съ 7148 года, а дѣйствительно былъ пожалованъ въ 7142 году (Дв. Разр. т. II. 365). *Куракинъ* Ѳедоръ Семеновичъ показанъ бояриномъ съ 7148 года, а дѣйствительно пожалованъ въ 7154 г. сентября 30 (ibid. т. III. стр. 19). *Стрѣшневъ* Василій Ивановичъ показанъ окольничимъ съ 7144 г., а дѣйствительно пожалованъ въ 7142 г. января 6 (ibid. II. 354). *Стрѣшневъ* Ѳедоръ Степановичъ окольничимъ съ 7144 г., а пожалованъ въ 7142 г. февраля 2

(ibid. II. 360). *Стрѣшневъ*, Лукьянъ Степановичъ, показанъ въ 7135, 7137 г. московскимъ дворяниномъ, а съ 7148 года бояриномъ, между-тѣмъ въ 7142 году марта 1 онъ пожалованъ изъ *окольничихъ* въ бояре (ibid. II. 365), и такъ далѣе.

Для новаго соображенія возьмемъ «Выписку изъ Боярской Книги» 7137 года, помѣщенную г. Ивановымъ въ «Описаніи Разряднаго Архива» (стр. 5—12) и свѣримъ ее съ «Алфавитомъ». Напримѣръ, въ «Выпискѣ» значится, что въ 143 г. (сравн. Дв. Разр. II. 467) государь пожаловалъ въ бояре князя Петра Александровича Репнина. Кажется, ясно? Въ «Алфавитѣ» же отмѣчено, что онъ былъ въ 7137 г. московскимъ дворяниномъ, а съ того же года — бояриномъ, а 7144 стряпчимъ и потомъ 7148 г. снова бояриномъ. Какъ сообразить эти показанія? За Репнинымъ слѣдуетъ въ «Выпискѣ», какъ бояринъ, вновь-внесенный въ книгу Иванъ Петровичъ Шереметевъ, показанный въ «Алфавитѣ» бояриномъ съ 7137 г., между-тѣмъ, какъ онъ пожалованъ въ бояре въ 7142 г. (Дв. Р. II. 360). Далѣе въ «Выпискѣ» означено: 147 (должно-быть 146), мая 15 князь Юрій Андреевичъ Сицкой (то-есть пожалованъ въ бояре, что̀ можно видѣть и во II т. Дв. Р. стр. 574); въ «Алфавитѣ» же указано, что онъ бояриномъ съ 7137 года. Почему здѣсь всѣ указанія о боярствѣ отнесены, вопреки истинѣ, къ 7137 году? Потому-что книга принадлежитъ къ 7137 году. Составитель не утруждалъ себя—не то чтобы безпрерывными справками, а простыми соображеніями, напримѣръ, что въ книгѣ 7137 года могутъ быть, и дѣйствительно есть, какъ онъ самъ выше удостовѣряетъ, отмѣтки и записки позднѣйшихъ годовъ. Ясно, что онъ не останавливалъ своего вниманія на этихъ отмѣткахъ, а вносилъ въ «Алфавитъ» имена и обозначалъ ихъ чины годомъ книги, 7137, не обращая вниманія на то, что въ эту же книгу вписывались производства и 7142, и 7143, и 7147 годовъ!

Далѣе: Аничковъ Иванъ Михайловичъ показанъ въ «Алфавитѣ» стряпчимъ—съ ключомъ, 7137 и 7144 г., постельничимъ 7148 г. и наконецъ (разжалованнымъ) московскимъ дворяниномъ въ 7166 г. Въ «Выпискѣ» же изъ «Боярской Книги», изъ которой составлялся «Алфавитъ», сказано, что въ 7144 г. онъ пожалованъ только въ стряпчіе съ ключомъ. (Въ этомъ случаѣ сохраненъ годъ и книги—7137, и производства — 7144!). По Дворцовымъ же Разрядамъ, въ постельничіе онъ пожалованъ не въ 7148, а въ 7154 г. сентября 8 (т. III. стр. 13), изъ постельничихъ же въ думные дворяне въ 7155 г. сентября 1 (ibid. III. стр. 47). Этого послѣдняго производства въ «Алфавитѣ» совсѣмъ нѣтъ.—Дьякъ Иванъ Грязевъ по «Выпискѣ» пожалованъ въ думные дьяки въ 7140 году, а по «Алфавиту» въ 7137, потому-что книга, гдѣ записано это производство, относится къ 7137 году. Думный дьякъ Михайло Волошениновъ, по «Алфавиту», въ этомъ чинѣ съ 7148 года, а пожалованъ дѣйствительно въ 7153 году (Дв. Разр. II. 743)... Но остановимся. Судя аналогически, *дальнѣйшее*

насъ устрашаетъ! При-всемъ-томъ должно замѣтить, что мы не рылись кротами въ «Алфавитѣ» г. Иванова, а развернули только II и III томы «Дворцовыхъ Разрядовъ», и какія пожалованія (производства) встрѣчались намъ на первый разъ, тѣ и свѣрялись съ «Алфавитомъ», не указывая даже на то, что во многихъ случаяхъ, по разрядамъ эти производства указывались раньше годомъ. Это мы объяснили себѣ тѣмъ, что самое количество боярскихъ книгъ неполно, и такимъ-образомъ хронологической послѣдовательности отъискивать въ нихъ нельзя; впрочемъ г. Ивановъ утверждаетъ противное, сказавъ, что «всѣ эти книги содержатъ въ себѣ отмѣтки о служебной дѣятельности лицъ и за промежуточные года» (стр. 111).

Древняя деревянная церковь *въ скиту Геѳсиманскомъ близъ Троице-Сергіевой Лавры. Москва. Въ тип. Вѣдомостей Московской Городской Полиціи. 1853. Въ 4-ю д. л. 20 стр.*

Эта церковь, перенесенная изъ села Подсосенья на Корбуху, близъ Троицкой Сергіевой Лавры, представляетъ памятникъ русскаго народнаго зодчества.

Прежде обозрѣнія ея внѣшности и внутренности, авторъ касается вообще устройства деревянныхъ церквей въ Россіи. Мы опустимъ эту часть книги и перейдемъ ко второй — описанію храма, возобновляющаго въ памяти нашей знаменитыя имена св. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева Монастыря, и келаря его Авраамія Палицына, сподвижниковъ Минина и Пожарскаго.

Церковь эта прежде стояла въ монастырскомъ селѣ Подсосеньѣ, или *подъ сосною*, гдѣ, еще въ XVI-мъ вѣкѣ, находился Богородицкій Успенскій Дѣвичій Монастырь. Послѣ пораженія Литовце-Поляковъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, преподобный Діонисій въ 1616 году поставилъ и освятилъ ее во имя Успенія Богоматери на мѣстѣ сгорѣвшей въ селѣ Подсосеньѣ. Перевезенный стараніемъ намѣстника лавры, Антонія, изъ Подсосенья на Корбуху, этотъ храмъ въ память Успенія Богоматери поставленъ, возобновленъ и освященъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ. Освященіе совершено 1845 года, въ честь и память геѳсиманскаго моленія Спасителя.

Передаемъ читателямъ описаніе его внѣшняго и внутренняго вида:

«Зданіе сооружено изъ сосновыхъ бревенъ, твердыхъ, какъ камень. Стѣны рублены въ присѣкъ. Верхній ярусъ состоитъ изъ прямоугольника, обведеннаго съ трехъ сторонъ ходовою прирубною папертью; она утверждается на подкосахъ, выпущенныхъ изъ стѣнъ нижняго яруса, такъ-что все зданіе представляетъ собою подобіе корабля, какимъ именуется храмъ. Къ восточной ея части прирублены три выводные алтаря, увѣнчанные теремками, или кокошниками. Три окна освѣщаютъ алтарь. Надъ кровлею возвышается на городкахъ глава, осѣненная древнимъ четверочастнымъ крестомъ. Снаружи стѣны обшиты досками.

«Все пространство верхней церкви оканчивается отъ иконостаса до входныхъ церквей 18 аршинами; вышиною стѣны внутри ея 9 аршинъ.

«Не ищите во внутренности ея великолѣпія и богатства, иногда противоположнаго внѣшности: въ ней не найдете украшеній изъ драгоцѣнныхъ металловъ и камней, ни роскошной рѣзьбы съ позолотою во вкусѣ рококо, ни пестроты красокъ на стѣнахъ. Царствующая въ святилищѣ простота убранства возводитъ мысль къ древнему быту и обиходу пустыннаго благочестія. На внутреннихъ стѣнахъ паперти и трапезы выставлены старинныя иконы для поклоненія, назидательныя сказанія и бесѣды изъ отеческихъ книгъ для чтенія. Здѣсь представляются взорамъ благоговѣйнаго посѣтителя изображенія основателя Троицкой Лавры, преподобнаго Сергія, и возобновителя ея, Никона, равно и другихъ святыхъ, опочивающихъ въ ихъ обители: Михея, Максима Грека, Діонисія, Серапіона и Іоасафа. Это повѣсть въ лицахъ о началѣ и судьбахъ Лавры; это образцы живой вѣры, дѣйственнаго благочестія и теплой любви къ отечеству. Подобно какъ Ноевъ ковчегъ и Соломоновъ храмъ сооружены были изъ негніющихъ древъ, и Крестъ Христовъ, согласно съ пѣснопѣвцами церковными, составленъ былъ изъ кедра, певка и кипариса—стѣны храма и алтарь самаго храма обложены досками изъ этихъ трехъ деревъ.

«Надъ помостомъ алтаря устроенъ изъ кипариса четырехпоясный иконостасъ, вышиною 8 аршинъ; верхи его увѣнчаны херувимами, посреди которыхъ возвышается крестъ съ распятымъ на немъ Спасителемъ міра и предстоящіе ему Божія Матерь и Богословъ. Тябла иконостаса не украшены ни затѣйливою рѣзьбой, ни роскошной позолотой, но сохраняютъ естественный цвѣтъ древа, изъ коего онѣ сдѣланы. Иконы въ нихъ однѣ древнія, а другія вновь написанныя въ древнемъ пошибѣ. Вмѣсто серебряныхъ и мѣдныхъ лампадъ, передъ ними поставлены вощаницы съ двѣнадцатью свѣтильниками.

«Въ выгнутыхъ стѣнахъ алтаря помѣщаются три его части, большой и два маленькіе. Престолъ изъ дубоваго дерева, жертвенникъ изъ кипариса. Въ запрестольномъ крестѣ заключается частица животворящаго древа: передъ нимъ виситъ 12 хрустальныхъ лампадокъ. Тамъ хранится древняя плащаница этой церкви, писанная на холстѣ. Всѣ утвари церковныя носятъ на себѣ печать стариннаго церковнаго обихода. Напрестольный крестъ и сосуды деревянные, даже доски Евангелія изъ дерева, покрытаго рѣзьбою. Кромѣ металлическаго кадила, здѣсь находится ручная кадильница, или кацея глиняная, какая донынѣ употребляется въ нѣкоторыхъ пустыняхъ при богослуженіи. Этому соотвѣтствуютъ самыя облаченія: они изъ бумажной ткани съ крестами и іорданями, не изъ золотаго позумента, но изъ бумажной или шелковой матеріи. Все это живо напоминаетъ намъ св. утварь преподобнаго Сергія и то блаженное его убожество, которымъ онъ богатѣлъ въ Бога.

«Въ нижнемъ храмѣ устроенъ престолъ въ честь страстей Христовыхъ. Искусство въ алтарномъ иконостасѣ представило рядъ страданій Богочеловѣка. Въ день, посвященный крестной смерти Спасителя, здѣсь совершается Божественная литургія, а въ прочіе дни монахи поочереди читаютъ Псалтырь непрерывно. Въ числѣ духовныхъ драгоцѣнностей, здѣсь хранящихся, находится писанный на дскѣ образъ, принадлежавшій св. Ѳеодору Студиту, привезенный сюда г. Муравьевымъ.

«Къ нижней сторонѣ церкви примыкаютъ деревянныя двухъэтажныя келліи на каменномъ фундаментѣ; здѣсь въ трехъ покояхъ помѣщеніе Митрополита Московскаго »

Актъ *двадцатипятилѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго Института, 30 сентября 1853 года. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1853. Въ 4-ю д. л. 14, 176 и 4 стр.*

Мысль о томъ, что для успѣшнаго хода образованія народнаго необходимо имѣть училища, появилась у насъ еще въ концѣ XV столѣтія. Извѣстный архіепископъ новгородскій, Геннадій, въ своемъ посланіи къ митрополиту московскому Симону, жалуясь на малограмотность ставленниковъ, объясняетъ, что эта малограмотность происходитъ отъ нерадѣнія *мастеровъ* (такъ назывались тогда и теперь называются въ народѣ учители), оттого, что эти *мастера* думаютъ только о томъ, чтобъ получить гривну да магарычъ, а не заботятся о томъ, чтобъ выучить учениковъ. Объясняя это, архіепископъ взываетъ къ митрополиту, чтобъ тотъ просилъ великаго государя учредить училища. Не знаемъ, какіе плоды принесло усердіе Геннадія въ дѣлѣ нашего народнаго образованія; еслибъ даже мысль эта и осталась тогда безплодною, она не перестаетъ быть мыслью замѣчательною.

Приведеніе же въ исполненіе мысли о необходимости имѣть хорошихъ учителей принадлежитъ тому, кому принадлежатъ всѣ лучшія начала въ нашемъ народномъ образованіи — Петру-Великому. Учреждая Академію Наукъ, Петръ очевидно возлагалъ на нее обязанность приготовить молодыхъ людей, которые бы, «науку приняеши и пробу искусства своего учинивши, могли «младыхъ людей въ первыхъ фундаментахъ обучать». Въ этихъ немногихъ словахъ заключается самая полная и самая лучшая теорія педагогическихъ учебныхъ заведеній. Правда, мысль Петра-Великаго не осуществилась вполнѣ; но если вспомнимъ, что изъ этой Академіи вышло нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей, и въ главѣ ихъ Ломоносовъ, то должно сказать, что Академія, основанная по идеѣ Петра-Великаго, была небезплодна. Императрица Екатерина II уволила Академію отъ обязанности приготовлять наставниковъ, а въ заведенныя ею училища въ Петербургѣ призвала учителей изъ воспитанниковъ Александро-Невской Семинаріи и Славяно-Греко-Латинской Академіи, поручивъ приготовленіе ихъ къ педагогическому поприщу знаменитому Янковичу-де-Миріево, одному изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ. Эта временная мѣра оказалась недостаточною, и въ 1783 году основано было въ Санктпетербургѣ *Главное Народное Училище.* Учителями сдѣланы приготовленные Янковичемъ воспитанники духовныхъ училищъ и профессоры Академіи; въ этомъ училищѣ *сто* человѣкъ на казенный счетъ приготовлялись къ занятію учительскихъ мѣстъ. Че-

резъ *три* года былъ изданъ уставъ народныхъ училищъ, и казенные воспитанники Главнаго Народнаго Училища въ Санктпетербургѣ составили новое училище, спеціально-педагогическое— *Учительскую Семинарію.* Съ 1783 до 1801 г. эта семинарія образовала 425 наставниковъ; но число питомцевъ ея все болѣе и болѣе уменьшалось, и заведеніе въ 1801 г. было закрыто. Черезъ годъ, въ 1802 году, Коммиссія Народныхъ Училищъ преобразована въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Приготовленіе учителей, при новомъ порядкѣ дѣлъ, снова было возложено на Академію Наукъ и, кромѣ-того, на университеты. Возстановлена была и Учительская Семинарія подъ именемъ *Учительской Гимназіи* (1803); эта гимназія въ 1804 года получила названіе *Педагогическаго Института.* Такъ-какъ въ то время при всѣхъ университетахъ были основаны Педагогическіе Институты, то и на Санктпетербургскій Педагогическій Институтъ надобно смотрѣть какъ на заведеніе временное, на часть будущаго университета. И дѣйствительно, въ 1816 году Педагогическій Институтъ, выпустившій въ-теченіе 12-ти лѣтъ до 300 наставниковъ, получилъ новый уставъ, совершенно-сравнявшій его съ университетами; недоставало только имени университета, и Главный Педагогическій Институтъ, существовавшій съ небольшимъ два года, получилъ названіе *Санктпетербургскаго Университета* 8 февраля 1819 года. Въ 1820 году при университетѣ открытъ *Учительскій Институтъ*, для приготовленія учителей низшихъ учебныхъ заведеній. Этотъ институтъ, впрочемъ, скоро слился съ 3-ю Санктпетербургскою Гимназіею. Университетъ, будучи слитъ съ Педагогическимъ Институтомъ, до 1828 года, сдѣлалъ *шесть* выпусковъ, въ числѣ 74 человѣкъ; изъ нихъ 17 человѣкъ занимали и отчасти теперь еще занимаютъ профессорскія мѣста въ университетахъ и лицеяхъ. 30-го сентября 1828 года, кромѣ педагогическаго отдѣленія при Университетѣ, «дабы умножить число достойныхъ наставниковъ юношества», основанъ въ Санктпетербургѣ отдѣльный *Главный Педагогическій Институтъ*, праздновавшій 30-го сентября нынѣшняго года двадцати-пяти-лѣтній юбилей своего отдѣльнаго существованія.

Представленная нами краткая исторія педагогическихъ учрежденій въ Россіи до 1828 года извлечена отчасти изъ первой главы напечатаннаго въ «Актѣ юбилея» *Историческаго обозрѣнія перваго двадцати-пяти-лѣтія Главнаго Педагогическаго Института*, составленнаго ученымъ секретаремъ г. Смирновымъ, частью на основаніи «Историко-статистическаго обозрѣнія учебныхъ заведеній Санктпетербургскаго Учебнаго Округа», А. Воронова (С. П. Б. 1849). Оба сочиненія заключаютъ въ себѣ много интересныхъ подробностей. Постараемся съ своей стороны дополнить ихъ двумя замѣчаніями.

Вопервыхъ, упоминая о уставѣ Академіи Наукъ 1724 года о приводя изъ него нѣкоторыя мѣста, г. Смирновъ не говоритъ и педагогическомъ назначеніи Московскаго Университета, между-

тѣмъ, какъ это назначеніе выражено и въ Именномъ Указѣ 12 го января 1755 года и въ Высочайше-утвержденномъ проектѣ университета, и притомъ въ такой формѣ, которая дѣлаетъ эти немногія слова драгоцѣнною страницею въ исторіи нашего образованія. Выписываемъ эти слова: «Великое число въ Москвѣ у «помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ «большая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами къ «тому никакого начала не имѣютъ, и только чрезъ то младыя «лѣта учениковъ и лучшее время къ ученію пропадаетъ, а за «ученіе онымъ безполезно великая плата дается; всѣ же почти «помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя «иные, по бѣдности, великой части своего имѣнія и ласкаясь на«деждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ «службу Нашу, а иные, не имѣя знанія въ наукахъ, или по не«обходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ та«кихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными «ремеслами всю жизнь свою препровождали; и показывая онъ, «камергеръ и кавалеръ Шуваловъ, что такіе въ ученіяхъ недо«статки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ, и желае«мая польза надежно черезъ скорое время плоды свои произве«детъ, паче жь когда довольно будетъ національныхъ надежныхъ «людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная Наша Им«перія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей, «и ко исполненію начатыхъ предпріятіевъ и ко учрежденію впредь «по знатнымъ російскимъ городамъ россійскими профессорами «училищъ, отъ которыхъ и во отдаленномъ простомъ народѣ «суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси ис«требятся»... Въ 22 § своего проекта Шуваловъ пишетъ: «не «соизволено ль будетъ содержать студентовъ 20 человѣкъ запис«ныхъ на жалованьѣ, чтобъ изъ нихъ въ Гимназію опредѣлять «и въ нижніе классы учителями». (Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ XIV, № 10,346, стр. 286 и 291).

Вовторыхъ, намъ показалось, что г. Смирновъ на стр. 9 слишкомъ-мало говоритъ объ основанномъ при Институтѣ *Благородномъ Пансіонѣ;* изъ его словъ: «Институту позволялось имѣть пансіонъ для воспитанія дѣтей», можно заключить, что это заведеніе имѣло характеръ частный, между-тѣмъ, какъ, по Именному Указу 1818 года 14 февраля, этотъ пансіонъ получилъ права равныя съ лицеями, существовалъ при университетѣ до 1830 года и выпустилъ болѣе 150 воспитанниковъ. (См. Воронова Историко-Стат. Об. СПБ. Учебн. Окр. стр. 117 — 119, 274 — 279).

Слѣдующія главы «Обозрѣнія» г. Смирнова отличаются полнотою собраннаго матеріала. Главы III и IV заключаютъ въ себѣ исторію института съ 1828 года до настоящаго времени. Вотъ въ чемъ заключается эта исторія.

30-го августа 1829 года, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія князя К. А. Ливена, происходило открытіе института, въ особенномъ наемномъ домѣ, на Невскомъ Проспектѣ

(нынѣ домъ г. Бенардаки). 87 воспитанниковъ, вызванныхъ изъ духовныхъ семинарій, составили собою предварительный курсъ. Черезъ три года, когда предварительный курсъ сдѣлался старшимъ, образованы были при институтѣ два отдѣленія: среднее и младшее, въ каждомъ по 30 человѣкъ. Студенты старшаго курса занимались преподаваніемъ въ этихъ отдѣленіяхъ и чрезъ это учились педагогикѣ практически. Въ 1835 и въ 1838 годахъ сдѣланы были два первые выпуска студентовъ. Въ 1839 году возстановленъ *второй разрядъ Главнаго Педагогическаго Института* для приготовленія учителей въ уѣздныя и приходскія училища, а въ 1842 году учрежденъ *классъ полупансіонеровъ*, съ цѣлью доставить педагогическую практику воспитанникамъ втораго разряда и приготовить дѣтей для составленія младшаго отдѣленія. Въ такомъ положеніи находился Педагогическій Институтъ подъ управленіемъ перваго своего директора, дѣйс. статс. сов. Ѳ. И. Миддендорфа, до 1847 года.

«Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Педагогическаго Института нынѣшняго Директора (пишетъ г Смирновъ), Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ Исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣднѣлъ въ хозяйственномъ отношеніи; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, слабѣлъ въ сравненіи съ Университетами, преобразованными Уставомъ 1835 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностію и честію стремиться къ полученію высшихъ ученыхъ степеней, по Положенію 1837 года, какъ Студенты Университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. Прежде въ этомъ случаѣ помогала Студентамъ Института посылка ихъ въ заграничные Университеты, для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною, и наконецъ совершенно отмѣнена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но, употребляя много времени на преподаваніе наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самостоятельное обработываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а потому должны были ограничиться честію хорошихъ учителей Гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь — быть достойнымъ профессоромъ, оставалась недостижимою» (стр. 27).

Вслѣдствіе этого, нынѣшнимъ директоромъ исходатайствовано въ 1847 году Высочайшее соизволеніе на преобразованіе института. Второй разрядъ, Младшее Отдѣленіе и Предварительный Курсъ уничтожены: институтъ имѣетъ цѣлью приготовлять преподавателей только для гимназій и университетовъ, и восполняется учениками изъ гимназій и семинарій. Вмѣсто трехъ отдѣленій: 1) наукъ философическихъ и юридическихъ, 2) наукъ математическихъ и физическихъ и 3) наукъ историческихъ и сло-

весныхъ, учреждены два факультета: историко-филологическій и физико-математическій; выпускъ и пріемъ бываютъ не черезъ три года, какъ прежде, а черезъ два. Въ 1850 году перечислено къ институту и Педагогическое Отдѣленіе Санктпетербургскаго Университета.

Въ главѣ IV г. Смирновъ излагаетъ «учебные курсы Главнаго Педагогическаго Института», какъ прежніе, такъ и нынѣшніе—это важный матеріалъ для исторіи науки. Глава V заключаетъ въ себѣ «дополнительныя свѣдѣнія объ ученомъ образованіи и особенныхъ трудахъ питомцевъ Главнаго Педагогическаго Института»—это краткія литературные біографіи; всѣхъ 54. Въ главѣ VI говорится объ учебныхъ пособіяхъ института, въ VII разсказывается исторія помѣщенія института; упоминаются особенныя событія по институту и особенныя пожертвованія въ его пользу; глава VIII составляетъ хронологическое обозрѣніе перемѣнъ въ начальствующихъ и служащихъ лицахъ по институту съ 1828 по 1853 годъ. Глава IX содержитъ въ себѣ хронологическое опредѣленіе питомцевъ института на службу. Изъ этой главы мы видимъ, что въ-теченіе двадцати-пяти-лѣтняго существованія института вышло 526 человѣкъ. Такимъ-образомъ институтъ давалъ ежегодно, среднимъ числомъ, 21-го наставника. Учительская Семинарія давала $23\frac{1}{2}$, а Педагогическій Институтъ, существовавшій съ 1803 до 1816 ровно—25. Это постоянство цифры происходитъ оттого, что студентовъ было постоянно числомъ *сто*. Изъ этого числа болѣе *половины* поступило въ учители гимназій и дворянскихъ училищъ; около *трети*—въ уѣздныя училища; очень-немногіе (28)—въ приходскія, а 44 то-есть $\frac{1}{24}$ — въ высшія учебныя заведенія. Глава X и послѣдняя заключаетъ въ себѣ подробное описаніе института въ нынѣшнемъ его состояніи.

Кромѣ «Историческаго Обозрѣнія» въ «Актѣ Института» напечатаны двѣ рѣчи, произнесенныя въ день юбилея: первая—рѣчь директора Главнаго Педагогическаго Института о томъ, что двадцати-пяти-лѣтній юбилей института есть событіе радостное для наукъ, для родителей и для русскаго просвѣщенія. Рѣчь эта была напечатана въ газетахъ, и мы увѣрены, что ее прочли всѣ, кого занимаетъ отечественное просвѣщеніе, и потому считаемъ излишнимъ говорить что-либо о ея достоинствахъ: авторъ не впервые является краснорѣчивымъ ораторомъ въ дѣлѣ просвѣщенія. Вторая рѣчь *о спеціально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ*, произнесена экстра-ординарнымъ профессоромъ И. Вышнеградскимъ.

Опыты историко-филологическихъ и физико-математическихъ трудовъ *студентовъ Главнаго Педагогическаго Иститута седьмаго выпуска. С. Петербургъ. 1853. Въ 8 д. л, 96, 135, 188, 28, 40, всего 487 стран.*

Изданіе въ свѣтъ трудовъ студентовъ Педагогическаго Института необходимо должно возбуждать въ воспитанникахъ боль-

шую ревность къ ученымъ занятіямъ — вотъ польза, приносимая разсматриваемою нами книгою для самого Института. Но статьи, помѣщенныя въ этой книгѣ, дѣльныя, серьёзныя монографіи — вотъ польза, приносимая этимъ изданіемъ русской ученой литературѣ.

Въ «Трудахъ студентовъ седьмаго выпуска» находимъ слѣдующія статьи: 1) Мысли Платона о воспитаніи юношества, г. *Кургановича;* 2) Глоссы Mater Verborum, г. *Скворцова;* 3) Теорія маятника, г. *Будаева;* 4) Аналитическій выводъ явленія, замѣчаемаго при прохожденіи свѣта черезъ пластинку исландскаго шпата, г. *Кедрова;* 5) Объ анализахъ пива и винограднаго вина, г. *Григорьева.*

Мысли Платона о воспитаніи юношества — статья интересная для всякаго образованнаго человѣка. Г. Кургановичъ воспользовался важнѣйшими сочиненіями, относящимися къ его тэмѣ, и, какъ замѣтно, хорошо владѣя греческимъ языкомъ, собралъ изъ платоновыхъ твореній «О государствѣ» и «О законахъ» важнѣйшія мѣста о воспитаніи, привелъ ихъ въ систему и изложилъ хорошимъ русскимъ языкомъ.

Глоссы Mater Verborum, соч. г. Скворцова. Въ Библіотекѣ Чешскаго Музея, въ Прагѣ, находится списокъ латинскаго словаря, извѣстнаго подъ именемъ *Mater verborum*, списокъ сдѣланный въ 1202 году и драгоцѣнный потому, что во многихъ мѣстахъ къ латинскимъ словамъ приписанъ чешскій переводъ. Эти чешскія объясненія, или «глоссы», изданы, между-прочимъ, Шафарикомъ. Важность ихъ для славянскихъ древностей, при скудости другихъ современныхъ матеріаловъ, очень-велика. Г. Скворцовъ расположилъ ихъ по алфавитному порядку и очень-добросовѣстно собралъ все, что̀ можетъ пояснить значеніе темныхъ словъ. Къ этому приложилъ онъ введеніе, въ которомъ, между-прочимъ, находимъ расположеніе словъ по содержанію и грамматическіе выводы изъ глоссъ.

Переходимъ къ статьямъ физико-математическимъ. Здѣсь встрѣчаемъ *Теорію маятника*, соч. Николая Будаева.— Въ предисловіи къ сочиненію сказано слѣдующее: «Я говорю о сочиненіи: «Théorie «du pendule» нашего геометра Михаила Васильевича Остроградскаго. «Оно не только не напечатано, но и далеко не кончено и было брошено авторомъ лѣтъ десять тому назадъ. Въ немъ помѣщено только шесть нумеровъ, въ которыхъ и выводится дифференціальное «уравненіе движенія маятника при принятіи во вниманіе сопротивленія и тренія воздуха и вычисляются коэффиціенты этого уравненія для шаровой формы маятника. *Эти шесть нумеровъ переведены мною буквально, въ полномъ смыслѣ этого слова...* Другое «сочиненіе, которымъ я пользовался, принадлежитъ Бесселю. Оно «было издано германскимъ астрономомъ въ 1828 г. подъ заглавіемъ: «Untersuchungen über die Länge des einfachen Secunden-«Pendels». Сочиненіе это считается замѣчательнымъ какъ по теоріи, предлагаемой въ немъ для движенія маятника, такъ и по

«собранію точныхъ наблюденій, сдѣланныхъ самимъ авторомъ, «искуснымъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя Поассонъ и говорилъ Михаилу «Васильевичу, когда геометръ нашъ былъ въ Парижѣ, что на«прасно Бессель, для обнародованія нѣсколькихъ собственныхъ «идей, написалъ цѣлую книгу, наполнивъ ее давно извѣстнымъ «ученому міру, тѣмъ не менѣе я счелъ полезнымъ заимствовать «изъ этой книги нѣсколько статей какъ потому, чтобъ дать чи«тателямъ понятіе о ней, въ настоящее время довольно ужь рѣд«кой, такъ и потому, что статей подобнаго содержанія нѣтъ въ «отечественной ученой литературѣ. *Статьи, заимствованныя изъ «творенія Бесселя, находятся въ послѣднихъ шести нумерахъ — «отъ нумера 15 по 20 — предлагаемаго сочиненія*». Изъ этого видно, что «Теорія маятника» не иное что́, какъ переводъ двухъ сочиненій, одного вполнѣ, а другаго съ перефразировкою; слѣдственно, писать на нее рецензію, значитъ разбирать труды г. Остроградскаго и Бесселя; но высокія ученыя заслуги русскаго геометра и нѣмецкаго астронома извѣстны всѣмъ, занимающимся физико-математическими науками, и желающіе сдѣлать въ нихъ успѣхи должны изучать глубокомысленныя произведенія этихъ знаменитыхъ людей. Что жь остается дѣлать рецензенту съ «Теоріей маятника»? Вопервыхъ, онъ можетъ замѣтить, что эта теорія есть лучшее доказательство обширно-глубокаго преподаванія математики въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; вовторыхъ, онъ можетъ пожалѣть, что авторъ-переводчикъ «Теоріи» не принялъ на себя труда изложить предварительно современное состояніе вопроса вмѣстѣ съ объясненіемъ его сущности и его практическаго приложенія; такое изложеніе открыло бы, чего недостаетъ въ изслѣдованіяхъ о томъ же предметѣ Эйлера, Лагранжа и Пуассона, и особенно Борда, и почему г. Остроградскій и Бессель почли за нужное давно-извѣстный и повидимому рѣшенный вопросъ подвергнуть новымъ изслѣдованіямъ. Такое учено-историческое разсмотрѣніе было бы весьма-полезно, сообщило бы оригинальность труду г. Будаева и дало бы ему возможность высказать его начитанность, ученость. Втретьихъ, рецензентъ можетъ пожалѣть, что г. Будаевъ, переводя записку г. Остроградскаго, не объяснилъ многихъ ея мѣстъ, которыя для многихъ читателей покажутся весьма-трудными, особенно новый способъ интегрированія уравненій. Наконецъ рецензентъ не можетъ не поздравить русскихъ математиковъ съ пріобрѣтеніемъ новаго товарища, вступающаго въ ихъ общество съ богатымъ запасомъ знаній, которыя укрѣпятся и распространятся временемъ и, безъ-сомнѣнія, принесутъ много пользы для науки.

Аналитическій выводъ явленія, замѣчаемаго при прохожденіи круговымъ образомъ поляризованнаго свѣта черезъ пластинку исландскаго шпата по направленіямъ, близко подходящимъ къ его оптической оси, соч. Евгенія Кедрова. — Разсужденіе молодаго ученаго, доказывающее обширность и многосторонность преподаванія физико-математическихъ наукъ въ Главномъ Пе-

дагогическомъ Институтѣ, который снабжаетъ русскія учебныя заведенія превосходно-образованными наставниками, полными хозяевами тѣхъ предметовъ, которые препоручаются ихъ преподаванію. Кромѣ учености, это разсужденіе свидѣтельствуетъ, что авторъ его совершенно понимаетъ методу преподаванія, потомучто математическое рѣшеніе вопроса предварилъ вполнѣ-удовлетворительнымъ объясненіемъ его сущности. Это объясненіе должно считать прекраснымъ дополненіемъ къ той статьѣ физики г. академика Ленца, въ которой предлагается теорія свѣта по ипотезѣ сотрясенія. Преподаватели физики въ гимназіяхъ прочтутъ съ удовольствіемъ и пользою введеніе къ разсужденію г. Кедрова и поблагодарятъ его за ясное и точное изложеніе понятій какъ о прямолинейной, такъ и о круговой *поляризаціи свѣта*, по ученію Френеля и Юнга. Можно только пожалѣть, что авторъ слишкомъ-коротко, и то въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, упоминаетъ о *главномъ сѣченіи* и *оптической оси* кристалла. Правда, онъ писалъ не учебное сочиненіе и могъ предполагать, что эти понятія совершенно-извѣстны его читателямъ ; но нѣсколько лишнихъ строкъ послужили бы для многихъ пособіемъ для полнаго уразумѣнія его прекраснаго разсужденія, принадлежащаго къ самому бѣдному разряду нашей ученой литературы, потомучто на русскомъ языкѣ мы знаемъ только одно сочиненіе по оптикѣ—г. профессора Сомова. Сверхъ-того, рецензенту позволительно пожелать, чтобъ авторъ, приступая къ математическимъ вычисленіямъ явленія, присоединилъ къ первому чертежу, такъ-сказать, аналитическій чертежъ Френелева параллелепипеда, для показанія, какимъ образомъ происходятъ въ немъ два отраженія свѣта, и какое имѣютъ взаимное положеніе плоскость отраженій и плоскость поляризаціи. Что жь касается до математическихъ вычисленій, то о нихъ надобно сказать, что они, относительно ясности, ничего не оставляютъ желать: ихъ можно читать безъ пера или карандаша. Вообще можно пожелать, чтобъ г. Кедровъ продолжалъ свои занятія оптикою, и трудами своими уничтожилъ большой пробѣлъ въ русской ученой литературѣ.

Очеркъ *правоописательной этнографіи города Онеги Архангельской Губерніи съ собраніемъ онежскихъ пѣсенъ и реестромъ словъ, отличающихъ тамошнее нарѣчіе. Составилъ* С. П. Кораблевъ. *Москва. Въ тип. Александра Семена. 1853. Въ 18-ю д. л. 63 стр.*

Г. Кораблевъ извѣстенъ ужь публикѣ «Этнографическимъ и Географическимъ Очеркомъ Каргополя Олонецкой Губерніи». Благосклонный пріемъ его труда поощрилъ его къ составленію новаго — «Очерка Онеги», города Архангельской Губерніи, въ которомъ, въ первую четверть текущаго столѣтія, онъ постоянно жилъ около двухъ лѣтъ, и въ который, кромѣ-того, приходилось ему дѣлать поѣздки въ-теченіе пяти лѣтъ.

Описаніе интересно. Къ нему приложены онежскія пѣсни и слова, записанныя на мѣстѣ. Словъ этихъ, впрочемъ, немного. Нѣкоторыя изъ нихъ одинаковы съ употребляемыми въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ, *коты* (женская обувь), *написаная* (красивая), *повѣть* (сарай для сѣна и соломы), *порядокъ* (рядъ избъ, образующихъ улицу), *розвальни* (возовыя сани, съ большими откидами), *фата* (платокъ сверху повойника), *ширинка* (вышитое полотенце).

Оканчивая свое описаніе, г. Кораблевъ говоритъ:

«Вотъ какъ среди скучной, суровой природы и утомительныхъ трудовъ, развлекаются Онежане. Но, можетъ быть, спроситъ читатель: чѣмъ же развлекаетъ себя образованная каста жителей, напримѣръ мѣстные чиновники? Само собою разумѣется, что ихъ образъ жизни вездѣ отличенъ отъ массы народонаселенія и всегда носитъ отпечатокъ обычаевъ губернскихъ и даже столичныхъ. Впрочемъ, въ Онегѣ и знать не знаютъ, что̀ такое балы въ губернскомъ или столичномъ значеніи; а если гдѣ, по случаю именинъ или другой оказіи и бываетъ пирушка, то всю принадлежность такого собранія составляютъ чай, кофе, водка и закуска чѣмъ Богъ послалъ, а забавы молодыхъ людей вездѣ одинаковы и мѣстные обычаи, въ большей части случаевъ, подчиняютъ касту образованную своей власти.»

Описаніе прилипчиваго воспаленія соединительной оболочки глаза (Conjunctivitis Contagiosa), *эпидемически-господствовавшей въ войскахъ австрійской арміи во Флоренціи въ 1849 — 1851 годахъ, составленное докторомъ медицины и хирургіи полковымъ штабъ-лекаремъ* Вотыпка. *Перевелъ съ нѣмецкаго штабъ-лекарь* П. Бобровскій, *старшій лекарь лейбъ гвардіи кирасирскаго Его Императорскаго Величества полка. Санктпетербургъ. Въ тип. Я. Трея. 1853. Въ 8-ю д. л. 111 стр.*

Нельзя не порадоваться прекрасной монографіи г. Вотыпки, тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ если и есть отдѣльныя описанія избранной имъ болѣзни, сдѣланныя нашими врачами, какъ-то: Кабатомъ, Флоріо и другими; но въ такомъ родѣ, какъ это сочиненіе, у насъ еще не было. Авторъ исполнилъ свой трудъ добросовѣстно; онъ имѣлъ возможность надъ большимъ числомъ больныхъ дѣлать свои наблюденія и съ критическимъ взглядомъ, сообразно настоящему состоянію науки, изложилъ этотъ предметъ. Въ началѣ своего сочиненія онъ говоритъ:

«Избранное нами названіе болѣзни, кажется, лучше всѣхъ другихъ означаетъ ея форму и сущность. Болѣзнь эта есть воспаленіе соединительной глазной оболочки и притомъ заразительно прилипчивое. Хуже всѣхъ названій «египетское воспаленіе глазъ» и я вмѣстѣ съ Гульцомъ желалъ бы вовсе исключить его изъ синонимики. Это привычное понятіе о болѣзни до того укоренилось въ головахъ врачей, что наконецъ неизвѣстно, что̀ собственно подъ нимъ и разумѣть.»

Далѣе авторъ говоритъ:

«Дѣло не въ томъ, чтобъ узнать, египетское ли это воспаленіе; гораздо важнѣе знать катарръ ли это, бленоррея или trachoma, потому что леченіе ихъ совершенно различное.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, то, что́ у насъ извѣстно подъ названіемъ египетскаго воспаленія глазъ, есть видъ болѣзни, которую авторъ называетъ trachoma, а между-тѣмъ trachoma, по свидѣтельству врачей, лично-наблюдавшихъ глазныя болѣзни въ Египтѣ (см. Röser Ueber einige Krankheiten des Orients), trachoma встрѣчается тамъ рѣдко, тогда-какъ бленоррея попадается очень-часто, и, слѣдовательно, египетскимъ воспаленіемъ глазъ должно было бы назвать это послѣднее страданіе. Притомъ trachoma свойственна не исключительно Египту, а къ-сожалѣнію, всѣмъ странамъ, и потому авторъ очень-основательно отвергаетъ названіе болѣзни «египетское воспаленіе глазъ», какъ названіе ничего неозначающее и только запутывающее врачей при леченіи различныхъ видовъ воспаленія соединительной глазной оболочки: средства, полезныя въ первой формѣ болѣзни, то-есть, въ катаррѣ, не будутъ годиться въ бленнорреѣ, и т. д. Г. Вотыпка принимаетъ три формы этой болѣзни и за основаніе дѣленія беретъ въ расчетъ качество эксудата; а какъ эксудатъ при катарральномъ воспаленіи бываетъ большею-частью серозный, въ бленнореѣ бѣлочный, а въ грануляціи фиброзный, то авторъ и называетъ первую форму болѣзни: серозно-эксудативнымъ воспаленіемъ соединительной глазной оболочки, вторую бѣлочно-эксудативнымъ, а третью фибринозно-эксудативнымъ. Авторъ въ началѣ своей статьи дѣлаетъ подробное анатомическое описаніе соединительной глазной оболочки, а физіологическое отправленіе и новѣйшія микроскопическія изслѣдованія передаетъ во всей полнотѣ; затѣмъ вкратцѣ исчисляетъ причины, предрасполагающія къ этой болѣзни, и причины производящія, излагаетъ правила, которыми должно руководствоваться при осмотрѣ больныхъ, одержимыхъ этой болѣзнью, и, наконецъ, помѣщаетъ гигіеническія правила, которымъ долженъ слѣдовать каждый врачъ при эпидеміи этой болѣзни. Послѣ того разбирается въ отдѣльности каждая форма болѣзни и, вопервыхъ, катарральное воспаленіе соединительной глазной оболочки (фаллекулярное воспаленіе по Эхснеру). Въ этомъ отдѣленіи разсматриваются причины болѣзни, затѣмъ слѣдуетъ описаніе признаковъ, какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ, и здѣсь очень-отчетливо разбираются всѣ явленія, описывается отличіе прилипчиваго катарральнаго воспаленія соединительной глазной оболочки отъ простаго катарра этой же оболочки и вслѣдъ затѣмъ предлагаются фармацевтическія средства для леченія того и другаго вида воспаленія. Наконецъ, въ такомъ же видѣ разбираются вторая и третья формы болѣзни, то-есть бленноррейная и трихоматозная. Вообще должно замѣтить, что авторъ въ изложеніи очень-простъ.

Насчетъ перевода должно замѣтить, что, вопервыхъ, г. Бобровскій, наблюдавшій воспаленіе соединительной оболочки глазъ, бо-

лѣе чѣмъ надъ 300 больными, счелъ очень-достаточнымъ, при выпускѣ сочиненія г. Вотынки, ограничиться нѣсколькими замѣчаніями и, какъ выражается г. переводчикъ, «не изъ тщеславія, «но изъ безпристрастнаго наблюденія и тщательнаго испытанія «болѣе чѣмъ надъ 300 больными». Очень-жаль, что г. Бобровскому казалось достаточнымъ написать нѣсколько строкъ и назвать ихъ замѣчаніями, по его мнѣнію, можетъ-быть, даже и дѣльными. Можно сказать только, что, наблюдая въ такомъ большомъ числѣ больныхъ, другой, на мѣстѣ г. Бобровскаго, могъ бы сообщить болѣе-интереснаго въ научномъ отношеніи и вывести изъ наблюденій свое собственное resumé; но переводчикъ счелъ это излишнимъ. Вовторыхъ, должно упрекнуть г. Бобровскаго въ плохомъ переводѣ статьи г. Вотынки: во многихъ мѣстахъ перевода трудно доискаться смысла. Напримѣръ, на стр. 27: «И это именно только «такъ-называемыхъ легкихъ катарральныхъ больныхъ, которыхъ, «еще и не подозрѣвая прилипчивости ихъ страданія, оставляютъ «въ казармѣ»; далѣе на стр. 28-й, при вычисленіи причинъ глазнаго катарра сказано: «Причинами глазнаго катарра служатъ тѣ «же моменты (???), которые вообще мы признали причинами при«липчиваго воспаленія слизистой глазной оболочки. Всѣ вліянія, «раздражающія наружную поверхность соединительной глазной «оболочки и нарушающія равновѣсіе дѣйствія съ противодѣйст«віемъ (???), производятъ, при существующемъ расположеніи глаз«ной катарръ». Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются очень-странныя слова; напримѣръ: на стр. 31: «слабкость частей», на стр. 32: «Но если у кого-либо снова окажется глазной катарръ, то боль«наго должно оставить въ комнатѣ и, не отправляя тотчасъ же «въ госпиталь, назначить ему легкій растворъ азотно-кислаго се«ребра (снаружи или внутрь ??)»; а какъ тотъ растворъ употре«бить, въ какомъ количествѣ — ничего не сказано. На стр. 33: «Больнаго должно, однакожь, отправить въ госпиталь, если стра«даніе усиливается, упорно противясь леченію или когда на по«слушаніе больнаго нельзя положиться. Если по долговременномъ «наблюденіи въ отдѣленіи выздоравливающихъ и послѣ частыхъ «прогулокъ на открытомъ воздухѣ (кого, больныхъ или врачей?), «глаза постоянно оставались здоровыми» и пр. Жаль, что переводчикъ не вмѣнилъ себѣ въ обязанность переводить ясно и толково. Впрочемъ, иные поблагодарятъ г. Бобровскаго и за ознакомленіе русской публики съ этимъ произведеніемъ, очень-плохимъ въ переводѣ, но очень-дѣльнымъ въ оригиналѣ.

Учебная Статистика или этнографико-статистическое обозрѣніе пяти первоклассныхъ державъ Европы (*до 1848 года*) А. Брута. *2 тома, въ 6 книгахъ. Санктпетербургъ. 1853. Въ 12-ю д. л. Стран. 190, 124, 102, 106, 99, 98, всего 713.*

Прежде всего поражаетъ въ композиціи г. Брута необыкновен-

ная странность языка. Вотъ примѣры, взятые съ первыхъ раскрытыхъ нами страницъ:

«Со времени Ахенвалля, въ теченіи 100 лѣтъ, столько явилось любителей статистики, что отъ того образовалась цѣлая статистическая литература, *составляющая особую вѣтвь изслѣдованія и содержанія нѣсколькихъ томовъ*» (I, 16).

«Пространство и населенность этихъ *Державъ* такъ малозначительны, что *каждое* изъ нихъ въ отдѣльности неопас*но* непріятелю, *и даже въ соединеніи не увеличиваютъ силъ непріятеля*» (I, 69).

Вся книга написана такимъ языкомъ. Не менѣе странна и терминологія г. Брута; мето*да* статистики, по его мнѣнію, бываетъ 1) «*скучивательная* и раздробительная»; 2) «*данностная* и *разсудительная*»; глава «о государственномъ устройствѣ» у него имѣетъ три подраздѣленія 1) *державное постановленіе;* 2) гражданское *постановленіе;* 3) церковное постановленіе (см. оглавленія къ III — VI книгамъ); полиція у него называется *исправа:* «§ 18. Полиція или исправа».

Въ изложеніи г. Брута никогда не отличается важное отъ неважнаго; такъ, напримѣръ, въ статистикѣ Англіи у него одинаково говорится о лордѣ-лейтенантѣ, котораго званіе — просто почетный титулъ, безъ всякой власти и вліянія на дѣла графства, и о шерифѣ—настоящемъ правителѣ, о мирныхъ судьяхъ и о констэбляхъ (III, стр. 65 — 67), такъ-что изъ его книги вы получаете самое превратное понятіе объ устройствѣ внутренняго управленія графства. Англійскій народъ у него дѣлится на классы, «разночинцевъ» и «благородства» (commonatty и gentry), хотя это дѣленіе не имѣетъ никакого значенія; но у него не приведено существеннаго дѣленія на Commonatty и Nobility (простыхъ людей и титулованное дворянство). Описаніе гербовъ и орденовъ занимаетъ у г. Брута столько же мѣста, какъ изложеніе основныхъ законовъ Великобританіи, и т. д.

Государственное устройство г. Брутъ постоянно излагаетъ самымъ сбивчивымъ образомъ; судебное устройство также; однимъ словомъ, вся книга — наборъ неполныхъ, сбивчивыхъ, неопредѣленныхъ свѣдѣній, изложенныхъ непонятнымъ языкомъ. Вотъ, напримѣръ, все, что говорится у него о «внѣшней торговлѣ Англіи съ Европой» (заглавіе § 13):

«Европейская торговля Англіи производится со всѣми землями Европы, хотя торгов*ые* выгоды и балансъ не всегда остаются на ея сторонѣ. Четыре доли отпускныхъ товаровъ изъ Британскихъ острововъ составляютъ отечественныя произведенія; а одна, пятая, приходится на колоніальные товары. Таможенные сборы простираются до 23 милліоновъ фунтовъ стерл., или 138 милл. рублей сер. Разсмотримъ торговыя сношенія Англіи порознь по Государствамъ:

«1) Въ Сѣверной Европѣ Англія, торгуя съ Швеціею, доплачиваетъ наличными деньгами за желѣзо и строевой лѣсъ. — Данія также пріобрѣтаетъ выгоды отъ Англійской торговли за сырыя свои произве-

денія.—Между торгующими народами съ Россіею и Пруссіею Англичане занимаютъ первое мѣсто. Чрезъ Прусскіе города Данцигъ — водою, Кенигсбергъ и Мемель—сухопутно Англичане ведутъ выгодную торговлю съ Царствомъ Польскимъ. Но получаемыя изъ Россіи сырыя произведенія *Англіи* не *всегда удается* замѣнить и *должна* доплачивать наличными деньгами.

«2) Въ средней Европѣ въ торговыхъ сношеніяхъ Англіи съ Франціею, на которой сторонѣ произойдетъ перевѣсъ, покажетъ время. — Торговля съ Нидерландскимъ Королевствомъ весьма важна, особливо черезъ Роттердамъ. Между многими товарами Англія привозитъ въ Нидерланды частію для мѣстнаго употребленія, а частію для торговли съ другими мѣстами, нѣкоторыя Остъ-и Вестъ-Индскія произведенія, за которыя сами Англичане берутъ Зеландскій краппъ и пряныя коренья. — Съ землями Германскаго Союза, особливо съ Ганзейскими городами, у Англичанъ несравненно бо̀льшіе коммерческіе обороты, нежели съ Сѣверными странами Европы. Они имѣютъ главную *складку* своихъ товаровъ и факторію въ Гамбургѣ, откуда преимущественно развозятся их сукна, бумажныя матеріи, стальныя вещи, *каменная посуда* по разнымъ Нѣмецкимъ областямъ. Впрочемъ, англійскій балансъ здѣсь не всегда вѣренъ, потому что сверхъ сырыхъ матеріаловъ, Англія не можетъ не заимствоваться изъ Германіи и искусственными произведеніями.

«3) Въ Южной Европѣ торговля съ Испаніею и Португаліею, хотя съ нѣкотораго времени нѣсколько поуменьшилась, но при всемъ томъ по великому употребленію Англійскихъ обработанныхъ товаровъ на Пиренейскомъ Полуостровѣ приноситъ знатные прибытки. Сочтено, что до 100,000 Англичанъ живутъ на счетъ Португальцевъ, и что Англія, съ начала прошлаго столѣтія (1703 г.), должна была вывезти изъ Португаліи болѣе 100 милліоновъ ф. ст. — Торговля Итальянская вся находится въ рукахъ Англичанъ. — Наконецъ, торговля съ Турціею также значительна, но менѣе важна, по причинѣ участія въ ней Французскихъ, Австрійскихъ и Русскихъ купцовъ» (III, 19—20).

Вотъ все, что̀ находимъ мы въ книгѣ г. Брута относительно торговли Англичанъ съ Европою. Не говоримъ ужь о томъ, что въ этихъ немногихъ свѣдѣніяхъ есть нѣсколько промаховъ; но стоитъ ли вообще писать статистику, которая представляетъ статистическихъ свѣдѣній менѣе, нежели находится ихъ въ какой-нибудь географіи для уѣздныхъ училищъ? Правда и то, что не только въ учебникахъ географіи, но даже и въ наилучшихъ статистикахъ нельзя найдти такой характеристики «природныхъ Французовъ», какую даетъ своимъ читателямъ г. Брутъ (IV, 54—55). Извлекаемъ лучшее:

«Они *отмѣнно скоры къ добру и злу*; первое дѣлаютъ не требуя благодарности, другое — *не чувствуя упрековъ совѣсти*... Остроуміе и веселость отличаютъ Французовъ въ ихъ разговорѣ, и иностранцы много *перенимаютъ* у нихъ *въ обхожденіи и учтивствѣ*... Французы вѣжливы до излишества во время Государственной тишины; *они вращаются, подобно кораблю безъ груза, порывами буйныхъ страстей: теперь возносятся до небесъ, а черезъ минуту нисходятъ до ада*... Они крайне *животолюбивы* во время мира, но презираютъ смерть и опасности во время сраженія».

Спутникъ механика-строителя, *составленъ* Иліодоромъ Фелькнеромъ, *механикомъ Луганскаго Литейнаго Завода, Корпуса Горныхъ Инженеровъ поручикомъ. Съ литографированными и вырѣзанными на деревѣ рисунками. Харьковъ. Въ университетской тип. 1853. Въ 12 д. л. 274 стр.*

Книга эта составлена добросовѣстно и для строителя машинъ почти-достаточна, но едва-ли многимъ можетъ быть полезна. Кому по силамъ метрическая система, тотъ можетъ пользоваться клоделевыми «Formules», кому нѣтъ—тотъ обойдется и мореновымъ «Aide-Memoire», переведеннымъ на русскій языкъ и русскія мѣры г. Майделемъ. Оба эти сочиненія гораздо-полнѣе «Спутника». Краткая ариѳметика и геометрія, помѣщенныя въ началѣ книжки, ненужны: механику-строителю, разъѣзжающему съ спутникомъ для изученія ариѳметики и геометріи при постройкахъ, немного довѣрятъ работъ. Гораздо-полезнѣе было бы помѣщенную въ концѣ книги таблицу квадратныхъ и кубическихъ корней распространить хоть до мильйона. Главное достоинство «Спутника» — отсутствіе витіеватости въ изложеніи. Будь слогъ глаже и выраженія помягче, «Спутникъ» былъ бы и короче и лучше. Способъ выражаться, съ безпрестанною прибавкой словъ: «возьми», «протяни», «отрѣжь» — только растягиваетъ рѣчь.

За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. *Истинное происшествіе 1828 года. Дѣдушка разсказываетъ внучкамъ своимъ разныя происшествія и анекдоты. Съ 19-ю гравированными картинами. Подарокъ милымъ дѣтямъ для образованія ума и сердца.* Иваномъ Трухачевымъ. *Москва. Въ тип. Н. Эрнста. 1851. Въ 18-ю д. л. 23 стр.*

Не будемъ судить строго эту простенькую повѣсть. Хотя въ ней содержанія мало, зато она передается безъ реторическихъ фразъ.

Крымскіе Цыгане. *Повѣсть* А. Котляревскаго. *Санктпетербургъ. Въ тип. Ю. Штауфа. 1853. Въ 8-ю д. л. 116 стр.*

Повѣсть въ высшей степени романтическая! Влюбленная цыганка бросается со скалы отъ любви къ Алиму, величайшему изъ разбойниковъ. Дѣйствіе повѣсти происходитъ между небомъ и землею: на вершинахъ, или уступахъ крымскихъ горъ, въ облакахъ, передъ шумящимъ моремъ, при красноватомъ пламени ночныхъ костровъ. Краски яркія, очень-яркія, какъ цыганскій таборъ. Клятвы любви — истино мухаммеданскія, а разговоръ— татарскій. Еслибъ эта повѣсть появилась между 1825—30 годами, она была бы замѣчена; но въ наше время всѣ эти Юцаде, Меихаםы, Сиди, Олай-Бары, Алимы наводятъ одними своими именами какую-то тоску на душу и оскомину на языкъ. И зачѣмъ г. Котляревскій такъ-сильно выдаетъ себя за колориста попре-

имуществу? Зачѣмъ онъ форсируетъ свою фантазію при описаніи крымской природы, южныхъ ночей въ ущельяхъ горъ и поѣздокъ по обрывамъ скалъ? Во всемъ этомъ много сравненій неестественныхъ, безъ которыхъ описанія вышли бы очень-хорошо. И не-ужь-то авторъ думаетъ, что еще кому-нибудь нравятся такіе разговоры:

«— Гэ... іокъ чхаверде, іокъ, іокъ чхаверде, закричалъ на свою вислоухую тройку цыганъ.
«— А что, сизый голубь, не хочешь ли вотъ этою водичкою промочить горлушка своимъ теляткамъ.
«— Добре, добре, отецъ мой и братъ.
«— Якши, якши, мой счастливый Сиди-Брамъ. Но чѣмъ же тутъ будутъ и забавляться наши телятки *и мухартенькіе скакунчики*, Сиди?
«— Вѣчно царствовати душѣ твоего отца, дружище мой, Олей-Баръ.»

И т. д. Про все это можно сказать: *якши*, *якши* (то-есть хорошо, хорошо)—но вѣдь и только. Намъ кажется, что г. Котляревскій, сочиняя повѣсти, мало думаетъ о ихъ содержаніи. Гдѣ эта страстная любовь, которая привела нашу героиню, Юцаде, буквально, на край пропасти? О ней сказано въ двухъ словахъ.

Обыкновенный Бракъ *(обыкновенная сказка). Москва. Въ Университетской Тип. 1883. Въ 18-ю д. л. 84 стр.*

Двадцать тысячъ приданаго. *Оригинальная комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1853. Въ 18-ю д. л. 77 стр.*

Оба эти сочиненія равно-замѣчательны въ одномъ и томъ же отношеніи: оба они показываютъ, къ чему приводитъ безталантливое подражаніе геніальнымъ образомъ. Первое вышло изъ подражанія стихотворнымъ повѣстямъ двадцатыхъ годовъ, пущеннымъ въ ходъ Пушкинымъ; второе изъ подражанія комедіи Гоголя. На лѣстницѣ произведеній, принадлежащихъ къ школамъ знаменитыхъ писателей нашихъ, «Обыкновенный бракъ» и «Двадцать тысячъ приданаго» занимаютъ ту ступень, которая называется пошлостью.

Правила биліардной игры *и ясное и точное наставленіе исполненія этой игры, собранныя и составленныя маркеромъ Московскаго Купеческаго Собранія* Романомъ Алексѣевымъ Бакастовымъ. *Москва. Въ тип. В. Готье. 1853. Въ 8-ю д. л. 68 стр.*

Удивительное дѣло! И введеніе въ эту книгу и вся книга написаны такимъ языкомъ, который можно поставить въ примѣръ нѣкоторымъ литераторамъ, снабжающимъ книгопродавцевъ доморощенными романами, повѣстями и сказками. Маркёръ выражает-

ся яснѣе и правильнѣе, чѣмъ романисты, претендующіе на высокій слогъ и безцеремонно-сшивающіе свои произведенія изъ примѣчаній къ «Исторіи» Карамзина. Посмотрите, напримѣръ, что̀ говоритъ авторъ «Правилъ» о пользѣ и пріятности своего искусства, которое онъ искренно любитъ:

«Вездѣ и во всѣхъ обществахъ игра на биліардѣ сдѣлалась господствующею игрою. И не удивительно: она пріятна и занимательна и для игроковъ и для зрителей. Требуя обсуживанія для дѣйствій шара, она занимаетъ воображеніе; она полезна и въ физическомъ отношеніи, доставляя тѣлу умѣренное движеніе; сверхъ того она развиваетъ ловкость и сообщаетъ пріятность тѣлодвиженію. Наконецъ она допускаетъ возможность играть у себя съ дамами, а извѣстно, что участіе женскаго пола усугубляетъ занимательность всякой игры.»

Ничего подобнаго не написали и едва-ли когда такъ напишутъ и г. Русаковъ, авторъ «Простонародныхъ Разсказовъ», и г. Николаевичъ, творецъ ужасныхъ романовъ à la Марлинскій, и г. Потаповъ, подражавшій «Коньку-Горбунку» во всевозможныхъ видахъ, и даже г. Ѳедотъ Кузмичевъ, котораго героическая труба — увы! умолкла, къ-сожалѣнію тѣхъ, кто любилъ ея громкую пѣснь — пѣснь «сына природы».

Кромѣ умѣнья выражаться правильно и пріятно на отечественномъ языкѣ, Романъ Алексѣевъ Бакастовъ, маркёръ Московскаго Купеческаго Собранія, высказалъ во введеніи сознаніе своего достоинства не гордое, но смиренно-благородное, какъ читатели сами увидятъ изъ слѣдующаго:

«Перемѣны, сдѣланныя мною въ русскихъ и французскихъ партіяхъ, быть можетъ оскорбятъ самолюбіе содержателей биліардовъ и нѣкоторыхъ игроковъ... Я никогда не смотрѣлъ на свое мнѣніе, какъ на мнѣніе непреложное, безошибочное; пусть господа сіи представятъ правила лучшія и основанныя на болѣе вѣрныхъ выводахъ, и я уступлю имъ съ удовольствіемъ. Но если они будутъ отвергать нововведенія, основываясь на слѣдующихъ фразахъ: *употребленіе*, *законъ*, то скажу, что возраженіе это очень недостаточно для убѣжденія. Разсудокъ позволяетъ бросить методу, если она ошибочна. Впрочемъ, смѣю замѣтить, что я болѣе восьмнадцати лѣтъ служу при биліардѣ, слѣдовательно, имѣю право на то, чтобъ мои сужденія пріобрѣли перевѣсъ предъ другими»

Мы упомянули о русскомъ языкѣ только въ упрекъ тѣмъ, для которыхъ онъ долженъ бы составлять первое занятіе и которые, однакожь, владѣютъ имъ хуже, нежели кіемъ, тогда-какъ маркёръ, котораго главное оружіе — кій, перещеголялъ ихъ въ умѣньѣ выражать свои мысли; но главное достоинство книжки Бакастова въ полномъ и ясномъ указаніи правилъ бильярда. Рекомендуемъ ее всѣмъ любителямъ бильярдной игры, которыхъ, безъ-сомнѣнія, цѣлые легіоны. Они найдутъ въ ней все, что̀ нужно для успѣшнаго дѣйствія на бильярдѣ, или «шарокатѣ», какъ хотѣли называть его иные словолюбы, и ловко будутъ владѣть кіемъ, или «шаропихомъ», по переводу тѣхъ же словолюбовъ. Подробно ис-

числены Бакастовымъ различныя партіи, и для каждой предложены удовлетворительныя правила. Два рисунка еще болѣе объясняютъ наставленія опытнаго маркёра.

Сорокъ два обѣда, *или поваренная книжка, доступная людямъ всякаго состоянія, и составленная изъ опытовъ П—ею М—ъ. Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1853. Въ 16-ю д. л. 123 стр.*

Не только книжка (какъ утверждаетъ ее названіе), но и самыя кушанья, исчисленныя въ этой книжкѣ, составлены изъ опытовъ: «исчисленныя здѣсь кушанья составлены изъ опытовъ», говоритъ предисловіе. Вотъ истинный кладъ для гастрономовъ! Вѣроятно, они никогда не лакомились подобными блюдами, и нѣтъ сомнѣнія, что для такихъ блюдъ всего нужнѣе — аппетитъ. Авторъ очень-хорошо это чувствовалъ, почему, вмѣстѣ съ просьбой о благосклонномъ пріемѣ книжки, желаетъ почтеннѣйшей публикѣ «добраго аппетита». Впрочемъ, онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Монтаня, который сказалъ: «дѣло не въ томъ, что́ ѣшь, а въ томъ, съ кѣмъ ѣшь» (il ne faut pas tant regarder ce qu'on mange qu' avec qui on mange). А Монтань, какъ извѣстно, жилъ долго, можетъ-быть, благодаря дурнымъ блюдамъ; слѣдовательно, авторъ «Поваренной Книжки», подкрѣпляемый авторитетомъ французскаго философа и аппетитомъ почтенной публики, можетъ быть совершенно покоенъ. Въ нѣкоторыхъ обѣдахъ онъ даже не опредѣлилъ пропоціи составныхъ частей, на томъ основаніи, что вкусъ можетъ легко опредѣлить ихъ послѣ. Для чего же и существуетъ пословица: недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ?

Оставляя впредь до добраго аппетита испытаніе блюдъ, составленныхъ изъ опытовъ, мы нашли, однакожь, что грамматическая стряпня автора неочень-вкусна. До-сихъ-норъ не разжуемъ мы одного блюда, именуемаго сложнымъ предложеніемъ и приготовленнаго слѣдующимъ образомъ: «Изъ тридцати двухъ скоромныхъ и десяти постныхъ обѣдовъ, *состоящихъ каждый* изъ четырехъ блюдъ, мы можемъ разнообразить какъ угодно столъ»! Должно-быть, это тоже *опытное* блюдо, до котораго авторъ «дошелъ своимъ умомъ».

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

Космосъ. *Опытъ физическаго міроописанія* Александра фонъ Гумбольдта. *Часть III. Отдѣленіе I Переводъ съ нѣмецкаго* Матвѣя Гусева. *Изданіе* Николая Фролова. *Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1853. Въ 8-ю д. л. 317 и XI стр.*

Изъ четырехъ статей, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ въ 1851 и 1852 гг. (О. З. LXXIX и LXXXIV), читатели могли до-

статочно ознакомиться съ содержаніемъ третьей части творенія А. Гумбольдта; а потому въ настоящую минуту ограничиваемся простымъ напоминаніемъ, что въ ней содержатся «*спеціальные результаты* наблюденія въ небесной сферѣ *Космоса*, предназначенные для дополненія и поясненія уранологической части, вошедшей въ составъ *общей картины природы*». Третья часть раздѣлена авторомъ на два отдѣленія: первое, нынѣ переведенное г. М. Гусевымъ, посвящено астрогнозіи, второе — солнечной системѣ. Переводъ г. М. Гусева составляетъ продолженіе труда, начатаго г. Н. Фроловымъ. Приводимъ здѣсь собственныя слова г. М. Гусева, опредѣляющія отношеніе его перевода къ переводу г. Н. Фролова:

«При появленіи этого отдѣленія Космоса, содержащаго столь много существенно-интересныхъ подробностей изъ астрономической части, Его Превосходительство Василій Яковлевичъ Струве возъимѣлъ мысль познакомить съ нею русскую публику независимо отъ перевода первыхъ двухъ книгъ, и слѣдовательно скорѣе, нежели можно было ожидать отъ послѣдовательнаго перевода (ибо тогда еще не вышла II-я часть перевода г. Фролова). Онъ предложилъ мнѣ принять на себя этотъ трудъ, не чуждый по своей сущности предметовъ моихъ занятій, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ намѣреніе снабдить переводъ своими замѣчаніями на нѣкоторыя мѣста этого отдѣленія. Преимущественно это послѣднее обстоятельство побудило меня войти въ сношеніе съ Н. Г. Фроловымъ, переводчикомъ двухъ первыхъ частей, дабы оправдать мое соперничество въ предпріятіи, которое было начато имъ съ усердіемъ, достойнымъ всякой похвалы, и безъ сомнѣнія было бы окончено съ полнымъ успѣхомъ. Въ отвѣтъ на мое извѣстіе г. Фроловъ не только выразилъ удовольствіе видѣть въ моемъ переводѣ продолженіе его собственнаго труда, но даже обязательно изъявилъ готовность быть мнѣ полезнымъ своею опытностію и знакомствомъ съ духомъ всего сочиненія, а въ послѣдстіи вызвался самъ быть издателемъ моего перевода. Соглашаясь съ полнымъ удовольствіемъ на это предложеніе, я имѣлъ въ виду единство изданія и выигрышъ времени для скорѣйшаго окончанія перевода втораго отдѣленія.»

Переводъ г. М. Гусева вполнѣ-удовлетворителенъ, какъ въ-отношеніи точности пониманія подлинника, близости къ нему, такъ и въ-отношеніи языка. Правда, языкъ перевода, грамматически-правильный и учено-точный, нельзя назвать ни легкимъ, ни изящнымъ; но виною тому главнымъ-образомъ самый характеръ переводимаго произведенія, способъ изложенія и языкъ автора. Только хорошо-знакомые съ подлинникомъ и сами занимающіеся переводами подобныхъ ему сочиненій въ-состояніи достойнымъ образомъ понять тѣ трудности, съ которыми боролся переводчикъ, и вполнѣ оцѣнить его заслугу. Если многія мѣста русскаго перевода покажутся читателю несовсѣмъ-ясными, въ этомъ да не винитъ онъ всегда одного переводчика, ибо та же неясность встрѣчается въ самомъ подлинникѣ. Кромѣ того, метода изложенія, принятая А. Гумбольдтомъ, предполагаетъ въ читателѣ напряженное и постоянное вниманіе, строгое памятованіе и отчетли-

вое понимание прочитаннаго въ прежнихъ частяхъ, къ которымъ нынѣ-изданное составляетъ дополненіе, и наконецъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. переводчикъ, многія весьма-основательныя знанія. Языкъ подлинника—языкъ учено-нѣмецкій, т. е. полный условныхъ, научныхъ словъ и оборотовъ.

Что касается близости къ подлиннику и точнаго пониманія смысла его, въ этомъ отношеніи переводъ заслуживаетъ полной похвалы. Правда, встрѣчаются неисправности; но ихъ немного, и онѣ не важны. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ подлинникѣ сказано: «von diesen Verhältnissen hangen ab die thermischen Zustände der Meeresstöme, etc.»; у г. М. Гусева: «отъ этихъ отношеній зависятъ *теплородныя состоянія* (?) морскихъ теченій», и пр. На страницѣ 10 перевода читаемъ: «слогъ Стагирита въ изъясненіи метеорологическихъ или *физическихъ* процессовъ впадаетъ и пр.», а въ подлинникѣ (стр. 15): «Styl des Stagiriten geht in der Erklärung meteorologischer oder *optischer* Processe etc.» На стр. 38 перевода сказано: «въ присутствіи нѣкоторой силы», надобно было бы сказать: «нѣкоторой *полярной* силы», и т. п. Перечисляя эти немногія и неважныя погрѣшности, мы имѣемъ въ виду показать читателямъ, что, добросовѣстно исполняя обязанность рецензента, тщательно и строго сличали мы переводъ г. М. Гусева съ подлинникомъ, и только послѣ такого сличенія рѣшились назвать трудъ переводчика вполнѣ-достигающимъ своей цѣли.

Прибавленій къ переводу немного; они состоятъ, вопервыхъ, изъ «Замѣчаній французскаго астронома г. Фэ къ таблицѣ элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ (на эти замѣчанія указалъ самъ Гумбольдтъ во второмъ отдѣленіи третьей части), и, вовторыхъ, изъ краткихъ объяснительныхъ примѣчаній самого переводчика преимущественно по поводу нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ подлинникѣ. Г. М. Гусевъ поступилъ весьма-благоразумно, передавъ на русскомъ языкѣ латинскія цитаты, приводимыя А. Гумбольдтомъ безъ перевода. Надѣемся, что переводчикъ будетъ держаться того же правила и при изданіи втораго отдѣленія третьей части, въ которомъ еще чаще встрѣчаются цитаты на латинскомъ, испанскомъ, итальянскомъ и др. языкахъ.

Смѣло рекомендуемъ трудъ г. М. Гусева вниманію русской просвѣщенной публики. У насъ многіе безусловно предпочитаютъ подлинникъ переводу; есть даже люди, которые какъ-бы стыдятся читать переводы, считая, вѣроятно, такое дѣло неприличнымъ для образованнаго, знающаго иностранные языки человѣка. Такое безусловное предпочтеніе, особенно когда идетъ дѣло объ ученыхъ сочиненіяхъ, совершенно-неосновательно. Можно очень-хорошо знать нѣмецкій языкъ и въ то же время неясно понимать многія мѣста въ «Космосѣ» А. Гумбольдта, потому-что не всякій въ-обязанности и въ-состояніи знать нѣмецкую ученую терминологію, употребляемую въ разныхъ наукахъ. Разумѣется, астрономъ, или вообще человѣкъ, занимающійся физико-матема-

тическими науками, будетъ правъ, предпочитая оригиналъ переводу; но нельзя того же сказать о прочихъ читателяхъ: послѣднимъ русскіе ученые философическіе термины естественно должны быть доступнѣе, нежели иностранные. Но даже для спеціалиста переводъ имѣетъ свое значеніе : ему и любопытно и поучительно повѣрить свое собственное пониманіе многихъ мѣстъ подлинника по переводу, сдѣланному другимъ лицомъ, столь же опытнымъ, свѣдущимъ. Самъ г. М. Гусевъ говоритъ откровенно, что, «почитая точность единственнымъ, существенно-главнымъ «достоинствомъ перевода и не всегда смѣя надѣяться на непо«грѣшительность пониманія часто невполнѣ высказанной мысли «автора, я (по желанію и выбору самого В. Я. Струве) обра«тился къ г. директору казанской обсерваторіи, М. В. Ляпунову, «съ просьбою пересмотрѣть нѣкоторыя части моего перевода и «исправить недостатки въ отношеніи вѣрности съ подлинникомъ. «Съ полною признательностью приношу здѣсь благодарнось за «всѣ немаловажныя и немалочисленныя исправленія, которымъ «трудъ мой обязанъ вниманію казанскаго астронома» и пр.

ПЕРЕВОДЫ.

Иллюстрированный Бюффонъ, *или Натуральная Исторія четвероногихъ, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ, рисованныхъ* Викторомъ Адамомъ. *Двѣ части. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1853. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части—192, во 2-й—241 стр.*

Хотя въ заглавіи книги не сказано, переводъ ли это или оригинальное сочиненіе, но мы рѣшительно называемъ ее переводомъ съ французскаго. Иначе, для чего бы послѣ названія каждаго животнаго ставить въ скобкахъ это названіе пофранцузски: корова (la vache), лошадь (le cheval), и т. д.? Переводъ несовсѣмъ-удачный. Попадаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: «эти собаки превратились въ *дикія животныя*»; «сравнивая ихъ (хищныхъ птицъ) съ плотоядными животными, нахожу *относительность* ихъ гораздо меньшею».

Изданіе очень хорошо.

Робинзонъ Крюзое. *Разсказъ отца своимъ дѣтямъ. Съ восемью картинами литографированными. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1853. Въ 16-ю д. л. 63 стр.*

Оригинальный романъ Фо произвелъ подражаніе Кампе, которое, въ свою очередь, произвело новое подражаніе. Говорятъ, что тройное переселеніе стоитъ пожара. И дѣйствительно, подра-

жаніе подражанію до того ужь тоще, что въ немъ не осталось ничего, кромѣ быстраго перечета приключеній Робинзона. Это совсѣмъ не то, что̀ подробный разсказъ, который всегда будетъ читаться съ удовольствіемъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

О русскихъ паровыхъ машинахъ и мельницахъ. *Съ чертежами. Составлено* В. Карелинымъ. *Изданіе 2-ое, исправленное и значительно умноженное. Двѣ части. Санктпетербургъ. 1853. 3 и 4 листа чертежей. Въ 8-ю д. л. 127 и 86 стр.*

Исторія паровыхъ машинъ, пароходовъ и паровозовъ, *общепонятно изложенная,* М. Хотинскимъ, *членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. (Съ 42 политипажами). Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Трея. 1853. Въ 8-ю д. л. 274 стр.*

Вотъ двѣ замѣчательныя книги. Обѣ онѣ изложены общепонятно. Разница въ нихъ та, что первая писана для Русскихъ всѣхъ званій и возрастовъ, а вторая только для Русскихъ образованныхъ, слѣдственно взрослыхъ.

Нельзя достаточно благодарить тѣхъ, кто заботится о составленіи русскихъ популярныхъ книгъ. Но что̀ же такое популярная книга, и что̀ нужно для ея составленія?

Собственно говоря, общепонятною, популярною можно назвать книгу, изложенную въ строгой, приличной предмету системѣ. Но, въ общепринятомъ смыслѣ, популярною книгою называютъ сочиненіе, назначенное для возбужденія въ читателяхъ вниманія къ какому-нибудь предмету, съ указаніемъ, гдѣ можетъ успокоить читатель свою любознательность. Разумѣется, книга популярная въ такомъ смыслѣ ничѣмъ другимъ быть не можетъ, какъ магазиннымъ объявленіемъ о специальной книгѣ, разжиженнымъ, во избѣжаніе сухости предмета, реторическими фигурами. Знаемъ, что люди, съ озлобленіемъ изгоняющіе реторику изъ ряда наукъ, не дадутъ ей покоя и въ популярныхъ книгахъ, скажутъ: «чѣмъ платить 2 р. сер. за краснорѣчивое объявленіе, не лучше ли купить книги, о которыхъ такъ хорошо объявляютъ?»... Горькое заблужденіе! Два рубля серебромъ не пропадутъ даромъ: если популярная книга хороша, то она возбудитъ любопытство, а посредствомъ возбужденія любопытства облегчится изученіе самой сухой специальной книги. Возбуждая вниманіе къ предмету, популярныя книги не сообщаютъ публикѣ превратныхъ понятій о предметѣ. Причина тому простая: кто ничего не дѣлаетъ, тотъ только никогда не ошибается и другихъ не вводитъ въ заблужденіе.

Наши ученые понимаютъ это, и потому безпрерывно пускаютъ въ русскую литературу популярныя книги. Образовалась цѣлая школа писателей, упражняющихся въ этомъ. Но выполненіе задачи нелегко — популярныхъ книгъ много, а хорошихъ мало. Причина въ томъ, что за составленіе популярныхъ книгъ принимались спеціалисты, люди близкіе къ описываемому предмету; въ книгахъ развивались задушевныя идеи сочинителя, часто вовсе необщепонятныя. Хорошимъ популярнымъ писателемъ только и можетъ быть человѣкъ, котораго описываемый предметъ не трогаетъ за живое. Для образованныхъ читателей писать популярныя книги еще труднѣе. Съ восхваляемымъ предметомъ они, вѣроятно, ужь знакомы изъ иностранныхъ сочиненій; знаютъ, что въ пароходѣ сидитъ паръ, а не злой духъ—объяснять имъ нѣчего. Въ такихъ книгахъ слогъ, составляющій сущность дѣла, долженъ быть самый увлекательный.

Оба разбираемыя нами сочиненія, по изложенію и выполненію, хотятъ быть доступны для читателей, которымъ предназначены. Сочиненіе г. Карелина, писанное для всѣхъ—слѣдовательно и для простолюдиновъ—обогащено и рисунками, соотвѣтственными вкуу простолюдина; рисунки же, поясняющіе трудъ г. Хотинскаго, хотя не альманачные, но несравненно-лучше рисунковъ г. Карелина. Непонятна только непропорціональность цѣнъ къ написаннымъ массамъ. Книга г. Карелина втрое меньше, вчетверо хуже издана — и стоитъ 2 руб., между-тѣмъ какъ г. Хотинскій оцѣнилъ свой трудъ только въ полтора рубля...

Теперь о содержаніи книгъ.

Въ книгѣ г. Карелина сущности почти никакой нѣтъ. На 228 страницахъ разгонистой печати объявляется, что за границею сочинены четыре книги (*), и что въ двухъ изъ нихъ описана паровая машина, которую, немного передѣлавъ, можно назвать *русскою*, а въ двухъ другихъ описаны хорошія мельницы. Все это выражено слогомъ возвышеннымъ и для простаго народа увлекательнымъ... Всѣ фразы въ родѣ этой: «*г* есть простой способъ: пропустить отъ поплавка проволоку такъ, чтобъ ходить могла, а пару бы не пропускала» (Ч. I. стр. 118). Въ цѣломъ объявленіе это составляетъ полную хрію, распространенную

словами: «есть; суть; почтенный Д. Ф. Кандиба; незабвенный «и почтеннѣйшій Карлъ Николаевичъ Бердъ; незабвенный А. Т. «Болотовъ и его статьи въ журналѣ И. В. Э. О.; великій Рум«фордъ; Оливеръ Ивенсъ, отецъ современнаго мельничнаго ис«кусства;»

замѣчаніями: что у смоленскихъ помѣщиковъ все гибнетъ отъ недосмотра; что газетный геній не можетъ измѣнить законовъ

(*) 1) Treatise on Steam engine, bi (by) John Farey. 2) Steam-Engine, teoretically and practically delineated, by Henry Adcock. 3) The Joung Millwright's Guide, by Oliver Ewans. 4) Mémoires sur la Meunerie, par Augustin Rollet.

природы; что у насъ много кизьяку, бурьяну, валежнику; что парня, смотрителя и топильщика изъ Русскихъ, въ паровой машинѣ, можно принанять гуртомъ за 180 руб. асс., то-есть менѣе 5 копеекъ серебромъ въ день на брата; что у насъ можно сжечь такое, сгараемость чего и не снилась нашимъ философамъ, напримѣръ, дубильную кору; что всего у насъ много, особенно угля въ Бахмутѣ, а въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, отыщется еще больше; что въ Москвѣ баньщики большіе плуты, и пр.

Изъ реторическихъ сокращеній, для силы слога, можно указать только на слово «коксъ», называемое во всей книги *кокомъ*.

Обсудивъ внимательно книгу г. Карелина, можно замѣтить, что въ ней авторъ

1) обдумавъ свою полную признательность манометрамъ, клапанамъ, поплавкамъ и другимъ принадлежностямъ паровыхъ машинъ за то, что они хорошо свою службу исполняютъ;

2) лучшимъ одобреніемъ для деревянной *русской* паровой машины полагаетъ упорное сопротивленіе содержателя Полторацкихъ бань въ Москвѣ замѣнить эту машину какою-либо лучшею, хотя такая машина, по признанію даже автора, требуетъ топлива втрое больше хорошей англійской (стр. 21);

3) доказываетъ: a) что на самой огромной фабрикѣ все-таки лучше своя машина, чѣмъ хитрая чужестранная, для ухода за которой нужно держать нѣмца: нѣмецъ съѣстъ много, а за совѣтами все-таки прійдется *писать въ Англію*; b) что на хорошей мельницѣ должны быть жернова, проводы веревочные, вѣялки и т. д.; c) что, не зная устройства паровой машины, не нужно ее строить и пр. (Ч. I. стр. 68).

4) выказываетъ полное безпристрастіе къ иностранцамъ, показавъ въ I-й части негодность для насъ иностранныхъ паровыхъ машинъ такъ же рѣзко, какъ во II-й доказана необходимость французскихъ жернововъ.

Въ сочиненіи г. Хотинскаго, назначенномъ для образованныхъ людей и напечатанномъ въ «Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній», почему и причисляемъ мы эту книгу къ *новымъ изданіямъ*, а не къ *новымъ сочиненіямъ*, основныя идеи, какъ прежде извѣстныя читателямъ, извлечены изъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ XXVII томѣ Encyclopédie moderne, впрочемъ, безъ указанія. Статьи эти: 1) *Histoire de la machine à vapeur*, par M. Léon Lalanne; 2) *Machine à vapeur*, 3) *Bateau à vapeur*. Двѣ послѣднія написалъ Шарль Ренье.

Сообразно этому, трудъ г. Хотинскаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ разсказалъ онъ исторію паровыхъ машинъ вообще, придерживаясь всей сущности статьи Лаланна. Въ началѣ, по крайней сухости французскаго текста, прибавлены разсужденія о тяжести воздуха, о термометрахъ, барометрахъ... За это книгу г. Хотинскаго одинъ извѣстный фёльетонистъ по справедливости назвалъ исторіею ума человѣческаго. Въ концѣ перва-

го отдѣла поставлена статья объ эриксоновой машинѣ, извлеченная изъ первыхъ книжекъ «Морскаго Сборника» на 1853 годъ, съ тамошними же ссылками на англійскіе журналы... Второй и третій отдѣлы изложены по той же канвѣ съ приличной отдѣлкой по *Фигье*.

Изложеніе вездѣ прекрасное. Какъ образецъ слога, приведемъ фразу: «Теоретическія знанія объ упругости воздуха должны бы«ли принести роскошные плоды, а для ускоренія ихъ зрѣлости «явился Денисъ Папенъ». Одна только замѣчена нами опечатка. На стр. 66-й г. Хотинскій старательно придержался французскаго текста, даже примѣчаніе о рѣдкости книги Хольса отмѣтилъ, и въ сочиненіи переведенныхъ имъ фразъ обвинилъ Ренье, а въ «Encyclopédie» статья эта подписана Лаланномъ. Тутъ можно сдѣлать два предположенія: или Ренье взялся не за свое дѣло и написалъ исторію, а Лаланнъ подписалъ чужую статью; или наборщикъ книги г. Хотинскаго ошибкой вставилъ Ренье. Вѣроятно, для развитія способностей читателя и для того, чтобъ заставить его подумать, допущены нѣкоторыя ошибки; напримѣръ, на стр. 137, фасадъ котла съ кипятильниками названъ продольнымъ разрѣзомъ. По недостатку мѣста, не указанъ недостатокъ паровозовъ—раскачиванье ихъ отъ взаимно-перпендикулярнаго расположенія кривошиповъ ведущихъ колесъ. Вотъ все, что̀ можно сказать о самой сущности книги.

Къ украшенію рѣчи употреблены: а) *средства распространенія*; для этого описана жизнь всѣхъ изобрѣтателей, кромѣ *Хомфри Поттера, полезнаго лѣнтяя*. Введены замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «какая нужда потомству знать, сколько времени длилась безполезная жизнь несчастнаго изобрѣтателя (Папена) и гдѣ сложилъ онъ свою голову». Изъ геологіи вставлены двѣ страницы объ образованіи каменноугольныхъ толщей. Сдѣланъ строгій, но справедливый упрекъ всѣмъ древнимъ философамъ и ученымъ за то, что они предшествовали, а не послѣдовали Бэкону и «вмѣсто того, чтобъ добросовѣстно и многостороннимъ об«разомъ изучать явленія природы, пускалися въ безцѣльныя тол«кованія исходныхъ причинъ, громоздя одну ипотезу на другой», говоритъ г. Хотинскій... Въ-самомъ-дѣлѣ, не ближе ли имъ было толковать о вѣсѣ и свойствахъ невѣсомыхъ жидкостей, объяснять теорію *бульбулькан̀ья*, указанную г. Хотинскимъ, рѣшить вопросъ о лопаньи обручей при дѣйствіи на нихъ изламывающей силы, возбужденный г. Хотинскимъ (стр. 31)?... Не мало способствовали къ распространенію рѣчи *отсѣчки* пара, галилеевы остроты, героновы игрушки, и пр.

б) *Сокращенію рѣчи*, для выразительности ея, помогъ пропускъ описанія папенова разварителя послѣ героновыхъ игрушекъ и всѣхъ тонкостей національныхъ споровъ о томъ, кто изобрѣлъ приводъ для измѣненія движенія поперемѣннаго прямолинейнаго въ непрерывное круговое (стр. 66), и пр.

Русское стихосложеніе, П. Перевлѣсскаго. *Изданіе третье.* (,) *значительно дополненное и поправленное. Санктпетербургъ. 1853. Въ 12-ю д. л. 75 стр.*

Несмотря на всѣ «исправленія», книжка г. Перевлѣсскаго остается ничѣмъ нелучше, а во многомъ и гораздо-хуже всѣхъ различныхъ «Правилъ стихосложенія», выходившихъ отдѣльными книжками или прилагавшихся къ «піитикамъ» и грамматикамъ. Если она достигла третьяго изданія, то четвертаго изданія ей будетъ ужь очень-легко достичь. Поэтому считаемъ нелишнимъ показать г. Перевлѣсскому, что̀ онъ можетъ исправить въ ней, если хочетъ, чтобъ будущее, четвертое, изданіе его книжки могло назваться не «исправленнымъ», а хотя сколько-нибудь «исправнымъ».

Г. Перевлѣсскому извѣстна статья г. Надеждина «Версификація», помѣщенная въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» г. Плюшара. Онъ хорошо сдѣлаетъ, если еще разъ прочтетъ ее и постарается усвоить себѣ все въ ней сказанное, а не ограничится выпискою изъ нея указанія на Метрику Апеля (котораго онъ очевидно не читалъ) и интересныхъ строкъ:

áа áа áа áа и
аà аà аà аà.

Онъ хорошо сдѣлаетъ, если уничтожитъ въ своей книжкѣ, предназначенной, кажется, для дѣтей, всѣ высокоученыя фразы, вовсе для нихъ ненужныя, напримѣръ, хоть слѣдующія: «Стихосложе-«ніе объясняетъ, какъ составляются стихи или мѣрная рѣчь, эта «*техническая сторона поэзіи какъ искуства*» (§ 1)... или: «*Сово-«купность звуковъ, составляющихъ одно цѣлое, опредѣленное из-«вѣстнымъ удареніемъ, называется просодическимъ періодомъ*» (§ 2) и т. д. Уничтожить всѣ подобныя фразы будетъ тѣмъ лучше, что ученая достовѣрность, или точность ихъ подлежитъ сильному сомнѣнію.

Онъ хорошо сдѣлаетъ, если, постаравшись узнать различіе между *удареніемъ* и *тактомъ*, перестанетъ смѣшивать эти двѣ вещи, какъ смѣшиваетъ ихъ въ слѣдующей фразѣ: «Въ стихахъ «постоянно соблюдается сочетаніе просодическихъ фигуръ, пра-«вильно повторяющихся и подчиненныхъ одному господствующе-«му *ударенію* (*такту*)» (§ 4).

Изъ статьи г. Надеждина, которую указали мы выше, узнаетъ онъ, если еще разъ внимательно ее прочтетъ, что долгій слогъ латинской и греческой версификаціи не всегда произносится *вдвое* протяжнѣе короткаго, какъ онъ говоритъ въ § 7.

Юноши учатся правиламъ стихосложенія въ то же самое время, когда утверждаются въ правилахъ орѳографіи, и потому г. Перевлѣсскій хорошо сдѣлаетъ, если вмѣсто «*естетическій*» (§ 10) будетъ въ новомъ изданіи своей книжки писать: «эстетическій».

Хорошо сдѣлаетъ онъ, если въ § 11 перестанетъ утверждать, что въ русскомъ языкѣ всѣ слоги произносятся равновременно: дѣти могутъ этому повѣрить, если еще не успѣли замѣтить, что слоги съ удареніемъ всегда произносятся гораздо-длиннѣе, нежели слоги безъ ударенія; что, кромѣ-того, есть разница между *такъ* нарѣчіемъ (длинно; напримѣръ, *такъ* ли понимаетъ г. Перевлѣсскій правила нашего народнаго стихосложенія, какъ должно? не *такъ*), и союзомъ *такъ-итакъ* (коротко; напримѣръ, *такъ* зачѣмъ же онъ пишетъ о немъ?). Въ § 12 подобное же замѣчаніе о французскомъ языкѣ можетъ онъ оставить: его поправятъ ужь самыя дѣти, которыя будутъ учиться по его книгѣ, потому-что эти дѣти, можетъ-быть, давно ужь выучились отъ французскаго учителя различать e muet, é, è, ê, различать a *и* â, ô *и* o и т. д.

Онъ очень-хорошо сдѣлаетъ, если о силлабическомъ и метрическомъ стихосложеніи будетъ говорить послѣ тоническаго, потому-что тогда ему не прійдется говорить, какъ объ извѣстномъ, о томъ, что́ еще не объяснено (напримѣръ, о риѳмѣ, цезурѣ и т. п.).

Однимъ словомъ, если г. Перевлѣсскій очень-многое исправитъ въ своей книжкѣ при четвертомъ изданіи, то въ ней будетъ очень-много хорошаго.

Оригинально разнообразіе классическихъ писателей у г. Перевлѣсскаго: на одной страницѣ приведены имъ стихи изъ *Б. М.* Федорова и *А.* Пушкина (стр. 25).

Не повредитъ достоинству книжки г. Перевлѣсскаго, если онъ перестанетъ изощрять остроуміе дѣтей такого рода примѣрами, какъ примѣръ дактиля съ амфибрахіемъ (стр. 36):

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ воздухѣ бьешь.

Остроуміе дѣтей дѣйствительно изощрится надъ отъискиваніемъ дактиля или амфибрахія въ послѣднемъ стихѣ, представляющемъ чистый анапестъ; а предпослѣдній стихъ (крылышками движешь, трепещешь) написанъ тѣмъ же самымъ размѣромъ, которымъ написанъ послѣдній стихъ въ письмѣ, полученномъ Чичиковымъ отъ дамы прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ:

Двѣ горлинки покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя, томно скажутъ,
Что она умерла въ слезахъ (См. «Мертвыя Души»).

У г. Перевлѣсскаго не объясненъ этотъ размѣръ, къ великому нашему сожалѣнію; потому-что, сколько можно догадываться,

этотъ размѣръ ему очень-хорошо извѣстенъ, лучше, напримѣръ, нежели нашъ народный размѣръ. По его мнѣнію, въ русскомъ народномъ размѣрѣ надобно считать количество слоговъ между удареніями. Онъ первый обратилъ наше вниманіе на этотъ важный пунктъ, ни къ чему однако не ведущій, кромѣ ошибокъ въ разстановкѣ удареній. Г. Перевлѣсскій, считая количество слоговъ между удареніями, читаетъ стихи народныхъ пѣсенъ такъ:

Стру́галъ стружки добрый молодецъ,
Бра́ла стружки красна дѣвица...

Далѣе ужь «не такъ интересно», по выраженію Гоголя:

Бра̀вши стружки на огонь клала, и т. д.

«Бра̀вши»—та̀къ поставить удареніе съумѣетъ всякій; но никто не съумѣлъ бы поставить его такъ, какъ оно поставлено г. Перевлѣсскимъ въ двухъ первыхъ стихахъ: стру́галъ, бра̀ла.

Новѣйшее начертаніе *о шахматной игрѣ.* Л. К. де-ла-Бурдоне. *Двѣ части. Переводъ съ французскаго.* В. К. *Москва. Въ тип. М. Смирновой. 1853. Въ 16-ю д. л. Въ I-й—228, во II-й—242 стр.*

Изданіе это напечатано съ изданія 1839 года безъ перемѣны. И въ то время оно было титуловано «новѣйшимъ», и теперь, по истеченіи четырнадцати лѣтъ, сохранило тотъ же титулъ. Ка̀къ нѣкоторыя вещи сохраняютъ долго свою молодость! Иныя книги не хуже иной кокетки... Конечно, это не мѣшаетъ истинно-хорошему оставаться хорошимъ; но вопросъ: для чего и для кого вновь издано «*Начертаніе* о шахматной игрѣ», съ сохраненіемъ той же ошибки въ заглавіи? Для знатоковъ? Но они не имѣютъ надобности въ наставленіяхъ. Для желающихъ выучиться шахматной игрѣ? Но развѣ можно выучиться этому по какимъ-нибудь «начертаніямъ»? Притомъ у насъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ особъ немного, по самому свойству шахматовъ, которые, какъ игра, слишкомъ-серьёзны, а какъ серьёзное занятіе—слишкомъ-игра... Извините за неловкій оборотъ словъ.

Наставленіе, *какъ ростить огородныя сѣмяна, въ какую пору ихъ сѣять и садить, и на какой землѣ по ихъ свойству. Изданіе четвертое. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1853. Въ 18-ю д. л. 71 стр.*

Это «Наставлніе» написано «огородническимъ» слогомъ, достойнымъ того, чтобъ г. Покровскій (изъ Новгорода) занялся его исправленіемъ. Здѣсь найдетъ онъ обильную ловлю всякихъ ошибокъ и противъ синтаксическаго строенія рѣчи, и противъ неточнаго употребленія словъ, и противъ *правильнаго право*писанія, или *ороографической ороографіи.* Первыя четыре строки пер-

вой страницы озадачатъ любую благодѣтельную фею, и новгородскую и неновгородскую:

«Сѣмена сего произрастѣнія (*дѣло идетъ объ артишокахъ*) должно напередъ, положа ихъ въ воду, мочить три дни, каждое же утро перемѣнять свѣжую.»

Вопервыхъ, слово *растеніе*, какъ происходящее отъ глагола *расти*, не имѣетъ никакой надобности въ буквѣ *ѣ*: ergo нѣтъ въ ней нужды и слову *произрастеніе*.

Вовторыхъ, передъ словомъ *каждое* слѣдуетъ поставить точку съ запятой: въ «Наставленіи» автора двѣ мысли, изъ которыхъ одна относится къ моченію сѣменъ, другая къ перемѣнѣ воды; а такъ-какъ первая мысль выражена сложнымъ предложеніемъ, требующимъ запятыхъ въ предложеніи придаточномъ, то, разумѣется, она должна быть отдѣлена отъ второй мысли знакомъ, превышающимъ запятую одною степенью, то-есть точкою съ запятой.

Втретьихъ, авторъ выразилъ совсѣмъ не то, что̀ хотѣлъ выразить. Онъ имѣлъ въ виду перемѣну воды, стоявшей цѣлыя сутки, а между-тѣмъ совѣтуетъ мѣнять воду свѣжую. Зачѣмъ же мѣнять то, что̀ еще свѣжо?

Вчетвертыхъ, зачѣмъ употреблять длинное слово *произрастеніе* вмѣсто *растеніе*, болѣе краткаго и болѣе приличнаго скромности огородническихъ работъ? Произрастеніе!.. подумаешь, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь важномъ. А то артишоки!.. Конечно, можно упомянуть о нихъ съ улыбкой, какъ о пріятномъ блюдѣ; но никакъ не слѣдуетъ ставить ихъ высоко въ цѣпи твореній вообще и въ системѣ прозябаемаго царства въ-особенности.

Впятыхъ, союзъ *же* совершенно-лишній. Онъ принадлежитъ къ союзамъ противоположнымъ: а въ двухъ совѣтахъ автора (*мочи и перемѣняй воду*) нѣтъ никакой противоположности: моченіе не исключаетъ перемѣны воды, равно какъ и перемѣна воды можетъ существовать при моченіи.

Наконецъ, мы измѣнили бы строеніе рѣчи слѣдующимъ образомъ: «Положа сѣмена сего растенія въ воду, должно мочить ихъ три дня, каждое утро перемѣняя воду». Это и правильнѣе, и граціознѣе.

Но пойдемъ дальше. Подражаніе г. Покровскому увлекаетъ насъ невольно:

«Потомъ вынуть ихъ изъ воды, положить въ какое-нибудь способное къ тому судно, земли, наполнить его ею крѣпко, на которую и высыпать моченыя тѣ сѣмяна; на поверхность же ихъ наложить сырую тряпку, насыпавъ и на нее также влажной земли толщиною на вершокъ, и учредя сіе такъ, поставить ихъ въ покой на полъ, т. е. въ прохладномъ воздухѣ, и каждое утро поднимая съ нихъ тряпку съ землею смотрѣть.»

Если авторъ счелъ нужнымъ поставить запятую послѣ слова *судно*, то ужь это самое обязывало его поставить тотъ же знакъ передъ словами: *въ какое-нибудь*, чтобъ такимъ-образомъ обстоя-

тельственныя слова: «въ какое-нибудь способное къ тому судно», окружить приличными знаками.

Существительное «судно» нисколько не выражаетъ понятія о томъ предметѣ, о которомъ хочетъ сказать авторъ. Надобно было сказать: «сосудъ». Конечно, судно можно отнести къ сосудамъ, принимая послѣднее слово въ обширномъ смыслѣ, и сказать: каждое судно есть нѣкоторымъ образомъ сосудъ; но нельзя допустить обратнаго заключенія и сказать: каждый сосудъ есть судно—логика не позволитъ. Логика ясно показываетъ, что если видъ заключается въ родѣ, то родъ не заключается въ видѣ. Банка, горшокъ... входятъ въ кругъ сосудовъ, но сосудъ не войдетъ ни въ горшокъ, ни въ судно, если даже подъ судномъ и разумѣть извѣстную шхуну Ньюкарлеби.

«Наполнить *его ею*» — не ловко: два личныя мѣстоименія, хотя и разныхъ родовъ, должны быть раздѣлены, изъ уваженія къ слуху.

«Наполнить ею (то-есть *землею*) крѣпко» — тоже не ловко. Никто не скажетъ: «крѣпкое наполненіе».

«Моченыя тѣ сѣмяна». Зачѣмъ здѣсь мѣстоименіе *тѣ?* Авторъ говоритъ объ однихъ и тѣхъ же сѣменахъ; другихъ нѣтъ, ни въ собственномъ, ни въ переносномъ смыслѣ.

«На поверхность ихъ (*сѣменъ*) наложить сырую тряпку». *На поверхность сѣменъ*—не годится, тѣмъ болѣе, что нѣтъ способа наложить что-либо на ихъ внутренность. Надобно было бы скасказать: *сверху*.

«Насыпать влажной земли» — дурно. Чтó влажно, тò не сыплется.

«Учредя сіе такъ» — неприлично. Учредить — слово высокое, негармонирующее съ тряпками.

«Поставить въ покой на полъ, то-есть въ прохладномъ воздухѣ». Вопервыхъ, не въ покой, а просто въ комнату; вовторыхъ, на полу въ комнатѣ, можетъ-быть, очень-тепло, то-есть непрохладно; втретьихъ, если слово «покой» употреблено въ винительномъ падежѣ, то и «прохладный воздухъ» слѣдовало бы поставить въ томъ же падежѣ, или, если не хотите этого, дайте тому и другому слову окончаніе падежа предложнаго.

«Поднимая съ нихъ тряпку съ землею»—какое непріятное повтореніе союза *съ!* И неизвѣстно даже, къ чему относится земля: «къ тряпкѣ» или къ глаголу «смотрѣть»? Иной пуристъ подумаетъ, что не вы одни смотрите, но что вмѣстѣ съ вами смотритъ и земля. Кàкъ же можетъ земля смотрѣть?

Вотъ на какія назидательныя размышленія навело насъ «Наставленіе, какъ ростить огородныя сѣмяна»! Если и послѣ этого не выростутъ артишоки, то, конечно, вина не нашей назидательности и не филологіи г. Покровскаго, а какой-нибудь враждебной феи.

Егерскія Записки, *или начертаніе (?) какъ находить дичь, въ какихъ мѣстахъ, въ какое время года и различные способы стрѣлять птицъ и звѣрей, какъ-то: на манку, съ подхода, на приводу, сходить зимой по слѣдамъ и облавой, съ приложеніемъ рисунковъ различныхъ звѣриныхъ ступней, заячьяго малика.—Натуральная исторія птицъ и звѣрей, описаніе различныхъ ружей, какъ старинныхъ, такъ и новѣйшихъ мастеровъ, описаніе разныхъ легавыхъ породъ и другихъ собакъ, кои необходимы для стрѣльбы птицъ и звѣрей, способы ихъ выкармливать, дрейсировать, наталкивать и лечить новооткрытыми медицинскими средствами по методѣ Франциска Клатери. Словарь охотничьихъ словъ, съ приложеніемъ двухъ гравированныхъ картинокъ, восьми чертежей и двухъ плановъ. Двѣ части.* Патфайндеръ. *Изданіе второе. Москва. Въ тип. Волкова и комп. 1853. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части—123, во второй 115 стр.*

Желательно, чтобъ авторъ, выбравшій своимъ псевдонимомъ такое поэтическое имя, подражалъ знаменитому герою куперовыхъ романовъ и въ дѣйствіяхъ своихъ, то-есть такъ же стрѣлялъ искусно и поменьше говорилъ, а побольше дѣлалъ. Будь куперовъ Патфайндеръ сочинителемъ книгъ, онъ вѣрно не давалъ бы имъ такихъ широковѣщательныхъ названій, при которыхъ оглавленіе становится совершенно-излишнимъ. Для чего двойная выставка содержанія, напереди и на концѣ? Довольно и одного казоваго конца.

Г. Патфайндеръ довольно-боекъ на слова, судя по написаннымъ имъ посвященію и предисловію. Въ посвященіи онъ подноситъ свою книгу тѣмъ милосердымъ стрѣлкамъ, которые въ полѣ пугаютъ только птицъ, а на словахъ кладутъ дупелей въ сумки десятками и сотнями. А въ предисловіи онъ полемизируетъ противъ г. Левшина, написавшаго очень полезную книгу «Охотникъ». Но дальше, за посвященіемъ и предисловіемъ, начинается весьма-небойкая компиляція, на которую взманилъ сочинителя успѣхъ другихъ книгъ, касающихся того же предмета, именно успѣхъ «Записокъ Ружейнаго Охотника».

Спящая красавица. *Съ французскаго. Украшено* (что?) *картинками. Печатано съ изданія 1842 безъ перемѣны. Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1853. Въ 18-ю д. л. 30 стр.*

Давнишняя, всѣмъ извѣстная сказка. Слово *украшено* употреблено въ русскомъ изданіи потому только, что во французскомъ стоитъ *orné*. Въ самомъ же дѣлѣ картинки, подобныя приложеннымъ къ «Спящей Красавицѣ», обезображиваютъ книгу.

Анекдоты Наполеона, *съ очеркомъ его жизни, коронаціи, огребенія, духовнаго завѣщанія; воззваніе его къ войску и пись-*

ма къ разнымъ извѣстнымъ особамъ Европы. Двѣ части. Собралъ А. С. *Изданіе пятое безъ перемѣны. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1853. Въ 12-ю д. л. въ 1-й части 81 стр., во 2-й 94 стр.*

Выборъ безъ всякой системы и плана. Почему, напримѣръ, послѣ религіознаго чувства Наполеона, помѣщенъ разговоръ его съ г–жею Сталь? зачѣмъ потомъ идутъ разные анекдоты и изреченія изъ жизни Наполеона? и что̀ значатъ *изреченія изъ жизни?* Это извѣстно одному собирателю.

Басни и Сказки И. И. Хемницера, *въ трехъ книжкахъ. Изданіе четвертое, безъ перемѣнъ. Москва. Въ тип. Степано- 1853. Въ 12-ю д. л. 177 стр.*

Изданіе порядочное, по бумагѣ и печати, равно какъ и потому, что въ оглавленіи указаны басни, переведенныя изъ Геллерта и Лафонтена.

Русскіе простонародные разсказы. *Опытъ изданія для народнаго чтенія. Сочиненіе* Ѳедора Русанова. *Изданіе восьмое съ дополненіемъ. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1853. Въ 18-ю д. л. 116 стр.*

По случаю предъидущаго, седьмаго, изданія книги г. Русанова, мы замѣтили, что эти разсказы нельзя назвать простонародными, потому–что авторъ не умѣетъ приноровливаться къ понятіямъ и языку простаго народа. То же скажемъ и теперь. Хотя г. Русановъ и называетъ разсказъ свой «полнымъ безъискусственной простоты» (стр. 114), но собственное свидѣтельство не пріемлется въ уваженіе. Мы лучше посмотримъ, ка̀къ, напримѣръ, начинается повѣствованіе «о великодушномъ подвигѣ крестьянина Марина», прибавленное въ новомъ изданіи :

«Пожаръ! пожаръ!» въ одно мгновеніе разнесся слухъ, какъ будто *переданный электрическимъ телеграфомъ*» (стр. 95).

Не–уже–ли г. Русановъ не–шутя думаетъ, что простой народъ знаетъ, что̀ такое электрическій телеграфъ, и понимаетъ значеніе словъ: «переданный электрическимъ телеграфомъ»? Если онъ дѣйствительно такъ думаетъ, то и мы не–шутя замѣчаемъ, что онъ не знаетъ или простаго народа, или электрическаго телеграфа, или и того и другаго вмѣстѣ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

«Москвитянинъ» безъ г. Погодина и **«Отрывки изъ Заграничныхъ Писемъ».—«Нѣмка»** *и* **«Роговской»**, *повѣсти* **гг.** Корнилевскаго и В. В.—**Посторонняя** *критика на «Отечественныя Записки», и отвѣтъ на нее.* — **Три возраста,** *отрывокъ изъ романа* Ѳ. М. Толстаго, *и поспѣшно-напечатанный панегирикъ этому произведенiю.*—**Физiологiя Новаго Поэта**, *также поспѣшно-напечатанная.*

Г. Погодинъ въ нынѣшнемъ году два раза объявлялъ, что безъ него, то-есть во время отлучки его изъ Москвы въ Петербургъ, «Москвитянинъ» не выходилъ... и по причинѣ, всѣмъ понятной. Вотъ эти два объявленiя, слово-въ-слово: «Шестинедѣльная от-«лучка редактора «Москвитянина» въ С. Петербургъ, а потомъ «наступившiе праздники Рождества Христова, когда газетныя по «типографiямъ работы прекращаются на нѣсколько дней — были «причиною, что послѣднiя двѣ книги журнала за 1852 годъ и «первая на 1853 годъ запоздали своимъ выходомъ». Это было сказано въ № 1 на нынѣшнiй годъ; а вотъ что̀ сказано въ № 4: «*Я* возвратился изъ Петербурга 12-го декабря и къ 15-му янва-«ря, въ-теченiе мѣсяца, *долженъ былъ издать* 80 печатныхъ ли-«стовъ... Но можетъ быть скажетъ кто-нибудь, что выдать четыре «книги журнала легко: *такъ почему жь безъ меня*, отъ 1-го ноя-«бря до 15-го декабря, *напечаталась только одна книга?*»—Заключенiе ясное: безъ г. Погодина трудно выйдти въ свѣтъ и одному нумеру «Москвитянина». Съ этимъ мы совершенно-согласны. Но вотъ раждается какое недоумѣнiе. Въ 16 и 17 № «Москвитянина» на нынѣшнiй годъ, печатаются «Отрывки изъ *заграничныхъ* писемъ» г. Погодина—и въ то же время «Москвитянинъ» выходитъ очень-исправно! Слѣдовательно, или г. Погодинъ пишетъ свои письма въ Москвѣ и не ѣздилъ за границу, или «Москвитянинъ» можетъ выходитъ и безъ г. Погодина. Какъ вамъ угодно, а другаго заключенiя сдѣлать нельзя. Но не можетъ быть, чтобъ г. Погодинъ писалъ свои *заграничныя* письма изъ Москвы, хотя въ прежнее время и бывали примѣры, что парижскiя, лондонскiя, берлинскiя письма получались въ Москвѣ — изъ Москвы, а въ Петербургѣ — изъ Петербурга же. Г. Погодинъ очень-ясно говоритъ, что 25 iюня, въ субботу, въ пять часовъ послѣ обѣда, отправился онъ въ Штетинъ, на пароходѣ «Владимiръ». Будучи на пароходѣ, разговаривалъ онъ съ пассажирами. Въ своемъ первомъ письмѣ онъ припоминаетъ даже о чемъ говорилъ съ однимъ дипломатомъ; а именно: «о дѣлахъ мiра сего, о Туркахъ и Грекахъ, о Нѣмцахъ и Славянахъ, о Москвѣ и Константинополѣ, «о политикѣ и литературѣ». Именно объ этомъ всегда говоритъ г. Погодинъ даже и не съ дипломатами.

Итакъ г. Погодинъ за границей, а «Москвитянинъ» издается своимъ чередомъ. Но мы ужь нѣсколько разъ говорили лѣтомъ о «Москвитянинѣ»; скажемъ теперь, что̀ въ это время дѣлалъ редакторъ его за границей.

Г. Погодинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Штетинъ на пароходѣ; отъ Штетина до Берлина ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. «Новаго въ Берлинѣ (говоритъ г. Погодинъ) нашелъ я одну конную статую Фридриха Великаго, предъ началомъ липовой *про-садн*» (?аллеи). Проведя день въ Берлинѣ, вечеромъ въ 9 часовъ зашелъ г. Погодинъ къ знаменитому Риттеру, засвидѣтельствовать ему, по обыкновенію, свое глубокое почтеніе. «Я засталъ «его среди книгъ, глобусовъ и ландкартъ, за письменнымъ сто-«ломъ, передъ лампою, подъ зонтикомъ». (Извините невольный вопросъ, празднаго любопытства: зачѣмъ Риттеръ въ комнатѣ сидѣлъ подъ зонтикомъ?) «Одинъ видъ этого почтеннаго труже-«ника, съ такимъ постоянствомъ впродолженіе всей жизни стре-«мящагося къ своей цѣли, возбуждаетъ невольное уваженіе. Вотъ «настоящій ученый въ полномъ смыслѣ этого слова!»—Дѣйствительно Риттеръ настоящій ученый и даже, какъ-бы для того, чтобъ поддержать такую репутацію ученаго — бѣденъ. Роттеръ обласкалъ г. Погодина, и потому на другой день путешественникъ нашъ отправился къ Риттеру на лекцію, какъ нѣкогда Карамзинъ ходилъ на лекціи Канта.

«Онъ увидѣлъ меня вошедши и хотѣлъ непремѣнно, что бы я сѣлъ подлѣ него. Лекція относилась къ Альпамъ: онъ представилъ на доскѣ ихъ очертаніе, показалъ возвышенныя точки и удолья, сравнилъ положеніе городовъ—*живо, ясно, просто, наглядно*. По окончаніи лекціи онъ подошелъ опять ко мнѣ, и я сказалъ ему: вы дагерро*типуете* землю безъ помощи солнца. Риттеръ хотѣлъ отвести меня въ *бесѣдницу* (?), но я отказался, спѣша на лекціи къ Герхарду, о Римскихъ Древностяхъ: *сухо, вяло, скучно.* Лучшая часть ея—показываніе рисунковъ. Слушателей человѣкъ пять.»

Сжатый слогъ г. Погодина, какъ видятъ читатели, составляетъ любимый способъ его выраженія; и признаемся, никогда онъ не бываетъ такъ у мѣста, какъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ. «Вошелъ въ гостинницу; выпилъ рюмку водки; не успѣлъ взять сдачи; свистокъ; давка; сѣли; станція скрылась». Такихъ словъ рѣшительно-довольно, чтобъ обрисовать пять минутъ остановки для снабженія паровоза водою и дровами. Вообще, кто дорожитъ путешествіемъ, тотъ долженъ дорожить временемъ на записываніе своихъ впечатлѣній. Старинное выраженіе: «слогъ—это человѣкъ» нынче устарѣло; «слогъ—это паровозъ» говорятъ путешественники. Г. Погодинъ такъ привыкъ къ этому слогу во время своихъ заграничныхъ переѣздовъ, что даже и тогда, когда ѣдетъ на долгихъ, все кажется, изъ его путевыхъ замѣтокъ, будто онъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ. Его размышленія, по поводу встрѣчающихся ему предметовъ, такъ же быстро мелькаютъ, какъ деревья въъ глазахъ путешественника, сидящаго въ вагонѣ. Когда

г. Погодинъ остановился передъ книжной лавкой, онъ увидѣлъ «много новыхъ таблицъ и картинъ, для пособія при изученіи «разныхъ наукъ. Особенно (говоритъ онъ) понравилось мнѣ на «черномъ полѣ изображеніе нашей солнечной системы. Хороши «изображенія снѣжинокъ въ увеличенномъ видѣ. Вздумалъ со- «брать всѣ такія пособія для нашихъ училищъ. Но для этого «надо заѣхать въ Парижъ. Закажу ихъ и въ Лейпцигѣ. Какъ «облегчилось нынѣ ученіе. Учатъ лучше, а учатся вездѣ хуже — «вотъ заключеніе, которое дѣлаютъ многіе наблюдатели». Паровозъ мчится. Подъ липами до звѣринца (Тиргартена), г. Погодинъ видитъ нѣмецкое in's Grüne и разсуждаетъ:

«А какое мѣсто могло бы въ Москвѣ состязаться съ берлинскими липами? Тверской Бульваръ коротокъ и узокъ. Садовая Улица прекрасна для зрѣнія, а не для прогулки. Прѣсненскіе Пруды находятся въ сторонѣ. Самое удобное мѣсто было за нѣсколько лѣтъ отъ Кузнецкаго Моста, смежнаго почти съ Китаемъ Городомъ, чрезъ такъ-называемую Трубу, а потомъ Самотеку, до Институтовъ. И теперь это пространство значительно, и служитъ къ большому украшенію города, а еслибъ присоединить къ нему съ обѣихъ сторонъ огороды и пустыри, нынѣ застроивающіеся, то можно бы было имѣть огромнѣйшее гулянье среди города, которое не уступило бы никакому европейскому... Настоящія московскія гулянья сдѣлались бы дополненіями къ этому главному и центральному: Прѣсненскіе пруды, Паркъ, Бутырки, Марьина Роща, Сокольники, Преображенское, Перово, Дворцовый Садъ, Воробьевы Горы. Одна только часть Замоскворѣчья не имѣетъ въ сосѣдствѣ мѣстъ для прогулокъ, но за то она ближе къ Коломенскому, Перервѣ, Угрѣшѣ.»

Г. Погодинъ ѣдетъ дальше; передъ нимъ мелькаютъ новые предметы. По поводу Потсдамскаго Дворца, путешественникъ вспоминаетъ Фридриха II; по поводу Фридриха, вспоминаетъ нашего Петра Великаго; по поводу Петра Великаго говоритъ:

«Для нашего Петра наступила новая эпоха. Наука исторіи ожидаетъ Русскихъ дѣятелей. Нѣмцы не могутъ безпристрастно судить объ немъ, какъ и о многихъ другихъ историческихъ лицахъ, а Французы и Англичане не расположены заниматься чужими судьбами, какъ своими. Прусскіе вагоны 2-го класса (продолжаетъ г. Погодинъ) прекрасны—и сидѣть, облокачиваться, прислоняться, очень-удобно и свободно.»

Дрезденъ, Рафаэль, галерея — мимо; музеумъ доктора Клемма осмотрѣлъ г. Погодинъ и выписалъ его программу; теперь не мѣсто намъ говорить объ этомъ хранилищѣ. Двѣнадцать страницъ заняло оно въ дневникѣ г. Погодина. Сочиненіе г. Клемма о «Женщинахъ» тоже хорошая штучка. «Я подписался для своихъ знакомыхъ (говоритъ г. Погодинъ), на 10 экземпляровъ». Потомъ съѣздилъ въ Пирау, Лейпцигъ, Веймаръ.

«Въ Веймарѣ второй сынъ Сабинина показывалъ мнѣ въ своей мастерской большую картину, надъ коей онъ работаетъ уже третій годъ: греческій философъ и Владиміръ Святый. Прочіе проповѣдники отхо-

дять со стыдомъ отъ русскаго князя: Католики и Нѣмцы. Пожелаемъ молодому художнику успѣшнаго окончанія.»

Изъ Веймара, во Франкфуртъ, а изъ Франкфурта — въ Кобленцъ.

«Въ Кобленцѣ—прекрасный вечеръ на берегу Рейна; грозный Эренбрантштейнъ высится передъ глазами, рѣка озарена послѣдними лучами заходящаго солнца, пароходы летаютъ взадъ и впередъ; къ нимъ подплываютъ съ разныхъ сторонъ лодки; путешественники одни сходятъ, другіе занимаютъ ихъ мѣста; раздаются призывные звонки, въ пристани шумъ и движеніе, носильщики торопятся съ пожитками, трактирщики приглашаютъ гостей...»

Мимо, мимо — въ Эмсъ. Пріѣхалъ въ Эмсъ 27 іюня (9 іюля). Г. Погодинъ намѣренъ брать ванны.

«Ванны здѣшнія устроены хуже, то-есть бѣднѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Теплицѣ. Діета не слишкомъ строгая: должно удерживаться отъ соленаго и жирнаго. Вино, чай, мороженое, въ умѣренномъ количествѣ, позволяютъ нѣкоторые врачи. Всего болѣе надо беречься простуды.»

Въ Эмсѣ есть прогулка и общій столъ.

«Ближнія прогулки въ саду, рощѣ и аллеяхъ, насаженныхъ близь источниковъ. Хоть онѣ очень узки, но все-таки прогуляться можно съ удовольствіемъ, особенно когда не безпокоитъ непріятный запахъ. Дальнія прогулки — по горамъ, не вездѣ впрочемъ въ тѣни. Въ путь отправляются большею частію на ослахъ, которыхъ особенно любятъ дамы и Англичане (?). Длинный Англичанинъ, сидя обыкновенно къ заду съ хлыстомъ въ рукахъ и волочась ногами почти по землѣ, представляетъ всегда смѣшную фигуру.

«Житье здѣсь довольно-дорого, какъ говорятъ Нѣмцы, сравнительно съ другими частями Германіи. Завтракъ стоитъ около рубля ассигнаціями на наши деньги (кофе съ молокомъ сливочнымъ масломъ, бѣлымъ хлѣбомъ, сухарями и булкою). Обѣдъ рубля два, и порядочная комната столько же; ванна отъ 20 к. с. до рубля; за пребываніе, на всѣ расходы платится за все время леченія рубль серебромъ, да на музыку и бѣднымъ пятьдесятъ копеекъ. Круглымъ счетомъ обыкновенныхъ вседневныхъ расходовъ можно положить около двухъ рублей серебромъ въ день на человѣка.»

Пріѣзжаютъ въ Эмсъ больше Бельгійцы, Англичане; женщинъ больше чѣмъ мужчинъ. Провожденіе времени слѣдующее: встаютъ, пьютъ воду, музыка играетъ—ванны берутъ рано. Г. Погодинъ вставалъ въ 5 часовъ утра.

«Время въ ваннѣ, разумѣется, самое скучное: безпрестанно поглядываешь на часы. Впрочемъ, мнѣ на счастье попался въ сосѣди Французъ, который прежестоко полоскался въ водѣ и производилъ ужасныя революціи или напѣвалъ веселыя аріи. Съ другой стороны плавала какая-то *леда*, или, по-крайней мѣрѣ, *лади*, а можетъ-быть, *миледи*.»

Можно прибавить: что твоя *милашка*, или *меледà*! — *мила-де* была въ ваннѣ эта Англичанка. Кажется, съострилъ наскоро: ничего, сойдетъ.

Отъ-нечего дѣлать г. Погодинъ читалъ журналы и газеты, по поводу которыхъ говоритъ:

«Смѣшенъ бываетъ иногда берлинской Cladderadatsch, своими нѣмецкими вицами. Вотъ, напримѣръ, одно изъ послѣднихъ его извѣстiй: вслѣдствiе вступленiя русскихъ войскъ въ Молдавiю прибыла въ Яссы и лихтенштейнская армiя на ночныхъ дрожкахъ (Nachtdroschki).»

Въ Эмсѣ послѣ ванны всегда бываетъ обѣдъ, слѣдовательно ванны берутъ передъ обѣдомъ.

«Столъ состоитъ изъ множества блюдъ съ разными приправами: супъ всегда очень-слабый и жидкiй, говядина болѣе или менѣе вываренная, рыба довольно вкусная, особенно рейнская семга, котлеты крошечныя съ морковью, шпинатами, капустою, простою и цвѣтною, фрикасе изъ разныхъ гребешковъ, ноготковъ и вчерашнихъ жаркихъ, пудингъ или Mehlspeise (мучникъ?), самое лучшее кушанье съ подливкою, жаркое (телятина, баранина, которая лучше телятины, олень, козлятина, цыплята) съ салатомъ и компотомъ, изъ вилеекъ, сливъ и разныхъ ягодъ, пирожное и хлѣбенное (?), за которымъ слѣдуютъ мелочи: печенья, бисквиты (*) (дважды варенья?), конфекты (**) (содѣланныя?), и съ хлопушками или щелканьемъ, которое заставляетъ вздрагивать всякую Gretchen, Minchen und Lottchen.

«Кушанья подаются на маленькихъ тарелкахъ и разрѣзываются на самые тонкiе ломтики или листики; приборы безпрестанно перемѣняются, разные соусы (***) (сольники?) подливаются, предъ глазами мелькаютъ украшенные зеленью и цѣтами; больше услаждается зрѣнiе и слухъ, чѣмъ вкусъ: ѣшь, кажется, много, а встанешь никакъ не зная, сытъ или нѣтъ. Еслибъ привезти изъ Троицкаго Трактира одну ногу телятины, да окорокъ ветчины, такъ, вѣроятно, въ этихъ двухъ *пьесахъ* (?) оказалось бы больше положительной сущности, valeur intrinseque, чѣмъ во всей массѣ здѣшней перегнанной *трен-брени.*»

«Пьеса» — слово французское, хотя и примѣнено къ окороку ветчины, вывезенному изъ Троицкаго Трактира. «Трен-брень» должно-быть тоже иностранное слово и значитъ какое-нибудь кушанье въ Эмсѣ. Жаль, что г. Погодинъ не переводитъ иностранныхъ названiй различныхъ лакомствъ. Сколько могли, перевели; больше не въ силу; въ Эмсѣ не были.

Г. Погодинъ пробылъ въ Эмсѣ меньше нежели мы предполагали, и отправился оттуда въ Вильдбадъ. Проѣхалъ Нассау, Швальбахъ, Гейдельбергъ и Брухзаль.

«Цѣны вездѣ очень умѣренныя (я пришлю вамъ послѣ подробную записку), мѣста преспокойныя и виды препрiятные. Ѣдешь, какъ-будто прогуливаешься.»

(*) Отъ чего же бисквиты, а не *дважды варенья*, потому-что biscuit происходитъ отъ bis — дважды, и coctus—вареный. Мы это дѣлаемъ по примѣру г. Погодина, который переименовалъ: allée—въ *просадь*, Sprechzimmer—въ *бесѣдницу*.

(**) Отъ латинскаго *conficere*, facere cum, *дѣлать съ*, содѣлать; confitures—*содѣланное*.

(***) Отъ salsa

Этимъ кончаются «Заграничныя Письма» г. Погодина; подъ послѣднимъ выставлено 3 (15) августа.

Итакъ, когда г. Погодинъ купался въ Эмсѣ, «Москвитянинъ» выходилъ въ Москвѣ своимъ чередомъ, и мы даже имѣли удовольствіе хвалить въ это время московскій журналъ, нисколько неподозрѣвая, что редакторъ его купается въ Эмсѣ!

Г. Погодинъ не въ первый разъ печатаетъ свои путевыя впечатлѣнія; кажется еще въ 1843 г. мы читали отчетъ о тогдашней поѣздкѣ редактора «Москвитянина» въ чужіе краи, и въ то время ужь сказали ему, что въ его «замѣткахъ» слишкомъ–много подражанія. И пусть бы онъ подражалъ письмамъ изъ-за границы Фонвизина, въ свое время знаменитымъ, хотя и написаннымъ рукою желчнаго и больнаго человѣка, который вездѣ видѣлъ недостатки, потому-что въ гостинницахъ не находилъ того комфорта, которымъ привыкъ наслаждаться въ Петербургѣ; пусть бы г. Погодинъ подражалъ Карамзину, письма котораго дышатъ такою юношескою любовью къ природѣ, людямъ и наукамъ; такъ нѣтъ, г. Погодинъ подражаетъ какому-то г. Вѣдрину и его «Отрывкамъ изъ Путевыхъ Впечатлѣній». Кто такой г. Ведринъ? чѣмъ онъ замѣчателенъ? Ничѣмъ, кромѣ своего оригинальнаго слога. Этого однако жь недостаточно, чтобъ быть образцомъ, которому стараются подражать люди, извѣстные въ литературѣ, какъ, напримѣръ, г. Погодинъ. Путевыя впечатлѣнія г. Вѣдрина были напечатаны въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, и мы, для доказательства нашего предположенія, позволимъ себѣ привести нѣсколько отрывковъ. Пусть читатели сличатъ и сами судятъ. Приведемъ отъѣздъ г. Вѣдрина изъ Москвы:

«Насѣкомыя не дали спать всю ночь!.. Говорятъ на Дербеновкѣ Грузинъ продаетъ кавказскій порошокъ, уничтожающій насѣкомыя: да страшно-дорого, рубль серебромъ фунтъ, а тамъ выдохнется, перестанетъ дѣйствовать. Но все къ лучшему. Вскочилъ въ 5, умылся и— въ Рогожскую искать товарища. Долго толкался. Что за лихой народъ извощики! Борода, кушакъ... Размечтался и вспомнилъ Кеппена брошюру о курганахъ. Товарищъ попался, купецъ изъ Нижняго, съ брюшкомъ, говоритъ на о. Потолковали—сладили—черезъ часъ ѣдемъ. Домой за чемоданомъ — даль страшная — хотѣлъ взять извощика, очень стали дороги, 25 серебромъ, меньше ни одинъ взять не хотѣлъ... Илучи, проголодался и перехватилъ... Замѣтилъ, что жевавши дорога кажется короче. Гастрическій обманъ!

«Выѣхали въ 11 часовъ.

«Ныньче на заставахъ даютъ контромарку съ N. Получилъ—отдалъ—шлагбаумъ вверхъ—тррр! Ѣдемъ. Товарищъ мой человѣкъ тихій, занимаетъ три четверти повозки, платитъ половину.

«Мѣста болѣе плоски, нежели гористы; справа виднѣется рѣка — волны смалтово-серебристо-платинисты. Чудный видъ! Деревни и села, мужички работаютъ такъ усердно. Люблю земледѣльческіе классы: не они намъ, мы имъ должны завидовать: въ простотѣ душевной они работаютъ не зная бурь и тревогъ, напиханныхъ въ нашу душу, ни роскоши, вытягивающей мнимые избытки.

«Село—церковь довольно-большая, византійской архитектуры.

Станція. Ѣхали на вольныхъ. Постоялый дворъ съ рѣзными украшеніями. У воротъ, хозяинъ съ рыжей бородой, на лицѣ написано корыстолюбіе; не пойду: слупитъ чортъ-знаетъ что̀! Остался въ новозкѣ наблюдать нравы. Нищіе помѣшали. Отвратительная привычка у нищихъ просить у проѣзжаго: проѣзжему мелкія деньги нужны— не крупныхъ же дать. Надоѣли—притворился соннымъ, помѣшали и тутъ. Ямщикъ разбудилъ, требуя на водку — еще скверный обычай! Что у нихъ за служеніе мамону! Далъ 3 к. серебромъ. Жалѣлъ. Пошелъ дождь—промочилъ до костей. Скучно.»

И т. д. И мы повторимъ «скучно», и не будемъ продолжать болѣе выписокъ. «Путевыя Записки» г. Вѣдрина въ свое время прочтены всѣми и забыты, какъ забывается все, что̀, не имѣя существенныхъ достоинствъ, отличается одною какою-то внѣшнею оригинальностью слога, сначала забавною, а потомъ утомительною. Читая «Отрывки изъ Заграничныхъ Писемъ» г. Погодина, мы невольно припомнили г. Вѣдрина, и теперь надѣемся забыть его опять надолго.

Вмѣстѣ съ «Отрывками изъ Заграничныхъ Писемъ» напечатаны въ №№ 16, 17 и 18 «Москвитянина» двѣ повѣсти *Нѣмка* г. Корнилевскаго и *Роговской* г. В. В. Первая изъ нихъ сочинена на тэму, что часто бѣдность служитъ основаніемъ проступка; а въ послѣднихъ строкахъ втораго разсказа доказано, что на порочномъ основаніи нѣтъ счастія, да и самый призракъ его влечетъ за собою раскаяніе и наказаніе. Въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ есть страницы, согрѣтыя теплымъ и благороднымъ чувствомъ, хотя авторы ихъ еще мало усвоили себѣ повѣствовательную форму для выраженія своихъ идей, и потому чрезвычайно-неопытны въ изложеніи дѣйствія и очеркахъ характеровъ. Особенно это замѣтно въ «Роговскомъ», который скорѣй походитъ на программу повѣсти, нежели на повѣсть.

Но зато ужь слишкомъ пространно выражено усердіе какого-то г. Посторонняго 2-го, по поводу статьи «Отечественныхъ Записокъ» о «Повѣстяхъ и Разсказахъ г. Писемскаго». Усердіе въ защиту писателя — прекрасно; но усердіе, переходящее границы, походитъ иногда на ту услугу, которую оказалъ медвѣдь пустыннику. Всякое излишнее усердіе тѣмъ и нехорошо, что, не достигая своей цѣли, оно иногда больше вредитъ, нежели помогаетъ. Возьмемъ примѣръ изъ другаго журнала. «Новый Поэтъ», накапунѣ новаго года, въ припадкѣ «кошмара» (*) утопилъ въ Летѣ и «Богатаго Жениха» и «Батманова» г. Писемскаго; а нынѣче лѣтомъ, прогулявшись въ фаэтонѣ, подышавъ свѣжимъ воздухомъ и прочтя рецензію «Отечественныхъ Записокъ» на сочиненія г. Писемскаго, нашелъ, что эта рецензія есть одна огромная опечатка! Это ужь излишнее усердіе, которое, ничего не доказывая, ставитъ въ чрезвычайно-невыгодное положеніе оба мнѣнія, одного и того же «Новаго

(*) Статья Новаго Поэта. «Соврем.» 1853 г. № 1.

Поэта»! Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, согласить эти два отзыва, не предположивъ, или излишняго усердія лѣтомъ, или излишней досады зимой въ критикѣ «Современника»? А вѣдь читателю, нужно же будетъ согласить два мнѣнія, изъ которыхъ одно осуждаетъ, напримѣръ, «Богатаго Жениха» и «Батманова» на забвеніе, а другое — находитъ непростительную опечатку въ мнѣніи «Отечест. Записокъ», которыя никогда и не думали опускать въ Лету произведеній г. Писемскаго. Точно такъ поступилъ и г. Посторонній 2-ой въ «Москвитянинѣ»; но зато редакція этого журнала нашла необходимымъ сдѣлать выноску къ рецензіи Посторонняго 2-го и прибавить отъ себя слѣдующее: «Въ ожиданіи статей «отъ постоянныхъ нашихъ сотрудниковъ по части «критики», по«мѣщая этотъ отзывъ *Посторонняго*, считаемъ нужнымъ пред«упредить, что это личный взглядъ, брошенный *случайно* и неза«висимо отъ взгляда Москвитянина». Это объясненіе мы понимаемъ и потому не будемъ сравнивать статьи *Посторонняго 2*, ни съ мнѣніями редакціи журнала, ни съ мнѣніями другихъ *Постороннихъ*. Мы будемъ имѣть дѣло съ однимъ Постороннимъ 2 и сличать его съ нимъ же самимъ.

Начинается споръ конечно съ того, что о «Писемскомъ какъ «и о многомъ еще въ нашей литературѣ, существуютъ въ кри«тикѣ *неудобопонимаемые толки*», и что, само-собою разумѣется, «Отеч. Записки» *нисколько не понимаютъ* этого писателя, какъ и многое другое, напримѣръ, «законную послѣдовательность и «правильный, хотя мѣстами еще прерванный кругъ, начатый Го«големъ и замыкаемый Островскимъ».

Слѣдовательно мы и не понимаемъ и не умѣемъ цѣнить г. Писемскаго... Но къ-сожалѣнію, въ той же статейкѣ г. Посторонняго 2, мы прочли вотъ что́:

«Но всего замѣчательнѣе въ этой рецензіи то, что рецензентъ какъ будто чутьемъ и ощупью добрался, по моему мнѣнію, до *настоящей мысли* произведеній г. Писемскаго и его значенія въ литературѣ, но не призналъ, даже отвергъ эту мысль и значеніе. «Такъ и слышишь, «кажется (говоритъ г. рецензентъ), что авторъ, излагая исторію по«хожденій своихъ лицъ, говорилъ самъ съ собою: «Охъ, господа, на«доѣли мнѣ всѣ вы до смерти!» Нельзя не согласиться, что *дѣйствительно*, какъ-будто слышишь *подобный приговоръ* автора о *многихъ лицахъ* своихъ произведеній.»

Положимъ, чутьемъ или ощупью, какъ хотите, но согласны же вы, что мы добрались до настоящей мысли произведеній г. Писемскаго. Вы согласны также съ нами и въ томъ, что приговоръ, подобный нашему, сдѣлалъ самъ г. Писемскій многимъ своимъ лицамъ... Не такъ ли?

Пойдемте дальше:

«Бешметевъ (говоритъ еще рецензентъ) еслибъ и былъ необразованъ, во всякомъ случаѣ «былъ бы побѣжденъ и Владиміромъ Петровичемъ и Юліей Владиміровной, а тѣмъ болѣе Бахтіаровымъ, на томъ физическомъ основаніи, что кто сильнѣй, тотъ и правъ». Стало-быть

вотъ и мысль, хоть не главная въ произведеніи; какъ же рецензентъ, *осязавъ ужь ее*, все-таки не видитъ и не признаетъ.»

Благодаримъ за осязаніе, которое вы намъ оставляете, по-крайней-мѣрѣ, и которое такъ кстати дало намъ почувствовать мысль «Тюфяка». Но все-таки вѣдь мы осязали же мысль? Не такъ ли?

Далѣе. Мы говорили, что ипохондрикъ, человѣкъ физически-больной, слѣдовательно никакой нравственной задачи въ этомъ произведеніи быть не могло. На это рецензентъ «Москвитянина» отвѣчаетъ:

«Ипохондрикъ дѣйствительно-физически больной».

Слѣдовательно г. Посторонній 2 и въ этомъ съ нами согласенъ; но какъ бы боясь такого неожиданнаго (съ нашей стороны) согласія, прибавляетъ:

«Но очевидно, Ипохондрикъ выбранъ авторомъ *только для сгрупировки около* него остальныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, отвергать значеніе которыхъ, значитъ отвергать смыслъ всякой истинной комедіи, начиная съ гоголевской; а критику показалось, что *авторъ ищетъ сюжета въ физической болѣзни*».

Это написано въ «Москвитянинѣ» въ *августѣ 1853 года;* а не угодно ли г. Постореннему прочесть въ «Отечест. Запискахъ» отдѣлъ журналистики въ *мартѣ 1852 года*, гдѣ былъ разобранъ «Ипохондрикъ» при первомъ его появленіи въ «Москвитянинѣ». Вѣдь этакъ мы скажемъ, что Посторонніе берутъ наши мысли, да потомъ и говорятъ намъ, зачѣмъ мы не замѣтили этихъ мыслей въ авторѣ «Ипохондрика» или въ Постороннемъ критикѣ. Не угодно ли вамъ прочесть слѣдующее мѣсто: въ нашемъ журналѣ:

«Ипохондрикъ — совершенный «тюфякъ». Натура пассивная, безъ всякой подвижности, безъ всякаго характера. Съ нимъ все дѣлаютъ, что хотятъ: «Ипохондрикъ» одинъ и тотъ же вначалѣ и въ концѣ; съ «Тюфякомъ» и съ «*Ипохондрикомъ*» *приходятъ въ соприкосновеніе разныя лица*, «*второстепенныя*», и *лица эти гораздо лучше обрисовываются въ пьесѣ, нежели главныя лица*. «Ипохондрикъ», какъ «Тюфякъ» существуетъ въ пьесѣ для того, для чего изобрѣтены термометры и барометры: сами по себѣ они не интересны, но показываютъ теплоту и холодъ, сухость, ясность и перемѣнчивость *температуры, въ которой находятся*... но мы такъ строги къ г. Писемскому потому только, что *видимъ въ немъ талантъ, неподлежащій сомнѣнію*. Уже одно то обстоятельство, что несмотря на всю небрежность въ созданіи, напр. «Ипохондрика», и повидимому, торопливость, съ которою онъ написанъ, вы читаете его весело и часто не можете удержаться отъ невольнаго смѣха — говоритъ въ пользу неподдѣльности таланта автора. Языкъ его такъ метокъ и оригиналенъ, несмотря на совершенную неправильность и тяжеловѣсность нѣкоторыхъ выраженій, что вы чувствуете въ немъ жизнь. Въ немъ нѣтъ тѣхъ придуманныхъ, кабинетныхъ остротъ и тонкостей, которыя высиживаются авторомъ съ желаніемъ посмѣшить читателя; но совсѣмъ тѣмъ, вы чувствуете, что выраженія его бойки, пототу-что выхвачены прямо изъ жизни, чувствуете, что

языкъ этотъ авторъ слышалъ вокругъ себя, и что не одна Соломонида Платоновна говоритъ такъ съ своими нахальными родственниками, какъ ораторствуетъ она въ «Ипохондрикѣ». Есть простое народное выраженіе «гвоздить», когда порусски хотятъ выразить сильную, меткую и вмѣстѣ съ тѣмъ бранчивую рѣчь чью-нибудь. У г. Писемскаго, нѣкоторыя лица, дѣйствительно «гвоздятъ» (извините за выраженіе)...» («Отеч. Записки» 1852 г., мартъ, Библ. Хрон., стр. 63—66.)

Такимъ-образомъ г. Посторонній 2 можетъ быть встревоженъ еще тѣмъ, что мы опять сошлись съ нимъ въ одномъ пунктѣ... По поводу «Батманова», г. Посторонній и «Отечест. Записки» совершенно разошлись, хотя это нисколько не доказываетъ, чтобъ «Отечест. Записки» думали о «Батмановѣ» такъ же, какъ Новый Поэтъ, который утопилъ въ Летѣ это произведеніе. Впрочемъ, г. Посторонній 2, хотя и очень горячій критикъ, но безпрестанно дѣлаетъ какія-то страшныя уступки «Отечест. Запискамъ». Такъ онъ по поводу «Батманова» прибавилъ: «Правда, г. Писемскій сбивался иногда съ пути въ этомъ характерѣ, и не разъ не зналъ «какъ отнестись къ нему». Что̀ это за оговорка?

Г. Посторонній 2, предположивъ неизвѣстно почему, что «Отечест. Записки» должны все порицать въ г. Писемскомъ, съ неудовольствіемъ прочелъ такія, напримѣръ, строки: «Лучшія «произведенія въ новомъ изданіи «Повѣстей и Разсказовъ» два очерка: «Комикъ» и «Питерщикъ». *По Питерщику можно судить какъ великъ талантъ г. Писемскаго.*

По этому поводу г. Посторонній говоритъ:

«Питерщика критикъ хвалитъ безусловно, а Комика—только за выполненіе.. Этихъ двухъ произведеній не считаемъ нужнымъ объяснять: достоинства ихъ ясны для всякаго; *мысль* Комика, *конечно*, не широкая, за то выполненіе безукоризненное.»

Помилуйте, да вы повторяете наши слова, г. Посторонній 2!

А хотите еще одно доказательство, и даже очень-сильное? Вотъ оно.

«Отечест. Записки» въ послѣдней рецензіи по поводу новаго изданія «Повѣстей и Разсказовъ» г. Писемскаго, говорили только объ одномъ: о выборѣ г. Писемскимъ сюжетовъ для своихъ произведеній. О языкѣ же, о характерахъ, о сатирѣ, о комизмѣ автора Повѣстей и Разсказовъ «Отечест. Записки» нѣсколько разъ говорили прежде и почти всегда съ похвалою. Въ послѣдній разъ мы сказали только: «*Выборъ сюжетовъ у г. Писемскаго вообще неудачный*». Что жь говоритъ г. Посторонній 2?

«Непосредственность воспріятія образовъ—отличительная черта автора (замѣтимъ въ скобкахъ: тоже наша мысль), *а касательно выбора предметовъ для своихъ произведеній*, повторяемъ: *авторъ дѣйствительно безъ разбора бросилъ взглядъ кругомъ себя.*»

Какъ вамъ нравится это возраженіе? Повторяя сказанное нами, г. Посторонній 2-й воображаетъ, что дѣлаетъ возраженія. Это все-равно, что Новый Поэтъ думалъ, если онъ назоветъ г. Писем-

скаго «однимъ изъ талантливѣйшихъ современыхъ бельлетристовъ», то въ этой фразѣ будетъ заключенъ глубокій смыслъ, особенно-сильное возраженіе «Отечественнымъ Запискамъ», которыя, напримѣръ, по поводу «Питерщика» сказали, что у г. Писемскаго — *великій талантъ*... Разница вся въ томъ, что мы сказали свое мнѣніе, вникнувъ въ произведеніе г. Писемскаго, какъ они того заслуживали, а Новый Поэтъ — рѣшительно изъ одного усердія, потому-что «Современникъ», находя нужнымъ печатать на цѣлыхъ страницахъ разборы какого-нибудь перевода «Фауста» г. *Овчинникова*, или «Жезла Правоты» г. *Анаевскаго*, не счелъ даже полезнымъ удѣлить нѣсколько страничекъ на рецензію «Повѣстей и Разсказовъ» г. Писемскаго, «одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ бельлетристовъ». Впрочемъ, вѣдь Новый Поэтъ въ той же книжкѣ «Современника» совершенно справедливо сказалъ: «Откуда въ-самомъ-дѣлѣ взять литературную критику? ея нѣтъ... Нѣтъ этой критики, о которой всѣ такъ усердно хлопочемъ; ея нѣтъ въ современной русской журналистикѣ, «потому-что нельзя же назвать критикой эти серьёзныя и скучныя статьи, имѣющія притязанія на критику; потому-что нельзя «же назвать критикой безцвѣтныя библіографическія статейки и «эти вялыя глумленія надъ лубочными московскими романами и «различными пошлыми стишонками»...

Нельзя, нельзя... Но возвратимся къ г. Постороннему 2-му. Съ той поры, какъ этому рецензенту показалось, будто мнѣніе его совершенно-ново, само-собою разумѣется, онъ счелъ необходимымъ напечатать его, а въ то же время замѣтить «Отечественнымъ Запискамъ» что онѣ ни чутьемъ, ни ощупью, ни осязаніемъ не могутъ достигнуть до него, г. Посторонняго 2-го. Все это бы ничего еще; но онъ вздумалъ пояснить свое мнѣніе о г. Писемскомъ и о «той законной послѣдовательности и о томъ правильномъ кругѣ литературныхъ дѣятелей, который начинается «Гоголемъ и замыкается г. Островскимъ». Здѣсь эти поясненія мы представимъ на судъ читателей: пусть они сами понимаютъ ихъ, какъ хотятъ, или какъ могутъ:

Что такое «Тюфякъ» и «Хозаровъ»? спрашиваемъ мы, а г. Посторонній отвѣчаетъ:

«Двѣ личности *случайныя*, т. е. явленіе которыхъ зависитъ *не отъ условій времени*, Тюфака и Хозарова, онъ (г. Писемскій) на вѣкъ заклеймилъ, возведя до типа и ихъ узнаютъ всегда и во всякое время, а Батмановъ и лица комедіи «Ипохондрикъ», имѣютъ огромное *преходящее* значеніе.

«Бешметевъ (Тюфякъ) лицо, какихъ много, соломенки не переломитъ, но личность благородная по правиламъ, и подавили его люди безъ правилъ. Другая же глубоко задуманная авторомъ мысль, въ самомъ характерѣ Бешметева. Причины безсилія этой *обособившейся, съ дикими инстинктами, личности — ея внутренняя борьба съ самой собою.* Онъ не можетъ сказать своего рѣшительнаго приговора женѣ, часто въ глубинѣ души *сознавая себя хуже ея*, и, значитъ, вопреки

мнѣнію г. рецензента, Бешметева болѣе или менѣе сдѣлало тюфякомъ полуобразованіе, т. е. *образованіе только книжное, безъ котораго онъ былъ бы просто дикъ, а съ полной, безпощадной внутренней переработкой самого себя могъ бы стать на высочайшую степень совершенства.*»

Такъ объясняетъ г. Посторонній 2-й значеніе Тюфяка. Кто пойметъ это объясненіе—благо тому! Мы съ своей стороны объяснить неудобопонимаемое не можемъ.

О Батмановѣ г. Посторонній 2-й говоритъ вотъ что:

«Правда, не объяснилъ намъ авторъ, и не видимъ мы, отчего Батмановъ сдѣлался такимъ Чайльд-Гарольдомъ, какъ онъ представленъ г. Писемскимъ. Можетъ быть и, вѣроятно, большею частью, *книги* и *обезъянничество,* а отчасти и убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ надъ окружающимъ, которое, впрочемъ, такіе герои намѣренно избираютъ по плечу себѣ, *рефлексія* и *задняя мысль* сдѣлали его такимъ...»

Обо всѣхъ же лицахъ повѣстей г. Писемскаго г. Посторонній 2-й выражается такимъ-образомъ:

«Не мѣсто упоминать здѣсь о всѣхъ лицахъ произведеній г. Писемскаго, которыя *всѣ* имѣютъ *преходящее или* (?) *всегдашнее* свое значеніе. *Всѣмъ же имъ,* разоблачивъ ихъ изъ всего эффектированнаго и сведя съ *чуждаго* пьедестала, или вознегодовавъ за ихъ малодушіе, сказалъ онъ строгій, холодный приговоръ, *отлучилъ ихъ* или *предоставилъ самимъ себѣ,* если захотятъ—послѣднимъ, судорожнымъ усиліемъ сбросить съ себя всю опутавшую ихъ тину, вполнѣ показавъ имъ эту тину» (??).

Статью свою г. Посторонній 2-й заключаетъ слѣдующимъ:

«И вотъ какіе неудобопонимаемые толки существуютъ у насъ о самыхъ лучшихъ дѣятеляхъ нашей литературы. Не знаю, во всемъ ли правъ я, и даже не претендую на это: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, а чувствую только, *что невольно негодуетъ и болитъ сердце отъ такихъ критикъ на отечественныя произведенія...*»

Вы совершенно-правы г. Посторонній 2-й, но только правы по-своему, съ вашей точки зрѣнія. Вы думаете, что ваши толки — удобопонимаемы, а наши — нѣтъ; и прекрасно. Вы правы, потому-что нельзя не сердиться на все, что есть неудопонимаемаго. Но вы неправы тѣмъ, что полагаете, будто «Отечественныя Записки» меньше вашего могутъ цѣнить неподдѣльный талантъ г. Писемскаго. Можемъ васъ увѣрить въ противномъ. Съ перваго появленія г. Писемскаго въ нашей литературѣ, мы привѣтствовали его талантъ съ искреннею радостью; и это вы можете видѣть изъ перваго нашего отзыва о «Тюфякѣ»; а если мы не хвалили такъ безусловно, какъ вы хвалите, зато и не хвалили такъ неудобопонимаемо, какъ вы. Да притомъ «Отечественныя Записки» никогда не имѣютъ привычки говорить что-нибудь о писателѣ бездоказательно, подобно Новому Поэту, какъ онѣ не имѣютъ привычки заживо запирать дѣйствующихъ еще писателей въ какіе-то предполагаемые круги, подобно вамъ, г. Посторонній 2-й. Вы приняли за альфу и омегу Гоголя и г. Островскаго, а остальныя буквы алфавита съ истиннымъ добродушіемъ раз-

даете въ удѣлъ другимъ писателямъ, по-мѣрѣ-того, больше или меньше уважаете ихъ; нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ, г-жу Евгенiю Туръ, графиню Ростопчину, князя Одоевскаго, Павлова и графа Соллогуба вы навсегда изгоняете изъ вашей очаровательной клѣтки писателей; но намъ кажется, рано еще ограничивать мыслящiя способности и творческую фантазiю писателей, пока они живы. Дайте имъ совершить все, что̀ предназначено, дайте имъ кончить литературное поприще свое спокойно, и тогда ужь называйте ихъ альфой, бетой, гамой... и до омеги включительно. Зачѣмъ вы берете на себя трудъ, который принадлежитъ не вамъ, не нашему поколѣнiю, а потомству? Что̀ если послѣ г. Островскаго, явится писатель, который въ своей литературной дѣятельности пойдетъ дальше его? вѣдь вы принуждены будете разжаловать г. Островскаго изъ омеги въ какое-нибудь *кси* или *пси?*

И въ-заключенiе, еще одно замѣчанiе, г. Посторонній 2-й. Вы судите и рядите цѣлый перiодъ нашей литературы, однихъ изгоняете, другимъ даете почетныя мѣста, а между-тѣмъ сами не читаете произведенiй этихъ писателей. Это нехорошо. Конечно, вы сами въ этомъ сознаѐтесь; но легко ли изгнанному быть отчуждену отъ литературнаго общества потому только, что вы не хотѣли прочесть произведенiй несчастнаго изгнанника? Вы говорите:

«Читатель, болѣе слѣдящiй за современнымъ движенiемъ литературы, самъ дополнитъ тотъ или другой разрядъ перечисленныхъ писателей и ихъ произведенiй, или даже, по своему, вѣрнѣе раздѣлитъ ихъ. *Я сдѣлалъ только намекъ, не будучи знакомъ со всѣми произведенiями каждаго изъ нихъ.*»

То-то вѣдь и есть: а вы такъ грозно ополчаетесь на враговъ— не вашихъ—которые можетъ быть прочли *всѣ произведенiя каждаго изъ нихъ:* вы ополчаетесь на рецензiи другаго журнала, не читая прежнихъ рецензiй того же журнала; но вѣдь въ этомъ случаѣ не отговорка, что вы мало слѣдите за современнымъ движенiемъ литературы, что вы Посторонній... Въ такомъ случаѣ нужно сдѣлать въ «Москвитянинѣ» особый отдѣлъ: *Литературы Посторонней*, какъ есть отдѣлъ литературы *Иностранной, Русской*, а въ «Современникѣ» былъ и *Провинцiальной*. Впрочемъ, въ «Современникѣ» и теперь есть какъ-бы отдѣлъ литературы *Дополнительной*. Это отдѣлъ критики, который «соображается» съ сказаннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ видно изъ слѣдующей добросовѣстной выноски къ критической статьѣ «Современника», помѣщенной въ октябрѣ. Рецензентъ говоритъ: «мы собирались еще сдѣлать разборъ книги г. Бларамберга, ко-«гда онъ ужь появился въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ сен-«тябрской книжкѣ, что̀ заставляетъ насъ, какъ читатель увидитъ «дальше, *соображаться съ этимъ разборомъ*» (*).

(*) Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мы поговоримъ подробно объ этихъ *соображенiяхъ* по поводу нашей статьи о книгѣ г. Бларамберга.

Соображаться съ чѣмъ-нибудь всегда полезно, и мы очень-рады, что могли быть полезны *соображеніямъ* рецензента «Современника». Только за это «Современникъ» долженъ быть и благодаренъ «Отечественнымъ Запискамъ».

Соображеніе! Вотъ прекрасное слово! Чего оно не значитъ въ литературѣ! Ученый, роясь въ пыли фоліантовъ, соображается съ изслѣдованіями другаго ученаго о томъ же предметѣ. Писатель, разсчитывая на сбытъ своего романа, соображается со вкусомъ публики, а не съ требованіями искусства. Журналистъ, помѣщая въ своемъ журналѣ произведенія того или другаго писателя, соображается... соображается со многимъ: и съ собственнымъ вкусомъ, и съ вкусомъ публики, и съ желаніемъ сдѣлать пріятное писателю, котораго произведеніе печатаетъ въ своемъ журналѣ, и съ достаткомъ или недостаткомъ матеріаловъ для журнала... все это называется соображеніемъ! Ученый, выписывающій цѣлыя страницы изъ другаго ученаго сочиненія, не говоритъ, что онъ обкрадываетъ, или, учтивѣе — заимствуетъ: онъ только соображаетъ. Новый Поэтъ, выписывающій въ своей статьѣ четырнадцать лучшихъ стихотвореній г. Фэта, соображаетъ (все-таки эти стихотворенія какъ-будто напечатаны въ «Современникѣ»)... соображаетъ только ихъ относительное достоинство — и больше ничего. Писатель, котораго литературная дѣятельность вызываетъ справедливую и ѣдкую сатиру — самъ торопится напечатать ее, соображая, что этимъ средствомъ смягчитъ меткій ударъ.

Но всѣ ли соображенія вѣрны? Всякій ли смѣхъ непритворенъ? Г. Ѳ. Б., который привыкъ соображать, что за его литературныя похвалы ему щедро отплатятъ — тоже долженъ былъ смѣяться, прочтя отзывъ Ѳ. М. Толстаго, который не принимаетъ похвалъ г. Ѳ. Б., и, слѣдовательно, превосходитъ его соображенія. Но г. Ѳ. Б.— опытный журналистъ, онъ не засмѣялся, онъ рѣшился только заснуть «литературнымъ сномъ»... Но, можетъ-быть, вы не знаете въ чемъ дѣло? Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ разсказать все, какъ было, по порядку — повѣрьте, исторія очень-занимательная, хотя и не въ первый разъ случающаяся.

Наступила осень. Г. Ѳ. Б., пострѣлявъ дичи, былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и написалъ стихи *къ картофелю,*

Давно ли картофель въ поляхъ зеленѣлъ,
И вотъ онъ, какъ уголь, изсохъ, почернѣлъ,

и т. д. Эти стихи напоминаютъ лучшія минуты вдохновенія юмористическаго автора статьи «Что такое Фасонъ?» — и въ-самомъ-дѣлѣ г. Ѳ. Б. былъ въ то время въ юморѣ, или, какъ онъ говоритъ, въ «умо́рѣ», умиралъ отъ смѣха и удовольствія. Сходивъ осмотрѣть новую швейную машинку, привезенную къ намъ въ гости изъ Сѣверной Америки, авторъ «Корреспонденціи, Замѣтокъ и Выписокъ» въ Сѣверной Пчелѣ, взялъ въ руки «Современникъ» и началъ соображать... Долго ли, коротко ли сооб-

ражалъ онъ—не знаемъ, только плодомъ этихъ соображеній было то, что онъ обратилъ особенное вниманіе на отрывокъ изъ романа Ѳ. М. Толстаго, напечатанный въ октябрской книжкѣ «Современника» подъ заглавіемъ *Три Возраста.* Вниманія и соображенія автора «Ивана Выжигина» были такъ сильны, что плодомъ ихъ было разсужденіе о русской литературѣ и новой швейной машинкѣ, привезенной изъ Америки. Послѣднее до насъ не касается, а на первомъ мы съ удовольствіемъ остановимъ вниманіе читателей. Давно мы замѣчали, что авторъ «Всякой Всячины» скромно, но постоянно, покровительствуетъ «Современнику» и всегда отзывается объ этомъ журналѣ съ благосклонностью. При самомъ первомъ объявленіи объ изданіи «Современника» въ 1847 году, авторъ «Петра Выжигина» разсыпался въ похвалахъ новому журналу, котораго еще тогда не видалъ, потому-что журналъ не выходилъ еще; далѣе, хвалилъ безусловно романъ издателя «Современника» «Львы въ Провинціи» и говорилъ, что романъ этотъ вывелъ его, автора «Димитрія Самозванца» — изъ литературной летаргіи; наконецъ хвалилъ онъ и своего собрата, по фёльетону, Новаго Поэта, который печатаетъ свои замѣтки о русской журналистикѣ въ «Современникѣ». Такая постоянная благосклонность доставалась въ удѣлъ только одному «Сыну Отечества», когда еще редакція этого послѣдняго журнала выдавала болѣе одного нумера «Сына Отечества» въ годъ. Въ этомъ случаѣ авторъ «Корреспонденціи» г. Ѳ. Б. находилъ, что это самый-добросовѣстный и лучшій журналъ. Но съ-тѣхъ-поръ обстоятельства немного перемѣнились. «Сынъ Отечества» въ нынѣшнемъ году не появился ни одного раза, и потому г. Ѳ. Б. перенесъ свое добродушіе (bonhomie) на «Современникъ», говоря при этомъ, какъ истинный рыцарь:

Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser...

Чтó значитъ въ вольномъ переводѣ: «Сынъ Отечества» въ былое время побѣждалъ меня и я обнималъ его отъ всего сердца. Теперь меня побѣждаетъ «Современникъ», но я все-таки его обнимаю.

Противъ такого доброжелательства ни г. Панаевъ, издатель «Современника», ни Новый Поэтъ, никогда не возражали; слѣдовательно литературныя отношенія журналовъ были старинныя, тихія. Долго мы соображали, гдѣ былъ источникъ доброжелательства г. Ѳ. Б., и, кажется, нашли его, если не ошибаемся: *Г. Ѳ. Б. любитъ великосвѣтскость.* Между прочими несомнѣнными достоинствами автора «Выжигина», мы замѣтили и это. Даже самъ г. Ѳ. Б. не приведетъ ничего противъ насъ, ручаемся, и вотъ доказательства. Изъ всѣхъ послѣднихъ романовъ, какіе хвалилъ г. Ѳ. Б.? *Большую Барыню, Львы въ Провинціи, Фёльетоны Новаго Поэта* и *Три возраста* г. Ѳ. М Толстаго. Но, теперь смотрите: «Большая Барыня» — романъ покойнаго Вонлярлярскаго, который любилъ и часто мастерски рисовалъ

великосвѣтскія сцены, возбудившія даже негодованіе по этому поводу въ Новомъ Поэтѣ. «Львы въ Провинціи», романъ г. Панаева, принадлежитъ также къ великосвѣтскимъ романамъ, и по лицамъ, дѣйствующимъ въ немъ, и по тѣмъ лирическимъ страницамъ, гдѣ вдохновеніе автора боязливо порывалось въ описываемый имъ кругъ. Наконецъ, въ повѣсти г. Ѳ. М. Толстаго (которая, скажемъ при случаѣ, имѣетъ много и другихъ достоинствъ) дѣйствующія лица принадлежатъ также къ блестящему кругу. Это-то и приманило г. Ѳ. Б., потому-что онъ забылъ прочесть введеніе въ «Три Возраста», гдѣ г. Ѳ. М. Толстой говоритъ, что повѣсть можетъ быть также прекрасна, если въ ней дѣйствуютъ простыя лица, какъ, напримѣръ, въ «Капитанской Дочкѣ»—Пушкина, какъ и тогда, когда дѣйствіе въ ней взято изъ высшаго круга. Все зависитъ отъ искусства писателя. Не сообразивъ этихъ словъ автора «Трехъ Возрастовъ», г. Ѳ. Б., подъ вліяніемъ своихъ соображеній, даже неподкрѣпленныхъ выписками изъ книги, рѣшился изрѣчь ей блестящій панигирикъ. Очевидно, г. Ѳ. Б. считаетъ себя покровителемъ великосвѣтской литературы у насъ—и немудрено, потому-что ни Вонлярлярскій, ни г. Панаевъ, ни Новой Поэтъ никогда не рѣшались отказаться отъ такихъ похвалъ. Но, каково жь должно быть удивленіе и соображеніе г. Ѳ. Б., когда авторъ «Трехъ Возрастовъ» отказался отъ похвалы г. Ѳ. Б., видимо, не признавая его судьею въ этомъ дѣлѣ! Г. Ѳ. Толстой такъ категорически выразилъ это мнѣніе г-ну Ѳ. Б., что говорить противъ него нѣчего! А между-тѣмъ г. Ѳ. Б., хваля «Три Возраста», употребилъ всѣ свои знанія и все свое искусство, чтобъ рецензія его была вполнѣ-убѣдительна. Въ ней онъ говоритъ и о карамзинскомъ правописаніи, котораго, къ-сожалѣнію, не держатся наши журналы, и объ англійскихъ романахъ золотаго вѣка, называя ихъ французскимъ словомъ romans intimes, и переводя эти слова порусски—*задушевнымъ повѣствованіемъ*; говоритъ и о слогѣ «style est l'homme», переводя эти слова такъ: «слогъ *снимокъ* съ человѣка». Все есть въ рецензіи, какъ видите: и французскія поговорки, переведенныя для непонимающихъ, и разсужденія о правописаніи, и размышленія о слогѣ... Чего бы, казалось, еще?.. И г. Панаевъ, и Вонлярлярскій, и Новый Поэтъ были этимъ довольны. Такъ нѣтъ; подите жь, угодите на всѣхъ! Судите сами рецензію г. Булгарина:

«Говорятъ, можетъ быть и справедливо, что журналисты не любятъ хвалить чужіе журналы и вообще труды своихъ совмѣстниковъ. Что касается до Сѣверной Пчелы, то она слѣдуетъ правилу, выраженному Французскимъ стихомъ:

«Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser.»

Т. е. Укажите мнѣ моего побѣдителя и я обниму его отъ всего сердца.

«Никогда мы не встрѣчали въ журналѣ *Современникъ* (*) ничего ле-

(*) Все, что мы обозначили курсивомъ, напечатано курсивомъ и въ «Сѣверной Пчелѣ».

стнаго для насъ, но всегда съ удовольствіемъ замѣчаемъ, когда въ немъ или въ другихъ журналахъ появится что-нибудь замѣчательное. Съ похвалою отзывались мы о романѣ, сочиненія самого издателя Современника, И. И. Панаева, *Провинціальные Львы*, и сожалѣли, что этотъ романъ нѣкоторые другіе журналы оцѣнили не по достоинству (*), но теперь съ большимъ удовольствіемъ указываемъ на разсказъ (или, если угодно, повѣсть или романъ) подъ заглавіемъ: «*Три возраста, дневникъ, наблюденія и воспоминанія музыканта литератора*», сочиненіе Ѳ. М. Толстаго. Какимъ образомъ упала эта звѣзда на нашу литературную почву (**)? Признаюсь по совѣсти, что со времени появленія въ свѣтъ *Капитанской Дочки*, сочиненія Пушкина, *Героя Нашего Времени*, соч. Лермонтова, меня разбудила только *Большая Барыня*, соч. Вонлярлярскаго, и послѣ того я снова задремалъ литературнымъ сномъ. *Три Возраста*, соч. Ѳ. М. Толстаго, не только разбудили меня, но и привели въ движеніе мои мысли и чувствованія. Въ X книжкѣ *Современника* (за октябрь) напечатана только одна часть этого очаровательнаго разсказа, а всего будетъ три части, и если я доживу до окончанія послѣдней части, то передамъ содержаніе разсказа и укажу на красоты его. Теперь только замѣчу, что этотъ разсказъ или повѣсть принадлежитъ къ тому роду литературы, въ которомъ наиболѣе прославились Англійскіе романисты золотаго вѣка Англійской Литературы (т. е. не нынѣшней). Это именно тотъ родъ романа, который Французы называютъ roman intime. По-Русски нельзя этого выразить иначе, какъ *задушевное повѣствованіе*. Авторъ анатомируетъ сердце человѣческое, и показываетъ читателю болѣзненныя или слабыя стороны сердца, но не иначе, какъ съ частями самыми здоровыми, или возвышенными и благородными. Зловонныя язвы сердца человѣческаго, которыми щеголяетъ Французская *растрепанная* литературная школа (école échevelée) и наша подражательная *натуральная школа*, тщательно скрыты отъ взоровъ читателя, авторомъ повѣствованія *Три возраста*. Въ этомъ повѣствованіи, въ описаніи малѣйшихъ подробностей, соблюдается во всей строгости изящный вкусъ; всѣ положенія представлены со всѣми оттѣнками деликатности (нѣжности чувствованій) и высокая мысль (направленія человѣка къ добру), упраляетъ всѣмъ. Языкъ благородный и приличный каждому дѣйствующему лицу по его характеру и положенію въ свѣтѣ; слогъ увлекательный, въ полномъ значеніи. Говорятъ: слогъ — снимокъ съ человѣка (le style est l'homme). Можно научиться писать правильно, но нельзя научиться писать увлекательно, точно такъ же, какъ можно научиться исполнять правильно самыя трудныя композиціи, на какомъ-либо инструментѣ, но нельзя научиться играть съ чувствомъ и выразительностію;—это даръ матери-природы. Спрашиваю снова, откуда и какъ упала на нашу литературную почву эта свѣтлая звѣзда (*), и очути-

(*) Опять звѣзда упала на почву!

лась неожиданно въ Современникѣ? Почему Ѳ. М. Толстой не занялъ прежде мѣста въ литературѣ, назначеннаго ему талантомъ, образованностію и начитанностію. На это не умѣю отвѣчать, но совѣтую всѣмъ любителямъ и любительницамъ изящнаго, нѣжнаго и благороднаго прочесть повѣствованіе *Три возраста*, и между тѣмъ сожалѣю, что это

(*) Это, кажется, мы должны принять на свой счетъ.
(**) *Звѣзда* упала на *почву* — хорошо сказано!

повѣствованіе выходитъ не вдругъ, т. е. не книжкою, но должно выйти въ свѣтъ въ три мѣсяца. Въ теченіе этого времени и впечатлѣнія, произведенныя прочитаннымъ, ослабѣютъ, и полное сочиненіе покажется отрывочнымъ. Ужели у насъ не нашлось издателя на такое сочиненіе, каково *Три возраста???* — Какъ бы то ни было, но мы поздравляемъ нашу литературу съ прибытіемъ новаго гостя, который, такъ сказать, однимъ шагомъ опередилъ цѣлую фалангу различнаго роста и цвѣта *натуралистовъ,* которые и шли и бѣжали, полагая, что идутъ впередъ, въ гору, а остались назади, и никогда не дойдутъ до трехъ возрастовъ! Разумѣется, что разсказъ Ѳ. М. Толстаго напечатанъ въ *Современникѣ* съ *современнымъ* правописаніемъ *натуральной школы,* и читателю, который учился Русской грамотѣ по Карамзину...» (и проч. о правописаніи. «Сѣв. Пчела», № 221.)

Кто бы могъ подумать, и въ-особенности могъ ли подумать г. Ѳ. Б., что, напечатавъ такое *задушевное повѣствованіе,* онъ принужденъ будетъ «испить чашу горестей до дна», и объявить объ этомъ въ № 227 «Сѣверной Пчелы»? У кого достанетъ соображенія па такой непредвидѣнный случай? Могъ ли вообразить г. Ѳ. Б., что его попросятъ напечатать слѣдующую статью, и онъ ее напечатаетъ въ 227 № «Сѣверной Пчелы»? Бываютъ случаи непредвидимые и превосходящіе всякое соображеніе! Новый Поэтъ также принужденъ былъ напечатать стихи другаго поэта — но объ этомъ послѣ. Г. Ѳ. Б. принужденъ былъ напечатать письмо г. Ѳ. М. Толстаго, которое говоритъ вотъ что:

«М. Г. Ѳ. В.

«Въ теченіе долголѣтняго вашего литературнаго поприща, вамъ вѣроятно, никогда не случалось получить жалобы отъ автора *за лестный отзывъ,* сдѣланный о его сочиненіи. Дѣйствительно, подобныя жалобы нѣсколько выходятъ изъ нормальнаго порядка вещей, потому что обыкновенно авторское самолюбіе пользуется такими здоровенными мышцами, что можетъ выдержать величайшій грузъ, лишь бы тяжесть эта состояла *изъ однихъ похвалъ.* Разумѣется, и я не лишенъ самолюбія; вотъ почему, прочитавъ въ № 221 Сѣверной Пчелы лестный вашъ отзывъ о первомъ, нѣсколько полномъ литературномъ моемъ трудѣ — сердце мое забилось отъ радости въ первую минуту, и я отъ души поблагодарилъ васъ за горячее сочувствіе; но *тотчасъ же опомнился,* и, полагаясь вполнѣ на ваше безпристрастіе и надѣясь на участіе, вами мнѣ оказанное, рѣшился написать нѣсколько словъ на счетъ вашей рецензіи и *просить убѣдительнѣйше напечатать* ихъ въ вашихъ же Замѣткахъ. Въ литературномъ трудѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, человѣкъ ищетъ сочувствія и нуждается въ поощреніи, слѣдовательно похвала опытнаго и образованнаго литератора драгоцѣнна для каждаго автора; *но позвольте напомнить вамъ, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, Французскую пословицу: «Qui dit trop, ne dit rien!»* Я душевно радуюсь, что первый опытъ мой заслужилъ ваше одобреніе, но не могу внутренно не сознаться, что благосклонныя ваши похвалы (извините) преувеличены. Я уже не говорю о томъ, что скажутъ мои недруги (а таковые всегда есть у начинающаго литератора), но мои

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

знакомые, даже пріятели, *поражены* были вашимъ *слишкомъ снисходительнымъ* отзывомъ. Въ особенности поразила ихъ (а меня, признаюсь, *огорчила*) (*) фраза, въ которой вы говорите, что я «опередилъ цѣлую фалангу различнаго роста и цвѣта натуралистовъ, и пр.... и что они никогда не дойдутъ до *Трехъ Возрастовъ*». Скажу вамъ безъ преувеличенія, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, что прочитавъ эту фразу, *мнѣ стало грустно*. Я не говорю уже о томъ, что многочисленные читатели Сѣверной Пчелы будутъ отъ этого взыскательнѣе къ моему произведенію, но *мнѣ стало грустно отъ мысли*, что, по вашему мнѣнію, начинающій можетъ опередить, съ перваго шага, *опытныхъ*, и скажу откровенно, *даровитыхъ нѣкоторыхъ современныхъ писателей!* Что касается лично до меня» и проч. (№ 227 «Сѣв. Пчелы».)

Что касается до насъ, мы не знали бы, что̀ отвѣчать на такое лестное письмо, адресованное (adressée) къ опытному и образованному литератору, какъ Ѳ. Б. Но авторъ «Корреспонденціи» въ томъ же 227 № «Сѣверной Пчелы» отвѣчалъ, что онъ и безъ того уже «испилъ чашу литературныхъ горестей до дна» и потому ему ничего не стоитъ напечатать такое письмо Ѳ. М. Толстаго. При этомъ онъ только прибавилъ, какъ-бы въ раздумьи: «Со мною бывали случаи, что нѣкоторые писатели сдѣ-«лались даже моими литературными недругами за мои похвалы «ихъ сочиненіямъ».

Да̀, бываютъ всякіе случаи, и не съ однимъ г. Ѳ. Б. Вотъ, напримѣръ, что̀ случилось въ томъ же октябрѣ — какой, право, несчастный мѣсяцъ!—съ Новымъ Поэтомъ. Въ замѣткахъ этого Поэта за октябрь мѣсяцъ на страницѣ 233-й «Современника» нашли мы стихи — и какіе стихи! Положивъ руку на сердце, мы должны сказать, что, по смерти Лермонтова, мы еще не читали такого великолѣпнаго стиха, и даже полагали его навсегда утраченнымъ для нашей литературы. Мы, даже, при этомъ случаѣ, могли бы сказать словами г. Ѳ. Б.: «откуда упала такая *звѣзда* на нашу стихотворную *почву*»? Стихотвореніе это напечаталъ Новый Поэтъ, тоже по просьбѣ одного пріятеля-литератора. Новый Поэтъ нѣкоторые стихи напечаталъ курсивомъ, какъ-бы не находя ихъ столько же прекрасными, какъ и другія строфы. Но мы не соглашаемся въ этомъ отношеніи съ Новымъ Поэтомъ, и намъ кажется все стихотвореніе выдержаннымъ съ начала до конца. Новый Поэтъ увѣряетъ, что это стихотвореніе есть «ѣдкая и умная сатира», но что она возбуждаетъ только смѣхъ, и самъ Новый Поэтъ смѣется до упаду, или до «уморы», какъ говоритъ другой, такъ часто сочувствующій ему фельетонистъ, г. Ѳ. Б. На кого какое дѣйствіе производятъ эти стихи — мы не знаемъ; но не можемъ не замѣтить, что на этакіе стихи былъ мастеръ Пушкинъ и ими онъ замѣнялъ свои критики. Мы не можемъ припомнить теперь нѣкоторыхъ изъ нихъ, но вѣроятно опытные литераторы и старые журналисты помнятъ то время литературной дѣятельности Пушкина. Но вотъ стихи, обращенные къ Новому Поэту и напечатанные имъ же въ 10 № «Современника»:

Физiологiя «Новаго Поэта».

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой-то господинъ
О бонъ-тонѣ разсуждаетъ
Какъ въ «дворянствѣ мѣщанинъ».
Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучилъ,
Другъ-швейцаръ ему законы,
Тайны свѣта сообщилъ.
Съ той поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды расточалъ,
Каленкоровыхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ!
Другъ Ивана Хлестакова
И *Тряпичкинъ* нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портнаго,
Брань *на мыслящихъ людей.*
Снобсовъ . . . . . .
Онъ собой изобразилъ,
И на цѣлую Россiю
Вдругъ печатно протрубилъ,
Что онъ запросто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюссо,
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ, какъ *lionceau*!
(Князь, всему извѣстно мiру,
Зналъ приличiя всегда:
Не пускалъ къ себѣ въ квартиру
Пошлыхъ франтовъ никогда.)
Съ той поры онъ въ фёльетонѣ
Ежемѣсячно твердилъ,
Что онъ ѣздитъ въ фаэтонѣ,
Рысаковъ себѣ купилъ,
Что его. . . . .
Славный шармеръ одѣвалъ,
Что голландскiя рубашки
Утро каждое мѣнялъ.
Онъ не можетъ похвалиться
Ни талантомъ, ни умомъ:
Пусть себѣ онъ отличится
Передъ публикой бѣльемъ,
И, притомъ, *ему, бѣдняжкѣ,*
Диво, рѣдкость, новизна,
Въ свой кружокъ притти въ рубашкѣ
Дорогаго полотна.
Въ свой романъ каррикатурный
Втиснулъ онъ друзей своихъ
И журналъ *литературный*
Сдѣлалъ органомъ портныхъ.
Но журнальную букашку
Не замѣтилъ модный свѣтъ,
Какъ въ голландскую рубашку
Ни рядился нашъ поэтъ.

Въ отвѣтъ на письмо г. Толстаго, г. Θ. Б. написалъ (Сѣв. Пчел. № 227): «Я испилъ до дна чашу горестей, которыя пред-«стоятъ самостоятельному журналисту, непринадлежащему ни къ «какой литературной партіи, или, какъ Французы называютъ, «coterie, но *высказывающему откровенно свое собственное мнѣніе*». Новый Поэтъ, напечатавъ приведенные выше стихи, съ полушуткой говоритъ: «*Если я буду продолжать откровенно и прямо «высказывать* въ моихъ замѣткахъ, хотя и скромное *мнѣніе* о «различныхъ журналахъ и статьяхъ, помѣщаемыхъ въ нихъ, — «тогда... жизнь моя будетъ отравляема медленнымъ ядомъ». (Совр. стр. 235).

«Москвитянинъ», который такъ оригинально иногда раздѣляетъ нашихъ писателей на различные классы, недавно сдѣлалъ подраздѣленіе на писателей въ *упоръ* и на писателей въ *отпоръ*. Положимъ, кто-нибудь въ своихъ повѣстяхъ или романахъ любитъ выводить слабые, безсильные характеры, а другой — сильные, энергическіе: если первый будетъ писателемъ въ упоръ, то послѣдній — писателемъ въ отпоръ. Иногда даже нельзя понять изъ словъ «Москвитянина», почему одинъ писатель, есть писатель въ упоръ, а не въ отпоръ, и почему другой — въ отпоръ, а не въ упоръ. Но не менѣе того, такое оригинальное подраздѣленіе писателей иногда можно употребить въ дѣло очень-удачно, и можно, напримѣръ, сказать что Θ. М. Толстой пишетъ очень-сильно въ отпоръ г. Θ. Б., а NN поэтъ сочиняетъ стихи очень-энергически въ упоръ Новому Поэту.

«Три Возраста» г. Толстаго — только отрывокъ изъ большаго романа, который будетъ напечатанъ въ «Современникѣ». Мы не имѣемъ привычки говорить объ отрывкахъ, или по началу заключать о цѣломъ романѣ, и потому отлагаемъ наше сужденіе до окончанія этого произведенія. Скажемъ только, что ждемъ продолженія этого романа въ «Современникѣ» — съ нетерпѣніемъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вышла въ свѣтъ четырнадцатая тетрадь *Русской Старины въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества*, составляемой г-мъ А. Мартыновымъ. Въ этой тетради помѣщены слѣдующія статьи съ рисунками и планами: 1) Дворецъ или Палаты царевича Дмитрія, въ Угличѣ; 2) Сновидскій монастырь близь Владиміра Клязьмскаго; 3) Соборъ въ городѣ Старицѣ; 4) Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ и 5) Церковь Казанскія Пресвятыя Богородицы, что́ въ Старомъ Сущевѣ, въ Москвѣ.

— Г. Фридебургъ, такъ ревностно продолжающій предпринятое имъ изданіе: *Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ*, нанияхъ выпустилъ въ свѣтъ *десятую* и *одиннадцатую* тетради. Въ 10-й помѣщены: портретъ супруги царя Іоанна Алексѣевича, царицы Прасковіи Ѳеодоровны (урожд. Салтыковой) и окончаніе жизнеописанія царя Алексѣя Михайловича; въ 11-й — портретъ первой супруги царя Алексѣя Михайловича, Маріи Ильиничны (урожд. Милославской) и начало жизнеописанія царя Ѳеодора Алексѣевича. Извѣстно, что г. Фридебургъ раздѣлилъ свое изданіе на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ въ каждомъ должно заключаться по десяти тетрадей. Такимъ-образомъ съ выходомъ нынѣ 10-й тетради оканчивается *первый отдѣлъ*, а съ 11-й, тоже теперь вышедшей, начинается новый, или *второй* отдѣлъ, на который объявлена ужь издателемъ подписка. Вотъ условія подписки: для жителей Петербурга съ платежемъ денегъ впередъ за всѣ 10 тетрадей (отъ XI до XX включительно) 12 руб. съ раскрашенными рисунками и 7 р. 50 к. съ нераскрашенными; для иногородныхъ—13 р. съ раскрашенными рисунками и 8 р. 50 к. съ нераскрашенными.

— Въ августѣ нынѣшняго года мы сообщили читателямъ извѣстіе о предпринятомъ въ Одессѣ г-мъ Де-Вильпёвомъ изданіи подъ названіемъ: *Album historique et pittoresque de la Tauride* (Историческій и живописный Альбомъ Тавриды); теперь мы получили два первые выпуска этого «Альбома», заключающіе въ себѣ *восемь* рисунковъ: 1) Развалины крѣпости Каффы, 2) Армянская церковь во имя св. Сергія, 3) Греческая церковь, построенная въ среднихъ вѣкахъ, и 4) внутренность ея, 5) Армянская церковь во имя св. архангеловъ Гавріила и Михаила и 6) внутренность ея, 7) Мечеть, превращенная въ католическую церковь по повелѣнію императрицы Екатерины II, и 8) развалины древняго замка въ Ѳеодосіи. Изданіе г. Де-Вильпёва въ полной мѣрѣ роскошное: литографированные рисунки прекрасны, печать и бумага отличны; самый текстъ, при краткости своей, очень-удовлетворителенъ. Цѣна за полное изданіе 50 р. сер., за каждый выпускъ отдѣльно 2 р. сер. Подписка принимается въ Ѳеодосіи у самого автора, въ Петербургѣ у г. Белизара, въ Одессѣ у г. Вильетти.

— Вышелъ въ свѣтъ *седьмой* томъ *Справочнаго Энциклопедическаго Словаря*, содержащій въ себѣ статьи отъ *Л* до *Мар*, съ особымъ листочкомъ, на которомъ напечатана статья: *Лермонтовъ*, почему-то пропущенная въ самомъ текстѣ, тогда-какъ въ немъ красуется же г. Лерминьё (стр. 160), подлѣ котораго, по порядку слоговъ, слѣдовало бы стоять и Лермонтову. Мы еще будемъ говорить объ этомъ изданіи.

— Появилось объявленіе объ изданіи *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* въ 1851 году съ перечнемъ главнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ этой газетѣ въ-теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ

нынѣшняго года. Съ удовольствіемъ просмотрѣли мы этотъ перечень и не могли не поблагодарить редакціи за снабженіе русской публики впродолженіе этихъ мѣсяцовъ весьма-пріятнымъ и интереснымъ запасомъ для чтенія самыхъ свѣжихъ политическихъ и литературныхъ новостей. Что до насъ касается, мы ежедневно читали и читаемъ «Санктпетербургскія Вѣдомости» и остаемся ими какъ нельзя болѣе довольны. Есть тутъ, чтó почитать, чѣмъ позаняться. Съ нами согласно и большинство читателей, сколько можно судить по получаемымъ нами отзывамъ. «Санктпетербургскія Вѣдомости» были для многихъ самымъ усерднымъ разсказчикомъ всего того, чтò случилось вокругъ, вблизи и вдалекѣ отъ насъ любопытнаго. Мы увѣрены, что ни одинъ Фигаро въ былыя времена не былъ нагружаемъ такимъ богатымъ запасомъ свѣжихъ, интересныхъ новостей, и не разсказывалъ ихъ съ такимъ усердіемъ, умѣньемъ и занимательностью, какъ дѣлаютъ это теперь «Санктпербургскія Вѣдомости». И не удивительно: Фигаро набиралъ новости отовсюду, не справляясь съ источниками, выдавалъ выдумки за дѣйствительность, судилъ и вкривь и вкось по своему крайнему разумѣнію; а у «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» сотни самыхъ вѣрныхъ источниковъ новостей, сотня рукъ, записывающихъ эти новости, и столько же людей, ихъ обсуживающихъ и объясняющихъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ этомъ отношеніи — именно въ отношеніи богатства способовъ получать новости и передавать ихъ читателямъ — это изданіе можетъ соперничать со многими изъ заграничныхъ газетъ. Редакція «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» пригласила къ себѣ въ сотрудники по каждому отдѣлу газеты людей спеціально-знакомыхъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ трактуется въ этомъ отдѣлѣ, и завела корресподентовъ вездѣ, гдѣ только нужно. Число тѣхъ и другихъ лицъ, помѣщающихъ свои труды въ этой газетѣ, увеличивается постоянно и въ значительныхъ размѣрахъ: оттого и выходитъ, что вы читаете столь же свѣжія, своевременныя извѣстія изъ Парижа, Лондона, Дублина, Нью-Йорка, какъ изъ Москвы, Кіева и другихъ русскихъ городовъ; оттого всякое новое изобрѣтеніе въ промышлености, всякое открытіе въ мірѣ науки, всякая художественная или литературная новость находитъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» дѣльное и подробное объясненіе; оттого дѣло въ нихъ не мѣшается съ бездѣльемъ, а тому и другому отведено опредѣленное мѣсто, серьёзный предметъ не трактуется шутя, а журнульный пуфъ не принимается за серьёзное. Не станемъ, для доказательства, указывать на статьи, которыя мы видѣли въ нынѣшнемъ году въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ». Еслибъ мы указали, положимъ, на нѣсколько десятковъ статей, то этимъ все-таки еще не охарактеризовали бы настоящимъ образомъ этого изданія. Ни одна газета не можетъ, да и не должна сообщать статей такъ-называемыхъ капитальныхъ—это не ея дѣло: на то есть журналы и сборники; ея дѣло слѣдить за со-

временнымъ и представлять ему повозможности удовлетворительное, полное, основательное объясненіе. Итакъ, пусть будетъ въ газетѣ не десятокъ капитальныхъ статей, а сотни мелкихъ статей, написанныхъ съ знаніемъ дѣла; скажемъ болѣе: пусть *каждая* изъ помѣщенныхъ въ газетѣ статей имѣетъ какой-нибудь интересъ, хотя бы даже интересъ шутки, остраго слова (если статья принадлежитъ къ тому отдѣлу газеты и жизни, гдѣ шутки и остроты тоже имѣютъ значеніе); пусть всѣ эти статьи являются своевременно, въ своемъ мѣстѣ и въ своемъ надлежащемъ видѣ—все это составитъ достоинство газеты, и все это, посправедливости можно сказать, мы видимъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ». Вотъ почему мы преимущественно читаемъ «Санктпетербургскія Вѣдомости» и преимущественно говоримъ о нихъ. Возьмите, для повѣрки нашихъ словъ, хоть одинъ какой-нибудь нумеръ этой газеты, и въ немъ вы найдете тѣ достоинства, о которыхъ мы говорили, и даже по одному нумеру замѣтите постепенное стремленіе къ улучшеніямъ.... Съ удовольствіемъ узнали мы изъ объявленія о «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», что въ будущемъ году газета будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, и что составъ ея редакціи остается тотъ же, какой былъ въ нынѣшнемъ году; надѣемся, что газета будетъ улучшаться болѣе и болѣе. Подписная цѣна газеты та же: за годовое изданіе съ доставкою—15 р., а съ прибавленіями—16 р.; за полугодовое съ доставкою— 8 р., а съ прибавленіями— 9 р. с.

— У насъ издается четырнадцать лѣтъ сряду музыкальный журналъ, который, можно-сказать, одинъ держится противъ всѣхъ случайностей журнальнаго дѣла, тогда-какъ всѣ его соратники на этомъ же поприщѣ исчезали одинъ за другимъ. Отчего жь не замолвить доброе слово за него предъ публикой? На томъ поприщѣ, на которомъ подвизается *Нувеллистъ*, настойчивость дѣлъ вовсе не лишнее. Чтобъ поддержать музыкальное предпріятіе, мало еще любить: надо и понимать музыку. Извольте угождать публикѣ, когда одинъ хочетъ фугъ, а другой — танцевъ. Намъ скажутъ, что въ этомъ случаѣ самый вѣрный способъ угодить — давать то и другое. Дѣйствительно, способъ самый вѣрный. Издатель «Нувеллиста» г. Бернардъ, такъ и дѣлаетъ. Но спрашивается: легко ли это, и у всякаго ли издателя достанетъ средствъ сдѣлать изъ музыкальнаго журнала музыкальную энциклопедію? Какъ бы то ни было, «Нувелистъ», отличается этимъ характеромъ, и по этой причинѣ публика имъ очень-довольна. Мы думаемъ, что *довольна*, потому-что видимъ, какъ журналъ совершенствуется; а это, по нашему мнѣнію, явный знакъ, что журналъ пошелъ въ ходъ и пользуется поддержкой со стороны публики. Какъ угодно, а безъ публики не двинешь впередъ никакого предпріятія. Въ будущемъ году «Нувеллистъ» обѣщаетъ улучшенія. Причиной этихъ улучшеній, кромѣ свойственнаго всему живущему стремленія улучшать-

ся—поѣздка редактора за границу. Программа «Нувеллиста» объявляетъ, что редакторъ вошелъ въ сношеніе съ извѣстнѣйшими заграничными издателями нотъ и композиторами, и такимъ-образомъ будетъ имѣть въ слѣдующемъ году богатый запасъ интересныхъ музыкальныхъ новостей. Радуемся за подписчиковъ «Нувеллиста», особенно тѣхъ, которые живутъ внутри Россіи и, слѣдовательно, не имѣютъ возможности сами выбирать для себя ноты. За 10 р. с. они получаютъ въ «Нувеллистѣ» огромный и самый разнообразный выборъ нотъ; а если редакція обѣщаетъ. что въ слѣдующемъ году этотъ выборъ будетъ еще лучше, то, конечно, тѣмъ лучше. Не надо забывать и того, что къ каждой тетради «Нувеллиста» прилагается «Литературное Прибавленіе», которое содержитъ въ себѣ интересныя статьи по части исторіи и теоріи музыки, музыкальной критики и, наконецъ, новѣйшія внутреннія и заграничныя музыкальныя извѣстія. При совершенномъ отсутствіи у насъ спеціальныхъ журналовъ, предметомъ которыхъ были бы сужденія о музыкѣ, это «Прибавленіе» еще болѣе придаетъ интереса «Нувеллисту».

VI.

Исторія: Наполеонъ и сэръ Гудсонъ Ло. — **Археологія**: Древняя Киликія; ея лары и пенаты. Ниневія (изъ новаго сочиненія Лейарда). — **Этнографія и Путешествія**: Болгарія и Болгары.

НАПОЛЕОНЪ И СЭРЪ ГУДСОНЪ ЛО.

Въ трагической развязкѣ великой наполеоновской эпохи участь плѣнника острова Св. Елены не разъ сравнивали съ судьбою Прометея, а сэра Гудсона Ло—съ коршуномъ, терзавшимъ Прометея. Пристрастіе, или фатализмъ, произнесли этотъ судъ. Гудсонъ Ло былъ только исполнителемъ данныхъ ему инструкцій. Защитники памяти Англичанина могутъ даже оправдывать его, какъ воина, прежде всего повинующагося даннымъ ему приказаніямъ. Лордъ Кемпбель въ біографіи лорда Эльдона говоритъ: «Боюсь, чтобъ исторія не сказала нѣкогда, что съ Наполеономъ поступили въ XIX вѣкѣ, какъ съ Орлеанскою Дѣвственницею въ XV, и чтобъ не написали трагедіи на смерть Наполеона, гдѣ выведутъ сэра Гудсона Ло въ видѣ тюремщика, а лорда Эльдона—въ видѣ совѣтника, настаивавшаго на строгомъ заключеніи плѣнника». Предсказаніе это исполнилось по-крайней-мѣрѣ относительно Гудсона Ло. Даже англійскіе историки не скрываютъ этого, но стараются только смягчить сужденіе о немъ.

Теперь вышли въ свѣтъ записки самого сэра Гудсона Ло, изданныя Форсейтомъ, извѣстнымъ адвокатомъ. Долго отговаривался онъ (какъ самъ объявляетъ въ предисловіи) отъ этого изданія; наконецъ, по усильной просьбѣ друзей покойника, рѣшился кончить этотъ трудъ. Тридцать большихъ томовъ переписки собрано было сэромъ Гудсономъ Ло; въ нихъ объяснено малѣйшее происшествіе, какъ бы оно маловажно ни было, во время пребыванія губернатора на островѣ Св. Елены.

Въ біографіи этого человѣка нѣтъ ничего особеннаго; въ главныхъ событіяхъ ничего новаго; только нѣкоторыя подробности о второстепенныхъ лицахъ объясняютъ многое, что̀ происходило около Наполеона.

Біографія начинается свѣдѣніями о первоначальной службѣ Гудсона Ло до прибытія на островъ Св. Елены. Любопытно слѣдить за странными случайностями, которыя сближаютъ его съ будущимъ плѣнникомъ. До послѣдней минуты не знаютъ они, конечно, объ опредѣленіи судьбы, которая должна связать ихъ на пустынномъ островѣ.

Отецъ Гудсона Ло родился въ Англіи, въ Линкольншейрѣ и служилъ врачомъ въ англійскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Германіи во время Семилѣтней Войны. Въ началѣ французской революціи былъ онъ назначенъ штаб-хирургомъ и начальникомъ госпиталей въ Гибралтарѣ, и исправлялъ эту должность до кончины, въ 1801.

Сэръ Гудсонъ Ло родился въ Гальвеѣ 28 іюля 1769 года. Онъ былъ еще въ училищѣ, по 13-му году, когда назначенъ былъ прапорщикомъ въ милиціи въ восточномъ Девоншейрѣ. Осенью въ 1787 году переведенъ онъ тѣмъ же чиномъ въ 50-й полкъ, стоявшій въ Гибралтарѣ, гдѣ былъ губернаторомъ тогда сэръ Джоржъ-Августъ Элліотъ.

Пробывъ четыре года въ этомъ гарнизонѣ, Гудсонъ Ло произведенъ былъ въ поручики, получилъ отпускъ и употребилъ его на путешествіе во Францію и въ Италію, гдѣ изучилъ оба языка практическимъ образомъ. По возвращеніи въ Гибралтаръ, Гудсонъ Ло нашелъ, что полкъ его посланъ въ Корсику содержать гарнизонъ въ Аяччіо. Такимъ-образомъ будущій губернаторъ Св. Елены поселился въ томъ же городѣ, гдѣ жило все семейство Бонапарте, но не познакомился ни съ кѣмъ изъ нихъ.

По оставленіи Корсики Англичанами, поручикъ Ло переведенъ былъ вмѣстѣ со всѣмъ полкомъ въ Порто-Ферайо на островъ Эльбу — будущее пребываніе Наполеона.

Въ 1793 году Ло получилъ роту въ томъ же полку и отправленъ въ Лиссабонъ, гдѣ около двухъ лѣтъ стоялъ съ гарнизономъ; послѣ этого 50-й полкъ посланъ былъ на островъ Минорку, гдѣ командовалъ генералъ Фоксъ и гдѣ скрылось много корсиканскихъ выходцевъ, которыхъ сформировали въ отрядъ стрѣлковъ. Команду надъ ними ввѣрили капитану Ло.

Въ августѣ 1800 года отрядъ этотъ (двѣсти человѣкъ) отправленъ былъ въ Гибралтаръ, участвовать въ египетской экспедиціи подъ начальствомъ сэра Ральфа Аберкромби и составилъ часть резерва подъ командою генерал-майора Мура. Здѣсь въ нѣсколькихъ схваткахъ корсиканскіе стрѣлки понесли большія потери.

Майоръ Ло находился съ ними при высадкѣ въ Абукирѣ и въ сраженіи при Александріи. Во время этой кампаніи спасъ онъ жизнь Сиднея Смита, котораго одинъ англійскій пикетъ принялъ за французскаго офицера (потому-что онъ былъ въ треугольной шляпѣ, тогда-какъ всѣ Англичане носили круглыя). Извѣстно, какое вліяніе на свою судьбу Наполеонъ приписывалъ Сиднею Смиту, остановившему его успѣхи при Сен-Жан-д'Акрѣ. Усердіе

и бдительность сэра Гудсона Ло заслужили ему слѣдующій отзывъ генерала Мура: «Когда Ло на форпостахъ, я могу спокойно спать».

Послѣ этой кампаніи майоръ Ло служилъ въ Португаліи, Сициліи и Неаполѣ. Біографъ самымъ благопріятнымъ образомъ для Ло объясняетъ, какъ онъ потерялъ островъ Капрею, и говоритъ, что это было единственное прискорбное обстоятельство во всей военной службѣ сэра Гудсона Ло.

Послѣ этого Ло назначенъ былъ губернаторомъ нѣсколькихъ греческихъ островов, между прочимъ, Кефалоніи и Итаки, гдѣ учредилъ временное правленіе и два года былъ предсѣдателемъ администраціи военной и гражданской.

Въ это время Гудсонъ Ло (уже подполковникъ) былъ въ перепискѣ съ турецкимъ начальствомъ албанскихъ береговъ и съ англійскимъ резидентомъ въ Янинѣ. Сэръ Джонъ Стюартъ доставилъ ему даже непосредственное сношеніе съ знаменитымъ Али-Пашею, который, при личномъ съ нимъ свиданіи, предложилъ ему произвесть съ тридцатью тысячами Албанцевъ высадку въ Италію, чтобъ препятствовать Мюрату вторгнуться въ Сицилію.

1 января 1812 года Ло былъ произведенъ въ полковники и получилъ отпускъ, дозволившій ему во второй разъ видѣть свое отечество въ-теченіе двадцати-четырехлѣтней службы.

Въ 1813 году былъ онъ англійскимъ коммиссаромъ при союзныхъ арміяхъ. Въ сраженіи при Бауценѣ 21—22 мая въ первый разъ увидѣлъ онъ будущаго своего плѣнника. Въ октябрѣ участвовалъ онъ въ лейпцигской битвѣ.

Въ 1815 году былъ онъ генерал-квартирмейстеромъ арміи Веллингтона, но не участвовалъ въ сраженіи при Ватерлоо. За нѣсколько времени до сраженія, англійское правительство отправило его въ Геную для произведенія съ австро-сардинскою арміею вторженія въ Южную Францію. Вмѣстѣ съ лордомъ Эксмоутомъ былъ онъ при взятіи Тулона, и комендантомъ въ Марсели, какъ вдругъ 1-го августа получилъ извѣстіе, что ему поручено быть стражемъ Наполеона на островѣ Св. Елены. При отъѣздѣ его, Марсельцы поднесли ему вазу за сохраненіе дисциплины и порядка во время его пребыванія въ городѣ ихъ.

Съ этого времени начинаются собственныя записки сэра Гудсона Ло. Въ нихъ три интересныя стороны: вопервыхъ, дѣйствія его на островѣ Св. Елены; вовторыхъ, инструкція тогдашняго англійскаго кабинета; втретьихъ, характеристика Наполеона въ послѣдніе годы его жизни.

Разсмотримъ отдѣльно всѣ эти стороны. Противъ Гудсона Ло столько обвиненій, что надобно всевозможное безпристрастіе, чтобъ отдѣлить дѣйствительность отъ преувеличенія. Сэръ Вальтеръ Скоттъ и сэръ Арчибальдъ Алисонъ, оба изъ партіи лорда Кастельри, осудили сэра Гудсона Ло, приводя слѣдующія обстоятельства. Наполеонъ былъ друженъ съ начальникомъ англійской эскадры, сэромъ Польтеней-Малькольмомъ, и ненавидѣлъ Гудсона

*

Ло. Когда Малькольмъ предложилъ помирить губернатора съ плѣнникомъ, Гудсонъ Ло уклонился отъ этого. Съ первымъ адмираломъ сэромъ Джоржемъ Кокбурномъ жилъ Гудсонъ Ло въ несогласіи и ссорился съ Польтеней Малькольмомъ, который былъ однимъ изъ любезнѣйшихъ въ свѣтѣ людей. Съ О'Миромъ Ла-Казомъ, Монтолономъ, Антомарки, губернаторъ, по словамъ своего біографа, былъ въ личной враждѣ. О'Мира, несмотря на строгость тогдашняго закона противъ пасквилей, напечаталъ грозный свой: *Голосъ съ острова Св. Елены*. Послѣ пяти изданій этого сочиненія, Гудсонъ Ло рѣшился оправдываться въ Королевскомъ Судѣ, и О'Мира явился туда съ письменными декларацiями, подтвержденными присягою семнадцати свидѣтелей. Лордъ Батурстъ совѣтовалъ ему тогда издать брошюру въ отвѣтъ на обвиненія О'Мира, но Гудсонъ Ло отказался.

«Сэръ Гудсонъ Ло (говоритъ его біографъ) пострадалъ и въ другомъ отношеніи. Лордъ Батурстъ просилъ ему пенсіи, по примѣру прежняго губернатора острова Св. Елены, Вилькера, получившаго 1500 фунт. стер., но Министерство отказало въ этомъ Гудсону-Ло. Впрочемъ, ему дали потомъ мѣсто губернатора въ Антигоа, и наконецъ въ Цейланѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Цейланъ являлся онъ къ герцогу Веллингтону и возобновилъ свою просьбу о пенсіи; но герцогъ отвѣчалъ, что Парламентъ не согласится на это, и что никакое министерство не рѣшится сдѣлать подобнаго представленія.

Брошюра О'Мира: *Голосъ съ острова Св. Елены* играетъ важную роль въ обвиненіяхъ сэра Гудсона Ло. Она въ свое время надѣлала много шума, и журналъ *Quarterly Review*, отвѣчалъ въ защиту министерства, обвиненіемъ О'Мира, что онъ открылъ въ своей книгѣ всей Европѣ то, что̀ должно было храниться въ-тайнѣ. Это странное обвиненіе было поводомъ къ дальнѣйшему изслѣдованію дѣла.

О'Мира, избранный Наполеономъ врачомъ и повѣреннымъ, имѣлъ въ Адмиралтействѣ одного пріятеля, по имени Финлейсона, къ которому писалъ множество посланій, съ описаніемъ *борьбы льва въ клѣткѣ*. Вотъ образчикъ одного изъ этихъ писемъ:

«Онъ (Наполеонъ) часто осыпаетъ бранью членовъ англійскаго правительства, пославшихъ его на этотъ островъ, который по-справедливости называетъ самымъ отвратительнымъ жилищемъ въ свѣтѣ».

Далѣе въ томъ же письмѣ О'Мира говоритъ: «Если англійское правительство не хочетъ мнѣ дать того, что̀ самъ Бонапарте мнѣ предлагалъ (12,000 фунтовъ стерлинговъ) и что̀ было повторено въ письмѣ Монтолона, переданномъ Адмиралтейству, я не могу долѣе оставаться здѣсь. Если я долженъ быть плѣнникомъ, то одна надежда на хорошее жалованье можетъ заставить меня жить въ этой клѣткѣ... Вы увидите, что бо̀льшая часть моего письма писана не для публики, и даже, можетъ-быть, оно непріятно бу-тъ и Парламенту. Но по секрету скажу вамъ, что Наполеонъ

достаточно уже выучился поанглійски и можетъ, съ помощью лексикона, самъ читать англійскія газеты. А какъ при нашихъ разговорахъ съ нимъ никто не бываетъ, то онъ тотчасъ же узнаетъ, что напечатанныя письма написаны мною. Вы понимаете, что если я не буду въ лучшихъ съ нимъ сношеніяхъ, то мнѣ невозможно здѣсь жить въ званіи его врача; слѣдовательно, я прошу васъ сообщить это письмо только тѣмъ лицамъ, въ которыхъ вы увѣрены, чтобъ оно какъ-нибудь не попало въ газеты».

А вотъ отвѣтъ коммиссара адмиралтейства.

«Письма ваши отъ 16 марта и 21 апрѣля я получилъ, и они доставили истинное удовольствіе многимъ важнымъ лицамъ. Первое также показалось мнѣ очень-занимательнымъ. Ни одна строка ваша не будетъ обнародована. Г. Крокеръ списалъ съ вашихъ писемъ копіи и роздалъ ихъ членамъ кабинета. Онъ просилъ меня увѣрить васъ, что ихъ никто въ свѣтѣ больше не увидитъ. Письма ваши писаны такъ хорошо, умно и *наивно*, что привели всѣхъ въ восторгъ. Я увѣренъ, что въ Адмиралтействѣ принесутъ они вамъ большую пользу. На-дняхъ капитанъ Гамильтонъ и сэръ Эдуардъ Торнбрау узнали, что въ портсмутской газетѣ напечатано было письмо о Бонапарте, полученное отъ кого-то съ острова св. Елены. Полагая, что оно отъ васъ, они тотчасъ же послали за мною и велѣли вамъ сказать, чтобъ вы были осторожны въ частной вашей перепискѣ съ другими лицами, потому-что газеты все ныньче перехватываютъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они надѣятся, что вы будете продолжать писать ко мнѣ съ полною довѣренностью обо всѣхъ анекдотахъ и подробностяхъ, которыя удастся вамъ узнать, и будете увѣрены, что одно правительство будетъ читать эти письма, которыя для него чрезвычайно-занимательны, потому-что изъ нихъ узнаются личныя чувства вашего великаго плѣнника.»

Все это подтверждается письмомъ сэра Гудсона Ло къ лорду Батурсту:

«Я тотчасъ же объявилъ доктору О'Мира все неприличіе его поведенія и даже опасность, которой онъ подвергается, мѣшаясь въ такія дѣла. Онъ мнѣ сказалъ, что графъ Монтолонъ оставилъ безъ его согласія письмо въ его комнатѣ, что одна минута любопытства помѣшала ему отослать письмо обратно; что онъ вовсе не намѣренъ отдавать его въ печать, но что сдѣлаетъ выписку изъ него въ своихъ письмахъ къ г. Крокеру, и тогда онъ мнѣ показалъ письмо, полученное имъ отъ г. Финлейсона, служащаго въ Адмиралтействѣ. На письмѣ была надпись *секретно* (слѣдственно, недолжно было бы его и показывать), и въ немъ просили доктора въ-особенности сообщить г. Крокеру всѣ возможныя подробности и свѣдѣнія о генералѣ Бонапарте, съ тѣмъ, что письма его будутъ читаны только членами кабинета. Г. Финлейсонъ говоритъ ему потомъ объ удовольствіи, которое доставляетъ чтеніе его писемъ важнымъ лицамъ и убѣждаетъ разными похвалами доктора О'Мира продолжать свои сообщенія. Оффиціальное поло-

женіе перваго секретаря Адмиралтейства можетъ, конечно, дать право требовать это; но г. Финлейсонъ тоже проситъ достать ему автографъ Бонапарте и вообще обнаруживаетъ любопытство ко всему, касающемуся до знаменитаго плѣнника. Такимъ-образомъ, могутъ чрезъ доктора О'Мира дойдти какія-нибудь жалобы до принца-регента. Вообще докторъ оправдывается тѣмъ, что само Адмиралтейство поручило ему сообщать свои извѣстія.»

Тогда дѣло шло о доставленіи въ Англію письма отъ Наполеона, но никто его не бралъ, и сэръ Гудсонъ Ло отказался принять его. Вотъ нѣкоторыя подробности О'Мира объ этомъ письмѣ.

«Я сегодня объявилъ сэру Гудсону Ло, какъ Монтолонъ оставилъ у меня извѣстное письмо. Онъ былъ очень-недоволенъ, что я зналъ о немъ и прочелъ его, такъ-что для защиты своей я долженъ былъ ему сознаться, что имѣю порученіе сообщать Адмиралтейству все, что̀ касается до Наполеона. Онъ удивился и разсердился, сказавъ мнѣ, что это *неприлично*, что Адмиралтейству нѣтъ никакого дѣла до него; что сами министры ничего не должны знать о происходящемъ на островѣ Св. Елены, кромѣ статс-секретаря, съ которымъ онъ ведетъ объ этомъ переписку. Онъ прибавлялъ, что и мои письма должны идти черезъ его руки. Я почтительно отвѣчалъ, что, находясь на службѣ Адмиралтейства, долженъ исполнять его приказанія и что принужденъ буду проситься въ отставку. Онъ отвѣчалъ, что вовсе не желаетъ этого и подумаетъ обо всемъ дѣлѣ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Но пока я не получу отъ васъ приказанія прекратить съ вами переписку, я буду продолжать ее, въ противномъ случаѣ, буду проситься въ отставку.»

Вотъ главнѣйшее историческое открытіе въ запискахъ сэра Гудсона Ло. Теперь ясно, почему публикація брошюры: *Голосъ съ острова Св. Елены* осталась безъ наказанія и почему докторъ О'Мира тоже сильно дѣйствовалъ, зная, что, открывъ тайную свою переписку, доставитъ оппозиціи самое сильное орудіе противъ тогдашняго кабинета.

Обратимся къ Наполеону. Записки сэра Гудсона-Ло весьма-занимательны въ этомъ отношеніи. Вотъ, напримѣръ, записки караульнаго офицера въ декабрѣ 1819 года.

«*3-го декабря.* Я сегодня видѣлъ генерала Бонапарте, ка̀къ онъ поливалъ свои цвѣты. *4-го декабря.* Въ пять часовъ утра всѣ люди генерала Бонапарте работали въ саду его. Онъ сажалъ деревья, чтобъ защитить себя отъ солнца и отъ любопытныхъ. *6-го числа.* Я видѣлъ послѣ обѣда генерала Бонапарте въ мундирѣ со звѣздою. Онъ гулялъ съ графомъ Монтолономъ. Теперь ужь его̀ не безпокоитъ, если кто на него смотритъ; онъ не любитъ только, чтобъ останавливались для этого. Теперь онъ, кажется, единственно занятъ садоводствомъ. Ученыя и письменныя работы оставлены. *23-го числа.* Губернаторъ и двѣ невѣстки его пріѣзжали въ Лонгвудъ сегодня послѣ обѣда. Дамамъ хотѣлось

видѣть генерала, но генералъ не вышелъ. Послѣ отъѣзда ихъ, онъ сѣлъ обѣдать, въ шестомъ часу, подъ деревьями въ саду съ нѣсколькими лицами своей свиты. Онъ принялъ дѣвицъ Джонсонъ. *26-го числа.* Я видѣлъ сегодня генерала Бонапарте въ халатѣ, работавшаго въ цвѣтникѣ: онъ все сажаетъ деревья. *27-го числа.* Я опять его видѣлъ въ цвѣтникѣ. Давно ужь ставятъ часоваго близь новаго строенія, когда тамъ нѣтъ рабочихъ. Ввечеру генералъ Бонапарте навѣщалъ больнаго графа Бертрана, и вѣрно часовой остановился, чтобъ посмотрѣть на него, потому-что графъ Монтолонъ пришелъ ко мнѣ съ жалобою, зачѣмъ поставили часоваго такъ близко, вопреки приказаніямъ лорда Батурста.»

Вотъ донесеніе и другаго офицера:

«Сегодня утромъ видѣлъ я генерала Бонапарте: онъ былъ въ саду. Утренній костюмъ его состоитъ изъ бѣлаго халата и соломенной шляпы съ широкими полями. Послѣ обѣда онъ ходитъ въ мундирѣ и бѣлыхъ чулкахъ, и гуляетъ бóльшею-частью въ саду съ графинею Монтолонъ, или графомъ Бертраномъ. Къ послѣднему онъ часто ходитъ по вечерамъ. *12-го числа.* Сегодня кривой бочаръ привезъ изъ Джемс-Тауна большой чанъ (въ 12 футовъ діаметра) для резервуара въ саду генерала Бонапарте. Этотъ человѣкъ разсказалъ мнѣ, что генералъ былъ очень-доволенъ чаномъ и далъ бочару стаканъ вина изъ собственныхъ рукъ. *18-го числа.* Генералъ съ графомъ Бертраномъ и Монтолономъ дѣятельно занимаются разведеніемъ сада. Дѣти Бертрана носили воду и поливали дернъ. Генералъ довольно страненъ, но былъ видимо въ хорошемъ расположеніи духа.»

Вотъ разсказъ самого сэра Гудсона Ло.

«Иногда Наполеонъ Бонапарте дѣлалъ *пикникъ*. Около пяти миль отъ Лонгвуда (7½ верстъ) есть плантація сэра Виллььяма Доветона, называемая *Mount Plaisir*. Наполеонъ захотѣлъ однажды прогуляться туда и (4-го октября) хозяинъ, передъ завтракомъ, гуляя, вдругъ увидѣлъ издали толпу всадниковъ, ѣхавшихъ къ его дому. Взявъ подзорную трубу, онъ тотчасъ же узналъ жителей Лонгвуда. Графъ Монтолонъ сошелъ съ лошади и хозяинъ пошелъ къ нему на встрѣчу. Графъ сказалъ, что *императоръ* проситъ позволенія отдохнуть у него. Хозяинъ отвѣчалъ, что будетъ радъ принять *генерала* Бонапарте и предоставляетъ весь свой домъ въ его распоряженіе. Тогда вся кавалькада подъѣхала къ дому. Къ-сожалѣнію, хозяинъ не говорилъ пофранцузски, и графъ Бертранъ, самъ худо-знавшій англійскій языкъ, служилъ переводчикомъ. Бонапарте казался утомленнымъ и вошелъ, опираясь на графа Бертрана. Сѣвъ на софу, онъ подозвалъ къ себѣ внучекъ хозяина, и приласкавъ одну изъ нихъ (взявъ легонько ее за носъ двумя пальцами), попотчивалъ ее конфектами изъ своей бонбоньерки. Хозяинъ просилъ Бертрана сказать генералу, что онъ надѣется видѣть его за завтракомъ; но знаменитый гость отклонился отъ приглашенія, отвѣчая, что у нихъ все привезено съ собою для этого, и онъ лучше бы желалъ завтра-

кать на лугу. Хозяинъ старался уговорить ихъ и повелъ въ столовую, гдѣ на столѣ стояло свѣжее сливочное масло. Бонапарте улыбнулся и тихонько ущипнулъ за ухо своего хозяина, что̀ означало особенную ласку. Въ эту минуту вошла замужняя дочь хозяина, Гринтри, съ меньшимъ сыномъ на рукахъ и съ двумя дочерьми. Онъ обласкалъ дѣтей и усадилъ съ собою на софу ихъ мать. Въ это время графъ Монтолонъ устроилъ столъ на лугу. Хозяинъ подалъ къ завтраку всѣ свои лучшіе припасы и Бонапарте пригласилъ его съ собою за столъ. Послѣ завтрака выпилъ онъ съ хозяиномъ рюмку шампанскаго и рюмку ликера. Къ кофе пригласили они г-жу Гринтри, и Бонапарте поднесъ ей рюмку ликера. Вставъ изъ-за стола, Бонапарте отвелъ хозяйку подъ-руку въ домъ, посадилъ ее подлѣ себя на софу и, поговоривъ о незначущихъ предметахъ, всталъ, простился съ хозяевами и оперся на руку Бертрана, чтобъ сойдти съ лѣстницы.»

Изъ записокъ сэра Гудсона Ло мы узнаемъ съ удивленіемъ, что онъ, во все время пребыванія своего на островѣ св. Елены, только шесть разъ видѣлъ Наполеона, который не пускалъ его къ себѣ, потому-что ненавидѣлъ. Перебравъ всѣ документы того времени, безпристрастный читатель легко удостовѣрится, что Ло былъ не на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, мелоченъ; не имѣлъ возвышеннаго чувства общественныхъ условій. Сэръ Вальтеръ Скоттъ и Аддисонъ, разсмотрѣвъ всѣ современныя свидѣтельства, осудили его гораздо-строже. Всего страннѣе обошелся онъ съ докторомъ О'Мира, подвергнувъ чрезъ то себя и Англію всѣмъ упрекамъ исторіи, исчисленнымъ въ брошюрѣ: *Голосъ съ острова св. Елены.* Зная, что О'Мира отдѣльно переписывается съ Адмиралтействомъ, онъ долженъ бы щадить его; напротивъ, онъ сдѣлался его личнымъ врагомъ и происками довелъ до-того, что тотъ оставилъ островъ.

Мщеніе доктора было жестоко. Газета *Morning Chronicle* помѣстила въ столбцахъ своихъ всѣ показанія и обвиненія О'Мира. Сэръ Гудсонъ Ло жаловался, но лордъ Батурстъ отвѣчалъ ему:

«Я не почелъ нужнымъ начать судебныя обвиненія противъ *Morning Chronicle* и статей О'Мира, не потому, чтобъ былъ равнодушенъ къ этому, но потому, что рѣшеніе суда присяжныхъ очень-сомнительно. Одинъ неблагонамѣренный человѣкъ можетъ оправдать подсудимыхъ, а это доставитъ полное торжество оппозиціи и оправдаетъ жалобы, взведенныя на васъ. Впрочемъ, вы должны быть тѣмъ довольны, что, несмотря на газетныя статьи и угрозы, никто въ Парламентѣ не сказалъ ни слова въ пользу Бонапарте.»

Изъ перваго письма, которое сэръ Гудсонъ Ло писалъ доктору О'Мира, видѣнъ образъ его мыслей о Наполеонѣ.

«Что касается до моихъ инструкцій и до способа исполненія ихъ, я никогда не почитаю мнѣній генерала Бонапарте ни въ формѣ, ни въ существѣ и ни по какимъ предметамъ, оракуломъ, или правилами, которыми бы долженъ былъ руководствоваться

въ своемъ убѣжденіи; и что бы онъ ни думалъ, я не сознаюсь въ томъ, что моя инструкція и способъ исполненія ея не таковъ, какимъ долженъ быть. Онъ не чувствуетъ никакого снисхожденія. Чтобъ имѣть съ нимъ дѣло, надобно быть сильнымъ обожателемъ его генія, или орудіемъ, которымъ бы онъ дѣйствовалъ по произволу, то-есть настоящимъ невольникомъ его мысли. Въ противномъ случаѣ, у кого есть обязанности, несоотвѣтственныя съ его видами, тотъ долженъ ожидать отъ него всякихъ непріятностей. Я къ нему посылаю Томаса Рида для сообщенія моихъ требованій. Честь имѣю быть и пр.

Г. Ло.

«*P. S.*—Прежде нежели предлагать какія-нибудь условія, генералъ Бонапарте долженъ былъ бы отказаться отъ титла императора. Если онъ желаетъ принять вымышленное имя, почему онъ не предложитъ его»?

Наполеонъ предложилъ, чтобъ его звали барономъ Дюрокомъ, или графомъ Меданъ, но Лордъ Батурстъ, находя, что псевдонимы были часто употребляемы королями въ ихъ инкогнито, настоялъ, чтобъ Наполеона звали генераломъ *Бу*онапарте, и въ оффиціальныхъ своихъ перепискахъ всегда употреблялъ букву *у*.

Вотъ разсказъ сэра Гудсона о первомъ свиданіи съ Наполеономъ. Въ немъ видно, что Наполеонъ очень-радъ былъ находиться въ пріятныхъ сношеніяхъ съ англійскимъ офицеромъ.

«Сегодня въ четыре часа пополудни было мое первое съ *нимъ* свиданіе. Со мною былъ контр-адмиралъ Кокбурнъ; генералъ Бертранъ принялъ насъ въ столовой, служившей пріемною, и тотчасъ же потомъ ввелъ во внутреннюю комнату, гдѣ *онъ* стоялъ со шляпою въ рукѣ. А какъ онъ мнѣ не сказалъ ни слова при входѣ, какъ-бы ожидая, чтобъ я первый заговорилъ съ нимъ, то я и нарушилъ молчаніе.

— Я пришелъ, *милостивый государь* (monsieur), засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Вы, я вижу, говорите пофранцузски, милостивый государь, сказалъ онъ. — Но вѣдь вы также говорите и поитальянски. Вы прежде командовали полкомъ Корсиканцевъ?

— Я знаю оба эти языка, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ будемъ говорить поитальянски».

И тутъ онъ началъ разговоръ, продолжавшійся полчаса. Сперва спросилъ онъ, гдѣ я сначала служилъ и какого мнѣнія о Корсиканцахъ? «Они ходятъ съ кинжалами, сказалъ онъ:—это дурная привычка». При этомъ посмотрѣлъ онъ на меня, какъ-бы требуя отвѣта.

— Они теперь ужь не носятъ кинжаловъ, сказалъ я. — Въ нашей службѣ потеряли они эту привычку. Притомъ же они всегда вели себя хорошо и я былъ ими доволенъ.

Онъ спросилъ меня: былъ ли я съ ними въ Египтѣ, и когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ началъ длинную диссертацію объ этой странѣ.

— Мену́ былъ человѣкъ безъ энергіи, сказалъ онъ. — Еслибъ тогда тутъ былъ Клеберъ, вы всѣ были бы взяты въ плѣнъ.

Тутъ онъ сдѣлалъ быстрый обзоръ всей кампаніи и разсуждалъ о нашихъ военныхъ операціяхъ такъ, какъ-бы находился при нихъ; онъ осуждалъ Аберкромби за то, что тотъ опоздалъ высадкою. Муръ съ своими 6000 человѣкъ былъ уничтоженъ. «Однакожь оба они хорошіе генералы, прибавилъ онъ:—и заслуживали успѣхъ по своей смѣлости». Потомъ спросилъ онъ меня: знаю ли я Готчинсона, тотъ ли это самый, который схваченъ былъ въ Парижѣ? я отвѣчалъ, что нѣтъ. Съ этихъ словъ перешелъ онъ опять къ Египту. Онъ сказалъ, что осматривалъ линію канала черезъ Суэзскій Перешеекъ. По его исчисленію, издержки канала будутъ простираться до 10 или 12 мильйоновъ *лиръ*. «То-есть полмильйона фунт. стерлинговъ», прибавилъ онъ, чтобъ я лучше понялъ. Еслибъ онъ успѣлъ завести тамъ колонію, то Англичане не владычествовали бы въ Индіи. Потомъ онъ сталъ опять говорить о Мену́, и кончилъ слѣдующимъ замѣчаніемъ, произнесеннымъ самымъ-серьезнымъ видомъ:

— Въ войнѣ тотъ всегда остается побѣдителемъ, кто меньше дѣлаетъ ошибокъ.

Мнѣ казалось, что этими словами онъ упрекаетъ самого-себя въ большихъ ошибкахъ. Послѣ этого сдѣлалъ онъ нѣсколько вопросовъ, касавшихся до меня лично: женатъ ли я? не женился ли при отъѣздѣ на островъ Св. Елены? Ка́къ мнѣ нравится этотъ островъ? Я отвѣчалъ, что давно женатъ, а объ островѣ еще не могъ себѣ составить вѣрнаго понятія.

— Съ вами ваша жена! вскричалъ онъ: — вы счастливы.

Послѣ короткаго молчанія спросилъ онъ, давно ли я въ службѣ.

— Двадцать-восемь лѣтъ, отвѣчалъ я.

— Такъ я старше васъ по службѣ...

— И въ исторіи удѣлъ нашъ слишкомъ-различенъ, прибавилъ я; онъ улыбнулся, но ничего не отвѣчалъ. Я сталъ тогда откланиваться и просилъ позволенія представить ему двухъ офицеровъ моей свиты: подполковника Томаса Рида и майора Горрекера, которые пришли со мною; онъ согласился и сказалъ имъ нѣсколько словъ.

Когда мы ужь уходили, онъ опять обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Я вижу, что Англія устроила свои дѣла съ католиками: это очень-хорошо. Папа сдѣлалъ уступки и облегчилъ ваши дѣйствія».

Этимъ кончилось свиданіе.

Вотъ еще одно донесеніе сэра Гудсона своему правительству.

Получивъ извѣстіе, что капитанъ Попльтонъ, дежуривъ въ Лонгвудѣ, не видѣлъ генерала Бонапарте цѣлый день, но что онъ, или докторъ О'Мира, постараются увидѣть его, чтобъ представить мнѣ обыкновенный рапортъ о состояніи его — я тотчасъ же отправился въ Лонгвудъ; я хотѣлъ избѣжать всякихъ хитро-

стей, которыя, впрочемъ, оправданы были бы инструкціями, данными караульному офицеру, по которымъ онъ долженъ былъ видѣть генерала Бонапарте два раза въ день, чтобъ удостовѣриться, что онъ тутъ. Я встрѣтилъ у воротъ дома генерала Монтолона и спросилъ его о здоровьи генерала Бонапарте; получивъ отвѣтъ, что онъ боленъ, я сказалъ, что намѣренъ предложить ему доктора и просилъ сказать генералу Бонапарте, что я пришелъ. А какъ тогда былъ пятый часъ, когда онъ обыкновенно принимаетъ, то я п думалъ, что, можетъ-быть, самъ его увижу.

Дѣйствительно, генералъ Монтолонъ пришелъ ко мнѣ съ отвѣтомъ, что генералъ Бонапарте согласенъ меня принять. Я прошелъ чрезъ столовую, залу, еще комнату, въ которой, на столѣ разложено было много картъ и плановъ и нѣсколько тетрадей, казавшихся записками, или экстрактами. Меня ввели въ маленькую комнату, гдѣ Бонапарте лежалъ на кушеткѣ въ халатѣ и безъ башмаковъ. Онъ приподнялся, когда я вошелъ, и, указавъ на стулъ, стоявшій подлѣ него, пригласилъ меня сѣсть. Я сѣлъ и началъ разговоръ; сожалѣя о его болѣзни, я сказалъ, что пришелъ предложить ему англійскаго врача, который пріѣхалъ со мною изъ Англіи, чтобъ докторъ этотъ въ случаѣ нужды вмѣстѣ съ О'Мирой могъ его посѣтить. «Мнѣ ненужно врачей», отвѣчалъ онъ, и послѣ нѣсколькихъ незначущихъ вопросовъ спросилъ у меня, не пріѣхала ли жена сэра Джоржа Бингама. Я отвѣчалъ, что нѣтъ, и тѣмъ болѣе жалѣю о неприбытіи корабля, па которомъ она ѣдетъ, что на немъ везутъ разныя вещи, вина, мёбель, платье и прочее для самого генерала. Онъ сказалъ мнѣ, что корабль опоздалъ, вѣроятно, оттого, что на суднѣ нѣтъ хронометра; что это жалкая экономія со стороны Англичанъ, постановившихъ не снабжать хронометрами суда болѣе двухъ сотъ тоннъ; что онъ завелъ иначе во Франціи; что, кромѣ цѣнности судна, жизнь экипажа и пассажировъ стоятъ этого расхода. Я замѣтилъ ему, что это не казенное судно, а частное. «Все равно», отвѣчалъ онъ, и послѣ нѣсколькихъ другихъ вопросовъ замолчалъ.

Онъ лежалъ на кушеткѣ, большею-частью съ закрытыми глазами и казалось съ трудомъ дышалъ. Даже говоря, онъ часто останавливался. Цвѣтъ лица его былъ блѣднѣе обыкновеннаго и черты разстроены. Отдохнувъ, черезъ нѣсколько времени, онъ спросилъ меня: въ какомъ положеніи были дѣла во Франціи при моемъ отъѣздѣ изъ Европы. Я отвѣчалъ, что, кажется, тамъ все устроилось и успокоилось.

Передъ нимъ на полу лежала книга Бошана: «*Кампанія* 1814 года». Онъ меня спросилъ: я ли писалъ письма, о которыхъ говорится въ приложеніяхъ. Я отвѣчалъ, да

— Я помню Блюхера въ Любекѣ, сказалъ онъ. Онъ теперь долженъ быть старъ.

— Ему семьдесятъ-пять лѣтъ, отвѣчалъ я:— но онъ еще свѣжъ и можетъ шестнадцать часовъ пробыть на лошади».

Бонапарте на минуту задумался, но не сказалъ ни слова; потомъ продолжалъ:

— Союзныя державы заключили конвенцію, по которой объявляютъ меня общимъ своимъ плѣнникомъ. Чтó это значитъ? Эта декларація не основана ни на правѣ, ни на фактѣ. Я буду протестовать. Сообщите объ этомъ своему правительству. Я добровольно отдался Англіи, а не другой державѣ. Но я ошибся въ характерѣ англійской націи. Я бы долженъ былъ отдаться императору Александру, или Францу: они бы со мною лучше поступили. Мучить меня на ужасномъ островѣ, въ вредномъ климатѣ — это безчеловѣчно.

Я сказалъ, что климатъ острова Св. Елены никогда не почитался нездоровымъ; что, кромѣ необходимыхъ мѣръ для огражденія его отъ всякихъ покушеній, англійское правительство желало сдѣлать его положеніе *комфортэбельнымъ;* что новая мебель и другіе предметы, посылаемые ему, доказываютъ все вниманіе...

— Пусть лучше пришлютъ мнѣ гробъ! вскричалъ онъ: — и пару пуль въ лобъ — больше мнѣ ничего ненадобно. Развѣ мнѣ не всеравно спать на бархатѣ, или на рогожѣ — я солдатъ и ко всему привыкъ. Меня привезли сюда какъ преступника, и запретили жителямъ говорить со мною.

Потомъ разговоръ коснулся мѣстоположенія Лонгвуда. Онъ и на это жаловался, говоря, что лишенъ всякаго сообщенія съ жителями; что многіе бы хотѣли съ нимъ видѣться, но ихъ не пускаютъ; что даже около него нѣтъ деревьевъ, и что ему нѣтъ мѣста для верховой ѣзды; что при прогулкѣ долженъ быть съ нимъ караульный офицеръ...

Нѣсколько разъ повторялъ онъ съ настойчивостью и *униженіемъ* (humility) просьбу, отмѣнить послѣднее распоряженіе, но я не сдѣлалъ никакой уступки. Онъ жаловался, что я допрашиваю слугъ его, и что послѣ этого онъ долженъ отпустить ихъ.

— Передайте вашему правительству все, что̀ я сказалъ вамъ.

Когда я уходилъ, то снова предложилъ ему пособіе врача.

— Мнѣ не нужны врачи, сказалъ онъ. Это были послѣднія его слова.

Вотъ главныя черты записокъ сэра Гудсона Ло. Мы не почитаемъ себя въ-правѣ судить о немъ лично. Исторія знаетъ, что Англія должна была исполнить тягостную и непріятную обязанность для спокойствія Европы — и она исполнила ее. Могла ли она ее исполнить лучше — этотъ вопросъ принадлежитъ потомству. *(Revue Britannique).*

ДРЕВНЯЯ КИЛИКІЯ; ЕЯ ЛАРЫ И ПЕНАТЫ.

Первоначальная исторія Киликіи теряется во мракѣ преданій, какъ и вообще исторія всѣхъ первобытныхъ государствъ. Греки приписывали основаніе Тарса Персею. Въ Священномъ Писаніи не разъ упоминается объ этомъ городѣ, и во времена царя Да-

вида, то-есть за 1050 лѣтъ до Р. Х., Тарсъ былъ ужь цвѣтущимъ торговымъ городомъ. Пророкъ Исаія называетъ Тиръ дочерью Тарса.

Въ царствованіе Сарданапала, Киликія принадлежала къ Ассирійской Имперіи; но Киликійцы не названы въ числѣ народовъ, приславшихъ помощь Пріаму при осадѣ Трои.

Потомъ Киликія перешла подъ владычество Мидянъ. Она была независима около 548 лѣтъ до Р. Х., когда Крезъ завоевалъ бо́льшую часть Малой Азіи.

Въ царствованіе Дарія, сына Истаспова, Киликія была ужь персидскою провинціею. Въ Тарсѣ собрался въ 490 году флотъ, который былъ разбитъ Мильтіадомъ, и Киликія имѣла въ этомъ флотѣ сто кораблей.

Послѣ побѣды при Граникѣ, Киликія подпала власти Александра Македонскаго. При раздѣлѣ царства его, послѣ кончины, оно досталось Селевкидамъ, которые населили эту область Евреями, вывезенными изъ Іерусалима и Вавилона.

Во времена Помпея киликійскіе берега были главнымъ сборнымъ мѣстомъ морскихъ разбойниковъ, противъ которыхъ высланъ былъ этотъ римскій полководецъ, и которые имѣли тутъ до тысячи вооруженныхъ галеръ и четыреста городовъ. Въ сраженіи при Корецезіумѣ Помпей разбилъ ихъ и, взявъ 20,000 плѣнныхъ, разселилъ по разнымъ городамъ.

Въ первый вѣкъ христіанства Тарсъ славился своими школами и философами, соперничествовавшими съ аѳинскими и александрійскими. Апостолъ Павелъ учился здѣсь діалектикѣ, а потомъ сталъ здѣсь распространять христіанское ученіе.

Дальнѣйшая участь Киликіи, до завоеванія ея Турками, не представляетъ ничего занимательнаго.

Въ послѣднее время обратила она на себя вниманіе ученаго міра открытіями разныхъ древностей, свидѣтельствующихъ о древнихъ божествахъ этой страны.

Въ 1848 году жилъ въ Тарсѣ Армянинъ, занимавшійся разрытіемъ разныхъ окрестныхъ кургановъ, и безпрестанно приносившій англійскому консулу древнія статуэтки изъ глины, за которыя всегда получалъ хорошую плату. Но когда его спрашивали: гдѣ онъ ихъ достаетъ? онъ всегда уклонялся отъ отвѣта, говоря что одаренъ магическою властью, вслѣдствіе которой ду́хи земли приносятъ ему эти вещи. Консулъ приказалъ тайно за нимъ слѣдовать и однажды застали его надъ однимъ курганомъ. Тотчасъ же консулъ овладѣлъ этимъ мѣстомъ и нашелъ цѣлый археологическій кладъ.

Къ стѣнамъ Тарса прилегалъ одинъ холмъ, обнаруживавшій глубокую древность, потому-что на немъ были видны слѣды римскихъ стѣнъ, которыхъ камни связаны такимъ крѣпкимъ цементомъ, что онъ былъ тверже самихъ камней. Жители Тарса съ незапамятныхъ временъ употребляютъ для своихъ построекъ плиту, находимую ими въ развалинахъ около своего города. Исто-

щивъ все, что было на поверхности почвы, начали они рыть землю и добрались до древнихъ фундаментовъ своего города, которые теперь ужь на сорокъ футовъ ниже поверхности земли. Разрушивъ такимъ-образомъ стѣну, упиравшуюся въ холмъ до самаго основанія, отрыли прилегающіе къ нему слои земли и въ этихъ-то слояхъ дѣлалъ Армянинъ свои поиски и находки.

Консулъ Баркеръ началъ тогда производить въ большомъ размѣрѣ свои поиски. Сперва думали, что на холмѣ, прилегавшемъ къ горѣ, была обширная фабрика древнихъ издѣлій; но когда разсмотрѣли все найденное, то открыли, что это было общее складочное мѣсто, куда жители Тарса вынесли всѣхъ своихъ ларъ и пенатовъ въ минуту водворенія между ними христіанства. Это доказывается слѣдующими обстоятельствами.

Изъ открытыхъ предметовъ ни одинъ не принадлежитъ къ неоконченнымъ издѣліямъ. Они не только совершенно отдѣланы, но и видимо были ужь въ употребленіи. Всѣ они выкрашены, иные даже нѣсколько разъ. Напримѣръ, голова Пана прекрасно сохранилась, и сперва была выкрашена въ синюю краску, а послѣ въ красную. По остаткамъ отбитаго цемента видно, что она стояла на пьедесталѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ей покланялись, и что нарочно отбита отъ пьедестала. Курильница чрезвычайно-красивой отдѣлки, и видно, что она часто служила для употребленія при обрядахъ. Разбита она случайно, не нарочно. Лампа, въ видѣ оленя, вѣроятно, горѣла предъ изображеніемъ Діаны, найденномъ тутъ же. Другая лампа съ рельефными миѳологическими изображеніями осталась цѣла, вѣроятно, благодаря своей сферической формѣ. Голова Юпитера, бюстъ Юноны, статуэтка Меркурія и крылатый Аполлонъ (которому въ-особенности покланялись въ Тарсѣ), доказываютъ, что это были пенаты. Во времена идолопоклонства истребленіе ихъ было бы ужаснымъ преступленіемъ: слѣдственно всѣ они вынесены и зарыты въ одно мѣсто въ первый вѣкъ христіанства.

Медали, найденныя при этихъ предметахъ, свидѣтельствуютъ, что онѣ были сдѣланы за 150—200 лѣтъ до Р. Х. Голова же одной Римлянки принадлежитъ къ позднѣйшей эпохѣ. Неизвѣстно, когда именно Евангеліе было проповѣдуемо въ Тарсѣ; но еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства царь киликійскій, платившій дань Римлянамъ, принялъ христіанскую вѣру въ 160 году, потому-что на монетахъ того времени ужь изображенъ крестъ вмѣсто символовъ Ваала.

Въ 202 году была ужь въ Киликіи христіанская церковь, построенная по образцу Соломонова Храма. Впрочемъ, какъ правительства римскихъ провинцій гораздо позже приняли христіанство, нежели народъ, то первое торжество апостольской проповѣди въ Тарсѣ и должно быть отнесено ко времени мученичества св. Павла, то-есть около 65 или 66 года по Р. Х. Слѣдственно, въ концѣ перваго вѣка, или въ началѣ втораго идолы вынесены были изъ домовъ и брошены въ общую яму.

Пролежавъ столѣтія, всѣ эти боги Ассирійцевъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ составляютъ теперь важное открытіе для археологіи. Ихъ найдено до тысячи, большею-частью изломанныхъ. Въ художественномъ отношеніи есть отличныя и драгоцѣнныя вещи, состоящія изъ фигуръ, вазъ и разнаго рода орудій. Глина, употребленная для фабрикаціи этихъ статуэтокъ, превосходнаго качества, желтаго или краснаго цвѣта, смотря по степени обжиганія. Видно, что фабрикантъ употреблялъ формы; но какъ онѣ сами были сдѣланы изъ глины, то подвергались трещинамъ и измѣненіямъ, которыя и передавали заключающимся въ нихъ предметамъ. Сверхъ-того, какъ нынѣшніе инструменты были тогда неизвѣстны, то фабрикантъ отдѣлывалъ вещи пальцами, которыхъ отпечатокъ остался во многихъ мѣстахъ. Всѣ статуэтки крашены; это были настоящія фрески. Вѣнцы у головъ были вообще синіе, лица и тѣла красныя, платья зеленыя. Фигуры стояли на круглыхъ или четыреугольныхъ пьедесталахъ, которыхъ обломки найдены тутъ же. Величина статуэтокъ отъ восьми до девяти англійскихъ дюймовъ; немногія найдены въ два-три фута.

Между этими фигурами есть изображенія мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которымъ, вѣроятно, были воздаваемы божескія почести. Цари македонскіе и императоры римскіе часто пользовались подобными почестями. Подобному лицу оставляли одну хламиду, а голову окружали лучами; въ руки давали часто рогъ изобилія. Дѣти получали въ-древности при рожденіи имя какого-нибудь боготворимаго существа. При наступленіи юношества они получали ужь другое имя, смотря по ихъ предкамъ. Когда же дитя умирало до наступленія этого срока, то нѣжность родителей могла включить изображеніе его въ число домашнихъ ларъ.

У древнихъ народовъ на монетахъ чеканились всегда религіозныя изображенія, потому-что монеты почитались священною вещью. Поэтому римскіе императоры не прежде стали выставлять на нихъ свои портреты, какъ ужь возведя себя въ санъ боговъ.

По письмамъ Плинія извѣстно, что древніе знали искусство лѣпить фигуры изъ гипса; но гипсъ такъ ломокъ и такъ скоро разлагается отъ сырости, что до-сихъ-поръ не находили никакого остатка древнихъ временъ для доказательства словъ ученаго Римлянина. Только въ Тарсѣ найдены теперь четыре гипсовыя фигуры. Климатъ Тарса и сухая почва кургана одни могли спасти эти остатки. Особливо-замѣчательна одна голова, принадлежавшая, вѣроятно статуэткѣ Венеры.

Мы ужь сказали, что Аполлонъ въ-особенности пользовался поклоненіемъ жителей Тарса. Дѣйствительно, онъ былъ покровителемъ этого города и изображеніе его должно было находиться во всѣхъ домахъ. Это подтверждается многочисленными обломками Аполлоновъ въ различныхъ видахъ, найденныхъ въ курганѣ Тарса. Крылатый Аполлонъ болѣе былъ въ уваженіи, потому-что названіе города означало на древнемъ діалектѣ *птичье крыло*. Сверхъ-того, къ этимъ крыльямъ привѣшивались виноградныя

кисти. Это была эмблема сирійскаго или финикійскаго солнца, изображеннаго на фасадѣ баальбекскаго храма, посвященнаго Ваалу, то-есть, солнцу. Другая голова Аполлона, окруженная лучами, въ-точности скопирована съ Колосса Родосскаго. Многочисленныя сношенія Тарса съ Родосомъ вполнѣ объясняютъ это подражаніе. Третья голова Аполлона съ желобчатою чашею — совершенное подражаніе египетской Изидѣ. Это тоже служитъ доказательствомъ существованія въ одно время въ Киликіи разныхъ религій древности. Наконецъ, есть статуэтки и Аполлона Бельведерскаго.

Таинственное поклоненіе Цибелѣ, вывезенное Эрихтеемъ изъ Египта, перешло сперва во Фригію, а потомъ распространилось по всей Малой Азіи. Въ тарскомъ курганѣ найдено нѣсколько изображеній этой богини и, между-прочимъ, голова, увѣнчанная колосьями, какъ Церера. Дѣйствительно, въ Тарсѣ Цибела, Церера и Изида составляли одно божество. Послѣдняя имѣетъ ужь нѣсколько статуэтокъ, и въ-особенности одна голова съ чисто-египетскими принадлежностями.

Элевсинскія таинства, происшедшія изъ Египта, оставили повсюду свои слѣды на Востокѣ. Три секты Феллахимовъ въ Сиріи, Іезидисовъ въ Малой Азіи и Али-Иллаховъ въ Персіи составляютъ одно братство, восходящее до общаго предка ихъ *Ансаро*. А какъ они скрываютъ и теперь свои обряды, то ихъ и обвиняютъ въ идолопоклонствѣ. Баркеръ жилъ между ними и отдаетъ справедливость ихъ нравамъ.

Между фигурами Цибелы найденъ отличной работы бюстъ молодаго человѣка, въ фригійской шапкѣ, въ мантіи и съ посохомъ пастырей на плечѣ.

Вѣроятно, тоже принадлежитъ поклоненію Цибелы фигура женщины, увѣнчанной короною съ изображеніемъ стѣнъ и башенъ. Голова ея превосходной работы и выражаетъ античное величіе.

Венера пользовалась тоже особеннымъ поклоненіемъ въ Малой Азіи, и множество ея изображеній найдено въ курганѣ. Иногда она драпирована и держитъ въ лѣвой рукѣ голубя; иногда представлена выходящею изъ воды, какъ Капитолійская Венера, или острова Коса; иногда какъ Медицейская Венера.

Фигуры Амура (Эроса) найдены тоже въ множествѣ. Иные несутъ плоды разныхъ формъ, иногда верхомъ, иногда же сгибая одну руку надъ головою, а другою держа голубя. Одна фигура купидона, удивительной работы, ласкаетъ лебедя.

Есть хорошенькая головка Адониса, которому тоже покланялись въ Киликіи.

Есть статуэтки Меркурія. Это божество финикійскаго происхожденія, было у Египтянъ Анубисомъ, Гермесомъ Грековъ, Тейтатесомъ Галловъ и Воденомъ Саксонцевъ; въ Тарсѣ обожаемо оно было въ двойномъ видѣ: какъ божество торговли и краснорѣчія.

Одна изъ красивѣйшихъ и лучше сохранившихся фигуръ принадлежитъ египетскому божеству Гору, сыну Изиды и Озириса, названному Греками Гарпократомъ, богомъ молчанія. На головѣ у него лавровая гирлянда и египетскій уборъ *псентъ*; въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія, а указательный палецъ правой руки положенъ на губы, въ знакъ, что таинства поклоненія никогда не должны быть открываемы черни.

Доказательствомъ существованія египетскихъ боговъ въ Киликіи служатъ нѣсколько бюстовъ Изиды и Озириса; есть также голова быка, хорошей работы, съ отверстіями на лбу, для прикрѣпленія золотаго солнечнаго диска. Одна разбитая ваза изображаетъ быка Аписа, въ храмѣ, въ-сопровожденіи египетскаго жреца, увѣнчаннаго цвѣткомъ лотуса.

Найдены еще бюсты Паллады и голова Сатурна. При этомъ надобно замѣтить, что Нептуна вовсе нѣтъ. Этотъ недостатокъ непостижимъ въ такомъ цвѣтущемъ приморскомъ городѣ, имѣвшемъ издревле обширную торговлю. Нѣтъ также Плутона и Прозерпины.

Изображенія Вакха, Геркулеса и Персея наиболѣе заслуживаютъ вниманія, потому-что объясняютъ миѳологію Ассиріи и Индіи. Вакхъ представленъ молодымъ человѣкомъ съ тирсомъ въ правой рукѣ, поднятой надъ головою; въ лѣвой рукѣ, прикрытой мантіею, держитъ онъ чашу о двухъ ушкахъ, называемую *cantharus*. На оконечности тирса воткнута еловая шишка, въ знакъ плодородія; двѣ соединенныя головы представляютъ, какъ кажется, Вакха и Аріадну. Наконецъ есть множество силеновъ и вакханокъ. Другая голова Пана, или Сатира, сохранила превосходное выраженіе. Наконецъ прекрасна статуэтка Марсія, привязаннаго къ дереву.

Легенда двѣнадцати подвиговъ Геркулеса не только извѣстна была Финикійцамъ, но и на всемъ Востокѣ. Она даже вырѣзана на «вавилонскихъ цилиндрахъ». Кромѣ статуэтокъ Геркулеса и другой головы съ чертами императора Коммода, есть въ коллекціи Баркера восточный Геркулесъ, подъ видомъ старика, въ львиной шкурѣ и съ палицею въ рукѣ.

Персей, вырѣзанный тоже на финикійскихъ и вавилонскихъ цилиндрахъ съ различными формами и аттрибутами, найденъ въ Тарсѣ посреди групы, изображающей смерть Медузы.

Вотъ еще лучшія фигуры коллекціи, собранной Баркеромъ:

Прекрасная фигура Венеры, держащая въ одной рукѣ пальму, а въ другой корону.

Фигура Побѣды отличной отдѣлки; отъ нея осталась только верхняя часть; двѣ руки, держащія пальмы, сгибаясь, составляютъ дугу надъ головою.

Отломокъ статуэтки Эскулапа на пьедесталѣ со змѣею, обвившеюся вокругъ палки.

Обломокъ человѣка, плывущаго на спинѣ (по мнѣнію археологовъ, изображающій Леандра).

Прекрасная голова старика съ бородою и въ фригійскомъ кидарисѣ.

Нижняя часть групы Лаокоона и сыновей его.

Прекрасная головка спящаго ребенка. Полагаютъ, что это богъ сна.

Голова Мидаса съ ослиными ушами.

Найдено множество фигуръ животныхъ миѳологическаго значенія, не только греческаго, или римскаго, но и египетскаго, сирійскаго и индійскаго происходенія; изъ четвероногихъ есть обезьяна, быкъ, буйволъ, гиппопотамъ, лошадь, левъ, пантера, медвѣдь, олень, волкъ, вепрь, собака, овца, баранъ и кошка. Изъ пресмыкающихся и рыбъ—змѣя Эскулапа, крокодилъ, обожаемый въ Сиріи и Египтѣ, и дельфинъ— эмблема апоѳеозы; изъ птицъ— страусъ, орелъ, соколъ, лебедь и пѣтухи. Въ числѣ отличныхъ фигуръ этой категоріи находятся: прекрасный остатокъ быка, пожираемаго львомъ. Это одна изъ лучшихъ работъ коллекціи. Ярость нападающаго и смертное бореніе жертвы выражены удивительнымъ образомъ. Тотъ же сюжетъ найденъ въ развалинахъ Персеполиса. Неизвѣстно изображаетъ ли онъ историческое событіе, или имѣетъ миѳологическое, или астрономическое значеніе.

Лошадиная голова хорошей анатомической отдѣлки; краски на ней еще сохранились. Въ-древности лошадиная голова была военнымъ знаменемъ Римлянъ, и была носима на шестѣ передъ легіонами. Только при Маріи введенъ былъ повсюду орелъ. Здѣсь, можетъ-быть, воспоминаніе первыхъ временъ Рима.

Человѣкъ верхомъ на медвѣдѣ: всадникъ держитъ въ одной рукѣ узду, въ другой бичъ; это дало ученымъ новый предметъ къ изъисканіямъ. У Ассирійцевъ медвѣдь везъ небесныя колесницы, составленныя изъ звѣздъ: можетъ-быть, это изображеніе одного изъ астрономическихъ божествъ древняго Востока, которыя едва намъ извѣстны.

Дитя на взнузданномъ дельфинѣ; этихъ фигуръ болѣе десяти въ коллекціи. Замѣчательно, что съ дельфиномъ—всегда дѣти, которыхъ головы окружены лучами. Надобно предполагать, что это дѣти, умершія до достиженія юношества и помѣщенныя потомъ въ число ларъ.

Соколъ чисто-египетскаго стиля. Это — изображеніе солнца подъ именемъ бога Фрея.

Кошка съ веревкою на шеѣ, а на веревкѣ полумѣсяцъ. Это означаетъ, что животное было посвящено лунѣ.

Другія статуэтки взяты изъ представленій въ циркахъ, или на театрѣ. Изъ нихъ замѣчательно комическое лицо Давуса. Онъ сидитъ на скамьѣ съ сложенными руками и скрещенными ногами. Физіономія его обличаетъ шута. Есть и другія комическія фигуры.

Умирающій Гладіаторъ. Оставшійся обломокъ заставляетъ сожалѣть обо всей фигурѣ, потому-что нельзя вѣрнѣе изобразить безмолвной смерти побѣжденнаго.

Римскій сенаторъ. Ученые долго спорили о шарфѣ съ вы-

шитою бахрамою, носимомъ этимъ лицомъ. Ни на одной статуѣ не находили еще его. Теперь вопросъ этотъ рѣшенъ.

Прекрасный торсъ Калигулы въ бронѣ.

Пѣвецъ, играющій на инструментѣ (котораго форма неизвѣстна, потому-что разбита). Думаютъ, что это Гомеръ.

Обломокъ статуи молодаго человѣка, играющаго на сиринксѣ (флейта бога Пана). Инструментъ виситъ на шеѣ. Правою рукою управляетъ музыкантъ инструментомъ, лѣвая свободна. Число дудочекъ простирается до двѣнадцати, и онѣ длиннѣе обыкновеннаго.

Фигуры халдейскихъ маговъ возбуждаютъ особенное удивленіе. Извѣстно, что они долгое время были въ большомъ уваженіи въ Вавилонѣ, въ Мемфисѣ и Тибетѣ; ученіе ихъ простиралось до Этруріи и введено въ Грецію Пиѳагоромъ. Мидяне и Персы, завоевавъ Вавилонъ, уничтожили древнюю религію и основали свою собственную. Халдеи возстали и магъ Смердисъ принялъ даже титулъ царя; но обманъ былъ открытъ и множество маговъ пало. При Ксерксѣ они опять возстали; но тотъ взялъ Вавилонъ и разрушилъ его (въ 486 до Р. Х.); Халдеи бѣжали въ Малую Азію и унесли съ собою кубическій камень, составляющій Палладіумъ Вавилона. Въ Пергамѣ, гдѣ они основали свою религію, вели они переписку съ единовѣрцами Вавилона, оставаясь всегда въ враждѣ съ Персами. Когда Александръ Македонскій вторгся въ Азію, маги первые приняли его сторону. Мудрено теперь понять, по какому случаю изображенія маговъ, найденныя въ Киликіи, попали въ число ларъ и пенатовъ?

Найденъ также бюстъ съ обритою головою, съ татарскими чертами лица, съ длинными усами. Это, вѣроятно, японскій буддистскій бонзъ. Но какъ онъ попалъ въ Тарсъ — этого нельзя удовлетворительно объяснить; только по индійской исторіи видно, что между браминами и буддистами произошло сильное столкновеніе: послѣдніе были побѣждены и нѣкоторые бѣжали въ Малую Азію, какъ нѣкогда халдейскіе маги.

Чрезвычайно-любопытна одна фигура. Это — голова съ коническою шапкою и удивительно-безобразнымъ лицомъ. Она похожа на одну находку въ египетскихъ древностяхъ, гдѣ четыре связанные плѣнника стоятъ на колѣняхъ и гдѣ надъ одною фигурою іероглифическая надпись: *это низкій невольникъ изъ приморскаго Тарса.*

Вторая фигура точно такая же, только лицо старѣе. По іероглифической надписи видно, что *это глава Хутси, плѣнный и живой.* А какъ фараонъ Рамзезъ III (Сезострисъ Грековъ) завоевалъ Малую Азію, то голова и должна принадлежать киликійскому властелю, царствовавшему за 1500 — 1600 лѣтъ до Р. Х.

Въ коллекціи есть до пятидесяти подобныхъ головъ, и Баркеръ полагаетъ, что безобразныя эти физіономіи принадлежатъ древнимъ племенамъ, пришедшимъ съ горъ Средней Азіи и извѣст-

*

нымъ потомъ подъ именемъ Гунновъ. Ихъ знали ужь во времена Августа, по свирѣпству и безобразію.

Абингтонъ замѣчаетъ при этомъ, что головы Гунновъ въ Тарсѣ совершенно-схожи съ фигурами, вырѣзанными на скалахъ Средней Америки въ долинахъ Ореноко и Эссеквибо; то же племя, разлившееся до западной оконечности Азіи, завоевавшее Китай, перешло и въ Америку по неизвѣстнымъ намъ теперь путямъ. Гумбольдтъ почитаетъ вѣроятнымъ существованіе древнихъ сношеній Азіи съ Америкою; но какими путями сношенія происходили — неизвѣстно. Если мы когда-либо откроемъ сходство языковъ, это будетъ важный шагъ для исторіи человѣчества. Какъ бы то ни было, эти фигуры въ Тарсѣ имѣютъ до 3000 лѣтъ древности, равняясь съ египетскими обелисками.

Вазъ въ коллекціи немного, но всѣ отличной работы. Двѣ заслуживаютъ особенное вниманіе.

Первая была чашею для питья изъ блѣдно-желтой и прекрасной глины. Къ-сожалѣнію, чаша разбита. На ней рисунокъ, изображающій женщину въ тонкой туникѣ; въ рукахъ ея кунжутный цвѣтокъ, который она внимательно разсматриваетъ и, вѣроятно, гадаетъ. Формы женщины удивительно-изящны.

Вторая ваза для того же употребленія и такой же формы. Глина ея красная и отличная. На вазѣ изображена, въ видѣ камеи, голова вакханки, увѣнчанной плющомъ и держащей тирсъ; отдѣлка прекрасная.

Если въ Тарсѣ найдено мало вазъ, то лампъ зато очень-много. Баркеръ насчиталъ ихъ до трехъ тысячъ, но взялъ только тѣ, которыя отличались изящностью рисунковъ; одна изъ нихъ изображаетъ жизнь Актеона, превращеннаго въ оленя и растерзаннаго собственными его собаками.

Мы не будемъ говорить о музыкальныхъ инструментахъ, мёбели, маскахъ, дѣтскихъ игрушкахъ, найденныхъ въ томъ же холмѣ: въ нихъ нѣтъ ничего занимательнаго для антикварія и археолога.

(Revue Britannique.)

НИНЕВІЯ.

(Изъ новаго сочиненія Лейарда.)

Первая книга объ открытіяхъ, сдѣланныхъ Лейардомъ, издана была подъ названіемъ *Ninive and Babylon*; вторая, по тому же предмету, но, по дальнѣйшимъ изъисканіямъ, явилась въ свѣтъ недавно, подъ названіемъ *Ninive and is remains*. Между этими двумя книгами одного автора четыре года разстоянія, но результатъ ихъ не одинаковъ. Въ первой авторъ съ увѣренностью говоритъ, что если онъ несовсѣмъ еще открылъ, то приподнялъ таинственную завѣсу, покрывавшую древность; но во второй—увѣрен-

ность эта чрезвычайно упала. Въ эти четыре года открытъ богатый матеріалъ надписей и изображеній, которыя много могли бы объяснить, но—увы! изображенія безмолвны, и языкъ этихъ временъ остался неразрѣшимою загадкою.

Лейардъ, Роулисонъ и Гинксъ увѣряли, правда, что они прочли отчасти эти надписи, но это очень-невѣрно и сомнительно. Истолкованіе Роулисономъ вавилонской надписи, такъ много ободрившее Лейарда, сдѣлалось теперь болѣе нежели сомнительнымъ. Проходя списокъ именъ гвоздеобразными письменами и еврейскими буквами, нельзя добиться толку въ самомъ чтеніи, потому-что одни и тѣ же знаки выражаютъ часто совсѣмъ-другіе звуки.

Лейардъ увѣряетъ, что «буквы совершенно-различныхъ формъ и повидимому другихъ звуковъ, могутъ быть замѣняемы однѣ другими. Самое короткое имя можетъ быть написано разными способами, такъ-что, кто не знаетъ этого процеса, тотъ никогда не угадаетъ, что оба слова одно и тò же значатъ». Это очень-сильное увѣреніе, на которое надобно сильныя доказательства. Теперь же, когда тотъ же самый человѣкъ, который прочелъ персидскую часть бегистунской надписи и хотѣлъ прочесть вавилонскую, увѣряетъ, что всѣ эти вавилонскія и ассирійскія надписи принадлежатъ скиѳскому языку, то-есть, по его заключенію, татарскому, тогда-какъ самъ прежде принялъ ихъ за семитическій — всякій имѣетъ право усомниться во всѣхъ его истолкованіяхъ и даже въ чтеніи собственныхъ именъ.

И, однакожь, въ эти четыре года найдены предметы, которые могутъ служить хорошими историческими объясненіями. Все, чтò мы до-сихъ-поръ знаемъ изъ исторіи древней Ассиріи и Месопотаміи — весьма-сбивчиво. Берозъ, урожденный Вавилонянинъ, также, какъ и Манеѳъ въ Египтѣ, должны быть принимаемы съ большою осторожностью. Геродотъ и Ктезій почерпали изъ нихъ свѣдѣнія, которыя могли отъ преданій нѣсколькихъ вѣковъ смѣшаться и измѣниться. Позднѣйшіе историки: Евсевій, Синцеллъ, Іосифъ и др. имѣли, конечно, въ виду источники, которыхъ намъ недостаетъ теперь; но историческая критика не можетъ ихъ принять безъ разбора. Напримѣръ, Мак-Донкеръ въ своей *Древней Исторіи* разсказываетъ о концѣ Сарданапала, какъ-бы имѣющемъ связь съ паденіемъ Ассирійскаго Царства и разрушеніемъ Ниневіи, тогда-какъ, по другимъ свидѣтельствамъ, погибель Сарданапала была только эпизодомъ ассирійской исторіи, который случился за 888 лѣтъ до разрушенія Ниневіи и за 606 до Р. Х.

Разсмотримъ, однакожь, какія историческія убѣжденія можно принять изъ найденныхъ древностей.

Синцеллъ увѣряетъ, что Ассирійское Царство основано за 2000 лѣтъ до Р. Х.; но это не та великая Ассирійская Монархія, которая основана была въ VIII вѣкѣ до Р. Х. Первое показаніе бездоказательно; второе почти вѣрно. Но чтó дѣлать историку съ

рядами династій, которыхъ списки дошли до насъ? Достовѣрно, кажется, что династіи слѣдовали одна за другою въ Ассиріи. Есть примѣры, что, по снятіи со стѣнъ дворца каменныхъ плитъ со скульптурными фигурами, открывали, что на другой сторонѣ, обращенной къ стѣнѣ, были ужь прежде другія изображенія. Этого не сдѣлалъ бы ни одинъ преемникъ той же династіи. Но, сверхъ-того, въ этихъ скульптурныхъ изображеніяхъ много существенныхъ перемѣнъ противъ прежнихъ, какъ въ костюмахъ, такъ даже и въ религіозныхъ эмблемахъ; найдены также разныя измѣненія въ языкѣ надписей въ разныхъ дворцахъ. Притомъ же иные дворцы видимо разрушены пожаромъ, другіе же нѣтъ, такъ-что разрушеніе ихъ было не въ одно время. Слѣдующее обстоятельство можетъ объяснить многое.

На Востокѣ былъ въ-древности обычай, чтобъ сынъ не жилъ во дворцѣ отца, а строилъ себѣ новый. По множеству дворцовъ въ Ниневіи, видно, что этотъ обычай существовалъ и тамъ. Хорсабадскій дворецъ (названный по имени деревни, стоящей теперь на развалинахъ этого дворца) составляетъ только часть зданій, которыя простираются вокругъ на цѣлый часъ ходьбы.

По описаніямъ Ктезія, Ниневія составляла четыреугольникъ въ 150 и 90 стадій, слѣдственно пространство въ 8 — 9 нѣмецкихъ квадратныхъ миль. Такимъ-образомъ хорсабадскій дворецъ могъ бы пятнадцать разъ помѣститься въ Ниневіи. Холмъ развалинъ нынѣ открываемой Ниневіи, развалины при деревнѣ Нимрудѣ при впаденіи Цаба въ Тигръ, накопецъ, остатки у Карамлеса въ трехъ миляхъ отъ Тигра—составляютъ треугольникъ, входившій въ составъ древней Ниневіи, описанной Ктезіемъ.

Здѣсь замѣчается особенное обстоятельство. Въ сѣверо-западныхъ, среднихъ и юговосточныхъ зданіяхъ Нимруда открыты гробницы внѣ этихъ развалинъ съ разною домашнею утварью, сосудами, ожерельями и украшеніями чисто-египетскаго вкуса, хотя самый способъ погребенія вовсе не египетскій, а древне-персидскій. Изъ расположенія гробницъ видно также, что строители ихъ не знали о существованіи развалинъ. Лейардъ говоритъ :

«Изъ обстоятельства, что въ древнѣйшихъ развалинахъ Ассиріи: въ Нимрудѣ, Килах-Шергатѣ и Балшейкѣ есть гробницы, а нѣтъ ихъ въ Хорсабадѣ, Куюнджикѣ и въ югозападномъ дворцѣ Нимруда, можно заключить, что гробницы эти принадлежатъ промежуточному племени, или народу, который жилъ въ Ниневіи *послѣ* построенія древнѣйшихъ дворцовъ и *до* основанія новѣйшихъ. Надобно вспомнить при этомъ тѣсную связь Ассиріи съ Египтомъ между восьмнадцатою и послѣдующими династіями (по изгнаніи царей-пастырей , когда Египтяне простерли свои завоеванія къ сѣверу и къ востоку, владычествуя, вѣроятно, нѣкоторое время въ Месопотаміи, называемой на египетскихъ памятникахъ *Нагарнною*). Но при нынѣшнемъ состояніи нашихъ свѣдѣ-

ній слишкомъ-смѣло было бы приписывать этимъ развалинамъ такую древность».

Слѣдственно древнѣйшія развалины относятся къ баснословнымъ временамъ Нина, то-есть около 2000 лѣтъ до Р. Х. Потомъ царство это пало, возникло владычество Египтянъ, а въ XIII вѣкѣ основана и новая сильная Ассирійская Монархія.

Шампольонъ съ вѣроятностью доказалъ ужь, что Ниневія, подъ именемъ *Неу-и-у*, обозначена въ статистической таблицѣ въ Карнакѣ, принадлежащей къ царствованію Тотмеса III, то-есть къ 1490 году до Р. Х.

Какъ бы то ни было, мѣсто, гдѣ стояла Ниневія, было за 1500 лѣтъ до своего разрушенія мѣстомъ жительства значительнаго племени. Положеніе его при входѣ во владѣніе арійскихъ народовъ дѣлало его опорою жителей Месопотаміи, или пунктами нападенія арійскихъ племенъ. Въ обоихъ случаяхъ это была точка соединенія двухъ совершенно-различныхъ племенъ. Изъ столкновенія воинственныхъ и мирныхъ элементовъ развилась образованность, которой слѣды мы теперь открываемъ.

Предположивъ, по необходимости, что баснословные Нинъ и Семирамида владѣли всею Месопотаміею, что потомъ Египтяне царствовали тутъ нѣсколько столѣтій и что только въ XIII вѣкѣ до Р. Х. основана была великая Ассирійская Монархія, владычествовавшая надъ Вавилономъ, спрашивается: если развалины ничего намъ не говорятъ о древней Ассиріи, то, что̀ онѣ открываютъ въ исторіи позднѣйшаго царства?

Лейардъ говоритъ, что «первый царь, о которомъ мы можемъ себѣ составить довольно-вѣрное историческое понятіе, былъ основатель извѣстнаго нимрудскаго дворца, изъ котораго всѣ прекрасно-сохранившіеся барельефы вывезены въ Англію. Въ первой своей книгѣ Лейардъ объявилъ, что Роулисонъ прочелъ имя основателя — *Нинъ*; но съ-тѣхъ-поръ онъ *перемѣнилъ свое мнѣніе* и утверждаетъ, что имя это читается *Ассандрабалъ* (историческій Сарданапалъ). Гинксъ читаетъ это же имя (которое пишется тремя монограммами) *Ашуракбалъ*».

Самый утѣшительный результатъ изъисканій Лейарда — надпись его надъ всѣми именами ассирійскихъ царей: «вотъ какъ *вѣроятно* ихъ должно читать».

Роулисонъ утверждаетъ, что имя государя на плитѣ верхней компаты на западной сторонѣ нимрудскаго холма означаетъ *Дуванубара*. Гинксъ читаетъ *Ашуракбалъ*, который былъ братомъ короля того же имени и который царствовалъ надъ Месопотаміей, но не надъ Ассиріей, потому-что государства эти были тогда раздѣлены. Имя наслѣдниковъ Роулисонъ читаетъ *ШамасъАдаръ* и *Адрамелехъ II*, а Гинксъ предлагаетъ для перваго *Шамсіавъ* — можно ли основываться на подобныхъ неопредѣленныхъ данныхъ?

Такимъ-образомъ, мы въ ассирійской исторіи, даже второй монархіи, столь же мало теперь знаемъ, какъ до открытія развалинъ въ Хорсабадѣ, Нимрудѣ и Куюнджикѣ. Мы только удо-

стовѣрились, что въ эти отдаленныя времена художества процвѣтали здѣсь на такой степени, какой мы и не воображали.

Время царствованія Сардапапала относятъ обыкновенно къ IX вѣку до Р. Х.; но государя этого ненадобно смѣшивать съ тѣмъ, при которомъ Ниневія была разрушена. Изъ найденныхъ надписей мы до-тѣхъ-поръ ничего не узнаемъ, пока не добьемся, на какомъ языкѣ онѣ сдѣланы. Только одно имя можно принять достовѣрнымъ образомъ, потому-что пророкъ Исаія упоминаетъ о немъ, а именно *Саргонъ*, основатель хорсабадскаго дворца. Онъ жилъ за 720 лѣтъ до Р. Х.

Въ куюнджикскомъ дворцѣ, приписываемомъ Сеннахериму, найдены ассирійскія, финикійскія и египетскія печати. Послѣднія такъ хорошо сохранились, что одну можно навѣрное опредѣлить печатью *Сабако*, царствовавшаго въ VII вѣкѣ до Р. Х., то-есть въ одно время съ Сеннахеримомъ.

Лейардъ не хвалится самъ знаніемъ древнихъ азіатскихъ языковъ. Его во многомъ ввелъ въ заблужденіе Роулисонъ. Конечно, Роулисонъ оказалъ большія услуги наукамъ; но его можно обвинить въ весьма-большой ошибкѣ. Онъ владѣлъ бегистунскою тредіалектною надписью, и не сообщилъ ее тотчасъ ученому міру. Ему хотѣлось самому прежде разобрать ее. Персидскій текстъ онъ дѣйствительно хорошо объяснилъ. Въ вавилонскомъ онъ не имѣлъ успѣха, а мидійскій до-сихъ-поръ еще не обнародованъ имъ, такъ-что никто другой не можетъ заняться этимъ разборомъ.

Недавно объявилъ онъ только, что всѣ гвоздеобразныя надписи въ Ассиріи, Вавилоніи и Элимаисѣ — *скиѳскія*, то-есть, по его сужденію, татарскія. Но это утвержденіе бездоказательно. По историческимъ документамъ не видно, чтобъ между 1200 и 600 годами до Р. Х. тюркскія племена проникали въ Малую Азію. Персы же называли Скиѳами или Саками арійскія кочующія племена къ сѣверу отъ Оксуса и Кавказа.

Такимъ-образомъ изученіе гвоздеобразныхъ письменъ остановилось оттого, что Роулисонъ не сообщилъ бегистунской надписи. Персидскія гвоздеобразныя надписи—новѣйшія и ихъ легко разобрать, потому-что зендскій и санскритскій языки могутъ намъ служить къ этому пособіемъ. Съ древнѣйшими гвоздеобразными письменами мы не знаемъ, что̀ начать, потому-что не увѣрены на какомъ языкѣ онѣ написаны. Надписи Ахеменидовъ должны, слѣдственно, прежде всего быть разобраны; когда это сдѣлается, то мы можемъ идти впередъ; къ древнимъ языкамъ принадлежитъ и ассирійскій языкъ.

Обыкновенно персеполійскія надписи называютъ персидскими, мидійскими и вавилонскими. Первое и третье названіе могутъ назваться вѣрными, но *мидійское* очень-сомнительно. Гольцманъ утверждаетъ, что такъ-называемый мидійскій языкъ не что иное, какъ пельвійскій, то-есть смѣсь арійскаго и семитическаго, съ арійскою грамматикою. Этотъ языкъ могъ бы многое объяснить

въ этнографіи Верхней Месопотаміи и открыть смыслъ ассирійскихъ надписей. Этотъ діалектъ существовалъ только сто лѣтъ спустя по разрушеніи Ниневіи и, слѣдственно, необходимъ для объясненія ассирійскаго языка.

Допустивъ предположеніе, что гвоздеобразныя письмена составились въ Вавилонѣ, мы видимъ, что Вавилонъ употреблялъ ихъ отъ 1300 до 700, то-есть около 600 лѣтъ. Въ-теченіе этого времени могли они во многомъ измѣниться, потому-что и самъ языкъ измѣнился. Послѣ же паденія Ниневіи употреблялись эти письмена въ Мидіи и Вавилонѣ, гдѣ въ послѣднее время они ужь очень-запутаны; наконецъ перешли они къ Персамъ, которыхъ надписи мы теперь можемъ разбирать. Эго употребленіе у Персовъ доказывало только родъ снисхожденія къ бóльшей части жителей не-персидскаго происхожденія.

Изъ всего этого заключить можно, что позднѣйшія вавилонскія гвоздеобразныя письмена составляютъ только видоизмѣненіе ассирійскихъ, потому-что съ паденіемъ Ниневіи начинается новое Вавилонское Царство при Навуходоносорѣ. Если же доказано будетъ, что такъ-называемый мидійскій языкъ — пельвійскій, и что онъ былъ господствующимъ языкомъ въ Ассиріи, то легко будетъ разсмотрѣть, какимъ измѣненіямъ онъ подвергся, и чрезъ сто лѣтъ по разрушеніи Ниневіи явился на персидскихъ памятникахъ.

Не разъ ужь утверждали, что владычествующіе народы въ Ассиріи, Вавилоніи и Элимаисѣ, были арійскаго племени: достовѣрно только то, что разрушеніе Ниневіи произошло отъ двойной національной реакціи, соединеніемъ мидійскаго противъ месопотамскаго и вавилонскаго противу полуарійскаго владычества. Отъ этого должно было произойдти въ ассирійскомъ языкѣ значительное смѣшеніе съ другими, и употребленіе письменъ только постепенно улучшилось. На это должны были имѣть вліяніе и финикійскія письмена, по причинѣ сношеній Ассиріи съ финикійскими и сирійскими берегами. Лейардъ открылъ даже употребленіе курсивнаго письма. Въ подземной камерѣ нашелъ онъ множество исписанныхъ глиняныхъ досокъ; на одной изъ нихъ Гинксъ открылъ сравнительный списокъ *буквъ* съ гвоздеобразною грамотою. Это доказываетъ, что система *буквъ*, созданная на Западѣ, проникла и на Востокъ, служа для объясненія состарѣвшихся гвоздеобразныхъ письменъ, которыхъ значеніе извѣстно только было однимъ посвященнымъ.

Слѣдуя за историческимъ ходомъ дѣлъ, гвоздеобразныя письмена, начавшіяся въ Вавилонѣ, перешли изъ Ассиріи въ Мидію, гдѣ надписи были частью на ассирійскомъ и частью (позднѣйшія) на неизвѣстномъ языкѣ, а потомъ ужь достигли до Персіи. Слѣдственно, послѣ персидскихъ надписей, которыя мы ужь умѣемъ читать, надобно приняться за среднія, будто бы писанныя на пельвійскомъ языкѣ, и когда дойдемъ до истолкованія ихъ, так-

же передйти къ самымъ-древнимъ. Поэтому-то и жаль, что Роулисонъ не издалъ еще мидійской надписи.

Безъ-сомнѣнія, всѣ роды гвоздеобразныхъ письменъ должны имѣть нѣкоторое общее между собою сходство, начиная съ древнѣйшихъ временъ до паденія Ахеменидовъ; поэтому-то и должно производить попытки къ чтенію ихъ самымъ осторожнымъ образомъ. Верстергардъ, Гольцманъ и Соси сознаются въ безсиліи своемъ разобрать эти письмена. До-тѣхъ-поръ мы ничего вѣрнаго не узнаемъ объ исторіи Ассиріи. Вспомнимъ только, что прежде Юнга и Шамполіона мы относили дендрахскій зодіакъ къ баснословнымъ временамъ, пока не разобрали на немъ іероглифическихъ именъ Тиверія и Калигулы; можетъ-быть, то же разочарованіе ждетъ насъ и при чтеніи ассирійскихъ гвоздеобразныхъ письменъ.

Главный недостатокъ въ нашихъ археологическихъ свѣдѣніяхъ состоитъ въ неизвѣстности религіозныхъ вѣрованій арійскихъ племенъ, жившихъ въ сѣверной части Ассиріи. Въ самой Ниневіи, гдѣ стекались всѣ эти племена, вѣроятно, царствовалъ синкретизмъ. Сама Ниневія не составляетъ общаго цѣлаго по своимъ зданіямъ, а сборъ разныхъ вѣковъ и династій. Мѣстоположеніе Нимруда при стеченіи Цаба и Тигра самое выгодное въ военномъ отношеніи и, слѣдственно, первое мѣсто поселенія. Лейардъ, во второмъ своемъ сочиненіи, точнѣе опредѣлилъ найденные тамъ дворцы. Сѣверо-западный теперь ужь болѣе открытъ; югозападный названъ имъ (неизвѣстно почему) *Ассаргадонскимъ*; юговосточный почитается дворцемъ внука его, а въ пирамидальномъ холмѣ, влѣво отъ перваго дворца, найдена гробница Сарданапала и остатки двухъ храмовъ.

Въ сѣверозападномъ, среднемъ и юговосточномъ дворцахъ найдены подъ ними въ землѣ гробницы, о которыхъ Лейардъ говоритъ, что строители дворцовъ не знали о существованіи ихъ. Въ сѣверозападномъ дворцѣ найденъ знаменитый обелискъ съ изображеніями двугорбыхъ верблюдовъ и слоновъ, слѣдственно указывающій на тѣ времена, когда власть ассирійскихъ королей простиралась до Индіи. Кромѣ-того, въ этомъ же дворцѣ найдены фигуры: крылатаго льва съ человѣческою головою, крылатаго быка съ человѣческою головою, человѣка съ крыльями, въ одной рукѣ съ лейкою, а въ другой съ четыреугольнымъ сосудомъ; подобная же фигура съ орлиною головою; человѣкъ съ крыльями и съ священнымъ деревомъ въ одной рукѣ, а въ другой съ газелью; крылатый человѣкъ въ молящемся положеніи предъ священнымъ деревомъ; далѣе видна женская (или по-крайней-мѣрѣ безбородая) фигура съ крыльями. Наконецъ грифъ и крылатая лошадь; однимъ словомъ, всѣ почти изображенія крылатыя. Во всѣхъ этихъ фигурахъ нѣтъ религіозныхъ указаній. Только одно обстоятельство можетъ подать нѣкоторое объясненіе: въ разныхъ изображеніяхъ видна фигура, парящая надъ ними; царь стоитъ на колѣняхъ передъ нею, поднявъ кверху молящую руку; въ

сраженіяхъ фигура эта паритъ надъ царемъ и пускаетъ стрѣлы въ непріятелей.

Кромѣ-того, король при религіозныхъ церемоніяхъ носитъ священные знаки на шеѣ на цѣпи. Лейардъ почитаетъ эти знаки: солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами; четвертый знакъ состоитъ въ конической шапкѣ, пятый въ циркулѣ.

Съ крылатыми львами, быками, людьми, грифами и лошадьми нельзя ничего придумать, чтобъ объяснить ихъ значеніе; но фигура, парящая надъ королемъ, напоминаетъ персеполійскія изображенія и указываетъ на сродство съ арійскими племенами. Солнце, луна и звѣзды, носимыя, въ видѣ амулета, на шеѣ, могутъ также служить указаніемъ на поклоненіе небеснымъ тѣламъ Сабеянъ. Другихъ заключеній мы не можемъ сдѣлать при нынѣшнемъ состояніи науки.

Вторая большая група религіозныхъ изображеній найдена въ Куюнджикѣ, гдѣ открыто шестьдесятъ комнатъ во дворцѣ, а дворецъ открытъ далеко еще не весь. Здѣсь украшенія королевской головы значительно ужь разнятся противу нимрудскихъ; сверхъ-того, появляется здѣсь новая фигура, названная покуда *рыбьимъ богомъ*. Ужь въ одномъ изъ маленькихъ храмовъ въ Нимрудѣ открыто было это божество. Фигура его подобна была другимъ, съ лейкою въ одной рукѣ, и сосудомъ въ другой; только средина тѣла его покрыта была рыбьею чешуею, а внизу, подъ ногами, простирался длинный рыбій хвостъ. Кромѣ-того, Лейардъ указываетъ на одинъ ассирійскій цилиндръ, гдѣ изображенъ на одной сторонѣ король, въ рединѣ символическое дерево съ кругомъ надъ нимъ, а на третьей сторонѣ человѣческая фигура съ большою бородою, у которой рыбья спина, а позади его крылатый человѣкъ. Вавилонскій же рыбій богъ изображенъ съ человѣческою и рыбьею головою, а съ средины тѣла съ рыбьимъ хвостомъ.

Въ куюнджикскомъ дворцѣ есть еще фигура, которой нѣтъ въ нимрудскомъ. Это колоссальная фигура человѣка съ искривленною дубиною въ правой рукѣ, а лѣвою раздавливающая льва, вскочившаго на него. На одномъ каменномъ сосудѣ изображена эта фигура въ разныхъ видахъ въ борьбѣ со львами: слѣдственно это родъ ассирійскаго Геркулеса.

Наконецъ должно замѣтить, что въ Куюнджикѣ найденъ огнепоклоннический алтарь съ двумя фигурами евнуховъ передъ нимъ. Лейардъ думаетъ, что этотъ алтарь могъ принадлежать и позднѣйшимъ временамъ, когда Персы сдѣлались огнепоклонниками; но, съ другой стороны, можетъ-быть и Персы переняли эту религію отъ Ассиріянъ.

Хорсабадскій дворецъ менѣе пострадалъ отъ времени. И здѣсь есть крылатые быки съ человѣческими головами, ассирійскій Геркулесъ, крылатый человѣкъ съ лейкою и сосудомъ, рыбье божество, но не съ полною человѣческою фигурою, какъ въ Нимрудѣ, а съ половины тѣла рыбою, какъ въ Вавилонѣ, человѣкъ съ орлиною головою, хотя и съ другими украшеніями, и

наконецъ символическое дерево. Есть также и алтарь огнепоклонниковъ. Замѣчательно при этомъ, что здѣсь ужь нѣтъ эмблемъ, носимыхъ на шеѣ, солнца, мѣсяца и звѣздъ, нѣтъ остроконечной шапки, нѣтъ циркуля.

Хотя Лейардъ и старается доказать сходство персидской религіи съ ассирійскою, но лучше покуда сознаться, что имѣющихся свѣдѣній слишкомъ-мало, чтобъ утвердительно опредѣлить это. Будемъ лучше ждать, чтобъ дальнѣйшія открытія дозволили намъ прочесть всѣ надписи — и тогда намъ легко будетъ судить обо всемъ.

(Das Ausland.)

БОЛГАРІЯ И БОЛГАРЫ.

Виддинъ. — Видъ на Виддинъ издали производитъ весьма-пріятное впечатлѣніе на путешественника. Множество минаретовъ съ блестящими полумѣсяцами придаютъ этому городу величественный характеръ, который тѣмъ болѣе восхищаетъ вояжёра, что онъ впервые видитъ здѣсь типъ всѣхъ восточныхъ городовъ. Сверхъ-того, яркая бѣлизна крѣпостныхъ стѣнъ увеличиваетъ красоту живописнаго ландшафта, который заставляетъ многаго ожидать отъ самаго города.

Виддинъ состоитъ изъ крѣпости и предмѣстьевъ. Въ прежнія времена крѣпость эта была значительна; теперь заброшена и въ полуразвалившемся состояніи.

Въ крѣпость въѣзжаютъ по тремъ мостамъ, но проѣзжать надобно съ большою осторожностью. Эти мосты представляютъ вѣрную картину самой крѣпости, гдѣ заржавленныя пушки лежатъ безъ лафетовъ по стѣнамъ и валамъ.

Внутренность крѣпости, обитаемая почти одними только Турками, полагающими себя въ безопасности отъ слова *крѣпость*, состоитъ изъ неправильной груды глиняныхъ мазанокъ, нѣсколькихъ казармъ, жилища паши и множества мечетей.

О жилищѣ паши потому только упоминается, что оно носитъ имя *серай*, то-есть дворецъ; но оно въ весьма-жалкомъ положеніи; и тотъ кто живетъ въ немъ, обнаруживаетъ этимъ много мужества. Коридоры этого *дворца* устланы досками, въ которыхъ много дыръ и которыя такъ гнутся подъ проходящимъ, что страшно ходить по нимъ. Зато коридоры эти украшены нѣсколькими китайскими фонарями. Комнаты дворца въ такомъ же печальномъ состояніи. Комната, въ которой живетъ паша, похожа на казарму: она выбѣлена известкою; по стѣнѣ идутъ полки, на которыхъ лежатъ книги Корана и стоятъ разбитые горшки съ цвѣтами; красуется одинъ бѣлый каминъ, устроенный въ видѣ палатки; плохіе ковры покрываютъ полъ, на потолкѣ нарисована разная столовая посуда. Комнаты чиновниковъ паши (эффенди) обиты также по̀ полу коврами, но въ комнатахъ служителей простыя цыновки изъ тростника.

Въ предмѣстьяхъ Виддина живутъ бо̀льшею-частью Болгары, Валлахи и Сербы. Бѣдные Болгары занимаются разными ремеслами; тѣ же изъ нихъ, которые побогаче, торгуютъ въ лавочкахъ. Знаменитые на всемъ Востокѣ фабриканты виддинскихъ трубокъ и чубуковъ—всѣ изъ Турокъ. Торговцы табакомъ, фруктами, содержатели кофеенъ и кондиторскихъ, оружейники, сѣдельники и булочники—тоже мусульмане.

Самый красивый домъ внѣ крѣпости принадлежитъ булгарскому епископу. Лучшій послѣ него и устроенный со всѣмъ европейскимъ комфортомъ—домъ австрійскаго консула, управляющаго вмѣстѣ съ тѣмъ агентствомъ дунайскаго пароходства.

Число жителей Виддина простирается до 25,000 душъ, изъ которыхъ двѣ пятыхъ мусульманъ, столько же христіанъ и одна пятая Евреевъ. У Евреевъ есть здѣсь молельня и школа. Какъ здѣсь, такъ и на всемъ Востокѣ Евреи пользуются со стороны мусульманъ бо̀льшею вѣротерпимостью, нежели христіане.

Чистотою улицъ и площадей Виддинъ такъ же мало можетъ похвалиться, какъ и прочіе восточные города. Очищеніе ихъ предоставлено хищнымъ птицамъ, которыхъ здѣсь множество, и бездомнымъ собакамъ, которыхъ еще больше. Клопы—это всегдашнее бѣдствіе южныхъ странъ—здѣсь нестерпимы. Укушеніе скорпіоновъ здѣсь довольно-ядовито и требуетъ продолжительнаго леченія.

Болгарія раздѣляется на сѣверную и южную: первая граничитъ Дунаемъ, а вторая частью Средиземнымъ Моремъ, прилегающимъ къ берегамъ Греціи и называемымъ Болгарами *Бѣло-море*. Жители обѣихъ этихъ полосъ во многомъ между собою различны. Напримѣръ, языкъ сѣверныхъ Болгаръ болѣе сходствуетъ съ русскимъ, нежели языкъ южныхъ, болѣе-сближающійся съ греческимъ. Сѣверные суровѣе, менѣе образованы; они не такъ гостепріимны и говорятъ такъ скоро, что неоканчиваемыя ими фразы очень-трудно понять. У южныхъ языкъ болѣе смѣшанъ съ сербскимъ и греческимъ, легче и пріятнѣе для слуха. У южныхъ интеллектуальная жизнь болѣе развита, но въ характерѣ ихъ много греческаго. Дѣти южныхъ Болгаръ ласково встрѣчаютъ каждаго пришельца и скоро съ нимъ дружатся; сѣверные же бѣгутъ, и слово *чужой* пугаетъ ихъ.

Болгары самые трудолюбивые и прилежные люди во всей Турціи. Дѣти ихъ отъ раннихъ лѣтъ пріучаются къ работѣ. Содержаніе болгарскаго семейства стоитъ въ день отъ двухъ до трехъ піастровъ (18 піастровъ почти равны 1 руб. сер.). Никакой роскоши они не знаютъ; ничто въ домѣ не перемѣняется, развѣ изношенная рогожа замѣнится новою разъ въ годъ; но эта рогожа замѣняетъ постели, стулья, столы и всѣ комнатныя украшенія. На подушки и ковры въ такъ-называемой брачной комнатѣ садятся только по большимъ праздникамъ.

Сѣверные Болгары вообще очень-бѣдны и не имѣютъ средствъ нажиться. Чтобъ добыть сколько-нибудь денегъ, привозятъ они

въ Виддинъ на рынокъ въ самыхъ жалкихъ телегахъ, на которыхъ нѣтъ слѣда желѣза, плоды, дрова и скотъ, не употребляя ихъ никогда дома.

Главная характерическая черта сѣвернаго Болгара—чрезвычайная его набожность и преданность православной вѣрѣ.

Извѣстно, что народонаселеніе Болгаръ ежегодно возрастаетъ, тогда-какъ турецкое уменьшается. Это объясняется многими причинами. Хотя Болгары по бѣдности и не очень-довольны, когда у нихъ много дѣтей, потому-что они за каждаго ребенка обязаны платить подать, но чистота нравовъ содѣйствуетъ размноженію семейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ и отъ болѣзней, сводящихъ въ гробъ преждевременно. Притомъ же, когда бываетъ война, то погибаютъ одни Турки, потому-что Болгары, какъ христіане, не могутъ служить въ войскѣ; имъ не дозволено имѣть оружія. Потомъ, если обнаружится чума, то одни христіане принимаютъ мѣры осторожности, а мусульмане съ своимъ фатализмомъ погибаютъ. Исчислено, что при каждой чумѣ умираетъ мильйонъ жителей въ Турціи; оттого здѣсь такъ много гробницъ. Въ 1838 году похищено чумою въ одной Болгаріи 86,000, и все почти Турки.

Болгары терпѣливы и внимательны. Они пашутъ землю и работаютъ вездѣ, гдѣ можно. Изъ окрестныхъ племенъ, наиболѣе занимающихся скотоводствомъ и торговлею, Болагары одни земледѣльцы, и вся тягость продовольствія Турокъ падаетъ на нихъ.

Болгарскія женщины кротки, ласковы и трудолюбивы. Онѣ высокаго роста и хорошо сложены. Одежда ихъ красивѣе, нежели мужчинъ. Дѣвушки ходятъ съ открытою головою, вплетая себѣ цвѣты въ волосы. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ надѣваютъ онѣ на шею и на лобъ просверленные червонцы, которые составляютъ ихъ приданое. Этотъ обычай очень-понятенъ для жениховъ. Ему стоитъ только окинуть взглядомъ, чтобъ видѣть *существенныя* достоинства своей невѣсты. Впрочемъ, болгарское семейство только въ самой жестокой нуждѣ коснется до этихъ червонцевъ.

Невѣста закрывается обыкновенно вуалемъ. Пожилыя женщины обвѣшиваютъ себя стекляннымъ бисеромъ и заплечьями. Около тѣла носятъ онѣ позолоченные мѣдные поясы; на головѣ безвкусный шлемовидный чепецъ, около котораго висятъ ряды піастровъ и даже древнихъ монетъ, выкапываемыхъ ими на поляхъ. Замѣчательны у здѣшнихъ дѣвушекъ удивительной величины косы, которыми онѣ, распустя ихъ, совершенно могутъ закрыться со всѣхъ сторонъ.

Болгаръ такъ же ревнивъ, какъ и Турокъ. Во многихъ округахъ сѣверной Болгаріи женщины не иначе ходятъ, какъ подъ покрываломъ, отличаясь только тѣмъ отъ Турчанокъ, что не закрываютъ рта. Впрочемъ, городскія женщины одинаково одѣваются.

Одежда мужчинъ чрезвычайно разнится отъ мусульманъ. Болгаръ одѣвается, какъ древніе предки его въ Сѣверной Азіи: ко-

роткая куртка съ рукавами, или безъ рукавовъ; ленты, которыми онъ перевязываетъ всѣ ноги, шаравары, туника, широкій поясъ, все это шерстяное, и лѣтомъ и зимою, а на головѣ мѣховая шапка. Носить феску на головѣ такая привилегія, что только въ Шумлѣ, Рущукѣ, Варнѣ, Адріанополѣ и Константинополѣ дозволяется она Болгарамъ. Это случилось въ 1846 году. Султанъ Абдул-Меджидъ проѣзжалъ по имперіи и въѣзжалъ въ Шумлу; Болгары спѣли ему такой прекрасный гимнъ, что онъ тотчасъ же издалъ фирманъ, дозволившій имъ ношеніе фески.

Какъ всѣ Славяне, Болгары любятъ пѣніе. Поутру, когда они идутъ на работу, и ввечеру, возвращаясь съ работы попарно, женщины пѣшкомъ, а мужчины верхомъ, поютъ они народныя свои пѣсни. Когда же видятъ, что Турки ихъ слушаютъ, охотно поютъ они и турецкія пѣсни.

Болгары дома ѣдятъ большею-частью молочную пищу, бобы, горохъ и оливки. Хлѣбъ у нихъ черный, или изъ маиса, какъ валлахская *мамалига.* Питье ихъ—вода; вино же употребляется только по праздникамъ. Беззаботность Болгара объ удобствахъ жизни такова, что онъ зимою не ограждается отъ стужи, лѣтомъ отъ зноя. Даже въ осенніе заморозки спятъ они передъ домомъ на тѣхъ же цыновкахъ, на которыхъ лежали въ іюлѣ.

Близость городовъ имѣетъ нѣкоторое вліяніе и на Болгаръ, которые въ Балканахъ гораздо-грубѣе и необразованнѣе.

Въ Балканахъ много медвѣдей, волковъ, оленей, лисицъ; и никто почти здѣсь не охотится.

Чѣмъ дальше путешественникъ удаляется отъ Дуная, тѣмъ гористѣе становится страна. Вотъ описаніе болгарской деревни въ горахъ:

«8-го ноября увидѣлъ я вдали нѣсколько земляныхъ кургановъ. Я думалъ, что это какое-нибудь кладбище и что близь него есть мѣстечко; какъ же я удивился, когда узналъ, что эта кучка кургановъ было *село* Мокресъ, гдѣ мы должны были ночевать! Ничто такъ не похоже на селеніе американскихъ дикарей, какъ болгарскія села. Всѣ они отдалены отъ *большой дороги* (я по привычкѣ такъ называю здѣшнюю дорогу, хотя это только полоса невоздѣланной земли, по которой ѣздятъ и ходятъ) и потому путешественники никогда не замѣчаютъ этихъ селъ. Но намъ пришлось ночевать тутъ. Каждое село состоитъ изъ четырехъ или пяти групъ землянокъ, раздѣленныхъ между собою дерномъ. Каждая група состоитъ изъ 12 — 15 землянокъ. Онѣ частью изъ ивовыхъ вѣтвей, и тогда похожи на большія корзины, а частью выкопаны квадратно въ землѣ съ крышею изъ соломы, или набросанныхъ вѣтвей.

«Въ этихъ хижинахъ Болгары живутъ съ своими семействами, курами, овцами, свиньями, собаками, кошками. Разумѣется, хижина состоитъ изъ одной комнаты, которая служитъ спальнею, погребомъ, кухнею и чердакомъ. Здѣсь Болгаръ спитъ на землѣ,

подостлавъ себѣ мѣховую шубу близь очага, то-есть круглаго углубленія, сдѣланнаго посреди хижины.

«Жилища эти только одною крышею возвышаются надъ поверхностью земли. На нее всходятъ по лѣсенкѣ въ нѣсколько ступеней. Двери же въ хижину такъ низки, что надобно сгибаться при входѣ. Несмотря на это, вся внутренность хижины довольно-опрятна, благодаря трудолюбію *бабы* (болгарской хозяйки). На крышѣ всегда почти живутъ журавли.

«Образъ жизни здѣшнихъ жителей чрезвычайно-простъ. Они ѣдятъ мамалигу съ *паприкою* (испанскимъ перцомъ). *Бабы* пекутъ хлѣбъ изъ овсяной муки и въ горячей золѣ, отчего хлѣбъ всегда пополамъ съ золою. Однимъ словомъ, это первобытная жизнь, какой въ Европѣ не знаютъ. Картофеля въ Балканахъ нѣтъ.

Терново. — Этотъ городъ весьма-замѣчателенъ, потому-что въ немъ была нѣкогда столица болгарскихъ королей. Теперь въ немъ не болѣе 10,000 жителей; улицы узки, но рынокъ обширенъ. Городъ стоитъ на скатѣ горы, омываемой Янтрою и поросшей виноградниками, липами и сливовыми деревьями. Отъ дворца прежнихъ королей не осталось и слѣда, равно какъ и отъ соборной церкви.

Шумла.—Позднею осенью, послѣ тягостнаго девятнадцати-дневнаго путешествія, достигъ я наконецъ 22 ноября до Шумлы, двадцать-четыре минарета которой еще издали привѣтствовали меня.

Съ западной стороны видъ Шумлы величественнѣе; отсюда начинается огромная Валлахская Степь, почти совсѣмъ-безлѣсная, но зато покрытая высокою травою, такъ-что путешественники часто въ ней заблуждаются.

Внутренность города совершенно-похожа на всѣ прочіе турецкіе города. Онъ состоитъ изъ *Града* и *Вароша*. Въ градѣ живутъ большею-частью Турки, числомъ до 30,000. Здѣсь много мечетей, которыхъ свинцовыя крыши блестятъ, какъ серебрянныя. Здѣсь обширный базаръ, здѣсь величайшіе фонтаны, однимъ словомъ, здѣсь сосредоточена вся жизнь Шумлы. Въ *Варошѣ* живутъ до 6,000 Болгаръ и отъ 12 до 17,000 Армянъ, Грековъ и Евреевъ. У каждой изъ этихъ націй свои улицы и храмы. Во всей же Шумлѣ до 50,000 жителей. Длина города около 1½ англійской мили, ширина до получаса ходьбы. Домы построены изъ плетеныхъ вѣтвей съ глиною; о домахъ въ два-три этажа здѣсь и не знаютъ. Вообще домъ Турка долженъ быть самый малоцѣнный; онъ твердо вѣритъ въ предсказаніе, что пребываніе его въ Европѣ только временное. Притомъ же, при частыхъ пожарахъ, истребляющихъ у нихъ цѣлые кварталы, Турокъ хочетъ, чтобъ ему недорого стоило опять себѣ выстроить домъ.

Въ торговомъ отношеніи, Шумла важна соединеніемъ здѣсь нѣсколькихъ дорогъ отъ Дуная. Промышленость самой Шумлы находится еще въ младенчествѣ, кромѣ фабрикаціи мѣдныхъ ве-

щей, которыя славятся на всемъ Востокѣ; здѣшнія шелковыя ткани также пріобрѣли извѣстность.

Банатскія Военныя Границы. — Для поѣздки моей къ такъ-называемымъ Геркулесовскимъ Водамъ, явился ко мнѣ въ назначенный день поутру *экипажъ*. Это былъ ящикъ съ высокими краями, утвержденный на оси, около которой вертѣлись съ визгомъ и стономъ два огромные колеса. Въ этотъ ящикъ побросали мои вещи, а между ними и я долженъ былъ помѣститься. Экипажъ мой запряженъ былъ четырьмя лошадьми въ рядъ; сбруя была веревочная, ямщикъ рослый, красивый Валлахъ, который пустился во весь карьеръ, понуждая лошадей то ласковыми словами, то бичомъ.

Дорога изъ Старой Орсовы въ Карансебесъ, лучшая во всей Валлахіи и до Темешвара; она хорошо содержится. Тринадцать миль идетъ она вдоль Военной Границы черезъ восемьдесятъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ глубокія бездны и рѣчки. Въ шести часахъ отъ Орсовы поворачиваетъ дорога съ Черной на *Бѣлую Рѣку* и идетъ къ сѣверу по тереговской тѣснинѣ къ Темешу, гдѣ соединяются дороги Венгріи и Семигорья.

Самые источники цѣлительныхъ водъ находятся въ романтической части горъ по обоимъ берегамъ рѣки, а потому мы отъ Мегадіи и повернули къ сѣверо-востоку; отсюда рѣка течетъ на пространствѣ десяти миль, сквозь высокія и крутыя скалы; отъ деревни же до минеральныхъ водъ всего небольшая миля, но чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ дорога ýже и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ, оставляя только тропинку для пѣшехода.

Эти источники извѣстны ужь были древнимъ Римлянамъ; ихъ всего двадцать-два. Всѣ они вытекаютъ изъ подземнаго водоема въ семьсотъ саженъ ширины. Три источника на лѣвомъ берегу, а прочіе на правомъ. *Геркулевскими* источниками называются самые крайніе; не всѣ они еще обдѣланы для употребленія. Лудвигскій источникъ, ближайшій къ трактиру, наиболѣе посѣщается. Всегдашняя его температура=37° Р. При немъ тринадцать купаленъ. Источникъ находится у самаго берега Черной; между нимъ и берегомъ есть пещера, изъ которой вытекаютъ еще четыре источника въ 50° Р. Въ самой же пещерѣ большой осадокъ сѣры и соли.

Фердинандовскій ключъ тѣмъ замѣчателенъ, что въ отверстіи его образовался фантастическій капельный камень (сталактитъ), а въ нѣсколькихъ футахъ отъ него есть паровое или потовое отверстіе, въ родѣ пещеры, которой температура никогда не бываетъ менѣе 22°.

Источникъ геркулесовскихъ водъ вытекаетъ изъ пещеры известковаго камня. Онъ не самый горячій, но самый обильный. Подлѣ источника, стоитъ статуя Геркулеса изсѣченная въ скалѣ, какъ памятникъ римскаго міра. Къ-сожалѣнію, статуя очень-попорчена суевѣріемъ простаго народа, воображающаго, что соскоб-

леный со статуи камень, помогаетъ будто бы отъ разныхъ болѣзней.

Цвѣтъ воды при истокѣ чистый и свѣтлый, но, постоявъ немного, вода принимаетъ зеленоватый цвѣтъ, пахнетъ сѣрою, на вкусъ солена и противна. По списку болѣзней, пользуемыхъ этими водами, онѣ, кажется—универсальное лекарство. Я спросилъ у одного больнаго, отъ какой болѣзни онъ лечится; онъ отвѣчалъ, что у отца его подагра, такъ онъ хочетъ предупредить, чтобъ и у него не было подагры.

Для размѣщенія пріѣзжающихъ и для пользованія ихъ, учреждена здѣсь военная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ штабофицеровъ. Для пользованія нижнихъ военныхъ чиновъ устроено триста шалашей со всѣми возможными удобствами; однимъ словомъ, надобно отдать полную справедливость административнымъ мѣрамъ, принятымъ для всеобщаго удовольствія.

(Das Ausland.)

VII.

РАЗСКАЗЫ

СОВРЕМЕННЫХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ГОЛЛАНДСКІЙ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ.

(Разсказъ американскаго писателя Эдуарда Поэ.)

Въ маѣ 18** (не припомню въ-точности ни года, ни числа) собралась на Роттердамской Площади многочисленная толпа народа, и съ необыкновеннымъ для флегматическихъ Голландцевъ волненіемъ смотрѣла вверхъ. Изъ-за бѣлыхъ облаковъ тихо спускалось на землю что-то странное и даже забавное. Это былъ родъ воздушнаго шара, но самаго необыкновеннаго устройства. Лодочку подъ шаромъ составляла большая, широкая шляпа, и одна изъ зрительницъ, у которой были очень-зоркіе глаза, вскричала, что это шляпа ея мужа, Ганса Пфаля.

Тутъ только вспомнили, что одинъ изъ роттердамскихъ жителей, Гансъ Пфаль, исчезъ, лѣтъ пять тому назадъ, неизвѣстно куда, и всѣ полагали, что онъ убитъ въ ближайшемъ лѣсу, гдѣ найдены были тогда какія-то кости, похожія на человѣческія.

Чѣмъ ниже спускался шаръ, тѣмъ явственнѣе видно было существо, сидѣвшее въ шляпѣ. Оно было небольше двухъ футовъ роста, но толщина его едва-ли не равна была вышинѣ. Ногъ не было видно, но руки у этого страннаго созданія были огромныя, волосы сѣдые, носъ длинный и крючковатый, глаза большіе и выразительные; щеки и подбородокъ отвислые; замѣчательнѣе всего было то, что у этого существа совсѣмъ не было ушей.

Опустясь къ землѣ футовъ на сто, существо это видимо испугалось чего-то и не хотѣло спускаться ниже, но вынуло огромной пакетъ,

съ красною печатью и бросило въ небольшую группу зрителей, между которыми былъ и роттердамскій бургомистръ, Ундердукъ. Тотъ почти на-лету подхватилъ пакетъ и съ изумленіемъ увидѣлъ, что пакетъ былъ надписанъ на его имя.

Въ то же самое время уродливое существо, бывшее въ воздушномъ шарѣ, выбросило нѣсколько мѣшковъ балласта, быстро опять поднялось кверху и черезъ нѣсколько минутъ совершенно-исчезло изъ виду.

Тогда бургомистръ отправился домой, пригласивъ съ собою нѣсколько знакомыхъ, для чтенія письма, полученнаго такимъ чудеснымъ образомъ.

Вотъ въ чемъ состояло это письмо:

«Вы, можетъ-быть, помните, г. бургомистръ, что, пять лѣтъ тому назадъ, жилъ въ Роттердамѣ бѣдный художникъ Гансъ Пфаль. При всей недостаточности средствъ моихъ, я питалъ непреодолимую страсть къ естественнымъ наукамъ. Все, что̀ могъ добывать своимъ ремесломъ, я употреблялъ на покупку книгъ, инструментовъ и на произведеніе опытовъ. Болѣе всего приводили меня въ восторгъ воздушныя путешествія. Воображеніе мое представляло мнѣ, что по этой части можно достигнуть до величайшихъ открытій, если только рѣшиться на это съ самоотверженіемъ и истинною любовью къ наукѣ.

Я чувствовалъ въ себѣ довольно силы, твердой воли и рѣшимости, чтобъ предпринять какіе-нибудь небывалые опыты. Каждый часъ свободнаго времени проводилъ я въ томъ, что придумывалъ всѣ препятствія и опасности, могущія мнѣ встрѣтиться, и до-тѣхъ-поръ производилъ опыты надъ устраненіемъ каждаго неудобства, пока мнѣ не удавалось рѣшить удовлетворительно всѣ вопросы аэронавтики.

Такимъ-образомъ свыкся я съ ежедневною мыслью, что жители земли только изъ боязни и отъ непривычки никогда не рѣшались пускаться дальше извѣстной высоты, и что, однажды рѣшась на этотъ подвигъ и предусмотрѣвъ всѣ случаи, можно съ самоувѣренностью пуститься въ безъизвѣстные предѣлы далеко отъ земли.

Много я употребилъ времени и трудовъ для приведенія въ исполненіе этого предпріятія. Изучивъ все, что̀ было писано по этому предмету, я нашелъ, что многое надобно усовершенствовать и измѣнить. Вопервыхъ, употребленіе водороднаго газа для наполненія шара мнѣ не нравилось: онъ слишкомъ-опасенъ своею воспламенимостью и расширительною силою; да и достигнувъ извѣстныхъ предѣловъ атмосферы, по своему удѣльному вѣсу, соединенному съ тяжестью шара, лодочки и аэронавта, онъ ужь равняется по вѣсу съ окружающимъ его воздухомъ и не можетъ подниматься выше. Надобно было придумать употребить въ дѣло легчайшій газъ. Я открылъ вещество полуметаллическое, изъ котораго, посредствомъ обыкновенной сѣрной кислоты, получается газъ, превышающій легкостью водородный въ 37$^1/_2$ разъ. Не хочу пока называть этого вещества, но могу сказать, что это одинъ изъ элементовъ азота, который до-сихъ-поръ почитался неразлагаемымъ. Онъ не имѣетъ никакого вкуса и цвѣта,

но имѣетъ особенный, ему только одному свойственный запахъ, горитъ зеленоватымъ огнемъ и мгновенно прекращаетъ жизнь всего живущаго.

Второе главное затрудненіе, на которое ссылаются всѣ воздухоплаватели, говоря о невозможности отдаленнѣйшихъ путешествій, состоитъ въ томъ, что въ высшихъ слояхъ атмосферы воздухъ неспособенъ ужь для дыханія и всякая попытка подняться выше, неминуемо влекла бы за собою смерть. Я и противъ этого придумалъ средство. Гриммъ ужь до меня составилъ аппаратъ для сгущенія атмосфернаго воздуха: я усовершенствовалъ этотъ аппаратъ и приспособилъ его къ предполагаемой мною цѣли.

Наконецъ продолжительные труды мои и приготовленія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Я все устроилъ, все составилъ, все придумалъ. Личная участь моя нисколько меня не безпокоила; я думалъ только о славѣ, о пользѣ науки.

Воздушный шаръ мой былъ готовъ. Я сдѣлалъ его изъ батиста и три раза покрылъ каучуковымъ лакомъ. Онъ могъ вмѣщать до 40,000 кубическихъ футовъ газа, а этого было слишкомъ-достаточно, чтобъ поднять меня со 175-ю фунтами балласта.

Это было 1-го апрѣля. Я употребилъ четыре часа съ половиною, чтобъ наполнить шаръ газомъ, привязалъ къ нему лодочку съ сѣткою; положилъ туда весь свой багажъ, телескопъ, барометръ новаго устройства, термометръ, электрометръ, компасъ, секундные часы, колокольчикъ, рупоръ, стеклянный шаръ, изъ котораго вытянутъ былъ воздухъ, и прочее; сверхъ-того, усовершенствованный конденсаторъ, запасъ негашеной извести, сургуча, нѣсколько боченковъ воды и съѣстныхъ припасовъ, наиболѣе изъ пемикано, занимающаго такъ мало мѣста при удивительной питательности.

На самомъ разсвѣтѣ сѣлъ я въ лодочку, подрѣзалъ послѣднія веревки и быстро поднялся на воздухъ. Барометръ показывалъ тогда 28 дюймовъ, а стоградусный термометръ 10°.

Первыя минуты быстраго полета были для меня восхитительны. Невѣдомое чувство гордости, восторга и нѣкоторой боязни наполняли грудь мою. Я не могъ приняться ни за какіе инструменты, ни за какія наблюденія. Наконецъ я опомнился и прежде всего взглянулъ на часы. Было шесть часовъ утра. Я быстро поднимался, и высота барометра показывала, что я ужь на высотѣ трехъ миль и трехъ четвертей (англійскихъ). Я летѣлъ надъ моремъ.

Внимательно сталъ я разсматривать поверхность водъ и, благодаря хорошему зрѣнію, увидѣлъ съ высоты черную точку, медленно-подвигавшуюся по волнамъ. Въ телескопъ же разсмотрѣлъ я, что это былъ англійскій линейный корабль, идущій къ юговостоку. Зрѣлище было великолѣпное. Мой аэростатъ летѣлъ надъ Атлантическимъ Океаномъ. Солнце ужь встало, и кромѣ его, воды и неба, ничего не было видно.

И, однакожь, я не ощутилъ въ себѣ никакого страха. Я нисколько не думалъ, что малѣйшій толчокъ броситъ меня, какъ пылинку, въ

это неизмѣримое пространство океана, но, напротивъ того, мечталъ только о томъ, чтобъ подняться выше и выше. Мысль о собственной моей незначительности въ воздушномъ океанѣ, который гораздо-огромнѣе всѣхъ земныхъ, нисколько не пугала меня. Рѣшимость моя была тверда, непреклонна.

Я предположилъ себѣ достигнуть до луны!

Я понималъ всю трудность своего исполинскаго предпріятія, но всѣ мои доводы не выходили изъ предѣловъ возможности.

Вопервыхъ, мысль о разстояніи главной планеты отъ спутника, могла казаться чрезвычайною; но разстояніе это давно ужь исчислено, и отъ центра одного небеснаго тѣла до другаго разстояніе только шестьдесятъ земныхъ радіусовъ, то-есть 327,000 англійскихъ миль. Это еще *среднее* разстояніе, потому-что эллипсисъ лунной орбиты имѣетъ 0,054,84 эксцентрицитета въ своей большой полуоси; а какъ центръ земли занимаетъ одинъ изъ фокусовъ этого эллипсиса, то я и разсчитывалъ, что, встрѣтя луну, когда она находится въ перигеліи, я много выгодаю; да и кромѣ того, разсчетъ разстояній сдѣланъ отъ центровъ земли и луны, слѣдственно, находясь на поверхности ихъ, можно убавить величину земнаго и луннаго радіусовъ, то-есть 4,000 и 1080 миль, всего 5,080, слѣдственно останется только 231,200 миль.

Что́ жь чрезвычайнаго въ этомъ разстояніи? На землѣ путешествуемъ мы теперь по 60-ти миль въ часъ, а современемъ, можетъ-быть, достигнутъ и бо́льшей скорости. Но и съ 60-ю милями въ часъ, нуженъ только *161* день, чтобъ достигнуть до луны. А я имѣлъ причины думать, что мой полетъ будетъ гораздо-быстрѣе 60-ти миль въ часъ.

Второй пунктъ затрудненій гораздо-важнѣе. Мы знаемъ по барометру, что, возвышаясь отъ земли, мы въ *1000* футахъ находимся только на высотѣ $^1/_{30}$ части нашей атмосферы, окружающей земной шаръ. Въ 10,600 футовъ мы ужь на высотѣ $^1/_3$ атмосферы, а въ 18,000, то-есть на высотѣ равной горѣ Котопакси, достигаемъ ужь до половины ея.

Исчислено также, что на высотѣ $^1/_{100}$ земнаго діаметра, то-есть около 80 миль, воздухъ такъ рѣдокъ, что животная жизнь не можетъ тамъ существовать, и что тамъ никакіе аппараты не могутъ ужь открыть существованія воздуха. Но всѣ эти исчисленія сдѣланы на землѣ и по механическимъ законамъ, царствующимъ на поверхности ея. Если говорятъ, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли животная жизнь невозможна, то судятъ по аналогіи законовъ, видимыхъ на самой поверхности планеты. Но вѣрны ли эти исчисленія тамъ, гдѣ законы давленія и условія жизни вовсе другіе? Гг. Ге-Люссакъ и Біо поднимались на высоту 25,000 футовъ. Это еще очень-мало въ сравненіи съ 80-ю милями нашей атмосферы. Мои сужденія и предположенія совершенно были несогласны съ общепринятыми.

Если аэростатъ достигнетъ какой-нибудь данной высоты, то количество воздуха, пройденнаго имъ во весь періодъ восхожденія, безпрестанно уменьшается. Ясно, слѣдственно, что, продолжая подни-

маться на какую угодно высоту, никогда нельзя достигнуть до такихъ предѣловъ, гдѣ бы не было атмосферическаго воздуха. Онъ долженъ существовать, хотя и въ весьма-разрѣженномъ видѣ.

Есть и другія доказательства существованія этого воздуха въ высшихъ небесныхъ пространствахъ. Если сравнить періоды возвращенія кометы Энке съ ея перигеліемъ, оказывается, что орбита ея всякій разъ уменьшается, то-есть большая ось эллипсиса ея дѣлается короче. Это сокращеніе медленно, но правильно; оно происходитъ оттого, что комета встрѣчаетъ въ поступательномъ движеніи сопротивленія отъ окружающаго ее повсюду эѳира. Этотъ эѳиръ, замедляя движеніе кометы, ослабляетъ ея центробѣжную силу и увеличиваетъ центростремительную, то-есть сила притяженія солнца болѣе и болѣе дѣйствуетъ на комету, которая, при всякомъ обращеніи, сближается съ солнцемъ.

Явленіе, извѣстное подъ именемъ зодіакальнаго свѣта, тоже заслуживаетъ особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи. Между тропиками свѣтъ этотъ такъ ясно замѣтенъ, что его нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ. Онъ косвенно поднимается надъ горизонтомъ по направленію солнечнаго экватора. Этотъ свѣтъ долженъ, по мнѣнію моему, происходить отъ разрѣженной атмосферы, простирающейся отъ солнца за орбиту Венеры, и вѣроятно гораздо-дальше. Нѣтъ никакой причины думать, чтобъ упругій воздухъ существовалъ только по пути кометы Энке, или поблизости солнца; напротивъ, онъ долженъ быть разлитъ по всему пространству нашей солнечной системы, а въ сгущенномъ видѣ окружать планеты съ ихъ спутниками, сообразно съ свойствомъ каждаго небеснаго тѣла.

Я разсудилъ поэтому, что если во время своего путешествія найду вездѣ воздухъ, хотя и рѣдкій, но все того же самаго свойства, какъ на землѣ, то легко могу, посредствомъ остроумнаго аппарата Гримма, сгущать этотъ воздухъ въ количествѣ достаточномъ для дыханія. Этимъ отвращалъ я главное затрудненіе путешествія на луну. Оставался вопросъ о скорости полета и, слѣдственно, о продолжительности путешествія.

Извѣстно, что аэростаты поднимаются отъ земли сперва довольно-медленно. А какъ сила, поднимающая ихъ, состоитъ единственно въ относительной легкости газа, наполняющаго шаръ, сравнительно съ окружающею его атмосферою, то съ перваго взгляда и непонятно: почему аэростаты, достигая слоя рѣдкаго воздуха, начинаютъ подниматься скорѣе. По всѣмъ законамъ физики, должны были происходить совершенно противоположныя явленія, даже по причинѣ потери газа, улетающаго сквозь худо-лакированную ткань. Но дѣло въ томъ, что, по-мѣрѣ-того, какъ расширяется и разрѣжается атмосферическій воздухъ, то же самое дѣлается и съ газомъ въ шарѣ, увеличивающимся въ своемъ объемѣ и силѣ. А какъ газъ, мною приготовленный всегда долженъ быть легче, нежели всякій воздухъ изъ кислорода и азота, то я и былъ увѣренъ, что «ни въ какомъ мѣстѣ моего восхожденія я не достигну такой точки, чтобъ вѣсъ моего шара и содержаща-

гося въ немъ газа равнялся вѣсу вытѣсненнаго имъ воздуха». Только это одно и могло бы остановить мое путешествіе. Но предположивъ даже, что я достигну до такой точки, у меня было на 300 фунтовъ балласта, который я могъ выбросить. А какъ сила притяженія земли должна безпрестанно уменьшаться пропорціонально квадратамъ разстояній, то я и долженъ былъ наконецъ достигнуть до точки, гдѣ притяженіе земли замѣнится ужь притяженіемъ луны.

Еще одно затрудненіе останавливало меня. Замѣчено было при всѣхъ воздушныхъ путешествіяхъ, что, по мѣрѣ возвышенія шара, человѣкъ чувствуетъ, кромѣ затрудненія въ процесѣ дыханія, всеобщій упадокъ силъ, ежеминутно-усиливающійся. Можно было опасаться, что, упорствуя переносить это ослабленіе, я могъ умереть, не принеся никакой пользы наукѣ. Но, послѣ долговременнаго размышленія, я убѣдился, что опасенія мои неосновательны. Разстройство организма происходитъ отъ прогрессивнаго уменьшенія давленія на наше тѣло воздушнаго столба, къ которому мы привыкли на землѣ. Это уменьшеніе давленія расширяетъ наши верхніе кровяные сосуды, но въ самомъ организмѣ незамѣтно никакихъ измѣненій, какъ при затрудненіи въ дыхательномъ процесѣ, которое происходитъ оттого, что составъ воздуха *химически* недостаточенъ для нормальнаго возобновленія крови на поверхности лёгкихъ. А какъ посредствомъ аппарата Гримма могъ я составлять себѣ воздухъ для дыханія, то и увѣренъ былъ, что разстройство, происходящее отъ уменьшенія давленія воздушнаго столба, совершенно-временное и само-собою прекратится. Притомъ же я надѣялся на силы молодости и крѣпкой организаціи.

Изложивъ всѣ эти сужденія, буду теперь продолжать описывать свое путешествіе.

Я сказалъ ужь, что достигъ до высоты трехъ миль и трехъ четвертей. Бросивъ изъ лодочки горсть пуха, я увидѣлъ, что поднимаюсь вверхъ довольно-быстро и что, слѣдственно, ненужно выбрасывать балласта. Я еще не чувствовалъ никакого болѣзненнаго припадка и дышалъ совершенно-свободно.

Я взялъ съ собою кошку и двухъ голубей. И тѣ были очень-спокойны. Седьмаго двадцать минутъ барометръ показывалъ высоту въ 26,400 футовъ, или около пяти миль. Горизонтъ казался необозримымъ. Впрочемъ, математическое исчисленіе могло показать пространство земли, которую я могъ видѣть. Выпуклая поверхность сферическаго сегмента содержится къ поверхности всей сферы, какъ синусъ-версусъ сегмента къ діаметру шара. А какъ теперь синусъ-версусъ, то-есть толстота сегмента подо мною равнялась почти высотѣ, то и видимое мною пространство представляло пропорцію пяти миль къ 8000, то-есть это была $^1/_{1000}$ часть земнаго шара.

Море казалось сверху гладко, какъ стекло, хотя въ телескопъ я и видѣлъ, что оно сильно волновалось. Я начиналъ чувствовать головную боль и въ-особенности около ушей; но дышалъ все-еще свободно. Кошка и голуби были тоже совершенно-здоровы.

Три четверти седьмаго шаръ вошелъ въ большое и густое облако, котораго туманъ совершенно промочилъ меня. Эта встрѣча была совершенно-неожиданна: я никакъ не полагалъ, чтобъ облака могли держаться на такой высотѣ. Я выбросилъ десять фунтовъ балласта, чтобъ поскорѣе выбраться изъ этой сырости; и дѣйствительно замѣтилъ, что гораздо-скорѣе началъ подниматься.

Не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ я вышелъ изъ облака, вдругъ сильная молнія освѣтила его съ одного края до другаго. Волосы стали у меня дыбомъ отъ страха. Еслибъ я пробылъ еще одно мгновеніе въ облакѣ, и шаръ мой и я были бы истреблены. Вотъ случаи, которыхъ аэронавты должны болѣе всего остерегаться и которыхъ нельзя предупредить. Впрочемъ, съ этой минуты мнѣ ужь нечего было бояться молній: я былъ выше всѣхъ облаковъ.

Въ семь часовъ барометръ показывалъ девять съ половиною миль высоты. Дыханіе мое становилось ежеминутно труднѣе. Въ головѣ чувствовалъ я сильную боль, изъ ушей потекла кровь. Коснувшись рукою до глазъ, я почувствовалъ, что они сильно выдались впередъ: я обратилъ взгляды на окружающіе меня предметы въ лодочкѣ и замѣтилъ, что зрѣніе мое представляетъ ихъ въ совершенно-другихъ формахъ. Растерявшись отъ страха, выбросилъ я изъ лодки еще пятнадцать фунтовъ балласта и еще быстрѣе полетѣлъ вверхъ.

Эта необдуманность дорого мнѣ стоила. Меня схватили сильные спазмы; я едва могъ переводить дыханіе, и кровь потекла у меня изъ носа, изъ ушей и даже изъ глазъ. Голуби стали биться (они были привязаны), а кошка подняла ужасное мяуканье. Силы мои вдругъ до-того ослабѣли, что я ожидалъ близкой смерти и не предпринималъ ничего для своего спасенія. Я легъ навзничь въ лодкѣ и старался собраться съ мыслями.

Мнѣ пришло въ голову облегчить себя кровопусканіемъ. Перочиннымъ ножемъ прорѣзалъ я себѣ жилу на лѣвой рукѣ, и едва кровь потекла, какъ я почувствовалъ облегченіе. Выпустивъ ее съ полчашки, я ужь совсѣмъ поправился и, перевязавъ руку, остался однакожь въ лежачемъ положеніи. Черезъ четверть часа я всталъ и былъ попрежнему здоровъ; но трудность дыханія все еще продолжалась; пора была приступить къ конденсатору.

Взглянувъ въ это время на кошку, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что она окотилась тремя котятами. Я никакъ не ожидалъ прибавки экипажа, но этотъ случай былъ для меня очень-важенъ, чтобъ удостовѣриться въ своихъ ипотезахъ, а именно, что только привычка, наша отъ давленія воздушнаго столба на поверхности земли, заставляетъ насъ чувствовать разстройство при возвышеніи. Я сталъ замѣчать: будутъ ли котята ощущать подобные же признаки болѣзни, какъ ихъ мать.

Въ восемь часовъ былъ я ужь на высотѣ семнадцати миль. Я заключилъ изъ этого, что восхожденіе мое усиливается. Боль въ головѣ и въ ушахъ возобновилась; кровь пошла опять изъ носа, но страданія

были сносны. Дыханіе было чрезвычайно-стѣснено. Надобно было приступить къ конденсатору.

Зрѣлище, представлявшееся мнѣ тогда, было великолѣпно; подо мною все еще былъ океанъ, но зеленоватый цвѣтъ его болѣе и болѣе темнѣлъ. Къ востоку видѣлъ я Британскіе Острова, западные берега Франціи, Испаніи и часть Африки. Впрочемъ, подробностей и примѣтъ населенія земли ужь не было видно. Всѣ города сгладились и исчезли; о людяхъ не было и помину.

Болѣе всего поразила меня видимая вогнутость земнаго шара, тогда-какъ я полагалъ, по мѣрѣ возвышенія, видѣть его выпуклость. Впрочемъ, хорошенько раздумавъ, я нашелъ причину этого оптическаго обмана. Линія, перпендикулярно-опущенная съ моего шара на землю, составила бы сторону прямаго угла прямоугольнаго треугольника, котораго основаніе отъ прямаго угла шло бы до горизонта, а ипотенуза отъ горизонта до моего шара. Но возвышеніе мое было очень незначительно въ-сравненіи съ видимымъ пространствомъ, такъ-что основаніе и ипотенуза въ-сравненіи съ перпендикуляромъ, были почти параллельны между собою. Поэтому-то всякій воздухоплаватель воображаетъ, что горизонтъ находится на прямой линіи съ его аэростатомъ. Но какъ поверхность земли подъ нимъ находится въ-самомъ-дѣлѣ въ нѣкоторомъ разстояніи, то эта точка и кажется опускающеюся ниже линіи горизонта. Отъ этого и представляется вогнутость земли до-тѣхъ-поръ, пока перспектива параллельности между основаніемъ и ипотенузою не исчезнетъ.

Въ эту минуту замѣтилъ я, что голуби сильно страдаютъ и рѣшился выпустить ихъ на волю. Я поставилъ одного на край лодочки, но онъ съ видимою боязнью осматривался, махалъ крыльями, ворковалъ, но не трогался съ мѣста. Я принужденъ былъ бросить его изъ лодки, но, испуская рѣзкій крикъ, онъ съ усиліемъ возвратился на край лодочки, гдѣ покачался нѣсколько мгновеній, опустилъ голову и упалъ мертвымъ къ ногамъ моимъ.

Другой голубь былъ счастливѣе. Я бросилъ его внизъ изо всей силы и вскорѣ увидѣлъ, что онъ продолжаетъ спускаться махая крыльями. Я скоро потерялъ его изъ виду и увѣренъ, что онъ благополучно прилетѣлъ домой.

Кошка моя, оправясь отъ болѣзни, начала очень-спокойно кушать умершаго голубя, и потомъ улеглась спать. Котята были веселы и живы.

Четверть девятаго я не могъ ужь дышать безъ сильной боли, и потому принялся устроивать около лодочки придуманный мною аппаратъ, который считаю долгомъ объяснить.

Я прежде всего долженъ былъ изолироваться съ лодочкою отъ соприкосновенія внѣшняго чрезвычайно-разрѣженнаго воздуха, а потомъ, посредствомъ означеннаго аппарата, долженъ былъ сгущать этотъ воздухъ вокругъ себя, чтобъ дышать имъ. Для этого приготовилъ я большой каучуковый мѣшокъ, сквозь который воздухъ не могъ проникать. Помѣстивъ на дно этого мѣшка свою лодочку, я вздернулъ мѣшокъ кверху и продолжалъ тянуть его вверхъ по веревкамъ до

обруча, которымъ лодочка прикрѣплена къ воздушному шару. Это прикрѣпленіе было заранѣе сдѣлано не наглухо, а посредствомъ петель, застегнутыхъ на большія пуговицы. По мѣрѣ того, какъ я отстегивалъ каждую петлю обруча, я застегивалъ ее на пуговицы, пришитыя къ каучуковому мѣшку, и такимъ-образомъ лодочка держалась наконецъ не непосредственно за этотъ обручъ, а мѣшокъ, въ которомъ была лодочка, привѣшенъ былъ къ обручу. Оставалось потомъ стянуть верхнее отверстіе мѣшка, что̀ я и сдѣлалъ.

Въ самомъ мѣшкѣ вставлены были три довольно-толстыя круглыя стекла, сквозь которыя я легко могъ видѣть все вокругъ себя. Въ глубинѣ мѣшка было четвертое подобное же стекло, приспособленное къ отверстію, сдѣланному на днѣ моей лодочки, такъ-что я могъ видѣть и все пространство подъ собою. Только къ зениту не могъ я ничего видѣть, потому-что мѣшокъ былъ завязанъ, да и аэростатъ мѣшалъ смотрѣть вверхъ.

У одного изъ боковыхъ оконъ было сдѣлано круглое отверстіе въ три дюйма діаметра съ мѣднымъ ободочкомъ, закрытымъ задвижкою. Къ этому ободочку прикрѣпленъ былъ конденсаторъ, самый аппаратъ котораго дѣйствовалъ внутри моей каучуковой комнаты. Производя сперва въ этомъ аппаратѣ безвоздушное пространство, я открывалъ его со стороны мѣднаго ободочка, и наружный воздухъ тотчасъ же наполнялъ аппаратъ и, послѣ сгущенія его тамъ посредствомъ механизма, аппаратъ входилъ въ мою комнату совершенно-годнымъ для дыханія. Но какъ въ небольшомъ пространствѣ моего помѣщенія воздухъ скоро портился отъ выдыхаемой мною угольной кислоты, то я его часто и выкачивалъ посредствомъ насоса, прилаженнаго ко дну лодочки. Это было очень-удобно, потому-что испорченный воздухъ, по собственной тяжести, тотчасъ же устремлялся въ разрѣженную внѣшнюю атмосферу.

Это возобновленіе воздуха производилось, разумѣется, не вдругъ, но мало-по-малу. Отверстіе, выгоняющее испорченный воздухъ, открывалось только на нѣсколько секундъ, потомъ закрывалось, а два или три движенія пистономъ конденсатора давали довольно воздуха, чтобъ замѣнить выпущенный изъ комнаты.

Покуда я прикрѣплялъ и устроивалъ свой мѣшокъ, онъ поддерживаемъ былъ двумя шестами; но какъ скоро я наполнилъ его сгущеннымъ воздухомъ, то расширеніе его держало ужь мѣшокъ въ надлежащемъ видѣ.

Для продолженія опытовъ съ кошками помѣстилъ я ихъ въ довольно-обширную корзину и вывѣсилъ за лодочку у одного изъ оконъ, прикрѣпя петлею къ большой пуговицѣ. Тутъ я во всякое время могъ имъ подавать пищу.

Было девять часовъ безъ четверти, когда я окончилъ всѣ эти распоряженія. Я чрезвычайно страдалъ во все это время отъ трудности въ дыханіи; но едва успѣлъ я закрыть мѣшокъ и наполнить сгущеннымъ воздухомъ, какъ вся моя болѣзнь миновалась. Оставалась лег-

кая боль въ головѣ и какое-то новое ощущеніе въ расширеніи горла, ручныхъ костей и ступней.

Я былъ ужь на высотѣ 132,000 футовъ, то-есть двадцати-пяти миль. Барометръ упалъ совершенно въ чашку, и какъ я закрылъ ужь тогда свой мѣшокъ, то барометрическія показанія не могли ничего означать. Поверхность земнаго шара, представлявшаяся моимъ взорамъ, составляла $1/_{320}$-ю часть всей окружности земли. Аэростатъ мой несся по направленію сѣверо-сѣверо-востока. Океанъ все еще сохранялъ свою вогнутую форму, хотя видъ на землю часто прегражденъ былъ массами облаковъ, далеко подо мною носившихся.

Въ половинѣ десятаго выбросилъ я въ окно горсть пуха; но вмѣсто того, чтобъ носиться по воздуху, онъ какъ свинецъ полетѣлъ внизъ съ такою быстротою, что въ одно мгновеніе исчезъ изъ глазъ. Это доказывало, что воздухъ былъ ужь такъ рѣдокъ, что не могъ поддерживать и пуха; а какъ паденіе его соотвѣтствовало моему восхожденію, то онъ и исчезъ такъ скоро.

Въ десять часовъ почувствовалъ я себя совершенно-здоровымъ и занимался то пересмотромъ своихъ аппаратовъ, то возобновленіемъ воздуха. Я рѣшился каждыя сорокъ минутъ производить эту операцію, хотя бы и можно было дѣлать это черезъ часъ.

Въ этихъ занятіяхъ и фантастическихъ мечтахъ о цѣли моего путешествія прошло время до трехъ часовъ пополудни. Наблюдая все это время за своими кошками, я видѣлъ, что старая едва дышетъ, но молодыя не обнаруживали ни малѣйшаго знака болѣзни. Это доказывало, что еслибъ человѣкъ родился въ разрѣженномъ воздухѣ, то безъ малѣйшаго неудобства переносилъ бы его всегда... Но нечаянный случай прекратилъ мои наблюденіи за кошками. Подавая имъ въ корзинку чашку воды, я зацѣпился обшлагомъ за пуговицу моего мѣшка, къ которой была пристегнута корзина съ кошками. Чтобъ не оставлять окна долго-отворенными и не впустить внѣшняго воздуха, я слишкомъ поторопился отстегнуть свой рукавъ, и вмѣстѣ съ нимъ отстегнулъ и петлю, на которой висѣла корзина. Въ одно мгновеніе и она и кошки исчезли въ безднѣ. Я вздохнулъ о нихъ, но спѣшилъ затворить окно. Врядъ ли бѣдненькія долетѣли въ-цѣлости до земли.

Въ шесть часовъ замѣтилъ я, что бо̀льшая часть видимой поверхности земли со стороны востока покрывалась темнотою, быстро подвигающеюся впередъ, а въ семь часовъ безъ пяти минутъ все это пространство было ужь во мракѣ ночи. Только я долго еще видѣлъ заходящее солнце.

Меня радовала мысль, что и поутру я увижу солнце прежде всѣхъ жителей земли подъ однимъ меридіаномъ со мною, и что чѣмъ выше я буду подниматься кверху, тѣмъ дни будутъ продолжительнѣе. Я рѣшился однакожь вести журналъ, считая по прежнему земному обычаю двадцать-четыре часа въ сутки.

Въ десять часовъ вечера меня стало клонить ко сну. Но тутъ мнѣ представилось сильное затрудненіе. Если я засну, кто будетъ возобновлять воздухъ? Больше часу нельзя было дышать въ моей комнатѣ.

Потомъ я разсудилъ, что продолжительный и безпрерывный сонъ нашъ по нѣскольку часовъ на землѣ — тоже простая привычка. Сонъ конечно необходимъ; но если я найду средство пробуждаться каждый часъ для возобновленія воздуха, то могу потомъ опять спать цѣлый часъ, и такимъ-образомъ сколько угодно часовъ, только всякій разъ съ интерваломъ пяти минутъ бодрствованія. Я вспомнилъ анекдотъ объ одномъ нѣмецкомъ студентѣ, который, чтобъ не заснуть надъ книгами, держалъ въ рукѣ мѣдный шаръ надъ мѣднымъ же тазомъ; и когда ему случалось задремать, то шаръ, вырываясь изъ рукъ производилъ такой ударъ, что студентъ невольно просыпался. Я не могъ употребить этого средства, но придумалъ другое.

У меня было нѣсколько боченковъ воды. Я взялъ глиняную кружку, приставилъ ее къ боченку, просверлилъ въ немъ небольшую скважину и закрылъ ее потомъ втулкою ноздреватаго дерева, сквозь которое медленно просачивалась вода въ кружку. По количеству этой просачивающейся воды могъ я разсчесть, во сколько времени кружка наполнится водою; оказалось, что почти въ часъ времени вода ужь выливалась черезъ края. Это-то мнѣ и было нужно. Я устроилъ приборъ такъ, что когда улегся спать, то кружка приходилась прямо надъ моимъ лицомъ. Едва успѣлъ я погрузиться въ глубокій сонъ, какъ лившаяся изъ кружки на лицо мнѣ вода разбудила меня. Я всталъ, возобновилъ воздухъ, вылилъ опять кружку въ боченокъ, поставилъ ее подъ отверстіе, и тотчасъ же опять улегся и заснулъ. Сперва думалъ я, что частое пробужденіе разстроитъ меня : оказалось, что опасенія мои были напрасны.

Въ семь часовъ утра всталъ я окончательно, солнце давно ужь свѣтило на горизонтѣ.

3-го апрѣля. — Шаръ мой достигъ наконецъ до такой огромной высоты, что выпуклость земли была ужь ясно видима для глазъ. На океанѣ видѣлъ я чернѣющіяся точки : это были острова; надо мною небо было совершенно-темнаго цвѣта и при солнечномъ сіяніи всѣ звѣзды ясно видимы. Далеко къ сѣверу видѣлъ я на горизонтѣ, какую-то полосу ослѣпительной бѣлизны : это была южная оконечность предѣла вѣчныхъ льдовъ; а какъ аэростатъ мой несся вверхъ по этому направленію, то я и надѣялся ближе разсмотрѣть эти страны.

День этотъ не обозначенъ ничѣмъ особеннымъ. Всѣ мои аппараты дѣйствовали хорошо; шаръ поднимался правильно и постоянно. Въ комнатѣ моей было очень-холодно и я долженъ былъ надѣть шубу.

Когда ночь покрыла землю, я улегся опять спать, и гидравлическіе часы мои опять постоянно будили меня каждый часъ. Я такъ хорошо къ этому привыкъ, что нисколько не утомлялся этимъ.

4-го апрѣля. — Когда я всталъ и взглянулъ на море, то удивился измѣненію цвѣта его : темно-синій цвѣтъ превратился теперь въ сѣрый, ослѣпительнаго блеска. Выпуклость океана сдѣлалась такъ ясна, что на горизонтѣ вода, казалось, падала въ огромную бездну, такъ-что я невольно прислушивался : не слышно ли паденія этого водопада. Острова ужь не были видны. Полоса льдовъ на сѣверѣ дѣлалась ежеми-

нутно болѣе и болѣе видимою. Холодъ, который я вчера ощущалъ, сдѣлался гораздо-слабѣе. Впрочемъ, не произошло ничего особенно-замѣчательнаго. Я читалъ и писалъ весь день.

5-го апрѣля. — Съ величайшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на восходъ солнца на *моемъ* горизонтѣ, тогда-какъ вся земля была еще во мракѣ. Постепенно освѣтилась и земля подо мною, и я увидѣлъ явственно полосу полярныхъ льдовъ. Странно, что она казалась темнѣе, нежели отблески остальнаго океана. Я видимо приближался къ этой полосѣ. Сверхъ-того, на востокѣ и на западѣ видна была мнѣ какая-то земля; но этотъ видъ былъ довольно-неопредѣленъ. Впрочемъ, температура была довольно-тепла. Особеннаго ничего не случилось. Я рано улегся спать.

6-го апрѣля. — Съ изумленіемъ разсматривалъ я полосу вѣчныхъ льдовъ, далеко-простирающуюся къ сѣверу Я очевидно приближался къ сѣверному полюсу. Къ-вечеру горизонтъ моего зрѣнія вдругъ удивительно расширился, вѣроятно, по причинѣ формы земнаго шара, составляющаго сжатый сфероидъ, и потому, что я находился надъ этою сжатостью у сѣвернаго полюса. Къ-вечеру легъ я спать, но, признаюсь, боялся пролетѣть черезъ полюсъ, не разсмотрѣвъ этой любопытной страны.

7-го апрѣля. — Рано всталъ я и съ восторгомъ, при первомъ взглядѣ, увидѣлъ себя надъ сѣвернымъ полюсомъ. Къ-сожалѣнію, я былъ на такой высотѣ, что трудно было разсмотрѣть подробности. Разсчитывая съ той минуты, какъ ртуть барометра упала въ чашку и до четырехъ часовъ утра 7 числа апрѣля, я, по самымъ умѣреннымъ счисленіямъ, находился на высотѣ 7254 миль отъ уровня моря, а въ-самомъ-дѣлѣ я былъ гораздо-выше. Я теперь видѣлъ большую половину земнаго полушарія. Она представлялась мнѣ въ видѣ географической карты, опоясаной экваторомъ, составлявшимъ теперь горизонтъ моего зрѣнія, а потому сѣверный полюсъ, прямо подо мною находящійся, и не могъ быть сверху хорошо разсмотрѣнъ. Вся эта страна представляла сплошную льдину, которая, однакожь, къ самому полюсу понижалась и у самаго полюса оканчивалась кругообразнымъ углубленіемъ, котораго діаметръ, видимый съ моего шара, составлялъ уголъ въ 65 секундъ. Это углубленіе представляло на этомъ пространствѣ темное пятно, отличающееся отъ яркаго свѣта прочей полосы. Въ самый полдень круговидное пятно это казалось менѣе, а въ семь часовъ вечера я потерялъ его совсѣмъ изъ вида, потому-что шаръ мой, пройдя чрезъ западную оконечность льдовъ, взялъ направленіе къ экватору.

8-го апрѣля. — Я замѣтилъ видимое уменьшеніе въ діаметрѣ земли. Цвѣтъ и видъ этой планеты совершенно измѣнился. Вся видимая поверхность ея была желто-палевая, кромѣ нѣкоторыхъ частей, которыя блистали чрезвычайнымъ свѣтомъ. Часто видъ этотъ былъ затемняемъ облаками въ низшихъ слояхъ атмосферы, сквозь которыя только изрѣдка была видна поверхность земли. Это неудобство становилось ужь два дни часъ-отъ-часу ощутительнѣе. Я могъ однако посредствомъ телескопа убѣдиться, что шаръ мой летитъ теперь надъ большими озерами

Америки и что я быстро подвигаюсь къ тропикамъ. Это меня очень-обрадовало.

Признаюсь, что, при началѣ воздушнаго путешествія, я опустилъ изъ виду одно весьма-важное обстоятельство, и еслибъ аэростатъ мой продолжалъ подниматься все къ сѣверу, я бы никогда не попалъ на луну; я забылъ, что лунная орбита наклонена къ эклиптикѣ только на 5° 8′ 48″. Ужь на третій день путешествія своего вспомнилъ я о своей грубой ошибкѣ. Мнѣ бы непремѣнно надобно было отправиться съ такой точки земнаго шара, которая лежитъ на площади луннаго эллипсиса. Но, вопервыхъ, мнѣ не пришло въ голову это обстоятельство, а вовторыхъ, мнѣ нельзя было выбирать точки отправленія. Теперь же направленіе, принятое аэростатомъ, было самое выгодное.

9-го апрѣля. — Діаметръ земли еще болѣе уменьшился. Поверхность планеты приняла болѣе-желтый свѣтъ. Шаръ мой продолжалъ свое направленіе къ югу. Въ девять часовъ вечера видѣлъ я, что нахожусь надъ Мехиканскимъ Заливомъ.

10-го апрѣля. Я внезапно былъ пробужденъ около пяти часовъ утра сильнымъ трескомъ, котораго не могъ объяснить. Этотъ трескъ продолжался очень-недолго и вокругъ меня ничего не было, что̀ бъ могло объяснить мнѣ причину его. Я, разумѣется, очень испугался; бросился смотрѣть, не разорвался ли шаръ? Все было въ прежнемъ порядкѣ и спокойствіи вокругъ меня. Во весь день придумывалъ я причины треска, но все было безполезно; съ нѣкоторымъ страхомъ легъ я опять.

11-го апрѣля. — Діаметръ земли чрезвычайно-уменьшился и я въ первый разъ замѣтилъ, что, напротивъ-того, лунный значительно увеличился. Тогда полнолуніе было близко и видъ луны былъ великолѣпенъ. Наружный воздухъ вѣрно сдѣлался еще рѣже, потому-что работа сгущенія его аппаратомъ сдѣлалась труднѣе и продолжительнѣе.

12-го апрѣля. — Аэростатъ мой принялъ новое направленіе, которое я впрочемъ, предвидѣлъ. Достигнувъ до 20° южной широты, онъ вдругъ подъ острымъ угломъ повернулъ къ востоку, держась все почти въ планѣ луннаго эллипсиса. Отъ этой перемѣны направленія, шаръ получилъ на нѣсколько часовъ качательное движеніе, не переставая однакожь подниматься кверху.

13-го апрѣля. — Я опять былъ испуганъ точно такимъ же трескомъ, какой слышалъ 10-го числа. Опять думалъ я долго и не могъ догадаться.

Діаметръ земли становился все меньше и меньше, такъ-что, относительно къ аэростату, составлялъ уголъ не болѣе 25°.

Луну я не могу теперь видѣть, потому-что она въ самомъ зенитѣ надо мною. Аэростатъ мой держится все въ томъ же планѣ, тихо подвигаясь къ востоку.

14-го апрѣля. — Быстрое уменьшеніе видимаго діаметра земли. Я увѣренъ, по моимъ исчисленіямъ, что шаръ мой поднимается вверхъ, направляясь къ перигелію, то-есть, что онъ летитъ прямо на встрѣчу къ точкѣ лунной орбиты, ближайшей къ землѣ. Сама луна попрежнему скрыта отъ меня вертикальнымъ положеніемъ.

Сгущеніе воздуха посредствомъ аппарата требуетъ все такого же труда.

15-го апрѣля.—На поверхности земли, трудно ужь отличить окраины материковъ и морей.

Около полудня услышалъ я въ третій разъ страшный трескъ, который на этотъ разъ былъ сильнѣе прежняго. Лодка моя сильно зашаталась. Съ ужасомъ увидѣлъ я въ окно, что съ быстротою молніи и съ громовымъ трескомъ летитъ мимо меня огромная воспламененная масса. Тутъ только понялъ я, что это—то самое явленіе, которое мы на землѣ называемъ воздушными камнями, болидами, аэролитами, о происхожденіи которыхъ догадываемся, что они составляютъ цѣлую міровую полосу астероидъ, которые безпрестанно совращаются съ своихъ орбитъ и падаютъ на нашу землю то въ видѣ падающихъ звѣздъ, то огненныхъ шаровъ, то воздушныхъ камней. Вотъ ужасная встрѣча для воздухоплавателя, которую ничѣмъ нельзя отвратить!

16-го апрѣля.—Несмотря на объемъ аэростата, мѣшающаго мнѣ видѣть луну въ вертикальномъ ея положеніи, я замѣтилъ однако, что дискъ ея видѣнъ даже въ боковыя окна, слѣдственно, видимый діаметръ ея чрезвычайно увеличился: значитъ, я ужь приближался къ цѣли моего опаснаго путешествія.

Работа сгущенія воздуха сдѣлалась нестерпимою. Я почти совсѣмъ не сплю. Я утомился и ослабѣлъ. Едва-ли я долго перенесу эти страданія.

Сегодня ночью (я не знаю можно ли назвать ночью коротенькій промежутокъ времени, въ который солнце скрывается за небольшимъ діаметромъ земли), опять пролетѣлъ мимо меня воздушный камень. Ужасная мысль! Если подобный метеоръ попадетъ въ мой аэростатъ!..

17-го апрѣля.—Нынѣшнее утро было замѣчательною эпохою въ моемъ путешествіи. Еще 13-го числа видѣлъ я землю подъ угломъ 25°; 14-го числа уголъ этотъ еще болѣе уменьшился, а 16-го, вчера составилъ ужь не болѣе 7° 15′. Ка̀къ же выразить мое изумленіе и мой страхъ, когда, проснувшись поутру и по обычаю взглянувъ въ нижнее окно, увидѣлъ я подъ собою огромный шаръ въ 390°, занимавшій то самое мѣсто, гдѣ вчера была земля. Я совсѣмъ растерялся; идеи мои смѣшались; волосы встали дыбомъ отъ ужаса. Значитъ, подумалъ я, аэростатъ мой лопнулъ, и я въ короткій промежутокъ моего сна полетѣлъ опять внизъ на землю, къ которой теперь былъ ужь такъ близокъ, что казалось черезъ десять минутъ ударюсь объ нее и разобьюсь въ-дребезги. Это была моя первая мысль.

Черезъ минуту однакожь я опомнился. Не было никакой физической возможности такъ быстро возвратиться къ землѣ даже со скоростью пушечнаго ядра... Я сталъ разсуждать, всматриваться, схватилъ телескопъ и обратилъ его на видимый подо мною дискъ.

Это была не земля! Поверхность этого диска не представляла ничего похожаго на землю. Осмотрѣвъ весь горизонтъ вокругъ себя, увидѣлъ я изъ-за аэростата своего землю; а то, что̀ было подо мною и къ чему я теперь быстро подвигался—была луна.

Да̀! это была луна во всемъ своемъ великолѣпіи!

Во время сна шаръ мой перевернулся отъ притягательной силы луны. Это было очень-естественно и неминуемо; я это даже предвидѣлъ, но никакъ не могъ разсчесть, на какой-именно точкѣ случится этотъ переворотъ. Какъ мнѣ теперь жаль было, что я проспалъ эту важную минуту! хотя и очевидно, что переворотъ долженъ былъ произойдти медленно, безъ потрясенія, такъ-что, можетъ-быть, еслибъ я и не спалъ, то не замѣтилъ его.

Съ какимъ восторгомъ сталъ я теперь разсматривать луну! Она лежала передо мною какъ географическая карта. Хотя мнѣ еще и далеко было до нея, но всѣ очерки неровностей на ея поверхности были весьма-явственно видимы. Совершенное отсутствіе морей, озеръ, рѣкъ и вообще всякой воды поразило меня болѣе всего, и однакожь я видѣлъ обширныя долины, повидимому намывныхъ породъ, а еще болѣе видны были на всемъ пространствѣ полушарія огромныя цѣпи горъ. Многія изъ нихъ вулканическаго свойства и извергали огонь. Но вообще всѣ горы казались скорѣе произведенными искусствомъ, нежели природою. Самыя высокія не превосходили $3^3/_4$ миль.

18 Апрѣля. Видимый діаметръ луны такъ быстро увеличивается, что я ощутилъ сильный страхъ. Несмотря на общепринятое мнѣніе, что луна совершенно лишена атмосферы, я твердо увѣренъ, что эта атмосфера существуетъ, хотя въ разрѣженномъ видѣ, и потому я безопасно могу спуститься на поверхность нашего спутника.

Я указалъ вамъ на нѣкоторыя причины моего предположенія; сверхъ-того, еще до меня Шретеръ и Лиліенталь видѣли во время зарожденія новой луны одни рога ея, освѣщенные солнцемъ, тогда-какъ все прочее было невидимо, слѣдственно надобно было предполагать какое-нибудь существованіе воздуха, отражавшаго свѣтъ отъ темной части луны, освѣщенной солнцемъ.

19 Апрѣля. Въ девять часовъ утра былъ я ужь въ самомъ близкомъ и страшномъ разстояніи отъ луны, какъ вдругъ конденсаторъ мой обнаружилъ, что свойство наружнаго воздуха измѣнилось. Въ десять часовъ увидѣлъ я, что густота атмосферы еще болѣе увеличилась. Въ одиннадцать аппаратъ дѣйствовалъ ужь легко, и я сталъ спускаться тише. Наконецъ въ полдень рѣшился я отвинтить верхъ моего мѣшка и спустить его.

Со мною тотчасъ же сдѣлались въ груди спазмы и головная боль, но я почувствовалъ, что чѣмъ ниже спускаюсь, тѣмъ мнѣ легче дышать. Впрочемъ, для безопасности, выбросилъ я весь остальной балластъ.

Я ужь летѣлъ надъ какою-то массою строеній и рѣшился спуститься.

Видъ города былъ самый фантастическій, а жители чрезвычайно-безобразны. Они очень-малы ростомъ, толсты, и ни одинъ не тронулся съ мѣста, чтобъ помочь мнѣ.

Въ эту минуты взглянулъ я наверхъ: надо мною сіяла *Земля.* Она была похожа на большой мѣдный щитъ, величиною два градуса въ діаметрѣ. Одинъ край ея украшенъ былъ золотымъ блестящимъ серпомъ—это было *новоземліе*, тогда-какъ на землѣ было *полнолуніе.* Но

и въ самый телескопъ не видно было ни земли, ни воды, а одни пестрыя пятна, а отъ экватора до тропиковъ — параллельныя туманныя полосы.

Теперь я бы долженъ былъ разсказать вамъ, г. бургомистръ, все пятилѣтнее мое пребываніе на лунѣ, но письмо мое и такъ ужь длинно. Въ будущемъ я постараюсь обо всемъ въ-подробности васъ увѣдомить. Предупреждаю заранѣе, что и второе письмо будетъ некороче. Я здѣсь видѣлъ и испыталъ слишкомъ-много чудесъ, и поверхностно говорить о нихъ не буду.

Я разскажу вамъ подробно объ удивительномъ климатѣ луны; о двухнедѣльномъ жарѣ ея и холодѣ; о противоположной сторонѣ ея, которая никогда не видала земли; о періодическомъ появленіи здѣсь воды, о самихъ жителяхъ; о нравахъ ихъ, обычаяхъ, умственныхъ понятіяхъ, объ организмѣ ихъ, о томъ, что у нихъ нѣтъ ушей и дара слова, о способѣ ихъ сообщать другъ другу мысли и пр.

Но теперь кончу мое длинное посланіе тѣмъ, что я, проживъ здѣсь пять лѣтъ, не соскучился; что подружился со многими жителями; что они очень-хорошо поняли, откуда я и какъ прибылъ; что на лунѣ я нашелъ новые источники для добыванія еще легчайшаго газа; что я передъ жителями производилъ много опытовъ воздушныхъ путешествій, пріохотилъ ихъ къ этимъ опытамъ и, наконецъ, одинъ смѣльчакъ изъ нихъ вызвался самъ отправиться на землю. Я ему приготовилъ всѣ аппараты въ лучшемъ видѣ противъ своихъ, растолковалъ все нужное и далъ ему письмо къ вамъ.

Прошу васъ сообщить его нашимъ роттердамскимъ ученымъ, которые всегда сомнѣвались въ возможности путешествія на луну: я доказалъ этимъ господамъ на-дѣлѣ, что это очень-можно.

Если мой лунный другъ остановится у васъ, примите его хорошенько, но не задерживайте: Ему нужно скоро возвратиться домой. Впрочемъ, едва-ли онъ рѣшится сойдти на землю. Видъ людей покажется ему страннымъ и колоссальнымъ. Въ этомъ случаѣ я просилъ его бросить письмо и летѣть обратно. Послѣ первой удачной поѣздки, вѣрно найдется много охотниковъ доставить вамъ второе письмо мое.

Гансъ Пфаль.

Долго разсуждалъ бургомистръ и ученые обо всемъ, что прочли; много спорили они о вѣроятности и невозможности всего разсказаннаго въ письмѣ, и, какъ всегда случается въ спорахъ, ничѣмъ не рѣшили, а всякій остался при своемъ мнѣніи. Письмо вездѣ разошлось. Многіе пожимали плечами; потомъ прошелъ слухъ, что Гансъ Пфаль давно ужь живетъ въ Калифорніи, а описаніе этого путешествія на Луну написалъ какой-то ученый фантазёръ, одни говорятъ длятого, чтобъ посмѣяться надъ легковѣрными, а другіе—для того, чтобъ доказать будущимъ столѣтіямъ, что въ XIX думали ужь о путешествіи на луну.

═

РАЗСКАЗЫ ПРОѢЗЖАГО

о странствованіяхъ по Заволжью, Уралу и по Волгѣ.

Статья девятая.

X.

Башкирцы.

Башкирцы, какъ ужь замѣчено, входятъ въ составъ такъ-называемаго Башкиро-Мещеряцкаго Казачьяго Войска, управляемаго отдѣльнымъ начальникомъ и раздѣляющагося на Башкирцовъ и на Мещеряковъ.

Населеніе собственно-башкирскаго войска состоитъ изъ людей разныхъ племенъ, изъ настоящихъ Башкирцовъ и изъ мухаммеданъ, именующихся Башкирцами только потому, что они записались въ Башкирцы, въ башкирское войско. Такимъ-образомъ между Башкирцами можно встрѣтить: 1) Киргизовъ, вышедшихъ изъ степи, добровольно-покинувшихъ прежнія кочевья и пожелавшихъ нести казачью службу; они находятся въ седьмомъ и десятомъ башкирскихъ кантонахъ; 2) Татаръ Оренбургскихъ въ десятомъ и бывшихъ нагайскихъ въ десятомъ и тринадцатомъ башкирскихъ кантонахъ; 3) Вотяковъ—вотяцкія физіономіи, особенно у женщинъ, весьма-рѣзко бросаются въ глаза въ сѣверной части десятаго башкирскаго кантона; 4) омусульманенную Черемису, издавна-вышедшую съ береговъ Черемшана, Волги и Камы; преданіе объ этомъ сохранилось между Башкирцами перваго кантона въ Осинскомъ Уѣздѣ Пермской Губерніи; наконецъ, между Башкирцами же мы найдемъ и 5) омусульманенныхъ Калмыковъ торгоутскаго племени, именно въ шестомъ башкирскомъ кантонѣ, въ Челябинскомъ Уѣздѣ, и 6) чистыхъ Мещеряковъ, то-есть омусульманенную Мещору, издавна-вышедшихъ изъ-за Волги, пріютившихся въ Башкиріи и, при благовидныхъ обстоятельствахъ, превратившихся изъ припущениковъ въ хозяевъ.

Башкирцы сами себя, и то коренныхъ только своихъ соплеменниковъ, называютъ «Ба̀шкуртъ», прочимъ же, именующимся Башкирцами иноплеменникамъ они даютъ общее названіе, «Миша̀рь». Слово «Ба̀шкуртъ» или «Башку̀ртъ» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ звучитъ нѣсколько-иначе. Намъ привелось изъ устъ женщинъ десятаго кантона слышать это названіе въ другой формѣ, именно «Паскуртъ» и «Паскиртъ» · не можетъ быть, чтобъ я обслышался; иначе я не обратилъ бы на это слово вниманія и не ввелъ бы этого замѣчанія въ свой дневникъ, помня о «Паскатирахъ» Рубруквиса.

Какъ вмѣстѣ съ Башкирцами считаются заодно и другіе иноплеменники, такъ и сами Башкирцы попадаются не въ одной Башкиріи.

Коренныхъ Башкирцовъ мы находимъ, вопервыхъ, между уральскими казаками, гдѣ составляютъ они особое башкирское отдѣленіе; вовторыхъ между оренбургскими казаками, гдѣ они живутъ смѣшанно съ русскими; втретьихъ, наконецъ, Башкирцовъ немудрено встрѣтить и между киргизскими родовичами.

Всѣ именующіеся собственно-Башкирцами инородцы, входящіе въ составъ Башкирскаго Казачьяго Войска, раздѣлены на тринадцать кантоновъ; нѣкоторые изъ нихъ лично несутъ казачью службу; другіе, вмѣсто того, обложены денежнымъ сборомъ; третьи, вслѣдствіе давности этого сбора, успѣли ужь совершенно отвыкнуть отъ воинскихъ занятій. Существенное юридическое отличіе этого казачьяго сословія отъ другихъ подобныхъ, состоитъ въ томъ, что Башкирцы, за проступки и преступленія, внѣ воинской службы учиненныя, кромѣ конокрадства, судились не военнымъ, а гражданскимъ судомъ.

Въ земляхъ русскихъ казачьихъ сословій мы встрѣчаемъ два противоположные отдѣла населенія: казаковъ и крѣпостныхъ людей, особенно у Донцевъ; у Башкирцовъ крѣпостнаго сословія нѣтъ; припущенники въ Донской Землѣ подчинились крѣпостному праву вотчинниковъ-казаковъ; припущенники Башкирцовъ, состоявшіе изъ разнаго сброда финскихъ племенъ, составили впослѣдствіи отдѣльную массу народа, извѣстную подъ названіемъ «Сословія Тептярей и бобылей», съ уничтоженіемъ когда-то существовавшихъ тептярскихъ полковъ, естественнымъ образомъ обратившихся въ государственныхъ крестьянъ, какими они сами себя ужь давно привыкли считать. Наши казаки состоятъ изъ двухъ разрядовъ людей: изъ казаковъ (то-есть рядовыхъ казаковъ и урядниковъ) и чиновниковъ (отъ перваго оберофицерскаго чина и до полнаго генерала). У Башкирцовъ мы находимъ три разряда, въ слѣдующей градаціи: I. казакъ и урядникъ; II. за-урядъ хорунжій, за-урядъ сотникъ, за-урядъ эсаулъ, имѣющіе право на офицерскій мундиръ и эполеты, но несчитающіеся еще оберофицерами; III. затѣмъ Башкирцовъ производятъ въ хорунжіе (корнеты), сотники (поручики), въ эсаулы (ротмистры), въ старшины (майоры), подполковники, полковники и генералы. Изъ Закавказскихъ Татаръ у насъ многіе дослуживаются до чина военныхъ генераловъ; есть даже полные генералы; Башкирцевъ же выше полковниковъ я не встрѣчалъ.

Всѣ Башкирцы, по различію образа жизни, раздѣляются на полукочевыхъ и на осѣдлыхъ.

Башкирцы *перваго* кантона всѣ осѣдлые. Они раздѣлены на девять юртъ; каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень; восемь юртъ расположены въ Осинскомъ Уѣздѣ Пермской Губерніи, девятая—въ Пермскомъ Уѣздѣ. Народонаселеніе ихъ: 8,403 души мужескаго пола и 7,472 души женскаго, духовенства 55 человѣкъ мужеск. пола. (Приводимые здѣсь итоги, основаны на оффиціальныхъ данныхъ, касающихся 1849 года и сообщенныхъ намъ главнымъ начальникомъ края. Такъ-какъ въ собраніи данныхъ я имѣлъ въ виду только статистическія и этнографическія свѣдѣнія о Башкирцахъ какъ о воинскомъ сословіи, то само-собою разумѣется, что исчисленія Башкирцевъ, носящихъ ору-

жіе и несущихъ дѣйствительную военную службу, до меня не могло касаться.)

Второй кантонъ, тоже съ осѣдлымъ народонаселеніемъ, состоитъ изъ четырехъ юртъ, расположенныхъ въ Екатеринбургскомъ и трехъ юртъ, лежащихъ въ Красноуфимскомъ Уѣздахъ Пермской Губерніи; всего 6,444 души мужескаго и 5,738 душъ женскаго пола; духовныхъ 70 человѣкъ.

Третій кантонъ весь лежитъ въ Шадринскомъ Уѣздѣ Пермской же Губерніи; 8,913 душъ мужескаго пола и 8,221 женскаго; духовныхъ 64 человѣка. Изъ числа одиннадцати юртъ этого кантона, двѣ населены полукочевымъ племенемъ, а три юрты оффиціально называются «Мещеряками третьяго башкирскаго кантона».

Четвертый кантонъ, весь полукочевой, расположенъ въ восточной части Троицкаго Уѣзда Оренбургской Губерніи; раздѣленъ на девять юртъ и состоитъ изъ 5,712 душъ мужескаго и 6,481 души женскаго пола, духовныхъ 60 человѣкъ.

Пятый кантонъ, весь осѣдлый, расположенъ въ томъ же уѣздѣ, но на западъ отъ горныхъ заводовъ; онъ состоитъ изъ шести юртъ; часть обитателей шестой юрты этого кантона оффиціально числится Мещеряками; все населеніе состоитъ изъ 6,022 душъ мужескаго и 5,610 душъ женскаго пола; духовныхъ 72 человѣка.

Шестой кантонъ, отчасти полукочевой, отчасти осѣдлый, расположенъ въ Челябинскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; въ немъ 18,016 душъ мужескаго и 16,110 душъ женскаго пола; духовнаго 149 человѣкъ.

Седьмой кантонъ, состоящій преимущественно изъ горцевъ, весь полукочевой; онъ раздѣляется на тридцать юртъ; всѣ онѣ находятся въ Верхнеуральскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; народа считается 26,842 мужчины и 25,686 женщинъ; духовныхъ 210 человѣкъ.

Восьмой кантонъ, лежащій въ Стерлитамацкомъ Уѣздѣ, раздѣляется на двадцать-пять юртъ; изъ нихъ обитатели трехъ юртъ — горцы, а остальные—степные Башкирцы, жилища которыхъ расположены въ степныхъ, далекихъ отъ горъ, отъ лѣса, мѣстахъ. Въ немъ 23,542 души мужескаго пола и 22,794 души женскаго; духовныхъ 263 человѣка. Образъ жизни полукочевой.

Девятый кантонъ лежитъ въ Уфимскомъ Уѣздѣ; раздѣленъ на четырнадцать юртъ. Жители лѣтомъ ведутъ кочевую жизнь. Всего ихъ считается 12,342 души мужескаго пола и 11,191 женскаго; духовныхъ 155 человѣкъ.

Десятый кантонъ почти весь полукочевой; онъ состоитъ изъ сорока-одной юрты: изъ нихъ въ Оренбургскомъ Уѣздѣ находится тридцать-семь, въ томъ числѣ одна юрта осѣдлая; три юрты (2,248 душъ муж. пола и 2,041 д. женскаго) въ Бузулуцкомъ Уѣздѣ Самарской Губерніи, и одна юрта (865 душъ муж. п. и 835 душъ женскаго пола) въ Стерлитамацкомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; народонаселеніе этого кантона состоитъ изъ 43,152 душъ мужескаго и 39,724 женскаго пола; духовныхъ 392 человѣка. Одна юрта этого кантона, заключающая въ себѣ Каргалу или Сеитовскій Посадъ (всего 1,414 д. муж.

и 1,511 д. женск. пола) состоитъ изъ Татаръ разныхъ наименованій и изъ потомковъ смѣси племенъ, въ небольшомъ числѣ вышедшихъ изъ разныхъ владѣній Средней Азіи и, въ половинѣ прошлаго столѣтія, поселившихся около Оренбурга.

Одиннадцатый кантонъ весь осѣдлый и весь лежитъ въ Бирскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи; онъ состоитъ изъ двадцати семи юртъ и содержитъ съ себѣ 30,850 душъ муж. и 27,868 душъ женскаго пола; духовныхъ 314 чел. муж. пола.

Двѣнадцатый кантонъ, тоже весь осѣдлый; народа въ немъ считается 25,683 души мужескаго пола и 25,046 душъ женскаго; духовныхъ 280 человѣкъ; онъ раздѣляется на двадцать-пять юртъ; изъ нихъ двадцать-двѣ расположены въ Мензелинскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи, двѣ юрты (1,513 д. муж. и 1,510 жен. пола) въ Елабужскомъ Уѣздѣ Вятской Губерніи и одна юрта (933 д. муж. и 908 д. жен. пола) въ Сарапульскомъ Уѣздѣ той же губерніи.

Въ тринадцатомъ башкирскомъ кантонѣ считается 29,837 д. муж. п. и 28,505 д. жен. п.; духовныхъ 337 человѣкъ. Въ этомъ кантонѣ двадцать-девять юртъ: одна юрта (1,475 душъ муж. и 1,522 женскаго) находится въ Бугурусланскомъ Уѣздѣ Самарской Губерніи; пять юртъ (2,934 д. муж. и 2,998 д. жен. пола) въ Бугульминскомъ Уѣздѣ той же губерніи, а остальныя двадцать-три юрты расположены въ Белебеевскомъ Уѣздѣ Оренбургской Губерніи. Почти весь кантонъ осѣдлый; только обитатели юртъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Дёмѣ, лѣтомъ ведутъ кочевую жизнь. Въ числѣ осѣдлыхъ Башкирцевъ Белебеевскаго Уѣзда, находятся и потомки выбѣжавшихъ до 1752 года изъ плѣна отъ Киргизовъ разноплеменныхъ выходцевъ Средней Азіи, въ числѣ которыхъ были Хивинцы, Бухарцы, Афганцы, Персіяне, даже Турки и Арабы. Въ то время прибыло этихъ киргизскихъ плѣнниковъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ; третья часть изъ нихъ обращена въ христіанство и, подъ именемъ крещеныхъ Татаръ, поселена около Нагайбацкой Крѣпости, основанной еще въ 1736 году и заселенной тоже съизстари крещеными Татарами. Потомки этихъ крещеныхъ Татаръ, переведены были оттуда въ новѣйшія времена за рѣку Уралъ, въ бывшую Киргизскую Степь, въ Землю Оренбургскаго Казачьяго Войска, въ которомъ они въ настоящее время и числятся.

У всѣхъ Башкирцевъ есть свои родовыя тамги; если семья раздѣляется, то родовая тамга хотя и остается прежняя, напримѣръ: у двухъ родныхъ братьевъ, но каждый кладетъ на своей тамгѣ особую отличку, какую-нибудь черточку, или другой значокъ.

Прежде, чѣмъ мы подведемъ итогъ нынѣшней численности такъназываемыхъ вообще Башкирцовъ, взглянемъ на итоги народонаселенія за прежнее время.

Рычковъ, писавшій въ 1760 году знаменитую, доселѣ первостепенную «Оренбургскую Топографію» и съ трудами котораго по этой части далеко не сравнялись ни чьи еще труды, говоритъ, что, по присланнымъ отъ провинціальныхъ воеводъ вѣдомостямъ, Башкирцовъ, по одному развѣдыванію, а не по переписи, показано:

въ Уфимской Провинціи	86,384	душ.	обоего	пола
въ Исетской Провинціи.	19,792	—	—	—
всего	106,176	—	—	—

По дворовому же исчисленію, въ одной Уфимской Провинціи, кромѣ обитавшихъ за рѣкой Ураломъ Башкирцовъ, по старшинскимъ вѣдомостямъ считалось 8,892 двора.

По переписи 1782 года Башкирцовъ числилось 69,482 души мужескаго пола.

Неизвѣстный авторъ одной рукописи, относящейся къ 1799 году, такимъ образомъ высчитываетъ мухаммеданское и инородческое населеніе края:

князей и дворянъ	80
купцовъ и торговыхъ Татаръ.	1,116
ясашныхъ Татаръ.	16,361
ясашныхъ тархановъ. . . .	19
помѣщичьихъ людей и крестьянъ.	515
казаковъ	3,180
сартъ	415
салтанаульскихъ мурзъ . . .	755
служилыхъ тархановъ . . .	874
служилыхъ Татаръ	7,622
Чувашъ некрещеныхъ, крест.	18,000
Чувашъ служилыхъ	259
некрещенной Мордвы . . .	16,457
Мещеряковъ	17,618
Тептярей	49,899
Башкирцовъ	80,244

По ревизіи 1816 года Башкирцовъ считалось	120,431	д.	муж.	пола
По отчетамъ за 1849 годъ ихъ было . . .	245,758	—	—	—
	230,446	—	жен.	—
	476,204	—	обоего	пол.

Башкирцы добровольно покорились Россіи въ XVI столѣтіи, вслѣдъ за покореніемъ нами Казанскаго Царства; тогда же, для надзора за ними, среди дикихъ башкирскихъ лѣсовъ заложенъ былъ городъ Уфа. Во внутреннее управленіе народомъ правительство встарину не входило; а для удержанія его въ тишинѣ и спокойствіи довольствовалось только тѣмъ, что отбирало отъ Башкирцовъ аманатовъ и изстари строго воспрещало Русскимъ селиться въ Башкиріи. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича (глава XVI, ст. 43) было именно сказано: «Всякихъ чиновъ русскимъ людемъ у Башкирцовъ земель не покупать, и не мѣнять, и въ закладъ, и здачею, и въ наемъ на *многіе годы* не имать. А будетъ которые люди учнутъ земли тѣ имать здачею, или покупать, или въ закладъ, или въ наемъ на многіе лѣта имать, и у тѣхъ всякихъ чиновъ людей тѣ татарскія помѣстные и ясачные земли имать на Государя, да имъ же за то отъ государя быть въ опалѣ.»

Башкирцы встарину занимали своими кочевьями какъ нѣкоторыя нынѣшнія обиталища Оренбургской Губерніи, такъ и простран-

ства за рѣкою Ураломъ, вошедшія впослѣдствіи времени въ составъ такъ-называвшейся Киргизской Степи; но еще тѣснѣе жались они въ нынѣшней Пермской Губерніи. Земли забирали они отчасти своевольно, отчасти испрашивая на нихъ грамматы; грамматы эти давались имъ воеводами и давались щедро: проситель обозначалъ прослышанныя имъ живыя урочища, обѣщался платить положенный ясакъ лисицами и куницами, бобровыми шкурами и медомъ, кланялся челомъ воеводѣ—и получалъ во владѣніе себѣ съ родомъ своимъ, или съ такими-то товарищами, цѣлую область, раскинутую на пространствѣ нѣсколько сотъ, а иногда даже и тысячъ квадратныхъ верстъ.

Между-тѣмъ, въ центрѣ Башкиріи, около города Уфы, выдѣлялись обширныя земли, выдававшіяся въ жалованье и въ помѣстья государевымъ служилымъ людямъ, а потомъ башкирскія земли отбирались подъ устройство крѣпостей, редутовъ и фельдшанцовъ для бывшей закамской черты; кромѣ-того, промышленики и служилые люди, основавшись въ пермской землѣ, вытѣсняли оттуда Башкирцовъ и заставляли ихъ искать другихъ обиталищъ и такимъ-образомъ распространяться все южнѣе и южнѣе отъ прежнихъ мѣстъ кочевья.

Башкирцы съизстари успѣли выказать весь неспокойный нравъ свой. Нѣкоторые изъ нихъ, въ началѣ шестисотыхъ годовъ, принимали участіе въ замыслахъ властолюбивыхъ внуковъ бывшаго сибирскаго царька Кучума; нѣкоторые дѣйствовали заодно съ возмущавшимися тайшами сосѣдственныхъ калмыцкихъ племенъ; нѣкоторые, просто пускались на грабежъ нашихъ пограничныхъ селеній. Еще и тогда были получаемы воеводами наказныя царскія грамматы объ обезоруженіи тѣхъ изъ нихъ, которые обзавелись огнестрѣльнымъ оружіемъ не на бой съ дикими ордами кочевниковъ зауральскихъ, а на враждебныя дѣйствія внутри Россіи; однакожь, распоряженія эти не касались Башкирцовъ, которые старательно несли пограничную службу и воевали съ непокорными Калмыками, Ногайцами и Киргизами. Башкирцы не всегда, однакожь, были вездѣ спокойны, и то тамъ, то здѣсь оказывали духъ своеволія и необузданности. Такъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ихъ усмирялъ стольникъ и воевода Зеленинъ, а въ 1707 году князь Шаховскій: воеводы эти дѣйствовали съ неравнымъ успѣхомъ.

Надо, однакожь, отдать справедливость Башкирцамъ въ томъ, что они никогда и не помышляли возставать противъ русскаго правительства: только нѣкоторые роды возмущались иногда противъ притѣснительныхъ дѣйствій частныхъ лицъ и по-большей-части мелочныя обстоятельства, совершенно-непредвидѣнныя, заставляли сосѣдствующіе съ первыми роды, принимать въ ихъ частныхъ схваткахъ преступное участіе. Все это, разумѣется, нисколько ихъ не оправдываетъ, но можетъ еще болѣе ихъ обвинить, потому-что само правительство съ примѣрною вѣротерпимостью и съ истинно-христіанскимъ милосердіемъ заботилось о благоденствіи Башкирцовъ. Такъ, напримѣръ, въ Указѣ 18 мая 1734 г. сказано: «Въ нарядѣ изъ Башкирцовъ — къ службѣ, а изъ Тептярей и бобылей—для работъ, поступать со всякою умѣренностью, чтобъ въ томъ никакой обиды и неуравненія не воспослѣдовало; а

понеже Башкирцы служили безъ жалованья, токмо имъ давалось въ жалованье сукна и деньги (а встарину и золотыя новгородки), ежели кто изъ непріятелей кого убьетъ и голову принесетъ, или живаго, взявъ въ полонъ, приведетъ, того ради и нынѣ служить имъ безъ жалованья... а подлымъ тептярямъ и бобылямъ, въ работѣ будучимъ, заработанныя деньги, или хлѣбъ на пропитаніе, по сколько разсудится... А Башкирцовъ отнюдь въ работу не наряжать и тѣмъ ихъ отъ охоты къ службѣ не озлоблять, ибо они служатъ и служить имѣютъ безъ жалованья, и на своихъ лошадяхъ и съ своимъ ружьемъ». Было даже сказано въ этомъ Указѣ, что, въ отношеніи «распорядка въ судѣ и правосудія смотрѣть на обычай каждаго народа, ка̀къ и почему въ коемъ народѣ правыя удовольства получаютъ, а винныхъ штрафуютъ, такъ и въ помянутыхъ судахъ уставить, ибо наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, чтобъ всѣ, кто бъ какой вѣры и народа ни былъ, справедливостью и судомъ скорымъ довольствовался и тѣмъ напрасныя озлобленія въ волокитахъ и незнающему нашихъ русскихъ судныхъ правъ народу неправые въ судѣ вымыслы (о которыхъ не токмо Нашему интересу поврежденіе происходить можетъ, но и Богу противно) пресѣчены были». Кажется, впрочемъ, что, касательно последней статьи, законъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе и остался только проектомъ.

Въ административномъ отношеніи, Башкирія въ то время раздѣлялась на четыре отдѣла или «дороги»: Башкирцы «Казанской Дороги» обитали въ странѣ, лежащей на пути отъ Уфы въ Казань; Башкирцы «Осинской Дороги» на пути изъ Уфы въ городъ Осу; «Ногайская Дорога» обозначала широкій путь изъ Уфы въ Киргизскія Степи, а «Сибирская Дорога» вела въ Сибирь, черезъ городъ Челябу. «Дороги» эти раздѣлялись на «волости» или роды, а волости на «тюбы» и «аймаки», или отдѣленія.

I. Казанская Дорога раздѣлялась на двѣнадцать волостей; волости эти были слѣдующія:

1) Каршинская: въ ней тюбы и аймаки Ак-башъ, Карганаръ и Кадряй.

2) Кайлинская: Идиль-Кайли, Кир-Кайли, Юрак-тау-Кайли и Ак-тау-Кайли.

3) Элдятская: Уфа-элдятъ, Кир-элдятъ и Бура-элдятъ.

4) Гирей или Кирей: Урман-кирей, Идиль-кирей.

5) Тогузларъ.

6) Еней.

7) Байляръ.

8) Дуванѐй: въ ней тюбы — Дуванѐй, Аджеево-Дуванѐй, Рысмекей, Бакай, Талбазинъ.

9) Иланъ: Кырк-Иланъ, Идиль-Иланъ, Бадракъ.

10) Зирян-юртъ.

11) Киргизъ и

12) Биляръ.

II. Осинская Дорога раздѣлялась на пять родовъ: Тазларъ, Уранъ, Уванышъ, Ирехтинскій и Гайнинскій.

III. Ногайская Дорога раздѣлялась на десять родовъ:

1) Минъ; въ ней тюбы и аймаки: Чубинъ, Кыркулинъ, Яик-субянъ, Кулы-минъ, Слыминъ, Ногай-ляр-минъ, Миркитъ, Уршекъ, Улькей-минъ, Саралинъ, Кубовскій, Ик-минскій.

2) Табынъ: Биш-ауль, Кси-табынъ, Урман-табынъ, Калчир табынъ, Кумрутъ, Дуван-табынъ, Малля-табынъ.

3) Юрматынъ: Мешер-юрматынскій, Тяльтинскій, Бакаевскій, Арларскій, Биш-Казанъ и Макарвскій.

4) Кыпчакъ, или Джиди-ру: Бусмаш-кыпчакъ, Суун-кыпчакъ, Чанким-кыпчакъ, Сарым кыпчакъ, Кара-кыпчакъ, Карагай-кыпчакъ и Таміан-кыпчакъ.

5) Бурзянъ: Жанса-бурзянъ, Карагай-бурзянъ, Дир-бурзянъ, Ногайляръ, Байулъ, Мумашъ, Емашъ.

6) Усерганъ: Ай-усерганъ, Джау-тюбя-усерганъ, Шишайляръ, Бишайляръ, Сурянъ, Чурашъ.

7) Тунгаурская: Урман-тунгауръ, Ялан-тунгауръ.

8) Таміанъ: Ик-таміанъ, Масаукъ, Малтыцкій, Коянеицкій.

9) Табынъ: Кубелякъ, Тлеу, Карагай, Кси, Емурантаянъ.

10) Катай: Идиль-катай, Кошек-катай, Инзер-катай, Кузгун-катай.

IV. Башкирцы Сибирской Дороги раздѣлялись на семь слѣдующихъ родовъ:

1) Кудеи: его тюбы были Урман-кудеи, Билекей-кудеи, Кир-кудеи, Шетан-кудеи, Усрак-кудеи, Урусбай-кудеи, Куллар-кудеи, Дуван-кудеи, Туркменъ, Лямес-туркменъ, Ногайляръ, Зюбберди.

2) Таныпъ: Кыр-таныпъ, Су-таныпъ, Унларъ, Кыр-унларъ, Су-унларъ, Балахчинъ, Байкинъ, Кайпанъ, Укунчинъ.

3) Айли: Илан-айли, Алчинъ, Упей, Дуванъ, Таз-дуванъ, Сызенъ, Ейрли, Мурзаляръ, Тарнакли, Каратаулы, Сартъ, Тюбелясъ, Чубли-сызга.

4) Куваканъ: Елан-куваканъ, Тау-куваканъ, Сатка-куваканъ, Сагит-куваканъ, Киркули-куваканъ.

5) Барын-Табынъ.

6) Кара-Табынъ: Айла-табынъ, Кукзюрряк-табынъ, Кыпчак-табынъ, Мусюл-табынъ, Акшураз-табынъ.

7) Башкирцы китайскаго рода, кочевавшіе за Ураломъ, раздѣлялись на отдѣленія: Бала-китай, Баллы-китай, Бучкуръ, Сынрянъ, Сызгинъ, Чирлинъ, Терсатъ, Бекатинъ, Чалжаутъ и Сартляръ.

Въ настоящее время это раздѣленіе осталось только въ преданіяхъ, и то не у всѣхъ Башкирцовъ.

Изъ приведенныхъ названій родовъ, изъ которыхъ многіе носятъ одно и то же названіе, что и у Киргизовъ, равномѣрно изъ общности обличія, языка, вѣры, образа жизни и нравовъ нѣкоторыхъ отдѣловъ обоихъ племенъ, нельзя не прійдти къ убѣжденію, что когда-то и то̀ и другое племя составляли вмѣстѣ одинъ народъ, и что только стеченіе постороннихъ обстоятельствъ разъединило эти части и обратило Башкирцовъ въ самое враждебное Киргизамъ племя. Почти до настоящаго времени Башкирцы были самые опасные и самые непримиримые враги Киргизовъ.

Въ башкиро-мещеряцкомъ войскѣ все народонаселеніе за 1849 годъ

исчислено въ 558,220 душъ обоего пола, именно 288,121 д. мужескаго и 270,099 д. женскаго. Земель, имъ принадлежащихъ, считается безмалаго тринадцать мильйоновъ десятинъ. На этихъ земляхъ, кромѣ Башкирцовъ и Мещеряковъ, живутъ, на правѣ припущенниковъ, поселяне постороннихъ вѣдомствъ въ числѣ 95,096 душъ по седьмой ревизіи; бо̀льшая половина ихъ, именно 51,859 душъ должны быть надѣлены изъ башкирской земли тридцатидесятинною пропорціею, остальныя 43,237 душъ пятнадцатидесятинною; за этимъ надѣленіемъ башкирскимъ вотчинникамъ останется болѣе десяти съ половиною мильйоновъ десятинъ земли. Обитающихъ на башкирской землѣ постороннихъ жителей можно раздѣлить на три класса 1) на припущенниковъ, безоброчно-допущенныхъ вотчинниками къ совмѣстному съ ними владѣнію, 2) на кортомщиковъ, платящихъ вотчинникамъ условленную оброчную плату и 3) на самовольныхъ поселенцовъ, распахивающихъ башкирскія земли по собственному благоусмотрѣнію.

Скота считается	у Башкирцевъ	у Мещеряковъ
Лошадей около	500,000 головъ	около 50,000 головъ
Крупнаго рог. скота болѣе	300,000 —	около 35,000 —
Мелкаго скота овецъ и козъ болѣе	700,000 —	болѣе 80,000 —

Хлѣба сѣется: ржи до двух-сотъ тысячъ четвертей, пшеницы до ста тысячъ; другихъ видовъ хлѣба до трех-сотъ тысячъ четвертей.

Въ башкиро-мещеряцкомъ войскѣ считается всѣхъ селеній 2136, да 69 отдѣльныхъ хуторовъ, а кибитокъ для лѣтнихъ кочевокъ до пятнадцати тысячъ. Въ башкирскихъ и мещеряцкихъ селеніяхъ считается до девяноста тысячъ домовъ, до тысячи-шести сотъ мечетей, до двухсотъ лавокъ, до двухсотъ-пятидесяти кузницъ, двадцать питейныхъ домовъ и 313 частныхъ школъ, «медресе» при мечетяхъ, съ 6555 учениками. Обученіемъ здѣсь занимаются муллы; преподается грамота и законъ; ученье бываетъ только зимою; лѣтомъ дѣти помогаютъ родителямъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ. Для дальнѣйшаго образованія Башкирцовъ существуютъ разныя заведенія: въ самомъ Оренбургѣ фельдшерская школа при военномъ госпиталѣ и Неплюевскій Кадетскій Корпусъ, а въ Казани — Гимназія. Окончившіе здѣсь съ успѣхомъ курсъ ученія, Башкирцы могутъ поступать въ тамошній Университетъ.

Каждымъ юртомъ управляетъ юртовый старшина изъ природныхъ Башкирцевъ; каждымъ кантономъ управляетъ кантонный начальникъ тоже изъ природныхъ Башкирцевъ; нѣсколькими кантонами командуетъ башкирскій попечитель изъ природныхъ Русскихъ штабофицеровъ; цѣлымъ войскомъ завѣдуетъ «командующій», находящійся, вмѣстѣ съ атаманами казачьихъ войскъ оренбургскаго и уральскаго, въ зависимости отъ главнаго начальника Оренбургскаго Края. Для производства судебныхъ дѣлъ въ общихъ гражданскихъ учрежденіяхъ защитникомъ Башкирцевъ является башкирскій стряпчій изъ коренныхъ русскихъ губернскихъ чиновниковъ.

Раздѣленіе Башкирцовъ и Мещеряковъ на кантоны учреждено императоромъ Павломъ Петровичемъ въ 1798 году.

Въ теперешнюю свою поѣздку по Башкиріи, я не видалъ еще настоящихъ башкирскихъ деревень: народъ былъ на лѣтнихъ кочевкахъ и жилъ въ кибиткахъ.

Кибитка, или кошъ — переносный домъ, имѣющій форму полушарія и представляющій внутри довольно-обширную круглую залу съ закругленнымъ же потолкомъ. Обширность кибитки бываетъ различна, глядя по достатку хозяевъ: кибитка средней величины имѣетъ аршинъ восемь въ діаметрѣ.

Кибитка состоитъ изъ четырехъ, пяти или шести рѣшетчатыхъ стѣнъ, связанныхъ одна съ другою посредствомъ жилъ или ремней. Обширность кибитки считается обыкновенно не по длинѣ діаметра, а по числу «головокъ», составляемыхъ каждою парою жердей, изъ которыхъ дѣлается кибиточная рѣшетка; такихъ головокъ бываетъ у людей достаточныхъ полтораста и больше. Въ пустое пространство, оставляемое промежуткомъ двухъ несвязанныхъ вмѣстѣ краевъ рѣшетки навѣшивается на деревянной рамѣ дверь, одиночная или состоящая изъ двухъ половинокъ. На головки насаживается куполъ кибитки, или толстый обручъ, «чангракъ», поддерживаемый на извѣстной высотѣ длинными выгнутыми тальниковыми шестами, которые привязываются къ головкамъ рѣшетки тоненькими веревочками, свитыми изъ конскаго волоса. Части кибитки, сдѣланныя изъ дерева, окрашиваются красною краской. Около стѣны кибитки, немного пониже головокъ, выкладывается широкая шерстяная тесьма, скрѣпляющая весь верхній кругъ кибиточной рѣшетки; эта связь называется «башкуръ», «головочный поясъ». Тяжесть, съ которою куполъ кибитки налегаетъ на стѣнку, удерживаетъ коши въ порядкѣ и въ надлежащей твердости. Вся кибитка, сверху до низу, покрывается длинными полстями войлока, у очень-богатыхъ чистыми бѣлыми, а у людей обыкновеннаго достатка — сѣрыми; каждая такая кошма̀, для крѣпости, оторачивается толстымъ плетенымъ шерстянымъ снуркомъ; наконецъ, вся кибитка поверхъ войлоковъ обвязывается веревками, сплетенными изъ гривъ и хвостовъ, которые обыкновенно срѣзываются у молодыхъ лошадей до трехлѣтняго ихъ возраста. При сильной вѣтряной погодѣ кибитка привязывается къ вбитымъ около нея въ землю кольямъ.

Внутри семейной кибитки развѣшиваются двѣ занавѣски: одна, кругомъ стѣны, служитъ для кибитки тѣмъ же, чѣмъ обои для нашихъ комнатъ; другая, развѣшиваемая вдоль кибитки, начиная отъ дверей, раздѣляетъ башкирское жилье на два неравныя отдѣленія: бо̀льшее— мужское, меньшее — женское. Въ экстренныхъ случаяхъ, послѣдняя занавѣска откидывается, чтобъ дать больше простора созваннымъ гостямъ.

Мы часто ходили въ гости къ Башкирцамъ и замѣтили, что внутреннее убранство кибитокъ почти у всѣхъ у нихъ одинаково. У одной стѣны приставляется кровать съ нещегольскою постелью и съ ситцевымъ, или выбойчатымъ, стеганнымъ не на ватѣ, а на верблюжьей шерсти, одѣяломъ, запрятываемымъ на день подъ войлоки и подъ ковры; по сторонамъ разставляются разныя кадочки, сундуки, сундучки, скамейки, самоваръ, чайные приборы, кумганы, или особаго рисунка

чугунные рукомойники въ ярковычищенныхъ большихъ мѣдныхъ тазахъ, вёдра и лахани для кумыса, небольшіе «турсуки» и огромные «сабо», сдѣланные изъ цѣльной шкуры, снятой съ конской ноги: въ нихъ приготовляется и хранится кумысъ; красныя деревянныя чашки и прелестные ковши, «черпакй», выточенные весьма-затѣйливо и искусно изъ дерева, липы или березы; ведра, сшитыя изъ конёвьей кожи, «челякй», высокія узенькія кадочки, большіе чугунные котлы съ ушами и прочая утварь.

Самымъ лучшимъ украшеніемъ кибитокъ бываютъ мужскія и женскія яркихъ цвѣтовъ платья, развѣшанныя на жердочкахъ; оружіе, конская сбруя и разныя принадлежности охоты, и наконецъ ковры, разостланные по земляному полу поверхъ войлоковъ, по скамьямъ и по сундукамъ.

Впослѣдствіи времени, когда довелось мнѣ проводить по нѣскольку дней въ башкирскихъ деревняхъ, я замѣтилъ, что такова же характеристика и ихъ жилыхъ избъ, съ тою только разницею, что въ избахъ всюду широкія нары и кругомъ всей комнаты навѣшаны полочки для посуды, которою народъ любитъ хвастаться, потому-что обиліе ея, рекомендуя зажиточность хозяевъ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ гостепріимность. Башкирецъ полагаетъ, что всякій, глядя на бездну чашекъ, мисокъ, блюдъ и прочаго, непремѣнно подумаетъ: «не даромъ же у него такъ много этого добра: вѣрно гостей много ходитъ!»

Деревни башкирскія состоятъ изъ правильныхъ улицъ; избы вытянуты въ нитку и построены всѣ по одному плану. Въ одномъ 1847 году Башкирцы выстроили себѣ 13,950 новыхъ домовъ и девять общественныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ; этою одновременностью построекъ и объясняется однообразность ихъ архитектуры.

Прежде башкирскія деревни, въ степныхъ кантонахъ, были совсѣмъ не такія правильныя, какія мы теперь видимъ. Избы лѣпились по направленію ручьевъ и рѣчекъ, вдоль ихъ теченія, какъ бы оно извилисто ни было; иногда домы разставлялись по обѣимъ сторонамъ рѣчки, вѣроятно, для бо̀льшаго удобства въ водопоѣ скота, котораго Башкирцы содержатъ множество. Улицъ почти не было, а существовали какіе-то закоулки, неровные и кривые, въ родѣ лабиринтовъ. Хозяева не чистили дворовъ никогда; дорогаго для нашихъ краевъ, но вовсе для Башкирцовъ ненужнаго, удобренія скоплялось столько, что даже скоту нельзя было подлѣзть подъ крышу; не было ни входа ни выхода; все было загромождено нечистотою. Башкирецъ смекалъ дѣломъ и переносилъ свой домъ на новое мѣсто. Старое пепелище не пропадало задаромъ: ныньче тамъ славно конопля родится.

Теперь улицы въ башкирскихъ деревняхъ прямыя, широкія, саженъ въ двѣнадцать—не то, что̀ прежде, когда двумъ телегамъ нельзя бывало разъѣхаться; посколинъ, или огороженныхъ выгоновъ, у деревень нѣтъ, потому-что земли и безъ того изобильно. Въ томъ краю, котораго мы теперь держались, говорятъ, только деревня Кучаргина, она же Салихова, въ тринадцатой юртѣ десятаго кантона, состоящая изъ Татаръ-припущенниковъ, зачисленныхъ въ Башкирцы, одна огорожена околицей.

Башкирскій домъ, «уй», занимаемъ мѣста вдоль по улицѣ три сажени, а вглубь идетъ аршинъ на восемь или на девять; кладется онъ въ тринадцать вѣнцовъ; высота комнатъ бываетъ три аршина, считая отъ пола до потолка. Службъ почти не бываетъ никакихъ; есть только загонъ для овецъ и конюшня, безъ крыши, для лошадей. Скотъ зимой тебенюетъ, то-есть пасется на подножномъ корму: Башкирецъ избѣгаетъ лишнихъ расходовъ на лѣсъ, очень-цѣнный въ безлѣсныхъ степныхъ кантонахъ. Близь дома, какъ водится, идетъ заборъ и на немъ навѣшаны ворота.

Если взъѣхать къ Башкирцу въ ворота, то домъ его прійдется на правой сторонѣ. Дворъ раздѣляется досчатою или плетневою перегородкой, а иногда и просто жердочками, на двѣ части: передній — чистый дворъ, и задній, или скотный. На сторонѣ, противоположной въѣзду, у задней стѣны послѣдняго двора тянется навѣсъ, а налѣво въ углу жмется конюшня. Амбаровъ нѣтъ, или очень-мало.

У входа въ домъ, у дверей крылечка, лежитъ чурбанъ, замѣняющій лѣсенку, или и въ-самомъ-дѣлѣ лѣсенка, уступа въ три, ведущая въ комнату. Съ европейской точки зрѣнія, Башкирецъ нерачителенъ къ домостроительству и хлопочетъ не о чистотѣ комнатъ, и не о многочисленности ихъ, а только о томъ, чтобъ жить въ нихъ было ему тепло и сытно. У людей небольшаго достатка только одна комната, иногда перегороженная надвое; оконъ на улицу два; косяковъ въ рамахъ не бываетъ; двойныхъ рамъ тоже нѣтъ. Стекла вставляются въ окнахъ только у богатыхъ людей, а у прочихъ, вмѣсто стеколъ, въ окна натягиваютъ брюховицы, или пузыри съ рубцовъ; пузырь тонокъ, полупрозраченъ и не требуетъ дорогой починки. Стекло медвѣжеватому Башкирцу не по карману: по непривычности и неумѣнью обращаться съ этимъ матеріаломъ, онъ безпрестанно вводилъ бы себя въ чувствительный изъянъ.

Башкирецъ любитъ согрѣвать свое жилье каминомъ или чувàломъ. Башкирскій чувалъ, имѣющій разныя формы—вещь прекрасная, благодаря которой, комната Башкирца всегда просторна, воздухъ въ ней всегда свѣжъ; теплота отъ топки распространяется во всѣ концы одинаково. Да съ нашими патріархальными и обьемистыми печами Башкирцу и не сладить: и хлопоть за ними непривычному человѣку много, да и котлы, въ которыхъ Башкирцы варятъ свою однообразную пищу, въ обыкновенную печь не пролѣзутъ—нельзя же ему придумывать новыя блюда! По одну сторону чувала иногда приставляются особаго устройства печурки, въ которыхъ котлы эти вмазываются.

Комната обставляется широкими нàрами;. на нихъ разстилаются кòшмы, покрываемыя цвѣтными пòласами, а у богатыхъ и коврами (поласъ почти то же, что̀ и коверъ, но не имѣетъ ворсы). Перины бываютъ только у богатыхъ. Надо еще прибавить, что Башкирцы считаютъ предосудительнымъ имѣть прислугу: въ домѣ одна работница— жена; несмотря на то, что Мухаммедъ разрѣшаетъ многобрачіе, бòльшая часть Башкирцовъ довольствуется только одной женой. Многобрачіе влечетъ за собой увеличенные расходы, да и па то, чтобъ пріобрѣсти лишнюю жену, Башкирцу нужно имѣть лишнія деньги для

взноса «калыну» или, какъ Русскіе говорятъ «плака́ту», то-есть денежнаго обезпеченія невѣсты, на случай, если мужъ ее прогонитъ. Бракъ у мухаммеданъ не имѣетъ того высокаго значенія, какое онъ имѣетъ у насъ; тамъ онъ означаетъ только простое сожитіе. Значеніе калына, или калыма, какъ обезпеченія участи жены, въ иныхъ мѣстахъ утрачивается, и тогда, на повѣрку, выходитъ, что простонародье наше почти право, говоря, будто Татаринъ покупаетъ себѣ жену. Впрочемъ, у богатыхъ людей бываетъ нѣчто въ родѣ прислуги: я говорю не про работниковъ, нанимаемыхъ для разныхъ хозяйственныхъ необходимостей, а о молодыхъ людяхъ, находящихся въ нѣкоторыхъ семьяхъ какъ-бы на воспитаніи; они играютъ роль не дѣтей и не слугъ, а что-то въ родѣ средневѣковыхъ пажей, и находятся собственно при особѣ почетнаго въ родѣ Башкирца.

Въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ лѣсу много, разумѣется, строенія бываютъ лучше и обширнѣе; домы строются изъ крупныхъ бревенъ, заборы изъ досокъ и всегда бываютъ цѣлые. Въ рѣдкомъ домѣ найдешь, что заборъ или дворная переборка выведена только на треть или на четверть дѣйствительной длины двора; жордочки, хворостъ и плетни здѣсь очень-рѣдки. Въ башкирскихъ деревняхъ лѣсныхъ кантоновъ бываютъ и теплыя конюшни и разныя хозяйственныя пристройки, да и комнаты въ домахъ выше и обширнѣе. Обыкновенно домъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: та, которая почище, прибирается понаряднѣе; отопляется она голландской печью; иногда печь выкладывается изразцами, и это не какая-нибудь новинка, а съизстари заведенный обычай. Намъ случалось видѣть печи, украшенныя старинными узорочными составными изразцами, соединенными между-собою красивыми и отчетливо-сдѣланными мѣдными заклёпками; такія печи, сколько мы слышали, доселѣ еще водятся въ старинныхъ домахъ Южной Россіи и Польши. Эта чистая комната называется у Башкирцовъ «кунакъ-уй», то есть кунацкая или гостиная. Другая комната, съ чуваломъ, предназначена для хозяйственныхъ занятій; мнѣ ее назвали «аш-пышера́»: тутъ и женское отдѣленіе, тутъ и кухня.

На нарахъ разстилаются кошмы простыя или дорогія, чистыя бѣлыя или разноцвѣтныя; около стѣнъ лежатъ придвинутые къ нимъ и исправляющіе должность перинъ—по́ласы, свернутые зигзакомъ, съ тою цѣлью, чтобъ посѣтитель обратилъ вниманіе на ихъ красивый рисунокъ. Столовъ въ комнатѣ бываетъ мало: все—и столы, и стулья, и диваны—замѣняютъ на́рами; на на́рахъ же и спятъ Башкирцы. У бѣдныхъ одѣяломъ служатъ тулупы и кафтаны, а въ изголовье кладется кой-какая подушка. Скатерти бываютъ изъ грубаго холста домашней выработки или изъ хивинской выбойки.

По стѣнамъ, на видныхъ мѣстахъ, развѣшиваются разныя вещи, свидѣтельствующія о зажиточности хозяина. Промежь оконъ, вверху, размѣщаются сѣдла, наборныя уздечки; пониже ихъ—маленькое зеркальцо, кругомъ его — вышитыя по концамъ полотенцы; съ боковъ висятъ полочки съ посудою; въ разныхъ мѣстахъ вывѣшены нарядныя платья, мужскія и женскія.

Хлѣбъ пекутъ, больше все изъ полбенной муки, въ особыхъ битыхъ печахъ, устроиваемыхъ на дворѣ. Печи эти бываютъ безъ трубъ; тутъ же сушатъ и зерновой хлѣбъ для крупъ; въ этихъ же печахъ пекутъ и лепешки изъ полбеннаго тѣста. Когда тѣсто приготовятъ, то его налѣпляютъ на внутренніе бока печи, точно такъ же, какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ. Когда такую лепешку прохватитъ жаромъ, ее отлѣпляютъ и дальнѣйшимъ процесамъ печенія ужь не подвергаютъ.

Если домъ есть почти у каждаго башкирскаго семьянина, то кибитку имѣть не всякій изъ нихъ бываетъ въ силахъ: у лѣсовиковъ, ихъ имѣютъ только богатые, и то тамъ только, гдѣ дороги въ лѣсахъ удобны для ихъ перевозки; прочіе живутъ лѣтомъ въ аласыкахъ; у степняковъ почти у каждаго есть кибитка; неимущіе же изъ нихъ живутъ лѣтомъ въ прутяныхъ балаганахъ.

Балаганы строются небольшіе и кроются кошмами; внутренняго убранства не бываетъ почти никакого, кромѣ разостланной на полу кошмы, на которой семья спитъ вповалку.

Аласыкъ бываетъ двухъ родовъ: тамъ, гдѣ переѣздъ съ мѣста на мѣсто удобенъ для телегъ, аласыкъ дѣлается изъ четырехъ частей, или сторонъ. Части эти состоятъ изъ лубковъ, нашитыхъ на планки и связанныхъ вмѣстѣ веревками. Эти четыре стѣнки, при остановкѣ семьи на мѣстѣ, складываются въ четыреугольный балаганъ; концы у него склиниваются и загибаются со всѣхъ четырехъ сторонъ кверху; на нихъ накладывается еще лубокъ и такимъ манеромъ образуется закругленная крыша. Для двери вырѣзывается съ одной стороны узенькое пространство; оно обшивается тоненькими жердочками, составляющими раму, а къ ней привѣшиваются, въ качествѣ дверей, лубочные лоскуты. Такое прочное жилье не покрывается ужь войлсками.

Тамъ же, гдѣ переѣздъ въ лѣсахъ для телегъ затруднителенъ, аласыкъ ужь не перевозится съ одного мѣста на другое, а на каждомъ мѣстѣ перекочевки одинъ разъ навсегда устроивается постоянный аласыкъ; у него тоже на четыре прямыя стѣнки накладывается пятая— рамка съ выгнутымъ лубкомъ.

Иные, вмѣсто аласыка, дѣлаютъ, на мѣстахъ постояннаго своего кочевья, лѣтній домъ, который не что иное, какъ простой бревенчатый срубъ, сверху прикрываемый драницами или, какъ здѣсь говорятъ, «дряньёмъ». Въ лѣтнемъ домѣ не дѣлается ни наръ, ни чуваловъ.

Принадлежащіе къ отдѣлу полукочевыхъ, Башкирцы кочуютъ по-бо́льшей-части только впродолженіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцовъ, іюня и іюля. Нѣкоторые все это время «сидятъ» около самой деревни, и вся кочевка ихъ состоитъ только въ пользованіи лѣтнимъ воздухомъ; иные, въ буквальномъ смыслѣ, кочуютъ, то-есть переносятся цѣлымъ домомъ съ одного мѣста на другое. Подобнаго рода передвиженіе совершается у нихъ разъ по шести въ лѣто; разумѣется, народъ все-таки кружится около своей деревни и на далекое разстояніе отъ нея, на чужую территорію, не забирается.

Когда живущіе въ лѣсахъ Башкирцы выходятъ изъ зимовниковъ на кочевье, то, вмѣсто телегъ, они изрѣдка употребляютъ одни тележные передки и на нихъ накладываютъ неудобоносимое имущество, напримѣръ, сундуки и тому подобное. Обыкновенно же, все имущество—носильное платье и хозяйственные предметы—укладывается въ челякѝ, или лубочныя коробья и навьючивается на лошадь, у бѣдняка—на единственнаго верховаго коня, позади сѣдла, а у того, кто позажиточное—на особую лошадь. Хозяинъ, баба его, дѣвки и все семейство ѣдутъ верхомъ, гуськомъ, одинъ позади другаго; матери укладываютъ грудныхъ дѣтей себѣ за кафтанъ («зилѧ̀нъ», длинный китайчатый бешметъ, зеленаго или чернаго цвѣта), къ груди, и подвязываются, для удобства и себѣ и ребенку, шерстянымъ кушакомъ. Годовыхъ и двухлѣтнихъ ребятишекъ, которые еще не въ-состояніи сами держаться на лошади, мать сажаетъ позади себя, на крупѣ коня; иногда усаживаетъ сзади него еще другаго ребенка и, пропустивъ имъ обоимъ подъ-мышки кушакъ, подвязываетъ ихъ такимъ-образомъ къ себѣ. Поддерживаясь этимъ кушакомъ, задній ребенокъ хватается руками за передняго, а этотъ, послѣдній, держится за мать, и путь для всѣхъ совершается благополучно. Отецъ и взрослые члены семейства тоже не избавляются отъ этихъ хлопотъ; но, разумѣется, бо̀льшая тягость лежитъ преимущественно на женщинѣ.

Дѣтей, которыя подросли ужь побольше, но которыя все-таки не въ-состояніи еще сами управиться съ лошадью, родители помѣщаютъ на сѣдло впереди себя. Для этого устроивается удобное сидѣнье, навѣшиваемое на луку сѣдла, а къ нему придѣлываются особыя жердочки, за которыя дѣти и держатся на пути. Иногда жердочки эти замѣняются протянутой отъ луки сѣдла веревочкой.

Башкирцы всѣ занимаются земледѣліемъ, но не у всѣхъ оно производится съ равнымъ успѣхомъ. У совершенно-осѣдлыхъ, несмотря на всю невзыскательность пріемовъ и патріархальность орудій, оно находится довольно въ хорошемъ состояніи; даже у полукочевыхъ Башкирцовъ во многихъ мѣстахъ поля содержатся въ отличномъ порядкѣ, особенно у людей зажиточныхъ, обладающихъ существенными средствами заниматься хлѣбопашествомъ, какъ особымъ промысломъ, въ обширныхъ размѣрахъ. На давность укорененія у Башкирцовъ земледѣлія, перешедшаго къ нимъ, вѣроятно, отъ Казанскихъ Татаръ, указываетъ существованіе у нихъ особеннаго «праздника сохи», «сабантуй», котораго, впрочемъ, намъ не удалось видѣть, но который, сколько намъ разсказывали, состоитъ изъ обыкновенныхъ, при всякомъ празднествѣ, увеселеній.

Но по обширности и богатству луговыхъ мѣстъ, Башкирцы гораздо прилежнѣе занимаются скотоводствомъ, которое для кочевыхъ родовъ составляетъ исключительный источникъ ихъ благосостоянія. Наклонность къ той или другой отрасли сельской промышлености кладетъ на Башкирцовъ такое рѣзкое, характеристическое отличіе, что Башкирцы-земледѣльцы кажутся совершенно-другимъ народомъ, чѣмъ Башкирцы-скотоводы; вслѣдствіе чего первые обложены правительствомъ, вмѣсто службы натурой, денежными сборами; послѣдніе же

несутъ казачью службу лично. Разсказавъ, въ предъидущей главѣ, видѣнныхъ мною на Белегужѣ Башкирцахъ, я не считаю необходимымъ распространяться о вовсе непохожихъ на нихъ совершенно-осѣдлыхъ ихъ единоплеменникахъ, да мнѣ и не удалось хорошо съ ними ознакомиться.

Полукочевые Башкирцы, кромѣ обширнаго скотоводства, занимаются и звѣроловствомъ; звѣролововъ, впрочемъ, сравнительно съ скотоводами, немного. Изъ звѣрей преимущественно промышляютъ зайцовъ, волковъ, лисицъ, куницъ, норокъ и другихъ; а что касается до бобровыхъ гоновъ, которыми прежде славилась Башкирія, то бобры здѣсь давнымъ-давно вывелись.

Обитающіе въ лѣсахъ Башкирцы ловятъ беркутовъ и соколовъ, пріучаютъ ихъ къ охотѣ и потомъ перепродаютъ богатымъ Киргизамъ и среднеазійскимъ купцамъ, посѣщающимъ наши таможни. Многіе занимаются бортевымъ пчеловодствомъ и изготовленіемъ разныхъ лѣсныхъ товаровъ: рубятъ дрова и бревна и сплавляютъ ихъ къ Оренбургу и далѣе по Уралу, сидятъ деготь и смолу, приготовляютъ поташъ и шадрикъ.

Меня очень занимала весьма-возможная въ Башкиріи обработка прядиленныхъ растеній на большую руку. Извѣстно, что мы получаемъ изъ-за границы болѣе мильйона пудовъ хлопчатой бумаги и, по причинѣ развитія у насъ хлопчатобумажнаго производства, производство льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій у насъ несовсѣмъ успѣшно. Свою пеньку и свой ленъ мы значительными партіями отпускаемъ за границу, а сами у себя, по-крайней-мѣрѣ до послѣдняго времени, мало обращали настойчиваго вниманія на переработку этихъ грубыхъ матеріаловъ въ обработанныя издѣлія.

Въ седьмомъ и десятомъ башкирскихъ кантонахъ ленъ сѣется, но въ весьма-незначительномъ количествѣ; жители всюду довольствуются коноплей, растущею дико въ деревняхъ, даже около домовъ. Иные сѣютъ его, но очень-мало, и запасъ, полученный въ-теченіе одного лѣта, будетъ весьма-достаточенъ башкирской семьѣ на домашнія потребности по-крайней-мѣрѣ года на два или на три.

Ленъ даетъ на полпуда пудъ, полтора, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ даже два пуда волокна, а изъ пуда приготовляется Башкирцами аршинъ сорокъ грубаго холста. Башкирцы замѣтили, что ленъ сильно истощаетъ землю и потому воздѣлываніемъ его не охотно занимаются.

Если семья засѣваетъ полтора пуда конопли, то получаетъ волокна до трехъ пудовъ: два съ половиной пуда пеньковаго и около полупуда посконнаго. Изъ этого сыраго продукта она выработываетъ аршинъ сто холста. Въ добавокъ къ этому, семья добываетъ около четырехъ пудовъ дикорастущей конопли и выработываетъ изъ нея тоже аршинъ сто грубаго, но прочнаго холста.

Изъ всего этого матеріала хозяйка обшиваетъ и себя и дѣтей и мужа, приготовляя каждому на одну смѣну бѣлья, то есть сшивъ имъ каждому по длинной и широкой сорочкѣ и по парѣ широкихъ тумановъ, которыя носятъ и мужчины и женщины, остальное она рѣжетъ на по-

лотенцы, на скатерти и на другія мелочи, а остатокъ прячетъ про запасъ. Здѣсь не шьютъ бѣлья по нѣскольку перемѣнъ за одинъ разъ, потому-что новое бѣлье служитъ подмогою старому; неопрятность и неряшливость здѣсь нейдутъ въ разсчетъ. Башкирецъ щеголяетъ если не франтовской сорочкой, то довольно-чистымъ и бѣлымъ воротничкомъ, который обшивается узенькимъ позументомъ и откидивается на халатъ à l'enfant; у него всегда есть, двѣ или три, будничныя перемѣны и одна праздничная пара бѣлья, сшитаго изъ китайки.

Пенька почти вся идетъ на холстъ; веревокъ изъ нея Башкирцы не дѣлаютъ; гдѣ много липы, тамъ веревки вьются мочальныя, а гдѣ нѣтъ липы и скотоводство обширно, тамъ, вмѣсто веревокъ, вьются арканы, приготовляемые изъ конскихъ волосъ. Если пенька, приготовленная для зимы, остается безъ употребленія, то ее сберегаютъ до другой зимы, иногда въ мятомъ видѣ. Но вообще, запастись пенькой здѣсь почти ничего не стоитъ: для Башкирца трудъ не великъ набрать дикаго конопля и погрузить его воду; но трудолюбіе его не заинтересовывается въ этомъ случаѣ оттого, что требованій на пеньку нѣтъ и сбыть запасовъ нѣкуда. Посконь хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и берутъ отдѣльно, однакожь она въ дѣло идетъ вмѣстѣ съ пенькой. Въ иныхъ безлѣсныхъ юртахъ изъ конопли дѣлаютъ плетни и изгороди у навѣсовъ.

Башкирцы, да впрочемъ не одни Башкирцы, а вся южная полоса Россіи, отъ Новороссійскаго Края, пожалуй, до Дауріи, одѣвается ныньче въ хлопчатобужныя матеріи, въ московскіе и владимірскіе ситцы, въ кинешемскія нанки и коломенки, въ казанскіе кумачи и китайки и въ персидскія, хивинскія, бухарскія и пр. бязи, выбойки и зендели. Грубаго, заграничнаго хлопчатобумажнаго товара привозится къ намъ множество и хлопчатая бумага все болѣе и болѣе вытѣсняетъ въ Башкиріи мѣстныя прядиленныя растенія.

Вопросъ о введеніи выгоднѣйшей и лучшей обдѣлки у насъ этихъ растеній очень-важенъ, но въ-отношеніи къ той части Башкиріи, которую я посѣтилъ, онъ не можетъ имѣть приложенія. Чтобъ понять это, надо обратиться къ слѣдующимъ этнографическимъ замѣткамъ о башкирскихъ женщинахъ, въ домашней своей жизни такъ много отличающихся отъ русскихъ женщинъ.

Начнемъ слѣдить за ея занятіями, со времени выхода Башкирцевъ на кóши. Здѣсь она занимается доеніемъ коровъ и кобылицъ, если онѣ у нея свои (а не то нанимается доить ихъ у богатыхъ Башкирцевъ), приготовленіемъ кумыса, приготовленіемъ на прокъ масла и крута, шитьемъ бѣлья изъ приготовленнаго весною холста, починкой и шитьемъ сапоговъ для всего семейства и другими хозяйственными работами. Такъ идетъ день за день до самаго сѣнокоса: тогда она отправляется, вмѣстѣ съ мужемъ, на покосъ. Если у нея въ семьѣ есть взрослыя дѣти, она въ это время имъ препоручаетъ свое хозяйство, а если ихъ нѣтъ, то, соображаясь съ достаткомъ, поручаетъ стороннему лицу исправленіе домашнихъ своихъ работъ; обыкновенно для этого употребляется какая-нибудь старуха, которая, въ одно и то же время, нанимается за дешевую плату къ нѣсколькимъ хозяевамъ,

смотря однакожь по числу коровъ и кобылицъ, которыхъ ей слѣдуетъ доить.

Во время жатвы повторяется то же самое, а иногда бываетъ и такъ, что семья всей кибиткой переходитъ на мѣсто работы. Въ эту же пору Башкирцы собираютъ дикій или и сѣяный конопель, сушатъ его на солнцѣ и потомъ вымачиваютъ въ водѣ. Надобно замѣтить, что Башкирцы не всегда берутъ сѣмена и что иногда и дикорастущій конопель остается безъ всякаго употребленія: Башкирецъ увѣренъ, что на этомъ же мѣстѣ, на слѣдующій годъ, опять выростутъ конопли безъ всякихъ съ его стороны личныхъ заботъ и содѣйствія.

По окончаніи жатвы и всѣхъ полевыхъ работъ, или еще и раньше, Башкирцы возвращаются въ зимовки, то-есть въ деревни. Здѣсь, башкирской женщинѣ предстоятъ новыя заботы: она поправляетъ печь, или чувалъ, обтягиваетъ окна пузыремъ, приготовляетъ пеньку и запасы крупъ на зиму, шьетъ сапоги на все семейство, прядетъ шерсть, ткетъ сукно и шьетъ изъ него на семью теплые чулки, нерѣдко и рукавицы, чинитъ и платаетъ кафтаны, или шьетъ новые, дубитъ овчины и приготовляетъ тулупы; если шерсти накопилось у нея вдоволь, она валяетъ кошмы для кибитокъ и для внутренняго убранства покоевъ. Во всѣхъ этихъ существенныхъ занятіяхъ проходитъ у нея половина зимы, вплоть до новаго года. Если она тутъ совсѣмъ управится, то у ней остается впереди цѣлые три мѣсяца свободнаго времени! Тутъ-то она и садится за пряжу, въ свободныя отъ обыденныхъ хлопотъ минуты.

Снаряды, употребляемые башкирскими женщинами, въ этомъ случаѣ, состоятъ изъ грубаго веретена и длинной палки: одинъ конецъ ея упирается къ потолку, другой прикрѣпленъ къ полу; къ ней привязываютъ кудель и прядутъ одинаковымъ образомъ и шерсть и пеньку; никакихъ другихъ инструментовъ Башкирцы не знаютъ.

Не мѣшаетъ однакожь замѣтить, что Башкирки рѣдко прядутъ вечеромъ; да если и примутся за эту работу, то сидятъ за ней недолго, между-тѣмъ какъ русскія крестьянки только по вечерамъ и занимаются пряжей; это время у насъ считается лучшимъ и самымъ удобнымъ; притомъ же наша крестьянка какъ засядетъ за дѣло, такъ и сидитъ за нимъ вплоть до пѣтуховъ, не сходя съ мѣста.

У Башкирокъ пряжа пеньки не всякую зиму составляетъ непремѣнное занятіе: иной годъ хозяйка заготовляетъ больше холстовъ, а иной— больше суконъ. Вытканные изъ пеньки холсты бываютъ хоть и грубы, зато чрезвычайно-прочны; часто Башкирки мѣняютъ ихъ торговцамъ на китайку, аршинъ на аршинъ.

Другую, собственно для меня показавшуюся любопытною, отрасль башкирскаго хозяйства составляетъ пчеловодство.

Извѣстно, что пчелы, разроившись въ лѣсахъ и выбравъ себѣ матку, сами прививаются отдѣльными обществами къ какому-нибудь дереву, дубу, вязу или осокори Зная это, Башкирцы весной, въ маѣ, цѣлыми деревнями отправляются въ лѣса на поиски и, раздѣлившись партіями, каждый самъ про-себя, выискиваютъ лѣсины, въ которыхъ отшедшій рой можетъ поселиться. Найдя такое дерево, Башкирецъ

затамговываетъ его своей тамгой, то-есть вырѣзываетъ на немъ родовое свое клеймо и приступаетъ къ обдѣлкѣ бортя.

Пособіями въ этомъ служатъ ему топоръ, ножъ и «кирѐнь», или широкій, пальца въ четыре, ремень, выплетенный изъ нѣсколькихъ узенькихъ сыромятныхъ ремешковъ.

Борти разбиваются на деревѣ довольно-высоко, для безопасности отъ медвѣдя. Къ устройству ихъ Башкирецъ приступаетъ такимъ образомъ.

Выбравъ высокое дерево, онъ длятого, чтобъ взобраться на высоту, прежде всего дѣлаетъ внизу ствола двѣ зарубки, потомъ обхватываетъ и себя, около пояса, и дерево плетенымъ киренёмъ, заклепываетъ концы этого ремня деревянными палочками, влѣваемыми въ петли и, прикрѣпивъ такимъ-образомъ себя къ стволу, начинаетъ подниматься по дереву выше и выше, упираясь ногами въ стволъ, а спиною въ ремень. Вставъ на первую пару зарубокъ, онъ начинаетъ вырубать новые уступы: рубнетъ налѣво, сдѣлаетъ тамъ зарубку — и поставитъ тула лѣвую ногу, потомъ рубнетъ направо — и переставитъ правую ногу; потомъ опять начинаетъ работать налѣво, а тамъ направо, и наконецъ достигаетъ надлежащей высоты, останавливаясь иногда саженяхъ на пяти отъ поверхности земли. Тамъ, ужь въ полулежачемъ положеніи, держась на зарубкахъ и повиснувъ на ремнѣ, онъ начинаетъ долбить дерево.

Башкирецъ долбитъ его длятого, чтобъ расширить дупло и образовать въ немъ впадину, сверху закругленную, въ діаметрѣ четверти въ двѣ, а длиной до двухъ съ половиной аршинъ. Дѣлая впадину, онъ во всю длину этого углубленія, разумѣется, прорубаетъ щель; а такъ-какъ щели не должно быть, то онъ и заколачиваетъ ее отрубкомъ, оставляя только небольшое пустое пространство, «летѝкъ:» въ это-то отверстіе и влетаютъ либо дикія, либо прокараулившія рои дворовыя пчелы. Все сдѣланное въ деревѣ углубленіе называется «колодой» или «бортью», а самое дерево—«бортевымъ деревомъ». Иногда на одномъ и томъ же деревѣ дѣлается по двѣ и по три борти.

Начиная съ ильина-дни вплоть до Преображенья, а иногда и до Успенья, Башкирцы снова цѣлыми партіями разъѣзжаютъ по лѣсу и осматриваютъ свои затамгованныя борти, попрежнему влѣзая на деревья по зарубкамъ и защищаясь отъ пчелъ сѣтками Къ концу этого срока они выбираютъ весь медъ, оставивъ часть на зимнее пропитаніе пчеламъ, которыя тутъ и остаются.

Башкирцы лѣсныхъ кантоновъ съ большою охотою занимаются пчеловодствомъ. Есть мѣста, особенно вверхъ по рѣкѣ Инзерю, гдѣ на каждые сто деревенскихъ семей считается круглымъ счетомъ по тысячѣ и даже до двухъ тысячъ бортей: ульи сами-по-себѣ; ихъ Башкирцы разставляютъ у себя на огородахъ, или гдѣ-нибудь около деревни.

О другихъ сторонахъ экономическаго быта Башкирцевъ мы не будемъ здѣсь распространяться: это завлекло бы насъ слишкомъ-далеко. Обратимся опять къ нашимъ разъѣздамъ: въ нихъ опять прійдется намъ встрѣтиться съ Башкирцами.

*

XI.

Переѣздъ въ Степь.

Во все продолженіе переѣздовъ нашихъ съ одной кочевки на другую, меня постоянно потѣшали Башкирцы, на которыхъ лежала очередь отправлять натурой повинность почтовой гоньбы.

Башкирскія лошади въ тѣхъ кантонахъ, которые я теперь проѣзжалъ, принадлежатъ къ породѣ обыкновенныхъ степныхъ лошадей. Небольшая, съ виду худенькая, тощенькая, башкирская лошадка отличается долгою прямою шеей, длиннымъ станомъ, стройными, тонеными длинными ножками, небольшими копытами, немножко какъ-будто скулистой, тупоносой мордочкой, складомъ своимъ вовсе непохожей на характеристичныя физіономіи нашихъ сытныхъ и рослыхъ лошадокъ. Жилистая, мускулистая, несовсѣмъ собой красивая башкирка чрезвычайно-сносліва, быстра, рѣзва, горяча и способна переносить всякую тяжелую работу: рѣзвому бѣгуну часто съ почетомъ приходится исправлять обязанности доброй возовой лошади. Но намъ, на первый разъ, пришлось свести знакомство не со смиренными и хорошо-вышколенными клячами, а съ породистыми бѣшеными скакунами, которыми каждый очередной Башкирецъ хвастался передъ моимъ спутникомъ, воображая, что когда везешь начальника, то подъ его экипажъ надо подпречь не коней, а вихрей, длятого, чтобъ ему пришлось «ай-яй больно-шипки гулять!»

Мы летѣли по едва-протореннымъ колеямъ, а мѣстами и по голой травѣ, словно птицы. Тарантасъ быстро несся, то подскакивая вверхъ по выбоинамъ и яминамъ, то задѣвая со всего размаха ступицами колесъ за барана, за корову, за выдавшійся пенекъ дерева или за сучья кустарника. Такіе непредвидимые удары, угрожавшіе крушеніемъ нашему ковчегу, особенно часто случались на крутыхъ поворотахъ, когда возница нашъ, не разбирая ничего, какъ говорится, каталъ во всѣ лопатки съ прежнею быстротою, награждая и безъ того ужь слишкомъ-ретивыхъ коней частыми и сильными ударами ногайки. Все однакожь сошло съ рукъ благополучно: тарантасъ не разбился въ дребезги, ни разу не опрокинулся, ни разу мы не вываливались изъ него и, въ цѣлости и сохранности, передавались съ рукъ на руки, отъ выставки до выставки.

Очередной Башкирецъ повинность почтовой гоньбы исправляетъ въ будничномъ своемъ нарядѣ: въ бѣломъ или синемъ халатѣ и въ бѣломъ калпакѣ. Приготовляясь управлять пегасами и ухватываясь за бразды предстоящаго управленія, Башкирецъ прежде всего нѣсколько минутъ стоитъ въ смущеніи передъ тарантасомъ. Его беретъ раздумье: какъ бы избавиться отъ ко̀зелъ?..

— Ну, что̀ задумался? садись.

— Чи-часъ, пулка̀вникъ.

— Боишься ко̀зелъ, что̀ ли?

— Чево боился?.. не боился...

— Ну, то-то же... не то садись верхомъ.

— Верхомъ!.. а маклашки нашъ братъ подчивалъ не надо?

— Да развѣ тебя бьютъ?

— Твоя то моя нитъ бивалъ... Семенъ Иванычъ тоже нитъ бивалъ... Кантунный-то начальникъ тоже нитъ бивалъ...

— А Хасянъ Байназаровичъ у васъ престрогій человѣкъ!

— Ай-яй, наша Никифоръ Назаричъ!.. ево-та бульно шипки строгая: а пальцомъ-та ево свой братъ Ба́шкуртъ никогда не замалъ... Козла́мъ-то ево боился я не сидѣть... кантунный-та сказалъ: тарантасамъ-то на козламъ садійся...

— Ну, такъ садись же, садись скорѣй; некогда мнѣ съ тобой растабаривать.

— Я таби сама мало мало покалякивалъ, пулкавникъ, а козламъ я не боился...

Башкирецъ взгромоздился кой-какъ на козлы, подобралъ возжи, ревнулъ и взвизгнулъ какимъ-то дикимъ голосомъ: лошади помчались, и на первомъ же толчкѣ возничій нашъ чуть не слетѣлъ на землю. При другомъ толчкѣ повторилось то же неудобство: Башкирецъ растянулся и еле-еле удержался за желѣзныя перильцы своего сидѣнья. Это надоумило его усѣсться нѣсколько повыгоднѣе. Башкирецъ придвинулся къ краю сидѣнья и сталъ руками придерживаться за желѣзный ободъ ко́зелъ; но и это, впрочемъ, плохо ему помогло; послѣ долгихъ колебаній, онъ сползъ съ козелъ и пріютился на кучерскомъ подножномъ сундучкѣ. На висячій замокъ, къ нему привѣшенный, Башкирецъ нашъ не обращалъ вниманія; его безпокоило только то, что, при сильной тряскѣ и очень-неудобной, слишкомъ-наклоненной доскѣ новаго сидѣнья, ему изъ-за лошадей ничего не было видно впередъ.

Не въ терпежь, видно, пришлась нашему ямщику такая пытка. Не выпуская изъ рукъ возжей, онъ привсталъ на перекладинку, приподнялся повыше, заглянулъ къ намъ въ тарантасъ и замѣтивъ, что пассажиры заняты, повидимому, интереснымъ разговоромъ и не обращаютъ на него вниманія, перешагнулъ на лошадей, усѣлся на коренной, скрутилъ возжи, запихалъ ихъ себѣ за кушакъ и за пазуху, ухватился одной рукой за невзрачную дугу, а другой за поводокъ — и пошелъ надѣлять всю тройку ловкими взмахами ногайки.

Раннимъ утромъ мы остановились въ ущельи уральскихъ предгорій, отъ главнаго хребта которыхъ отдѣлялись мы рѣкою Икомъ. Теперь мы были на окраинѣ степи, распространяющейся между правымъ берегомъ Сакмары и лѣвымъ берегомъ Ика, и раздѣляющей юго-западную отрасль хребта Уральскаго отъ другаго высокаго хребта, Ирындыка, соединяющагося, близь впаденія Сакмары въ Уралъ, съ горами Губерлинскими.

Вслѣдъ затѣмъ прибыли мы на самый Икъ, къ кочевкѣ Башкирцовъ деревни Юлды-бай, или Мурадымовой, встрѣтивъ по дорогѣ «Татаръ башкирскаго вѣдомства». Ихъ, какъ растолковали намъ, легко отличить отъ настоящихъ Башкирцовъ тѣмъ, что они не чуждаются лаптей; коренные же Башкирцы, кромѣ сѣверныхъ кантоновъ, не носятъ лаптей никогда.

Чѣмъ далѣе къ востоку стали мы придвигаться, тѣмъ народъ встрѣчали рослѣе и, кромѣ того, откормленнѣе: такихъ толстяковъ, какъ на этомъ пути, мнѣ прежде не удавалось еще между Башкирцами встрѣчать.

На одномъ отдыхѣ въ кочевкѣ намъ снова привелось быть зрителями башкирскихъ игръ и потѣхъ. У Башкирцовъ была борьба, пляска и перетягиваніе на арканахъ.

Въ пляскѣ башкирскія женщины не принимали участія; на это пускаются одни только мужчины. Признаюсь, потѣха эта скорѣй похожа на скачки медвѣдей, чѣмъ на граціозныя тѣлодвиженія разумнаго созданія, желающаго выразить ими какую-нибудь мысль. Башкирцы пляшутъ или въ-одиночку, или вдвоемъ; въ послѣднемъ случаѣ они становятся другъ противъ друга, гримасничаютъ, кривляются, ломаются, прискакиваютъ и, распустивъ руки, топаютъ ногами, сопровождая все это взвизгиваньемъ, бормотаньемъ и особыми звуками, происходящими отъ дробнаго болтанья языкомъ въ полстяхъ надутыхъ щекъ.

Борьба, «куряшъ», сопровождается такими же тяжелыми пріемами. Двое Башкирцовъ, снявъ съ себя халаты, берутъ въ руки по полотенцу, обхватываютъ имъ противника, укоротивъ концы, притискиваютъ его къ себѣ и начинаютъ другъ друга таскать съ одной стороны на другую до-тѣхъ-поръ, пока который-нибудь изъ нихъ не свалится и не признаетъ себя побѣжденнымъ. Разумѣется, борьба начинается тѣмъ, что народъ раздѣляется на двѣ партіи; сперва задираютъ другъ друга мальчишки соперничествующихъ сторонъ, потомъ являются юноши, а потомъ выходятъ на состязаніе настоящіе поединщики-атлеты.

Но перетягиванье на арканѣ представляетъ собою самую характеристическую потѣху. Башкирцы срощаютъ концы аркана и, ставъ, босикомъ, другъ къ другу спиной въ нѣкоторомъ отдаленіи, пропускаютъ его промежь ногъ и, черезъ грудь, надѣваютъ себѣ на шею, а шея у Башкирцовъ до такой степени прокоптилась и загорѣла отъ солнца, что кажется будто она вся вымазана сажею; затѣмъ соперники нагибаются къ землѣ и стараются перетянуть одинъ другаго. Чтобъ шею не рѣзало арканомъ, подъ него подкладываютъ мѣховую шапку, или кусокъ войлока. Оба соперника становятся на четвереньки и начинаютъ другъ друга тянуть, одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Въ этомъ положеніи, какъ нельзя больше, бываютъ они похожи на двухъ медвѣдей, барахтающихся въ тенетахъ. Тюбетейки сваливаются съ головы, бритый черепъ краснѣетъ отъ натуги и лоснится отъ жара; глаза выкатываются изъ своихъ впадинъ; долгая рубаха выбивается изъ-подъ пояса; засученныя шальвары и обнаженныя ступни ногъ покрываются пескомъ и пылью, взбиваемою поступательными упорами бойцовъ о рыхлую землю; каждый изъ соперниковъ сначала пыхтитъ, потомъ кряхтитъ, потомъ, по мѣрѣ нажиливанья, начинаетъ ревѣть, визжать, вскрикивать... Враждующіе роютъ руками землю, стараясь найдти твердую опору противъ волокущаго ихъ назадъ непріятеля — и все это длится до-тѣхъ поръ, пока одинъ не выбьется совершенно изъ силъ и не будетъ оттянутъ противникомъ

въ сторону, совершенно-противоположную той, куда обращено лицо побѣжденнаго. Разумѣется, перетягиванье производится на ровномъ мѣстѣ; на косогорѣ же одинъ, естественно, занимаетъ сильнѣйшую позицію, нежели другой.

Но вотъ еще потѣха, рекомендующая дикарство Башкирцовъ съ самой яркой стороны. Впереди кибитокъ, на чистомъ и ровномъ мѣстѣ, выставили большой чугунный котелъ, наполненный кислымъ, и притомъ еще смѣшаннымъ немного съ мукой, молокомъ. Котелъ окопали немножко, длятого, чтобъ его трудно было сдвинуть съ мѣста или своротить на бокъ. Подозвали ребятишекъ и, кинувъ въ молоко двугривенный, подарили его въ собственность тому изъ нихъ, кто достанетъ его изъ котла губами, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ рукъ онъ отнюдь не запускалъ въ котелъ.

Ребятишки съ радостью принялись за добычу; и такъ-какъ охотниковъ собралось множество, то и учредили между собой очередь: кому послѣ кого приступать къ добычѣ монеты, скоро-замѣненной полтинникомъ. Обѣщано было, послѣ каждаго удачнаго улова, кидать по новому полтиннику для каждаго охотника.

Ребятишки сбросили съ себя шапки, тюбетейки, халаты и рубахи и остались въ однихъ шальварахъ. Давно привыкнувъ къ потѣхамъ этого рода и понимая, что, окунувшись въ молоко, весьма-легко захлебнуться, они старательно начали закладывать себѣ уши и ноздри, вмѣсто ваты, свѣжею травой. На украсившагося такимъ катышками мальчишку нельзя было смотрѣть безъ смѣха. Очередной искатель сталъ у котла на колѣни, ухватился ручонками за придѣланныя къ нему уши и погрузился въ молоко головой по самыя плечи: тамъ носомъ и губами вышаривалъ онъ свѣтленькую монетку, валандаясь и дрызгая въ непроницаемой и густой смѣси. Когда мальчишка уставалъ, онъ выныривалъ изъ котла, но не отставалъ отъ него, а только обтряхивался и вытиралъ себѣ голову и лицо, съ которыхъ густое молоко стекало попрежнему въ котелъ. Мальчишка, которому жидкость успѣла ужь войдти и въ носъ и въ уши, только отчихивался да отплевывался, возвращая котлу все отъ него полученное, и снова окунался за монетою. Занятіе это продолжалось долго, до-тѣхъ-поръ, пока удача не награждала искателя. Мальчикъ, ткнувшись носомъ о мотету, нажималъ всѣмъ лицомъ на дно и, подпихивая полтинникъ губами все выше и выше, стараясь только, чтобъ онъ какъ-нибудь снова не свалился книзу, дожималъ и дотаскивалъ его до окраинъ, гдѣ схватывалъ въ ротъ и окончательно освобождалъ изъ котла. Потѣха жалкая, но тѣмъ не менѣе, слишкомъ-характеристическая, чтобъ не сказать о ней ни слова, тѣмъ болѣе, что тутъ ребенокъ, ужь играя, начинаетъ пріучаться хитрить и обманывать, стараясь, незамѣтно для зрителей, запустить руку въ котелъ, выловить пальцами монету и втихомолку надуть товарищей, лишивъ искуснѣйшихъ и терпеливѣйшихъ изъ нихъ права и надежды выиграть призъ

Изъ этого можно ужь видѣть, что та опрятность и чистоплотность, къ которой мы у себя привыкли, вообще не въ понятіяхъ Башкирцовъ. Конечно, бываютъ и у насъ случаи, что, напримѣръ, слу-

га, подавая за обѣдомъ тарелку гостю, по торопливости, вымоетъ и вытретъ ее необщеупотребительными средствами; бываютъ и у насъ разные примѣры неряшества, но зато мы и смотримъ на нихъ какъ на важныя упущенія и нарушенія порядка; но у Башкирцовъ совсѣмъ-другое: тамъ нисколько и не сознаютъ, что извѣстнаго рода неряшество дурно. Чтобъ пояснить мысль свою приведу примѣръ.

Употребивъ въ дѣло походный свой стаканъ и готовясь сѣсть въ экипажъ, я поторопился отдать его Башкирцу съ тѣмъ, чтобъ онъ его поскорѣй вымылъ. Самоваръ съ водой стоялъ еще въ кибиткѣ, полоскательная чашка не убрана, полотенце висѣло тутъ же; Башкирецъ не сообразилъ этого, побѣжалъ со стаканомъ на рѣчку, теръ его тамъ и пескомъ и иломъ, наконецъ принесъ ко мнѣ, вытеревъ по дорогѣ халатомъ. Но замѣтивъ, что на стеклѣ остались густыя сальныя полосы отъ грязныхъ рукъ, которыми онъ держалъ его, Башкирецъ преспокойно плюнулъ на стаканъ, сталъ его оттирать непомѣрно-грязнымъ рукавомъ и съ самодовольнымъ видомъ передалъ мнѣ... Не огорчать же мнѣ было услужливаго Баршкирца! Скрѣпя сердце, я спряталъ стаканъ на мѣсто и ужь на слѣдующемъ переходѣ отдалъ его русскому слугѣ.

Одинъ изъ главныхъ начальниковъ Оренбургскаго Края, любившій и жаловавшій Башкирцовъ, проводилъ лѣтніе мѣсяцы на башкирской кочевкѣ. Однажды, лѣтъ пятьнадцать тому назадъ, войдя въ кибитку къ одному Башкирцу, генералъ, желая его почтить, спросилъ себѣ чашку кумыса Башкирецъ-хозяинъ, чтобъ угодить любимому начальнику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показать свою опрятность, схватилъ чашку, вылизалъ ее до-чиста языкомъ, наполнилъ кумысомъ и подалъ дорогому гостю. Генералъ замѣтивъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ протекаетъ ручеекъ, спросилъ: нельзя ли вымыть чашку водою? «Можно, батышка», отвѣчалъ Башкирецъ: «я тиби чичасъ водамъ-то его мòю» и съ этими словами вылилъ кумысъ изъ чашки обратно въ сабо, потомъ выполоскалъ чашку, вытеръ ее полою кафтана, опять налилъ кумыса изъ того же сабо и подалъ. Генералъ видѣлъ всѣ хлопоты и усердіе Башкирца и, нѐчего дѣлать! выпилъ чашку, разумѣется, не разъ поморщившись.

Дурныя стороны Башкирцовъ составляютъ страсть къ сутяжничеству и конокрадство. Очень-понятно, что оба эти порока привились къ народу не внезапно, а появились вслѣдствіе историческихъ причинъ, обширнаго прежде вотчиннаго права и баранты. Башкирецъ радъ каждому случаю придраться къ сосѣду, чтобъ завести съ нимъ тяжбу, хоть бы изъ-за малѣйшихъ пустяковъ. Онъ, въ этихъ случаяхъ, прибѣгаетъ не къ шаріату, по началамъ котораго производится раздѣлъ имѣнія и рѣшеніе серьёзныхъ споровъ, а обращается къ присутственнымъ мѣстамъ и изводитъ множество гербовой бумаги, изъ всѣхъ силъ хлопоча ввести въ изъянъ соперника, пока самъ не будетъ обвиненъ въ ябедничествѣ.

Что касается до конокрадства, которое Башкирцы приписываютъ будто бы обѣднѣнію, но которое вѣрнѣе, кажется, отнести къ послѣднимъ проблескамъ когда-то сильной между Башкирцами баранты, то

теперь виновныхъ въ этомъ преступленіи велѣно судить военнымъ судомъ. Зло это слишкомъ-велико, чтобъ не обращать на него всей строгости законодательства. Присматриваясь къ нарушеніямъ различныхъ правъ и къ видоизмѣненіямъ проступковъ и преступленій, совершаемыхъ инородческими племенами, съ государственной точки зрѣнія, нельзя не обратиться къ старинной мысли — собранія инородческихъ законовъ. Для науки подобныя собранія будутъ драгоцѣнностью, но въ смыслѣ замѣны ими дѣйствующихъ общихъ гражданскихъ законовъ, это было бы вѣрнымъ путемъ къ разъединенію національностей и къ застою юридическихъ началъ въ нашихъ инородческихъ племенахъ: нашъ Сводъ Законовъ долженъ быть и дѣйствительно есть единственнымъ источникомъ правосудія для всѣхъ подданныхъ имперіи.

Конокрадство у Башкирцовъ тѣмъ строжайшему должно подлежать преслѣдованію, что къ совершенію этого преступленія руководитъ не сознаніе безъисходной бѣдности, а совсѣмъ-другое чувство. Люди наблюдательные, старожилы края, замѣтили, что Башкирецъ рѣдко украдетъ лошадь у Башкирца же; чаще-всего онъ норовитъ увесть ее у Русскаго, у Чувашенина, или у кого другаго, только не у своего брата-мухаммеданина; стало-быть, тутъ, кромѣ самаго акта кражи, преступенъ и разсчетъ, замыселъ, arrière-pensée, съ какими Башкирецъ обдумываетъ эту кражу. Независимо отъ того, раскрытіе преступленій этого рода гораздо-труднѣе у Башкирцовъ и другихъ Татаръ, нежели въ деревняхъ у русскихъ крестьянъ. Русскій или Цыганъ, продастъ ли онъ лошадь, перекраситъ ли ее, или перетавритъ, во всякомъ случаѣ не можетъ совершенно скрыть всѣхъ слѣдовъ преступленія. Татарину украсть чужую лошадь — съ полà-горя: ему стоитъ только увести кобылу, а тамъ зарѣзалъ ее, съѣлъ — и концы въ воду!

Замѣтили тоже люди наблюдательные у Башкирцовъ любовь къ чистому воздуху. Башкирецъ, кажется, ни о чемъ серьёзномъ не можетъ толковать въ кибиткѣ, или дома, въ комнатѣ: ему непремѣнно надо выйдти на воздухъ и тамъ совѣтоваться съ сосѣдомъ. Напримѣръ: прійдетъ бумага отъ кантоннаго начальника къ юртовому старшинѣ: онъ не прочтетъ ее спокойно дома, а пойдетъ къ сосѣду, Хамидуллѣ, вызоветъ его съ собой на улицу, начнетъ съ нимъ разсуждать, что вотъ, дескать, бумага пришла отъ «кантоннаго»: вѣрно, пишетъ о чемъ-нибудь! Потомъ пойдутъ соображенія: о чемъ кантонный пишетъ? кàкъ ему отвѣчать, если онъ пишетъ о томъ-то? чтò ему сказать, если онъ пишетъ не объ этомъ, а объ другомъ? Мухаммеджанъ, сосѣдъ, живущій съ противоположной стороны, увидитъ въ окно, что юртовой о чемъ-то громко разсуждаетъ съ Хамидуллой, самъ не утерпитъ, чтобъ не выйдти на улицу и не присоединиться къ юртовому. Тогда всѣ трое начинаютъ снова прежній разговоръ о прибытіи бумаги, о вѣроятномъ ея содержаніи, и о необходимости отвѣчать на такой-то вопросъ такъ-то, а на такой-то вотъ этакъ. За Мухаммеджаномъ является на сходку Камаль-Эддинъ; при немъ начинается разговоръ снова; за Камаль-Эддиномъ прибѣжитъ Исетка, за Исеткой — Мурзабайка, за Мурзабайкой — Мавлюгулка, и наконецъ сбѣжится вся деревня, начнется шептанье и перешептыванье, пересуды и дальновидныя соображенія; на-

родъ раздѣлится на партіи, потомъ опять соберется въ кучку, пойдутъ споры, разногласія и ужь долго спустя юртовой съ мидасовскою премудростью порѣшитъ всѣ возникшія здѣсь несогласія тѣмъ, что уйдетъ домой, вскроетъ пакетъ, прочтетъ бумагу и объявитъ міру, что отъ начальства приказъ пришелъ или о поданіи списка очереднымъ на службу Башкирцамъ, или о содержаніи деревенскихъ улицъ въ чистотѣ, или о посѣвѣ картофеля, или о чемъ-нибудь другомъ, одинаково-интересномъ для его однодеревенцовъ. Башкирцамъ и въ голову не прійдетъ пожалѣть о потерѣ времени и о безплодности ихъ прежнихъ соображеній.

Кромѣ обыкновенныхъ духовныхъ лицъ, имѣющихъ право читать и объяснять Коранъ, у Башкирцовъ, въ старые годы, бывали свои ишаны. Я не знаю настоящаго значенія хивинскаго «инаха», который, говорятъ, есть то же, что̀ и нашъ ишанъ; но мнѣ извѣстно, что въ предѣлахъ Россіи, или по-крайней-мѣрѣ близь ея границъ, существуютъ три ишана: одинъ живетъ гдѣ-то за Сыр-дарьей у Киргизовъ, другой — на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, у залива Александер-бай, у Туркменовъ, третій—въ Стерлитамацкомъ Уѣздѣ въ деревнѣ Стерлибашъ.

Въ этомъ Стерлибашѣ существовало, въ прежнее время, учрежденіе въ родѣ не то̀ Александрійской Академіи, съ которою у него, разумѣется, не было ничего общаго, не то̀ въ родѣ Самаркандскаго Университета, каковаго, впрочемъ, въ Самаркандѣ не оказывается. Значеніе этого учрежденія можно пояснить такимъ-образомъ, что въ Стерлибашъ стекались любознательные мухаммедане изъ всей Башкиріи, изъ Казани и даже будто бы изъ Крыма. Занимали они здѣсь маленькія комнатки, жили въ строгой умѣренности и отчужденіи отъ міра и все время посвящали изученію Корана и всѣхъ таинственностей ислама. Самымъ пребываніемъ своимъ въ Стерлибашѣ, каждый отшельникъ пріобрѣталъ себѣ эпитетъ ученаго и безспорно считался всѣми за муллу, или духовнаго истолкователя Корана. Чтобъ быть муллой, достаточно умѣть читать Коранъ, и не разъ случалось видѣть юношей, повидимому недоросшихъ и до двадцатилѣтняго возраста, которые занимали должность муллы, объясняли своимъ слушателямъ законъ и, какъ по физіономіи немудрено было замѣтить, сами не совсѣмъ понимали то̀, что̀ читали въ книгѣ. Въ Стерлибашъ стекались ужь не юноши, а люди возмужалые, иногда ужь въ лѣтахъ, и здѣсь проходили они полный курсъ мусульманскаго законовѣдѣнія, подъ ферулой сѣдобородаго ишана, который управлялъ всѣми ихъ дѣйствіями, всѣми поступками, всѣми помышленіями и направлялъ ихъ къ будущему проповѣдыванію, на основаніи началъ, которымъ онъ, ишанъ, самъ слѣдовалъ.

Стерлибашскому отшельнику стоило только, по окончаніи курса у своего ишана, отправиться въ вояжъ, съ караваномъ, сперва въ Бухару, а потомъ въ Самаркандъ и потомъ возвратиться въ Башкирію, чтобъ слава о немъ, какъ объ ученѣйшемъ изъ самыхъ ученыхъ, распространилась между всѣми мухаммеданами Россіи. Впрочемъ, въ Самаркандѣ усовершенствовали свои познанія закона многіе башкирскіе

муллы. Одинъ изъ нихъ, Хаир-Заманъ (въ первомъ башкирскомъ кантонѣ), между-прочимъ, увѣрялъ одного моего знакомца, что самаркандскіе ученые совсѣмъ не такіе пошлые невѣжды, какъ многіе о нихъ воображаютъ, хотя и вовсе не такіе профессоры, какъ иные о нихъ пишутъ. Они знаютъ исторію, но по-своему, безъ примѣси правды; подъ исторіею разумѣютъ больше хронологію; объ европейскихъ государствахъ имѣютъ самыя сбивчивыя понятія, но обладаютъ и нѣкоторыми европейскими картами, управиться съ которыми несовсѣмъ-то они умѣютъ, не зная съ какой стороны къ нимъ подступиться. Больше всего знакомы имъ наше Каспійское Море и страны, его облегающія.

Башкирцы имѣютъ множество повѣрій, обличающихъ ихъ старинное язычество. По незнанію языка, по кратковременности пребыванія и по неимѣнію случая сойдтись съ людьми, хорошо-знакомыми съ предразсудками башкирскаго простолюдья, мнѣ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній о башкирскихъ повѣрьяхъ; тамошніе знакомцы мои сообщили мнѣ по этому предмету немногое.

Хребетъ Джильмердякъ, отрогъ южнаго хребта Урала, тянущійся верстъ на сто по Стерлитамацкому Уѣзду, по мнѣнію Башкирцевъ, весь населенъ высшими существами, непринадлежащими къ нашему міру. Отдѣльная гора этого хребта, именуемая Улу-джаман-тау, то-есть Большою и Злою, въ ненастье, скрываетъ въ туманахъ свою вершину, равняющуюся, по разсказамъ, третьей части видимой тогда высоты горы. Гора эта вся, кромѣ вершины, покрыта лѣсомъ; кочевые Башкирцы, переходя по ней съ мѣста на мѣсто, достигаютъ по временамъ ея половины. Иные случайно, напримѣръ, во время переѣздовъ или охоты, подпимаются гораздо-выше. Въ дальнихъ высотахъ, даже въ полдень, за густымъ туманомъ, ничего не видать; дыханіе спираетъ; толстое верблюжье сукно проникается сыростью насквозь и пары бываютъ сгущены до такой степени, что зги не видно и дорогу нужно вышаривать руками. По преданіямъ стариковъ, вершина этой горы увѣнчана обширнымъ озеромъ, на берегу котораго стоитъ, въ видѣ трона, огромный камень. Этотъ монолитъ носитъ у Башкирцевъ названіе «Діу-падышах-сынынг-тахты», то-есть, «тронъ царя дивовъ».

Башкирцы перваго кантона считаютъ себя потомками переселенцевъ изъ древняго Булара, но не Булгара. Башкирцы увѣрены, что это двѣ разныя «мѣстности» и что Буларъ стоялъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Билярскъ, въ Чистопольскомъ Уѣздѣ Казанской Губерніи, при Маломъ Черемшанѣ. Что Буларъ и Булгаръ суть два діалектныя произношенія одного и того же слова — это теперь не подлежитъ сомнѣнію; но важность указанія Башкирцевъ на розность мѣстностей служитъ новымъ подкрѣпленіемъ уже давно-высказанной мысли, что Булгаръ двѣнадцатаго столѣтія могъ не имѣть ничего общаго съ Булгаромъ десятаго вѣка. У Башкирцевъ этого кантона сохранилось преданіе, что мухаммеданство приняли они около временъ покоренія Казани, стало-быть, въ очень еще недавнее время, когда мухаммеданство проникло и въ финскія племена дальняго зауральскаго

скаго сѣвера. Это само-собой указываетъ, что еще въ XVI-мъ столѣтіи народъ этотъ придерживался язычества, а преданіе о прежней родинѣ на Черемшанѣ заставляетъ думать: не принадлежатъ ли нынѣшніе осинскіе Башкирцы къ одному съ Черемисою корню? Изъ вѣрованій отдаленной старины у нихъ осталось еще понынѣ въ употребленіи жертвоприношеніе чернымъ духамъ, «кара̀-нерсѐ». Одинъ изъ образованныхъ Башкирцевъ этого кантона разсказывалъ намъ, между-прочимъ, что еще и понынѣ, въ случаѣ чьей-нибудь болѣзни, родственники больнаго, тихонько отъ сосѣдей, отправляются въ лѣсъ и тамъ, по старинѣ, съ обрядами, хранящимися въ-тайнѣ, умилостивляютъ «черныхъ духовъ» кровавою жертвою, и исключительно одними только черными баранами. Имени Аллаха при этомъ не произносится никогда и никакихъ мухаммеданскихъ молитвъ не читается. Когда, по окончаніи жертвоприношенія, люди возвращаются домой, то имъ, ни подъ какимъ видомъ не дозволяется обернуться назадъ: иначе они, по словамъ старыхъ людей, въ то же мгновеніе падутъ, пораженные суровымъ гнѣвомъ черныхъ духовъ.

Совершая путь прежде, до рѣки Ика, по направленію на сѣверозападъ, мы съ Мурадымовой круто повернули на востокъ и все глубже-и-глубже вдавались въ ущелья, имѣя въ виду дважды переѣхать главный хребетъ Урала, собственно затѣмъ, чтобъ взглянуть на одинъ частный мѣдиплавиленный заводъ.

Дорога предстояла намъ живописная, но преутомительная. Кругомъ горы, па̀ди, небольшія долины, испещренныя безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, между которыми горделиво возвышала свою пунцовую головку «барская спѣсь» или «татарское мыло». Этою «барскою спѣсью» башкирскія женщины румянятся, разумѣется, только лѣтомъ; зимой же онѣ, вмѣсто румянъ, употребляютъ, какъ меня увѣряли, толченую киноварь, чему я несовсѣмъ вѣрю, и кошениль, что̀ гораздо-правдоподобнѣе. Горы лѣпились одна на другую и скрывали отъ взоровъ дальніе пригорки за березнякомъ или за стройнымъ сосновымъ лѣсомъ. Повременамъ голые, повременамъ обомшенные тра̀вой камни выглядывали по сторонамъ узкой и тряской дороги огромными валуна̀ми; иногда отдѣльный холмъ какъ-будто пополамъ прорѣзывался гигантскимъ известнякомъ, который шероховатыми и высокими ребрами торчалъ по обнаженной отъ лѣса вершинѣ горы и точно лѣстницей сползалъ по ея склону къ самой подошвѣ, соединяясь тамъ съ такими же выступами сосѣдней горы. Мѣста были преживописныя, но дорога, нечего грѣха таить, была прегадкая, хуже чѣмъ всякій другой проселокъ; надо припомнить, что мы ѣхали не-почтовымъ трактомъ и были далеко въ-сторонѣ отъ воздѣланныхъ путей сообщенія.

Наконецъ мы пріѣхали въ деревеньку, или, вѣрнѣе, въ выселокъ, принадлежащій тому заводу, который мы собирались посѣтить. Тутъ нашли мы среди лѣса часовеньку и нѣсколько, около десятка, или и меньше, новенькихъ крестьянскихъ домиковъ, содержимыхъ очень-чисто. Мѣстъ для пашни мало; крестьяне обязаны выставить каждый по пятисотъ пудовъ мѣдной руды, изъ Гребеней, изъ-подъ Сакмарскаго Городка: это составитъ верстъ около двухсотъ. Что касается

до стоимости провоза въ этихъ мѣстахъ, то ее безгрѣшно, особенно въ дурное время, надо положить копеекъ хоть въ двадцать съ пуда.

Наконецъ, проѣхавъ еще верстъ двадцать, мы прибыли, часу въ первомъ дня, въ заводъ. Хозяина не было въ заводѣ, главноуправляющаго тоже; насъ принялъ человѣкъ, казалось, непринадлежащій къ числу заводскихъ людей: вѣроятно родственникъ чей-нибудь и, какъ по всему видно, человѣкъ знакомый съ губернскими приличіями. Онъ ласково пригласилъ насъ въ занимаемыя имъ комнаты. Рослый, но блѣдный, сухощавый слуга, въ тиковомъ халатѣ, принялся снимать съ насъ верхнее платье·

Въ комнатахъ поразила насъ особенность, свидѣтельствовавшая о пристрастіи нашего теперешняго хозяина къ красненькимъ цвѣточкамъ, о которыхъ мы недавно упоминали. Горшки съ «барскою спѣсью» стояли и на окнахъ, и по всѣмъ угламъ комнатъ, и у печей, и на кронштейнахъ—всюду. Въ кабинетѣ, въ которомъ весь письменный столъ заваленъ былъ бумагами, счетами, реестрами, нарядами и листами «Вѣдомостей Московской Городской Полиціи», лучшимъ украшеніемъ комнаты былъ портретъ, висѣвшій надъ диваномъ. По обѣимъ сторонамъ портрета прибиты были кронштейны и на нихъ опять-таки стояли горшки великолѣпной «барской спѣси»; хорошенькія вазочки съ этими же миленькими цвѣточками висѣли на снуркахъ у каждаго окна кабинета.

На портретѣ изображено женственное лицо какого-то кудреватаго, жирненькаго и сильно-подрумяненнаго амура въ ухарской цвѣтной венгеркѣ, обложенной оранжевыми снурками; отсутствіе усовъ доказывало, что на портретѣ снято лицо какого-нибудь отчаяннаго франта изъ штатскихъ. Въ миролюбивыхъ наклонностяхъ оригинала нельзя было и сомнѣваться; стоило только взглянуть на коротенькій, сильно-вздернутый носикъ у портрета, на пухленькія, даже слишкомъ-пухлыя щеки, для которыхъ живописецъ не пожалѣлъ лишнихъ порошинокъ бакана, и на высоко-повязанный галстухъ съ вздернутыми къ ушамъ и туго-накрахмаленными воротничками — и сейчасъ согласишься, что видишь передъ собою совершеннаго ягненка; завитые барашкомъ волосики еще болѣе увеличивали это сходство. Маленькое противорѣчіе общему впечатлѣнію нашелъ я только въ одномъ обстоятельствѣ: у представленной на портретѣ особы приподнята была кверху въ ракурсѣ рука, съ разверстымъ указательнымъ пальцемъ, на которомъ надѣтъ большой и, должно-быть, очень дорогой перстень. Признаюсь, я употребилъ нѣсколько лишнихъ мгновеній на то, чтобъ разглядѣть этотъ портретъ, написанный, на мои глаза, довольно-таки малярною кистью, и не могъ сообразить, гдѣ могъ добыть себѣ артистъ натуру для такой карикатуры?

— Любуетесь портретомъ, сударь? спросилъ меня хозяинъ.

— Да!.. отвѣчалъ я двусмысленнымъ тономъ.

— Это у насъ въ Путивлѣ такіе художники-съ!.. А что-съ, похожъ? спросилъ онъ немного погодя.

— На кого?

— Да вѣдь это съ меня писали-съ!.. Недавно-съ.. передъ моимъ отъѣздомъ сюда...

— Ну, какъ же! очень-похожъ! ни дать ни взять, точно двѣ капли воды! отвѣтилъ я, видя, что почтенному господину будетъ очень-лестно мое одобреніе и что для него было бы очень-огорчительно, еслибъ я позволилъ себѣ намекнуть ему о стихахъ Крылова и о той художнической кисти, которая «Кузьму Лукой писала».

Завязалась рѣчь о художествахъ вообще и о художествахъ въ Путивлѣ въ-особенности, о важности портретной живописи, о томъ, о другомъ, наконецъ хозяинъ спохватился и, обратясь ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ, спросилъ:

— А что?.. да вы, того-съ, обѣдали ли, господа?

— Нѣтъ, мы сегодня почти ничего не ѣли и ужасно проголодались! отвѣчалъ я безъ церемоніи, разсчитывая какъ бы въ-самомъ-дѣлѣ намъ, этакъ порядочнымъ образомъ пообѣдать.

— Эхъ, жаль-съ; а я только-что пообѣдалъ-съ... Ну ужь извините-съ, теперь поздно... а вотъ мы зато чай на англійскій манеръ откушаемъ .. я вѣдь никогда не ужинаю-съ... а такъ, знаете, закусываю съ чаемъ. А между-прочимъ, не угодно ли отдохнуть-съ; я велю подать фруктовъ-съ... у меня садъ... какой садъ!.. вотъ тутъ-съ подъ окномъ, чудесный-съ... Такъ покушаемъ фруктовъ, а тамъ пойдемъ заводъ осматривать... а тутъ какъ-разъ и чай... Эй, человѣкъ!

Худощавый гайдукъ явился, и на этотъ разъ, вмѣсто тиковаго халата, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ узенькомъ-преузенькомъ галстучкѣ и въ бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ.

— Подай, братецъ, намъ фруктовъ! сказалъ онъ, растягивая слова ужасно-длинно.

Гайдукъ повернулся налѣво-кругомъ.

— Фруктовъ!... понимаешь?

— Понимаю-съ, Александра Пафнутьичъ, отвѣтилъ лакей, обратившись къ хозяину.

— Ну, хорошо, ступай!

Гайдукъ снова повернулся налѣво-кругомъ.

— Такъ фруктовъ! Слышишь?

— Слушаю-съ, Александра Пафнутьичъ! проговорилъ тотъ, снова обратясь къ нашему весельчаку.

— Ну, хорошо; теперь можешь идти!

Гайдукъ ушелъ.

— Я пріучаю людей дѣлать все не торопясь... Дядюшка мой, здѣшній управляющій, онъ матушкиной двоюродной сестрицѣ приходится какъ-то по мужской линіи... онъ мнѣ, знаете, не что сватъ, не что братъ, а, какъ говорится, oncle... оно, знаете, имѣетъ значеніе! все-таки oncle не что-нибудь такое, а пофранцузски! Дядюшка у меня степнякъ такой, сердитый, угрюмый, а скажешь ему oncle! mon oncle! онкельчикъ-голубчикъ! онъ ужь и самъ становится другимъ человѣкомъ и обходится со мной ласковѣе. Такъ... про что бишь я говорилъ-съ?... Да, у него люди служить не умѣютъ... Я бывалъ въ Москвѣ: пока дядюшка ѣздитъ въ городъ по заводскому дѣлу, а это про-

длится все-таки еще съ недѣлю, я выучу его людей служить по столичному: посмотрите, имъ самимъ любо! во фракѣ щеголяютъ—и ничего не дѣлаютъ, сидятъ склавши руки!

Въ эту минуту въ комнату вошелъ прежній гайдукъ съ огромнымъ подносомъ, на которомъ блестѣли, точно два озерка на пространной степи, двѣ маленькія фаянсовыя тарелочки съ только-что нарванными ягодами.

— Фрукты? спросилъ исправлявшій должность хозяина.

— Фрукты-съ! отвѣчалъ гайдукъ.

— Какіе фрукты?

— Малина-съ и земленика-съ!

— Хорошо. Помни, что никогда не надо подавать одного блюда на подносѣ; подавай всегда два, два и два... Слышишь?

— Слушаю-съ.

— Понимаешь?

— Понимаю-съ, Александра Пафнутьичъ.

— Поставь же эти фрукты тутъ, на столѣ, и принеси еще фруктовъ... тамъ спроси у Лукерьи... пусть въ кладовой поищетъ!

Гайдукъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ опять показался въ дверяхъ съ огромнымъ подносомъ и съ двумя тарелками.

— Что̀, фрукты?

— Фрукты-съ!

— Съ чѣмъ эта тарелка, что̀ налѣво?

— Дыня-съ!

— А съ той стороны?

— Тоже дыня-съ!

— Хорошо; поставь здѣсь на столѣ и ступай вонъ.

Дыни здѣсь продаются по копейкѣ; для насъ нарѣзали этого фрукта съ десяточекъ самыхъ тоненькихъ ломтиковъ. Вѣроятно, это было очень-вкусно, но... «куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснаго!» Нечего дѣлать, мы переглянулись другъ на дружку и пошли осматривать заводъ.

Заводская земля огромна; къ заводу приписано ея верстъ сто длиннику и верстъ восемьдесятъ поперечнику; лѣсу много. Заводское селеніе занимаетъ дикую, но живописную мѣстность. Оно расположено на горѣ и по скату ея; улицы обстроены чистенькими домами; съ одной стороны бѣлѣется каменная церковь. За однимъ утесистымъ холмомъ озеро; одинъ берегъ его состоитъ изъ голыхъ скалъ, образуемыхъ пластами ребромъ стоящаго известняка; вверху полуразрушенная мельница; влѣво заводъ, съ пятью высокими, выбрасывающими густой черный дымъ, трубами; противъ мельницы, на другомъ берегу, владѣльческій домъ съ садикомъ, въ которомъ растетъ одна черемуха; дорожки заглохли и заросли густой травой. Черныя воды озера, крутыя тропинки, дикіе, лишенные растительности утесы, пустынность окрестностей съ одной стороны, безлюдье по улицамъ, съ другой стороны, а тамъ видимое запущеніе, надъ всѣмъ этимъ безоблачное голубое небо, растилающееся прозрачнымъ покровомъ надъ всѣмъ видимымъ пространствомъ, и на немъ раскаленное ядро послѣ-

полуденнаго солнышка, прожигавшаго насъ нестерпимо-горячимъ потокомъ лучей—все это производило особаго рода эффектъ и наводило на насъ какія-то тяжелыя ощущенія.

У заводскаго зданія, тамъ и сямъ, виднѣлись групами, занятые исправленіемъ разныхъ работъ крестьяне; между ними изрѣдка мелькали свѣжія, но безстрастныя лица молодыхъ бабъ въ «занавѣскахъ», или долгихъ, начинающихся у самой шеи передникахъ, надѣваемыхъ поверхъ сарафана; ребятишекъ не встрѣтили мы нигдѣ и ихъ веселенькія личики не могли теперь оживить собою картину общаго труда.

Мы вошли въ сарай и поспѣшили пройдти впередъ; намъ хотѣлось взглянуть попристальнѣе на работы и замѣтить всѣ пріемы, съ которыми, одѣтые въ однѣ бѣлыя рубахи, работники копошились около печи, подкидывали дровъ, подвозили руду и занимались другимъ дѣломъ; но, приблизившись къ печамъ, мы поспѣшили отъ нихъ отстрониться, потомъ пятились шагъ за шагомъ назадъ, наконецъ, не вытерпѣли и выбѣжали изъ сарая прохладиться подъ палящимъ зноемъ. Жара для насъ, непривычныхъ людей, была сильна и на солнышкѣ, но въ сараѣ она казалась намъ нестерпимою. Я, однакожь, вооружился всѣмъ запасомъ безстрашія, вынулъ изъ футляра термометръ, вошелъ опять въ сарай и, ставъ въ двухъ саженяхъ отъ устья печей, хотѣлъ дѣлать наблюденія. Чрезъ нѣсколько мгновеній ртуть въ моемъ термометрѣ быстро поднялась до 43 градусовъ; не имѣя рѣшимости поближе подойдти къ рабочимъ, я бросилъ свою попытку и опять выбѣжалъ на солнце: другой прохлады вблизи не было; тѣнь лежала по другую сторону сарая, и до нея далеко было добираться.

Вотъ эта-то жара и служитъ объясненіемъ, почему у плавиленныхъ печей рабочіе работаютъ въ бѣлыхъ рубахахъ. Этотъ обычай, замѣченный мною на частномъ заводѣ, напомнилъ мнѣ другой, заслуживающій подражанія, порядокъ въ другомъ мѣстѣ. Разумѣется, все образцовое, лучшее, мы видимъ на казенныхъ заводахъ. Я помню очень хорошо, что, въ давнюю бытность свою въ Барнаулѣ, мнѣ случалось входить въ залы, гдѣ нестерпимость жары тоже не могла на меня не подѣйствовать. Но тамъ эту адскую жару мы чувствовали только у самаго устья печи; а что всего важнѣе, тамъ обязанные быть вблизи этихъ устій рабочіе защищены были отъ сильнаго жара не бѣлыми рубахами, а толстыми войлочными латами, такими же рукавицами, шапками и масками для лица. Казна вводитъ расходы на эти немного-цѣнные предметы въ свой бюджетъ, а нѣкоторые частные заводчики или не знаютъ этого человѣколюбиваго изобрѣтенія, или не берутъ примѣровъ съ казенныхъ заводовъ, единственно въ видахъ сбереженія экономіи.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какія противоположныя чувства приходится испытывать человѣку, которому привелось взглянуть на казенные заводы и на иные заводы частныхъ лицъ! На казенныхъ — учтивость, предупредительность, научное знаніе предмета, строгость надзора за рабочими, разумная разсчитанность каждаго дѣйствія, на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о человѣколюбіи, о христіанской любви къ ближ-

нему; сердцу становится весело, поглядѣвъ на благоустройство и благочиніе казенныхъ заводовъ... но какъ невесело бываетъ подчасъ быть гостемъ у инаго частнаго заводчика!

Утомившись отъ прогулки, мы возвратились домой и, въ ожиданіи «англійскаго чая», расположились съ истощенными желудками на отдыхъ, распорядясь, однакожь, напередъ послать нашего Башкирца въ окрестныя дачи, чтобъ нанять намъ новыхъ лошадей. Тройка, на которой мы пріѣхали, была истомлена тяжелою дорогой, а Александръ Пафнутьичъ своихъ лошадей не могъ намъ ссудить, потому-что всѣ онѣ были заняты заводскою работой; у заводскихъ же людей нанять ихъ было тоже нельзя, какъ намъ объявили, по двумъ причинамъ: привычныхъ къ почтовой гоньбѣ лошадей у нихъ не было, а еслибъ и нашлись охотники выставить упряжку, то и тогда крестьянамъ нельзя было этого дозволить, потому-что, польстившись на прогоны, охотникъ долженъ былъ бы самъ править лошадьми и, стало-быть, отвлечь себя отъ урочныхъ работъ на заводѣ.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли ѣздилъ нашъ Башкирецъ, мы навѣрное сказать не можемъ, только къ вечеру явилась новая башкирская тройка.

Наконецъ насъ позвали къ англійскому чаю.

Въ столовой былъ раскрытъ длинный столъ, покрытый бѣлою скатертью и приготовленный на двѣнадцать кувертовъ. Прекрасное бѣлье, неукоризненнаго блеска серебро, серебряный чайный сервизъ, граненые стаканы, рюмки и бокалы—все это въ изобиліи разставлено было чрезвычайно-симметрически. Вмѣсто вазъ съ пахучими цвѣтами, на столѣ разставлено было нѣсколько скромныхъ горшковъ съ знакомыми намъ цвѣтками барской спѣси, а въ промежуткахъ ихъ кокетливо глядѣли давешнія тарелочки съ «фруктами»—съ ломтиками дыни, съ малиной и съ земляникой.

Чай сопровождался легонькою закусочкой. Эта легонькая закуска состояла изъ пяти блюдъ, одно за другимъ внесенныхъ щеголеватымъ гайдукомъ: онъ ихъ поставилъ на другомъ концѣ стола, противоположномъ тому, на которомъ былъ чайный приборъ. Я полюбопытствовалъ взглянуть на легонькую закуску, сопровождавшую англійскій чай, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что наша недобровольная діэта вознаграждена будетъ самымъ неожиданнымъ образомъ: къ чаю поданы были горячіе кислые щи съ свининой, гречневая каша съ молокомъ, остатки холоднаго изъ бараньей головы или изъ телячьихъ ножекъ, остатки кулебяки съ морковью и половина жаренаго гуся. Этикетка на единственной бутылкѣ, на половину ужь опорожненной, закупоренной пробкой съ статуэткой россійскаго Жюль-Жанена, важно-занимавшей самый центръ стола, этикетка эта россійскими литерами возвѣщала намъ, что мы будемъ наслаждаться напиткомъ, нами еще неизвѣданнымъ, и именно «грандмадерой»... виномъ, только-что выписаннымъ изъ Златоустовскаго Завода.

Втроемъ закусивъ на двѣнадцати кувертахъ и хорошо подкрѣпивъ себя на дальнѣйшій путь, мы распростились съ Александромъ Пафнутьичемъ и около сумерекъ оставили его гостепріимный кровъ. Ужь

отъѣхавъ съ версту отъ завода, мы узнали отъ людей своихъ, что, въ-попыхахъ, Александръ Пафнутьичъ забылъ отдать приказъ, чтобъ дать и имъ чего-нибудь позакусить: тàкъ они, бѣдняжки, и остались не только безъ англійскаго чая, но даже вовсе безъ чая, даже вовсе безъ хлѣба. Это поставило насъ нѣсколько въ-тупикъ, но, впослѣдствіи времени, мы перестали всему дивиться, наслушавшись почти невѣроятныхъ анекдотовъ насчетъ разсѣянности этого господина.

Оставивъ заводъ, мы должны были снова перевалить черезъ кряжъ, чтобъ выѣхать на рѣку Сакмару. Скоро стемнѣло и затруднительный переѣздъ по горнымъ тропинкамъ сдѣлался еще затруднительнѣе. Подъемы на горы были утомительны, спуски круты, дорога узка, колеи невѣрныя и засыпанныя вѣтроломомъ; а гдѣ не было опрокинутыхъ бурею деревьевъ, загромождавшихъ намъ дорогу, тамъ экипажъ нашъ выдерживалъ неменѣе опасные толчки, подпрыгивая на высунувшіеся съ боковъ дороги камни. Къ ночи стало тепло, но сырость воздуха проникала насъ насквозь; скоро это ощущеніе замѣнено было новымъ неудобствомъ Чѣмъ болѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ воздухъ становился удушливѣе; темень наступила страшная и мы принуждены были ѣхать почти шагомъ, потому-что тарантасъ нашъ катился по такому крутому косогору, что мы принуждены были наконецъ выйдти изъ него и идти пѣшкомъ.

Скоро мы достигли до ожидавшей насъ новой башкирской «выставки» и съ конвоемъ пустились дальше. Желаніе поскорѣе прискакать въ жилье, мы принуждены были ограничить простымъ желаніемъ не простоять всю ночь па одномъ мѣстѣ и провести ее безъ непріятныхъ происшествій, а непріятности этого рода ожидали насъ на каждомъ шагу: то нужно было проѣхать чрезъ совершенно-разрушенный мостъ, при спускѣ съ одной горы и при подъемѣ на другую, то перенесть тарантасъ на рукахъ чрезъ буреломъ, грудой лежавшій посередь дороги, то приходилось живою подпоркою поддерживать грузный экипажъ, совершенно-перекосившійся па каменистой тропинкѣ крутаго косогора. Къ довершенію всѣхъ нашихъ хлопотъ, началась гроза: мы... по-крайней-мѣрѣ лично я пришолъ въ совершенное уныніе. Меня и безъ того дорога истомила, да на бѣду свою я еще и плотно поужиналъ въ заводѣ; я задыхался отъ усталости и отъ духоты въ воздухѣ; а тутъ еще новое испытаніе: проливной дождь мочитъ насъ безъ всякаго милосердія; ослѣпительная молнія рѣжетъ глаза, а громъ съ оглушительнымъ грохотомъ такъ и дробитъ въ раскатахъ по скаламъ въ ущельяхъ.

Наконецъ и громъ какъ-будто бы угомонился и сталъ гудѣть вдали глухими перекатами; но молнія все не переставала и багровымъ свѣтомъ озаряла дикія окрестности, за мгновеніе передъ тѣмъ погруженныя въ совершенный мракъ. Просѣка, по которой мы ѣхали, сдѣлалась какъ-будто бы шире, дорога — спокойнѣе; мы снова засѣли въ тарантасъ и, точно пловцы какіе, стали нырять въ волнахъ горныхъ вершинъ, очутившись въ главныхъ высотахъ хребта, черезъ который проѣзжали. Утомленіе взяло свое и мы, довѣрившись инстинкту лошадей, искусству ѣхав...аго па коренной изъ нихъ Башкирца и опыт-

ности двухъ конвойныхъ, скакавшихъ впереди и выглядывавшихъ дорогу, стали понемножу успокоиваться, забываться, дремать и, кажется, сладко бы проспали, еслибъ порывистый свистъ вѣтра, визгливый ревъ Башкирцовъ и рѣзкія вспыхиванья молніи не заставляли насъ, время отъ времени, вздрагивать съ просонковъ и, раскрывъ полусонные глаза, озираться на всѣ стороны. Но по сторонамъ, кромѣ стараго и рѣдкаго лѣса, мгновенно освѣщенныхъ ущелій и сосѣднихъ горныхъ вершинъ, ничего не было видно: мы опять предавались тревожному сну. И вдругъ, и слухъ и зрѣніе наши поражены были картиною, въ существѣ своемъ, конечно, не естественною, но тѣмъ не менѣе немножко будто-бы знакомою: мы ясно видѣли передъ собой суковатый пень, который, по мѣрѣ нашего приближенія къ нему, росъ все выше, выше, раздавался въ сторону все шире, шире, наконецъ превратился въ какое-то чудовище съ двумя огромными огненными глазами и съ длинными, неизмѣримо-длинными руками, которыми оно махало направо и налѣво. Мимо насъ пробѣгали дикіе вепри, олени, ползли гремучія змѣи; чудовище махало на нихъ руками и съ каждымъ взмахомъ тысячи совъ и филиновъ слетались съ сосѣднихъ деревьевъ, хлопали крыльями и страшнымъ завываньемъ скликали передъ чудовище новыя стаи огненныхъ змѣй, мещущихъ пламя звѣрей и цѣлый сонмъ человѣческихъ скелетовъ съ смѣющимися челюстями у голыхъ и пожелтѣлыхъ отъ времени череповъ. Раздалась адская музыка. Я своими глазами видѣлъ въ рукахъ одного мертвеца тамбуринъ, у другаго—мѣдныя тарелки; самъ видѣлъ, ка̀къ, вооруженный огненными рогами козелъ, ставъ на заднія ноги и игриво шевеля маленькимъ хвостикомъ, жеманно держалъ въ переднихъ лапахъ англійскій рожокъ и наигрывалъ на немъ что-то очень-знакомое, я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ огромнѣйшихъ филиновъ, съ размаха стукался головой за привѣшенный къ пальцу чудовища огромный там-тамъ и производилъ звонкій гулъ, созывавшій всѣ стаи птицъ и звѣрей на поляну, на которой кружились они въ адской пляскѣ. Я слышалъ своими ушами дружнымъ хоромъ повторявшіяся призыванія «Саміель! Саміель!» я видѣлъ самъ ка̀къ огненные, всѣ въ красномъ Саміели, въ остроухихъ красныхъ шляпахъ, въ красныхъ мантіяхъ... и не одинъ, а цѣлые сотни саміелей... выскочивъ изъ-за ближнихъ деревьевъ, начали кружить около нашего тарантаса и, размахивая чѣмъ-то длиннымъ, пѣли знакомымъ мнѣ напѣвомъ, но невообразимо-страшными голосами, знакомыя всѣмъ намъ слова: «Духи подземелья, забудемте край!..

Впечатлѣніе этихъ грезъ такъ было на меня сильно, что я, очнувшись, никакъ не хотѣлъ вѣрить дѣйствительности. Мы попрежнему ѣхали шагомъ по горамъ и человѣкъ десять нарядныхъ Башкирцовъ, составлявшихъ смѣнный конвой, съ шумомъ и съ гиканьемъ кружились около тарантаса, сопровождая насъ на новую выставку, на новый пріютъ.

Въ три часа утра мы остановились на Сакмарѣ, оставивъ за собой горы, собственно называемыя Уральскими; по ту сторону Сакмары, за менѣе-высокими горными отрогами, могущественно разстилались громадныя высоты другаго хребта, носящаго названіе Ирындыка.

*

Остановившись на роздыхъ на одной башкирской кочевкѣ, мы пошли въ гости къ одному изъ почетныхъ Башкирцовъ, заслуженному офицеру. Хозяинъ нашъ совершенно привыкъ къ европейскому костюму: брилъ бороду, отпускалъ волосы на головѣ, но все еще носилъ тюбетейку, поверхъ которой надѣвалъ форменную шапку, а иногда, вмѣсто нея, носилъ, при мундирѣ «буркъ»—обыкновенную татарскую мѣховую шапку. Русскимъ языкомъ владѣлъ онъ превосходно и не только писалъ порусски исправно, но еще любилъ и почитывать книжечки.

Гостепріимный хозяинъ, котораго звали Мухаммедомъ Абдуррахмановичемъ, а порусски Матвѣемъ Романычемъ, а больше Трифономъ Лукичемъ, угостилъ насъ превосходнымъ кумысомъ, чаемъ, каймакомъ, салмой, или бараньимъ бульйономъ съ мелконарубленными кусочками мяса, чумаромъ или лепешками и превосходнымъ масломъ, чухонскимъ, которое Башкирцы ѣдятъ, намазывая пальцами на одинъ ломоть хлѣба, прикрываемый другимъ ломтемъ.

Трифонъ Лукичъ представилъ намъ двухъ своихъ супругъ: одна изъ нихъ, которая помоложе, была высокая, довольно-стройная горянка; другая, постарше, женщина довольно-полная; обѣ онѣ отличались грубыми физіономіями и были собой некрасивы, хотя врожденное женщинѣ кокетство проглядывало въ пріятномъ выраженіи лица, въ скромныхъ, смиренно-опущенныхъ къ землѣ взорахъ, въ роскошной подмалёвкѣ щекъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ принадлежностей національнаго наряда, съ тайнами котораго сообщительный Трифонъ Лукичъ познакомилъ насъ съ полною готовностью.

Первымъ признакомъ замужней женщины служитъ невидимая постороннему глазу часть наряда, именно «кукрякъ». Онъ имѣетъ форму тѣхъ манишекъ, которыя носятъ у насъ недостаточные люди, для прикрытія грубой сорочки и для приданія ей виду голландской рубашки. Кукрякъ бываетъ поменьше такой манишки и надѣвается на голую грудь подъ «кульмякомъ». Кукрякъ шьется изъ шолковой матеріи одного цвѣта и обшивается по краямъ другою цвѣтною полоской. Вторая, невсегда видная часть одежды — туманы, обыкновенно выбойчатые, у зажиточныхъ людей ситцевые, а у богатыхъ шелковые. Самую видную часть одежды составляетъ «кульмякъ», замѣняющій и сорочку и верхнее платье. Кульмякъ есть не что иное какъ обыкновенная длинная женская татарская рубаха, ситцевая или кумачная, съ длинными воротничками, съ широкими рукавами и съ разноцвѣтными полосками по подолу. Длинная прорѣха, сдѣланная напереди кульмяка, обшивается разноцвѣтными лентами, или другими лоскутками; она называется «изю». Чулокъ башкирскія женщины не знаютъ; вмѣсто нихъ служатъ простыя обвертки, знакомыя даже большинству нашей публики, потому-что и у насъ люди даже благовоспитанные предохраняютъ себя отъ мозолей этою обувью: многіе изъ нашихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ носятъ обвертки. Дальнѣйшая обувь башкирской женщины состоитъ изъ простыхъ сапоговъ, «ичигъ», собственнаго издѣлія, и изъ туфлей, «кйбисъ», надѣваемыхъ поверхъ нихъ.

Верхнее платье башкирской женщины составляютъ или матерчатый камзолъ безъ рукавовъ, въ родѣ нашихъ кучерскихъ поддёвокъ, или «бешметъ» та же поддёвка, только съ рукавами и кармашками на груди, украшенными серебряными кисточками и цвѣтными стеклянными пуговками, и наконецъ «халатъ», или весь красный, или черный съ краснымъ воротникомъ и обложенный по по̀ламъ и по подолу широкимъ позументомъ, или красными лентами, если халатъ сшитъ не изъ краснаго сукна. Съ боку халата, на томъ мѣстѣ, гдѣ бы можно сдѣлать кармашки, нашиваются изъ узенькаго позумента глухія петлички: эта часть наряда называется «буюрлукъ», набедренникъ.

Перстни, серьги, браслеты и полубраслеты, наконецъ шаль, или обыкновенный красный бумажный платокъ на головѣ — все это почти одинаково какъ у Башкирокъ, такъ и у всѣхъ осѣдлыхъ Татарокъ. Башкирки только любятъ преимущественно одноцвѣтныя красныя матеріи.

Характеристическое отличіе женскаго башкирскаго наряда составляетъ собственно головной уборъ, называемый кашбо̀въ (кашба̀у, кашма̀у, хушпу̀), порусски «набровникъ». Этотъ драгоцѣнный и тяжелый нарядъ — родъ чепчика; онъ весь нижется изъ корольковъ, а на макушкѣ и по краямъ увѣшивается старыми серебряными копеечками, новенькими пятачками, гривенничками, иногда даже цѣлковыми, а у богатыхъ людей и полуимперіалами. Но такъ-какъ я ужь сказалъ, уборъ этотъ тяжеловатъ, да и деньги дороги, то нѣкоторыя Башкирки замѣняютъ тяжелыя золотыя и серебряныя монеты копіями съ нихъ, выбиваемыми изъ жести и латуни.

Къ кашбову сзади привѣшивается длинная широкая лента, ниспадающая поверхъ платья до самыхъ ногъ щеголихи. Этотъ хвостъ «улу̀нъ» затѣйливо вышивается бисеромъ и стеклярусомъ, моржа̀номъ, то-есть корольками и змѣиными головками, то-есть раковинками. Въ pendant къ улуну, отъ кашбова же, ниспадаетъ на грудь башкирской женщины «сильтяръ» или «чильтяръ» рѣшотка, вынизанная изъ однихъ корольковъ и опушенная бахромкой изъ стекляруса и мелкихъ корольковъ; а подъ сильтяромъ, отъ шеи до пояса, и даже еще ниже, навѣшивается родъ нагрудника «сака̀лъ», порусски «борода», весь составленный изъ настоящихъ или фальшивыхъ монетъ, золотыхъ и серебряныхъ, чаще-всего изъ старинныхъ копеечекъ. Сверхъ сакала, надъ самымъ желудкомъ, красовалась восьмиугольная серебряная дощечка, или бляха «гумбязь» — талисманъ, въ таинственную силу котораго вѣрятъ всѣ Башкирки. На этомъ талисманѣ было восемь рядовъ арабскихъ цифръ; четвертый рядъ, самый широкій, состоялъ изъ десяти цифръ; онъ съуживался понемногу и книзу и кверху; въ первомъ ряду было семь цифръ, въ послѣднемъ только шесть. Цифры разставлены безъ всякаго порядка и, какъ водится, не имѣли никакого смысла.

Подъ всѣмъ этимъ уборомъ, вообще называемымъ «кашбовъ», виднѣлся «таста̀ръ», или длинное, свѣтлое, коленкоровое покрывало, надѣтое сверхъ головы и обхватывавшее собою, поверхъ кульмяка, спину, плечи и грудь башкирской женщины.

Дѣвушки по наружному виду отличаются отъ женщинъ тѣмъ, что у нихъ голова открыта; костюмъ ихъ тотъ же, что̀ и у женщинъ, кромѣ кукряка; онѣ носятъ и сильтяръ и сакалъ, но собственно кашбова не надѣваютъ. Голова у дѣвушки расчесывается проборомъ на двѣ косы, выкидываемыя сверхъ платья и украшаемыя разными побрякушками, змѣиными головками, моржанами и кисточками изъ шерсти или шолка, перевитыми бисеромъ и стеклярусомъ.

Мужчины, разумѣется, щеголяютъ бешметами и халатами. Бешметы и камзолы шьются изъ разноцвѣтныхъ, волнистыхъ и полосатыхъ бухарскихъ матерій, изъ узорочныхъ московскихъ штофовъ и изъ гладкихъ матерій; а халаты преимущественно бываютъ цвѣтные суконные, выложенные широкими позументами, иногда ряда въ три, по воротнику, поламъ и подолу; бѣдные люди ходятъ въ грубыхъ, бѣлыхъ шерстяныхъ халатахъ, а у богачей они бываютъ изъ тонкаго сукна, иногда бѣлые атласные, роскошно-вышитые шелками. Подъ верхнимъ халатомъ, надѣваемымъ на-распашку, блеститъ дорогая серебряная, убранная разноцвѣтными камнями, бляха бархатнаго бухарскаго пояса; на одномъ бедрѣ «калта̀», на другомъ натруска и сумочки для узкаго ножа и для дроби.

Главное отличіе Башкирца составляетъ калпакъ. Это очень-высокая шапка, похожая на гречневикъ или на обрубленную сахарную голову, бываетъ или съ очень-широкимъ раструбчатымъ, кверху расходящимся, лисьимъ околышемъ, или съ полями, поддернутыми надъ висками кверху и имѣющими форму раздвоеннаго уха, но ужь безъ всякой опушки. Перваго рода калпаки бываютъ суконные и иногда обшиваются вдоль тульи крестъ-на-крестъ узкимъ позументомъ, а вторые шьются изъ яркаго цвѣтнаго бархата, преимущественно малиноваго; поля подшиваются бѣлымъ плисомъ; но кромѣ четырехъ продольныхъ золотыхъ стрѣлокъ, золотой позументъ идетъ кругомъ тульи внизу, и между каждой парой продольныхъ полосокъ, вдоль калпака, нашиваются еще по одной небольшой золотой стрѣлкѣ; такимъ-образомъ калпакъ этотъ на солнышкѣ какъ жаръ горитъ. Выпускаемые на халатъ воротнички рубахъ, обшиваются серебрянымъ или золотымъ снурочкомъ. У Башкирцовъ осѣдлыхъ кантоновъ такихъ нарядныхъ нарядовъ ужь нѣтъ; тамъ носятъ простые калпаки изъ бѣлаго войлока или круглыя бѣлыя шляпы, съ широкими круглыми полями, надрѣзываемыми у ушей, для большаго удобства поднять или опустить ихъ, глядя по обстоятельствамъ.

Продолжая отсюда путь нашъ на сѣверовостокъ, мы прибыли въ деревню Тахтагулову и тотчасъ же отправились на близлежащій золотой пріискъ, осматривать его богатство и работы. Хорошаго, впрочемъ, мы мало видѣли; намъ даже показалось, что здѣсь работы производятся гораздо-экономнѣе, нежели на тѣхъ пріискахъ, которые видали мы въ Сибири. Тамъ, напримѣръ, на пробойкѣ песковъ ставили обыкновенно четырехъ человѣкъ, а здѣсь на рѣшоткѣ стояли мѣстами три, а мѣстами только два человѣка. Я старался приписать это легкости промывки и меньшей сцѣпляемости песковъ. Усовершенствованныхъ машинъ не привелось мнѣ здѣсь замѣтить.

Въ работники на здѣшніе пріиски являются изрѣдка крестьяне, государственные и удѣльные изъ губерній Казанской, Вятской и Пермской; чаще всего обѣднѣвшіе Башкирцы, Киргизы, Тептяри и казаки оренбургскаго войска.

Въ сосѣдствѣ съ Южнымъ Ураломъ довольно золотоносныхъ мѣстностей; мѣстности эти можно раздѣлить на нѣсколько категорій. Въ Верхнеуральскомъ Уѣздѣ золотые пріиски бываютъ или на башкирскихъ вотчинныхъ земляхъ, или на земляхъ казенныхъ Изъ собственно казенныхъ земель замѣчательны двѣ дачи, такъ-называемыя Ишимбетевская Дача и Березовая-Роща; есть также пріиски и на казенныхъ земляхъ, населенныхъ Тептярами. Любопытно то, что условія на разработку этихъ пріисковъ были заключены въ 1837 году съ самими Тептярами. Въ Троицкомъ Уѣздѣ золотые пріиски находятся въ башкирскихъ вотчинныхъ земляхъ и въ казачей общественной землѣ. Наконецъ, есть золотые пріиски въ Киргизской Степи (оренбургскаго управленія) въ долинахъ разныхъ рѣчекъ, не говоря ужь про многочисленные пріиски Сибирской Киргизской Степи.

Съ этихъ мѣстъ мы очутились ужь на голой степи и съ выѣздомъ въ Алмухаммедову оставили горы позади себя. Здѣсь больше десятка Башкирцовъ выпросились сопровождать насъ до Старой-Линіи и, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, отправились слѣдомъ за нами. У теперешнихъ наѣздниковъ я впервые увидѣлъ старинныя, гнутыя изъ березы, стремена съ широкой плоскостью для ступни ногъ. На границѣ земель Войскъ Башкирскаго и Оренбургскаго, мы вышли изъ экипажа и, на прощанье съ Башкиріей, пустились пѣшкомъ, единственно изъ желанія хорошенько промять ноги и поговорить съ толпившимися около насъ Башкирцами.

По поводу разговора съ ними о болѣзняхъ, которыми страждутъ Башкирцы и которыя общи всему нашему простолюдью, я узналъ, что у Башкирцовъ испоконъ-вѣка существуетъ присницова метода леченія холодною водою; но Башкирцы не съумѣли пустить въ ходъ свои гидропатическіе пріемы, и вотъ за это слава друзей человѣчества не на ихъ долю выпала. Леченіемъ, впрочемъ, здѣсь занимаются преимущественно муллы. Они обкладываютъ больнаго мокрыми тряпками, полотенцами и простынями и отчитываютъ болѣзнь Кораномъ; поэтому тѣ изъ Башкирцовъ, которые посмышленѣе, и не могутъ отдать себѣ отчета: чему надо приписать цѣлебную силу — водѣ или муллѣ?

Идя неторною дорогою, по которой купами росли пышные степные цвѣты и цѣлыя полосы земли покрыты были то ковылемъ, то шалфеемъ, то богородицкой травой, я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нашихъ провожатыхъ усердно собирали какія-то травы. Увидавъ въ рукахъ у одного изъ нихъ голубую лилію, я спросилъ его: для чего онъ набираетъ эти цвѣтки?

— Это мой бабамъ краски! отвѣтилъ Башкирецъ, сомнительнымъ взоромъ, брошеннымъ имъ на меня, договоривъ мысль: какъ же, молъ, ты этого не знаешь?

Цвѣтокъ этотъ, который Башкирцы называютъ «кук-буяу», даетъ свѣтло-синюю краску: ею башкирскія женщины красятъ бумажную и льняную пряжу. Затѣмъ мнѣ показали другой, зелененькій цвѣточекъ «сары-буяу»; цвѣты эти набираются только въ іюнѣ; они даютъ желтую краску; въ ней Башкирцы красятъ и сукно и холстъ; краска добывается собственно не изъ цвѣтка, а только изъ листьевъ. Въ лѣсахъ и на лугахъ, но не на степи, произрастаетъ, какъ говорили мнѣ, «истек-буяу»—высокая трава, дающая тоже жолтую краску. Есть еще какая-то «джир-буяу»—земляная краска, о которой мнѣ Башкирцы ничего не сказали, объявивъ, что это бабье, а не ихъ дѣло. Кромѣ того, близь озера Акчагула мы нашли еще два красильныя растенія. Одно, названное Башкирцами «кызыл-буяу», то есть красная краска, есть ни что иное, какъ дикорастущая марена, изъ которой, какъ извѣстно, приготовляется у насъ крапъ и гарансинъ; но Башкирцы этихъ хитростей не знаютъ; они даже и за мареной никакого ухода не имѣютъ, а поэтому и марена ихъ, недостигающая извѣстной толщины, въ фабричное дѣло негодится. Башкирцы сбираютъ тощіе корни своей марены, рубятъ ихъ, потомъ толкутъ и, измельчивъ ихъ сколько умѣютъ, набиваютъ ими котелъ, до половины наполненный щелокомъ. Когда этотъ отваръ начнетъ кипѣть, въ котелъ еще прибавляютъ крѣпкаго щелока; говорятъ, что отъ этого краска выходитъ яснѣе, ярче и чище и очень-прочно держится. Разговаривая объ этомъ съ прикащиками, встрѣченными мною на Линіи, я отъ одного изъ нихъ впослѣдствіи узналъ, что нѣсколько пудовъ отборныхъ корней дикой марены онъ въ этомъ же году отослалъ въ городъ Александровъ къ своимъ хозяевамъ, Барановой и Зубову. Другое растеніе называется «тумар-буяу», или «корень-краска». Корень этотъ водится всюду на солонцоватыхъ мѣстахъ, и въ Башкиріи, и въ Астрахани, и во всей Киргизской Степи, и на туркменскихъ берегахъ, и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ. Немногіе листья, выходящіе изъ этого корня, всегда бываютъ покрыты соляною пылью. Краска эта даетъ соловой цвѣтъ, то-есть изъ-желта-блѣднозеленый. Башкирцы употребленія его не знаютъ, а Киргизы посредствомъ этого корня выдѣлываютъ и красятъ свои кожевенныя издѣлія, козловыя шаравары и кожаны. Но гораздо-важнѣйшее красильное вещество доставляютъ пріиски и ломки въ Башкиріи хромоваго желѣза. Ломки эти находятся въ дачахъ общаго владѣнія четвертаго башкирскаго кантона и Златоустовскаго Завода, около мѣста, называемаго Бѣлая Глина, въ отрогѣ Урала, въ горахъ, называемыхъ Сіяли-Тау, почти въ самой вершинѣ рѣки Міяса, недалѣе, какъ верстахъ въ пяти отъ рѣчки. Этотъ минералъ, имѣющій такое важное значеніе для нашихъ химическихъ заводовъ и столь нужный для нашихъ мануфактуръ, кромѣ обширнаго внутренняго потребленія, въ огромномъ количествѣ вывозится и за границу.

Намъ надлежало распроститься съ Башкирцами у двухъ небольшихъ озеръ, отстоявшихъ другъ отъ друга въ незначительномъ разстояніи; одно называлось Травное; оно заросло осокой, камышомъ и занесено было пескомъ; другое, усѣянное сердоликами, называлось Акчагулъ; около него водились ящерицы и такая бездна полевыхъ мышей, что,

казалось, мы вступили совершенно въ мышиное царство. Пѣшіе и конные спутники наши разсыпались въ разныя стороны, замахали нагайками и передавили и переколотили невинныхъ звѣрковъ такое множество, что я ужь начиналъ думать, не промышляютъ ли Башкирцы торговлею этого легкаго и нетеплаго мѣха, или, по-крайней-мѣрѣ, не сбываютъ ли мышиныхъ шкурокъ на перчаточныя фабрики — ничуть не бывало: Башкирцы тѣшились только изъ одного удовольствія.

На-прощаньи съ Башкирцами, мы выспросили у нихъ о дорогѣ. Оказалось, что мы сейчасъ должны пріѣхать въ Янгильскій или Ангильскій-Отрядъ (редутъ) и оттуда перерѣзать весь Новый-Районъ поперегъ, черезъ казачьи станицы: Браиловъ, Кацбахъ, Варшаву, а тамъ дальше — какъ намъ Богъ велитъ, и такимъ-образомъ пріѣхать на Новую-Линію въ Николаевское Укрѣпленіе, на рѣкѣ Аятѣ, притокѣ Тобола.

Прошлую ночь мы провели совершенно безъ сна; нынѣшній день, за обиліемъ матеріаловъ, нельзя было и думать объ отдыхѣ; стало-быть, теперь, не ожидая ничего привлекательнаго впереди, по случаю поздняго вечера, съ спокойною совѣстью могли подкрѣпить свои силы освѣжительнымъ сномъ. Мы подозвали своего служителя и дали ему такой наказъ:

— Ты, Дмитрій, день-то-деньской славно выспался...

— Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте! отвѣчалъ онъ, едва-глядя полусонными глазами.

— Ну, хорошо; ты кажется и теперь соснуть хочешь...

— Никакъ нѣть-съ, помилуйте сударь!

— Такъ ты не хочешь спать?

— Да̀, никакъ нѣтъ-съ, помилуйте! какой теперь сонъ.

— Ну, тѣмъ лучше — мы за тебя выспимся! А ты, смотри, какъ мы пріѣдемъ въ Кацбахъ, такъ ты насъ сейчасъ и разбуди: не забудешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте.

— А до Кацбаха ты ужь дай намъ выспаться—не тронь насъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте, будьте благонадежны-съ!

Въ Ангильскомъ нечего намъ было смотрѣть, да мы, признаться, и не полюбопытствовали раскрыть глаза; мы крѣпко спали; только спустя долгое время, мы услышали, что кто-то около насъ копошится.

— Что̀, Кацбахъ? спросилъ я, пробудившись, но не раскрывая глазъ и не двигаясь съ мѣста.

— Никакъ нѣтъ, ваше... проговорилъ чужой голосъ, придавъ мнѣ какой-то очень-важный титулъ.

— Гдѣ же мы?

— Въ Магнитной.

— А Кацбахъ?

— Кацбаха нѣтъ-съ!

— Да гдѣ жь онъ?

— Не могимъ знать, ваше...

— А что жь тутъ есть?

— Двѣ церкви есть: каменная да деревянная.

— А, доброе дѣло! — Рѣка есть?

— Уралъ течетъ.

— А еще что?

— Гора есть, Магнитная.

— А ты, кто такой?

— Казакъ на почтовой очереди.

— А, славно, славно! проговорилъ я безсознательно, чувствуя, что сонъ меня одолѣваетъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Магнитную, но я былъ не въ силахъ оторваться отъ подушки и никакъ не могъ развести глазъ. Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь расколыхать себя; я сталъ продолжать начатый разговоръ съ казакомъ:

— Такъ это не Кацбахъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Магнитная.

— А ты бывалъ въ Кацбахѣ?

— Какъ не бывать-съ? бывали!

— А, славно, славно!... Такъ ты дорогу знаешь въ Кацбахъ?

— Найдемъ дорогу-съ!

— А, славно, славно!... Ну, такъ пошелъ же!... Пріѣдешь въ Кацбахъ, скажи мнѣ...

Все призамолкло; я опять заснулъ и не слыхалъ, какъ тарантасъ тронулся съ мѣста.

Сильный грохотъ нашего экипажа по какой-то звонкой мѣстности опять разбудилъ меня. Я раскрылъ глаза и увидѣлъ, что мы ѣдемъ по большому деревянному мосту. Я оглянулся — за нами было какое-то довольно-большое село.

— Эй, ямщикъ!... казакъ!... Кацбахъ, что ли?

— Городъ Верхнеуральскъ, ваше благородіе! Съ этимъ словомъ возница нашъ пріударилъ лошадокъ и онѣ еще прытче понесли насъ.

— Да какъ же это такъ... Верхнеуральскъ? Какъ же это мы, вмѣсто Кацбаха, попали въ Верхнеуральскъ? Открылось, что мы девяносто верстъ проспали, а почтовые ямщики, не получивъ никакого приказа отъ нашего Дмитрія, везли насъ себѣ преспокойно впередъ обыкновенной почтовой дорогой. Нельзя сказать, чтобъ и Дмитрій проспалъ безпробудно: онъ аккуратно разсчитывался съ ними чрезъ каждыя двѣ станціи—за одну, которую миновали, и за другую, куда везъ насъ новый ямщикъ; но онъ дѣлалъ это совершенно безсознательно и въ просонкахъ забывалъ и Кацбахъ и все на свѣтѣ.

Въ этой части рѣки Урала, если вѣрить разсказамъ верхнеуральскихъ обитателей, рыба въ февралѣ и мартѣ дохнетъ и съ вскрытіемъ рѣки она расплывается по берегамъ. Рыба здѣсь не такая, какъ у уральскихъ казаковъ: самая важная — полупудовая щука. Причинъ смертности рыбы много; вопервыхъ, рыбѣ нѣтъ свободнаго прохода внизъ; вовторыхъ, мельницы чѣмъ-то виноваты, а главная причина та, что жители верхняго Урала всюду валятъ навозъ въ рѣку, хоть и не въ воду, а по берегамъ, но все-таки въ половодье навозъ расплывается и засоряетъ русло. Рыбу ловятъ мордами и вятелями. Сто лѣтъ ужь хлопочутъ о судоходствѣ по Уралу, а, кажется, вовсе

нѣтъ надежды, чтобъ эта рѣка когда-нибудь могла сдѣлаться судоходною.

Вмѣсто Кацбаха, на который мы разсчитывали, мы попали въ Кассель. Это было первое поселеніе, встрѣченное нами за Старой Линіей, въ Новомъ-Районѣ, въ участкѣ бывшей Киргизской Степи, а нынѣ давно ужь обращенномъ въ Землю Оренбургскаго Казачьяго Войска, и именно съ-тѣхъ-поръ, какъ Линія сведена съ Урала и отодвинута къ востоку.

Время основанія сословія оренбургскихъ казаковъ, въ нынѣшнемъ его многочисленномъ объемѣ, относится къ настоящей эпохѣ, а самое начало его не восходитъ далѣе второй четверти прошлаго столѣтія. Войско это, стало-быть, еще очень-юно; но, благодаря его существованію, миръ, тишина и спокойствіе царствуютъ ненарушимо въ такъ-называемыхъ — выражаясь высокимъ слогомъ — дикихъ ордахъ зауральскихъ хищниковъ. Много трудовъ и много хлопотъ стоило достославному казачеству нашему довести этихъ хищниковъ до такого блистательнаго результата. Вотъ эпизодъ изъ древней исторіи прежнихъ сшибокъ нашихъ казаковъ съ Хазаками (Киргизами).

Губерлиннскія Горы славились полнымъ удобствомъ для удачныхъ набѣговъ Киргизовъ на русскія селенія; тамъ горы безъ лѣсовъ. Извѣстно, что гдѣ лѣсъ, тамъ лошадь «не играетъ»—казаку погарцовать и негдѣ. Однажды партія киргизскихъ хищниковъ напала на нашихъ. Двадцать-пять человѣкъ казаковъ бросились ихъ преслѣдовать, но Киргизы, увидѣвъ русскіе стволы, повернули направо-кругомъ — и были таковы! Слѣды скрали, а лошадей угнали. Погоня длилась двои сутки. Наконецъ наши молодцы, усталые, полуголодные, на изморенныхъ лошадяхъ, добрались до какой-то рѣчки и ужь тутъ настигли притаившихся въ камышахъ хищниковъ. Тѣ въ-разсыпную и прямо въ воду. Казаки за ними. Въ рѣкѣ завязалась рукопашная. Казаки осилили. Двое витязей обратили тутъ на себя общее вниманіе— старый урядникъ и киргизскій батырь: долго оба боролись, барахтаясь въ водѣ. Они рубили другъ друга, кололи, топили, грызли, двадцать разъ ныряли на дно, и двадцать разъ снова схватывались съ полнымъ ожесточеніемъ. Наконецъ, Русскій скрутилъ Киргиза и на арканѣ поволокъ его въ плѣнъ.

За набѣгъ Киргизы, разумѣется, были наказаны, по закону. Когда все было ужь кончено, побѣжденный батырь явился въ судъ съ жалобой на стараго урядника.

— А-а, русскій законъ! Совсѣмъ, батышка, бѣда ево, эта русской законъ!... Ево, батышка, бульна, бульна строгая! Казакамъ-то ево уши кусить не давалъ, батышка, русскій законъ!

Такъ началъ начальству жалобу свою на русскаго, киргизскій батырь, доказывая, что законъ велитъ воину преслѣдовать хищника, но велитъ ему въ самомъ преслѣдованіи соблюдать извѣстныя условія человѣколюбія; а урядникъ поступилъ нечеловѣколюбиво: онъ у Киргиза ухо отнялъ.

Завязалось дѣло; пошло слѣдствіе, и урядникъ на допросѣ отозвался сперва запамятованьемъ, а потомъ чистосердечно сознался, что те-

перь точно, онъ вотъ что̀ припомнилъ: Киргизъ въ водѣ подставлялъ ему подножку, сшибалъ его съ ногъ, щипалъ его, грызъ ему плечо и силился утопить; онъ же, съ своей стороны, стараясь невѣсткѣ сдѣлать отмѣстку, самъ не упускалъ случая удружить Киргизу; но когда тотъ сталъ ужь сильно его притѣснять и мучить, то, сохраняя свою жизнь, онъ, для собственнаго спасенія, вынужденнымъ нашелся ухватиться, но не руками, а зубами, за ухо своего врага. Теперь же онъ только одного обстоятельства не помнитъ, именно, что̀ онъ въ-попыхахъ, или съ горяча, съ этимъ ухомъ сдѣлалъ — съѣлъ ли его, въ-самомъ-дѣлѣ, или выплюнулъ въ воду?

За храбрость урядникъ былъ награжденъ, а за отгрызенное ухо ему сдѣлано увѣщаніе. Ужь сколько десятковъ лѣтъ прошло этому происшествію, а память о немъ все еще живетъ въ преданіи. И теперь, если вздумается постороннему человѣку спросить казака:

— А что̀, братъ-казакъ, по добру ли, по здорову въ степь сходилъ? Казакъ отвѣтитъ:

— Э-эхъ, ваше благородіе, вишь ныньче времена какія! съ Киргизами «коммиссія»! съ ней и за ухо не раздѣлаешься!.. Живи, говорятъ смирно!

Въ новый составъ Оренбургскаго Казачьяго Войска вошли старые казаки и поступили новые охотники изъ разныхъ племенъ; тутъ больше Русскихъ, но есть и Калмыки, есть и Татары разныхъ наименованій, Лашманные, которые несли повинность рубки корабельнаго лѣса, Чемоданные, повинность которыхъ состояла въ возкѣ почты и, между-прочими, есть такъ-называемые крещеные Татары. Вотъ этихъ-то послѣднихъ я и встрѣтилъ въ Касселѣ.

Хозяйка, у которой мы теперь пристали, называлась тоже крещеною Татаркой. Она была еще дѣвица; отъ-роду ей было лѣтъ четырнадцать, или пятнадцать. Порусски она не знала ни полслова; одѣта была въ какую-то смѣсь русскаго съ татарскимъ: на ней была красная кумачная, на холстинной подкладкѣ рубаха съ фалбалами изъ узенькой черной и широкой синей каймы, узенькій стоячій воротникъ и длинные широкіе рукава съ русскими ластовицами. Сверхъ русскихъ лаптей, выглядывали татарскіе туманы; надѣтъ татарскій камзолъ, отороченный позументомъ, а сверхъ него русскій короткій передникъ. На головѣ русская же низенькая, спереди двурогая кичка; а серьги въ ушахъ татарскія. На жердочкахъ у кровати висѣли ситцевый халатъ и овчинная шуба, крытая плисомъ.

Мужчины-казаки, внѣ службы, вообще ходятъ въ хивинскихъ и бухарскихъ халатахъ, по поясъ засунутыхъ въ козловыя шальвары, и въ форменной фуражкѣ; рубахи у всѣхъ обыкновенныя солдатскія, а не крестьянскія и не татарскія. Порусски говорятъ хорошо.

Если войдти къ исправному крещеному Татарину въ домъ, то въ немъ вотъ что̀ можно замѣтить:

Входъ бываетъ съ низенькаго крылечка; оно ведетъ въ сѣни. Тутъ, у входа въ комнату, стоитъ оловянный кумганъ и виситъ полотенцо. Сѣни довольно-обширны; въ нихъ стѣна противъ дверей забрана досками и раздѣлена на нѣсколько, на два или на три отдѣльные чулан-

чика, для храненія домашнихъ мелочей. По обѣимъ другимъ стѣнамъ развѣшано, содержимое въ порядкѣ, полное казачье оружіе и конская сбруя и упряжь. Двери изъ сѣней ведутъ направо въ «горницу», налѣво — въ избу. Въ обѣихъ, противъ входныхъ дверей, по два окошка во дворъ, въ остальныхъ двухъ стѣнахъ по одному, во дворъ и на улицу.

При входѣ въ «горницу», налѣво въ переднемъ углу, развѣшены святые образа̀, подъ которыми подклеенъ единственный кусочекъ бумажныхъ обоевъ; около образо̀въ два-три чистыя полотенца; подъ образа̀ми стоитъ столъ, покрытый чистою скатертью. По обѣимъ тянущимся отсюда стѣнамъ стоятъ, по русскому обычаю, лавки, покрытыя татарскими кошмами. На стѣнѣ противъ входа, надъ лавками, виситъ зеркальцо, а кругомъ, на лавкахъ—сундуки разнаго сорта съ украшеніями изъ жести. Во второмъ, соотвѣтственномъ переднему углу, стоитъ кровать съ войлоками, пуховикомъ, съ синей подушкой и съ пестрымъ одѣяломъ; передъ кроватью, на жердочкѣ, развѣшано разное платье. Близь кровати, въ углу, «лазня̀», подвалъ. Въ ногахъ кровати, въ заднемъ углу одиноко стоитъ, не прислоняясь къ стѣнѣ, чисто-выбѣленная голландская печь. Между печью и задней стѣной горницы оставляется темненькій промежутокъ, называемый «бульбясъ»; онъ предназначается для разныхъ разностей и застѣняется занавѣской.

Въ избѣ, въ переднемъ углу, «святые», подъ ними столъ, а посереди его, по русскому обычаю, солонка. Въ противоположномъ углу огромная русская печь; кругомъ избы татарскія на̀ры; сверху русскія полати.

Во дворѣ, прямо противъ дома, лѣтняя кухня; по бокамъ ея два амбара; направо колодецъ, за нимъ небольшая домашняя мельница съ коннымъ приводомъ; за мельницей баня, а налѣво конюшня, хлѣвъ и теплые «базы» для зимняго содержанія овецъ. Кругомъ двора навѣсы, а подъ ними телеги и крестьянскіе тарантасы. Позади двора огородъ и большой загонъ для скота.

Въ степи, которую я теперь переѣзжалъ, есть мѣста, покрытыя лѣсомъ, есть и безлѣсныя мѣстности, есть обширныя пространства чернозему, а есть и голые солонцы; но вообще земля богатая. Лѣса раздѣлены на станичные и на войсковые; войсковые лѣса еще остались, но станичные всѣ покончены; осталась только мелкая береза.

За Касселемъ мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Арси, Фершампенуазъ, хорошенькую станицу Парижъ и довольно-обширное селеніе Великопетровское. Обитатели этихъ мѣстъ, преимущественно Калмыки и Ногайбаки, горько жаловались, что у нихъ три года сряду побиваетъ градомъ хлѣба̀; прежде, бывало, они возами возили хлѣбъ въ Троицкъ и выручали хорошія деньги, а теперь сами дорого̀й цѣной покупаютъ хлѣбъ въ Троицѣ, почти за полтораста верстъ.

Калмыки пришли сюда въ 1843 году съ Волги, гдѣ составляли особое войско, называвшееся по городу Ставрополю (Самарской Губерніи) Ставропольскимъ Калмыцкимъ Войскомъ. Нынѣ оно уже не существуетъ. Калмыки эти крещены; но они все-еще усердные буддисты. У нихъ давно введено христіанство, давно уничтожено раздѣленіе

народа на владѣльцевъ, зайсанговъ и подвластныхъ, давно введено равенство обращеніемъ ихъ въ казаки; но народъ, котораго вся жизнь сроднилась съ идеею о подвластности зайсангамъ и о раболѣпствѣ предъ гелюнгами, долго не переставалъ въ своей братьѣ-казакахъ находить и нойоновъ, и жрецовъ, и зайсанговъ. Калмыки эти теперь очень-бѣдны; живутъ они въ кибиткахъ, но у всѣхъ построены и домы, больше для вида, да развѣ для лишняго тепла на зиму. Бѣдность ихъ проявляется во всемъ, но главнѣйше въ отсутствіи скота; а крайность не довела еще ихъ до необходимости приняться за земледѣліе. Киргизы страхъ какъ боятся Калмыковъ, вѣря сказкамъ, будто Калмыки ѣдятъ человѣческое мясо.

Ногайбаки—крещеные Татары, переселенные въ Киргизскую Степь изъ Белебеевскаго Уѣзда, гдѣ еще въ старые годы они населяли Ногайбацкій Округъ, названный такъ по Ногайбацкой Крѣпости, и составляли особый родъ служилыхъ Татаръ. Когда я былъ въ Астрахани, тамошніе мои знакомцы изъ юртовскихъ и изъ кундровскихъ Татаръ передали мнѣ преданіе, что нѣсколько семей Ногаевъ бѣлой кости, или бековъ, поссорившись съ своими родичами, откочевали отъ устьевъ Волги въ Нарын-Пески, оттуда степями лѣваго берега Волги достигли до Кинели и потомъ перешли за рѣку Икъ, гдѣ и поселились; поэтому они доселѣ называютъ себя «шабрами» Башкирцовъ. Сельбище ихъ и названо поэтому Ногайбакомъ, обитатели котораго, расплодившись и усилившись въ числѣ другими сходцами, тоже мухаммеданами, платили правительству нашему ясакъ; но ясакъ этотъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ былъ съ нихъ, за разныя услуги, снятъ и Ногайбакамъ дано дозволеніе нести, вмѣсто того, казачью службу. Село Ногайбаково и нынѣ существуетъ въ Белебеевскомъ Уѣздѣ, близь озера Акайкулъ, а въ 55 верстахъ оттуда есть село Бакали, часть обитателей котораго, вмѣстѣ съ частью обитателей Ногайбака, разселены по Новому Району. Мужчины Ногайбаки и Бакали почти всѣ, очень-хорошо говорятъ порусски; но женщины всѣ остаются Татарками, какъ по языку, такъ и по костюму и по образу жизни.

Изъ Великопетровской надо было ѣхать въ Кулевчи: этотъ перегонъ составляетъ верстъ девяносто. Подрядившійся везти насъ казакъ не хвастался лошадьми; они и съ виду-то были не казисты, но, выбѣжавъ безъ отдыха въ одинъ конецъ девяносто верстъ съ грузнымъ тарантасомъ впродолженіе восьми часовъ, они, какъ-нельзя-лучше доказали старую истину, что наружность иногда обманчива бываетъ. Полдороги до опушки когда-то огромнаго лѣса «Джабик-Карагай», или до верховья Аята, ѣхали мы прекраснымъ, но совершенно-пустыннымъ мѣстоположеніемъ. Только насъ и веселило, что мы мѣстами встрѣчали ели и стройныя сосны. Куликовъ здѣсь видимо-невидимо; ихъ пиканье громко раздавалось въ мертвой тиши по степи. На западѣ, тотчасъ послѣ солнечнаго заката, явилась не багровая, а совершенно-пунцовая полоса свѣта; время-отъ-времени она становилась все туманнѣе и блѣднѣе и наконецъ весь горизонтъ въ обѣ стороны озарился какимъ-то какъ-будто блѣдно-золотистымъ сіяніемъ, опредѣлить которое я

не умѣю. Переливы этого свѣта, еле-мерцающія звѣздочки надъ головой, зелень степи, погруженной въ таинственный полумракъ—все это такъ заняло мое лѣнивое воображеніе, что я и не замѣтилъ, что мы давно стоимъ на одномъ мѣстѣ, не двигаясь впередъ.

— А что̀, батюшка, которой, то-есть, доро̀ги намъ держаться? спросилъ меня ямщикъ.

— Ступай на Кулевчи!

— Да этто, батюшка вы мой, дорога-то на двое дѣлится: такъ я и не знаю, направо ли взять, али налѣво?

— Да возьми въ которую-нибудь!

— Не попасть бы намъ, батюшка, не туда, куда надо! Одна-то дорога, я знаю, идетъ въ Кулехчи, а другая, стало-быть, во Владиміровку; а которая изъ нихъ эта, и которая та — я и не придумаю... Вы, батюшка, то-есть, не знаете-съ?

— Я здѣсь не бывалъ...

— А я и бывалъ, года четыре назадъ, ѣздили мы съ молодцомъ въ Николаевку... да что̀ ты станешь дѣлать! теперь не помню!.. Какъ же быть, батюшка — ась?

— Да возьми наугадъ въ праву руку.

— Да пожалуй, отчего не взять въ праву руку... оно, наугадъ, можно, только чтобы того... не попасть куда не надо...

— Ну, бери влѣво.

— Ну, влѣво такъ влѣво! По-мнѣ какъ прикажете-съ; возьмемъ и влѣво... мнѣ што̀? на то воля ваша-съ! Коли влѣво, батюшка, прикажете-съ, мы и влѣво поѣдемъ, да чтобъ намъ не махнуть куда-нибудь въ сторону.

— Боишься вправо, боишься влѣво, бери по середкѣ!

— Какъ, батюшка, по середкѣ! Я не боюсь дороги; чего мнѣ бояться? Возьмемъ и вправо, а не то и влѣво можно... по мнѣ какъ прикажете... на то есть воля ваша-съ.

— Ну, айда̀ вправо и канча̀лъ базаръ! отвѣтилъ я на башкирскій маперъ.

Отправившись наудачу, мы замѣтили огонёкъ въ лѣсу, поѣхали на него и были окликнуты передовыми съ временнаго форпоста. Передовые указали намъ настоящую дорогу и мы, съ разсвѣтомъ прибывъ въ Кулевчи, въ восемь часовъ утра въ самый троицынъ-день пріѣхали въ Николаевское Укрѣпленіе, въ которомъ съ перваго раза пріятно поражаетъ взоры прекрасная, изящной архитектуры, каменная православная церковь, выстроенная въ родѣ цитадели и обнесенная высокою каменною стѣной, съ наугольными башнями.

Въ Николаевскомъ, какъ и въ каждомъ возникающемъ городкѣ, центръ поселенія носитъ названіе города, отдѣленнаго отъ форштата такой невысокой стѣной, что ее въ иныхъ мѣстахъ перешагнуть можно. Жители центральной части называютъ себя горожанами, а прочихъ — фурштатскими.

Мы остановились у одной «горожанки», у молоденькой, высокой, здоровенькой и весьма-пригожей урядничихи, Катерины Андревны.

Катерина Андревна очень интересовалась знать, откуда и кто мы такіе.

— Та̀къ, матушка, проѣзжіе, сами-по-себѣ!.. Велите-ка намъ самоваръ поставить! сказалъ я, желая поскорѣй отъ нея отдѣлаться.

— Аль вы изъ Троицкаго катите?

— Нѣтъ, не изъ Троицка; мы издалече!

— То-то я смотрю, платье у васъ этакое хорошее... неужто, думаю, уфимскіе? неужто заправду губернскіе чиновники... Вы съ Уфы ѣдете?

— Нѣтъ, матушка, Катерина Андревна, не изъ Уфы ..

— Да у васъ что-то все больно, того, хорошо... и тарантасъ какой важный... Ну, вѣрно вы изъ Уфы... скажите!

— Не изъ Уфы, Катерина Андревна, подымай выше!

— Ужь будто и съ Оренбурга! воскликнула хозяйка съ изумленіемъ.

— Какъ бы не такъ, изъ Оренбурга! выше поднимай!

— Что̀ вы, Христосъ съ вами! да неужто вы и взаправду казанскіе?

— Поднимай выше!

— Аль съ Нижняго?

— Выше, Катерина Андревна, еще выше!

— Да полноте же вы меня пугать... Нѐшто въ-самомъ-дѣлѣ вы московскіе бояре?

— Бояре не бояре, а поважнѣе Москвы жительство имѣемъ, шутливо замѣтилъ я, стараясь узнать, какой эффектъ произведутъ мои слова на добродушную урядничиху. Она и руки опустила, пораженная внезапною мыслью и быстро устремила на насъ заблиставшіе радостью глаза.

— Ахъ, Господи, ахъ, божиньки мои, да не уже-ли жь мои гости дорогіе—петербургскіе? Да полноте вы меня дурачить... да я, право, не знаю... да нѣтъ, быть не можетъ! Эко счастье Богъ послалъ!... Вы взаправду петербургскіе?

— Петербургскіе, петербургскіе!.. Да для васъ то развѣ не все-равно?

— Ка̀къ можно все-равно! что̀ вы это!.. все-равно!.. да я этакой радости въ вѣкъ не забуду... Эй, Исетка, давай самоваръ; Фатимка, вынимай жарко̀е изъ печки, да поди, сбѣгай, сливочекъ густенькихъ принеси сюда, густенькихъ, скорѣй... А я-то, дура этакая... пойдти скорѣй платье другое надѣть.

— Что̀ это, Катерина Андревна, никакъ на васъ въ-самомъ-дѣлѣ для праздника и сарафана порядочнаго еще не надѣто...

— Помилуйте-съ, что̀ вы это? за кого вы насъ почитаете? Мы не какіе-нибудь, мы тоже горожанки, понимаемъ тоже, какъ есть дѣло... Къ-чему же намъ сарафаниться? Съумѣемъ ходить не хуже-съ людей-съ.

Битые два часа Катерина Андревна трудилась выказать намъ всѣ богатства своей неистощимой любезности; чрезвычайно-мило кокетничала, жеманилась, строила глазки, разумѣется, все это дѣлалось по инстинкту, безъ обдуманнаго разсчета заполонить наши сердца... Катерина Андревна сіяла радостью; внутреннее довольство собой и цѣлымъ міромъ написано было во всѣхъ чертахъ ея свѣженькаго личи-

ка... но, увы! два часа — слишкомъ-быстротечный мигъ для такихъ радостей: мы торопились къ Киргизамъ.

— Да чего вы у нихъ не видали-то?.. стòютъ того Киргизы! А вотъ вы у насъ прогостили бы денёчекъ-другой, дѣло-то бы и лучше вышло.. Не торопитесь, останьтесь еще... ну, хоть часочекъ!...

— Пора, пора, Катерина Андревна...

Павелъ Небольсинъ

ВЫСТАВКА

МАНУФАКТУРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ВЪ МОСКВѢ.

(Статья вторая.)

II. Льняная и пеньковая промышленость.

1. *Ленъ, пенька, пряжа.* (Залъ I). Воздѣлываніе льна и пеньки и приготовленіе изъ нихъ пряжи и тканей составляетъ у насъ занятіе огромной массы жителей (около 5 мильйоновъ). Производство льна сосредоточивается въ губерніяхъ: Вологодской, Вятской, Ярославской, Владимірской, Новгородской, Псковской, Лифляндской, Курляндской, Виленской и Витебской; количество льна, здѣсь добываемаго, простирается свыше 10 мильйоновъ пудовъ; пенька разводится почти вездѣ, но преимущественно въ губерніяхъ Черниговской, Курской, Орловской, Тульской и Тамбовской — около 5 мил. пуд. и около 1 мил. въ другихъ губерніяхъ, кромѣ Царства Польскаго. Если примемъ за среднюю цѣну берковца льна 25 р., а пеньки — 20 р., то получимъ, что льна производится въ Россіи на 25 мил., пеньки на 12 мил. р. сер. въ годъ; это дастъ общую сумму въ 37 м. р. что̀ согласно съ числомъ, которое находимъ у г. Тенгоборскаго; но это во всякомъ случаѣ слишкомъ-мало, и мы болѣе согласны съ мнѣніемъ этого писателя въ томъ, что у насъ производится не менѣе 22 мил. пуд. льна и пеньки, что̀ по средней цѣнѣ только въ 20 руб. дало бы сумму въ 44 мил. р., и не менѣе 1 мил. пуд. въ Польшѣ, всего 46 мил. руб., въ томъ числѣ льна около 15 мил. пуд. на 33 мил. руб., пеньки 8 мил. на 16 мил.; изъ этого количества около 8 мил. пудовъ идетъ за границу; слѣдовательно, по той же цѣнѣ, на 16 мил. р.; для внутренняго употребленія остается 15 мил. пуд. на 30 мил. руб. Цѣнность льна въ издѣліяхъ возвышается до 20 разъ и болѣе, положимъ въ 5 разъ, цѣнность пеньки, по мнѣнію г. Тенгоборскаго, въ $2\frac{1}{2}$ раза, слѣдовательно цѣнность выдѣлываемыхъ въ Россіи льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій можно принять въ 125 мил. р. сер. (*).

(*) Л. Тенгоборскій принимаетъ ее равною 112 мил. р. сер., на основаніи другаго разсчета: на $60\frac{1}{2}$ жителей деревень онъ кладетъ по 10 аршинъ хол-

Россія издавна производитъ льномъ и пенькой значительный торгъ. Ужь съ 1758—62 г. отпускалось болѣе 671 т. п. льна и пакли и 2 мил. пуд. пеньки и пакли. Впослѣдствіи вывозъ льна значительно усилился и въ 1842—46 году вывозилось ежегодно:

	Льна.	Пакли.	Пряжи	Пеньки.	Пакли.	Пряжи.	
	3,120,555	543,211	8,880	2,649,097	153,322	2,162	пуд.
Въ 1850 г.	4,307,618	646.668	27	2,723,933	92,891	102,989	—
— 1851 »	3,029,291	635,987	2,576	3,042,552	74,144	111,772	—
на сумму	9,050,410	850,977	7,734	7,325,962	121,706	369,213	р. с.

или всего въ послѣдній годъ на 17,726,002 р. сер., а въ 1850 году на 19,077,309 р. сер. (*). Всѣхъ же товаровъ отпущено въ 1850 г. на 96 мил., въ 1851 г. на 97 мил. При этомъ съ 1819 г., ленъ платилъ пошлины 1 р. при отправкѣ сухимъ путемъ, и 1 р. 50 к. при отправкѣ моремъ, пенька же — по 1 р. съ берковца; въ Великобританіи, куда сбывается болѣе $^3/_5$ всего льна и пеньки, пошлины не взимается. Пряжа при отпускѣ платитъ: льняная 25 к., пеньковая—5 и 10 к. съ пуда. Съ 1846 г. съ пеньки взималось 50 к., съ льна 75 к., а съ 1851— съ пеньки 55 к., съ льна 83 к. съ берковца. Всѣ приведенныя выше цифры показываютъ, ка̀къ важна у насъ льняная и пеньковая промышленость; но выставка была крайне-бѣдна льняными и пеньковыми издѣліями.

Ленъ былъ присланъ всего семью экспонентами, изъ губерній: Вологодской — *Черемисинымъ* и *Лихачевымъ*, Кіевской — *Сысы, Шохи, Розводовскою;* Могилевской — *Учебною Фермою* при *Горыгорѣцкомъ Институтѣ;* Черниговской — *Харченковой* и Владимірской — *Мельниковымъ*.

ста по 6 коп., всего 36,300,000 р. сер, или до . . . 40,000,000 руб. сер.
Для 5,000,000 городскихъ жителей 20 арш. по 20 коп. 20,000,000 — —
Столовое бѣлье, паруса и проч. . . . . 3,000,000 — —
Пеньковыхъ издѣлій изъ 5,000 пудовъ пеньки на . . 28,000,000 — —
За границу вывозится почти на. . . . . 21,000,000 — —
Всего около. . . . 112,000,000 руб. сер.

Намъ кажется, что первая цифра слишкомъ-мала; въ «Изслѣдованіи о состояніи льняной промышлености» принято на жителя 20 арш. по $3^1/_2$ коп. (по мнѣнію г. Веретенникова); г. Тенгоборскій доказываетъ, что 20 арш. слишкомъ-много, а цѣна $3^1/_2$ слишкомъ-низка. Онъ говоритъ, что холстъ нужно считать по 6 коп., что̀ совершенно-справедливо; количество же его для двухъ рубашекъ онъ полагаетъ 8 аршинъ, тогда-какъ на мужскую рубашку нужно на каждую 7—8 аршинъ, такъ-какъ холстъ имѣетъ ширины только 8 вершковъ, на женскія же рубашки нужно вдвое болѣе; но вычтемъ тѣхъ жителей, которые бѣлья вовсе не употребляютъ (ихъ немного), или замѣняютъ его шелковыми тканями, все же получимъ на каждаго жителя не менѣе 20 аршинъ по 6 коп., всего 1 руб. 20 коп., а на $60^1/_2$ мил. это составитъ болѣе 70 мил. руб. сер. и выведенную нами сумму въ 125 мил. нельзя назвать слишкомъ-большою.

(*) Уменьшеніе вывоза льна въ 1851 г. зависѣло отъ неурожая и послѣдовавшаго отъ того значительнаго возвышенія цѣнъ: въ Ригѣ отъ 29 р. до 31 р. 50 к., въ Санктпетербургѣ 34 р. до 37 р. за берковецъ.

Слѣдовательно, даже не всѣ губерніи, въ которыхъ разводится ленъ, были представлены. Ленъ выставленъ былъ въ томъ видѣ, въ какомъ сбывается за границу, слегка-расчесанный; вообще онъ былъ неудовлетворителенъ, неровенъ и грубъ; лучшимъ показался намъ ленъ Харичковой. Цѣны были различны: 2—3 р. 60 к пудъ. Отъ этихъ сортовъ замѣтно отличается бѣлый и ровный ленъ учебной фермы Горыгорѣцкаго Института, гдѣ онъ разводится по бельгійскому способу въ сѣвооборотѣ и продается въ Ригѣ по 30 — 35 р. за берковецъ. Это средняя цѣна, по которой сбывается нашъ ленъ въ Ригѣ.

Обдѣланный ленъ былъ выставленъ Лихачевымъ и Мельниковымъ; первый незамѣчателенъ, но второй заслуживаетъ вниманія. Заведеніе Мельникова для обдѣлки льна (безъ химическаго средства по способу купеческаго сына Ив. Мельникова, сказано въ запискѣ, приложенной къ этой партіи), находится въ г. Меленкахъ, Владимірской Губерніи, и приготовляетъ ежегодно льна, для Александровской Мануфактуры и для вывоза за границу, до 25,000 пуд Цѣна его льну 36 р. берковецъ, слѣдовательно весьма-умѣренная. Онъ же выставилъ немного пеньки своей обдѣлки. Къ-сожалѣнію, на выставкѣ не было льна изъ тѣхъ губерній, гдѣ преимущественно распространено льноводство, такъ-что сравненія невозможны. Извѣстно, что фламандскій способъ введенъ въ Россіи въ Лифляндіи въ Клейроопѣ, и въ Ярославской Губерніи у г. Карновича. На выставкѣ не было ни того, ни другаго льна.

Изъ отзывовъ иностранцевъ о нашемъ льнѣ, собранныхъ авторами «Изслѣдованій» видимъ, что главный упрекъ состоитъ въ дурной отдѣлкѣ; далѣе, что онъ не можетъ давать нумеровъ выше 50 №. Причиною этого послѣдняго обстоятельства мы считаемъ рѣдкость посѣва; только въ Лифляндіи, если желаютъ получить тонкій ленъ, сѣютъ 1 четверть на десятину; то же количество сѣютъ въ Костромской Губерніи, въ другихъ мѣстахъ менѣе. Судя по урожаю, полученному въ Горыгорѣцкомъ Институтѣ (14—18 пуд.), тамъ сѣютъ рѣдко, около 3 четвериковъ; въ Бельгіи же среднимъ числомъ получается трепанаго льна 34 пуда съ десятины.

Обдѣлка у насъ состоитъ въ чесаніи льна щетинными щетками, вмѣсто металлическихъ чесалокъ, вслѣдствіе чего много кострики и пакли остается въ волокнѣ и при послѣдующемъ чесаніи, волокна получается иногда только 30 проц. Опыты, сдѣланые г. Карновичемъ, были неудачны, потому-что ленъ лучшаго качества не нашелъ сбыта, а въ Великобританіи привыкли къ русскому льну и умѣютъ пользоваться паклей. Мы полагаемъ, что улучшенное произведеніе всегда найдетъ себѣ сбытъ по весьма-сходной цѣнѣ, хотя для этого нужно нѣкоторое время; гораздо-большее затрудненіе находитъ улучшеніе льняной промышлености въ томъ, что она составляетъ предметъ сельскихъ занятій, а крестьяне не отстаютъ отъ своихъ обычаевъ. Мы полагаемъ, что вѣрное и единственное средство улучшить дѣло — основать заведенія, которыя, подобно бельгійскимъ fabricants, de lin, скупали бы ленъ у крестьянъ въ сыромъ видѣ. Безъ такого сосредоточенія, ни

*

одно значительное улучшеніе не въ-состояніи войдти въ обработку у насъ льна.

Тѣ же обстоятельства, которыя препятствуютъ улучшенной обработкѣ льна, связаны съ обработкой пеньки. Пенька на выставку была прислана изъ губерній: Орловской (6 партій), Черниговской (4 партіи) и Кіевской (4 партіи), всего 14 партій; пенька была въ томъ видѣ, какъ продается крестьянами, и одѣланная, какъ продается купцами. Цѣны выставлены различныя и вообще довольно-низкія: отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к.; только одѣланная пенька Бенедиктова показана цѣною въ 2 р. 60 к. пудъ — цѣна, сравнительно съ другими, по нашему мнѣнію, слишкомъ-высокая. Въ 1851 году цѣны на отпускную пеньку были въ Петербургѣ 24 р. 57 к. — 30 р. за берковецъ.

Пряжа льняная представлена была шестью экспонентами; въ томъ числѣ ручная двумя: *Разводовской* и *Хлоповымъ;* въ этихъ образцахъ не было особенно тонкой пряжи; выставленную Размордюковой, по тонинѣ, можно поставить между 30 и 40 №; по качеству, она стоитъ ниже хлоповской; цѣна назначена за 2 тальки въ 20 пасмъ 60 к. сер.

Не думаемъ, чтобъ ручное пряденіе сдѣлало у насъ какіе-нибудь успѣхи. Коммиссія Министерства Государственныхъ Имуществъ, издавая «Изслѣдованія о состояніи льняной промышлености въ Россіи», указывала на необходимость улучшенія аппаратовъ и учрежденіе прядильныхъ школъ; но это осталось безуспѣшнымъ по той же причинѣ, по которой не состоялись улучшенія въ мочкѣ и чесаніи; пряденіе есть тоже отрасль крестьянской промышлености, которая даетъ товаръ или плохой, или очень-дорогой. При недостаткѣ искусныхъ рукъ, при вѣрномъ сбытѣ пряжи, сколько бы ея ни было, для одного ужь внутренняго употребленія, сама необходимость указывала намъ на средство улучшить и увеличить это производство на введеніе машиннаго пряденія. Запретительная пошлина (4 р. 80 к., а съ 1850 г.—3 р съ пуда) обезпечивала нашихъ производителей, если бы даже иностранцы съумѣли побороть препятствіе отъ двойнаго провоза: потому-что вывозъ изъ Россіи льна и пеньки составляетъ 64 процента вывоза изъ всѣхъ странъ, торгующихъ этимъ товаромъ, и намъ пришлось бы покупать иностранную пряжу изъ своего льна и пеньки.

Главное затрудненіе лежитъ въ томъ, что ленъ и пенька не могутъ быть обработаны на машинахъ съ такою же легкостью, какъ хлопчатая бумага; это влечетъ большую сложность въ устройствѣ машинъ и, слѣдовательно, большую дороговизну ихъ. Въ Австріи считаютъ, что устройство льнопрядильни обходится по 50 р. 63 к. сер. съ веретена, а бумагопрядильни — 8 р. 15 к. У насъ льнопрядильня г. Мертваго, въ Москвѣ, стоила 79,000 р. при 1,900 веретенахъ, то-есть болѣе 41 руб. съ веретена, причемъ не принята въ разсчетъ цѣнность строенія и паровой машины. (L. Tegoborski, Etudes etc. T. II. p. 309 etc. 310). Впрочемъ, эта цѣнность слишкомъ-велика (*). Несмотря на это важное пре-

(*) Кармаршъ (Tech. Mechn. p. 1206) приводитъ, что въ Англіи одно веретено, со всѣми принадлежащими аппаратами, стоитъ 2 ф. стерл. (13 руб. сер.)

пятствіе, машины для пряденія льна быстро распространяются въ Европѣ. Г. Тенгоборскій приводитъ слѣдующія числа:

Великобританія (въ 1850 г.) имѣетъ 1,025,031 вер., Франція (въ 1846 г.)—болѣе 150,000 вер (въ 1851 г.—300 т.) (*), Германія вся—110,000 вер., Бельгія—60,000 вер.; всего слѣдственно въ Европѣ, кромѣ Россіи, можно считать неменѣе 1,400 т. веретенъ, которыя приготовляютъ, по исчисленію того же автора, около 3 мил. пуд. пряжи. Есть другое обстоятельство, которое преодолѣваетъ дороговизну устройства льнопрядильни. Не станемъ ужь говорить о превосходствѣ машинной пряжи предъ ручной: оно понятно каждому; сравнимъ только стоимость и быстроту работы ручной и машинной. Въ «Изслѣдованіяхъ» приводится, что прилежная пряха (около Великаго Села) выпрядаетъ въ недѣлю 5—6 талекъ 12 сотой пряжи, всего 24—28 т. аршинъ; 24 т. аршинъ этой пряжи вѣсятъ 108 золот., или въ фунтѣ почти $21\frac{1}{2}$ т. аршинъ (50 т. футовъ), въ англійскомъ фунтѣ (1 р. ф. = 0,9028 англ. ф.) будетъ, слѣдовательно, болѣе 55 т. фут. и пряжа эта соотвѣтствуетъ № $61\frac{1}{2}$ англійской пряжи (**), другими словами: *пряха въ недѣлю выпрядаетъ немного-болѣе 1 англійскаго фунта пряжи 61 №.*

На механической льнопрядильнѣ одно веретено въ 12 часовъ даетъ $5\frac{1}{2}$ мотковъ пряжи № 60—70, а 2000 веретенъ — 11,000 мотковъ, или 190 фунтовъ, при 30 рабочихъ (дѣвочкахъ), кромѣ мотальщицъ, и 16 паровыхъ силахъ. Посмотримъ, во что должна обойдтись пряжа въ томъ и другомъ случаѣ. Въ «Изслѣдованіяхъ» говорится, что за тальку 12 сот. пряжи (при пряденіи на-заказъ) платятъ 25 к. асс., слѣдовательно пряденіе 5 талекъ, или фунта съ небольшимъ (англ. № 61) пряжи стоитъ 1 р. 25 к. асс. или 35 к. сер.

Льнопрядильня въ 2000 веретенъ стоитъ около 120,000 р., считая 4% на капиталъ, въ годъ 4800 р., а въ рабочій день (250 въ году) 19 р.
30 дѣвочкамъ по 50 р. въ годъ — 1500 р., а въ день 6 —
16 паровыхъ лошадей требуютъ по 7 фунтовъ угля въ часъ, 112 ф., а въ 12 часовъ—34 пуда, по 10 к. . . . 3 — 40 к.
Разныхъ расходовъ, ремонтъ и пр. никакъ не болѣе . 10 —

Итакъ производство 180 фунтовъ стоитъ . . . . . 38 р. 40 к.
Положимъ даже 40 р., слѣдовательно каждый фунтъ . 22 к.
Разница весьма-значительная: на 180 фунтовъ, выпрядаемыхъ въ

безъ строенія и паровой машины. Для 125 веретенъ нужна одна паровая сила; при 2,000 веретенахъ нужно 28 дѣвочекъ и 10—12 дѣвочекъ для мотанія. У него же (стр. 1118) находимъ, что на веретено въ бумагопрядильнѣ въ Англіи (безъ строенія, приводовъ и паровой машины) издержано 1,47 ф. стерл. (9 р. 50 к.); на 132 вер.—1 пар. сила и 2 (и менѣе) рабочихъ.

(*) Въ 1844 году во Франціи было 54 фабрики и 120,000 веретенъ; теперь 130 фабрикъ и 300,000 веретенъ, 19,000—20,000 рабочихъ и 5,000 лошадиныхъ силъ (Monit. Ind. 1851. № 1584.)

(**) № пряжи означаетъ число мотковъ въ фунтѣ, по 300 ярдовъ = 900 фут. въ каждомъ моткѣ, слѣд. въ № 61 длина пряжи 61+900=54900 футовъ.

день, она составитъ 23 р. 40 к. или болѣе 37% (*) Каждая работница (дѣвочка) доставляетъ въ день 6 фунтовъ пряжи.

Введенію у насъ механическаго льнопряденія положено начало Александровской Мануфактурой, а изъ частныхъ лицъ г. Елизаровымъ въ Вязникахъ; нынѣ его фабрика закрыта, подобно нѣкоторымъ другимъ; но, несмотря на эти частныя неудачи, прочное основаніе этому дѣлу положено; и у насъ теперь 6 большихъ льнопрядильныхъ фабрикъ, которыя приготовляютъ пряжи:

Братьевъ Хлудовыхъ (въ Егорьевскѣ)	до 42,000	пуд.
Мертваго (въ Москвѣ) 2000 веретенъ	— 10,000	—
Ричина (?)	— 10,000	—
Усачева (близь Москвы, въ Купавнѣ) 1500 вер. .	— 8,000	—
Люрса (въ Великомъ Устюгѣ)	— 6,000	—
Рейта (въ Петербургѣ)	— 5,000	—
	81,000	пуд.

Числа наши заимствованы частью изъ статьи г. Баталина, частью изъ «Указателя выставки»

Изъ этихъ фабрикъ въ выставкѣ участвовали слѣдующія: *Братьевъ Хлудовыхъ и Усачева* и, кромѣ того, *Александровская Мануфактура;* были еще образцы пряжи льняной и пеньковой г. *Наумова*, который имѣетъ въ Богородскѣ до 300 веретенъ, но при нихъ цѣнъ не было; въ Петербургѣ общество тюлевой фабрики имѣетъ, какъ мы недавно слышали, до 300 веретенъ; оно не участвовало въ выставкѣ.

До-сихъ-поръ наши льнопрядильни, какъ мы сказали, не имѣли успѣха; даже и Александровская Мануфактура (Описаніе выставки 1849 г.), не находя никакой выгоды въ обработкѣ среднихъ и высшихъ нумеровъ, могущихъ служить на дѣло тонкихъ полотенъ или другаго высшаго качества льняныхъ тканей, ограничивается нынѣ почти исключительно машиннымъ пряденіемъ лишь самой грубой льняной нити для парусныхъ полотенъ. Отчего произошло это? Конечно, отъ несовершенства приборовъ и дороговизны ихъ; кромѣ-того, при пряденіи высшихъ нумеровъ пряжи изъ 100 ф. льна выходитъ только 30 ф., остальное, кромѣ негодной пакли, идетъ въ очески (около 35 ф.) для которыхъ тоже нужны машины. Въ настоящее время эти затрудненія повидимому устранены и на выставкѣ были очень-высокіе нумера (даже 100 й), а Александровская Мануфактура выставила пряжу и изъ оческовъ.

(*) При этомъ разсчетѣ мы приняли на веретено основнаго капитала по 60 руб.; но въ Англіи считаютъ никакъ не болѣе 25 руб. сер. (см. выше, 13 р. безъ строенія и машины); это бы сократило проценты до 8 р. въ день (вмѣсто 19 руб.). Далѣе, у насъ льнопрядильни работаютъ 24 часа и доставляютъ слѣдовательно 360 фунтовъ, а издержки удвоятся только по жалованью и топливу, такъ-что, положивъ 20 руб. на проценты и разные расходы, 12 руб. на рабочихъ и 6 р. 80 к. на топливо (въ Москвѣ оно дороже), получили бы 38 р. 80 к. для пряденія 360 ф. пряжи 61 №. Чесаніе льна принято въ разсчетъ при пряденіи машиною.

Вотъ перечень нумеровъ и цѣнъ, бывшихъ на выставкѣ:

Александр. Мануф.						Бр. Хлудов.	Ф. Грачева.				
изъ оческовъ			изъ льна			изъ льна	изъ льна				
№	р.	к.	№	р.	к.	№ р.	№	—	р.	к.	
$1^3/_4$—	3	60	$2^3/_4$—	7	80	30—12	14	(основа)	5	—	пудъ
12—	7	—	10—	10	—	40—16	16	—	5	50	—
30—	12	50	30—	17	50	50—20	50	—	20	—	—
45—	17	50	50—	25	—	60—24	60	—	24	—	—
75—	30	—	100—	45	—	70—28					
						80—32					
						90—36					

Цѣны пряжи гг. Хлудовыхъ и Усачева довольно-умѣренны, такъ-что ручаются за хорошее устройство ихъ фабрикъ, что̀ доказывается и самымъ достоинствомъ продукта. № 60 продается ими по 24 р. пудъ, или по 60 к. фунтъ; это даетъ имъ значительный перевѣсъ надъ ручной пряжей, которая въ 1845 году продавалась (12 сотная) въ Великомъ Селѣ по 50 к. асс. за тальку, или, около по 70 к. сер. за фунтъ. Кромѣ-того, ткацкій фабрикантъ получаетъ пряжу уже сортированную (*), какую ему нужно, всегда ровную, хорошо-скрученную, которая не рвется при тканьѣ и не дѣлаетъ ткань такъ непріятно-пушистою, какъ полотно изъ ручной пряжи.

Очень жалѣемъ, что не было на выставкѣ пряжи г. Мертваго; мы видѣли его фабрику и слышали хорошіе отзывы о его пряжѣ на ткацкой фабрикѣ г. Спиридонова, гдѣ о ней отзываются съ большой похвалою, равно-какъ и о пряжѣ братьевъ Хлудовыхъ. Чесаніе льна производится машиною, сходною совершенно съ тою, которая употребляется въ льночесальномъ отдѣленіи Société linière Gantoise и описанна въ «Свѣдѣніяхъ о льняной промышлености въ Бельгіи.»

Бѣльная пряжа была выставлена (зала X) Троицкой Канатной Фабрикой.

Пеньковой пряжи вовсе не было на выставкѣ; машинами, кажется, у насъ ея не дѣлаютъ, а между тѣмъ количество ея, вывозимое за границу, въ послѣднее время значительно увеличилось, какъ видѣли выше: въ 1851 году ея вывезено 111,772 пуда на 369,213 р. с. или по 3 р. 30 к. сер.; изъ этого количества болѣе 100 пуд. (слѣдовательно почти все идетъ въ Сѣверо Американскіе Штаты (см. Виды Торговли 1851 т. VIII). Пряжа эта идетъ почти вся на канаты; въ нынѣшнемъ году цѣна канатной пеньковой пряжи на С. Петербургской Биржѣ 22—30 р. берковецъ.

2. *Льняныя и пеньковыя издѣлія* (зала X), по достоинству своему и цѣнѣ, находятся въ тѣсной зависимости отъ пряжи: едва учредились машинныя льнопрядильни, какъ появилось у насъ и механическое ткачество. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ указанію того, что̀ было по этому предмету на выставкѣ, броснмъ бѣглый взглядъ на заграничную торговлю льняными и пеньковыми издѣліями. Главныя статьи

(*) Ткачи должны сами сортировать ручную пряжу.

отпуска по этому предмету: веревки и канаты, парусина, фламское полотно, равендукъ, салфеточное полотно, холстъ и пр. Этихъ товаровъ отпускается вообще на сумму около 3 милл. р. сер. въ годъ:

Канатовъ и	Въ 1824—33 г.	Въ 1834—43 г.	Въ 1844—46 г.	Въ 1850—51 г.
Веревокъ. .	318,787 пуд.	260,158 пуд.	331,158 пуд.	490,877 пуд.
Парусины .	61,718 кус.	63,107 кус.	35,846 кус.	15,921 кус.
Равендука .	65,907 »	70,798 »	54,039 »	28,492 »
Флам. полотна	68,453 »	60,989 »	31,576 »	13,974 »
Холста. . .	» »	2,106,894 арш	3,458,574 арш.	5,886,210 арш.
Салфет. пол. и пр. . .	»	»	»	»
Всего по цѣнѣ на:				
Канатовъ и веревокъ.	735,157 р.	577,906 р.	853,874 р.	1,379,209 р.
Парусины	1,015,378 »	839,893 »	440,669 »	187,238 »
Равендука	474,054 »	463,112 »	318,427 »	197,527 »
Фламск. пол . . .	691,955 »	565,395 »	262,072 »	124,233 »
Холста	98,989 »	259,461 »	487,208 »	736,441 »
Салф. полот. и пр.	598,673 »	611,460 »	475,449 »	233,685 »
Всего на. .	3,614,206 »	3,317,238 »	2,837,699 »	2,863,333 »
Слѣдов. среднія цѣны на эти продукты были:				
Канатовъ	2 р. — к.	2 р. 30 к.	2 р. 57 к.	2 р. 81 к. с. п.
Парусины	16 » 54 »	13 » 30 »	12 » 30 »	11 » 76 » » »
Равендука	7 » 20 »	6 » 54 »	5 » 90 »	6 » 93 » » »
Фламск. полот. .	10 » 10 »	9 » 27 »	8 » 30 »	8 » 90 » » »
Холста	» »	» 12 »	» 14 »	13 » » а.

Главная статья отпуска—канаты, сбываемые преимущественно въ Великобританію и Америку, въ 1851 г. около 144 т. п. въ каждую изъ этихъ странъ, кромѣ того, что̀ отправлено въ Зундъ); отпускъ ихъ значительно усилился, несмотря на употребленіе цѣпей и хлопчатобумажныхъ канатовъ (*). Сбытъ ихъ, полагаемъ, еще бы усилился, еслибъ мы могли понизить цѣну. Пошлина при отпускѣ канатовъ не взимается. На выставкѣ канатовъ было только двѣ партіи: Г. *Пятова* и *Троицкой Канатной Фабрики*. Фабрика Пятова находится въ Нижнемъ Новгородѣ, учреждена въ 1809 году, имѣетъ рабочихъ 400—500 чел. и выработываетъ издѣлій на 162,500 р. сер. Выставленному смоляному канату въ 14 дюйм. въ діаметрѣ (1500 нитей) показана фабричная цѣна 2 р. 60 к. пудъ. Троицкая Фабрика (принадлежащая товариществу гг. Лангвагенъ, Корсакова и Конягина) основана въ 1852 году, приводится въ дѣйствіе паровою машиною въ 15 силъ и занимаетъ 165 чел. рабочихъ; ежегодное производство не показано. Цѣна смоляному канату означена 3 р. 30 к. Центры нашей канатной фабри-

(*) Преимущество послѣднихъ въ томъ, что матеріалъ не пропадаетъ: такой канатъ, испортившись, можетъ быть перевитъ, наконецъ онъ идетъ на вату; пеньковый канатъ годенъ только на паклю.

каціи (Санктпетербургъ, гдѣ фабр. гг. Казалета и Сазонова, Орелъ — г. Мѣшкова, Пермь — г. Смышляева) не приняли участія въ выставкѣ.

Вывозъ парусного полотна значительно уменьшился; причиною тому соперничество Англичанъ и Сѣвероамериканцевъ, которые, кромѣ-того, обложили льняныя и пеньковыя издѣлія высокой ввозной пошлиной. Полагаемъ, что основаніе механическихъ прядиленъ и ткацкихъ можетъ дать этой торговлѣ бо̀льшее развитіе; только этимъ путемъ можемъ мы побѣдить совмѣстничество иностранцевъ, которые употребляютъ нашу же пряжу, нашу пеньку и нашъ ленъ.

Парусина была выставлена: *Александровскою Мануфактурою*, *Масловой* (Калуж. Губ. Жиздр. Уѣзд.), *Бистромъ* (Калуж. Г., Мед. Уѣзд.) и *Брюзгинымъ* (въ Козельскѣ). Изъ этихъ лицъ давней извѣстностью пользуется г. Брюзгинъ: не разъ англійскіе мануфактуристы даже клали на свое полотно клеймо его фабрики, чтобъ обезпечить сбытъ его (*). Цѣна его полотну показана была 16 р. сер., а въ 1841 г. — 16 р. 28½ кусокъ въ 50 арш. Съ сожалѣніемъ замѣчаемъ отсутствіе издѣлій гг. Зотова, Плотникова и Маслова (въ Тулѣ). Фабрики парусныхъ полотенъ значительно пострадали отъ уменьшенія сбыта за границу. Такъ на фабрикѣ г. Брюзгина, въ 1849 году, изъ числа 240 становъ, бо̀льшая часть стояла безъ дѣла (Обозрѣніе выставки 1849 г.). Кромѣ-того Александровская Мануфактура давно ужь начала дѣлать парусныя полотна изъ машинной льнянной пряжи; «съ перваго появленія ихъ, они не могли не понравиться иностраннымъ покупателямъ, тѣмъ болѣе, что отпускаемы были по цѣнамъ, по которымъ выдѣлка ихъ на частныхъ фабрикахъ, невладѣющихъ такими обширными денежными и механическими пособіями, становится прямо невозможною» (Обозрѣніе выставки 1849 г. стр. 104). Въ настоящемъ году цѣна этого превосходнаго полотна назначена отъ 10 до 13 р. 75 к. сер. за кусокъ въ 50 аршинъ; здѣсь же выставлены парусныя ведра. Примѣру Александровской Мануфактуры послѣдовалъ г. Елизаровъ (въ Вязникахъ); но его полотна на выставкѣ не было и самая фабрика, кажется, закрыта. Вывозъ равендука и фламскаго полотна значительно упалъ, а цѣны только въ послѣднее время опять нѣсколько возвысились. Прежде онѣ были иногда такъ низки, что фабрикантъ терпѣлъ убытокъ. Въ «Изслѣдованіяхъ о сост. льнян. промыш.» находимъ, что кусокъ фламскаго полотна стоитъ фабриканту 26 р. 28 к. (Пряжа 1 п. 1 ф. — 18 р. 45 к., выварка 3 р., ткачу 2 р. 50 к.) асс. или 7 р. 50 к. сер. съ доставкой въ Петербургъ, а въ 1844 г. здѣсь оно продавалось по 26 — 27 р. асс. кусокъ. Равендукъ съ провозомъ обходится въ 17 р. 73 к., или 5 р. 15 к. сер. кусокъ, слѣдовательно, даетъ большой доходъ (цѣны см. выше). Приготовленіе этихъ товаровъ сосредоточивается въ губерніяхъ Костромской, Яро-

---

(*) Фабрика г. Брюзгина основана въ 1781 году и около 1844 года приготовляла 12,000 кусковъ при 1,200 рабочихъ. Изъ ручной пряжи на ней сдѣлано много улучшеній, между-прочимъ, введено впервые химическое бѣленіе пряжи (См. «Обозрѣніе промышлености», 1845 г., стр. 180.)

славской и Владимірской. Оно вообще упало такъ, что за 30 лѣтъ въ Костромѣ выдѣлывалось до 70,000 куск., а около 1844 г. едва-ли 20,000; тоже и въ Вязникахъ. Эта промышленость тоже вѣроятно поднимется съ распространеніемъ механическаго пряденія. Г. Тенгоборскій говоритъ, что г. Мертваго доставляетъ нынѣ пряжу для фламскаго полотна по 5 р. сер. пудъ, слѣдовательно пряжа для одного куска стоитъ не 18 р. 45 к., а 17 р. 94 к.; съ распространеніемъ прядиленъ эта цифра еще уменьшится. Между-тѣмъ фабрики закрылись или уменьшили свое производство, или же стали приготовлять смѣшанныя, льняно-бумажныя ткани.

На выставкѣ были образцы равентука и фламскаго полотна *Александровской Мануфактуры*, *Емельянова* (въ Муромѣ), *Никитина* (въ Вязниковскомъ Уѣздѣ) и *Демидова* (въ Вязникахъ).

Холста, которымъ производится значительный торгъ съ иностранными землями, на выставкѣ вовсе не было Приготовленіе его не сосредоточивается на фабрикахъ, а распространено по деревнямъ.

Тики и прочая пестрядь были представлены съ фабрикъ гг. *Медвѣдева* (Шуйскаго Уѣзда), *Поповой* (въ Переславлѣ-Залѣсскомъ), *Александровской Мануфактурой* и *Терентьева* (Шуйскаго Уѣзда). Фабрика г. Медвѣдева приготовляетъ товара почти на 10,000 р. сер., преимущественно для промѣна Китайцамъ; фабрика г-жи Поповой—до 60,000 р.

Гораздо-болѣе было образцовъ салфеточнаго товара, а именно съ фабрикъ *Г. М. Бутурлина* (Владимірскаго Уѣзда), *Миклашевскаго* (Стародубскаго Уѣзда Черниговской Губ.), *Домбровича* (Маріампольскаго Уѣзда Августовской Губ.), *Хлопова* (Калужской и Тамбовской Губ.), *бр. Медынцевыхъ* (въ Москвѣ), *Менгдена* (Кинешемскаго Уѣзда), *Кузьмина* (въ Москвѣ) и *Александровской Мануфактуры*.

Центромъ фабрикаціи камчатнаго бѣлья считается Костромская Губернія и въ ней деревня Вычуга. Салфетки дѣлаются тамъ длиною въ 24 аршина, шириною въ 10 вершковъ и продаются тамъ по 1 р.— 1 р. 30 к. за кусокъ (10 пасмъ). Такого товара не было на выставкѣ.

Полотно болѣе-тонкое продается приборомъ (скатерть и дюжина салфетокъ). За тканіе скатерти въ 3 ар. ширины платятъ около 30— 35 коп., за 12 салфетокъ — 71 к. — 1 р. сер. Наконецъ самое тонкое полотно дѣлается на особыхъ фабрикахъ; въ немъ введены станки Жакара.

Фабрика Менгдена принадлежитъ къ значительнѣйшимъ и лучшимъ по работѣ. Для лучшихъ полотенъ употребляется англійская машинная льняная пряжа (№ 70—120). Фабрика учреждена около 1802 года и приготовляетъ издѣлій на 11—16,000 р. сер.; рабочихъ 60 человѣкъ. Цѣны ея издѣліямъ довольно-высоки: скатерть (3 ар. шир. и $4^1/_2$ длины) и 12 салфетокъ стоютъ 40 руб. Учрежденная въ 1844 году близь Риги фабрика Янке, заслужившая полное одобреніе на выставкѣ 1849 г., не приняла участія въ состязаніи. Она работаетъ англійской машинной пряжей; рабочихъ 40 человѣкъ.

Издавна извѣстна еще московская фабрика Кузьмина. Прежде она работала англійской машинной пряжей, но потомъ привозъ послѣдней ограничился. Рабочихъ на фабрикѣ 20 чел. Издѣлія уступаютъ далеко

менгденовскимъ, но зато и цѣна ниже: четырехаршинная скатерть съ 12 салфетками стоитъ 25 р. сер. Г. Кузьминъ выставилъ еще суровый батистъ (75 к. арш.) (*).

Фабрика г. Домбровича выставила теперь только салфеточное полотно; въ немъ вполнѣ удовлетворительно какъ бѣленіе, такъ и ткачество; оно немногимъ уступаетъ издѣліямъ фабрики г. Менгдена, но цѣны вообще доступнѣе. Фабрика ежегодно приготовляетъ до 41,000 арш. на 13,000 р. сер. Фабрика г. Миклашевскаго выработываетъ ежегодно товара на 5,000 р. сер. О заведеніяхъ гг. Бутурлина и Хлопова «Указатель» не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній.

Фабрика бр. Медынцовыхъ для бумажныхъ и льняныхъ издѣлій занимаетъ 800 ткачей въ Москвѣ и до 1500 въ губерніи. Она выставила полотно суровое, льняной ластингъ, льняную съ бумагою матерію для мебели, скатерть и салфетки въ суровьѣ; всѣ эти издѣлія весьма удовлетворительны и доступны по цѣнѣ.

Къ этимъ издѣліямъ примыкаютъ товары: *Сыромятникова и Дьяконова* (въ городѣ Нерехтѣ, пеньковый атласъ, парусина, суровое полотно, каламенка, салфетки, брючная матерія) и *Морозова* (Владимір. Губ. Покров. Уѣзда, разныя издѣлія изъ льна и бумаги). Эти издѣлія вообще соотвѣтствуютъ ходячимъ цѣнамъ на нихъ. Въ партіи Морозова, напримѣръ, довольно-удовлетворительная брючная матерія была обозначена цѣною въ 35 — 40 к. аршинъ; но съ англійскими тканями въ-состояніи будутъ онѣ соперничать только при механическомъ производствѣ. Многимъ изъ читателей, вѣроятно, приходилось сравнивать англійскую и русскую коломенку; послѣдняя по лавочнымъ цѣнамъ вдвое дешевле, но и вдвое хуже; въ ней нѣтъ той плотности, ровности и крутости пряжи, которыя видимъ въ англійской, и оттого она послѣ первой стирки много теряетъ. Будемъ надѣется, что скоро такой упрекъ будетъ несправедливъ. Нѣкоторыя фабрики ужь стали употреблять машинную пряжу.

Приготовленіе тонкихъ полотенъ сосредоточивается въ Ярославской Губерніи, именно въ Великомъ Селѣ; но оттуда не прислано на выставку ни одной штуки полотна. Кромѣ нѣкоторыхъ партій, упомянутыхъ выше, оно было представлено г. *Жадовскимъ* (Костром. Губ., Буйск. Уѣзда) и *Демидовымъ* (города Вязники); полотна Жадовскаго заслуживали одобреніе на выставкѣ 1849 года; «они смѣло могутъ идти въ сравненіе съ произведеніями искуснѣйшихъ великороссійскихъ ткачей и даже превосходятъ ихъ лучшимъ бѣленіемъ, равно какъ аппретурою и складкою на манеръ иностранный» (опис. выст.). При-всемъ-томъ мы считаемъ ихъ очень-дорогими (до 2 р. 25 к. арш.). Г. Демидовъ выставилъ полотно пятичетвертное по 15 р. и двѣнадцатичетвертное по 50 р. кусокъ.

Приготовленіе очень-хорошихъ тонкихъ полотенъ хотя и дѣлается у насъ, но они обходятся чрезвычайно-дорого. Въ-самомъ-дѣлѣ въ Бельгіи за тканіе полотна въ 3,400 нитей въ основѣ ($^5/_4$) платятъ 12

(*) Цѣны эти взяты изъ статьи г. Баталина.

к. съ аршина, а въ Великомъ Селѣ 21 р. асс. за кусокъ въ 30 аршинъ, что составитъ $23^3/_4$ к. сер. съ аршина, слѣдовательно вдвое-болѣе (*); притомъ бельгійскій ткачъ работаетъ гораздо-лучше и скорѣе нашихъ ткачихъ: бельгійскій ткачъ, получая только $17^1/_8$ коп. въ день, доставляетъ товара 50 процентами болѣе, чѣмъ ткачиха въ Великомъ Селѣ, добывающая въ день 26 — 28 коп. Отъ этого полотно, стоящее въ Бельгіи по 90 к. асс. съ аршина, у насъ стоитъ 1 р. 20 к. — 1 р. 30 к. асс., при дишевизнѣ перваго матеріала. (Изслѣд. о состояніи льнян. промыш. ч. 2 стр. 41). Эта относительная дороговизна тѣмъ болѣе, чѣмъ тонѣе полотно: разница въ цѣнѣ полотна въ 2,600 нитей составляетъ 30 — 42%, при 3,400 н. — 22 — 60%, при 4,200 н. — 68 — 110%. При такой разницѣ въ цѣнѣ приготовленіе тонкихъ полотенъ возможно только при чрезвычайно-высокихъ пошлинахъ на иностранный товаръ. По сбавленнымъ ужь въ 1842 г. пошлинамъ, полотно 13 рублевое въ Билефильдѣ въ 12 фунтовъ платило 14 р. 80 к. сер. и продавалось въ Петербургѣ только по 34 р. с.; прежнія же пошлины равнялись почти запретительнымъ. Правительство убѣдилось, что эти высокія пошлины, обременяя массу потребителей, не производятъ другаго полезнаго результата, кромѣ выгоды нѣсколькихъ производителей. Вслѣдствіе того пошлина по тарифу 1850 года взимается съ полотна и платковъ тонкихъ, привозимыхъ моремъ, 1 р., сухопутно—60 к.; съ полотна толстаго и холста моремъ—60, сухопутно—40 к. съ фунт. Для послѣдняго рода полотенъ эта пошлина составляетъ 37 и 55% стоимости ихъ на мѣстѣ ($^3/_4$, 5 квадр. арш. въ фунтѣ), для тонкаго полотна (70 р. въ Билефильдѣ—40 арш., 10 ф.) $8^1/_2$ (сухопутно), $14^1/_4$ (моремъ) процентовъ, не считая перевоза, коммиссіи и проч. (Тегноборскій, Etudes, T. II, p. 339). Полотна среднія и толстыя, которыя составляютъ главную массу нашихъ льняныхъ издѣлій, совершенно обезпечены тарифомъ отъ иностраннаго соперничества. Привозъ иностранныхъ льняныхъ издѣлій въ Россію представляетъ слѣдующія цифры:

Въ 1793—1795	г.	на 188,800	р. с.
— 1814—1823	»	— 184,586	—
— 1834—1843	»	— 356,368	—
— 1844—1847	»	— 372,277	—
Въ 1848	»	— 441,853	—
— 1849	»	— 579,041	—
— 1850	»	— 537,996	—
— 1851	»	— 962,048	—

Мы до-сихъ-поръ не говорили о новой отрасли нашего ткацкаго дѣла—о машинномъ ткачествѣ: въ немъ и въ машинномъ пряденіи лежитъ будущность нашей льняной промышлености. Мы показали выше преимущества машиннаго пряденія надъ ручнымъ (**); теперь ска-

(*) Это справедливо приводится нашими писателями въ доказательство, что у насъ дешева только самая грубая работа.

(**) Ручная работа можетъ дать болѣе-тонкую пряжу, чѣмъ машинная. На лондонской выставкѣ 1851 года высшій № машинной пряжи былъ 300 (изъ Лидса), ручной — 1600 (утокъ изъ кутрэйскаго льна).

жемъ нѣсколько словъ о машинномъ ткачествѣ. Къ ручной пряжѣ, при ея неровности и непрочности, оно вовсе непримѣнимо; но и при машинной пряжѣ есть неудобство, происходящее отъ меньшей гибкости льняной нити сравнительно съ хлопчатобумажною, вслѣдствіе чего льняная чаще обрывается и станъ долженъ идти медленнѣе, чѣмъ при тканьѣ бумажныхъ тканей; но тѣ же неудобства имѣютъ мѣсто и при ручномъ тканьѣ, и слѣдовательно, въ этомъ отношеніи ни то, ни другое не представляетъ преимуществъ. Одинаково въ томъ и другомъ случаѣ и обрываніе нити, которое главнѣйшимъ образомъ дѣлаетъ ткачество медленнымъ; неудобство это устраняется хорошимъ качествомъ пряжи и въ этомъ отношеніи ручная не можетъ идти въ-сравненіи съ машинною. Но предположимъ, что всѣ эти обстоятельства равны: изъ машинной англійской пряжи № 55 для основы и № 60 утка на механическомъ станкѣ въ 12 часовъ работаютъ $10^2/_3$ ярдовъ или 32 фута=болѣе $13^1/_2$ аршинъ; при № 30 для основы и № 35 для утка—16 ярдовъ=болѣе 20 аршинъ; слѣдовательно, въ первомъ случаѣ въ 5, во второмъ въ 3—4 раза болѣе, чѣмъ при ручномъ ткачествѣ (Karmarsch; Technologie. p. 1222); притомъ ткань выходитъ плотная и ровная по всей длинѣ (*).

Первенство основанія у насъ машиннаго пряденія принадлежитъ Александровской Мануфактурѣ; ея издѣлія давно ужь занимаютъ первое мѣсто на нашихъ выставкахъ. Изъ частныхъ лицъ состязателями явились гг. *Спиридоновъ* (близь Москвы у с. Ростокина) и *Люрсъ* (въ Великомъ Устюгѣ). Фабрику г. Спиридонова должно считать отраслью фабрики г. Мертваго, съ которымъ г. Спиридоновъ былъ прежде въ товариществѣ. Послѣ г. Елизарова въ Вязникахъ и Рейта въ Петербургѣ, г. Мертваго первый изъ частныхъ лицъ основалъ въ Москвѣ механическое ткачество; у него тамъ теперь механическихъ становъ 110. Отбѣльное и аппретурное заведеніе (близь с. Ростокина) еще не готовы, а поэтому, вѣроятно, издѣлія г. Мертваго не были на выставкѣ. Его станки дѣйствуютъ прекрасно, и полотно, которое мы видѣли на фабрикѣ суровьемъ, вполнѣ-хорошо. То же должно сказать о полотнахъ гг. Спиридонова и Люрса. Вмѣстѣ съ иностранными способами аппретуры у насъ начали складывать полотно такъ, какъ дѣлается это за границей: развернувъ кусокъ пополамъ, можно видѣть разомъ средину куска, тогда-какъ обыкновенно полотно свертываютъ цилиндромъ, выставляя одинъ конецъ—*казовый*, который и ткется всегда почти лучше-чѣмъ весь кусокъ.

(*) Мы видѣли въ Москвѣ ручные станки г. Мясникова, которые были выставлены на выставкѣ сельскихъ произведеній; станки эти отличаются отъ обыкновенныхъ ручныхъ своей уютностью и особеннымъ устройствомъ батана, вслѣдствіе котораго на нихъ работаютъ дѣти, и прибиваніе утка идетъ ровно. Работа идетъ почти вдвое скорѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ станахъ. Заведеніе г. Мясникова находится за Симоновымъ Монастыремъ въ Тюфелевой Рощѣ, на землѣ г. Константинова. Г. Мясниковъ предпринялъ опыты мочки льна по способу Шенка; къ крайнему сожалѣнію, нѣкоторыя обстоятельства остановили исполненіе его прекраснаго намѣренія.

Г. Люрсъ выставилъ два куска по 52 аршина, одинъ въ 20, другой въ 21 р. или по 39—46 к. аршинъ. Г. Спиридоновъ выставилъ куски въ 16, 18 и 20 р. за кусокъ, и еще полотно по 96 к. аршинъ.

Мы съ удовольствіемъ видимъ изъ этого, что наши ткацкіе фабриканты вполнѣ понимаютъ свою выгоду и работаютъ товаръ, имѣющій обширный сбытъ.

Одинъ изъ важныхъ недостатковъ нашихъ обыкновенныхъ полотенъ состоитъ въ дурномъ бѣленіи и аппретурѣ ихъ. Г. Карновичъ, кажется, первый обратилъ вниманіе на это и учредилъ въ Ярославской Губерніи заведеніе съ этою цѣлью. При новыхъ механическихъ ткацкихъ фабрикахъ есть собственныя бѣлильни. Бывъ на фабрикѣ г. Спиридонова, мы не могли, однако, видѣть его бѣлильни. Въ ней работается по ирландскому способу, который въ этомъ заведеніи считается секретомъ; не знаемъ, отличенъ ли онъ въ чемъ-нибудь отъ того, который описывается въ техническихъ сочиненіяхъ подъ этимъ названіемъ. Это смѣшанный способъ, въ которомъ соединено вывариваніе въ щелокѣ и бѣленіе хлоромъ съ разстиланіемъ на лугу. Бѣлильный мастеръ при Технологическомъ Институтѣ г. *Кочетовъ*, выставилъ полотно на половину-отбѣленное, на половину-суровое (зала 1); это бѣленіе чисто-химическое по способу г. Кочетова (отца). Нынѣ бѣлильная мастерская при Институтѣ уничтожена.

Общій и главный выводъ, который представляетъ московская выставка 1853 года, по отношенію къ льнянымъ издѣліямъ, тотъ, что въ Россіи введено машинное пряденіе и ткачество льна; что средство противоборствовать дороговизнѣ рабочихъ и несовершенству товара теперь у насъ въ рукахъ. Доставляя издѣлія по болѣе-сходной цѣнѣ, эта фабрикація будетъ имѣть, вѣроятно, большое вліяніе на улучшеніе воздѣлыванія и первоначальной обработки льна. Важное соперничество льняныя ткани встрѣчаютъ въ хлопчато-бумажныхъ издѣліяхъ, и нельзя отрицать, что дешевизна послѣднихъ, происходящая отъ болѣе-легкой механической обработки хлопки, даетъ этимъ издѣліямъ значительный перевѣсъ надъ льняными. Должно надѣяться, что будущіе успѣхи механики удешевятъ обработку льна и сдѣлаютъ льняныя издѣлія доступными большей массѣ потребителей, особенно при дешевизнѣ у насъ перваго матеріала. Нужно еще, чтобъ механическая обработка распространилась и на пеньку.

III. Шелковая промышленость.

1) *Шелкъ-сырецъ и крашеный* (зала I). — Цѣнность нашей шелковой фабрикаціи оцѣнивается писателями очень-различно. Г. Неболсинъ говоритъ, что, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, годичный расходъ шелковыхъ издѣлій въ Россіи простирается на 12 мил. руб. сер., въ томъ числѣ иностранные товары составляютъ третью долю, а двѣ доставляются внутренними фабриками; слѣдовательно, цѣнность внутренней шелковой фабрикаціи полагается имъ въ 8 мил. руб. серебр. Это число слишкомъ-мало ужь потому, что г. Неболсинъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Тенгоборскій, принимаетъ слишкомъ-малую вели-

чину для потребляемаго въ Россіи шелка, именно 30,000 пуд.; г Тенгоборскій показываетъ, что это количество должно быть увеличено до 45,000 пуд., на сумму 5½ мил. руб. сер. Наоборотъ, другая цифра, принятая г. Шеромъ въ «Обозрѣніи Выставки 1849 года», 17 мил. руб. сер., слишкомъ-высока и предполагаетъ увеличеніе цѣнности шелка при обработкѣ почти на 210%, а такое увеличеніе можетъ быть принято только для высшихъ сортовъ шелковаго товара (*). Полагаемъ, по этому, что наши шелковыя фабрики доставляютъ тканей неболѣе какъ на 12 или 13 мил. руб. сер. Это показываетъ, на сколько уступаетъ у насъ шелковое производство хлопчатобумажному и льняному. Зато, если возьмемъ во вниманіе историческій ходъ развитія шелковой промышлености, то увидимъ здѣсь довольно-значительное увеличеніе: отъ 4,609 въ 1831 году (Нельчинскій, стр. 14) производство возрасло до 13 мильйоновъ.

Привозимый шелкъ составляетъ бо́льшую часть матеріала, потребляемаго нашими фабриками, по цѣнности. Привозъ его представляетъ слѣдующія цифры:

	По европейской торговлѣ.				По азіатской торговлѣ (****).	
	Сырца (**).		Пряденаго (***).			
годы.	пуд.	руб.	пуд.	руб.	пуд.	руб.
Въ 1824—1828	4,229 на	825,533	517 на		7,601 на	567,230
— 1829—1833	3,122 —	500,309	4,286 —	1,542,318	6,832 —	432,117
— 1839—1843	1,495 —	297,087	7,096 —	2,292,819	4,896 —	339,667
— 1844—1846	955 —	198,459	7,592 —	2,620,174	4,355 —	278,301
— 1850	779 —	181,245	6,909 —	2,243,451	7,824 —	557,131
— 1851	252 —	39,065	8,183 —	2,533,202	5,295 —	345,678

Слѣдовательно, цѣны были на сырецъ европейскій въ 1824—1828 годахъ 195 руб. сер., азіатскій 74 р. с., пряденый 359 р. с.; въ 1844—1846 годахъ на европейскій сырецъ 207 р. с., на азіатскій 68 р. с., на пряденый 345 р. с.; въ 1850 году на европейскій сырецъ 232 р., на азіатскій 71 р., на пряденый 325 руб. сер. за пудъ; но при этомъ должно замѣтить, что цѣна за шелкъ по европейской торговлѣ показана средняя за брусскій и итальянскій вмѣстѣ.

Привозная пошлина по европейской торговлѣ была для пряденаго шелка (также и крашенаго) 8 руб., для сырца 2 руб. 60 коп. сер.

(*) По Балтійскому Морю привезено въ 1852 году число шелковыхъ товаровъ, непрозрачныхъ, 3256 пуд., на 2,059,648 руб сер., слѣдовательно по 632 руб сер. пудъ; шелка-сырца 4 пуда, съ небольшимъ на 1,050 руб., по 263 р. пудъ; слѣдовательно цѣнность ткани превышаетъ цѣнность шелка на 140%; къ тому же, изъ 8,435 пуд., привезенныхъ въ этомъ году по европейской торговлѣ, сырца только 4 пуда; увеличеніе цѣнности шелка трощенаго, крашенаго и проч. еще менѣе.

(**) Итальянскаго и брусскаго.

(***) Итальянскаго.

(****) По азіатской торговлѣ пряденаго шелка почти вовсе не привозится; онъ показанъ вмѣстѣ съ сырцомъ.

съ пуда, а по тарифу 1850 года уменьшена для сырца до 1 руб. съ пуда, съ шелка же пряденаго и крашенаго вовсе снята.

Уменьшеніе привоза сырца объясняется распространеніемъ шелководства въ Южной Россіи и преимущественно въ Закавказьи, гдѣ она съ-давнихъ-поръ составляетъ народную промышленость. По мнѣнію г. Пельчинскаго, наши фабрики получали изъ Закавказья въ 1831 году около 10 тысячъ пудовъ; г. Бутовскій (въ «Обозрѣніи промышлености») принимаетъ для 1843 года ужь 18—20 тысячъ пудовъ, а г. Гагемейстеръ принимаетъ, что ежегодное производство шелка доходитъ до 30 тысячъ пудовъ, съ чѣмъ согласенъ и г. Тенгоборскій; изъ этого количества около 7 тысячъ пудовъ потребляется на мѣстѣ, а часть вывозится за границу, въ Азію и Европу (охлопки, bourre de soie), въ слѣдующемъ количествѣ:

	По европейской торговлѣ.		По азіатской торговлѣ.	
Въ 1829—1833 г.	293 п.	на 10,580 р.	1,026 п.	на 63,659 р.
» 1839—1843 »	611 »	» 29,126 »	2,555 »	» 160,691 »
» 1844—1846 »	845 »	» 18,498 »	3,058 »	» 182,965 »
» 1850 »	1,613 »	» 45,870 »	4,602 »	» 256,518 »
» 1851 »	1,712 »	» 91,000 »	5,456 »	» 365,295 »

Слѣдовательно, цѣны были на охлопки въ 1829—1833 годахъ 36 руб., въ 1844—1846 г. 21 р., въ 1850 г. 28 р. (*); на сырецъ въ 1-й періодъ 62 р., въ 1844 — 1846 г. 59 р., въ 1850 г. 56 р., въ 1851 г. 67 руб. слѣдовательно, все еще ниже азіатскаго.

Доставляется еще небольшое количество шелка изъ губерній Таврической, Херсонской, Екатеринославской, Астраханской и Области Бессарабской, но оно составляетъ не болѣе 200 пудовъ, по исчисленію г. Тенгоборскаго, а по нашему мнѣнію можетъ-быть и около 400 пуд.

На выставкѣ представителями шелководства явились: *Училище Садоводства*, въ Одессѣ, *Бессарабское Училище Садоводства*, въ Кишеневѣ, *Школьный*, *Г. Кравченко*, *Григоренко*, *П. Кравченко*, *Трухлый*, *Овчаренко*, всѣ четверо Кіевской Губерніи и Уѣзда, въ мѣстечкѣ Триподьѣ, *Верба*, *Дриженко*, *Мариняна*, той же губерніи и уѣзда, въ селѣ Жуковцѣ, *Дьяченкова*, тамъ же, въ селѣ Черняховѣ, *Ставропольское Учебно-Практическое Заведеніе Шелководства*, *Екатеринославское Училище Садоводства*, *гр. Размордюкъ* изъ Мингреліи, *гр. Комаровская* Полтавской Губерніи, *Военныя кавалерійскія поселенія*, *Ребровъ*, Ставропольской Губерніи, *Комитетъ Шелководства* при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, гг. *Юдицкіе*, въ Москвѣ, *Николаевскій Дѣтскій Пріютъ*, въ Москвѣ, г. *Иссенъ*, въ Санктпетербургѣ.

Итакъ, центръ нашего шелководства, Закавказье, былъ представленъ только однимъ экспонентомъ — графомъ Размордюкомъ. Шелководство въ Южной Россіи все еще только въ зародышѣ, несмотря на

(*) Цѣна въ 1851 году доходитъ до 53 руб.; но не должно ли приписать это увеличенію вывоза шелка, который въ «Видахъ Торговли» показывается вмѣстѣ съ охлопками? Впрочемъ, цѣна охлопковъ ужь въ 1839—1843 годахъ доходила до 47 руб., а нынѣ у насъ развивается обработка ихъ.

дѣятельное участіе правительства и Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Г. Скальковскій («Опытъ Хозяйственной Статистики Новороссійскаго Края», ч. II) сообщаетъ много интересныхъ фактовъ о развитіи шелководства въ той странѣ.

Начало ему было положено Петромъ I: по его желанію Сербы завели первую тутовую рощу на рѣкѣ Берестовой въ 1731 году (близь Константинограда); но до 1840 года этотъ промыселъ дѣлалъ только весьма-медленные успѣхи. Съ 1842 года всѣ казенные сады и училища садоводства поступили въ вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Одесское Училище Садоводства представило два образца шелка, вполнѣ-хорошаго, но, къ-сожалѣнію, безъ цѣнъ; свѣдѣній о количествѣ приготовляемаго тамъ шелка не имѣемъ. Бессарабское Училище въ 1849 году добыло 8,000 коконовъ и размотало $12^1/_2$ фунтовъ шелку; присланные на выставку образцы обозначены были цѣною въ 10 к. за лотъ—128 руб. пудъ. Екатеринославское Училище собрало въ 1846 году 12,000 коконовъ. Не знаемъ, какъ велико производство шелка въ Ставропольскомъ Училищѣ; присланный на выставку шелкъ былъ чрезвычайно-нѣженъ. Производство въ училищахъ не составляетъ, конечно, промышленной операціи; здѣсь выгода не въ томъ, чтобъ барышъ былъ полученъ тотчасъ же, а въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми эти заведенія снабжаютъ своихъ воспитанниковъ. Благодаря пріобрѣтеннымъ въ Училищѣ знаніямъ и опытности, они могутъ приняться за дѣло прямо, безъ предварительныхъ частыхъ неудачъ, которыя неизбѣжны для неприготовленныхъ и которыя въ-состояніи охладить самое пламенное желаніе. Во всякомъ случаѣ, выставленныя нами цифры показываютъ, что работа идетъ въ этихъ заведеніяхъ въ значительныхъ размѣрахъ, а получаемый шелкъ далеко превосходитъ закавказскій и азіатскій, и причина тому, какъ лучшій уходъ за червями, такъ и правильная разработка коконовъ.

Начальство военныхъ поселеній тоже съ 1842 года обратило особенное вниманіе на шелководство. Теперь въ этихъ округахъ въ губерніяхъ Харьковской, Кіевской, Подольской и Новороссійскихъ 153 тутовыя плантаціи, на 163 десятинахъ съ 14,000 деревъ старыхъ и новыхъ; шелку добыто немного-менѣе двухъ пудовъ (*). Размотка новороссійскихъ шелковъ производится на машинахъ въ Елисаветградѣ и Вознесенскѣ. Это составляетъ важное преимущество, потому-что размотка имѣетъ большое вліяніе на достоинство шелка и, конечно, лучше всего можетъ идти въ особыхъ для того устроенныхъ заведеніяхъ. Остается желать, чтобъ такое раздѣленіе работъ было принято вездѣ, гдѣ занимаются шелководствомъ, такъ-какъ самое разведеніе тутовыхъ плантацій и выкормка червей доступны малымъ крестьянскимъ хозяйствамъ.

(*) См. «Краткій Отчетъ о шелководствѣ въ округахъ военныхъ поселеній», въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», 1852 г, т I

Имя г. Райко всегда будетъ занимать самое видное мѣсто въ исторіи нашего шелководства. Справедливо замѣчаетъ г. Скальковскій, что онъ сдѣлалъ для этого промысла, въ моральномъ отношеніи, гораздо более, нежели всѣ прежнія работы въ-теченіе цѣлаго почти столѣтія. «Въ прошломъ году (говоритъ г. Райко въ Запискѣ, читанной Обществу Сел. Хоз. Южной Россіи въ 1841 году) я утверждалъ, что каждое крестьянское семейство должно произвесть отъ 30 до 40 фунтовъ коконовъ; на дѣлѣ доказано, что хозяйка почти одна произвела 70 фунтовъ. Но это не все: на будущій годъ надѣюсь доказать, что каждое немноголюдное крестьянское семейство можетъ произвесть 100, а можетъ-быть и 120 фунтовъ...» Это соотвѣтствуетъ около 13 фунтовъ шелка. Старанія г. Райко, при содѣйствіи правительства и членовъ Общества, особенно г. Иснара, увѣнчались успѣхомъ и въ-теченіе пяти лѣтъ, по 1849 годъ, на городской землѣ разведено мѣщанами болѣе 33 тысячъ тутовыхъ деревъ, и шелководство въ одесскомъ округѣ получило значительные размѣры.

Въ другихъ мѣстахъ Новороссіи шелководство нѣсколько развито: въ Крыму у колонистовъ, которые, по словамъ г. Скальковскаго, добывали около 1850 года болѣе 120 пудовъ, на 15 тысячъ руб. сер. Эту цифру должно теперь значительно увеличить, потому-что у однихъ только менонистовъ (*) добыто: въ 1836 году 4 фунта 24 лота, въ 1846 году 53 пуда 37 ф. 4 л., въ 1850 году 116 пуд. 11 ф. 7 л., въ 1851 году 200 пуд. 7 ф. 2 лота. Размотка шелка у менонистовъ составляетъ особое занятіе, преимущественно дѣвушекъ, подъ особымъ надзоромъ, чтобъ шелкъ былъ вездѣ ровный и добротныйповозможности; число мотовилъ въ 1852 году распространено до 151. Въ Бессарабіи жители издревле занимаются шелководствомъ. Колонисты Бессарабіи добыли въ 1850 году 192 фунта, изъ которыхъ продали 80 по 3 и 4 р. за фунтъ (120—160 р. пудъ). Въ Екатеринославской Губерніи въ 1851 году колонистами добыто и продано 27 пудовъ по той же цѣнѣ — весьма-значительной, если сравнимъ ее съ цѣною закавказскихъ и азіатскихъ шелковъ. Къ-сожалѣнію, частное шелководство Новороссіи вовсе не было представлено на выставкѣ Зато съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтили мы шелки государственныхъ крестьянъ Кіевской Губерніи, изъ которыхъ одни представили только коконы, другіе— шелки и коконы. Всѣ шелки были обозначены цѣною по 10 коп. за лотъ (128 руб. пудъ). Присылка однихъ коконовъ безъ шелковъ означаетъ ли, что въ томъ краю есть особыя шелкомотальни, на которыя крестьяне доставляютъ коконы — не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, присланные образцы свидѣтельствуютъ о хорошемъ состояніи шелководства у кіевскихъ крестьянъ, объ укорененіи тамъ этого промысла. Числовыхъ данныхъ о немъ мы не имѣемъ; но мѣстныя условія ему благопріятствуютъ. Нѣсколько южнѣе, въ Подольской Губерніи, по теченію Днѣстра, приготовлялось уже въ 1848 году до 200 пудовъ шелка (**).

(*) См. «Земледѣльческая Газета» 1853 года, № 9.
(**) См. г. Арсеньева: «Статистическіе Очерки Россіи» 1848 года.

Губерніи Черниговская, Полтавская и Харьковская тоже способны къ этому промыслу. Одна только изъ нихъ, именно Полтавская, была представлена на выставкѣ, графиней Комаровской; графъ Комаровскій былъ однимъ изъ первыхъ шелководовъ въ Россіи и много содѣйствовалъ успѣху промысла. Будемъ надѣяться, что скоро настанетъ пора, когда не фунтами, а сотнями пудовъ будутъ статистики наши измѣрять количество производимаго въ Южной Россіи шелка. Одинъ изъ нашихъ ревностныхъ шелководовъ, г. Чижовъ, въ превосходныхъ письмахъ объ этомъ предметѣ, напечатанныхъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», означаетъ слѣдующимъ образомъ пространство *богатой* растительности шелковицы: губерніи Волынская, Подольская, Кіевская (кромѣ уѣзда Радомысльскаго), южная половина Черниговской, Полтавская, Харьковская, южная часть Курской и Воронежской, Земля Войска Донскихъ Казаковъ, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабія, не считая странъ кавказскихъ и Астраханской Губерніи (*). Неудивительно медленное до-сихъ-поръ распространеніе тамъ этого промысла, если вспомнимъ, кáкъ мало населена Новороссія и какимъ вообще медленнымъ шагомъ идутъ всѣ улучшенія, требующія участія массъ, а не отдѣльныхъ только предпринимателей. Исторія шелководства въ Новороссіи примыкаетъ къ исторіи тамошняго садоводства, и всѣмъ извѣстно, кáкъ велики препятствія, съ которыми послѣднее должно было бороться.

Въ-отношеніи возможности водворенія шелководства въ Южной Россіи, въ высшей степени поучительно разведеніе тутовыхъ деревъ и выкормка червей въ Москвѣ, благодаря неусыпному старанію г. Юдицкаго. Еще въ 1835 году началъ онъ первые опыты, а въ 1849 году у него на дачѣ Студенецъ было ужь 20,000 тутовыхъ деревъ. Московское Общество Сельскаго Хозяйства первое показало сочувствіе къ словамъ г. Райко и учредило при себѣ особый Комитетъ Шелководства. Дѣятельности непремѣннаго секретаря Общества, г. Маслова, обязана и послѣдняя выставка одними изъ лучшихъ образчиковъ шелковъ. Никто изъ достойныхъ поборниковъ шелководства не думаетъ, конечно, чтобъ оно могло сдѣлаться близь Москвы, при ея климатѣ, народнымъ промысломъ; но тѣмъ поучительнѣе примѣръ этотъ для более-южныхъ губерній, тѣмъ осязательнѣе возможность существованія тамъ шелководства и тѣмъ важнѣе заслуга лицъ, посвятившихъ себя на неусыпныя старанія по дѣлу, которое никакимъ образомъ не могло дать имъ матеріальное вознагражденіе.

Перейдемъ въ страны, гдѣ климатъ вполнѣ благопріятствуетъ шелководству и гдѣ оно ужь давно укоренилось. Мы видѣли выше, кáкъ велико количество шелка, доставляемаго Закавказскимъ Краемъ. Къ-сожалѣнію, на выставкѣ былъ только одинъ образецъ закавказскаго

(*) Въ подтвержденіе этого приводимъ тотъ фактъ, что на парижскую выставку 1848 года посланъ былъ образецъ шелка изъ Константинограда (Полтавской Губерніи) и, по отзыву знатоковъ, имѣлъ всѣ качества лучшаго товара. Изъ Отчета г. министра Государственныхъ Имуществъ за 1850 годъ видно, что полтавскіе шелки цѣною доходятъ до 150 руб. за пудъ.

шелка, гр. Размордюка; но мы видѣли закавказскій товаръ на нѣкоторыхъ фабрикахъ и, къ-сожалѣнію, замѣтили, что недостатки, въ которыхъ ужь прежде (*) упрекали закавказскихъ производителей, все еще существуетъ; скажемъ здѣсь только, что на фабрикахъ присылаемые изъ Закавказья мотки сортируютъ на 4—5 сортовъ и послѣдніи не что иное, какъ какая-то грязная, узловатая и грубая пакля, вовсе ненапоминающая о своемъ происхожденіи: Закавказцы вовсе не отдѣляютъ сдора отъ самаго шелка и мотаютъ все вмѣстѣ (**). Не говоримъ, впрочемъ, чтобъ не было изъ этого исключеній; о нихъ упоминается и въ «Обозрѣніи промышлености», а на послѣдней выставкѣ таковъ былъ шелкъ гр. Размордюка. Извѣстно, кромѣ-того, что за Кавказомъ существуетъ Общество для распространенія тамъ шелководства, которое имѣетъ съ 1843 года особую практическую школу шелководства. Общество старается какъ о разведеніи лучшихъ породъ червей, такъ и объ улучшеніи размотки. Его стараніямъ содѣйствуютъ мѣры, принятыя господиномъ намѣстникомъ кавказскимъ (***).

Шелководство г. Реброва (близь Ставрополя), начатое съ 1817 года, пріобрѣло у насъ давно ужь большую извѣстность; за его шелки въ Москвѣ платятъ наравнѣ съ лучшимъ итальянскимъ шелкомъ (въ 1848 году 280 руб. пудъ). Г. Ребровъ первый показалъ возможность водворенія у насъ нѣжныхъ иностранныхъ породъ червей. Ліонскіе фабриканты, видѣвшіе шелкъ г. Реброва, прямо сравнили его съ лучшимъ французскимъ; при всемъ этомъ, присяжные по Шелковому Комитету на лондонской всемірной выставкѣ были несовсѣмъ-довольны размоткою; этотъ же упрекъ сдѣланъ былъ образцамъ г. Райко и преимущество отдано молочанскому колонисту Ріеру (****).

Не бывъ на мѣстѣ, не можемъ вполнѣ судить, какъ велики препятствія, встрѣчаемыя въ Закавказьи улучшеннымъ шелкомотаньемъ. Г. Гагемейстеръ, въ статьѣ «О сбытѣ русскихъ произведеній за границу» (Жур. Минист. Госуд. Им., 1852 г. т. 43), говоритъ прямо, что «учрежденіе правильной размотки въ мусульманскихъ областяхъ Кавказа, по недостатку вольныхъ рабочихъ и по невѣжеству народа, пока весьма-затруднительно». Самый естественный путь къ отвращенію этого неудобства состоитъ въ учрежденіи шелкомоталенъ въ болѣе мануфактурной мѣстности; въ настоящее время это дѣйствительно исполнено; мы видѣли выше, что начальство новороссійскаго военнаго поселенія учредило особыя шелкомотальни въ Елисаветградѣ и Вознесенскѣ; кромѣ-того, въ Петербургѣ существуетъ заведеніе для размотки коконовъ, г. Ниссена; оно выставило образцы крученаго и некрученаго шелка, размотаннаго съ коконъ, добытыхъ въ округахъ Военныхъ Поселеній (также образцы трама и органсина изъ итальянскаго шелка). Но главнѣйшимъ образомъ шелкомотальни у мѣста въ

(*) См. въ «Обозрѣніи мануфактурной промышленности». Спб. 1845, статью г. Бутовскаго, стр. 56.

(**) Рвани закавказскій шелкъ даетъ 20—25, европейскій 2—3 процента.

(***) О нихъ см. у Тенгоборскаго: «Etudes etc.» Т. II, p. 54.

(****) См. «Обозрѣніе Лондонской Выставки». Спб. 1852, стр. 143

московскомъ мануфактурномъ округѣ, центрѣ нашей шелковой промышлености. Одно изъ самыхъ значительныхъ принадлежитъ г. Лаптеву (24 снаряда), въ Богородскомъ Уѣздѣ; мы ожидали видѣть его шелки на выставкѣ. Локателлевскіе снаряды для этого и нѣкоторыхъ другихъ заведеній, дѣланы механикомъ Общества Сельск. Хоз. Д. И. Крипнеромъ, который имѣетъ и собственное заведеніе, доступное всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ (*).

Особенно-полезно въ-отношеніи разсылки коконовъ сжиманіе ихъ, что̀ въ первый разъ произведено было г. Райко въ 1851 году, въ Нухѣ, по порученію г. намѣстника кавказскаго; такіе сжатые коконы, отправлены были къ г. Никоду въ Константинополь. Г. Никодъ извѣстилъ г. Райко, что его коконы совершенно-удовлетворительны, хорошо упакованы и могли бы быть вѣроятно и болѣе сжаты, но въ томъ видѣ, въ какомъ есть, они совершенно-годны для вывоза (**). Въ 1851 году сдѣланы были опыты размотки сжатыхъ коконовъ въ Москвѣ, опыты вполнѣ-удачные. На выставкѣ были образцы этихъ коконовъ въ иллюстраціи шелковаго производства, выставленной г. Крипнеромъ.

Къ числу интересныхъ нововведеній по шелководству должно еще причислить обработку шелковаго сдора (bourre de soie), которая у насъ введена тѣмъ же г. Крипнеромъ. Въ своей иллюстраціи онъ выставилъ карды, на которыхъ расчесывается сдоръ (той же обработкѣ, кромѣ собственно сдора, или первоначальной ткани, которою червь окружаетъ будущій коконъ, подвергается шелкъ съ прокушенныхъ незаморенныхъ коконовъ, также охлопки, остающіеся при размоткѣ сырца и крашенаго шелка), пряжу и ткани изъ него. Изъ упомянутой статьи въ Трудахъ И. В. Э. О. видно, что г. Крипнеръ приготовляетъ 4 сорта пряжи, изъ которыхъ первый, по 9 р. асс. за фунтъ, можетъ идти для швейнаго шелка, а послѣдній, по 3 р. 50 — 4 р. за фунтъ — для ковровъ, въ утокъ широкихъ бассановъ и для прочихъ грубыхъ тканей. Г. Крипнеръ принимаетъ учениковъ для расчески сдора и пряжи изъ него нитокъ (***).

Въ той же залѣ были выставлены крашеные шелки *Шигина* (въ Москвѣ), красильнаго мастера при Технологическомъ Институтѣ *Дюка* и *Брычова*. Г. Дюкъ повредилъ значительно эффекту своихъ шелковъ тѣмъ, что выставилъ ихъ маленькими плетеными косичками въ три пасмы, отчего шелкъ потерялъ блескъ и мягкость для глаза. Его издѣлія, впрочемъ, хорошо извѣстны въ Петербургѣ; онъ выставилъ еще четыре, кажется, новые у насъ сорта черныхъ шелковъ (минераль-

---

(*) См. Труды И. В. Э. О. 1852 г., т. II, Заведеніе для размотки коконовъ, пряжи сдора и пр. Смѣсь, стр. 83 — 86. Г. Крипнеръ занимается шелководствомъ съ особенной любовью. Мы видѣли у него маленькій тутовый разсадникъ. Онъ же изобрѣлъ мазь, чтобъ обезопасить руки мотальщицъ отъ ѣдкой жидкости, выдѣляющейся изъ коконовъ.

(**) См. статью г. Райко: «О размоткѣ сжатыхъ коконовъ» въ «Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1852 г. т. 43.

(***) Крипнеръ живетъ въ соб. д. на Переведенкѣ за Альковцемъ.

ный, супль, ліонскій и дунстъ (*). Супль и дунстъ были, впрочемъ, и въ партіи Брычова). Обѣ другія партія (Брычова и Шигина) представляли отличный товаръ, разнообразный и нѣжный въ свѣтлыхъ цвѣтахъ. Цѣна Шигина: шафлеръ—2 р. 25 к., кошениль—1 р. 20 к., черный—50 к., бѣлый 25 к. фунтъ.

2. Шелковыя ткани (залы V и VI) съ давняго времени производятся въ Россіи и притомъ, почти исключительно въ московскомъ мануфактурномъ округѣ. Причиною развитія у насъ шелковой промышлености, которая, подобно промышлености хлопчато-бумажной, не имѣя (кромѣ Закавказья) своего матеріала подъ рукою, не могла родиться сама-собою, причина эта заключается въ запрещеніи вовсе къ привозу шелковыхъ тканей, существовавшемъ отъ 1766 до 1816 года и снова почти возобновленномъ по тарифу 1822 года, по которому матеріи непрозрачныя, одноцвѣтныя, платили по 4 р., прозрачныя по 8 р., съ цвѣтными узорами, золотомъ и серебромъ по 12 р.; затѣмъ пошлины опять возвышались, и по тарифу 1841 г. матеріи 1-го рода платили 5 и $7^{1}/_{2}$, 2-го рода 15—20 р. съ фунта; привозъ печатныхъ и набивныхъ издѣлій дозволенъ только въ 1845 г. Вслѣдствіе такихъ пошлинъ привозъ представляетъ слѣдующія числа:

	изъ Европы:	изъ Азіи (**).
Въ 1820—21	на 2,807,450 р. с.	—
» 1822—23	» 1,471,881 » »	—
» 1829—33	» 1,963,521 » »	—
» 1839—43	» 3,371,381 » »	612,426 р. с.
» 1844—46	» 2,916,238 » »	686,685 » »

Итакъ, даже столь высокія пошлины мало останавливали увеличеніе привоза шелковыхъ тканей—явное доказательство, что внутренній товаръ не удовлетворялъ требованію потребителей. Г. Бутовскій (въ «Обозрѣніи промышленности») говоритъ, что мёбельные атласы Кондрашева и н. др. не уступаютъ французскимъ, но на 30% дороже; крепъ Рошъора продавался по 1 р. 20 — 1 р. 50 к. аршинъ, а во Франціи нѣтъ крепа дороже 28 к. сер. аршинъ. По тарифу 1850 г., вступившему въ силу въ навигацію 1851 года, пошлина на непрозрачныя ткани сдѣлана однообразною — въ 5 р., на прозрачныя въ 10 р. съ фунта. Вліяніе этого измѣненія выразилось въ томъ, что привезено:

	изъ Европы.	изъ Азіи (***).
Въ 1850 г.	на 3,576,742 р. с.	681,445 р. с.
» 1851 »	— 3,963,070 » »	745,379 » »

Пошлины въ этомъ году принято съ европейскихъ товаровъ 1,536,023 р. сер., или почти 39% съ цѣны и привозъ увеличился менѣе, чѣмъ на 11%. Справедливы ли послѣ этого опасенія нашихъ фабрикантовъ?

(*) Эти краски даютъ у г. Дюка прибавку: 1-я 25, 2-я въ 40 — 50, 3-я въ 50—60, 4-я 60—80 процент. противъ вѣса некрашенаго шелка.

(**) Пошлина съ азіатскаго товара незначительна. Персидскія шелковыя издѣлія платятъ 5% съ цѣны.

(***) Прежнія пошлины.

Вывозъ шелковыхъ товаровъ изъ Россіи былъ всегда незначителенъ, и только въ Азію—въ 1824—28 г. на 73,361 р., въ 1839—43 г. на 70,352 р., въ 1844—46 на 64,175 р., въ 1851 г. на 90,821 р. (*).

Шелковая фабрикація существуетъ у насъ въ довольно-раздробленномъ видѣ; изъ «Атласа промышлености» г. Самойлова узнаемъ, что въ 1843 году фабрикъ (шелковыхъ) считалось въ Московской Губерніи 158, а товара сработано на 5,805,216 р., слѣдовательно на каждую фабрику приходится немного болѣе 36½ тысячъ серебромъ въ годъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, значительныхъ фабрикъ съ оборотомъ болѣе 50 т., всего было 23; кромѣ того, въ Богородскомъ Уѣздѣ множество ткачей, работающихъ по домамъ. Такое положеніе шелковой фабрикаціи, конечно, невыгодно для успѣховъ ея: крупному фабриканту легко слѣдить за улучшеніями; но какъ дѣлать это фабриканту мелкому, а тѣмъ болѣе ткачу? Это особенно замѣтно въ неоригинальности рисунковъ и въ дороговизнѣ нѣкоторыхъ сортовъ товара, какъ, напримѣръ, крепа, который у насъ дѣлается только однимъ Рошфоромъ. Г. Баталинъ замѣчаетъ, что на выставкѣ гладкія матеріи были очень-хороши, и это, конечно очень-много, потому-что приготовленіе гладкихъ тканей требуетъ особеннаго искусства отъ ткача: узоръ не скрываетъ въ нихъ недостатковъ. Впрочемъ, не одинъ только ткачъ въ томъ виною: чтобъ ткань сохраняла гладкость и не морщилась, нужно хорошее трощенье шелка и, кажется, въ этомъ заключается главная причина недостатковъ нашихъ тканей. Приготовленіе утка́ и основы составляетъ занятіе отдѣльнаго сословія—карасниковъ, которыхъ снаряды далеко-нехороши. Большія фабрики сами имѣютъ тростильные снаряды, но и онѣ далеко не у всѣхъ удовлетворительны; между-прочимъ, на одной фабрикѣ въ Москвѣ, и притомъ довольно-обширной, мы видѣли тростильный снарядъ изъ Англіи, но при немъ ручной приводъ, съ деревяннымъ маховикомъ, къ ободу котораго привязаны куски желѣза, и съ такимъ огромнымъ треніемъ, что оно поглощаетъ почти всю силу работника.

По шелковымъ издѣліямъ въ выставкѣ приняли участіе: по гладкимъ и проч. тканямъ: гг. *Ефимовъ*, *Антоновъ* (**), *Михайловъ*, *Эллогинъ*, *Гужонъ*, *Сапожникова*, *Поляковъ* и *Фомичевы* изъ Москвы, *Быковскій*, *Шишовъ*, *Крюковъ* и *Кондрашевы* — изъ Богородскаго Уѣзда, *Миссенъ*, *Козловъ*, *Бѣляйковъ* (м. пр. плюшъ)—изъ С.-Петербурга; бархатъ выставили *И. С. Соловьевъ* (Богород. Уѣзда), *Шерышевъ* (въ Москвѣ), *И. И. Соловьевъ* (Богород. Уѣзда) и *Локтевъ* (въ Москвѣ); ленты: *Видлеръ* и *Локтевъ* (орденскія)—въ Москвѣ; прозрачныя ткани: *Криворотова* (Орлов. Губ., черное кружево), *Лафонъ* и *Рошфоръ* (въ Москвѣ); *Бобрикова* (въ Москвѣ) выставила вышитыя издѣлія для бурнусовъ и пр., *Янковъ* (въ Москвѣ)—бахраму и аграмантъ. Въ той же (V) залѣ,

(*) Кромѣ-того, въ Европу на 1,412 р. сер. по Балтійскому Морю и западной границѣ.

(**) Выставленныя имъ 3 платья: бѣлое, голубое и серизовое, сработаны изъ шелка съ московскихъ коконовъ; прочія матеріи—изъ закавказскихъ коконовъ, размотанныхъ въ Москвѣ.

помѣщены матеріи шерстяныя съ шелкомъ и съ бумагою *Федотова* изъ С.-Петербурга.

Первое мѣсто въ нашей шелковой фабрикаціи издавна занимаютъ гг. Кондрашовъ и Рошфоръ. Кондрашовъ, кромѣ-того, одинъ изъ первыхъ по времени. Въ его партіи замѣтимъ, между-прочимъ, тканые портреты Петра-Великаго на Ладожскомъ Озерѣ и Кондрашевыхъ — отца и дѣда нынѣшнихъ владѣтельницъ фабрикъ; такіе портреты были, кажется, въ первый разъ выставлены Александровской Мануфактурой и Кондрашевымъ на выставкѣ 1849 года; не составляя торговой статьи, они свидѣтельствуютъ о стараніи составителей картоновъ для станковъ. Товаръ Кондрашевыхъ обратилъ на себя самое лестное вниманіе экспертовъ на лондонской всемірной выставкѣ. Надѣемся, что представители этой извѣстной фирмы поддержатъ первенство, пріобрѣтенное ею у насъ, не оставятъ чуждыми для фабрики ни одного изъ улучшеній и покажутъ нашимъ производителямъ примѣръ самостоятельныхъ рисунковъ. Красильная часть въ этой фабрикѣ ведется очень-хорошо. Издѣлій приготовляется ежегодно на 200,000 р. (въ 1842 г. на 283,000 р.) Товаръ г. Рошфора (въ селѣ Перовѣ) отличается, кромѣ необыкновеннаго разнообразія, тѣмъ блескомъ, свѣжестью и изяществомъ, которое требуется отъ моднаго товара. Въ Москвѣ говорятъ про г. Рошфора, что онъ занимается своимъ дѣломъ, какъ любитель; но устройство его фабрики и качество товара показываютъ, что это названіе должно быть принято въ лучшемъ смыслѣ слова. У него мы видѣли вышивальныя машины (онѣ есть еще, кажется, только на с.-петербургской тюлевой фабрикѣ), набиваніе основы (для шине), приготовленіе крепа, печатаніе отливными въ дерево формами и пр. Вотъ перечень издѣлій, выставленныхъ г. Рошфоромъ (по указателю): поплинетъ, барежъ, газъ, крепъ, сатенъ-шине, гродe-напль, атласъ-шине, фуляръ и фуляровые платки, полубатистъ, муслинъ, кашмиръ, кашмировые платки, бархатъ и бархатныя косынки, кружева брюссельскія, и митасіонъ и тюлевые вуали; кромѣ-того, мы ужь упоминали о немъ при обзорѣ набивныхъ товаровъ. Не беремся разсматривать издѣлій г. Рошфора: онъ посправедливости можетъ приписать себѣ и своей знаменитой сосѣдкѣ по Кузнецкому Мосту, м-мъ Лебуръ, не малую часть въ побѣдахъ, одержанныхъ и одерживаемыхъ московскими невѣстами. Пожалѣемъ, съ своей стороны, что нѣкоторыя неудачи, претерпѣнныя г. Рошфоромъ, заставили его сократить производство (въ 1843 фабрика его приготовляла товара на 500, а теперь на 250 т. р. сер.). Эти неудачи трудно предотвратить тамъ, гдѣ законъ даетъ перемѣнчивая мода; та же причина оправдываетъ до извѣстной степени дороговизну этихъ издѣлій, подвергая фабриканта и торговца большому риску.

Фабрика г. Крюкова, основанная въ 1834 году, съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ большую извѣстность и увеличиваетъ свой оборотъ. Въ 1843 г. она приготовляла издѣлій на 166,000, а нынѣ ужь на 250,000 р. сер.; она выставила салопную матерію, грогро, бархатель мёбельную, кристалинъ гласе, моар-антикъ и саржевые платки. Еще об-

ширнѣе производство у гг. Ефимова (*), Залогина и Ѳомичевыхъ (на 300,000 р. с. въ 1849 году); всѣ они приготовляютъ дешевый (относительно) товаръ, и мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что главная масса нашихъ фабрикантовъ обратила дѣятельность свою на этотъ товаръ; матеріалъ для него приготовляется въ Россіи, и мы ужь видѣли, какъ значительно увеличился расходъ закавказскаго шелка и какъ мало-по-малу развивается шелководство въ Южной Россіи; эта выгода (внутренній, а не привозный матеріалъ) поддерживается другою—легкимъ сбытомъ товара. Шелкъ, особенно для лѣтнихъ тканей, имѣетъ на своей сторонѣ такія преимущества, которыя даютъ ему своего рода первенство надъ всѣми другими прядильными матеріалами и, вмѣстѣ съ его прочностью, могутъ доставить большой сбытъ шелковымъ тканямъ; нужно только, чтобъ цѣна была соразмѣрная. Что касается добротности, то совершенно-несправедливо правило, что дешевый товаръ долженъ быть плохъ. Доказательствомъ противнаго можетъ служить ужь обстоятельство, указанное въ обозрѣніи хлопчатобумажныхъ издѣлій, именно приготовленіе дешевыхъ издѣлій этого рода нѣкоторыми крупными московскими и владимірскими фабрикантами, несмотря на соперничсство мелкихъ набивныхъ заведеній. Другое доказательство: увеличеніе оборота тѣхъ, указанныхъ выше шелковыхъ фабрикантовъ, которые работаютъ преимущественно для средняго класса и, между-тѣмъ, доставляютъ очень-хорошій товаръ. Вводимая въ Москвѣ размотка коконовъ доставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій матеріалъ; и когда мало-по-малу утвердится у насъ улучшенное приготовленіе среднихъ тканей, а на югѣ разовьется шелководство, тогда самымъ естественнымъ путемъ будемъ мы переходить къ тканямъ все высшаго и высшаго разбора изъ внутренняго шелка; между-тѣмъ, теперь приготовленіе ихъ возможно только при высокихъ покровительственныхъ пошлинахъ и, несмотря на существованіе ихъ, не можетъ назваться успѣшнымъ, такъ-какъ представители этихъ тканей, г. Кондрашовъ и Рошфоръ, сократили производство.

Изъ указанныхъ нами фабрикантовъ, г. Крюковъ приготовляетъ въ значительномъ количествѣ дорогія матеріи. Имъ была убрана императорская ложа (въ X залѣ). Не можемъ ничего сказать болѣе о другихъ названныхъ нами экспонентахъ, по краткости времени, которое могли посвятить разсмотрѣнію шелковыхъ тканей.

Дешевый бархатъ И. С. Соловьева, обратилъ на себя вниманіе многихъ; цѣны были отъ 1 р. 90 к. до 4 р. 60 к. за аршинъ (его бархатъ былъ въ императорской ложѣ). Матерія эта дорогá по самому способу производства, весьма-медленному; поэтому нельзя ожидать отъ дешеваго бархата качествъ высокаго товара. Намъ говорили на фабрикахъ гг. Кондрашевыхъ, что хорошаго бархата нельзя соткать меньше, какъ до 4 р. аршинъ; но бархатъ Соловьева былъ очень-хорошъ по своимъ цѣнамъ: не употребляетъ ли онъ для него внутрен-

---

(*) Эта фабрика, существующая съ конца XVIII столѣтія, говоритъ г. Бутовскій въ «Обозрѣніи Промышленности» ввела у насъ впервые жакаровы станки и вообще служила какъ-бы разсадникомъ шелковой фабрикаціи.

нихъ шелковъ? Ужь на выставкѣ 1843 г. Соловьевъ выставилъ бархатъ въ 2 р. 50 к. и заслужилъ похвалу. Фабрика его основана въ 1795 году, вмѣстѣ съ фабрикою И. И. Соловьева; первая производитъ нынѣ на 150,000, вторая на 130,000 р. с. Товаръ И. И. Соловьева и Локтева не уступаетъ предъидущему.

Парчи и глазеты (з. VI) не имѣли на выставкѣ 1853 г. того эффекта, какой производили на послѣдней петербургской выставкѣ. Представителями этого товара съ давняго времени считаются гг. *Поляковъ*, *Колокольниковъ*, *Сапожникова*, *Сытовъ* и *Левины*; всѣ они были на выставкѣ. Заведенія первыхъ находятся въ Москвѣ, Левина — въ Коломнѣ; г. Сытовъ приготовляетъ, кромѣ-того, волоченое золото и серебро, золотой газъ, канифоль, мишуру и швейное золото. Изъ другихъ парчевыхъ фабрикантовъ были: *Гр. Рудаковъ*, *Салтыковъ*, *А. Рудаковъ*, *Быковскій* (всѣ Богородскаго У.), *Смирновъ* (въ Н. Новгородѣ — церковные воздухи) и *Ломидзе* (въ Москвѣ образъ св. Георгія, шитый по бархату—60 р. сер.)

Искусство нашихъ парчевыхъ фабрикантовъ давно извѣстно; рисунки, избираемые ими, вообще хорошо соотвѣтствуютъ характеру тканей.

Е Андреевъ.

НОВОСТИ

НАУКЪ, ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ (*).

Причины тяготѣнія. — Астрономы и физики допускаютъ существованіе *эѳира* въ небесномъ пространствѣ; Эйлеръ давно ужь доказалъ, что давленіе этой жидкости, въ высочайшей степени тонкой и упругой, можетъ быть причиной того явленія въ солнечной системѣ, которое Ньютонъ назвалъ тяготѣніемъ. Бушпорнъ распространилъ изслѣдованія Эйлера весьма-любопытными подробностями въ обширномъ разсужденіи: «Изъисканія объ общемъ началѣ законовъ астрономіи и физики». Предлагаемъ здѣсь результаты этихъ изъисканій, заслуживающіе вниманіе по своему согласію съ наблюденіями.

I) *Массы планетъ*. Большія тѣла солнечной системы обращаются около солнца, и потому со всѣхъ сторонъ подлежатъ давленію эѳира, или тончайшей и въ высшей степени упругой жидкости. Относительно этого давленія можно сдѣлать два предположенія: или эѳиръ да-

(*) Составлено по журналамъ: Comptes rendus de l'Académie des Sciences, Botanische Zeitung, Annalen der Chemie und Pharmacie, Mechanic's Magazine, Bulletin de la société d'encouragement pour l'industrie nationale, Journal des Débats, Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Indépendance Belge, das Ausland.

витъ на каждую частицу вещества планетъ, или онъ давитъ на поверхности слоевъ, изъ которыхъ сложены планеты, и давленіе это, приближаясь къ ихъ центрамъ, увеличивается въ обратномъ отношеніи поверхностей слоевъ: принимаемъ второе предположеніе, какъ способнѣйшее для вычисленій, и оправдываемое наблюденіями. Основываясь на этомъ предположеніи, не трудно вывести, что дѣйствіе всякаго тѣла, являющееся въ видѣ притяженія, равняется количеству вытѣсняемой имъ жидкости, помноженному на квадратъ относительной скорости; причемъ надобно принять въ разсчетъ вращеніе планетъ на ихъ осяхъ и отношеніе ихъ разстояній отъ солнца къ ихъ радіусамъ. Отсюда авторъ получаетъ весьма-простую формулу, по которой вычисляются массы планетъ. Вотъ что̀ даютъ вычисленія:

	Меркурій	*Венера*	*Земля*	*Марсъ*	*Юпитеръ*	*Сатурнъ*
Массы вычисленныя	0,17	0,90	1,00	0,14	340,00	102,88
Массы дѣйствительныя . . .	0,18	0,88	1,00	0,14	338,00	101,06

Нельзя не удивляться такимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Притомъ авторъ присоединяетъ сюда слѣдующее замѣчаніе: вычисленная масса Меркурія сравнивается съ массою, принятою Лапласомъ, и которая, какъ извѣстно, выводится изъ предположенія, что плотности планетъ пропорціальны ихъ разстояніямъ отъ солнца — законъ чисто-эмпирическій: теперь же можно считать его слѣдствіемъ общаго предположенія. Но какъ изслѣдованія о кометѣ краткаго періода, то-есть о кометѣ Энке, заставляютъ предполагать, что масса Меркурія болѣе, нежели 0,18, то Бушпорнъ, въ опроверженіе этого возраженія, указываетъ на нѣкоторыя правила, проистекающія изъ его ипотезы, и доказывающія, что возмущенія въ движеніяхъ кометъ не могутъ быть вычисляемы по той же методѣ, по которой вычисляются возмущенія въ движеніяхъ планетъ.

2) *Скорости движенія планетъ.* Для второй повѣрки своего предположенія, Бушпорнъ составляетъ формулу, выражающую отношеніе между скоростями планеты и ея спутниковъ, и получаетъ результаты, также весьма-согласныя съ наблюденіями; именно:

	Земля	*Юпитеръ*	*Сатурнъ*
Вычисленное отношеніе между скоростью планеты и ея перваго спутника	0,031	1,368	5,46
Отношеніе дѣйствительное. .	0,034	1,377	1,46

3) *Паденіе тяжелыхъ тѣлъ.* «Посредствомъ нашего предположенія, (говоритъ Бушпорнъ) можно измѣрять паденіе тѣлъ, не употребляя въ вычисленіяхъ ни массы земли, ни движенія луны, но только одну скорость и радіусъ земли. Дѣйствительно, изъ предположенія выходитъ, что «пространство, проходимое въ первую секунду паденія твердаго «тѣла, должно равняться квадрату скорости земли, раздѣленному на «ея утроенный радіусъ». Это правило даетъ, что тяжесть подъ экваторомъ выражается числомъ: 9,8126 метр; наблюденія же надъ маятникомъ приводятъ къ числу: 9,7802 метр.

4) *Разстоянія планетъ отъ солнца.* Изъ предположенія Бушпорна выходитъ, что разстояніе планеты отъ солнца пропорціонально ея средней плотности, а средняя плотность втрое болѣе плотности при поверхности планеты, гдѣ эта плотность зависитъ отъ давленія эѳира и отъ солнечнаго тепла, уменьшающагося съ превращеніемъ разстоянія. Отсюда Бушпорнъ получаетъ слѣдующій рядъ чиселъ, выражающихъ разстоянія планетъ отъ солнца:

Меркурій,	*Венера,*	*Земля,*	*Марсъ,*
4	7	10	16
Юпитеръ,	*Сатурнъ,*	*Уранъ,*	*Нептунъ,*
51	97	192	300

астероиды
отъ 23 до 30.

Этотъ рядъ согласнѣе съ наблюденіями, нежели эмпирическій рядъ Боде.

Измѣреніе земли Эратосѳеномъ. — Къ числу любопытнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи наукъ, безъ-сомнѣнія, должно отнести слѣдующій: знали ль древніе геометры величину земли, и какіе способы употребляли они для ея измѣренія?

Венсанъ, членъ Академіи Надписей и Словесности и издатель сочиненій покойнаго Летроня, сообщилъ Парижской Академіи Наукъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ предметѣ, служащихъ дополненіемъ къ обширнымъ изслѣдованіямъ Бальи въ его «Древней Исторіи Астрономіи».

Въ древнихъ писателяхъ находимъ извѣстія о пяти величинахъ земнаго меридіана, выраженныхъ стадіями. Въ первой, упоминаемой Аристотелемъ, земной меридіанъ содержитъ 400 тысячъ стадій, то-есть по 1111¹/₉ стад. на градусъ; по второй, принимаемой Архимедомъ, 300 тысячъ, или по 833¹/₃ стад. на градусъ; по третьей, исключительно-употребляемой Эратосѳеномъ, Гиппархомъ и Страбономъ, 252 тысячъ, или по 700 стад. на градусъ; по четвертой, поссидоніевой, 240 тысячъ, или по 666²/₃ на градусъ; наконецъ, по пятой, поссидоніевской, Марина Тирскаго и Птоломеевой, 180 тысячъ, или 500 стад. на градусъ.

Можетъ-быть, эти числа различаются между собой только по наружности, то-есть основною *единицею*, какъ думаетъ Летронь (*); но для полнаго въ томъ убѣжденія, надобно опредѣлить величину стадіи съ совершенной точностью.

Изъ всѣхъ измѣреній древнихъ геометровъ, должно остановиться на эратосѳеновомъ, потому-что теорія его способа употреблялась и употребляется новѣйшими астрономами.

По свидѣтельству Клеомеда и Марціана Капеллы, Эратосѳенъ замѣтилъ, что въ полдень солнцестоянія, солнечные лучи падаютъ на зем-

---

(*) Кажется, Бальи доказалъ это неоспоримо, что можно видѣть въ I-мъ томѣ «Географическаго Сборника» г. Фролова, и потому мнѣніе Летроня не новость.

лю совершенно-вертикально подъ широтой Сіены, и потому онъ вздумалъ вымѣрить длину тѣней гномоновъ какъ въ Сіенѣ, такъ и въ Александріи, считая оба города подъ однимъ меридіаномъ (*), и опредѣлилъ чрезъ то уголъ, подъ которымъ солнечный лучъ пересѣкаетъ гномонъ. Но какъ этотъ уголъ равняется углу, составляемому при центрѣ земли продолженіями двухъ гномоновъ и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, измѣряетъ на меридіанѣ дугу, лежащую между Сіеною и Александріею, то Эратосѳенъ нашелъ, что разстояніе этихъ городовъ (5,000 стадій) соотвѣтствуетъ 50-й долѣ четырехъ прямыхъ угловъ; слѣдовательно, меридіанъ земли содержитъ 5,000 стадій, помноженныхъ на 50, то-есть 250 тысячъ стадій, которыя послѣ перемѣнили на 252 тысячи, чтобъ имѣть число, дѣлящееся на 9 и потомъ на 360.

Теорія этого способа измѣренія не подлежитъ сомнѣнію; но употребленіе ея Эратосѳеномъ соединено съ такими ошибками въ другихъ данныхъ, что никто не можетъ положиться на его результатъ; поэтому Летронь думаетъ, что Эратосѳенъ совсѣмъ не производилъ описанныхъ измѣреній, или они не заслуживаютъ вниманія астрономовъ. Но покуда не опредѣлится съ точностью величина стадіи, до-тѣхъ-поръ заключеніе Летроня не можетъ имѣть значенія.

Въ сочиненіи Летроня. «Критическія, историческія и географическія изслѣдованія объ отрывкахъ изъ Герона Александрійскаго, или о метрической системѣ Египтянъ», принято, что эратосѳенова стадія содерживъ 300 локтей; самый же локоть, по различнымъ образцамъ древнихъ мѣръ, находящимся въ Луврскомъ Музеѣ, и по локтю нилометра выходитъ равнымъ $527\frac{1}{2}$ миллиметрамъ; это число, помноженное на 300, даетъ 158,25 метр. стадіи; наконецъ, если послѣднее число помножимъ на 700, то для эратосѳенова градуса получимъ 110775 метровъ.

Теперь надобно вспомнить, что когда Летронь занимался своими изслѣдованіями, тогда величины градусовъ меридіана подъ разными широтами были извѣстны только по таблицѣ Деламбра, въ которой нѣтъ ни одной широты, соотвѣтствующей географическому положенію Египта. Такой недостатокъ повѣрки и собственныя вычисленія Летроня, которыя не привели его ни къ какимъ вѣроятнымъ заключеніямъ, заставили его отложить изданіе обширнаго труда до того времени, когда произведутъ дѣйствительныя измѣренія въ Египтѣ. Но нынѣ мы имѣемъ ужъ многія измѣренія градусовъ меридіана; изъ разсмотрѣнія и взаимнаго ихъ сравненія Венсанъ нашелъ, что если, начиная отъ 25-й параллели, вычислимъ одинъ градусъ меридіана къ сѣверу, а другой къ югу, и возьмемъ изъ нихъ полусумму или среднюю величину, то получимъ точь-въ-точь эратосѳеново число.

Это замѣчательное заключеніе подтверждается весьма-важнымъ обстоятельствомъ, именно, подъ 25-й параллелью, или весьма-близко къ ней, въ центрѣ Верхняго Египта, то-есть въ самой населенной его

(*) Это предположеніе несправедливо; но ошибка не принадлежитъ Эратосѳену. Марціанъ Капелла говоритъ не объ Александріи, но о городѣ Мероe, который дѣйствительно находится почти подъ однимъ меридіаномъ съ Сіеною.

части находится древній *великій Аполлинополисъ*, нынѣ Эдфу, гдѣ Шампольонъ открылъ много астрономическихъ остатковъ и тотъ календарь, изъ котораго онъ извлекъ іероглифы, выражающіе времена года. Такія открытія, неизвѣстныя Летроню, заставляютъ думать, что здѣсь существовала нѣкогда обсерваторія.

Каталогъ падающихъ звѣздъ. —Читатели «Отечественныхъ Записокъ» знакомы ужь съ постоянными наблюденіями Кульвье-Гравье надъ числомъ и направленіемъ звѣздъ; нынѣ онъ издалъ общій каталогъ падающихъ звѣздъ, замѣченныхъ имъ съ 1841 гола

Этотъ каталогъ расположенъ по числу, величинѣ, по длинѣ пути и по направленію движенія падающихъ звѣздъ, то-есть въ немъ содержатся всѣ данныя для теоретическихъ соображеній.

Падающія звѣзды, или огненныя метеориды, наблюдатель раздѣляетъ на три величины, изъ которыхъ къ первой, или наибольшей, относитъ тѣ, которыхъ блескъ равнялся блеску Юпитера и Сиріуса. По этому раздѣленію, изъ 168 метеоридовъ 31 принадлежатъ первой величинѣ, 39—второй и 98—третьей.

Сумма путей 31 метеорида первой величины составляетъ 1313°; слѣдовательно, каждый изъ нихъ прошелъ 42°,35; сумма путей 39 второй величины равняется 1082°, слѣдовательно, средняя величина дуги, пройденной каждымъ изъ нихъ 27°,74; наконецъ сумма путей 98 третьей величины содержитъ только 220°, и потому средній путь каждой маленькой падающей звѣзды былъ 2°,24.

Направленія движеній метеоридовъ опредѣляются точками, изъ которыхъ они появляются и заключаются въ слѣдующей табличкѣ:

Направленіе.	Отъ 6 до 10 часовъ.	Отъ 10 до 2 часовъ.	Отъ 2 до 6 часовъ.	Сумма.
N	2	2	»	4
NNE	2	»	2	4
NE	3	4	1	8
ENE	1	5	2	8
E	1	7	2	10
ESE	8	8	1	17
SE	4	8	1	13
SSE	4	9	3	16
S	4	»	3	7
SSO	1	4	5	10
SO	»	8	5	13
OSO	3	5	1	9
O	1	3	2	6
ONO	6	9	8	23
NO	4	4	6	14
NNO	»	»	6	6
	44	75	48	168

Къ этой табличкѣ должно прибавить:

1) 44 метеорида, являвшіеся отъ 6 до 10 час. вечера, были видимы въ-продолженіе $694\frac{1}{2}$ часовъ наблюденій, то-есть приходится по *одному* изъ нихъ въ 15 час. 47 мин.

2) 76 метеорида, являвшихся отъ 10 час. вечера до 2 час. утра, были видимы въ-продолженіе $748\frac{3}{4}$ часа наблюденій, то-есть по одному изъ нихъ на 11 час. 10 мин.

3) 48 мет., между 2 и 6 ч. утра, были видимы въ-продолженіе 340 часовъ; слѣдовательно по *одному* изъ нихъ на 72,5 м.

Кривая линія, соотвѣтствующая этимъ наблюденіямъ, весьма походитъ на кругъ съ подвижнымъ центромъ.

Наконецъ, изъ 168 метеоридовъ, 101 имѣли хвосты значительной ширины, 20 разорвались на куски, въ 8 замѣчены остановки ихъ движеній какъ-бы отъ препятствій, 2 перемѣнили направленія при концахъ своего пути, и 1 колебался изъ стороны въ сторону.

Снарядъ для уравненія электрическаго свѣта. — Опыты надъ электрическимъ свѣтомъ требуютъ, чтобъ угли, насаживаемые на острые концы проводниковъ гальваническихъ батарей, находились въ постоянномъ между собою разстояніи, соотвѣтствующемъ силѣ электрическаго тока. Сверхъ-того, если электричество хотятъ употребить для освѣщенія, то свѣтъ его всегда долженъ оставаться въ фокусѣ вогнутаго рефлектора, или зеркала; такая неподвижность свѣта особенно нужна для опытовъ оптическихъ. Всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворить нелегко: концы углей измѣняются неравномѣрно оттого, что сгараютъ и оттого, что ихъ частицы уносятся токомъ; сила гальванической батареи уменьшается и безпрестанно измѣняется въ продолженіе опыта. Обращая вниманіе на эти обстоятельства, многіе механики и физики придумывали различные снаряды для удержанія углей въ постоянномъ между ними разстояніи; но всѣ они оказались сложными, хрупкими и слишкомъ-дорогими. Изъ журналовъ засѣданій Брюссельской Академіи Наукъ видно, что Ясперъ, механикъ физическихъ снарядовъ въ Литтихѣ (Liége), устроилъ наконецъ такой снарядъ, который немногосложенъ, проченъ, недорогъ и совершенно согласуется съ желаніями физиковъ. Брюссельская Академія одобрила его вполнѣ, и Католическій Университетъ имѣетъ ужь ясперовъ снарядъ, посредствомъ котораго опыты можно производить въ продолженіе двухъ часовъ. Для желающихъ имѣть снарядъ, замѣтимъ, что онъ стòитъ только 125 франковъ.

Метеорологическія замѣчанія Кетле. — Наблюдаемыя температуры воздуха метеорологи раздѣляютъ на періодическія и непеoріодическія. Первыя зависятъ отъ поступательнаго и вращательнаго движенія земли; таковы: температуры утра, полдня, вечера и ночи, и температуры зимы, весны, лѣта и осени; эти температуры правильны; всякой можетъ предсказать, что полдень будетъ теплѣе утра и вечера, лѣто теплѣе весны и осени. По вторыя метеорологовъ сбиваютъ съ толку. Вотъ, чтò Кетле вывелъ изъ своихъ 20-лѣтнихъ наблюденій въ Брюсселѣ. Сперва онъ предлагаетъ точныя опредѣленія

1) *Случайныя перемѣны* суть тѣ, которыя измѣняютъ среднюю суточную температуру въ каждое время года. Ихъ причины должны быть всегда неизмѣнны и дѣйствовать столь правильно, что въ перемѣнахъ средней температуры надобно замѣтить такую же симетрію, какую видимъ въ періодическихъ.

2) *Аномаліи періодическія* суть тѣ, которыя въ опредѣленное время каждаго года обнаруживаются необыкновеннымъ пониженіемъ и возвышеніемъ термометра противъ его нормальнаго показанія; къ нимъ можно отнести перемѣны, происходящія отъ вращенія солнца на его оси, отъ солнечныхъ пятенъ, отъ аэролитовъ, падающихъ звѣздъ, и пр. Всѣ эти явленія могутъ быть періодическими, хотя бы ихъ періоды не имѣли никакой связи съ временами года.

3) Наконецъ, перемѣны собственно *непеpіодическія* должны быть немногочисленны и число ихъ, безъ-сомнѣнія, будетъ уменьшаться съ распространеніемъ нашихъ объ нихъ свѣдѣній.

Въ запискѣ, которую Кетле представилъ Брюссельской Академіи Наукъ, разсматриваются только *перемѣны случайныя* и *аномаліи періодическія.*

Перемѣны случайныя происходятъ въ обширнѣйшихъ предѣлахъ зимою, нежели лѣтомъ. Если нормальныя температуры изобразимъ кривою линіею, то увидимъ, что годичная температура, переходя на ту и на другую стороны этой линіи, пересѣкаетъ ее въ такихъ точкахъ (въ узлахъ), которыя имѣютъ между собою различныя разстоянія. Величина періодовъ тепла и холода, опредѣляемыхъ узлами, подлежитъ также замѣчательному закону: *когда термометръ выходитъ изъ своего нормальнаго состоянія по тому или по другому направленію, тогда есть вѣроятность, что онъ въ новомъ состояніи удержится долѣе зимою, нежели лѣтомъ.* Средняя величина этого періода содержитъ около пяти дней: зимою днемъ болѣе, а лѣтомъ днемъ менѣе.

Въ *періодическихъ аномаліяхъ* существуютъ также опредѣленные періоды тепла и холода. Касательно этихъ періодовъ въ Бельгіи, Кетле нашелъ:

1) Періодъ тепла (оттепель, начинается 22 января и оканчивается въ началѣ марта. Въ это время *какъ-будто наступаетъ ранняя весна* съ оживляющимися растеніями.

2) Періодъ холода (морозы) содержится между 7 и 11 января.

3) Періодъ холода отъ 9 до 22 апрѣля состоитъ изъ послѣднихъ заморозковъ, которые, впрочемъ, оканчиваются и 17 апрѣля, какъ-то было въ 1835, 1838, 1842, 1847 и 1852 годахъ.

4) Въ періодѣ тепла отъ 4 по 8 іюля содержится самый жаркій день въ году, всегда помѣщающійся между двумя замѣчательными пониженіями температуры.

5) Въ періоды холода отъ 20 по 29 октября и отъ 10 по 19 ноября начинается и оканчивается паденіе листьевъ.

6) Между 14 и 23 мая, въ сѣверной Европѣ, всегда бываетъ періодъ холода

Для полнаго уразумѣнія этихъ любопытныхъ замѣчаній, надобно помнить, что всѣ числа мѣсяцовъ считаются здѣсь по новому стилю.

Пятая кость въ системѣ слуховыхъ костей животныхъ. — Всѣмъ извѣстно, что система слуховыхъ костей состоитъ изъ четырехъ косточекъ, называемыхъ *молоткомъ, наковальнею, чечевицею* (lenticulaire) и *стременемъ:* Поль де Сент-Мартень, смотритель Ветеринарной Школы въ Тулузѣ, недавно открылъ, что у нѣкоторыхъ животныхъ къ этимъ четыремъ косточкамъ надобно прибавить пятую, находящуюся въ срединѣ стремяннаго мускула, и которую можно находить только посредствомъ искуснаго и весьма-деликатнаго его разсѣченія. Можетъ-быть, только по этой причинѣ до-сихъ-поръ никто изъ анатомовъ не видалъ ее, и самъ Сент-Мартень нашелъ ее случайно при многочисленныхъ своихъ изслѣдованіяхъ ушей животныхъ.

Существованіе этой косточки несомнѣнно у быка, лошади и барана. Теперь Сент-Мартень ищетъ ее у другихъ млекопитающихъ и у человѣка. Касательно же собаки, тулузскій анатомъ думаетъ, что онъ въ ея ухѣ видѣлъ пятую косточку, но не можетъ еще утверждать этого рѣшительно.

У быка пятая слуховая косточка почти круглая и величиною съ головку обыкновенной булавки; у лошади — эллипсоидальная и длиною отъ двухъ до трехъ миллиметровъ; наконецъ у барана — едва-примѣтна для простаго глаза, но существуетъ несомнѣнно.

Можетъ-быть, что новая косточка находится въ-соотношеніи со стременемъ и помогаетъ дѣйствіямъ стремяннаго мускула. Впрочемъ, Сент-Мартень предоставляетъ другимъ ученѣйшимъ анатомамъ и физіологамъ объяснить, какое участіе принимаетъ найденная имъ косточка въ механизмѣ слуха.

Потеря для Парижской Академіи Наукъ.— Читатели ужь знаютъ, что Парижская Академія Наукъ лишилась своего президента на текущій годъ, Адріана Жюссьё и незамѣнимаго Араго. Теперь должно прибавить, что она получила извѣстіе еще о смерти Огюста де-Сент-Иллера, члена Академіи по Отдѣленію Ботаники. Онъ былъ избранъ въ академики на мѣсто Ламарка и, по причинѣ своего разстроеннаго здоровья, давно жилъ въ своемъ имѣніи, близь Орлеана, гдѣ и умеръ

Мазурія и Мазуры.—Полоса земли Восточной Пруссіи между Гольдапомъ, Растенбургомъ, Олешко и Ортельсбургомъ составляетъ древнюю Мазурію, обитаемую славянскимъ племенемъ, едва ли не древнѣйшимъ въ Европѣ. Здѣсь нѣтъ большихъ дорогъ и путешественники въ этомъ мѣстѣ— рѣдкое явленіе; потому-то нѣкоторые и описываютъ эту страну жилищемъ однихъ волковъ и медвѣдей, гдѣ только однѣ неприступныя горы и непроходимыя долины, лѣса безъ дорогъ, болота, гдѣ только два времени года: зима и осень, гдѣ народъ безъ всякой образованности и общежитія. Все это чрезвычайно-преувеличено. Правда, что Мазурія бѣдная земля, и богата только камнями и лѣсами, но для путешественника представляетъ она множество романтическихъ пейзажей, а для туземца она такъ хороша, что Мазуръ во всякой другой землѣ чувствуетъ извѣстную болѣзнь—тоску по родинѣ.

Конечно, здѣсь мало образованности; но Мазуры, какъ отрасль славянскаго племени, какъ дѣти природы, сильны, красивы, честны, добродушны, гостепріимны и покорны властямъ.

По исторіи, племя Мазуровъ было воинственное и первобытное въ этой странѣ. Оно полторы тысячи лѣтъ жило ужь въ этой землѣ. Защищенное горами, озерами и лѣсами, оно не давало себя вытѣснить никому изъ жилищъ своихъ. Даже, когда Сарматы вторглись въ нынѣшнюю Пруссію и покорили Готовъ, Вендовъ и другія племена, Мазуры сохранили свою независимость. Когда же непріятели явились въ слишкомъ-большомъ числѣ, Мазуры прятались въ лѣса и болота, куда не могли за ними слѣдовать толпы враговъ.

Съ 1230 года началось обращеніе въ христіанскую вѣру здѣшнихъ племенъ. Но долго Меченосцы употребляли безполезныя усилія противъ Мазуровъ; и если они мало-по-малу сдѣлались христіанами, то не силою меча, а убѣжденіемъ божественнаго ученія.

Кто изъ Литвы ѣдетъ чрезъ Гольдапъ въ Мазурію, тотъ замѣчаетъ постепенное возвышеніе почвы, обнаруживающееся въ известковыхъ и песчаныхъ холмахъ, которыхъ высшую точку составляетъ Зеескерская Гора. Все это пространство до такой степени изобилуетъ известью, что почва кажется вымощенною. Эта известь составляетъ почти единственный способъ пропитанія жителей, продающихъ ее, потому-что земледѣліе на этой каменистой почвѣ едва даетъ урожай самъ-другъ. Зимою множество саней съ этою известью отправляются въ Кёнигсбергъ. Посреди этихъ холмовъ стоитъ привѣтливый городокъ Гольдапъ, упирающійся въ гору, имѣющую 600 футовъ вышины и служащую жителямъ вмѣсто барометра.

Отсюда начинается плоская возвышенность Мазуріи, вездѣ покрытая гранитными валунами. По сѣверному скату течетъ Прегель, а по южному—Висла. Къ югу простираются романтическія долины съ свѣтлыми озерами и живописными деревнями; между двумя озерами, на лѣсистомъ полуостровѣ, лежитъ мѣстечко Гасненъ, гдѣ много развалинъ древности. Здѣсь герой преданій мазурскаго племени, Скомандъ, мужественно отражалъ приступы Меченосцевъ и здѣсь происходило множество битвъ въ-теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Далѣе къ югу, на прелестномъ мѣстоположеніи, находится городокъ Ликъ. Въ немъ одна только улица; посредствомъ моста соединяется она съ островкомъ на озерѣ, гдѣ стоитъ древній зáмокъ на лѣсистомъ холмѣ. Видъ съ этого холма на городъ и черезъ него на горы, возвышаюся уступами, великолѣпенъ.

Столь же выгодное впечатлѣніе производитъ на путешественника городокъ Николайкенъ, извѣстный своими богатыми рыбными ловлями. Мѣстечко Рейно тоже живописно по развалинамъ стариннаго зáмка. Окрестности новой крѣпости также очень-замѣчательны.

Городъ Олешко, называемый также Макграбовъ (потому-что онъ основанъ маркграфомъ Албрехтомъ въ 1560 году), не такъ живописенъ. Отъ Лика къ югу плоскость понижается и кончается польскими болотистыми равнинами.

Крѣпость Растенбургъ служила всегда послѣднимъ перепутьемъ орденскимъ рыцарямъ при экспедиціяхъ ихъ на югъ. Она находится въ плодоносной равнинѣ, обнесена высокою стѣною и рвами. Отсюда идетъ удобная и пріятная дорога къ монастырю *Священной Липы.* Названіе это происходитъ отъ образа Божіей Матери, стоящаго на искусственной липѣ и привлекающаго многочисленныя толпы богомольцевъ.

Отъ большаго Стердингскаго Озера начинается Іоганисбургская Равнина, посреди которой лежитъ городъ этого же имени. Вообще, богатство Мазуріи составляютъ ея озера, хотя число ихъ постепенно уменьшается. Всѣ они образуютъ водяную сѣть, находящуюся въ 300 футахъ надъ уровнемъ Балтійскаго Моря. Видно, что во времена доисторическія все это пространство составляло одно большое озеро, которое, прорвавъ естественный валъ возвышенностей у Лёцена, излилось большею частью въ Фришгафъ. Изъ оставшихся озеръ, главное теперь Спирдингское, въ 14 миль окружности. Фридрихъ-Великій основалъ-было здѣсь фортъ, но впослѣдствіи фортъ былъ оставленъ по безполезности. Въ этомъ озерѣ славится рыба марена и раки голубаго цвѣта, которые дѣлаются блѣдно красными, когда ихъ сварятъ.

Множество болотъ и озеръ чрезвычайно затрудняютъ сообщеніе жителей Мазуріи лѣтомъ, но зато зимою вездѣ прокладывается зимняя дорога. Въ это время производится главная торговля Мазуріи.

Жители этой гористой, каменистой и песчаной страны трудолюбивы, но бѣдны. У нихъ нѣтъ недостатка въ прилежаніи и дѣятельности, но закоренѣлость старинныхъ обычаевъ во многомъ мѣшаетъ развитію ихъ благосостоянія. Типъ древнихъ Славянъ сохранился еще между ними: всѣ свѣтлорусы и съ голубыми глазами; волосы носятъ (мужчины) распустя по плечамъ. Всю одежду свою приготовляютъ они себѣ сами. Кафтанъ голубаго сукна и пестрый кушакъ почитаются здѣсь величайшимъ щегольствомъ. Конечно, это ужь нарядъ богатаго крестьянина; бѣдные ходятъ лѣтомъ въ одной рубахѣ, шальварахъ и подпоясаны кожанымъ поясомъ. Женщины въ длинной сорочкѣ и фартукѣ. Дѣти почти нагія. Зимою обувь у мужчинъ лапти, или деревянные башмаки, или даже просто одни онучи, перевязанные кожанымъ ремнемъ, какъ у древнихъ Грековъ. Богатые носятъ сапоги, покупая каждый годъ новую пару; другіе въ три года одну; иные же во всю жизнь не носятъ ихъ. Женщины носятъ чулки, обшитыя сукномъ. На пляски сходятся въ обуви, но передъ танцами снимаютъ ее и пляшутъ босикомъ.

Домы жителей всѣ деревянные, покрытые соломою и выконопачены мхомъ. Самые же бѣдные живутъ въ глиняныхъ хижинахъ, которыя состоятъ изъ одной комнаты. Подлѣ хижины устроены ворота въ непокрытый дворъ, гдѣ находятся земледѣльческія орудія, телега и лошадь поселянина (лошадь есть у самаго бѣднаго). На дворѣ отгорожено мѣсто для свиней; но поросята, телята и всякая живность воспитываются въ комнатѣ. Птицы живутъ подъ печкою; хижины всѣ безъ дымовыхъ трубъ.

Домашняя утварь, разумѣется, весьма-проста. Столъ въ переднемъ углу, лавки около стѣнъ и около печи, широкая кровать, широкій сундукъ и шкапъ для платья, деревянныя полки близь очага, для горшковъ и посуды — вотъ и все. Постели неизвѣстны здѣсь, а есть мѣшки, набитые соломой, или мхомъ. Зеркало—большая роскошь. Часовъ здѣсь не знаютъ и не распредѣляютъ по нимъ дня. По вечерамъ горитъ лучина, воткнутая въ стѣнѣ, а на очагѣ всегда огонь. Сальныя свѣчи употребляются только при торжественныхъ случаяхъ. Печи всегда раскалены и на нихъ спятъ.

Подобный домъ стоитъ до двадцати-пяти рублей серебромъ. При постройкѣ дома всѣ жители сходятся помогать одинъ другому. Желѣза при этомъ не употребляютъ : гвозди, петли, замки — все деревянное.

Пища жителей большею-частью состоитъ изъ картофеля, который на здѣшней песчаной почвѣ очень-хорошо родится; хлѣбъ и мучныя блюда составляютъ ужь лакомство. Даже у богатыхъ крестьянъ собраннаго хлѣба достаетъ только до Пасхи, а потому больше ѣдятъ хлѣбъ во время жатвы. Пшеничный хлѣбъ *(Kolacz* — калачъ) пекутъ только въ городахъ. Зимою любимое блюдо—кислая капуста и свекла, изъ которой приготовляютъ *барчь* (борщъ). Богатые бьютъ себѣ на зиму свинью, но бѣдные разводятъ у себя разный скотъ и живность только на продажу, чтобъ вырученными деньгами уплатить подати и купить себѣ сала. Зато водка, приготовленная изъ картофеля, составляетъ необходимую принадлежность всякой хижины, несмотря на всѣ наставленія духовенства. Мазуръ ни за что не обойдется безъ *вутки*, то выпивая ее голью, то подслащивая медомъ. Груднымъ дѣтямъ даютъ ужь ее вмѣстѣ съ молокомъ матери. Дѣвушки и женщины пьютъ ее, не охмѣлѣвъ. Мужчины же очень-часто забываютъ мѣру.

Объ умственномъ образованіи здѣсь, конечно, никто не думаетъ. Цѣлыя деревни не имѣютъ ни одного грамотнаго жителя. Въ послѣднее время заведены школы, но онѣ большею-частью пусты, потому-что въ нихъ учатъ понѣмецки.

Народъ говоритъ стариннымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Поляки и Русскіе понимаютъ ихъ, но изъ должностныхъ лицъ никто не знаетъ ихъ языка.

О законахъ имѣютъ они необширныя свѣдѣнія, и о воровствѣ, кажется, одинаковыхъ мыслей съ древними Спартанцами Они воображаютъ, что судьи всякое дѣло рѣшаютъ по произволу, и потому чрезвычайно боятся ихъ.

Почти всѣ Мазуры протестантскаго исповѣданія, кромѣ Рёссельскаго Округа, гдѣ много католиковъ. Однакожь, по необразованности своей, они преданы множеству суевѣрій; вѣрятъ колдуньямъ, заклятіямъ, наговорамъ, нашептываньямъ. Если заяцъ перебѣжитъ дорогу, или встрѣтится старуха, то непремѣнно случится несчастіе и проч.

Мазуры гостепріимны и любятъ общество. Зимою ходятъ они по вечерамъ сидѣть гурьбою другъ къ другу. Женщины прядутъ, молодые парни поютъ. Пѣсни, ихъ простыя и элегическія, вообще пріятны. Въ-особенности празднуется у нихъ день жатвы съ разными обряда-

ми, и день перваго выгона скота въ поле. Наканунѣ иванова-дня собираются всѣ на горѣ и проводятъ ночь у пылающаго костра, а поутру ищутъ четырехлистникъ, ввечеру же водятъ хороводы.

Исключительно-растительная пища. — Журналъ *The vegetarian Messenger* служитъ органомъ общества, составившагося въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ съ 1847 года, для введенія исключительно-растительной пищи. Вотъ одна статья изъ этого журнала:

«Свидѣтельства всѣхъ вѣковъ и народовъ подтверждаютъ пользу одной растительной пищи. Греки и Римляне въ первобытныя эпохи и Персы во времена Кира обязаны тѣлесною силою и крѣпостью простому образу жизни. Такъ воспитывались Спартанцы и атлеты древней Греціи. Какъ-скоро первые изъ нихъ начали ѣсть мясо, то сдѣлались лѣнивы и тяжелы. Нѣкоторые народы, или части народонаселенія всегда изъ рода въ родъ воздерживались отъ мясной пищи, а именно: высшія сословія Индусовъ, Брамины, Китайцы, Японцы, жители Остиндскаго Архипелага, Гиммалайскихъ Горъ, Древняго и Новаго Египта—всѣ они предпочитаютъ растительную пищу; только послѣдніе употребляютъ рыбу вмѣстѣ съ растеніями.

Въ новѣйшія времена многіе Ирландцы, Шотландцы и Французы воздерживаются отъ мясной пищи. Дюпенъ увѣряетъ, что двѣ трети жителей Франціи не ѣдятъ мяса. Маккюлокъ въ статистическихъ извѣстіяхъ сообщаетъ, что въ 1763 году въ городѣ Гласгоу, гдѣ живутъ болѣе 30,000 жителей, не было убито ни одного быка. Крестьяне и работники живутъ безъ мяса. Ихъ мускулы и кости укрѣпляетъ растительная пища.

Отдѣльныхъ примѣровъ тоже много въ исторіи: Пиѳагоръ, Плутархъ, Зенонъ, Діогенъ, Платонъ, Ритсонъ, Галлеръ, Ньютонъ, Шеллей, Гуфландъ, Говардъ, Сведенборгъ и другіе не ѣли ничего мяснаго. Въ самомъ *Обществѣ* растительной пищи считается теперь восемьсотъ человѣкъ.

Опытъ научаетъ, что люди, употребляющіе единственно растительную пищу, здоровы, сильны и долговѣчны. Индійскіе Потомаки, служащіе пѣшею почтою и совершающіе огромные переходы, питаются однимъ рисомъ въ небольшомъ количествѣ. Носильщики въ Марокко, Смирнѣ, Испаніи и Кантонѣ, поднимающіе и носящіе на себѣ огромныя тяжести, кормятся растительною пищей. Греческіе матросы, разсѣянные по всей Европѣ, довольствуются кускомъ чернаго хлѣба, свѣжей, или сухой виноградной кистью и нѣсколькими винными ягодами и, однакожь, самые сильные, дѣятельные и веселые работники. Въ Смирнѣ, гдѣ нѣтъ ни тачекъ, ни телегъ, переноска тяжестей производится на плечахъ носильщиковъ, а тяжести эти простираются отъ четырехсотъ до восьмисотъ фунтовъ.

Сэръ Франсискъ Гидъ говоритъ, что рудокопы Южной Америки, носящіе на себѣ огромныя тяжести, питаются только овощами, хлѣбомъ и плодами. Обыкновенно носятъ они двѣсти фунтовъ двѣнадцать разъ въ день на высоту въ восемьдесятъ ярдъ (ярдъ=1, 4 аршина). Дойдя до наружнаго выхода изъ шахтъ, они бываютъ чрезвычайно-

утомлены; потъ катится съ нихъ градомъ, одышка давитъ грудь, но, отдохнувъ немного, спускаются они опять внизъ и начинаютъ снова свое утомительное восхожденіе. Всѣ они ѣдятъ одну растительную пищу. Къ завтраку по шестнадцати винныхъ ягодъ и двѣ маленькія булки, за обѣдомъ вареные бобы; къ ужину поджареную пшеницу. Говядины они совсѣмъ не знаютъ, и однакожь, исполняютъ такія работы, которыхъ не выдержать и мясоядцамъ. Все это должно разрушить предубѣжденіе, что сильнѣйшіе работники тѣ, которые ѣдятъ бифстексъ и пьютъ портеръ.

Г. Форбесъ въ статистическихъ таблицахъ показываетъ, что:

Англичанинъ 25 лѣтъ средняго роста имѣетъ—68 дюймовъ, Шотландецъ—69 дюймовъ, Ирландецъ—70 дюймовъ. Вѣситъ тотъ же Англичанинъ—115 фунтовъ. Шотландецъ—152 фунта, Ирландецъ—158 фунтовъ. Поднимали тяжести: Англичанинъ—403 фунта, Шотландецъ—423 фунта, Ирландецъ—432 фунта.

Такимъ-образомъ всѣ преимущества остаются на сторонѣ Шотландцевъ и Ирландцевъ, которые болѣе употребляютъ растительную пищу.

Изъ всѣхъ наблюденій нынѣшняго общества оказывается, что переходъ отъ мясной пищи къ растительной приноситъ большую гигіеническую пользу.

Противники этой системы говорятъ, что въ сѣверныхъ странахъ мясная пища нужна для доставленія тѣлу надлежащей теплоты; но мясо животныхъ содержитъ въ себѣ тѣ же элементы, какъ и растенія. Жиръ и крахмалъ растеній—тѣ же самыя, какъ въ салѣ и мясѣ звѣрей. Согрѣвающія элементы углерода содержатся въ мясѣ до 15 процентовъ по вѣсу, а въ растеніяхъ до 70-ти процентовъ. Капитанъ Парри, въ путешествіяхъ къ сѣверному полюсу, на опытѣ убѣдился, что хорошій хлѣбъ такъ же согрѣваетъ тѣло, какъ и мясная пища. Англійскіе матросы, употребляя чай и растительную пищу, столь же хорошо выдерживали стужу, какъ и Эскимосы, проглатывающіе огромное количество жиру.

Буравленіе горъ. — Нѣкто Тальботъ изобрѣлъ новую машину для горизонтальнаго буравленія горъ къ проложенію тоннелей. Она устроена въ шестьдесятъ лошадиныхъ силъ. Пары дѣйствуютъ на четыре горизонтальные рычага, которые заставляютъ обращаться четыре крѣпкія полукруглыя доски, совершающія взадъ и впередъ движеніе по четверти круга и утвержденные на большой обращающейся доскѣ въ десять футовъ діаметра, вырѣзывающей каждымъ поворотомъ по 17 кубическихъ футовъ земли. Вся машина вѣситъ 80 тоннъ (1600 центнеровъ) и весьма-крѣпкаго устройства. Отверстіе, вырѣзываемое машиною, совершенно-круглое и соотвѣтствуетъ въ-точности величинѣ тоннеля. Первый опытъ будетъ произведенъ въ скалѣ при Гарлемѣ въ Нью-йоркскомъ Штатѣ.

Воздушная почта. — Воздухоплаватель Вейзъ, въ Америкѣ, дѣятельно занимается устройствомъ воздушной почты изъ Европы въ

Америку. Планъ Вейза основанъ на слѣдующемъ. Шаръ его будетъ въ 125 футовъ діаметра. Онъ будетъ только до половины наполненъ газомъ и будетъ совершать свои рейсы на вертикальной высотѣ трехъ съ половиною англійскихъ миль. На него пойдетъ 5000 ярдъ шелковой матеріи (по 2 доллара, 10,000 долларовъ), 100 галлоновъ масла изъ льнянаго сѣмени (200 долларовъ), сѣть и веревокъ на 300 долларовъ, за работу 1000 долларовъ, на мелочи 1000 долларовъ, спасительная лодка 5000 долларовъ, воды и припасовъ на восемь человѣкъ 100 долларовъ, инструментовъ физическихъ на 500 долларовъ, около 550,000 кубическихъ футовъ газа 2500 долларовъ, балласта 100 долларовъ; всего 20,700 долларовъ. Шаръ этотъ, по исчисленію, будетъ поднимать 34,375 фунтовъ, изъ которыхъ 2500 приходятся на шаръ и приборъ, 8000 на спасительную лодку въ шарѣ, 1280 на восемь пассажировъ, 300 на провіантъ, 100 на инструменты, 2000 на подъемную силу — всего 9180 фунтовъ. Остается 25,195 фунтовъ на балластъ и почтовыя чемоданы. Шаръ этотъ можетъ приставать въ Лиссабонѣ, Мадридѣ, Неаполѣ и Константинополѣ.

До-сихъ-поръ все это возможно. Но какимъ образомъ г. Вейзъ хочетъ управлять своимъ шаромъ? Онъ отвѣчаетъ, что сама природа будетъ это дѣлать, потому-что въ трехъ съ половиною миляхъ надъ Сѣверною Америкою царствуетъ всегдашнее теченіе воздуха съ запада на востокъ, которое производится другими двумя теченіями: юговосточнымъ и сѣверовосточнымъ. Съ помощью этихъ теченій можно быстро перелетѣть чрезъ Атлантическій Океанъ.

А назадъ? Вейзъ допускаетъ, что, можетъ-быть, обратный полетъ и невозможенъ, но тогда съ тою же быстротою надобно продолжать путь чрезъ Пекинъ, Японію и черезъ Тихій Океанъ въ Ньюйоркъ. Изъ этого видно, что Вейзъ не останавливается надъ препятствіями. Впрочемъ, сперва онъ будетъ производить опыты, дѣйствительно ли надъ Америкою воздушныя теченія въ верхнихъ слояхъ атмосферы такъ правильны и постоянны, а потомъ ужь предприметъ свое путешествіе въ Европу.

Деревня изъ картона. — Нѣкто Бильфильдъ, по заказу Сеймура, отправляющагося въ Австралію, устроилъ нѣсколько переносныхъ домовъ изъ картона (въ англійскихъ газетахъ названы эти домы *paper village*, бумажною деревнею), и выставилъ ихъ на показъ публики на станціи Юго-Западной желѣзной дороги (близь Стейнса). Деревня эта состоитъ изъ десяти домовъ, а именно: главный домъ (вилла) изъ девяти комнатъ въ двѣнадцать футовъ вышиною; домъ для складки запасовъ въ восемнадцать футовъ длины съ жилыми покоями, двумя спальнями и кухнею; домы различныхъ величинъ отъ двухъ до шести комнатъ. Внутреннія украшенія превосходны.

Матеріалъ, изъ котораго построены эти домы, составляетъ непромокаемый картонъ. Стѣны изъ него прочныя и двойныя. Крыша почти плоская и только съ наклонностью для ската дождя. Весь домъ можетъ быть разобранъ и сложенъ въ самое короткое время.

Во время послѣдняго наводненія домы эти стояли на два фута въ водѣ безъ малѣйшаго вреда и безъ порчи. Такимъ-образомъ въ Австраліи будутъ желѣзныя и бумажныя деревни.

Китайцы на западныхъ берегахъ Борнео. — Около ста лѣтъ тому назадъ, выселилось изъ Кантона и Го-Кіанга множество Китайцевъ на островъ Борнео, и съ-тѣхъ-поръ народонаселеніе это увеличивается ежегодно какъ вновь прибывающими переселенцами, такъ и размноженіемъ народа до-того, что ихъ теперь отъ 30 до 40,000 человѣкъ. Замѣчательно, что сюда пріѣзжаютъ только неженатые Китайцы, и ужь здѣсь женятся на туземныхъ женщинахъ. Китайцы составили между собою разныя общины, названныя ими Конг-си, которыя соединены союзомъ и управляются президентомъ, подъ именемъ Панглимы. Сперва были между этими общинами частыя ссоры, доходившія до войны, но потомъ окончательно устроили они восемь общинъ: 1) Тай-конъ, 2) Сан-та-гіу, 3) Ганг-муи, 4) Син-Вукъ, 5) Тье-Пунг-Сангъ, 6) Тай-со, 7) Ман-Фо и 8) Лан-Фуангъ.

Всѣ эти Китайцы признаютъ себя подданными нидерландскаго правительства, которому и платятъ подати; хотя, впрочемъ, и невсегда исправно.

Норвежскія древности. — Въ Финмаркѣ нашли новое доказательство, что тамъ нѣкогда обиталъ народъ, который употреблялъ каменное оружіе. Въ Оксфордѣ найдено копье, которое и представлено въ музей Христіаніи. Нильсонъ говоритъ, что, судя по формѣ копья, оно принадлежало древнимъ туземцамъ, жившимъ въ сѣверной и средней Швеціи. Копье не изъ кремня, а изъ твердаго шифера.

Новыя измѣненія въ устьѣ Ганга. — Измѣненія, происшедшія въ теченіи этой рѣки со времени оффиціальнаго гидрографическаго описанія ея, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, подаютъ поводъ къ заключенію не только объ измѣненіяхъ въ руслахъ Ганга въ древнія времена, но и о тѣхъ, которыя произойдутъ въ будущемъ. Когда народъ, говорившій санскритскимъ языкомъ, впервые вступилъ въ Индію и остановился въ Пенджабѣ, столица его постепенно все подвигалась къ востоку отъ древняго города Гастунапура близь Дели въ разные другіе города, за 300 лѣтъ до Р. Х.; когда долина Ганга достаточно высохла, столица эта находилась ужь въ Палибатрѣ, или Патнѣ; оттуда перенесена она въ Гауръ, потомъ въ Дакку и наконецъ въ Калькутту. Когда Гиммалайскія Горы могли назваться недавно-образовавшимися, то Гангъ и другія рѣки приносили съ собою огромныя массы земли, которая и осаждалась на берегахъ этихъ рѣкъ; при разливахъ же разносилась по окрестнымъ равнинамъ. Но какъ отъ этого возвысились и самыя русла, то воды прорвали наконецъ берега и образовали новыя русла по углубленіямъ ближайшихъ равнинъ. Полоса земли въ верховьяхъ Ганга столько поднялась этими наносами, что Сарасвати и Гагаръ, бывшія въ древности большими рѣками, впадавшими въ Гангъ, теперь отдѣлились отъ него и обра-

тились въ Сетледжъ. Въ преданіяхъ разсказывается еще о соединеніи Сарасвати съ Гангомъ, и говорится, что часть водъ его и теперь подземными путями изливается въ Гангъ. Между-тѣмъ Гангъ все еще наноситъ много илу, отъ котораго не освобождаютъ его каналы, какъ Джумну, и, слѣдственно, тѣ же причины дѣйствуютъ и теперь. Рѣка Соне, текущая съ юга, впадала нѣкогда въ Гангъ при Палибатрѣ; теперь этотъ городъ лежитъ въ тридцати-пяти миляхъ ниже сліянія рѣкъ. Это произошло отъ возвышенія нижняго русла Ганга, которое оттѣсняло все выше впаденія боковыхъ рѣкъ. Гугли, или Бадширатъ, на которомъ стоитъ Калькутта, не что иное, какъ настоящій Гангъ, но измѣненія въ руслѣ Брахмапутры и возвышеніе нижняго теченія Гугли произвели то, что главная рѣка впадаетъ въ море черезъ русла Пудды и Падмы, Брахмапутра, вытекающая изъ Ассамскихъ и Тибетскихъ Горъ и проходящая по странѣ чрезвычайно-обильной дождями, несетъ съ собою огромную массу воды и ила. Соединясь съ Гангомъ, заливаетъ она его устье и понуждаетъ Гангъ быстро течь къ морю.

Туста, побочная рѣка Брахампутры, нѣсколько разъ въ наше время измѣняла свое теченіе. Она каждыя тридцать лѣтъ перемѣняетъ свое русло и показываетъ, какія перемѣны происходили и съ другими рѣками за двѣ тысячи лѣтъ.

Вода въ Гугли очень уменьшилась въ-теченіе столѣтія. Въ 1774 году генералъ Ватсонъ проѣхалъ на 74-хъ пушечномъ кораблѣ до Шандернагора, куда теперь не подойдетъ и бригъ. Пароходы, идущіе въ верхнія провинціи, должны сперва спуститься по Гугли, чтобъ потомъ войдти въ Гангъ. Слѣдственно, надобно опасаться, что Гугли скоро пересохнетъ. Впрочемъ, вліянія другихъ рѣкъ могутъ еще отвратить это событіе. Тисъ и другія рѣки, впадающія въ Брахмапутру, оттѣсняются все выше и могутъ постепенно отдалиться отъ него къ Гангу. Эта усиленная масса воды могла бы тогда оживить торговлю Калькутты, а Гугли получила бы древнюю свою значительность, какъ главное русло Ганга.

Болѣзнь финиковыхъ деревьевъ. — Изъ Туниса пишутъ, что тамъ финиковыя деревья подверглись той же болѣзни, какъ виноградъ во Франціи. Опасаются, что весь сборъ финиковъ пропадетъ въ нынѣшнемъ году.

Домы древнихъ Пиктовъ въ Шотландіи. — Риндъ сообщилъ Лондонскому Археологическому Обществу диссертацію о жилищахъ древнихъ Пиктовъ. Онъ осматривалъ ихъ при Кетлеборнѣ въ Калтнессѣ и опровергъ сомнѣнія тѣхъ, которые думали, что жилища эти, при тѣсныхъ подземныхъ ходахъ и узкихъ комнатахъ, едва-ли могли быть обитаемы. Опроверженіе это основано на найденныхъ въ нихъ каменной домашней утвари, костяхъ, глиняной посудѣ, ручныхъ мельницахъ, иготяхъ. Между остатками животныхъ видны и рыбы Послѣднее служитъ также опроверженіемъ показанія Ксифилино, увѣрявшаго, будто древніе Каледоняне не ѣли рыбъ. Найдены так-

же предметы изъ мѣди и желѣза. Это ужь доказываетъ значительную степень просвѣщенія, потому-что въ самыхъ-древнихъ жилищахъ обыкновенно находятъ одни каменныя издѣлія.

Ясность атмосферы въ Персіи. — Американскій миссіонеръ Стоддартъ пишетъ изъ Урумiаха къ сэру Джону Гершелю, что удивительная ясность воздуха въ Персіи такова, что въ пятидесяти, шестидесяти, даже во сто англiйскихъ миляхъ видны отдаленныя горы, а снѣговая вершина Арарата видна даже въ двухстахъ миляхъ. Неопытные путешественники бываютъ часто обмануты этою прозрачностью атмосферы. Но всего великолѣпнѣе это явленіе ночью. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такихъ ночей. Г. Стоддартъ описываетъ свои наблюденія надъ спутниками Юпитера и надъ кольцомъ Сатурна. Къ удивленію своему, онъ видѣлъ простыми глазами продолговатость послѣдней планеты. Въ древнихъ астрономическихъ сочиненіяхъ, писанныхъ до открытія телескоповъ, описанъ Сатурнъ въ продолговатомъ видѣ — и астрономы не знали, какъ объяснить это обстоятельство. Вѣроятно, въ-древности, когда кочующія племена пасли свои стада на этихъ равнинахъ, видѣли ужь простыми глазами это явленіе.

Баобабъ *(изъ записокъ графа д'Эскейракъ де-Лотюра).* — Надобно видѣть этого исполина тропической растительности, чтобъ имѣть о немъ понятіе. Когда его видишь, то не вѣришь глазамъ, а не видавшему всѣ разсказы кажутся баснословными. Адансонъ, первый, наблюдавшій это дерево и давшій ему свое имя *(Adansonia digitata)*, назначаетъ годовалому баобабу 0,041 метра въ діаметрѣ и 1,625 высоты. Одному дереву, которое онъ измѣрялъ въ 9,745 метровъ толщины (30 футовъ) и 23,714 вышины, приписываетъ онъ 5000 лѣтъ. Первое его показаніе несогласно съ моими наблюденіями. Я въ Коркофанѣ видѣлъ множество молодыхъ баобабовъ, которыхъ возраста не могъ опредѣлить, но которые всѣ имѣли болѣе 0,041 метровъ толщины и менѣе 0,650 вышины.

Адансонъ, вѣроятно, основывалъ свои вычисленія на извѣстномъ законѣ породы дикотиледоновъ. Но баобабы не слѣдуютъ этому закону. Пропорція толщины къ высотѣ остается все та же. Что же касается до древности 5156 лѣтъ, приписываемой имъ баобабу, то могу присовокупить, что я измѣрялъ одинъ баобабъ и нашелъ его въ объемѣ 15 саженъ, или 26,799 метровъ, слѣдственно въ діаметрѣ около пяти саженъ. Высота по тѣни превосходила значительно дерево, изслѣдованное Адансономъ.

На высотѣ 7—10 метровъ отъ земли кончается пень. Отсюда начинаются огромныя вѣтви, спускающіяся къ землѣ до 3—4 метровъ, а потомъ поднимающіяся посредствомъ новыхъ вѣтвей, идущихъ кверху. Дерево баобаба весьма-нѣжно и скважисто. Малѣйшаго движенія достаточно, чтобъ привести въ движеніе вѣтви, толщиною съ нашъ столѣтній дубъ. Кора его очень-тонка, а стволъ гладокъ. Корни, широко-распространяющіеся и выдающіеся изъ земли, служатъ удобнымъ сидѣньемъ для путешественниковъ.

Какъ-скоро дерево достигнетъ извѣстнаго возраста, то въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинаются вѣтви, пень начинаетъ портиться и болѣе-и-болѣе превращаться въ дупло, такъ-что наконецъ остается одна кора; но между-тѣмъ дерево продолжаетъ развиваться также, какъ и вѣтви.

Во время дождливаго времени года, дупло наполняется водою, которая и сохраняется здѣсь, какъ въ цистернѣ, и туземцы продаютъ ее путешественникамъ. Арабы кордофанскіе взлѣзаютъ на дерево и, черпая изъ дупла воду, опускаютъ сосуды купцамъ. Въ Конго просверливаютъ отверстіе въ пнѣ и, выпустивъ столько воды, сколько нужно, затыкаютъ его.

Сенегальскіе жители часто живутъ въ этихъ дуплахъ и хоронятъ въ нихъ своихъ мертвыхъ.

Листья баобаба узки и малы, соразмѣрно съ величиною дерева. Цвѣты похожи на метелку, а плодъ въ 30—40 сантиметровъ длины, съ крѣпкою зеленою кожицею; вкусъ плода кисловатый и имѣетъ слабительное свойство. Изъ него приготовляютъ конфекты; если растолочь его въ молокѣ, онъ даетъ пріятныя сливки. Въ воспалительныхъ глазныхъ болѣзняхъ употребляютъ его съ большою пользою, въ видѣ слабительнаго.

Библіографическія извѣстія (*). — *Неизданныя письма Короля Карла XII* перевелъ съ шведскаго, съ замѣчаніями и снимкомъ почерка, г. Жофруа, профессоръ исторіи (Lettres inédites de Charles XII). Министръ просвѣщенія во Франціи поручилъ г. Жофруа отъискать въ сѣверныхъ государствахъ рукописи, важныя для исторіи Франціи, и этотъ профессоръ нашелъ въ Любекской Библіотекѣ двадцать-четыре собственноручныя письма Карла XII, которыя до-сихъ-поръ не были извѣстны историкамъ. Корреспонденція эта очень-замѣчательна и открываетъ новыя черты въ жизни монарха, котораго Швеція уважаетъ какъ за его качества, такъ и за недостатки Въ письмахъ короля находятся описанія его тяжелыхъ и опасныхъ походовъ. Въ нихъ ясно видѣнъ человѣкъ, привыкшій къ лагерной жизни, который понималъ одну славу и имѣлъ всѣ качества великаго государя, кромѣ благоразумія и осторожности. Не слушая ни чьихъ совѣтовъ, онъ съ упрямствомъ бросался во всѣ опасности и, убѣжавъ въ Турцію, по цѣлымъ недѣлямъ шелъ по поясъ то въ водѣ, то въ грязи. Твердость не оставляла его, однакожь, несмотря на всѣ лишенія. «Я не могу продолжать этого письма», пишетъ онъ между прочимъ къ сестрѣ, «потому-что у меня нѣтъ больше чернилъ». Опасности и несчастія были только игрушкою для бронзоваго тѣла, соединеннаго съ желѣзною душою Карла XII.

— *Путешествіе на сѣверъ Боливіи и въ странахъ, сосѣднихъ съ Перу*, соч. Г. Ведделя. (Voyage dans le Nord de la Bolivie et dans les parties voisines de Pérou). Путешественникъ этотъ ужь однажды во-

---

(*) Изъ «Bibliothèque Universelle», «Revue de Paris», «Revue des Deux Mondes», «Revue Britannique», «Illustration» и др.

дилъ своихъ читателей на берега рѣки Типуани, которая вытекаетъ изъ самой высокой горы Андовъ. Лихорадка выгнала его изъ этой страны, но горсть песку, взятая имъ въ одномъ оврагѣ, заставила его опять вернуться туда. Онъ нашелъ въ немъ блестящія золотыя песчинки; и когда, въ 1850 году, ему предложили участвовать въ экспедиціи въ Боливію, онъ охотно отправился туда съ порученіемъ отъ Парижскаго Ботаническаго Сада. Переѣздъ изъ Соутемптона въ Панаму совершенъ былъ счастливо. Черезъ мѣсяцъ они пристали къ Шагрѣ, откуда, на лодкахъ, отплыли вверхъ по рѣкѣ до Панамы и потомъ— въ селеніе Арика. Съ этой послѣдней станціи надобно было ѣхать на мулахъ почти по пустынѣ, гдѣ изрѣдка встрѣчаются жалкія американскія гостинницы, въ которыхъ путешественникъ не можетъ найдти необходимаго, а долженъ за все платить очень-дорого. Дальше долина возвышается и скоро путешественники очутились на 4,500 метрахъ надъ поверхностью моря. Здѣсь снѣгъ покрываетъ вершины горъ и перуанскія овцы бѣгаютъ какъ альпійскія серны. Г. Веддель убилъ одну изъ нихъ близь развалинъ Такоры, гдѣ онъ ночевалъ въ шалашѣ, послѣ усталости труднаго пути.

Во время Инковъ овцы эти, называемыя вигонями, составляли главное богатство Перу. Изъ шерсти ихъ дѣлали ткани для высшаго сословія и содержали многочисленныя стада, запрещая убивать ихъ. Теперь изъ этой шерсти дѣлаютъ только шляпы и перчатки, отличающіяся необыкновенною нѣжностью.

Наконецъ путешественники достигли границъ Боливіи и описаніе Ведделя доказываетъ, что жители ея находятся не на высшей степени образованности. Потомки Индійцевъ, промышлености которыхъ и богатству удивлялись испанскіе завоеватели, нисколько не выиграли отъ сближенія съ европейскими народами, а напротивъ, кажется, возвратились къ дикому состоянію. «Дворецъ, въ которомъ мы остановились (говоритъ путешественникъ) не обширенъ, но по-крайней-мѣрѣ не въ развалинахъ, хотя довольно-живописенъ. Это маленькая хижина, которая служитъ магазиномъ для индійскихъ украшеній, употребляемыхъ въ праздники. Замѣчу, что въ эти дни жители похожи на блестящихъ бабочекъ, но зато въ остальные они очень-некрасивы и неопрятны. Наша квартира была завалена вѣнками изъ перьевъ, касками, кисеями, инструментами и другими предметами, непонятными для Европейцевъ. Кромѣ всего этого, въ комнатѣ были кучи сору, но хозяева наши были такъ добры, что очистили мѣсто для нашихъ вещей и подали намъ ужинъ, въ которомъ мы очень нуждались.

Въ селеніяхъ сохраняются простые старинные обычаи, въ городахъ же Боливіи видна испорченность цивилизаціи. Всѣ занимаются только удовольствіями и праздниками. Веддель присутствовалъ на религіозной церемоніи, потомъ на пѣтушьемъ бою и наконецъ на балу, который описываетъ со всѣми подробностями, немного-странными и доказывающими чрезвычайную свободу въ обращеніи.

Путешественникъ описываетъ также золотые пріиски въ Ла-Пазѣ и разсказываетъ, какъ онъ самъ съ товарищами напрасно искалъ это

го драгоцѣннаго металла. Вообще путешествіе это занимательно и всѣ съ удовольствіемъ прочтутъ его.

— *Жизнь Карла V въ монастырѣ*, г. Стирлинга (The cloister life of Charles the Fifth). Отреченіе Карла V остается историческою загадкою, которая, вѣроятно, никогда не будетъ разгадана. Одни приписываютъ его отвращенію отъ государственныхъ занятій и мірскихъ почестей, другіе—набожности императора. Вильямъ Стирлингъ не оправдываетъ ни того, ни другаго мнѣнія, но посредствомъ документовъ и офиціальныхъ бумагъ изображаетъ вѣрно и подробно жизнь Карла V въ монастырѣ. Сочиненіе это содержитъ любопытныя подробности и бросаетъ новый свѣтъ на характеръ императора, на его привычки, на мысли, которыя занимали его въ уединеніи.

Неизвѣстно, когда именно Карлъ V принялъ твердое намѣреніе отказаться отъ почестей и заботъ трона и удалиться въ монастырь. Вѣроятно только, что онъ сообщилъ это намѣреніе супругѣ своей, Изабелѣ Португальской, которая умерла въ 1538 году. Въ 1542 онъ объявилъ объ этомъ герцогу де-Гандіа, а въ 1546 слухъ этотъ былъ ужь извѣстенъ при дворѣ, потому-что венеціанскій посланникъ докладываетъ объ этомъ дожу. Въ 1554 году, когда сынъ Карла V, Филиппъ, сочетался бракомъ съ Маріей Тюдоръ, королевой англійской, императоръ уступилъ сыну титулъ короля неаполитанскаго. Въ слѣдующемъ году онъ призвалъ Филиппа изъ Виндзора, созвалъ штаты въ Брюсселѣ и торжественно отрекся отъ престола испанскаго въ пользу короля неаполитанскаго и англійскаго, потомъ послалъ съ молодымъ принцемъ оранскимъ отреченіе отъ императорской короны и германскій сеймъ передалъ это достоинство брату Карла V, эрцгерцогу австрійскому.

Послѣ этого Карлъ V провелъ нѣсколько мѣсяцевъ во Фландріи, для поправленія здоровья, и потомъ ужь отправился моремъ въ Испанію въ-сопровожденіи Филиппа II, племянника своего Максимиліана, дочери Маріи, короля и королевы богемской и многочисленной свиты вельможъ. Послѣ счастливаго плаванія, императоръ прибылъ въ гавань Ларедо, на берегу Бискаіи, гдѣ принятъ былъ епископомъ саламанкскимъ и алькадомъ Дуранго, присланными правительницей Испаніи инфантою Жуаною. Кажется, что не все еще было готово къ принятію Карла V, хотя Кихада и получилъ приказаніе приготовить жилище для императора и его свиты. Этотъ храбрый воинъ пользовался расположеніемъ государя, и пріѣздъ его въ Ларедо былъ очень-кстати, потому-что приближенные императора были всѣ больны и не могли исполнять своихъ должностей. Самъ Карлъ V былъ нездоровъ и продолжалъ путешествіе въ носилкахъ. Многочисленная толпа провожала и встрѣчала его вездѣ, гдѣ онъ останавливался; стало-быть, нельзя повѣрить тѣмъ историкамъ, которые увѣряли, что онъ отказался отъ престола потому, что не разсчитывалъ болѣе на преданность. Наконецъ они остановились въ селеніи Кабезонѣ, гдѣ ждалъ его инфантъ Дон Карлосъ. Карлъ V отказался отъ торжественнаго пріема въ Валадолидѣ и тихо въѣхалъ во дворъ зàмка, гдѣ его встрѣтила дочь его, регентша, и внукъ Дон-Карлосъ. Императоръ принялъ послан-

ника Португаліи, присутствовалъ на балу и справлялся обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, какъ-будто не отказался еще отъ управленія. Притомъ даже приближенные не знали, какое убѣжище изберетъ онъ, и не смѣли разспрашивать его объ этомъ. Знали только, что онъ часто разговариваетъ съ настоятелемъ монастыря Св. Юста и генераломъ Ордена Св. Іеронима. Наконецъ послѣ большаго обѣда, Карлъ V простился со всѣмъ семействомъ и отправился въ селеніе Харандилья и оттуда въ монастырь Св. Юста, куда вступилъ на 56 году. Однако и въ этомъ уединеніи онъ продолжалъ заниматься политикою и слѣдовать за событіями въ Европѣ. Онъ скоро привыкъ ко всѣмъ обыкновеніямъ монастыря и съ набожностью исполнялъ предписанія, запрещая, чтобъ для него дѣлали исключенія. Только здоровье императора не поправлялось, несмотря на всѣ заботы и попеченія, и это безпокоило приближенныхъ его.

Вообще книга Стирлинга, несмотря на нѣкоторую сухость слога, очень-любопытна, особенно для любителей историческихъ документовъ, потому-что содержитъ въ себѣ самое-полное описаніе почти день за день, какъ провелъ послѣдніе дни своей жизни бывшій король-императоръ.

— *Библіографическія замѣтки о другѣ Монтаня, Ла-Боэси,* составленныя докторомъ Пайеномъ. 1-го ноября 1530 года, родился въ Сарлатѣ въ Перигорѣ Этьенъ Ла-Боэси. Онъ остался рано сиротою и поступилъ въ Бордосскій Коллегіумъ, гдѣ отличился своими успѣхами. Ему не было еще двадцати-двухъ лѣтъ, когда ему дали должность въ Бордосскомъ Парламентѣ, которую онъ исполнялъ со всевозможнымъ стараніемъ. Въ свободное время онъ занимался литературою и написалъ философическую диссертацію, которая впослѣдствіи сдѣлалась знаменита. Сонеты, французскіе и латинскіе стихи, переводы съ греческаго, ученыя разъисканія свидѣтельствуютъ о его обширныхъ познаніяхъ. Въ разнообразныхъ его занятіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому-что въ то время было много ученыхъ совѣтниковъ въ парламентѣ, о которыхъ потомство ничего не знаетъ, но молодой Ла-Боэси сдѣлался безсмертнымъ, потому-что встрѣтилъ друга, геніальнаго человѣка, сохранившаго его имя для потомства.

Мишель Монтань воспитывался съ нимъ въ одномъ коллегіумѣ и посвятилъ себя судебной части, изъ повиновенія къ желанію отца. Позже онъ перешелъ въ Бордосскій Парламентъ, гдѣ и встрѣтился съ молодымъ совѣтникомъ. Оба они почувствовали другъ къ другу влеченіе и въ-продолженіе четырехъ лѣтъ дружба ихъ вошла въ пословицу. Это не была обыкновенная школьная привязанность, которая забывается черезъ нѣсколько лѣтъ — нѣтъ; восьмнадцать лѣтъ послѣ смерти Ла-Боэси, Монтань не могъ безъ слезъ вспомнить о своемъ другѣ и оплакивалъ его въ одномъ письмѣ, неназначавшемся для печати.

Однажды, въ жаркій день, Ла-Боэси разгорячился, играя въ мячъ и потомъ сильно простудился. Монтань поспѣшилъ къ больному и не оставлялъ его до послѣдней минуты. Послѣдніе дни умирающаго описаны превосходно Монтанемъ въ письмѣ къ отцу. Рѣдкій этотъ другъ умеръ на тридцать-третьемъ году; онъ былъ добрый человѣкъ, хоро-

шій отецъ семейства и извѣстный ученый. Даже передъ смертью друзья разсуждали о философіи и Ла-Боэси говорилъ погречески и полатинѣ до послѣдней своей минуты.

Монтань былъ въ отчаяніи послѣ потери друга. Онъ оставилъ службу, пренебрегъ занятіями и долго не могъ найдти ни въ чемъ развлеченія. Наконецъ время залечило его рану и онъ принялся писать о другѣ цѣлые томы. Онъ собралъ всѣ сочиненія Ла-Боэси и издалъ ихъ въ свѣтъ. Теперь эти произведенія не производятъ большаго впечатлѣнія; но въ то время они должны были удивлять необыкновенною ученостью автора. Въ нихъ заключаются переводы изъ Ксенофонта и Плутарха, записки о состояніи Франціи при Карлѣ IX, опыты и стихотворенія, довольно оригинальныя. Докторъ Пайенъ, восторженный послѣдователь Монтаня, не могъ забыть его лучшаго друга и издалъ замѣтки о Ла-Боэси съ выписками изъ рукописныхъ документовъ и критическимъ разборомъ. Тѣнь Монтаня должна радоваться, видя что дружба его сдѣлала безсмертнымъ имя Ла-Боэси и передала его въ позднее потомство.

— *Тетрадь воспитанницы Сен-Дени*, составленная двумя бывшими воспитанницами этого заведенія и г. Луи Бодъ.

Прежде разсмотрѣнія этой полезной книги, мы вспомнимъ слова Фенелона въ его превосходномъ трактатѣ: *О воспитаніи дѣвицъ:* «Ни на что не обращаютъ такъ мало вниманія, какъ на воспитаніе женщинъ. Принятое обыкновеніе и капризъ матерей рѣшаютъ, что̀ должно знать дочерямъ... Говорятъ, что женщины не должны много знать, потомучто дѣлаются любопытными, гордыми и несносными. Ученыя женщины часто бываютъ смѣшны, и вотъ почему воспитаніе дочерей часто оставляется на произволъ судьбы».

Еслибъ теперь Фенелонъ ожилъ, то врядъ ли нашелъ онъ улучшеніе въ воспитаніи молодыхъ французскихъ дѣвушекъ Совершенное отсутствіе плана, методы, сбивчивость, неполнота познаній — все это встрѣчается ежедневно въ этихъ дѣвушкахъ. Зачѣмъ предполагать, что познанія не нужны женщинѣ? «Онѣ слабы (говоритъ Фенелонъ), но потому-то и надобно ихъ подкрѣплять У нихъ свои обязанности, и такія важныя, что онѣ даютъ основаніе всей человѣческой жизни».

Стало-быть, изданіе Бода исполнитъ давнишнее желаніе многихъ матерей и воспитанницъ. *Тетрадь* эта содержитъ въ себѣ все, что̀ должна знать женщина. Отъ нея не требуютъ, чтобъ она была педанткою и разсуждала объ отвлеченныхъ наукахъ; но всѣ порядочные мужчины хотятъ найдти въ подругѣ своей жизни достаточныя и ясныя понятія о наукахъ, искусствахъ и литературѣ, которыя она могла бы передать дѣтямъ и которыми могла бы пользоваться сама. Ученая женщина странна, и Ла-Брюеръ говоритъ, что это рѣдкость, на которую смотрятъ съ любопытствомъ; но женщина необразованная тоже несносна: она заставляетъ краснѣть мужа.

Авторы *Тетради* назначаютъ постепенно занятія и уроки, которые не обременяютъ памяти, не сбиваютъ понятій и интересуютъ ребенка. Священная исторія, географія, грамматика, чтеніе лучшихъ писателей, ариѳметика, всемірная исторія, миѳологія, натуральная исто-

рія, ботаника, зоологія, исторія литературы—составляютъ весь курсъ воспитанія женщины, который можетъ быть принятъ во всѣхъ пансіонахъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— *Исторія германской литературы въ XIX столѣтіи*, соч. Смита (Geschichte der deutschen Nationallitteratur im XIX Jahrhundert). Авторъ беретъ германскую литературу со смерти Шиллера и доводитъ ее въ первомъ томѣ до 1832 года. Въ этотъ періодъ развился романтизмъ и произошла реакція противъ французскаго вліянія, въ концѣ восьмнадцатаго вѣка, овладѣвшаго всѣми литературами безъ исключенія. Литературныя идеи слѣдовали за политикою. Освободясь отъ власти Наполеона, Германія не хотѣла имѣть ничего общаго съ Франціей и обратилась къ среднимъ вѣкамъ, надѣясь найдти въ нихъ стихіи къ совершенному возрожденію. Движеніе это произошло не въ одной Германіи. Эдмондъ Боркъ и Вальтеръ Скоттъ придали новое направленіе англійской литературѣ, и сама Франція начала обращаться къ новымъ идеямъ, подъ вліяніемъ Шатобріана и г-жи Сталь. Германцы же тотчасъ составили новую систему во всѣхъ отрасляхъ наукъ. Въ философіи, Фихте, Шеллингъ и Шлейермахеръ отвергли точность Канта и противопоставили ей поэзію и отвлеченности. Обѣ Шлегеля увеличили эту романическую наклонность своими замѣчательными талантами и познаніями. Однако они до-того преувеличили свою теорію, что много сдѣлали вреда литературѣ. Адамъ Мюллеръ и Галлеръ тоже не принесли никакой пользы. Литература и романтизмъ существовали только воспоминаніями о полуварварскомъ вѣкѣ, не находя больше нигдѣ поэзіи. Къ-счастію еще, что новая школа не успѣла составиться и новые таланты могли избрать себѣ другой путь. Жанъ Поль, Арнимъ, Клейстъ, Брентано сохранили свою оригинальность и имѣли большой, заслуженный успѣхъ. Въ исторіи явились достойные писатели: Вольфъ, Нибуръ и Савиньи. Наконецъ Ранке занялъ первое мѣсто между германскими историками. Вообще настоящая эпоха богата оригинальными произведеніями; но чтобъ судить о ней окончательно, надобно подождать слѣдующихъ томовъ. По первому видно, что Смитъ дѣльно и отчетливо разбираетъ всѣ замѣчательныя сочиненія въ началѣ XIX столѣтія и отдаетъ должную справедливость ихъ авторамъ.

— *Оттоманская Муза*, или лучшія произведенія турецкой поэзіи, переведенныя въ первый разъ французскими стихами, съ исторіей литературы у Турокъ; составлено г. Серваномъ де-Сюньи. Турки не лишены поэтическихъ способностей. Подобно Персамъ и Арабамъ, они занимаются поэзіею и имѣютъ множество извѣстныхъ поэтовъ. До-сихъ-поръ произведенія «Оттоманской Музы» не были извѣстны во Франціи, потому-что никто не рѣшался переводить ихъ. Притомъ же во Франціи очень-мало ученыхъ, которые знаютъ турецкій языкъ въ совершенствѣ и въ-состояніи исполнить этотъ трудъ. Переводить же стихи еще труднѣе. Тутъ мало знанія языка, а надобно, чтобъ переводчикъ имѣлъ еще талантъ писать хорошіе стихи, сохраняя смыслъ, форму и обороты оригинала. Серванъ де-Сюньи не испугался всѣхъ этихъ трудностей и, понимая восточную поэзію такъ же хорошо, какъ французскую, составилъ превосходный переводъ. «Чтобъ хорошо перево-

дить (говоритъ авторъ въ предисловіи) надобно присвоить себѣ характеръ и умъ оригинала и передать его не со всѣми подробностями, но только идею, какую вы сами составили о поэтѣ. Подстрочный переводъ невозможенъ и въ прозѣ; въ стихахъ же гармонія требуетъ многихъ измѣненій, и только необходимо, чтобъ была сохранена оригинальность мысли, а отъ текста можно удаляться болѣе или менѣе».

Въ этомъ томѣ находятся сочиненія сорока-четырехъ турецкихъ поэтовъ, пользующихся заслуженною славою. Сюжеты этихъ стихотвореній — бо̀льшею-частью обращенія къ веснѣ, любви, молодости, любимой женщинѣ и проч. Тутъ находится также нѣсколько молитвъ, религіозныхъ и философическихъ пѣсенъ. Оттоманская Муза увлекательно изображаетъ нѣжность, чувствительность, что̀, кажется, несвойственно нравамъ жителей этой страны, про которую Байронъ сказалъ, что въ ней все совершенно, кромѣ человѣческаго ума. Турецкій поэтъ не воспѣваетъ дѣйствительности, но удаляется въ воображаемый міръ и тамъ создаетъ фантастическіе о̀бразы. Султанъ Мухаммедъ II, послѣ воинскихъ подвиговъ, любилъ заниматься поэзіею и писалъ самые-чувствительные стихи. Другіе султаны, отличавшіеся жестокостью, тоже съ успѣхомъ занимались поэзіею. Поэтъ Баки, любимецъ Солимана, имѣлъ рѣдкій поэтическій талантъ, и стихи его отличаются оригинальными мыслями. Впрочемъ, турецкіе поэты воспѣваютъ тѣ же самые предметы, какъ и всѣ поэты вообще. Странно только, что они не имѣютъ сходства съ Арабами и Персами, у которыхъ такое множество украшеній и эпитетовъ, что мысль теряется въ нихъ.

Книгу эту, и особенно краткій обзоръ исторіи турецкой поэзіи, всѣ прочтутъ съ любопытствомъ и поблагодарятъ Сервана де-Сюньи за̀ его трудъ.

— Эдмондъ Тексье издалъ великолѣпный обзоръ Парижа, украшенный больше нежели тысячью рисунковъ, подъ названіемъ *Tableau de Paris*. Эти два тома составлены такъ старательно и дѣльно, что книга будетъ имѣть большой и заслуженный успѣхъ; притомъ же она очень-полезна, хотя и до нея было ужь много подобныхъ книгъ, но всѣ не очень-полны, а, главное, не написаны съ такимъ искусствомъ и такъ увлекательно. Соваль, Монфоконъ, Деламаръ, Сен-Фуа, Мерсье и Дюлоръ писали исторію Парижа, но такъ сухо и незанимательно, что находили немного читателей. Сочиненіе же Эдмонда Тексье вѣроятно разойдется въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

«Вотъ еще книга о Парижѣ (говоритъ авторъ въ предисловіи). Признаюсь, что я принялся за этотъ сюжетъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Вѣдь говорятъ же, что нѣтъ на свѣтѣ города измѣнчивѣе нашего Парижа, что онъ поминутно мѣняетъ наружность, и живописецъ, который возьмется писать его портретъ, долженъ посвятить всю жизнь на то, чтобъ передѣлывать сегодня то, что̀ нарисовалъ вчера. Случается, что вы, просыпаясь поутру, посмотрите въ окно, и не узнаете вашей улицы, вашего квартала, потому-что въ нѣсколько часовъ успѣли выстроить заборъ, сарай или скелетъ дома, который, можетъ-быть, будетъ заключать въ себѣ народонаселеніе цѣлаго города. Сосѣди и окружающія васъ лица мѣняются еще чаще, такъ-

что можно поминутно издавать обзоры Парижа и въ нихъ всегда будетъ что-нибудь новое, особенно если этихъ обзоровъ не будутъ списывать съ прежнихъ книгъ, а будутъ просто смотрѣть на улицу».

Какъ жаль, что древніе писатели не оставили намъ описаній Аѳинъ, или Рима, со всѣми подробностями: мы бы избавлены были отъ труда рыться въ развалинахъ Геркуланума и Помпеи, чтобъ отъискать, ка̀къ были устроены древніе города! Ка̀къ любопытно было бы описаніе Рима во времена Августа, разныхъ кварталовъ его, Квиринала, Авентина, священныхъ дорогъ, Фламиніева пути и всѣхъ зданій, давно-исчезнувшихъ храмовъ, дворцовъ, термовъ, о которыхъ мы имѣемъ понятіе только по стихамъ Ювенала, Марціала, Горація! Что̀, если бы живопись соединилась съ писателемъ и представила намъ внутренность римскихъ и греческихъ домовъ, съ ихъ мёблировкою, картинами, вазами, фресками, которыми мы восхищаемся, отламывая обломки двухъ второстепенныхъ городовъ, поглащенныхъ землею!

Наши потомки не могутъ упрекнуть насъ въ такой неосмотрительности, потому-что мы оставимъ имъ нѣсколько подробныхъ описаній Парижа со всѣми его зданіями, дворцами, площадями, гуляньями, сохранимъ имъ изображенія всѣхъ классовъ жителей, которые наполняютъ улицы, бульвары, разныя заведенія, оживляютъ Парижъ и сами живутъ имъ. Всѣ типы сохранены перомъ писателя и карандашомъ артиста и перейдутъ въ потомство».

Изъ этого предисловія видно, что книга Эдмонда Тексье не сухой каталогъ, въ которомъ исчислены всѣ монументы, зданія, улицы, музеи — нѣтъ; онъ хотѣлъ представить жизнь Парижа со всѣми ея случайностями, приключеніями; и надобно признаться, что это стоило большихъ трудовъ, потому-что авторъ самъ наивно сознается, что никто не знаетъ Парижа меньше самого Парижанина. Онъ долженъ былъ посѣщать Парижъ съ такимъ же стараніемъ и вниманіемъ, какъ осматриваютъ Италію или Швейцарію. Онъ наблюдалъ и изучалъ дворцы и мастерскія, отели и хижины, и составилъ изъ своихъ замѣчаній не одно описаніе города, но настоящую драму, романъ, цѣлую поэму.

Эдмондъ Тексье вводитъ читателя въ Парижъ черезъ великолѣпную Арку Звѣзды, покрытую безчисленными скульптурными работами и превосходными барельефами Рюда. Вотъ начинаются Елисейскія Поля, рядъ красивыхъ домовъ, виллы, театры, кофейни, ипподромъ, циркъ; встрѣчаются толпы мелкихъ торговцовъ, акробатовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, которые оживляютъ всѣ аллеи, особенно по праздникамъ.

Послѣ нѣсколькихъ историческихъ воспоминаній и портретовъ лицъ, жившихъ въ этихъ отеляхъ, авторъ наивно описываетъ уличныхъ артистовъ, ученыхъ собакъ, эквилибристовъ и потомъ всѣ народныя увеселенія: качели, динамометры, лотереи, фокусы, словомъ, переноситъ читателя въ средину веселой шумной толпы, которая наслаждается по-своему при дымномъ свѣтѣ плошекъ.

Вотъ мы на Площади Согласія, соединяющей въ себѣ всѣ стили, академическій, восточный и романическій. Дальше идутъ чудные бульвары и огромныя строенія. Физіономіи жителей мѣняются на

каждомъ шагу и Тексье не льститъ никому. Онъ смѣло показываетъ на современнаго Тюркаре и на всѣхъ гуляющихъ, стариковъ, молодыхъ, мечтателей и повѣсъ, проводящихъ жизнь на асфальтѣ и бульварахъ, въ кофейняхъ англійской и парижской, въ Золотомъ Домѣ, гдѣ такъ часто разоряются и гдѣ наблюдатель можетъ найдти обильную пищу.

Наконецъ авторъ останавливается въ окрестностяхъ Сен-Денискихъ Воротъ. Здѣсь кончается жизнь роскошная, беззаботная, жизнь игроковъ, банкировъ, модныхъ женщинъ и искателей приключеній. Дальше начинается другой міръ, полный разочарованій и страданій — міръ бѣдныхъ и несчастныхъ.

Но вотъ парижскій карнавалъ! Авторъ посвящаетъ ему длинную статью и увѣряетъ, что это самое удобное время для изученія народонаселенія Парижа, который тутъ является во всемъ блескѣ безумія и беззаботности. Стоитъ однако хорошенько всмотрѣться въ эту веселую толпу — и подъ цвѣтами и яркими лохмотьями не трудно найдти горе и часто отчаяніе Парижскій карнавалъ не похожъ на праздники другихъ народовъ: въ немъ есть своя особенность, свойственная только этому городу, который употребляетъ во зло всѣ дары природы: молодость, красоту, талантъ, геніальность, и радъ все отдать за одну безумную ночь карнавала.

Послѣ этихъ разнообразныхъ картинъ, описанныхъ съ удивительнымъ искусствомъ, Тексье принимается разбирать латинскій кварталъ. Внутренность коллегій, школъ, библіотекъ и учебныхъ заведеній составляетъ разительную противоположность съ предъидущими сценами, и послѣ праздничныхъ физіономій являются портреты степенные, начиная съ извѣстныхъ профессоровъ до молодыхъ учениковъ коллегіумовъ Святаго Лудовика и Лудовика Великаго.

Но вотъ Парижъ коммерческій, промышленный, Парижъ мореплавательный, вотъ Сена со всѣми ея мостами, набережными; таможни, кладовыя, гавани, дебардёры, прачки, моряки изъ улицы Сен-Дени, предпринимающіе путешествіе въ Сен-Клу. Здѣсь видно все народонаселеніе дѣятельное и шумное, толпящееся по берегамъ живописной рѣки. Вотъ рынокъ, бойни, булочныя, мясныя лавки, всѣ возможные и невозможные предметы торговли, составляющіе занимательныя и поучительныя статьи. Прибавьте къ этому нѣсколько историческихъ воспоминаній, вѣрные рисунки и бездну остроумія — и книга Тексье будетъ однимъ изъ лучшихъ современныхъ изданій.

Описывая роскошь, великолѣпіе, удовольствія, авторъ не забываетъ печальной стороны Парижа, и его описанія больницъ, тюремъ и кладбищъ составлены весьма-отчетливо.

Надобно прибавить, что къ занимательному тексту Эдмонда Тексье приложены рисунки Гаварни, Хама, Валентина, Бланшара и др., и что трудно найдти такое счастливое соединеніе портретовъ, пейзажей видовъ. Словомъ, это настоящая панорама Парижа.

— *Паденіе имперіи* (La chute de l'Empire), сочиненіе Волабеля. — Книга эта не имѣла такого значительнаго успѣха, какого бы заслуживалъ авторъ, и это нисколько не удивительно. Въ послѣднее

время вышло ужь очень-много историческихъ сочиненій почти о томъ самомъ времени. Писателя этого упрекаютъ въ томъ, что онъ безъ нужды приводитъ грустныя воспоминанія и очень-строго судитъ тѣхъ, которые были только несчастны, но не виновны. Но Волабель описываетъ несчастныя эпохи съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, замѣчаетъ благородные поступки въ непріятеляхъ и не щадитъ своихъ друзей. Онъ заступается только за тѣхъ, которыхъ невинно оклеветали, и представляетъ вѣрныя доказательства ихъ невинности, тогда-какъ писатели противной партіи имѣютъ привычку обвинять по невѣрнымъ слухамъ. Слѣдовательно, исторія эта написана добросовѣстнымъ человѣкомъ; и если теперь явилась довольно-незамѣтно, то, вѣроятно, впослѣдствіи оцѣнится по достоинству. Притомъ же описываемое время было еще такъ недавно, большая часть дѣйствующихъ лицъ еще живы, или всѣ ихъ помнятъ, и какъ-то странно читать собственныя имена, которыя мы видѣли вчера или встрѣтимъ завтра. Современники не могутъ безпристрастно судить о своемъ времени. Жизнь ихъ, чувства, занятія такъ тѣсно связаны съ происшествіями ихъ отечества, что они невольно увлекаются и теряютъ изъ вида общую цѣль, чтобъ заняться частною.

Извѣстія изъ Парижа. — Французскій Театръ не можетъ похвастать своимъ положеніемъ, хотя и старается улыбаться сквозь слезы. Главная подпора его — несравненная Рашель уѣхала и за ней послѣдовали Федра, Камилла, Эмилія, Герміона и всѣ классическія трагедіи, которыя впродолженіе столькихъ лѣтъ заставляли плакать и содрогаться публику. Впрочемъ, если дирекція французской комедіи теряетъ превосходную артистку, то въ то же время пріобрѣтаетъ прекраснаго актёра — г. Брессана. Онъ въ послѣднее время такъ усовершенствовался и заслужилъ любовь публики, что первый Французскій Театръ, пользуясь своимъ правомъ, похитилъ его со сцены Гимназіи, гдѣ онъ вмѣстѣ съ прекрасною Розою Шери игралъ во всѣхъ лучшихъ пьесахъ. Это значитъ, что дирекція приготовляетъ къ зимѣ много новыхъ комедій, потому-что безъ Рашели нечего и думать о трагедіяхъ.

Александръ Дюма обѣщаетъ написать, менѣе чѣмъ въ недѣлю, пятиактную комедію, которая будетъ называться: *Молодость Лудовика XV*; но только одинъ Дюма способенъ исполнить такой фокусъ. Недаромъ его назвалъ кто-то *писателемъ-паровозомъ*. Какъ не позавидовать такому писателю? Онъ, вѣроятно, еще въ то же время найдетъ свободныя минуты набросать нѣсколько главъ своихъ записокъ, нѣсколько томовъ романовъ и столько журнальныхъ статей, сколько угодно будетъ издателю. Вотъ настоящее чудо современнаго фельетонизма!

Впрочемъ, и другіе французскіе писатели готовятъ къ зимѣ множество новыхъ твореній. Альфредъ де-Виньи пишетъ поэмы, Мюссе-либретто оперы, Ламартинъ работаетъ почти столько же, сколько Дюма, и Альфонсъ Карръ удитъ парижскія новости въ Генуэзскомъ Заливѣ. Разумѣется, что неутомимый Скрибъ не сидитъ сложа руки въ великолѣпномъ своемъ помѣстьи, которое недавно купилъ близь Шато-Тіерри. Онъ ужь написалъ новую комедію для сцены Французскаго Те-

атра Журналы тоже приготовляютъ самыя интересныя статьи и фёльетоны; и недавно въ одномъ обществѣ говорили, что скоро явится въ свѣтъ поэма въ родѣ Иліады и въ которой будетъ двѣнадцать тысячъ стиховъ.

«Помилуйте!» вскричалъ какой-то острякъ: «да вѣдь надобно будетъ шесть тысячъ человѣкъ, чтобъ прочитать эту поэму!»

О французскихъ литераторахъ разсказываютъ еще одну черту. Шарль Рено лечился нынѣшнимъ лѣтомъ въ Спа, и друзья его, Эмиль Ожье, Понсаръ, живописецъ Мессонье и книгопродавецъ-издатель Мишель Леви, старались только объ одномъ, чтобъ развлекать умирающаго поэта и отогнать отъ него мысль о смерти. Однако Шарль-Рено чувствовалъ, что конецъ его близокъ, и объявилъ, что желаетъ написать духовную и раздѣлить свое состояніе друзьямъ, потому-что у него нѣтъ родныхъ. Надобно замѣтить, что Шарль Рено оставлялъ послѣ себя мильйонъ. И что́ жь? Друзья его, зная, что мысль о смерти и духовной всегда производитъ опасное дѣйствіе на умирающаго и иногда ускоряетъ его кончину, увѣрили его честью и заставили подтвердить доктора, что онъ проживетъ еще долго. Поэтъ умеръ черезъ нѣсколько дней, но провелъ ихъ спокойно, а мильйонъ пойдетъ въ пользу бѣдныхъ.

На похоронахъ знаменитаго Франсуа Араго видѣли Беранже. Недавно одинъ писатель-простолюдинъ, въ родѣ Жасмена, посвятилъ ему изданіе дѣтскихъ сказокъ и прислалъ первую часть. Беранже написалъ ему слѣдующую записку:

«Благодарю васъ за сказки. Я прочелъ ихъ съ жадностью. Поторопитесь только прислать мнѣ второй томъ, потому-что дѣти моихъ лѣтъ не могутъ долго ждать.

«Беранже».

За неимѣніемъ итальянской труппы, Оперный Театръ поставилъ новый балетъ *Элія и Мизида*, сочиненіе Мазилье, музыка Потье. Это классическій балетъ, дѣйствіе котораго происходитъ въ Древнемъ Римѣ при императорѣ Неронѣ. Элія, дочь римскаго консула Мессалы, а Мизида—знаменитая ѳессалійская танцовщица, Тальйони своего времени. Обѣ молодыя дѣвушки влюблены въ молодаго греческаго поэта Эвкліо, который тоже учился танцовать и въ танцахъ объясняется то съ Эліей, то съ Мизидой. Танцовщица, разумѣется, не хочетъ уступить пылкаго поэта своей соперницѣ, тѣмъ болѣе, что у той есть ужь женихъ — принцъ понтійскій, который должно-быть мильйонеръ, потому-что весь покрытъ золотомъ и драгоцѣнными камнями и ходитъ съ многочисленной свитой Эвкліо съ своей стороны, кажется, предпочитаетъ гордую патриціанку, потому-что соглашается на свиданіе съ нею въ священномъ лѣсу Весталокъ. Надобно замѣтить, что это была большая неосторожность въ то время, потому-что ни одинъ мужчина не смѣлъ, подъ смертною казнью, войдти въ это таинственное мѣсто. Но любовь всегда неразсудительна, особенно въ балетахъ, гдѣ столько работы ногамъ, что головѣ простительно не думать, и немудрено, что поэтъ неожиданно схваченъ и осужденъ на смерть. Одна́ только весталка можетъ его спасти, потому-что онѣ имѣютъ право прощать преступни-

ковъ; но жрицы Весты очень-разсержены на дерзкаго, который смѣлъ въ ихъ лѣсу назначить свиданіе, и еще не весталкѣ. Всѣ въ отчаяніи, а особенно Мизида, которая, можетъ-быть, изъ ревности и привела весталокъ на мѣсто преступленія, но великодушная Элія принимаетъ покрывало Весты и спасаетъ своего друга.

Эта хореграфическая драма придумана была подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ выставить на сценѣ костюмы и декораціи Рима временъ цезарей, по рисункамъ Геркуланума и Помпеи. Внутренность дома консула и священный лѣсъ Весталокъ сдѣланы удивительно, точно и живописно. Что жь касается до танцевъ, то они всегда одинаковы въ древнихъ и современныхъ балетахъ. Г-жа Пріора и Гюи-Стефенъ играли двухъ соперницъ и наэлектризовали всю залу увлекательными танцами и пламенною пантомимой; Тальйони, Форли и Богданова были прелестны въ танцѣ трехъ грацій, и пляска циклоповъ тоже очень-понравилась. Словомъ, балетъ хотя и латинскій, но очень-хорошо былъ принятъ Французами, и вѣроятно долго будетъ привлекать публику.

Театръ Одеона открылся новою пятиактною драмою въ стихахъ сочиненія превосходнаго писателя Мери, *Гусманъ храбрый*. По исторіи онъ называется *Гусманъ добрый*, потому-что въ то время храбрость была самымъ обыкновеннымъ качествомъ рыцаря. Въ Испаніи написано много подобныхъ пьесъ; но Мери не заимствовалъ ни у кого идею своей драмы, хотя она основана на одномъ историческомъ случаѣ, который всѣмъ извѣстенъ. Гусманъ губернаторъ Тарифы, и крѣпость эту осаждаютъ Мавры. Сынъ его, Дон-Педро, взятъ непріятелемъ въ плѣнъ, и начальникъ Мавровъ требуетъ, чтобъ Гусманъ сдалъ крѣпость, или онъ умертвитъ его сына. Борьба долга съ отеческою любовью непродолжительна. Напрасно жена Гусмана, Марія Коронель, умоляетъ спасти сына — новый Брутъ жертвуетъ всѣмъ отечеству и, въ порывѣ патріотизма, бросаетъ Маврамъ свой кинжалъ, чтобъ они имъ убили сына. Дѣйствія тутъ, конечно, мало, особенно на пять актовъ, но характеры превосходно очерчены, стихи звучны и послѣднее дѣйствіе такъ трогательно, что для него одного будутъ долго ходить смотрѣть Гусмана храбраго. Лижье и г-жа Меленгъ превосходно исполнили свои роли.

Комическая опера дѣлаетъ большія приготовленія и надѣется на самый блистательный успѣхъ, какого ужь давно не было. Она ставитъ на сцену оперу Мейербера подъ названіемъ *Сѣверная звѣзда*. Либретто, разумѣется, написано Скрибомъ. Говорятъ, что авторъ трилогіи *Роберта*, *Гугенотовъ* и *Пророка*, явился здѣсь совершенно въ новомъ видѣ, но будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и въ серьёзныхъ операхъ. Въ ожиданіи этой удивительной новости, дирекція поставила небольшое дѣйствіе подъ названіемъ *Покойной ночи, сосѣдъ!* имѣвшее значительный успѣхъ. Это еще первое музыкальное произведеніе молодаго композитора Фердинанда Пуаза, которому предсказываютъ блистательную будущность.

Лирическій Театръ обѣщаетъ еще много новостей на зиму. Онъ объявилъ, что ангажировалъ замѣчательную пѣвицу Марію Кабель, которая соединяетъ въ себѣ красоту, молодость, необыкновенно-

обширный голосъ и рѣдкое искусство. Она будетъ дебютировать въ оперѣ Адольфа Адана: *Садовница*, и потомъ явится въ новыхъ операхъ, которыя будутъ поставлены на сцену именно для нея. Говорятъ, что отъискалась въ бумагахъ покойнаго Доницети, опера, еще неигранная и ее пріобрѣлъ ужь Лирическій Театръ. Фелисіенъ Давидъ написалъ партитуру для этой сцены; Мальяръ и Адріенъ Боёльдье работаютъ тоже для нея, и Сен-Леонъ пишетъ оперу-балетъ, въ которой явится прелестная танцовщица Фиц-Джемсъ, окончившая артистическое свое путешествіе по Америкѣ, гдѣ восхитила всѣхъ своими танцами и пѣніемъ. Наконецъ, говорятъ, что скоро поставятъ оперу *Казильду*, музыка которой написана герцогомъ саксен-кобургскимъ и которая была съ успѣхомъ играна въ Брюсселѣ.

Театръ Гимназіи, кажется, не устаетъ работать и, несмотря на неблагопріятное время, продолжаетъ привлекать многочисленную публику. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не посмотрѣть новую пьесу Жоржа Занда *le Pressoir*. Это пастораль въ трехъ дѣйствіяхъ, безъ куплетовъ, въ родѣ *Шампи* и *Клоди*, и сюжетъ ея очень-простъ. Молодую сироту Ренъ любятъ два друга, Пьеръ и Валентинъ, и изъ-за нея, разумѣется, ссорятся, но потомъ мирятся, и молодая дѣвушка выходитъ замужъ за Валентина, котораго давно любитъ. Разумѣется, что по этому сюжету пьеса немного растянута и монотонна; но талантъ геніальнаго автора умѣлъ сдѣлать занимательными простыя сцены и характеры крестьянъ, которые разсуждаютъ и выражаются нехуже образованныхъ людей. Замѣчательнѣе всего, что во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ нѣтъ ни одного дурнаго человѣка: всѣ добродѣтельны, какъ кандидаты на премію Монтіона, и это очень-утѣшительно видѣть хоть на сценѣ. Брессанъ, Жофруа, Лафонтень, г-жа Шери-Лесюёръ и Лорентина прекрасно разыграли пьесу; но сомнительно, чтобъ она долго осталась на сценѣ, потому-что въ ней мало эффектовъ, мало дѣйствія.

На Театрѣ Разнообразія привлекаетъ публику заманчивое названіе: *Парижскій Адъ*. Надобно бы сказать *ады*, потому-что ихъ нѣсколько. Это названіе больше обѣщаетъ, чѣмъ даетъ. Притомъ же пьеса фантастическая и волшебство играетъ въ ней большую роль. Ады въ Парижѣ — это англійская кофейня, ночью послѣ маскарада, игорный домъ у г-жи Сент-Альфонсъ, будуаръ лоретки Карменъ, тюрьма Клиши, и все это оканчивается очень-морально: невинность спасена, благодаря переодѣваньямъ актрисы Скриванекъ, которая превосходно исполнила свою утомительную роль. Этой пьесѣ можно сдѣлать упрекъ, что въ ней ужь слишкомъ-много движенія, эффектовъ, такъ-что зритель утомляется слѣдовать за всѣми происшествіями, которыя проходятъ мимо его, какъ въ панорамѣ. Впрочемъ, авторы ея, Роже де-Бовуаръ и Тибу, не пожалѣли остроумія, и пьеса ведена такъ превосходно, что интересъ ни на минуту не охлаждается. Впрочемъ, подобныхъ пьесъ было ужь много, подъ названіемъ, *Парижскія Ночи*, *Парижскіе Цыгане* и пр. Всѣ онѣ показываютъ, что парижскія увеселенія пагубны для молодыхъ людей и доводятъ ихъ до преступленія,

если не явится добрый геній, въ видѣ хорошенькой актрисы, и не спасетъ несчастнаго отъ погибели.

Амбигю открылъ свою залу новою мелодрамою подъ названіемъ *Кружевное покрывало*. Это цѣлый романъ, перенесенный на сцену. Въ Нантерѣ живетъ молодая дѣвушка Тереза, которая такъ добродѣтельна, что ей назначаютъ розовый вѣнокъ на годовомъ праздникѣ. Наканунѣ этого счастливаго дня, къ которому она приготовила кружевное покрывало, Тереза исчезла изъ дома родныхъ и никто не могъ отъискать ее, даже женихъ ея, которага она любила. Онъ знаетъ только, что она жива, потому-что прислала ему свое кружевное покрывало. Съ Терезой, однакожь, случилось ужасное несчастіе. Ее похитилъ молодой повѣса, Фредерикъ, но она успѣла убѣжать отъ него черезъ нѣсколько дней. Домой она не хотѣла вернуться и потому осталась въ Парижѣ искать работы. Нѣсколько времени она перебивалась какъ могла, но, сдѣлавшись матерью, дошла до такой бѣдности, что принуждена просить милостыню. Фредерикъ опять встрѣтился съ несчастною и она, чтобъ не умереть съ голода съ ребенкомъ, приняла его предложенія. Окруженная роскошью и удовольствіями, она страдаетъ и думаетъ о своемъ старомъ отцѣ и женихѣ. Она ненавидитъ Фредерика и хочетъ отмстить ему за всѣ свои несчастія, но ее удерживаетъ мысль о ребенкѣ. Вдругъ она узнаетъ, что отецъ ея умеръ съ горя и объ этомъ говоритъ ей ея женихъ; ребенокъ ея тоже умираетъ и Тереза, обвиняя во всемъ Фредерика, проклинаетъ его и умираетъ. Автору показалось, что еще мало покойниковъ въ его драмѣ, и потому онъ уморилъ также и Фредерика. За нимъ, вѣроятно, послѣдуетъ и женихъ Терезы. Эта раздирательная пьеса производитъ самое печальное дѣйствіе и только мучитъ и актеровъ и зрителей. Впрочемъ, говорятъ, что г-жа Тюилье превосходно съиграла роль Терезы, и что въ ней замѣчательный трагическій талантъ, на который надобно обратить вниманіе.

Извѣстія изъ Лондона. — Въ послѣдніе мѣсяцы сезона, въ Лондонѣ было множество иностранцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ, и Англичане очень гордятся тѣмъ, что столица ихъ привлекаетъ столько любопытныхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ настоящее время есть что̀ посмотрѣть въ Лондонѣ. Корабль *Герцогъ Веллингтонъ* привлекаетъ многочисленную публику, и новый дворецъ Парламента тоже сто̀итъ того, чтобъ обратить на него вниманіе. Замѣчательно, что Англичане умѣютъ соединить въ своихъ строеніяхъ уваженіе къ древнимъ преданіямъ съ современными открытіями въ искусствѣ. Вообще надобно признаться, что въ нынѣшній сезонъ Англія была въ особенно-хорошемъ расположеніи духа и старалась достойнымъ образомъ принять и угостить своихъ гостей. Она собрала въ Спидгетѣ свой живописный флотъ, въ Парламентѣ говорили лучшіе ораторы, и интересъ современныхъ вопросовъ привлекалъ такое огромное число слушателей, какъ-будто давали въ театрѣ новую оперу Мейербера.

Изъ Лондона путешественники очень-удобно отправляются по всѣмъ направленіямъ, разумѣется, по желѣзнымъ дорогамъ, и на каждой изъ

нихъ вы можете, для безопасности, застраховать свою жизнь, то есть вмѣстѣ съ багажемъ; въ вагонѣ вамъ дадутъ билетъ страховаго общества за небольшую плату, и вы можете быть совершенно-спокойны. Вашъ поѣздъ можетъ столкнуться съ другимъ, машина лопнетъ, вагонъ сломается и отъ васъ останется безобразный трупъ, который не узнаетъ ваша мать; но если на этомъ трупѣ найдутъ билетъ застрахованія жизни, то вашимъ наслѣдникамъ тотчасъ же выдадутъ 25,000 франковъ; а если у васъ нѣтъ наслѣдниковъ, то на эту сумму сдѣлаютъ вамъ великолѣпныя похороны. Говорятъ, что контора страхованія получаетъ большіе доходы, потому-что всѣ путешественники берутъ эти спасительные билеты и улыбаются, слушая о несчастіяхъ, происшедшихъ на желѣзныхъ дорогахъ, увѣренные, что въ подобномъ случаѣ оставятъ ближнимъ своимъ кусокъ хлѣба. Застраховать себя на нѣсколько лѣтъ — очень-дорого и выгодно только для компаній; но тутъ вы за нѣсколько шиллинговъ обезпечены, если случится какое-нибудь несчастіе. Это застрахованіе вошло въ большую моду и Англичане, какъ самые неутомимые путешественники, берутъ билеты въ страховой конторѣ не на проѣздъ изъ города въ городъ, но на нѣсколько мѣсяцевъ, которые они по обыкновенію проводятъ на желѣзныхъ дорогахъ. Впрочемъ, заведеніе это чрезвычайно согласуется съ англійскими нравами. Вотъ почему у нихъ сто-пятьдесятъ обществъ страхованія жизни, капиталъ которыхъ простирается до двухъ-сотъ мильйоновъ фунтовъ стерлинговъ! Нѣчего сказать, въ Англіи дорожатъ жизнью! Френси, ужь написавшій исторію биржи и банка, теперь издалъ исторію *Страхованія жизни.* Если бы всякій, бравшій билетъ въ обществѣ, покупалъ эту книгу, то авторъ ея обогатился бы въ нѣсколько дней, но, къ-несчастью, Англичане бросаются съ жадностью только на акціи и проекты, а не на книги. Френси собралъ въ своемъ сочиненіи множество анекдотовъ, то смѣшныхъ, то трагическихъ, и брошюра его довольно-любопытна для наблюдателей надъ нравами и обычаями Британцевъ. Надобно прибавить, что *страхованіе жизни* не скоро привилось въ Англіи, потому-что нѣкоторые спекуляторы употребляли во зло довѣренность акціонеровъ: обирали, обманывали ихъ, такъ-что правительство принуждено было вмѣшаться въ эти дѣла и запретить нѣкоторыя злоупотребленія, особенно пари о продолжительности жизни нѣкоторыхъ извѣстныхъ особъ. Френси разсказываетъ, что одинъ дворянинъ Йоркшейра проигралъ въ карты свой билетъ пожизненнаго страхованія, и чтобъ лишить капитала счастливаго игрока, лишилъ себя жизни, потому-что въ этомъ случаѣ самоубійца лишается выдачи денегъ. Другой прожектёръ поѣхалъ съ пріятелемъ въ лодкѣ и подъ мостомъ опрокинулъ лодку и сталъ звать на помощь. Пріятеля вытащили рыбаки, а его не нашли и страховая компанія выдала сумму его наслѣднику, этому же пріятелю. Послѣ того, мнимаго утопленника и друга его видѣли въ Парижѣ, гдѣ они жили очень-весело на выданныя имъ деньги. Прокутивъ весь капиталъ, утопленникъ вернулся въ Англію, застраховался въ другой, ливерпульской компаніи, и опять утонулъ подъ другимъ мостомъ; но на этотъ разъ компанія не выдала тотчасъ же капитала,

а начала разъискивать и открыла, что, такъ-какъ спекуляторъ имѣлъ обыкновеніе топиться подъ мостами, то прежде приготовлялъ себѣ подъ мостомъ мѣсто, гдѣ спрятаться, а друга посылалъ объявить о своей смерти и получить деньги. Если собрать всѣ документы и судейскія дѣла по случаю страхованія жизни, то вмѣсто двухъ томовъ, Френси могъ бы составить десять, и все-таки осталось бы много тайныхъ мошенничествъ, неизвѣстныхъ никому.

Вышла книга *the British Cabinet* in 1853, въ которой находятся біографіи всѣхъ членовъ нынѣшняго министерства. Похвала смѣшана съ критикою такъ искусно, что читатель не можетъ понять, что̀ чувствуетъ авторъ къ членамъ министерства, симпатію или антипатію. Замѣчательно, что почти всѣ министры занимались литературою или поэзіею. Это очень-лестно для пишущей братьи.

Путешествій и романовъ вышло тоже очень-много. Любопытна книга Целины Бонбери *Жизнь въ Швеціи*, въ которой много живописныхъ и драматическихъ описаній. *Приключенія одной дамы въ Таmаріи, Тибетѣ, Китаѣ и Кашмирѣ* составляютъ подражаніе путешествія знаменитой Иды Пфейферъ. Путешественница эта, мистриссъ Гервей, хотѣла непремѣнно быть представленною Далайламѣ и видѣть охоту на тигровъ. Странные вкусы бываютъ иногда у женщинъ! *Кастилія и Андалузія* — превосходное изданіе съ иллюстрированными литографіями, только немного-дорогое и потому нескоро разойдется. *Воспоминаніе о трехлѣтнемъ пребываніи въ Китаѣ*, г. Пазера, очень-любопытная книга, авторъ которой поѣхалъ въ Китай черезъ Испанію, Марокко, Австралію и Новую Зеландію. Нельзя сказать, чтобъ это было по дорогѣ. Изъ романовъ хвалятъ *Чарльза Дельмера*, сочиненія неизвѣстнаго автора; но это чисто-историческій романъ; а такъ-какъ теперь любопытнѣе всего *исторія* современная, то *Англійскій Кабинетъ* предпочитается всѣми читателями.

Событія въ Китаѣ продолжаютъ занимать всѣ умы, особенно торговаго сословія, дѣла котораго остановились; но эмиграціи въ золотыя страны не прекращаются, и Австралія составляетъ теперь главную мечту всякаго Англичанина. Мудрено и не соблазниться путешествіемъ въ Сидней, когда оттуда пріѣзжаютъ цѣлые корабли, нагруженные золотомъ. Недавно въ Соутемптонъ прибылъ пароходъ Гарбингеръ съ семидесятью-тремя пассажирами и ста-тридцатью тысячами унцій золота, въ слиткахъ или пескѣ (13,000,000 фр.), не считая еще тридцати, или сорока тысячъ фун. стер., принадлежащихъ пассажирамъ. Каждый мѣсяцъ эмигранты пріѣзжаютъ въ свое отечество съ состояніемъ, нажитымъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Это соблазнитъ хоть кого. Но—увы! бо̀льшая часть переселенцевъ возвращаются съ пустыми руками, потерявъ даже то, что̀ имѣли прежде. Особенно ученые, поэты, артисты играютъ очень-печальную роль въ Австраліи, и жизнь ихъ въ колоніяхъ можетъ послужить предлогомъ драматическаго романа. Бѣдные искатели золота пріѣзжаютъ въ Сидней, въ Мельбурнъ, въ Гобарт-Тоунъ, въ Порт-Филиппъ, и во всѣхъ этихъ колоніяхъ не находятъ никакого занятія, потому-что всѣ должности и мѣста ужь заняты—и кѣмъ же? Бывшій землевладѣлецъ служитъ гру-

момъ, дочь баронета занимаетъ мѣсто горничной, профессоръ Кембриджскаго Университета исполняетъ должность лакея въ гостинницѣ и т. п. Извѣстія эти нисколько не преувеличены и въ газетахъ Австраліи вовсе непростые люди предлагаютъ свои услуги, только бы не умереть съ голоду, потому-что цѣны на все поднялись чрезвычайно. Нѣкоторые эмигранты удаляются въ *Canvastown*, *холстинный городъ*, въ которомъ ужь больше восьми тысячъ жителей; но здѣсь колонія несчастныхъ представляетъ самое печальное зрѣлище. Въ холстинныхъ палаткахъ, какъ въ лагерѣ, живутъ разорившіеся колонисты, окруженные остатками своего богатства, роскошною мебелью, дорогими вещами, и продающіе все это за безцѣнокъ, чтобъ только достать кусокъ хлѣба. Во всемъ и вездѣ счастіе! Несмотря на эти печальныя картины австралійской жизни, несмотря на кораблекрушенія, бури, несчастія — страсть къ золоту сильнѣе всего, и эмигранты бросаютъ свое отечество, семейство и вѣрный, но маленькій кусокъ хлѣба, чтобъ пуститься въ опасное путешествіе, переносить всѣ лишенія изъ надежды обогатиться.

═

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Въ прошломъ сезонѣ первые ряды русской труппы опустѣли, и вотъ артисты, прежде незамѣтные и второстепенные, выступили на первый планъ. Посреди этихъ талантовъ, подающихъ бо̀льшія или мѐньшія надежды, есть одинъ талантъ яркій и несомнѣнный, это — г-жа *Читау*. Если, не полагаясь только на врожденныя свои способности, эта артистка будетъ трудиться на избранномъ ею поприщѣ; если, не надѣясь только на вдохновеніе, она будетъ обдумывать и изучать съ любовью свои роли, то, при наружныхъ своихъ средствахъ, при томъ избыткѣ чувствъ, который много содѣйствуетъ ея успѣхамъ, г-жа Читау можетъ сдѣлаться актрисою первоклассною. Въ этомъ не усомнится, конечно каждый, посѣщающій представленія русскаго театра, каждый, слѣдящій за быстрыми успѣхами молодой артистки. Въ прошломъ году, въ это время, г-жа Читау не имѣла еще рѣшительно никакой артистической репутаціи, а теперь безъ нея не обходится почти ни одинъ новый спектакль, и она ужь пользуется большою любовью публики.

Въ послѣднее время г-жа Читау появлялась въ роли Лучіи, въ возобновленной драмѣ «Ламермурская Невѣста»; Леліи — въ переводной комедіи «Любовь и Предразсудокъ» (Sullivan); Дуняши — въ драматической были «Подвигъ Марина при пожарѣ Московскаго Театра», и во всѣхъ этихъ роляхъ имѣла успѣхъ. Если игрѣ ея и не достаетъ иногда оконченности и художественности, зато въ ней всегда столько простоты, истины и чувства, что мы забываемъ о недостаткахъ и, пришедши разбирать ея игру, только восхищаемся ею.

Не станемъ говорить подробно о «Ламермурской Невѣстѣ», этомъ почтенномъ произведенiи Виктора Дюканжа, ни о «Сюлливанѣ», то-есть о «Любви и Предразсудкѣ», ни о «Подвигѣ Марина», главнѣйшiй интересъ котораго заключается въ современности, и остановимся на *Бѣдной Невѣстѣ,* комедiи въ пяти дѣйствiяхъ г. Островскаго, данной въ бенефисъ г-жи Читау.

На всякаго человѣка отъ природы положены разныя обязанности, составляющiя главную цѣль его существованiя; а природныя обязанности женщины—быть женою и матерью. Посмотрите на окружающiй васъ мiръ, взгляните на дѣвушекъ на балахъ и въ театрахъ, на гуляньяхъ и дома, дѣвушекъ богатыхъ и бѣдныхъ : что̀ думаютъ, о чемъ мечтаютъ онѣ, а еще болѣе ихъ маменьки, какъ не о замужествѣ? и никто не въ-правѣ обвинять ихъ за это. Но въ то время, какъ однѣмъ судьба позволяетъ дѣлать выборъ при замужствѣ, другимъ суждено довольствоваться тѣмъ, что̀ назначатъ имъ обстоятельства .. Однѣ окружены роскошною обстановкой, окружены множествомъ молодыхъ и немолодыхъ людей. Эти люди готовы для нихъ на всевозможныя услуги и пожертвованiя, и каждый почтетъ за блаженство и счастiе владѣть хорошенькою ручкой приносящею сердце и... комфортъ. И дѣвушка не торопится выборомъ, потому-что время для нея не уйдетъ, и отдаетъ свою руку тому, кого выберетъ ея сердце, и замужство съ любимымъ человѣкомъ приноситъ ей радость и счастiе. Другiя цвѣтутъ и расцвѣтаютъ въ скромныхъ комнаткахъ четвертаго этажа—и тоже ожидаютъ вожделѣнной минуты замужства. Ихъ тоже окружаютъ люди молодые и немолодые, которые расточаютъ имъ любезности и комплименты, танцуютъ на устроиваемыхъ маменьками ихъ вечеринкахъ, ужинаютъ, обѣдаютъ и часто проводятъ съ ними время. Маменька ласкаетъ всѣхъ этихъ молодыхъ и немолодыхъ людей, а дочка, незамѣтно для самой себя отдаетъ одному изъ нихъ свое сердце. Но всѣ эти молодые и немолодые люди, находящiе такое повидимому удовольствiе въ обществѣ дѣвушки-невѣсты, всѣ, не исключая и того, кому отдано ея сердце, вовсе не думаютъ о продолженiи своихъ удовольствiй, о счастiи владѣть этою хорошенькою ручкой, которую они такъ любятъ, при случаѣ, целовать. «Она хорошенькая, правда; да вѣдь у ней нѣтъ никакого состоянiя—что̀ въ ней?» говоритъ про бѣдную невѣсту самый ничтожный, самый пустой изъ всѣхъ этихъ молодыхъ и немолодыхъ людей, разсчитывая взять за себя или какую-нибудь помѣщицу съ сотнями душъ, или купчиху съ грудами серебра. Такъ думаютъ и другiе молодые и немолодые люди, на которыхъ разсчитывало материнское сердце, хотя эти мысли не мѣшаютъ имъ попрежнему посѣщать семейство бѣдной невѣсты, танцовать, обѣдать и проводить въ немъ время. Но время не проведешь, сказалъ кто-то, время скажется: добрая маменька начинаетъ замѣчать тщету своихъ надеждъ и ожиданiй, тщету своей снисходительности къ посѣщающимъ ихъ молодымъ и немолодымъ людямъ, она прибѣгаетъ къ помощи свахъ... И вотъ начинаются ежедневныя бѣганья женщины, въ чепцѣ или шляпкѣ, женщины говорящей безъ умолку, говорящей всегда въ лирическомъ тонѣ, и вслѣдъ затѣмъ начинаются такъ-называемые

смотрины невѣсты. Бѣдную дѣвушку выводятъ на-показъ къ разнымъ господамъ, пріѣзжающимъ со свахою; ее заставляютъ разъигрывать передъ ними вальсы и польки, съ которыми, быть-можетъ, соединено у ней много сладкихъ воспоминаній, и пріѣзжающіе господа пытливыми взорами осматриваютъ невѣсту съ ногъ до головы, подаютъ сужденія о ея музыкальномъ талантѣ, въ которомъ они ничего не смыслятъ, и наконецъ уѣзжаютъ, выражая желаніе продлить пріятное знакомство. Наконецъ одинъ изъ нихъ, старый и непригожій, на котораго дѣвушка и посмотрѣть бы не захотѣла при другихъ обстоятельствахъ, въ полной увѣренности, что сдѣлаетъ великое ей одолженіе, предлагаетъ свою руку. Дѣвушка еще надѣется, что отъ этого замужства съ непріятнымъ человѣкомъ спасетъ ее тотъ, кому отдано ея сердце, но молодой человѣкъ выражаетъ сожалѣніе къ ея участи и совѣтуетъ подождать другаго жениха. Подождать!.. но маменька говоритъ, что бѣдной невѣстѣ разбирать много нѐчего, что оставаться вѣчно въ дѣвушкахъ нейдетъ, да и жить имъ будетъ нечѣмъ—и дѣвушка покоряется своей участи... Мечты ея не сбылись, надежды не исполнились; она приноситъ себя въ жертву обстоятельствамъ, и это важное событіе въ жизни женщины — свадьба, которая другимъ приноситъ восторги и радости, приноситъ слезы и отчаяніе бѣдной невѣстѣ.

Такова̀, или почти такова̀ была участь и Марьи Андреевны Незабудкиной—героини комедіи г. Островскаго. Марья Андреевна дѣвушка хорошенькая, но бѣдная; все состояніе ея и матери ограничивается оставшимся послѣ отца небольшимъ домикомъ; но и о домикѣ этомъ производится въ судѣ дѣло, которое готово окончиться неблагопріятно для его владѣтельницъ. Однако, несмотря на все это, у Марьи Андреевны есть женихи, которыхъ, по просьбамъ старушки-матери, пріискиваютъ ей двѣ свахи—одна по купечеству, другая по дворянству, и Платонъ Маркычъ Добротворскій, старый стряпчій, облагодѣтельствованный покойнымъ Незабудкинымъ. Дѣятельность свахъ оказывается, впрочемъ, безъ послѣдствій, между-тѣмъ, какъ Добротворскій, отъискивающій жениховъ въ присутственныхъ мѣстахъ, представляетъ въ домъ г-жи Незабудкиной чиновника Беневоленскаго, имѣющаго рѣшительное намѣреніе вступить въ законный бракъ. Максимъ Дороѳеевичъ Беневоленскій человѣкъ не молодой, но съ состояніемъ, что̀ чувствуетъ онъ самъ и даетъ чувствовать другимъ; отъ невѣсты своей онъ требуетъ недурной наружности, нѣкоторой образованности и познанія хозяйства, и Марья Андреевна вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Но Марьѣ Андреевнѣ онъ не нравится, потому ли, что онъ неслишкомъ-привлекателенъ, или потому, что сердце дѣвушки ужь занято другимъ. Домъ Незабудкиной посѣщаютъ три молодые человѣка: Милашинъ, вѣчно всѣмъ завидующій, во все мѣшающійся и ничѣмъ недовольный, который любитъ Марью Андреевну, но не сватается за нея потому, что едва живетъ и одинъ; Хорьковъ, бывшій студентъ университета, человѣкъ слабый ни на что̀ нерѣшающійся и ничего недѣлающій, любитъ тоже молодую дѣвушку, но не находитъ въ себѣ силъ высказать ей эту любовь, и

наконецъ Меричъ, молодой, красивый собою и повидимому богатый человѣкъ, который безпрестанно говоритъ о своихъ чувствахъ, разочарованіяхъ, однимъ словомъ, о всемъ томъ, о чемъ говорили романическіе герои прошлаго десятилѣтія, и свободно высказываетъ любовь свою Марьѣ Андреевнѣ. Бѣдная невѣста не обращаетъ вниманія на докучливаго Милашина, не принимаетъ предложеніе Хорьковой выйдти замужъ за ея сына, потому-что въ молодомъ человѣкѣ не подозрѣваетъ любви къ себѣ, и отдаетъ свое сердце чувствительному Меричу. Марья Андреевна вполнѣ увѣрена во взаимности этого человѣка; и когда Беневоленскій дѣлаетъ ей рѣшительное предложеніе, а мать настаиваетъ на ея согласіи, такъ-какъ онѣ лишились послѣдняго достоянія — дома, то она проситъ три дня отсрочки. Это время нужно было дѣвушкѣ для переговора съ Меричемъ, которому она открываетъ свое настоящее положеніе. Она надѣется, что Меричъ выручитъ ее изъ этихъ тяжкихъ обстоятельствъ, но жестоко обманывается въ своихъ надеждахъ. Помочь ей можно только однимъ способомъ—женитьбою; но на это не рѣшается человѣкъ, драпировавшійся только любовью и чувствами, тогда-какъ въ немъ не было ни того, ни другаго. Меричъ не перестаетъ увѣрять дѣвушку въ любви, но отказывается помочь ей, ссылаясь на какія-то препятствующія обстоятельства. «Ты никогда не любилъ меня! я одна любила!» восклицаетъ бѣдная невѣста, наконецъ понявъ всю пустоту, все ничтожество человѣка, которому отдано было ея сердце. Итакъ судьба ея рѣшена: идеалъ ея пропалъ и ей остается одно: исполнить желаніе матери и выйдти за нелюбимаго человѣка, за Беневоленскаго. Страдая и отъ разочарованія и отъ грустнаго рѣшенія своей участи, Марья Андреевна не хочетъ однако казаться печальною. Чтобъ показать, какъ, напротивъ, ей весело, она приглашаетъ всюду-являющагося Милашина играть съ нею въ карты. Она хохочетъ, хохочетъ безъ умолку при всякомъ ходѣ, но вы ждете каждую минуту, что этотъ хохотъ разразится слезами, и вы хотите даже этого, потому-что слушать рыданія легче, нежели этотъ неестественный смѣхъ.

Но вотъ въ то время, когда Беневоленскому ужь посланъ утвердительный отвѣтъ на его предложеніе, къ Незабудкинымъ является Хорьковъ, который сталъ пить, получивъ отказъ Марьи Андреевны. Бѣдная невѣста узнаетъ наконецъ кто изъ всѣхъ этихъ людей, окружавшихъ ее въ дѣвичествѣ, любилъ ее искренно, но ужь поздно — она будетъ женою Беневоленскаго.

Черезъ нѣсколько дней празднуется сговоръ Марьи Андреевны, на который являются всѣ знакомыя намъ лица. Всѣ они приходятъ такими же, какими мы ихъ видѣли: Милашинъ попрежнему всему завидуетъ и всѣмъ недоволенъ; Меричъ попрежнему говоритъ слова и слова; Доброгворскій ухаживаетъ за закускою; Беневоленскій попрежнему непривлекателенъ, хотя и пересталъ, въ угожденіе невѣстѣ, пить водку и нюхать табакъ; не измѣнилась одна только Марья Андреевна. Эта живая, молодая натура вдругъ сдѣлалась спокойною и солидною; эта недавно-страдавшая дѣвушка примирилась съ своею участью и надѣется даже быть счастливою въ замужствѣ, посвятивъ свою жизнь

исправленію мужа и попеченію о дѣтяхъ. Вотъ содержаніе «Бѣдной Невѣсты».

Такъ-какъ объ этой комедіи было подробно говорено въ свое время въ отдѣлѣ «Журналистики» нашего журнала (*), то скажемъ теперь только о томъ впечатлѣніи, какое она производитъ на зрителя въ театрѣ. Несмотря на то, что, по содержанію и по характеру нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, пьеса эта имѣетъ много сходства съ появившимся прежде ея на сценѣ произведеніемъ того же автора «Не въ свои сани не садись» — впечатлѣніе, произведенное ею, далеко не такъ полно и сильно, какъ то, которое производитъ «Не въ свои сани не садись». Причиною тому, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ недостатковъ пьесы, ужь упомянутыхъ нами въ оцѣнкѣ литературнаго ея достоинства, могутъ считаться, вопервыхъ, отсутствіе въ ней почти всякой сценичности и растянутость; а вовторыхъ, блѣдность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Эта комедія похожа болѣе на драматизированную повѣсть, нежели на комедію. Дѣйствіе въ ней не кипитъ такъ, какъ оно кипитъ въ комедіи «Не въ свои сани не садись», а, напротивъ, безпрерывно пріостанавливается совершенно-излишними эпизодами, каковы, напримѣръ, почти всѣ тѣ, въ которыхъ участвуетъ Милашинъ. Всѣ дѣйствующія лица первой комедіи—живые люди извѣстнаго общества, съ которыми мы безъ труда и скоро знакомимся; между-тѣмъ, какъ дѣйствующія лица второй, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя, представляются то ѝбразами безъ опредѣленныхъ характеровъ, то характерами безъ опредѣленныхъ ѝбразовъ. Беневоленскаго, напримѣръ, мы знаемъ только какъ чиновника съ смѣшными манерами, чиновника непренебрегающаго подарками, но не знаемъ, добрый ли онъ или злой человѣкъ, хотя знать это очень-интересно, потому-что съ нимъ соединяется участь героини пьесы. Мерича и Милашина, напротивъ, мы знаемъ только со стороны ихъ мелкихъ характеровъ, а не знаемъ, что̀ это за люди, что̀ они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются, въ какомъ живутъ обществѣ, и потому не можемъ ни принимать въ нихъ участія, ни понимать ихъ интересовъ. Наконецъ, ко всему этому относятся и недостатки въ комедіи, coups de théâtre, которыхъ много въ «Не въ свои сани не садись», и безъ которыхъ невозможно обойдтись пьесѣ, особенно пьесѣ въ пять актовъ. Вотъ причины, почему половина комедіи смотрится публикою довольно-холодно и зрители начинаютъ принимать въ пьесѣ участіе только съ того времени, когда Марьѣ Андреевнѣ предстоитъ рѣшительная минута спасти свою молодость отъ супружества съ Беневоленскимъ. Сцена объясненія съ Меричемъ, изъявленіе согласія на бракъ съ нелюбимымъ человѣкомъ и игра въ дурачки, за которою Марья Андреевна хочетъ казаться веселою — вотъ единственныя мѣста комедіи, задѣвающія зрителя за-живое и помогающія ея успѣху на сценѣ. Пятый актъ, въ которомъ бѣдная невѣста должна казаться примиренною съ своею судьбою, кажется лишнимъ въ чтеніи, а на сценѣ, гдѣ онъ еще представляется въ сокращенномъ видѣ, вредитъ впечатлѣнію акта предъидущаго.

(*) Отеч. Записки 1852 года, № 1 (томъ LXXXI).

Однако, несмотря на свои недостатки, пьеса г. Островскаго выходитъ, и по мысли и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ сценамъ, изъ ряда произведеній, составляющихъ бенефисные репертуары. Если она не имѣла успѣха равнаго прежде появившейся на сценѣ комедіи того же автора, тѣмъ не менѣе, благодаря хорошей игрѣ артистовъ, она имѣла успѣхъ довольно-значительный. Пьесы чисто-русскія, взятыя изъ быта средняго и низшаго класса общества, исполняются у насъ всегда прекрасно.

Главную роль Марьи Андреевны играла г-жа Читау и исполнила ее бо̀льшею-частью очень-хорошо. Она типически-вѣрно передала личность бѣдной дѣвушки, которой ищутъ жениха по присутственнымъ мѣстамъ, и которая, несмотря на свой природный умъ, носитъ отпечатокъ окружающаго ее общества, имѣетъ немножко-свободныя манеры и немножко-безцеремонное обращеніе. Въ этой роли, какъ и во всѣхъ своихъ роляхъ, молодая артистка выказала много истиннаго, неподдѣльнаго чувства. Сколько горя и страданія слышалось въ словахъ ея: «Ты любилъ?.. Никогда ты не любилъ меня! Я одна любила», которыя она обращаетъ къ Меричу; сколько боли и мученія звучитъ въ ея хохотѣ за картами!.. Эта послѣдняя сцена, возбуждая въ зрителяхъ невольныя слезы, своею продолжительностью, однако, производитъ на него ужь слишкомъ-тягостное впечатлѣніе.

Прочія роли также были исполнены болѣе или менѣе хорошо. Г. Мартыновъ безъ утрировки, но чрезвычайно-комично передалъ лицо чиновника Беневоленскаго; г-жи Громова и Линская (которая снова, къ общему удовольствію, поступила на сцену), были хороши, первая въ роли старухи Незабудкиной, вторая — мѣщанки Хорьковой, матери молодаго Хорькова. Г. Бурдинъ былъ очень-недуренъ Милашинымъ, хотя эту роль можно бы съиграть съ бо̀льшею тонкостью и съ меньшимъ желаніемъ возбудить улыбку зрителей, что̀ особенно было замѣтно въ пятомъ актѣ, и наконецъ г. Смирновъ 2-й, хотя видимо понялъ характеръ Мерича, но, представляя его, сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, ту ошибку, что ужь *слишкомъ старался показать* лживость чувствъ этого человѣка. Меричъ фатъ, человѣкъ самый мелкій, который лжетъ всякій разъ, какъ только дѣло коснется до чувствъ; но вѣдь человѣкъ, который часто упражняется во лжи, наконецъ пріобрѣтаетъ такой навыкъ, что ея не отличишь у него отъ истины. Меричи въ среду дѣвушекъ не являются никогда безъ романтической маски, но маски эти плотно прилегаютъ къ ихъ лицу, а не держатся въ рукахъ только, какъ это сдѣлалъ г. Смирновъ 2-й въ своей роли.

Кромѣ драмы и комедіи, на русскомъ театрѣ появилось нѣсколько переводныхъ и передѣланныхъ водевилей, въ родѣ *Колыбельная пѣсенка* (le piano de Berthe), *Госпожа-служанка* (Edgard et sa bonne), но обо всѣхъ этихъ пьесахъ было сказано въ то время, когда онѣ явились въ оригиналахъ, а потому и не станемъ говорить ничего о копіяхъ.

Отъ «Бѣдной Невѣсты» г. Островскаго самый естественный переходъ могъ бы быть къ *Безприданницамъ* (Les filles sans dot), гг. Лефрава и Лопеса, комедіи, игранной въ концѣ сентября на сценѣ Ми-

хайловскаго Театра; но пьэса эта, хоть въ нее вложена и мысль, не выходитъ изъ ряда самыхъ-посредственныхъ драматическихъ произведеній. Дѣло въ ней идетъ вовсе не о бѣдныхъ невѣстахъ, а просто о бѣдныхъ дѣвушкахъ, получившихъ хорошее воспитаніе и потомъ идущихъ по разнымъ дорогамъ жизни. Одна изъ нихъ довѣряется любви, другая—дружбѣ, третья—разсчету, и всѣ онѣ пришли бы къ бѣдамъ и горю, еслибъ надъ ними не бодрствовалъ нѣкій добролюбъ, по фамиліи Нуарменъ.

Пропуская подробности этой комедіи, обращаемся къ пятиактной драмѣ, съ прологомъ въ двухъ картинахъ (итого семь актовъ). г. Бушарди: «*Jean le cocher*». О ней говорить мы считаемъ долгомъ вовсе не потому, чтобъ она имѣла достоинства: въ ней ихъ нѣтъ; не потому, чтобъ она имѣла успѣхъ на нашей сценѣ—съ ней и этого не случилось, а только потому, что желаемъ угодить нашимъ иногороднымъ читательницамъ. Многія изъ нихъ пролили нѣкогда не одну слезу надъ «M-lle de Lafaille», «La dame de St. Tropez», «L'homme au masque de fer», и т. п., и удалясь потомъ изъ Петербурга, чувствуютъ особенную наклонность къ мелодрамамъ и по всей вѣроятности, настоятельно желаютъ знать, что̀ это за кучеръ Иванъ (Jean le cocher), который попалъ въ рядъ ихъ любимыхъ героевъ. Исполняемъ ихъ желаніе.

Это было очень-давно; а давно вѣдь мало ли что̀ было! Однажды въ швейцарскихъ горахъ обрушившаяся лавина засыпала цѣлое семейство путешественниковъ. Всѣ они погибли, за исключеніемъ только одной маленькой дѣвочки, которую, полузамерзшую, принесли въ хижину нѣкоторой савойской поселянки, Терезы. Эта добродѣтельная женщина хоть и предполагала, по платью ребенка, что онъ принадлежитъ къ зажиточному семейству, но, не имѣя возможности отъискивать его родственниковъ, пріютила дѣвочку у себя и назвала ее Женевьевою. Маленькая дѣвочка растетъ, дѣлается большою дѣвушкою и, по смерти ужь своей благодѣтельницы, выходитъ замужъ за ея сына, который ее очень любитъ и котораго она тоже очень любитъ.

Въ 1795 году, когда происходитъ дѣйствіе пролога, мы застаемъ двухъ супруговъ вполнѣ-счастливыми и обладающими ужь маленькою дочкою, Жанною. Жанъ исполняетъ обязанности проводника въ горахъ; и хоть этотъ промыселъ не доставляетъ ему большой прибыли, хоть его семья часто испытываетъ нужду, но взаимная привязанность мужа и жены заставляетъ забывать ихъ о недостаткахъ... Все идетъ очень-хорошо, какъ однажды въ хижину супруговъ приходитъ иностранецъ, графъ Луиджи д'Ареццо. Пользуясь отсутствіемъ Жана, Луиджи открываетъ Женевьевѣ, что она принадлежитъ къ знатной венеціанской фамиліи и можетъ воспользоваться большимъ богатствомъ своего дяди, если откажется отъ мужа. Но Женевьева любитъ Жана и не соглашается на такое предложеніе. Тогда Луиджи (этотъ злодѣй попревосходству), надѣясь извлечь изъ ея наслѣдства выгоды собственно для себя, рѣшается погубить Жана. Узнавъ, что тотъ будетъ провожать въ горы французскаго генерала Рожѐ, который намѣренъ высмотрѣть хорошенько положеніе австрійскихъ войскъ, находившихся въ то время въ войнѣ съ французскими, онъ доноситъ объ этомъ

непріятелю. Роже и Жанъ схвачены, несчастный генералъ разстрѣлянъ, а проводникъ выручень подоспѣвшими Французами. Послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ, однако, всѣмъ быть вполнѣ-увѣренными, что Жанъ не существуетъ въ этомъ мірѣ. Женевьева тоже вѣритъ этому, только заботясь о своей маленькой дочери, склоняется, наконецъ, на убѣжденія Луиджи, переѣзжаетъ въ Италію и выходитъ замужъ за злодѣя... Такимъ-образомъ у Женевьевы два мужа, но, къ-счастью, только одинъ злой, а другой, напротивъ, очень-добръ. Этотъ добрый не хочетъ лишить счастья и богатства свою жену и дочь, и, сохраняя для нихъ инкогнито, идетъ въ солдаты.

Проходитъ семнадцать лѣтъ. Семнадцать лѣтъ очень-много времени; но его слишкомъ-мало для измѣненія характеровъ подобныхъ тому, которымъ отличается Луиджи, и злодѣй остается попрежнему злымъ, коварнымъ, корыстолюбивымъ. Онъ управляетъ имѣніемъ своей падчерицы; и когда за нее сватается полковникъ Роже, сынъ разстрѣленнаго генерала, Луиджи не соглашается на этотъ бракъ, опасаясь потерять имѣнье дѣвушки, которое, въ случаѣ ея смерти, должно перейдти къ нему. Этого мало, чтобъ вполнѣ достичь своей цѣли, Луиджи, вмѣстѣ съ другимъ злодѣемъ, Морелемъ, рѣшается погубить Жанну и, при удобномъ случаѣ, кидаетъ ее въ Сену. Однако, въ Сенѣ дѣвушка не утонула, потому-что, къ-счастью, на помощь ей явился кучеръ Жанъ. Кучеръ этотъ, конечно, не кто иной, какъ бывшій проводникъ въ швейцарскихъ горахъ—отецъ Жанны. Кучеръ не знаетъ, что спасъ свою дочь; но когда истина открывается, онъ идетъ въ домъ Луиджи и вызываетъ его на дуэль. Сначала Луиджи не принимаетъ этого вызова, но потомъ назначаетъ сопернику свиданіе въ лѣсу. Мысль злодѣя была измѣннически убить бѣднаго кучера, и онъ привелъ бы ее въ исполненіе, еслибъ на выручку Жана не явились жена его и дочь. Жанъ спасенъ, а молодой полковникъ Роже, мстя за смерть своего отца, убиваетъ Луиджи. За истребленіемъ же злодѣя, драма, конечно, продолжаться не можетъ, и потому, къ великому удовольствію счастливыхъ влюбленныхъ, счастливыхъ супруговъ и, очень-вѣроятно, многихъ зѣвающихъ зрителей—пьеса г. Бушарди оканчивается.

Въ три часа мы прожили слишкомъ двадцать лѣтъ, а какую мысль вынесли изъ этой долгой и скучной жизни? Ту, развѣ, что полезно умѣть плавать, такъ-какъ не обладай Жанъ этимъ искусствомъ, ему бы не спасти Жанны. Пьеса была обстановлена лучшими артистами, которые сдѣлали изъ нея все, что только можно было сдѣлать; но изъ деревяннаго яблока, какъ сказалъ Шиллеръ, ничего нельзя сдѣлать вкуснаго.

Гораздо-больше успѣха и значенія имѣла комедія г-жи Жирарденъ: *Lady Tartuffe.*

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ въ 1851 году. Въ домѣ маршала д'Эстиньи, человѣка стараго, безпрестанно-страдающаго подагрою, живетъ г-жа де-Блоссакъ. Эта женщина, лѣтъ 28, или даже 30, кромѣ прекрасной наружности, отличается еще благотворительностью и набожностью. Каждое утро посѣщаетъ она бѣдныхъ, много времени и труда жертвуетъ разнымъ филантропическимъ обществамъ, и заботы

ея о несчастныхъ простираются даже до обезьяны маленькаго савояра, которой она жертвуетъ драгунскій мундиръ... Но, несмотря на всѣ эти добрыя дѣла, въ то время, какъ одни, къ числу которыхъ принадлежитъ и маршалъ д'Эстиньи, самаго высокаго мнѣнія о добродѣтеляхъ этой женщины, другіе, въ главѣ которыхъ стоитъ племянница маршала, графиня де-Клермонъ, называютъ г-жу де-Блоссакъ просто леди Тартюфъ. Отчего это послѣднее прозвище? Оттого ли, что г-жа де-Блоссакъ дѣлаетъ свои добрыя дѣла слишкомъ-открыто, оттого ли, что она часто говоритъ о томъ, что̀ бываетъ въ церквахъ и о своихъ обязанностяхъ къ ближнимъ, или, наконецъ, оттого, что въ ней есть что-то особенное, составляющее отличіе ханжей отъ людей истинно-добрыхъ и благочестивыхъ — это рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, а прозвище леди Тартюфъ совершенно-вѣрно, потому-что скромная наружность, нарядъ темнаго цвѣта г-жи де-Блоссакъ далеко не соотвѣтствуютъ ея истинному характеру. Дѣвица де-Блоссакъ, хотя и называетъ себя дамою, переѣхала въ домъ маршала и дѣлаетъ въ немъ собранія разныхъ благотворительныхъ обществъ, но главная цѣль ея переѣзда—завладѣть этимъ старикомъ и сдѣлаться его женой. Кромѣ-того, за скромницею стоитъ страшная исторія. Пять лѣтъ назадъ, когда она жила еще въ Англіи, у ней однажды было назначено свиданіе молодому лорду Артуру Редкестьлю. Въ то время, какъ они находились въ павильйонѣ, вблизи послышались голоса охотниковъ — это было во время охоты. Артуръ, чтобъ спасти честь любимой имъ женщины, выскочилъ изъ окна, но ружье, бывшее при немъ, выстрѣлило и несчастный молодой человѣкъ упалъ облитый кровью. Никто не слыхалъ воплей умирающаго, кромѣ женщины, честь которой хотѣлъ онъ спасти; но эта женщина не бросилась къ несчастному, не призвала къ нему кого-либо на помощь, потому-что тогда открылось бы свиданіе; она убѣжала изъ павильйона, оставивъ Артура умирать одного, безъ помощи...

Виды дѣвицы де-Блоссакъ на маршала д'Эстиньи извѣстны одному только барону де-Турбьеру, который, занявъ у ней двадцать тысячъ франковъ и надѣясь современемъ чрезъ нея получить хорошее мѣсто, поневолѣ дѣлается участникомъ ея плановъ. Исторія же съ Артуромъ, кромѣ Турбьера, еще извѣстна одному человѣку, который каждый годъ, въ день этого происшествія, присылаетъ ей букетъ изъ вереска, такой же букетъ, какой былъ забытъ ею при бѣгствѣ изъ павильйона... Но кто этотъ человѣкъ — она не знаетъ.

Вотъ какова дѣвица де-Блоссакъ. Но рядомъ съ ханжествомъ, хитростью и лицемѣрствомъ, у ней есть одно истинное чувство—любовь къ Гектору де-Ренвиллю. Эта страсть давно жжетъ ея сердце; эта страсть подавляетъ собою всѣ другія — хитрость, коварство и честолюбіе; эту страсть обвиняетъ она и въ смерти Артура, такъ-какъ она назначила ему свиданіе только длятого, чтобъ возбудить ревность въ любимомъ ею человѣкѣ... И вотъ, вдругъ, г-жа де-Блоссакъ узнаетъ, что Гекторъ де-Ренвилль женится на дочери графини де-Клермонъ, хорошенькой, шестнадцатилѣтней Жаннѣ...

*

Г-жа де-Блоссакъ рѣшается помѣшать этой свадьбѣ. Услышавъ о ней во время засѣданіи одного изъ благотворительныхъ обществъ, она, посреди просмотра счетовъ, донесеній докторовъ и проч., начинаетъ хвалить хорошенькую Жанну и глубоко сожалѣетъ только о томъ, что объ этой дѣвушкѣ, несмотря на ея дѣтскую наивность и прелести, ужь ходятъ дурные слухи... Она говоритъ, будто Жанну однажды въ Блоа видѣли въ саду ночью съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, котораго фамилія, кажется, Шарль Валльрэ. Дамы-благотворительницы забываютъ всѣхъ бѣдныхъ для этой новости, филантропическія сужденія уступаютъ мѣсто сужденіямъ о нравственности дѣвицы де-Клермонъ, и общее участіе въ этомъ дѣлѣ ясно указываетъ на то, что оно въ тотъ же день будетъ извѣстно половинѣ Парижа. Но г-жа де-Блоссакъ метила и попала въ цѣль болѣе-далекую. Президентъ Общества, г. де-Сент-Ирексъ, другъ старика Ренвилля, чтобъ избавить фамилію Ренвиллей отъ готовящагося ей позора, обѣщается увѣдомить обо всемъ отца Гектора. Напрасно г-жа де-Блоссакъ старается удержать его отъ этого намѣренія: онъ непоколебимъ. И вотъ, когда въ тотъ же день, графиня, ея дочь, Гекторъ, де-Турбьеръ и сама дѣвица де-Блоссакъ собрались на половинѣ маршала, чтобъ праздновать сговоръ Жанны, отъ самого маркиза де-Ренвилля приносятъ письмо, въ которомъ онъ передаетъ дошедшіе до него слухи и проситъ не ждать его къ обѣду. Маршалъ хочетъ скрыть отъ всѣхъ содержаніе письма и говоритъ только, что свадьба должна быть отложена на нѣкоторое время, но племянница его, то-есть мать Жанны, желаетъ знать причину этой отсрочки. Въ комнатѣ становится совершенно-тихо, глаза всѣхъ присутствующихъ обращены на несчастную мать, которая съ напряженнымъ вниманіемъ читаетъ письмо. Всѣ, кажется, ждутъ отъ нея воплей и слезъ, но чтеніе кончено, графиня спокойно возвращаетъ письмо маршалу и съ спокойствіемъ матери, увѣренной въ чистотѣ своей дочери, говоритъ: «все это вздоръ!» Благородный Гекторъ вполнѣ раздѣляетъ увѣренность графини; но что̀ значитъ увѣренность двоихъ людей, людей любящихъ, передъ общественнымъ мнѣніемъ?.. Старый маршалъ огорченъ этимъ событіемъ, нанесшимъ позоръ его славному имени, и ищетъ утѣшенія въ обществѣ г-жи де-Блоссакъ. . У этой прекрасной, благочестивой дѣвушки, столько словъ для успокоенія стараго подагрика; у ней его столько умѣнья заставить позабыть и свое горе и свою старость. Правда, она все больше-и-больше утверждаетъ его въ подозрѣніяхъ касательно внуки, совѣтуя ему бросить всѣ попеченія о своихъ родныхъ, но въ то же время предлагаетъ ему искать утѣшенія въ женѣ, которая бы его обожала, среди собственныхъ дѣтей, которыя бы своимъ благородствомъ приносили честь его имени. Она совѣтуетъ маршалу жениться и даже указываетъ ему невѣсту—хорошенькую, восьмнадцатилѣтнюю дѣвицу де Матиньйонъ. Конечно, ей самой будетъ тяжело уступить свое право заботиться о маршалѣ; но его счастье, только его счастье составляетъ всю ея заботу. Однакожь, старикъ, несмотря на все самолюбіе, которое расшевелила въ немъ лесть дѣвицы де-Блоссакъ, отказывается отъ этой партіи, сколько потому, что де-Матиньйонъ ему не пара, столько и

потому, что его сердце расположено болѣе къ другой женщинѣ, хотя и не столько юной, но женщинѣ прекрасной, обладающей высокими добродѣтелями—и эта женщина не кто иная, какъ сама г-жа де-Блоссакъ. Леди Тартюфъ сначала отказывается отъ этого предложенія, потому-что, вышедши замужъ за маршала, она хотѣла бы жить вдали отъ шумнаго свѣта, довольствуясь только его любовью; но онъ привыкъ жить въ обществѣ, которое покинуть ему невозможно. Такой отказъ сильно льститъ самолюбію маршала; онъ настаиваетъ на своемъ предложеніи и считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, получивъ согласіе дѣвицы де-Блоссакъ... Старикъ, отъ исполненія внезапно-явившейся ему мысли, кажется въ большемъ восторгѣ, нежели эта женщина, достигшая цѣли, къ которой шла цѣлые два года; но это только такъ кажется. Едва маршалъ оставляетъ свою невѣсту, какъ едва-скрываемое ею удовольствіе проявляется наружу. «Жена маршала! восклицаетъ она съ гордостью: — наконецъ-то!.. Наконецъ-то я буду дышать воздухомъ большаго свѣта, воздухомъ, который сроденъ моей природной гордости!.. Наконецъ-то осуществляется этотъ сонъ, эта мечта! Враги мои! о, вы меня узнаете!.. Я авантюристка, интригантка, неизвѣстно откуда явившаяся женщина, которой дали имя леди Тартюфъ, потому-что она играла роль знатной дамы, а была только лицемѣрка!.. Леди Тартюфъ! леди — въ насмѣшку!.. хорошо! Но теперь, теперь я настоящая леди, которой будетъ льстить, противъ воли, моя любезная племянница!.. Да̀, графиня де-Клермонъ, вѣдь вы будете моей племянницей!» Но весь этотъ восторгъ, все это счастье забываются совершенно, когда будущая маршальша становится лицомъ къ лицу съ любимымъ ею Гекторомъ. Молодой де-Ренвилль приходитъ къ ней для того, чтобъ узнать причины, побудившія ее разсказать обидную исторію объ его невѣстѣ и чтобъ узнать, отъ кого она узнала эту исторію. Леди Тартюфъ откровенна съ Гекторомъ; она разсказываетъ причину, побудившую ее распустить дурные слухи о Жаннѣ и причина эта—любовь. Она любитъ его съ первой встрѣчи, любитъ его четыре года и не въ-силахъ перенести мысль, чтобъ молоденькая дѣвочка, которая знаетъ его какіе-нибудь два мѣсяца, шутя и смѣясь отняла у нея сердце, на которое она пріобрѣла право слезами и страданіями... Но почему же знаетъ дѣвица де-Блоссакъ эту исторію въ Блоа, исторію, въ достовѣрности которой не сомнѣвается?—Это тайна, и она не можетъ открыть ее безъ согласія одной женщины, отъ которой ее узнала. Однакожь, обманутая, въ свою очередь, нѣжнымъ тономъ Гектора, леди Тартюфъ обѣщается открыть ему всю истину, но ужь не у себя, куда она боится принимать молодыхъ людей, а у него: она обѣщаетъ пріѣхать къ нему сама.

Между-тѣмъ, какъ объ оправданіи бѣдной, ничего-незнающей Жанны, старается ея женихъ, который обратилъ на свою сторону и барона де-Турбьера, выкупивъ его двадцатью тысячами франковъ изъ тяжелой службы дѣвицѣ де-Блоссакъ; графиня де-Клермонъ также настойчиво заботится о спасеніи чести своей дочери. Съ этою цѣлью изъ Блоа призванъ садовникъ Леонаръ, который, по словамъ г-жи де-Блоссакъ, былъ свидѣтелемъ ночнаго свиданія Жанны. Леонаръ че-

стный, правдивый старикъ, облагодѣтельствованный графинею, отъ котораго она надѣется узнать всю истину. Но Леонаръ, не желая лгать и въ то же время боясь сказать всю правду, затрудняется отвѣчать на вопросы графини. Наконецъ, однакожь, вслѣдствіе рѣшительныхъ настояній, старикъ разсказываетъ, что, годъ тому назадъ, въ августѣ, онъ дѣйствительно видѣлъ ночью въ саду Жанну вмѣстѣ съ молодымъ Шарлемъ Вальрэ. Леонаръ видѣлъ, ка́къ она ласкалась къ молодому человѣку, ка́къ клала свою голову къ нему на плечо, крѣпко сжимала его руки и выказывала знаки самой нѣжной привязанности; онъ слышалъ, ка́къ, по уходѣ молодаго человѣка, въ гостинницѣ захлопнулось окно. Слова Леонара приводятъ въ отчаяніе графиню: она не теряетъ прежней увѣренности въ дочери, но теряетъ надежду оправдать бѣдную Жанну... Для оправданія остается еще одно средство: разспросить обо всемъ обвиняемую. Подавляя въ груди слезы и отчаяніе, съ улыбкою на устахъ, графиня спрашиваетъ дочь о свиданіи ея съ Вальрэ. Жанна отвѣчаетъ утвердительно, говоритъ, что это случилось ночью не 28-го, не 29-го августа, а съ 27-го на 28-е... и разсказываетъ даже подробности этого ночнаго свиданія... Это было 28-го августа; мать ея, графиня Клермонъ, была больна при смерти и ужь два дня находилась въ сильномъ бреду. Къ вечеру того дня болѣзнь ея какъ-будто поуменьшилась и докторъ сказалъ, что если она будетъ спокойно спать три-четыре часа, тогда можно еще надѣяться на ея спасеніе... Вскорѣ, по уходѣ доктора, больная заснула. Во всемъ домѣ царствовала глубокая тишина, непрерываемая даже малѣйшимъ движеніемъ Жанны и двухъ женщинъ, смотрѣвшихъ за графиней, какъ вдругъ въ саду раздался сильный лай собаки, съ каждою минутою приближавшійся къ дому. Опасаясь, что этотъ лай разбудитъ больную, не думая ни о чемъ, кромѣ спасенія своей матери, Жанна отворила дверь и выбѣжала въ садъ. Здѣсь недалеко отъ дому, она увидѣла молодаго человѣка, на котораго бросалась и лаяла огромная дворовая собака. Чтобъ прекратить лай, дѣвушка подошла къ Шарлю Вальрэ — потому-что это былъ онъ — и, подавъ ему руку, ласкала его, стараясь показать собакѣ, что это человѣкъ не чужой и что на него не нужно лаять. Наконецъ собака замолкла. Шарль Вальрэ очень-благодарилъ дѣвушку за свое спасеніе, потому-что, еслибъ узнали о его пребываніи въ эту ночь въ гостинницѣ, изъ окна которой онъ выскочилъ, то подвергся бы большой непріятности. Чтобъ предупредить новый лай собаки, Жанна проводила молодаго человѣка до самыхъ воротъ сада и, съ трепетомъ сердца, возвратилась домой. Она опасалась только одного, не проснулась ли мать; но мать спала. Съ каждымъ новымъ словомъ Жанны, ярче-и-ярче сіяетъ радость на лицѣ матери и она, плача, ужь не съ отчаянія, а съ радости, бросается въ объятія Гектора. Въ-самомъ-дѣлѣ, вся эта исторія была разсказана съ такою простотою, съ такою граціею и наивностью, что не могла оставить и тѣни подозрѣнія въ тѣхъ, которые слушали молодую дѣвушку. Но, для оправданія же передъ другими, нужны доказательства, которыхъ Гекторъ ждетъ отъ г-жи де-Блоссакъ. Во что́ бы то ни стало, онъ рѣшается вырвать у ней разгадку таинственной исторіи; а если это не-

удастся, то по-крайней-мѣрѣ пребываніе этой женщины у него въ комнатѣ погубитъ ее въ общественномъ мнѣніи. Съ этою цѣлью, въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ онъ помѣстилъ стараго маршала и графиню, съ тѣмъ, чтобъ, при первомъ знакѣ, они могли сдѣлаться свидѣтелями ея позора. Дѣвица де-Блоссакъ не заставляетъ себя долго дожидаться; въ назначенный часъ двери комнаты Гектора быстро отворяются и прекрасная леди Тартюфъ является передъ нимъ. Гекторъ хочетъ обмануть ее нѣжностью; но трудно обмануть эту умную, опытную женщину. Она все знаетъ, о всемъ догадывается; она видитъ притворство молодаго человѣка, она знаетъ, что ей приготовлена западня. Но дѣвица де-Блоссакъ не боится всего этого; она рѣшилась на все, чтобъ высказать свое сердце, высказать всю къ нему любовь. Она любитъ его давно, любитъ за его доброе, прекрасное сердце; она слѣдила за нимъ всюду, и когда однажды, послѣ дуэли, онъ лежалъ опасно боленъ, она ходила, лелѣяла, берегла его. «Васъ видѣть, слушать, о васъ думать—это было для меня все. Я была счастлива только этимъ... Какъ вдругъ узнала, что вы ѣдете на Востокъ, что я должна отказаться отъ моего блаженства... Тогда твердость меня покинула и я отдалась на волю судьбы. Дурныя склонности, подавляемыя прежде любовью, проявились во мнѣ съ новою силою. Эти двѣ природы, которыя во мнѣ боролись постоянно, получили надо мною прежнее свое роковое вліяніе... Рожденная отъ страннаго брака—дочь дворянина и цыганки — я соединяла въ себѣ совершенно-противоположные характеры отца и матери... О, меня нельзя судить слишкомъ-строго!.. У меня нѣтъ чистаго сердца, у меня нѣтъ добродѣтелей, но у меня есть честь, или что-то подобное чести, заставляющее скрывать мои пороки!.. Да, во мнѣ не существуетъ добродѣтели, но она составляетъ мою мечту!.. Развѣ виновата я, что мечта моя прекрасна, но моя природа ничтожна?.. Въ моей тяжелой борьбѣ, въ борьбѣ съ моими склонностями, есть своя заслуга. Я признаюсь тебѣ во всемъ, Гекторъ, я говорю тебѣ все, потому-что люблю тебя. Одно твое слово — и я перемѣнюсь совершенно. Одно твое слово — и этотъ демонъ коварства и злобы, который живетъ во мнѣ, будетъ изгнанъ навсегда... Моя любовь такъ чиста, такъ прекрасна, что она можетъ возродить меня къ новой жизни... О! не отталкивай меня отъ себя!.. Берегись: другія женщины не больше, какъ женщины... Ихъ можно покинуть, не думая ни о чемъ; но я... я бичь, который можешь остановить только ты... Если ты бросишь меня, ты будешь отвѣчать за все зло, которое я сдѣлаю и которому ты можешь помѣшать .. Да, съ этой минуты ужъ не я, но ты будешь виновенъ въ моихъ проступкахъ; мои злодѣйства будутъ твоими! О, мой добрый геній, не откажись быть мнѣ покровителемъ! Не пренебрегай своею властью, которою зло ты можешь превратить въ добро ..» Эти рѣчи, полныя истиннаго, глубокаго чувства, начинаютъ смущать молодаго человѣка; но вдругъ взоръ его встрѣчается съ букетомъ вереска, который приготовленъ для г-жи де-Блоссакъ. «На, смотри, узнаешь ли ты этотъ букетъ?» спрашиваетъ онъ, показывая цвѣты. «Такъ это онъ посылалъ мнѣ букеты! восклицаетъ г-жа де-Блоссакъ,

падая въ изнеможеніи. О! теперь для меня все кончено! Если тотъ, отъ котораго ждала я своего счастья, не любитъ меня, презираетъ... Пусть прійдутъ всѣ мои враги! продолжаетъ она: пусть они считаютъ меня любовницей Гектора де-Ренвилля—мнѣ все-равно!..» Но Гекторъ ужь не въ силахъ исполнить своего прежняго намѣренія: онъ хочетъ спасти любящую его женщину и проситъ ее скорѣе удалиться; но дверь отворяется и графиня Клермонъ входитъ вмѣстѣ съ маршаломъ. При появленіи ихъ, твердость возвращается къ дѣвицѣ де-Блоссакъ. Она пришла къ Гектору съ доказательствомъ невинности его невѣсты, и если теперь не можетъ привести этихъ доказательствъ, соединенныхъ съ репутаціею другой женщины, то виною тому графиня, сдѣлавшая такую огласку ея посѣщенію. Такъ по-крайней-мѣрѣ леди Тартюфъ оправдываетъ передъ маршаломъ свое присутствіе у Гектора. Но ея доказательства скоро оказываются ненужными, потому-что ихъ приноситъ баронъ де-Турбьеръ. Онъ досталъ домо̀вую книгу, изъ которой легко узнать, кто занималъ въ Блоа комнату съ окномъ, затворившимся по уходѣ изъ сада Шарля Валльрэ. Но прежде, нежели де-Турбьеръ приводитъ свои доказательства, дѣвица де-Блоссакъ признается сама, что де-Валльрэ былъ у нея, и что дочь графини ни въ чемъ невинна, а вся вина должна пасть на нее. Это признаніе она дѣлаетъ такъ, какъ-будто всѣ проступки принимаются ею на себя только для спасенія другихъ. Но этому не вѣритъ никто, кромѣ стараго маршала, который сожалѣетъ дѣвицу де-Блоссакъ. Тѣмъ комедія и кончается.

Въ Парижѣ какъ извѣстно, эта комедія была представлена на первомъ Французскомъ Театрѣ, и, благоларя прекрасной игрѣ (по-крайней-мѣрѣ по отзывамъ журналовъ) г-жа Рашель, въ ролѣ дѣвицы де-Блоссакъ, имѣла большой успѣхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, кромѣ игры знаменитой артистки, почти, нѐчѣмъ другимъ объяснить этотъ успѣхъ. Хотя пьеса написана умно, какъ все, что̀ выходитъ изъ-подъ пера Виконта де-Лонѐ, или г-жи Жирарденъ; но мысль комедіи далеко неновая, выполненіе ея далеко-небезукоризненное. Не женщину-Тартюфа, которая бы, подобно Тартюфу Мольера, лицемѣріе и ханжество употребляла для своихъ корыстныхъ видовъ, хотѣлъ представить авторъ, а женщину лицемѣрную, хитрую, коварную и въ то же время способную къ любви пламенной, чистой. Выполненіе этой мысли тоже не можетъ считаться удачнымъ. Правда, пьеса написана хорошимъ языкомъ, въ ней есть много сценъ истинно-прекрасныхъ, но есть и такія, которыя похожи на женскія вышивки съ незакрѣпленными нитками: какъ отъ малѣйшаго прикосновенія распускаются затѣйливые узоры вышивокъ, такъ отъ вопросовъ самыхъ пустыхъ уничтожается вѣроятность этихъ сценъ. Въ пьесѣ есть много неяснаго, неопредѣленнаго: для чего, напримѣръ, дѣвица де-Блоссакъ живетъ въ домѣ маршала?... Можетъ ли пріостановиться свадьба отъ пустыхъ слуховъ, которымъ не вѣритъ даже самъ женихъ?... Не трудно ли представить, что баронъ, который впослѣдствіи оказывается человѣкомъ благороднымъ, за двадцать тысячъ франковъ то-есть за пять тысячъ рублей серебромъ, когда-то имъ занятыхъ у г-жи де-Блоссакъ, дѣлается участникомъ въ ея инт-

ригахъ? Когда рисковала болѣе леди Тартюфъ: тогда ли, еслибъ она приняла Гектора у себя, или когда она сама поѣхала къ нему? Доказываетъ ли стукъ отворяемаго окна въ извѣстную ночь, что Шарль де-Валльрэ выскочилъ именно изъ этого окна? и проч. и проч., что̀ чрезвычайно вредитъ впечатлѣнію, производимому пьесой... Тѣмъ не менѣе комедія г-жи Жирардень если и не имѣла у насъ особенно-большаго успѣха, однако все-таки имѣла бо̀льшій успѣхъ, нежели всѣ другія пьесы нынѣшняго сезона. Она была исполнена на сценѣ съ обычнымъ ансамблемъ, хотя не всѣ артисты были одинаково хороши въ своихъ роляхъ. Главную роль леди Тартюфъ занимала г-жа Плесси. Изъ разсказаннаго нами содержанія ужь видѣнъ характеръ этой женщины, характеръ сильный, рѣшительный, страстный, который дѣвицу де-Блоссакъ дѣлаетъ дальнею родственницею Лукреціи Борджіи и Тизбе — этихъ яркихъ созданій фантазіи В. Гюго, и близкой роднею миссъ Шарпъ — этой героини романа безъ героя г. Тэккерея «Базаръ житейской суеты». Изображеніе подобныхъ характеровъ вовсе не въ талантѣ г-жи Плесси. Въ игрѣ ея бездна ума, тонкости, граціи, но въ ней нѣтъ энергіи, нѣтъ огня. Превосходная въ роляхъ свѣтскихъ женщинъ, прекрасная въ роляхъ женщинъ съ характеромъ нѣжнымъ и чувствительнымъ, она не пользовалась большимъ успѣхомъ въ «Венеціанской актрисѣ», она не произвела большаго впечатлѣнія и ролью леди Тартюфъ. Какъ умная, обладающая талантомъ артистка, г-жа Плесси не могла съиграть ее худо, но... другія роли она играетъ прекрасно. Вь сценахъ, гдѣ роль ея впадала въ обычную сферу г-жи Плесси, напримѣръ, кокетства съ старымъ маршаломъ — артистка играла превосходно; во всѣхъ же другихъ, передъ нами была королева Анна, Селимена, Лелія, но не это падшее созданіе, у котораго все-таки сильны и любовь и коварство — не дѣвица де-Блоссакъ.

Небольшую роль графини де-Клермонъ, которую въ Парижѣ играла наша знакомая г-жа Алланъ, исполняла г-жа Волнисъ и исполняла превосходно.

О прочихъ артистахъ говорить болѣе нѣчего, какъ только хвалить ихъ. Г-жа Майеръ прелестно передала характеръ Жанны — этой граціозной дѣвушки, которую авторъ хотѣлъ, кажется, поставить въ противоположность харакеру леди Тартюфъ, подобно тому, какъ Шиллеръ поставилъ свою Луизу лицомъ къ лицу съ леди Мильфортъ. Г. Мондидье былъ хорошъ въ роли маршала д'Эстиньи, хотя и говорилъ немножко-громко для стараго подагрика; г. Верне очень-забавенъ въ роли барона де-Турбьера, роли самой неопредѣленной въ цѣлой комедіи; а г. Дешанъ очень-благородно съигралъ маленькую роль Гектора, и въ особенности былъ хорошъ въ сценѣ съ графинею Клермонъ, когда онъ, оскорбленный ея сомнѣніемъ въ невинности дочери, съ запальчивостью восклицаетъ: mais vous croyez donc tout ça, vous! и потомъ старается доказать всю чистоту души своей невѣсты. Въ этой же пьесѣ, въ роли де-Сент-Ирекса, въ первый разъ передъ петербургскою публикою появился артистъ бывшаго Московскаго Французскаго Театра, г. Ами, и исполнилъ свою роль весьма-отчетливо.

Постановка комедіи г-жи Жирарденъ была у насъ превосходная, костюмы — верхъ изящества и вкуса.

Кромѣ-того, на михайловской сценѣ мы видѣли два забавные водевиля: «*Matzelle Rose*», въ которомъ очень-мила г-жа Милла, и «*Une femme dans ma fontaine*», въ которомъ уморителенъ г. Лемениль. Въ послѣдней пьесѣ играетъ вновь-ангажированная артистка, тоже съ Московскаго Театра — г-жа *Валансъ*, которая, судя по этой пьесѣ, можетъ съ успѣхомъ занимать роли субретокъ.

Въ балетѣ тоже новости — двѣ новыя танцовщицы: *Луиза Флери*, ангажированная къ намъ со сцены Большой Парижской Оперы, и *Роза Гиро* — съ Лондонскаго Театра Королевы. Первая изъ нихъ дюбютировала въ балетѣ «Катарина, дочь разбойника», вторая—въ «Эсмеральдѣ».

Еслибъ для балета достаточно было только искусство танцовщицъ, то Петербургу, владѣющему госпожами Ришардъ, Андреяновой, Неваховичъ, Прихуновой и многими другими, едва-ли представлялась бы нужда занимать артистокъ этого рода у другихъ странъ. Но балетъ— праздникъ для глазъ, а зрѣніе самое безпокойное, самое непостоянное чувство. Оно требуетъ безпрерывныхъ новостей, безпрерывнаго разнообразія и, за ограниченностью сферы хореграфическаго искусства, ищетъ наслажденія въ перемѣнѣ лицъ, занимающихся этимъ искусствомъ. Мы цѣнимъ таланты нашихъ первыхъ танцовщицъ; но это не мѣшаетъ намъ желать видѣть новыхъ и новыхъ И вотъ, благодаря заботливости Дирекціи Театровъ, двѣ прелестныя женщины порхаютъ и носятся по сценѣ нашего Большаго Театра.

Но о балетѣ будемъ говорить еще въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; а теперь переходимъ къ оперѣ.

Драгоцѣнный перлъ нашей итальянской оперы въ нынѣшнемъ году, безспорно, г-жа *Де-Лагранжъ*; около нея пока сосредоточенъ весь интересъ сезона. Пріѣздъ ея произвелъ болѣе толковъ, нежели въ прошедшемъ году пріѣздъ г-жи Віардо. По этому можете судить, какъ много говорятъ у насъ теперь о г-жѣ Де-Лагранжъ. Эта пѣвица показываетъ намъ рѣшительно чудеса въ искусствѣ пѣнія. Всѣ удивляются и никто не можетъ себѣ объяснить этого рѣдкаго феномена въ искусствѣ. Обыкновенные слушатели обращаются къ знатокамъ за объясненіями, и поступаютъ въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе раціонально: на то, молъ, ты и знатокъ, чтобъ знать больше другихъ; объясняй же намъ теперь что̀ ты знаешь; но—увы! и знатоки на этотъ разъ оказываются не сильнѣе обыкновенныхъ слушателей. Пѣніе г-жи Де-Лагранжъ ихъ окончательно поставило въ-тупикъ, и они теперь въ совершенномъ отчаяніи. И дѣйствительно, представьте себѣ, г-жа Де-Лагранжъ... но позвольте, чтобъ вамъ легче было представить себѣ что̀ дѣлаетъ г-жа Де-Лагранжъ, мы предпошлемъ нашему разсказу о чудесахъ этой пѣвицы, ея біографію. По-крайней-мѣрѣ вы такимъ-образомъ будете знать, съ кѣмъ имѣете дѣло.

Анна-Марія Де-Лагранжъ, по происхожденію своему принадлежитъ къ благородному и достаточному семейству. Родилась она въ Парижѣ въ 1826 году. Правильное, выразительное лицо, большіе голубые глаза, каштановые волосы, высокій ростъ, стройная талія, прекрасныя,

благородныя манеры — вотъ дагеротипный портретъ пѣвицы. Пусть ужь воображеніе читателей придастъ этому дагеротипу художественность, а мы будемъ продолжать біографію. Родители г-жи Де-Лагранжъ ничего не щадили на ея воспитаніе. Они учили ее всему, что̀ требуется въ нашъ вѣкъ отъ благовоспитанной дѣвушки; но врожденный вкусъ ребенка выбралъ изъ этого всего — музыку. Дѣвица Де-Лагранжъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ пристрастилась къ этому искусству и усерно занималась игрою на фортепьяно подъ руководствомъ знаменитаго Калькбреннера. Впослѣдствіи она достигла, какъ пьянистка, замѣчательной степени совершенства и не разъ играла въ публикѣ какъ съ своимъ учителемъ, такъ и съ Листомъ, Тальбергомъ и другими пьянистами, пользующимися извѣстностью. Занимаясь въ то же время пѣніемъ, она нисколько не предполагала, что когда-нибудь должна будетъ смотрѣть на это искусство, какъ на средство. Какъ пѣвица-дилеттантка, она дѣлала невѣроятные успѣхи, которые приводили въ восторгъ ея учителя, г. Бордоньи, извѣстнаго преподавателя, образовавшаго на своемъ вѣку такъ много знаменитыхъ учениковъ. Г-жа Де-Лагранжъ нерѣдко принимала участіе въ домашнихъ спектакляхъ, которые любилъ устроивать у себя извѣстный парижскій меломанъ графъ Кастелланъ, и своимъ талантомъ восхищала всю парижскую аристократію. Этотъ успѣхъ на домашней сценѣ подалъ г-жѣ Де-Лагранжъ мысль, когда дѣла отца ея пришли въ крайнее разстройство, окончательно посвятить себя сценѣ. Нашъ знакомецъ г. Лаблашъ и знаменитый композиторъ Доницетти помогли осуществленію этой мысли. Они посовѣтовали молодой пѣвицѣ ѣхать въ Миланъ и тамъ окончательно приготовить себя къ той трудной карьерѣ, которую повидимому сама судьба предназначила для нея. Г-жа Де-Лагранжъ такъ и сдѣлала. Переселившись въ Миланъ, въ 1843 году, она два года съ рѣдкою неутомимостью изучала пѣніе и теорію драматическаго искусства. Ея учителемъ пѣнія былъ здѣсь нѣкто Ламберти. Въ 1845 году она рѣшилась на дебютъ и въ первый разъ вышла на сцену во время ярмарки, въ оперѣ композитора Риччи, того самаго, который управляетъ теперь оркестромъ нашей итальянской оперы. Затѣмъ она отправилась въ Пьяченцу и оттуда въ Болонью, гдѣ дебютировала въ «Линдѣ», а послѣ пѣла въ «Семирамидѣ», «Лючіи» и «Ломбардцахъ», вмѣстѣ съ нашимъ баритономъ, г. Дебассини. Въ Болоньѣ услыхалъ въ первый разъ г-жу Де-Лагранжъ Россини. Талантъ молодой пѣвицы совершенно очаровалъ его. Объ этомъ можно судить ужь потому, что знаменитѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнивѣйшій изъ композиторовъ нашего вѣка, самъ вызвался давать г-жѣ Де-Лагранжъ уроки пѣнія, и дѣйствительно занимался съ нею около двухъ лѣтъ. Учитель такъ заинтересовался своею ученицею, что, случалось, давалъ ей уроки два раза въ день. Въ-теченіе этихъ двухъ лѣтъ, г-жа Де-Лагранжъ только на короткое время оставляла Болонью. Городъ этотъ сдѣлался для нея настоящею школою: она занималась съ Россини и вмѣстѣ повѣряла свои успѣхи въ искусствѣ на тамошнемъ театрѣ Communale. Когда наконецъ Россини увидѣлъ, что талантъ г-жи Де-Лагранжъ развитъ вполнѣ, онъ принялся хлопотать о доставленіи молодой пѣвицѣ сколь можно вы

годныхъ ангажементовъ на итальянскія сцены. Вслѣдствіе этого, бо́льшая часть первыхъ контрактовъ г-жи Де-Лагранжъ была подписана самимъ ея великимъ учителемъ Въ 1846 году г-жа Де-Лагранжъ пѣла въ Падуѣ въ «Лючіи», «Севильскомъ Цирюльникѣ», и «Ломбардцахъ»; въ 1847 году въ Туринѣ въ «Маріи Ди-Роганъ», «Линдѣ», «Бенвенуто Челлини» (опера, которая нарочно для нея написана итальянскимъ композиторомъ Лауро Росси и которую не должно смѣшивать съ оперою того же имени, Берліоза), въ «Королевѣ Кипрской» Пачини, и «Элеонорѣ» Меркаданте. Въ послѣдней оперѣ она имѣла наибо́льшій успѣхъ. Въ 1848 году г-жа Де-Лагранжъ пѣла въ Римѣ и затѣмъ посѣтила Венецію, куда ангажирована была на театръ Фениче. Она пѣла здѣсь два сезона и являлась въ «Гораціяхъ и Куріаціяхъ», «Іоаннѣ Д'Аркъ», «Алленъ Камеронъ» и другихъ операхъ. Восторгу Венеціянцевъ не было границъ. Въ честь новой пѣвицы устроивались серенады, давались праздники, сочинялись стихи и проч. и проч. Прибывъ, въ 1848 году, въ Вѣну, г-жа Де-Лагранжъ нашла итальянскій театръ закрытымъ. Чтобъ не потерять понапрасну этотъ сезонъ, она поступила на сцену нѣмецкой оперы. Рѣдкій даръ изучать языки пригодился ей здѣсь. Она такъ усвоила себя нѣмецкій языкъ, что вѣнская публика, слушая ея, забывала, что слышитъ француженку, а не свою соотечественницу. Замѣчательнѣйшими партіями ея въ-продолженіе сезона были Дона Анна въ «Донъ-Жуанѣ» и королева въ «Волшебной Флейтѣ». Въ 1849 году г-жа Де-Лагрантъ прибыла въ Парижъ. Она дебютировала въ Большой Оперѣ въ партіи Алисы, въ «Робертѣ» и потомъ пѣла Дездемону и Лючію. Въ томъ же голу она снова возвратилась въ Вѣну, въ-сопровожденіи Мейербера, избравшаго ее для исполненія партіи Фидесы въ «Осадѣ Гента». Въ этой оперѣ вмѣстѣ съ ней участвовали басъ Штаудигль и теноръ Андеръ. Мейерберъ самъ дирижировалъ оркестромъ. По окончаніи сезона, она пустилась въ путешествіе по Германіи и посѣтила почти всѣ замѣчательные въ музыкальномъ отношеніи города. Рѣшительно вездѣ имѣла она успѣхъ. Замѣчательно, что въ-продолженіе этой поѣздки, партію Фидесы пришлось ей пѣть на различныхъ германскихъ сценахъ около *полутораста* разъ. Въ это же время г-жа Де-Лагранжъ посѣтила и Пестъ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, она узнала, что здѣсь не поютъ ни поитальянски, ни пофранцузски, ни даже понѣмецки. Обстоятельство затруднительное: приходилось или ѣхать назадъ, или выучиться повенгерски и пѣть на этомъ языкѣ. Г-жа Де-Лагранжъ нашла, что для поѣздки назадъ нужно болѣе времени, нежели *ей* выучиться венгерскому языку, а потому она предпочла послѣднее и, къ удивленію всѣхъ Мальяровъ, пѣла на венгерскомъ языкѣ «Осаду Гента», «Лючію», «Севильскаго Цирюльника» и наконецъ оперу венгерскаго композитора Эркеля «Hunniady Laszlò». Въ 1850 году г-жа Де-Лагрантъ ангажирована была въ Лондонъ, на Театръ Королевы и пѣла здѣсь въ «Лючіи», «Пуританахъ», «Севильскомъ Цирюльникѣ», «Донъ Паскуалѣ», «Prova d'un opera seria» вмѣстѣ съ гг. Лаблашемъ, Кальцолари, Гарлони и Дебассини. Въ 1851 году она опять явилась въ вѣнской нѣмецкой оперѣ, и затѣмъ 1852-й и часть 1853 года провела въ Парижѣ. Здѣсь

она пѣла въ «Elisir d'amore», «Браво» Меркаданте и въ другихъ операхъ, да сверхъ того шестнадцать разъ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Начало нынѣшняго лѣта г-жа Де-Лагранжъ провела въ Баден-Баденѣ, а конецъ — въ Ліонѣ, гдѣ дала нѣсколько представленій вмѣстѣ съ г. Кальцолари; изъ Ліона прибыла къ намъ.

Вотъ какая пѣвица явилась предъ петербургской публикой 3 октября въ партіи Розины въ «Севильскомъ Цирюльникѣ!» Прекрасная наружность г-жи Де-Лагранжъ и первыя фразы аріи, пропѣтыя пріятнымъ, свѣжимъ голосомъ, съ большимъ чувствомъ и граціею, и изящныя украшенія, въ которыя она одѣла эти фразы, ужь расположили публику въ пользу новой пѣвицы, и публика усилила свое вниманіе; но когда фіоритуры стали повторяться чаще и чаще и дѣлаться все труднѣе и сложнѣе, блестящіе пассажи полились рѣкой — публика пришла въ восторгъ, а наконецъ, когда пѣвица съ верхнихъ нотъ перешла на высочайшія и, въ заключеніе, сдѣлавъ самую свѣтлую, полную трель, взяла такую ноту, которая ужь неизвѣстно гдѣ и находится —восторгъ перешелъ въ самый шумный энтузіазмъ. Слушатели были поражены; одни аплодировали, а другіе не могли прійдти въ себя отъ изумленія и, поднявъ голову, устремили взоръ въ театральныя паддуги, какъ-бы стараясь отъискать то мѣсто, куда полетѣла эта верхняя нота, или откуда она послышалась. Знатоки и критики тоже сидѣли съ поднятыми головами и съ устремленными вверхъ взорами и тоже отъискивали ноту, но только не въ паддугахъ, а въ сопранномъ регистрѣ. «Помилуйте!» восклицали они: «да вѣдь это должно-быть mi suraigu! да вѣдь такой ноты не бываетъ въ голосахъ! да вѣдь это просто невѣроятно!» Когда знатоки немножко пришли въ себя, они тутъ только вспомнили, что̀ писали о г-жѣ Де-Лагранжъ заграничные журналы. Журналы именно утверждали, что голосъ этой пѣвицы *невѣроятнаго объема*. Отъ нижняго (контральтоваго) fa до sol и la suraigu. Трехъ послѣднихъ нотъ мы еще не слыхали; но вотъ ужь то самое высочайшее mi, которое такъ изумило одного англійскаго музыкальнаго критика, писавшаго о первомъ дебютѣ г-жи Де-Лагранжъ въ партіи Лючіи (на Театрѣ Королевы), что онъ счелъ нужнымъ перечислить попорядку всѣ ноты того пассажа, посредствомъ котораго г-жа Де-Лагранжъ добралась до того mi въ одной кабалеттѣ и такимъ-образомъ указалъ путь другимъ пѣвицамъ въ ту же высочайшую страну сопраннаго регистра. Но—увы! эти объясненія не повели ни къ чему и ни одна пѣвица не добралась, по указаніямъ критика, туда, куда шутя то-и-дѣло залетаетъ г-жа Де-Лагранжъ, потому-что ни одна изъ современныхъ пѣвицъ не обладаетъ діапазономъ голоса—страшно выговорить—въ три съ половиной октавы! Слушая г-жу Де-Лагранжъ, убѣждаешься въ возможности самаго невѣроятнаго. Напримѣръ, мы съ иронической улыбкой читали слова одного нѣмецкаго критика, который утверждалъ, что ея пассажи съ нижнихъ нотъ на самыя высочайшія—настоящія стрѣлы; что ея рулады и фіоритуры, рокочущій каскадъ, что, наконецъ, ея скачки въ октаву и болѣе ни дать, ни взять — блуждающіе огоньки; а теперь все это передъ нами въ-очію совершается. Г-жа Де-Лагранжъ создаетъ въ своей

сферѣ непостижимое. Кажется, сама судьба избрала ее для того, чтобъ создавать и преодолѣвать величайшія трудности, и для того, чтобъ ей было гдѣ показать себя, дала ей необыкновенный голосъ. Чѣмъ выше восходитъ голосъ г-жи Де-Лагранжъ, тѣмъ дѣлается звучнѣе, такъ-что высочайшія ноты у нея звучатъ какъ колокольчикъ. Полнымъ торжествомъ г-жи Де-Лагранжъ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» была арія изъ венгерской оперы «Hunniady Laszlô» Эркеля, которую она пѣла въ первыя два представленія, въ сценѣ урока. Разсказывать подробно, что̀ дѣлала г-жа Де-Лагранжъ въ варьяціяхъ на эту тэму—мы не станемъ: такой разсказъ былъ бы повтореніемъ того, о чемъ мы только-что говорили. Прибавимъ, что̀ мы слышали тутъ такіе пассажи стакатто или стакаттиссимо на верхнихъ нотахъ, дѣлаемыя такъ ясно, вѣрно, отчетливо, несмотря на скорый темпъ, что и на фортепьяно, гдѣ каждый клавишъ видишь глазомъ и чувствуешь пальцемъ, не всякому артисту прійдется исполнить это дѣло такъ удачно.

До-сихъ-поръ мы говорили о г-жѣ Де-Лагранжъ, какъ о колоритурной пѣвицѣ, говорили о техническомъ совершенствѣ ея пѣнія, а потому у читателей ужь, вѣрно, готовъ вопросъ: какова другая, внутренняя сторона этого пѣнія? Какую роль играютъ въ этомъ пѣніи чувство и смыслъ? Есть ли здѣсь сколько-нибудь драматизма, или это пѣніе только и отличается, что трудностями и фіоритурами? Хотя нѣкоторые пораженные блескомъ и трудностями въ пѣніи г-жи Де-Лагранжъ, думаютъ, что у нея всѣ эти трудности на первомъ планѣ, но намъ кажется, это несправедливо. внутренняя сторона этого пѣнія точно также замѣчательна. Если вы находите мало чувства въ Розинѣ, отправляйтесь слушать Лючію. При той удивительной вокализаціи, которой обладаетъ г-жа Де-Лагранжъ въ этой партіи, явилось и истинное чувство. Надо, конечно, замѣтить, что и здѣсь г-жа Де-Лагранжъ не вышла изъ своей сферы; украшенія, какъ и въ партіи Розины, играли важную роль въ ея пѣніи. Но что̀ это были за украшенія! Сколько граціи, изящества, блеска разсыпала она въ каждой своей фразѣ, и какія поразительныя неожиданности, какія смѣлые, невѣроятные подвиги вокализаціи представляла каждая ея фраза! Да̀, безъ всякаго пристрастія можно сказать, что г-жа Де-Лагранжъ первоклассная пѣвица, какой Петербургъ еще не слыхивалъ. Это пока еще новая звѣзда на музыкальномъ небосклонѣ, но звѣзда, которой, кажется, суждено блескомъ своимъ затмить не одну изъ прежнихъ звѣздъ.

Другія пріобрѣтенія нашей оперы состоятъ изъ трехъ новыхъ теноровъ и одного баса.

Прежде всего замѣтимъ, что эти три тенора ангажированы вовсе не съ тою цѣлью, какъ нѣкоторые предполагаютъ, чтобъ замѣнить ими одного Маріо Каждый изъ этихъ теноровъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто; на мѣсто Маріо попалъ собственно только одинъ—г. *Кальцолари*; другой теноръ г. *Подѐнъ*, по смѣшанному репертуару своему, долженъ быть названъ вспомогательнымъ пѣвцомъ какъ для г. Кальцолари, такъ и для г. Тамберлика, и наконецъ, третій г. Стигелли, не что̀ иное, какъ второй теноръ. Если мы скажемъ, что всѣ эти три

тенора, каждый на своемъ мѣстѣ пѣвцы, достойные полнаго вниманія публики, и если вы вспомните, что и г. Тамберликъ въ нынѣшнемъ году остался на нашей сценѣ, то результатомъ всего этого будетъ, что въ нынѣшнемъ году составъ теноровъ у насъ самый полный, такой, какого еще не было со времени учрежденія итальянской оперы въ Петербургѣ. Такъ нерѣдко бываетъ и въ жизни: тамъ, гдѣ ждешь менѣе всего, получаешь всего болѣе. Когда разнесся слухъ, что Маріо окончательно оставляетъ петербургскую сцену, всѣ думали, что наша опера будетъ въ затруднительномъ положеніи, относительно теноровъ: Маріо вѣдь, какъ извѣстно, пользуется титуломъ незамѣнимости; между-тѣмъ, благодаря распорядительности и стараніямъ Театральной Дирекціи, комплектъ теноровъ составился у насъ весьма-хорошій, такъ-что петербургская публика, вѣроятно, весьма-скоро примирится съ отсутствіемъ Маріо. Мы, по-крайней-мѣрѣ, такъ предполагаемъ, и предполагаемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ: г. Кальцолари очень понравился публикѣ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и «Лючіи». Г. Нодена въ «Лукреціи» принимали очень-хорошо, а въ «Риголетто» еще лучше. Г-номъ *Стигелли* въ партіи втораго тенора въ «Робертѣ» тоже остались довольны, слѣдовательно, все обошлось благополучно, и по всему видно, что съ новыми тенорами наша опера пойдетъ хорошо. Подробныхъ біографій этихъ новыхъ гостей, полагаемъ, ненужно. Эти таланты еще не такіе исключительные въ артистическомъ мірѣ, какъ талантъ г. де-Лагранжъ, который дѣйствительно требуетъ и историческаго и критическаго обсужденія, и потому представимъ только краткій очеркъ предъидущей артистической дѣятельности этихъ пѣвцовъ.

Гг. Кальцолари и Ноденъ оба истые Итальянцы, несмотря на то, что фамилія послѣдняго нѣсколько намекаетъ на его Французское происхожденіе. Оба они однихъ лѣтъ (и тому и другому 31-й годъ) и оба почти въ одно время выступили на артистическую карьеру. Разница только въ томъ, что г. Ноденъ сряду десять лѣтъ пѣлъ на главнѣйшихъ сценахъ Италіи, а г. Кальцолари гораздо-ранѣе оставилъ свое отечество. Замѣчательно, между-прочимъ, и то, что развитіемъ эти таланты обязаны однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ. Отецъ г. Нодена былъ живописцемъ при дворѣ герцогини пармской Маріи-Луизы, и эта же высокая покровительница искусствъ обратила вниманіе на рождающійся талантъ въ ребенкѣ Кальцолари и доставила ему возможность развиться надлежащимъ образомъ. Г. Кальцолари, послѣ нѣсколькихъ сезоновъ на сценахъ итальянскихъ, перешелъ на вѣнскую и лондонскую сцены и затѣмъ пѣлъ въ Мадридѣ, Парижѣ, Ліонѣ, по-временамъ только навѣщая свою родную страну. Г. Ноденъ, послѣ участія на итальянскихъ сценахъ, поступилъ на одесскую оперную сцену, откуда и ангажированъ въ Петербургъ. Если повести сравненіе далѣе, то можно сказать, что и таланты этихъ пѣвцовъ имѣютъ между собою нѣкоторое сходство: оба пѣвца обладаютъ не большими, но пріятными голосами и въ пѣніи обоихъ главныя качества— вкусъ и грація. На этомъ пунктѣ, однакожь, останавливаются сближенія, потому-что въ другихъ отношеніяхъ эти пѣвцы ужь начинаютъ

расходиться. Г. Кальцолари, какъ пѣвецъ и какъ актеръ гораздо-замѣчательнѣе своего товарища; по этой причинѣ и успѣхи его значительнѣе, да и извѣстность его разраслась скорѣе. Подъ вліяніемъ того же стремленія къ изящному, пріятному пѣнію, онъ, вслѣдствіе ли особенныхъ усилій, или болѣе вспомоществуемый природою, успѣлъ довести разработку своего голоса до рѣдкаго совершенства. Мы знаемъ, что приведемъ въ ужасъ многочисленныхъ приверженцевъ Маріо, но, дѣлать нѐчего, скажемъ имъ, что, относительно разработки голоса, ставимъ г. Кальцолари нисколько не ниже Маріо, если еще не выше. Справедливость дороже всего; а по нашему крайнему разумѣнію, мы считаемъ это мнѣніе, выражаемое и не нами одними, справедливымъ. Слушая г. Кальцолари, невольно восхищаешься его мастерскимъ умѣньемъ владѣть голосомъ. Онъ распоряжается своими небольшими средствами такъ искусно, что самый опытный экономъ позавидовалъ бы ему въ этомъ случаѣ. Нижнихъ нотъ почти нѣтъ у г. Кальцолари, въ то же время верхнія нельзя сказать чтобъ были особенно-пріятны. Но все это замѣчаешь только тогда, когда, прослушавъ пѣвца, потомъ нарочно примешься за разборъ его достоинствъ и недостатковъ. Въ исполненіи же его все сглажено; въ пѣніи его каждая фраза округлена и вмѣстѣ съ тѣмъ рельефна. Самые трудные для тенороваго голоса пассажи г. Кальцолари дѣлаетъ чрезвычайно-легко, какъ бы шутя, и можете быть увѣрены, что въ этомъ пассажѣ ни одна нотка не пропадетъ даромъ; а та нота, которая можетъ сдѣлать эффектъ, будьте покойны, явится въ надлежащемъ свѣтѣ. Г. Кальцолари, никогда не станетъ искать такихъ эффектовъ, которые несвойственны его голосу. Такимъ по крайней-мѣрѣ былъ онъ въ двухъ партіяхъ, въ которыхъ мы его слышали — графа Альмавивы въ «Севильскомъ Цирюльникѣ» и Эдгара въ «Лючіи». Въ первыхъ нумерахъ своей партіи въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». «Ecco ridente il cielo» и «Io son Lindoro» онъ выказалъ много чувства; въ тріо втораго акта, въ той же оперѣ, пѣніе его чрезвычайно гармонировало съ пѣніемъ г-жи Де-Лагранжъ. Замѣчательная гибкость его голоса помогала ему дѣлать какъ-нельзя-легче самые быстрые пассажи. Потому заключительный блестящій пассажъ того тріо, при самомъ быстромъ темпѣ, отчеканенъ былъ пѣвцомъ и пѣвицею съ удивительною ясностью. Въ финалѣ втораго акта «Лючіи» и аріи третьяго акта «Fra poco», которой далъ у насъ знаменитость Рубини, г. Кальцолари тоже былъ хорошъ.

Г. Ноденъ дебютировалъ въ партіи Дженнаро и потомъ пѣлъ партію герцога въ «Риголетто». Въ томъ и другомъ случаѣ въ исполненіи его было нѣсколько минутъ, которыя произвели самое пріятное впечатлѣніе на слушателей, а результатомъ этихъ двухъ дебютовъ было то, что дебютантъ, несмотря на свою неизвѣстность, обезпечилъ себѣ сразу расположеніе нашей публики, слышавшей въ продолженіе десяти лѣтъ первоклассныя знаменитости и потому привыкшей судить дебютантовъ весьма-строго. По характеру своему, голосъ г. Нодѐна несовсѣмъ-то годится для большой сцены: онъ не можетъ блестѣть силой и звучностью; но зато пріятность, мягкость — его существен-

ныя качества; и гдѣ только ему представляется возможность ихъ высказать, тамъ пѣніе его достигаетъ своей цѣли: оно нравится. Лучшимъ его нумеромъ по исполненію можно назвать арію изъ оперы Верди «Луиза Мюллеръ». Г. Ноденъ исполнилъ эту арію въ видѣ вставки въ третьемъ актѣ «Лукреціи» прекрасно. Большой эффектъ произвелъ онъ тоже канцонеттой «La donna e mobile» (въ «Риголетто»), которую пропѣлъ съ большимъ увлеченіемъ и теплотой. Итакъ вотъ еще пріятное пріобрѣтеніе для нашей сцены; а если взять во вниманіе, что у насъ ужь и безъ того два замѣчательные тенора, то такое пріобрѣтеніе можно назвать и *весьма*-пріятнымъ. Замѣтьте, что въ прошедшихъ годахъ на нашей сценѣ въ первыхъ партіяхъ являлись нерѣдко таланты второстепенные, которымъ собственно слѣдовало бы пѣть вторыя партіи, а теперь при двухъ отличныхъ тенорахъ на первыя партіи есть еще третій, талантъ котораго имѣетъ тоже отличныя стороны. Г. Ноденъ отнюдь не второстепенный пѣвецъ, а пѣвецъ основательный.

Для вторыхъ теноровыхъ партій ангажированъ въ нынѣшнемъ году г. Стигелли, который успѣлъ ужь отрекомендовать себя публикѣ съ хорошей стороны въ партіи Рембо, въ «Робертѣ». Роль небольшая, но и здѣсь замѣтили, что г. Стигелли пѣвецъ съ талантомъ, съ хорошимъ, свѣжимъ голосомъ, и пѣвецъ, въ-добавокъ, обладающій знаніемъ сцены. Впрочемъ, г-ну Стигелли ужь и пора узнать сцену: онъ довольно-давно дѣйствуетъ на театральныхъ подмосткахъ и пѣлъ на одной изъ первоклассныхъ сценъ, именно на сценѣ лондонской. Онъ давно ужь избралъ себѣ спеціальность пѣть вторыя роли и справляется съ этимъ амплуа, представляющимъ тоже своего рода трудности, очень-удовлетворительно. Нѣкоторымъ не нравится манера пѣнія г. Стигелли и смѣлость его пускаться иногда даже въ фальсеты. На это замѣтимъ, что г. Стигелли по происхожденію Нѣмецъ, слѣдовательно въ своей манерѣ пѣнія виноватъ менѣе всего. Что жь касается до втораго упрека, то и противъ него можно защититься. Развѣ смѣлость дурное качество? смѣлость города беретъ!

Мнѣніе наше о г. *Дидо*, новомъ basso profondo, мы выскажемъ въ другой разъ, именно когда услышимъ этого пѣвца въ другой оперѣ, а не въ «Робертѣ». Партія Бертрама требуетъ и художественной игры и художественнаго пѣнія. Здѣсь одной природой ничего не сдѣлаешь.

Надѣемся, на нынѣшній разъ довольно объ оперѣ. Намъ еще оставалось бы сказать нѣчто о прежнихъ персонажахъ, но имъ дадимъ мы мѣсто въ слѣдующій разъ, потому-что теперь должны были заняться новыми для насъ талантами.

Къ числу удовольствій прошлаго мѣсяца относится годичная выставка Академіи Художествъ. Съ 29-го сентября по 19-е октября залы Академіи были открыты для публики и множество посѣтителей спѣшили насладиться даровымъ зрѣлищемъ.

Особая статья въ этой же книжкѣ нашего журнала познакомила васъ съ достоинствами и недостатками выставленныхъ въ Академіи произведеній живописи; мнѣ же позвольте показать вамъ выставку съ другой стороны, именно со стороны ея посѣтителей. Публика, состав-

ленна, изъ лицъ разныхъ половъ, возрастовъ и званій, двигается по заламъ. Нѣкоторые проходятъ мимо картинъ очень-скоро, другіе, напротивъ, останавливаются надолго передъ каждымъ нумеромъ; одни смотрятъ просто, другіе — въ лорнеты и бинокли, третьи въ кулаки съ нѣкоторымъ отверстіемъ посрединѣ...

— Куда, куда мой другъ идешь? говоритъ черноволосый господинъ своей дамѣ, которая, войдя въ первую залу, хочетъ повернуть направо.

— Туда, отвѣчаетъ она, указывая на боковую, почти-пустую, комнату.

— Да что̀ тамъ дѣлать-то? тамъ вѣдь только все планы, замѣчаетъ кавалеръ.

— А!! многозначительно отвѣчаетъ дама и идетъ налѣво...

Небольшая група окружаетъ купидона въ раковинѣ, работы г-на Бродскаго.

— Отличное, превосходное ваяніе! Какая тонкость линій! Какая художественность! серьёзно говоритъ одинъ изъ зрителей, высокій, въ золотыхъ очкахъ, взвѣшивая каждое свое слово такъ же, какъ золото.

— Хороша-съ; только въ небольшихъ размѣрахъ сдѣлано, замѣчаетъ до-нельзя сухощавый сосѣдъ его, не придавая, впрочемъ, большаго значенія своимъ словамъ. Золотые очки строго посматриваютъ на сказавшаго, но не удостоиваютъ его отвѣтомъ.

— Впрочемъ, Амуры, Иванъ Иванычъ, больше и не бываютъ, я думаю. Вотъ Геркулесы—такъ другое дѣло, присоединяетъ голосъ третье лице, маленькое и круглое, вопросительно устремляя свои оловянные глаза на золотые очки.

— Конечно!... Геркулесы... Ахиллесы... Венеры... Юпитеры — то олимпійскіе боги, а купидонъ — это эмблема только... одна эмблема, удостоили замѣчанія золотые очки... Хорошо! продолжали они: — но вотъ только положеніе руки несовсѣмъ-естественно.

— Да-съ, дѣйствительно, поддерживалъ господинъ съ оловянными глазами: — потому-что если купидонъ, то-есть спитъ, то такимъ-образомъ держать руку несовсѣмъ-удобно. И стараясь доказать это на дѣлѣ, онъ силился принять позу купидона. Но, конечно, сходства между нимъ и купидономъ большаго не оказалось, ужь потому, что онъ носилъ пальто̀ и нѣкоторые другіе наряды, которыхъ не было у купидона...

— Спитъ мальчишечка! спитъ себѣ спокойно, говоритъ сладкимъ голосомъ крошечный господинъ, въ крошечной альмавивѣ, обѣжавъ нѣсколько разъ вокругъ купидона и останавливаясь, наконецъ, возлѣ своей дамы.

Дама улыбается, съ нѣжностью смотря на купидона...

— Экій полнушечка какой!.. ножки-то словно наливныя! дюська какой! тѣмъ сладкимъ голосомъ продолжалъ крошечный человѣкъ, трепля слегка по ногѣ купидона.

— Руками трогать здѣсь не позволяютъ! замѣчаетъ сторожъ, подошедшіи къ восхищающейся альмавивѣ.

— Не позволяютъ! ну, пожалуй, и не трону... А ужь какой милка-то, милка-то какой! а? Дарья Ивановна? спрашиваетъ альмавива, устремляя слезливый взглядъ, вѣроятно, на свою супругу.

— Купидошка!..

— Именно купидошка!.. Люцёноцку-то какъ къ головкѣ положилъ и спитъ, ну точно нашъ Шурка. Не правда ли, Дарья Ивановна, точно Шурка нашъ? отбѣгая отъ статуи и подбѣгая опять къ ней, сладкимъ голосомъ продолжаетъ отецъ... Дарья Ивановна молчитъ и улыбается, находя, по всей вѣроятности, своего Шурочку лучше купидона.

Густая толпа у картины г. Риццони «Погребокъ».

— Какъ это мило! Какъ это мило! восклицаетъ дама, съ лорнетомъ, подпрыгивая передъ картиною. — Я обожаю фламандскую живопись, а ты тоже? спрашиваетъ она высокаго господина, показывая ему при этомъ рядъ своихъ огромныхъ желтыхъ зубовъ.

— Нисколько!..

— Не-уже-ли?.. Но посмотри, какъ хороши лица этихъ женщинъ, старика...

— Хороши, да не новы...

— Не-уже-ли только то и хорошо, что ново, Жоржъ?

— Конечно!

— Oh, mon Dieu! Но ты посмотри всѣ эти детали: какъ это все естественно, вѣрно!

— А ты почемъ знаешь?

— Какъ почему знаю?

— Да развѣ ты была въ погребкѣ...

— Въ погребкѣ? Fi donc!.. Но помнишь, по дорогѣ въ деревню, мы останавливались въ какомъ-то трактирѣ... Этотъ погребокъ имѣетъ съ нимъ сходство.

— Никакого! спокойно отвѣчаетъ суровый господинъ, отходя отъ картины. Дамы съ лорнетомъ, прискакивая, слѣдуютъ за нимъ.

— А что это на картинѣ-то приставлено? спрашивала сибирка, обращаясь къ пальто.

— Не твое дѣло, очень-любопытенъ, сердито отвѣчаетъ пальто, обводя съ ногъ до головы глазами спрашивавшаго.

— Это погребокъ, говоритъ стоящій рядомъ съ пальто молодой человѣкъ.

— Такъ-съ! Это, вишь ты, погребокъ, Михеичъ, повторяетъ сибирка, обращаясь къ своему спутнику съ маленькою бородкою.

— Погребокъ!.. гм!.. Знать не здѣшній; видно въ Нѣмечинѣ такіе погребки.

— Въ какой Нѣмечинѣ? Нѣшто не видишь, что мужички сидятъ.

— А, и впрямъ!.. Да вишь ты, музыка-то словно нездѣшняя: мадамъ на басу играетъ; мусьё въ бѣлой шляпѣ со скрипкой. Я на свой пай въ погребкахъ-то бывалъ не разъ, а такого заведенія въ нихъ не видывалъ.

— Можетъ, кто рисовалъ картину, такъ съ собой музыку привелъ для потѣхи...

*

— Нѣшто такъ!.. можетъ-статься... этакихъ затѣй не разберешь, совершенно согласилась бородка, отлавировывая отъ картины.

— Ахъ, ка̀къ это прелестно! ка̀къ это прелестно, Жоржъ! говоритъ дама съ лорнетомъ, прискакивая передъ баталической картиною. — Жоржъ, посмотри, ка̀къ этотъ раненный офицеръ похожъ на кузена Базиля!.. не правда ли?

— Нисколько! холодно отвѣчаетъ Жоржъ.

— Битва! битва! Ка̀къ все это ужасно и ка̀къ поэтично вмѣстѣ! продолжаетъ дама, обращаясь ужь не къ мужу, а къ старику съ усами, который идетъ вмѣстѣ съ ними.

— Сраженіе! о, нѣтъ! это чудесная вещь! говорилъ старичокъ, покручивая усы.—Сначала, знаете, дѣйствительно какъ-будто страшно... А потомъ какъ начнется перепалка—ничего-съ, совершенно-ничего-съ, привыкнешь... Ядра, этакъ, жужжатъ около тебя, пули свистятъ, и ничего не замѣчаешь... работаешь-себѣ саблей направо и налѣво и не слышишь, какъ пушки-то бумъ-бумъ-бумъ, такъ и палятъ! все болѣе-и-болѣе воспламеняясь, разсказываетъ старичокъ, подражая голосомъ свисту пуль и жужжанью ядеръ и размахивая руками на всѣ стороны.

— Ка̀къ это чудно! ка̀къ это чудно-хорошо! восклицаетъ дама.

— А вы въ какомъ были сраженіи, Василій Петровичъ? спрашиваетъ вдругъ разсказчика суровый господинъ.

— Да самъ-то я не былъ ни въ какомъ, а слышалъ о сраженіяхъ отъ знакомыхъ... Живучи то на свѣтѣ, обо всемъ, знаете, наслышишься, нѣсколькими тонами ниже отвѣтилъ старичокъ.

Суро̀вый господинъ молча дѣлаетъ многозначительную мину.

Между-тѣмъ, какой-то пожилой господинъ, съ розовымъ личикомъ, сдѣлавъ изъ руки трубку, приложилъ ее къ глазу и смотритъ на картину, изображающую Вакханку «Отлично! превосходно!» восклицаетъ онъ, выбравъ мѣсто, съ котораго вакханка была видна во всей красотѣ.

— А что̀, скажите, пожалуйста, это съ натуры снято, или фантазія? спрашиваетъ онъ молодаго человѣка, съ длинными волосами, повидимому, художника.

— Право, не знаю; я думаю, что натура немножко подкрашена...

— Да̀, я тоже думаю.. что это несовсѣмъ натура. А хорошо, удивительно-хорошо!.. Во всей картинѣ есть что-то мягкое, нѣжное! Не правда ли? продолжаетъ восхищаться пожилой господинъ.

— Да̀, дѣйствительно! отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

— № 233 «Вакханка академика Лаврова», громко читаетъ въ «Указателѣ» господинъ въ пальто, предводительствуя нѣсколькими дамами извѣстныхъ лѣтъ.

— Вакханка! Вакханка! повторяютъ его спутницы, стремясь къ картинѣ, поставленной немножко бокомъ. Но едва они бросаютъ на нее взоръ, какъ быстро отворачиваются и, не останавливаясь, проходятъ мимо; одна старушка только, заключающая шествіе дамъ, на минуту устремляетъ глаза на картину и, отходя, глубоко вздыхаетъ. Старичокъ, идущій съ нею, также смотритъ на картину, бросаетъ взоръ на свою спутницу и тоже вздыхаетъ.

— Не хочешь ли, момочекъ, пройдти еще разъ по заламъ? спрашиваетъ толстый господинъ свою худощавую супругу.

— Нѣтъ, попочекъ; что̀ смотрѣть-то?.. ничего нѣтъ чувствительнаго.

— То-есть, какъ, момо̀чекъ, чувствительнаго?

— Ну, знаешь, этакъ, романическаго... все портреты...

— Ну, если такъ, то поѣдемъ домой, момо̀чекъ.

— Поѣдемъ, попочекъ...

Вы думаете, что вѣсти о петербургскихъ наслажденіяхъ ужь кончились? О, нѣтъ; ихъ еще у насъ немало. Новый родъ удовольствій наступилъ для Петербурга — это представленія г-жи Рашель. Слухи о пріѣздѣ этой артистки, о которой мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, подтвердились, и г-жа Рашель, въ воскресенье 25 октября, выступила на сцену Михайловскаго Театра въ «Федрѣ»! трагедіи Расина. Мы ее видѣли и рукоплескали ей вмѣстѣ съ восторженною публикой, наполнившей залу Михайловскаго Театра до-нельзя. Но о Рашели невозможно говорить, видѣвъ ее только одинъ разъ; отлагаемъ рѣчь о ней и о талантѣ ея до слѣдующаго мѣсяца, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о разныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ ея представленіямъ.

Еще въ началѣ прошлаго мѣсяца братъ ея, Рафаэль-Феликсъ, «Directeur des congés de m-lle Rachel», какъ онъ называетъ себя, открылъ абониментъ на представленія знаменитой артистки. Въ объявленіи, сдѣланномъ по этому случаю, г. Феликсъ входитъ въ нѣкоторыя подробности относительно будущихъ представленій своей сестры, и съ этими подробностями считаемъ нелишнимъ познакомить иногородныхъ читателей.

Представленія г-жи Рашель, раздѣленныя на четыре абонимента, по 12-ти представленій каждый, будутъ даваться четыре раза въ недѣлю: по воскресеньемъ, понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Кромѣ-того, въ пользу самой г-жи Рашели и ея труппы назначаются три бенефиса, такъ-что всѣхъ спектаклей, въ которыхъ пріиметъ участіе эта артистка, будетъ 51. Въ эти спектакли дадутся шестнадцать большихъ пятиактныхъ твореній, классическихъ трагедій, новѣйшихъ комедій и драмъ, лучшихъ въ репертуарѣ г-жи Рашель. Всѣ пьесы, за исключеніемъ данныхъ въ бенефисъ, повторятся число разъ, равное числу абонементовъ. Цѣны на мѣста значительно увеличены противъ обыкновеннаго, какъ можно видѣть изъ афишъ и объявленій. Число мѣстъ увеличено двумя рядами креселъ, которыя помѣщены въ оркестрѣ, а число посѣтителей въ ложахъ ограничено шестью лицами, увеличеніе котораго дозволяется не иначе какъ съ приплатою за каждое лицо одной шестой части стоимости ложи. Слава и деньги приходятъ не вдругъ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по улицамъ Ліона, въ бѣдномъ нарядѣ, съ гитарою за плечьми, ходила худощавая, смуглая дѣвочка, по лицу которой не трудно было узнать ея еврейское происхожденіе. Цѣлые дни странствовала она по городу, переходя изъ кофейни въ кофейню, и акомпанируя себѣ на гитарѣ, распѣвала водевильные куплеты. Въ голосѣ ея не было ни особенной нѣжности, ни особенной пріятности; онъ не возбуждалъ большаго участія въ слушателяхъ, и часто бѣдная

дѣвушка, усталая и изнеможенная, ложась на жесткое ложе, не знала будетъ ли она сыта на слѣдующій день... Но вдругъ пѣвица исчезла съ улицъ Ліона; кофейни перестали оглашаться звуками ея голоса; посѣтители кофеенъ скоро забыли совершенно о молоденькой Еврейкѣ. Уличная пѣвица вмѣстѣ съ своимъ семействомъ покинула Ліонъ и отправилась искать счастія въ Парижѣ. Гитара и пѣсни должны были бы и здѣсь поддерживать ея существованіе, еслибъ судьба не распорядилась иначе. Вмѣсто странствованій по улицамъ, молодая пѣвица, благодаря содѣйствію своихъ иновѣрцевъ, сдѣлалась ученицею знаменитаго Сент-Олера, а вскорѣ затѣмъ вступила на сцену Мольеровскаго Театра. Она участвовала въ комедіяхъ и водевиляхъ, но болѣе всего стремились ея желанія и билось сердце къ классической трагедіи.

Однажды, тогда было ей только шестнадцать лѣтъ, ученица Сент-Олера играла «Андромаху» Расина. Въ числѣ зрителей, въ театрѣ въ тотъ вечеръ былъ нѣкто Ведель, кассиръ, а впослѣдствіи директоръ Перваго Французскаго Театра. Звучный голосъ, дикція, полная какой-то торжественности и простоты, манеры, отличающіяся величіемъ и благородствомъ, однимъ словомъ, вся игра, выказывавшая не школьную рутину, а вдохновеніе, поразили опытнаго въ драматическомъ искусствѣ Веделя. Онъ спросилъ фамилію талантливой дѣвочки и узналъ, что это Рашель-Феликсъ.

Ведель немедленно сообщилъ объ этомъ директору Французскаго Театра, Жусленъ де-ла-Саллю, который, въ свою очередь, убѣдясь въ несомнѣнномъ талантѣ юной Андромахи, выхлопоталъ помѣщеніе ея въ Консерваторію. Но великіе таланты не любятъ идти путемъ, назначеннымъ для талантовъ обыкновенныхъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Консерваторіи и не надѣясь изъ этого пребыванія извлечь большой пользы, Рашель снова вступила на театръ Мольера. Отсюда она перешла въ Шантеренъ, потомъ играла еще на нѣсколькихъ маленькихъ театрахъ и наконецъ получила ангажементъ отъ Театра Драматической Гимназіи. Контрактъ съ нею былъ заключенъ на три года, а вознагражденіе назначено на первый годъ 3000 франковъ, на второй — 4000, на третій — 5000. Но успѣхи г-жи Рашель на этомъ театрѣ были такъ посредственны, что директоръ его, Пуарсонъ, начиналъ раскаяваться въ заключеніи этого контракта. Сожалѣнія его, впрочемъ, не были продолжительны. Играя на маленькихъ театрахъ и Театрѣ Гимназіи, г-жа Рашель не забывала своей любви къ трагедіи, не покидала своей мысли вступить современемъ на сцену Перваго Французскаго Театра. Съ этою цѣлью, не прерывая сценическихъ занятій, она брала уроки декламаціи у извѣстнаго актера Сансона (учителя г-жи Плесси, тестя г. Бертона). На этихъ урокахъ выказалась вся огромность дарованія артистки; и когда, однажды, по приглашенію Сансона, директоръ Перваго Французскаго Театра посмотрѣлъ на свою талантливую ученицу, то немедленно предложилъ ей вступить на свой театръ, съ жалованьемъ на первый годъ четырехъ тысячъ франковъ. Этотъ директоръ былъ не кто иной, какъ Ведель, который, нѣсколько лѣтъ назадъ, оказалъ покровительство Рашели, но потомъ совершенно забылъ о ней. Первый дебютъ талантливой артистки на первой Фран-

цузской сценѣ былъ 11 іюня 1838 года, въ роли Камиллы въ «Гораціяхъ», и съ-этихъ-поръ начался новый періодъ въ ея карьерѣ. Успѣхи ея расли съ необыкновенною быстротою и скоро молоденькая дѣвушка, нѣкогда ходившая съ гитарой по улицамъ, благодаря своему огромному таланту, стала поддержкою Перваго Французскаго Театра, пріобрѣтя знаменитость во всей Европѣ.

Г-жа Рашель неподражаема въ роляхъ: Ѳедры, Герміоны, Эсѳири, Шимены, Беренисы, въ трагедіяхъ Расина и Корнеля. Но, исполняя ихъ, она не чуждается и комедій, также какъ и драмъ, и роли: Дорины, дѣвицы де Бель-Иль, Адріаны Лекуврёръ, леди Тартюфъ и Тизбе считаются однѣми изъ лучшихъ въ ея репертуарѣ.

Г-жа Рашель, кромѣ Парижа, играла въ Лондонѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и многихъ другихъ городахъ, и вездѣ пользовалась одинаковымъ успѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ ея будетъ возрастать и въ Петербургѣ.

Отъ новостей сценическихъ перехожу къ новостямъ промышлености, то-есть такимъ, конечно, которыя интересуютъ большинство. Первое мѣсто между ними принадлежитъ швейной машинѣ.

Французскіе фёльетонисты, разсказывая о лондонской выставкѣ, немножко преувеличили способности швейной машины. «Берегитесь (говорили они), не подходите къ ней близко, иначе, при малѣйшемъ прикосновеніи полы вашего пальто или сюртука, она схватитъ полу, изрѣжетъ ее и въ минуту превратитъ въ панталоны». На самомъ дѣлѣ этого ничего нѣтъ, и машина, привезенная въ Петербургъ Сѣвероамериканцемъ Муромъ, только шьетъ или, лучше, сшиваетъ матеріи. Искусство ея не переходитъ *черезъ край*; она даже не можетъ обметывать петли (извините за остроту!). Машина приводится въ движеніе ногою, подобно токарному станку; игла быстро скачетъ вверхъ и внизъ, дѣлая въ минуту до трехсотъ стежекъ. Мнѣ бы очень хотѣлось разсказать вамъ самый процесъ шитья, но при этомъ употребляется столько нитокъ: кромѣ одной сшивающей матерію, здѣсь есть еще другая для скрѣпленія стежекъ — и я боюсь запутаться. Человѣкъ при этой машинѣ нуженъ только длятого, чтобъ передвигать матерію, которую сшиваетъ машина. Публика смотритъ на желѣзнаго портнаго, а многія швальни пріобрѣли его для производства спѣшныхъ работъ. Удивительно!

Но вотъ еще новость. Въ прошломъ мѣсяцѣ я говорилъ о пароходикѣ, путешествовавшемъ по Фонтанкѣ. На-дняхъ же одинъ господинъ просто ходилъ по Мойкѣ, съ привязаннымъ къ ногамъ какимъ-то крошечнымъ плотикомъ. При помощи весла, этотъ господинъ повидимому очень-удобно прогуливался по водамъ, омывающимъ берега Мойки, у Полицейскаго Моста. Въ Парижѣ еще недавно производились опыты подобнаго рода путешествій, и нѣсколько солдатъ, подъ предводительствомъ изобрѣтателя водоходебныхъ (назовемъ хоть такъ) аппаратовъ, путешествовали по Сенѣ; но у насъ, въ Петербургѣ, не представлялось такого зрѣлища ужь лѣтъ десять.

═

МОДЫ.

(Письмо въ Редакцію «Отечественныхъ Записокъ».)

Приближается ноябрь съ своими морозами и, согрѣвая дыханіемъ окостенѣлыя руки, стучитъ въ дверь моды, прося у ней теплой одежды. Кто въ наше время смѣетъ отступить отъ моды, этой капризной женщины, заставляющей всѣхъ себѣ повиноваться? Любопытно слѣдовать за всѣми измѣненіями моды въ-продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Сначала *костюмъ* (слово это происходитъ отъ *coutume* — обыкновеніе носить одежду) объяснялъ привычки и занятія цѣлаго народа. Говорили: *греческій костюмъ*, *европейскій костюмъ*, соединяя подъ однимъ названіемъ одежду цѣлаго народа.

Чѣмъ дальше развивалась цивилизація, тѣмъ разнообразнѣе становился костюмъ.

Искусство *наряжаться* родилось только въ средніе вѣка, и Франція сдѣлалась отечествомъ моды. Чтò осталось у насъ отъ Грековъ и Римлянъ? Одно воспоминаніе... Ихъ привычки, нравы, костюмы — мы все передѣлали. Изящныя искусства требовали реформы, и она развивалась съ теченіемъ вѣковъ. Пуссенъ и Лесюёръ искали истины въ исторіи и въ прошедшемъ, чтобъ избѣжать преувеличенія и смѣшнаго. Театръ шелъ впередъ не такъ скоро. Пудренные амуры и нимфы на фижмахъ господствовали въ семнадцатомъ вѣкѣ, и трагическая актриса Клеронъ сдѣлала много для искусства тѣмъ, что согнала со сцены фижмы. Извѣстно, съ какимъ удивленіемъ встрѣтили Тальму, когда онъ, въ 1791 году явился въ первый разъ на сценѣ въ историческомъ костюмѣ, въ роли Карла IX. Публика аплодировала съ восторгомъ этой счастливой перемѣнѣ и не могла понять, кàкъ прежде никому не приходило въ голову такая простая мысль! Съ этого дня дурной вкусъ принужденъ былъ удалиться, искусства вступили въ новый періодъ.

Во времена рыцарства костюмъ не только выражалъ нравы народа, но имѣлъ еще историческое значеніе, потому-что соединялся съ геральдикою. Дѣйствительно, одежда дворянина напоминала цвѣтъ его герба, и платье его супруги доказывало соединеніе двухъ гербовъ и нѣсколькихъ цвѣтовъ. Рыцари носили на груди изображеніе своего герба. Вассалы и служители носили на воротникѣ одежды цвѣтà своего господина. Съ этого времени произошли амуниціи и ливреи.

До царствованія Франциска I мода не любила ничего блестящаго; но король этотъ покровительствовалъ роскоши — и вѣкъ его обоготился самыми великолѣпными матеріями. Молодые люди начали изучать всѣ утонченности любви и вкуса. Феодализмъ былъ еще въ полной силѣ; не было никакой возможности ошибиться и съ перваго взгляда не отличить дворянина отъ мѣщанина, или простолюдина. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный костюмъ, свою спеціальную моду.

Во время войны дворяне были закованы въ желѣзо, во время мира — покрыты лентами и золотомъ. Одни простолюдины носили суконную одежду, шляпу съ широкими полями, кожаный кушакъ, и этотъ ко-

стюмъ какъ-нельзя-больше соотвѣтствовалъ ихъ занятіямъ и образу жизни.

Скоро мода начала портиться и приняла дурное направленіе. Длинные плащи временъ Лудовика XIII замѣнены были короткими, воротники Генриха III исчезли; *прорѣзы* и *буффы* скрылись въ суконныхъ панталонахъ, и хотя нѣсколько разъ ужь порывались возвратиться къ древнимъ костюмамъ, но это производило только эксцентрическія выходки. Съ Лудовикомъ XV пудра вошла въ моду и господствовала восемдесять лѣтъ. Женщины покрывали голову цѣлыми пирамидами, кокардами и безчисленными локонами. Мужчины носили трехугольныя шляпы и прогуливались по улицамъ съ торчащими полами кафтановъ, тогда какъ фижмы не позволяли дамамъ лишнихъ движеній.

Въ концѣ XVIII вѣка въ модѣ произошла новая перемѣна; между классами общества образовались рѣзкія различія. Скоро мода начала измѣняться по нѣскольку разъ въ годъ. Она сдѣлалась неуловимымъ капризомъ, который бросается во всѣ стороны и увлекаетъ за собою всѣхъ.

Въ модѣ есть, однакожь, два отдѣльныя качества: *единство* и *разнообразіе*. Первое дѣлаетъ ее всеобщею, второе позволяетъ каждому классу общества имѣть свое собственное отличіе. Всѣ мужчины носятъ сукно, но не всѣ одно и то же сукно, и разница большая въ цѣнѣ матерій.

Цѣлый вѣкъ можно описать только костюмами. Легкая и блистательная одежда неприлична ни ученому, ни ремесленнику. Каждый классъ избираетъ для себя удобный костюмъ. Воспитаніе, состояніе, положеніе въ свѣтѣ даютъ безчисленные оттѣнки во вкусѣ. Въ наше время одежда нисколько не украшаетъ человѣка. Можно ли выдумать что-нибудь некрасивѣе суконнаго платья и круглой шляпы, употребляемой всѣми мужчинами? Разумѣется, вблизи можно найдти разницу между хорошимъ и дурнымъ сукномъ, но издали никакой.

Однакожь, это не мѣшаетъ модѣ крѣпко держать свой скипетръ; и между различными классами есть тысячи оттѣнковъ и особенностей, которыми они отличаются между собою. Мода владычествуетъ еще въ мелочахъ, и всѣ страны, несмотря на различіе въ климатахъ, слѣдуютъ ея законамъ. Вкусъ народа выражается въ костюмѣ и простота нисколько не мѣшаетъ модѣ. Не спрашивайте, какую пользу приноситъ она нравственности. Довольно и того, что она не дѣлаетъ вреда и что, благодаря ей, коммерція процвѣтаетъ. Каждый народъ владѣетъ какимъ-нибудь особеннымъ богатствомъ; Франція же одарена разнообразными способностями, которыя можно употребить на множество занятій. Французы дѣятельны, но мысли ихъ очень-измѣнчивы — вотъ почему мода можетъ часто у нихъ мѣняться, передѣлывая сегодня то, что создала вчера. Произведенія нашей страны даютъ обильную пищу модѣ, потому-что бо̀льшая часть фабрикъ зависитъ отъ капризовъ этой владычицы. Она распоряжается не только костюмомъ, но мёблировкою, украшеніями, всѣми удобствами, всею гармоніею жизни. Вѣтренная, капризная, фантастическая богиня дѣлаетъ прекраснымъ все, до чего дотронется, и придаетъ всему новую цѣну. Сколько предметовъ

создала она въ послѣдніе годы! Эта волшебница имѣетъ способность превращать простыя вещи въ драгоцѣнныя: она дѣлаетъ изъ лоскутка, изъ ленты—чудо изящества, которому всѣ удивляются; она стираетъ морщины, исправляетъ несовершенства таліи и умѣетъ продлить молодость.

Вчера я бродилъ по бульварамъ и заходилъ во всѣ магазины, думая угодить вашимъ читательницамъ. Сколько чудесъ нашелъ я тамъ! Подъ вывѣскою *Aux trois quartiers* видѣлъ я шелковыя матеріи съ полосами и большими клѣтками. У Шеврё множество превосходныхъ кашмировъ съ красивыми рисунками, взятыми изъ дома Ладвеза и Мейеръ. У Тагана удивительные ящички и сундучки съ инкрустаціями, рѣзьбой и изящными украшеніями. Я остановился также въ Улицѣ Мира, у оптика Мака, посмотрѣть усовершенствованныя двойныя трубки. Признаюсь, театральныя лорнетки, столь необходимыя почти для всѣхъ глазъ, доведены до возможной степени совершенства. Въ новоизобрѣтенныхъ трубкахъ Дюшасса двѣнадцать стеколъ, вмѣсто четырехъ, стало-быть, увеличительныя и приблизительныя свойства усилены еще болѣе. Скажу, кстати, нѣсколько словъ о статуяхъ Прадье, на которыя смотрятъ чрезъ *стереоскопъ*. Изображенія поставлены въ центрѣ лучей оптическаго инструмента и принимаютъ всю рельефность статуй, такъ-что вы можете видѣть въ миньятюрѣ всѣ образцовыя произведенія знаменитаго артиста, недавно-похищеннаго смертью. Вкусъ дѣлаетъ чудеса во всѣхъ отрасляхъ промышлености. Драгоцѣнныя украшенія, кажется, въ этомъ году будутъ еще великолѣпнѣе. Уборы, называемые *севинье*, дѣлаются больше обыкновеннаго и богато обдѣланы брильянтами, жемчугомъ или драгоцѣнными камнями. Форма браслетъ тоже перемѣнилась вмѣстѣ съ формою рукавовъ, и каждая новая выдумка напоминаетъ какую-нибудь принадлежность костюма нашихъ бабушекъ. Мода похожа на планету, которая кружится и все-таки приходитъ на старое мѣсто; только при каждомъ возобновленіи форма дѣлается страннѣе, эксцентричнѣе. Если мода начала убавлять окружность какого-нибудь предмета, то будьте увѣрены, это укороченіе дойдетъ до смѣшнаго, до невозможнаго. Доказательствомъ этому могутъ служить нынѣшнія шляпки. Мы удивлялись странности первыхъ шляпъ, явившихся въ нынѣшній сезонъ; вторыя были еще короче, и наконецъ послѣднія до того малы, что можно смѣло сказать: у нихъ нѣтъ ни полей, ни тульи. И, несмотря на эту эксцентричность, модныя шляпки какимъ-то чудомъ держатся на головѣ и не портятъ хорошенькихъ лицъ. Впрочемъ, магазинщицы имѣютъ особенное искусство прибрать къ каждому лицу только то, что къ нему идетъ.

Для платьевъ самыя модныя матеріи — шелковыя съ бархатными разводами. Продолжаютъ носить воланы, и большая часть изъ нихъ съ узорами. Въ самомъ послѣднемъ вкусѣ воланы съ бархатными нашивками; корсажъ и рукава убираются тѣмъ же бархатомъ, и все это составляетъ простой, но изящный нарядъ.

Въ фасонѣ мантилій нѣтъ еще ничего положительнаго, и тѣ, которыя приготовлены въ магазинахъ, похожи на прошлогоднія. Въ уборкѣ

ихъ больше всего встрѣчается черный аграмантъ и бархатъ, потому-что изъ-подъ нихъ виднѣе рукава. Эта новая форма принята уже, хотя немногіе видятъ въ ней большое преимущество; но мода не замѣчаетъ удивленія и нерѣшительности и заставляетъ всѣхъ повиноваться безъ разсужденій.

Скоро начнутся балы. Нѣсколько баловъ будетъ въ Тюильри и въ Пале-Роялѣ, который недавно возобновили. Министры начнутъ свои обыкновенные пріемы, и всѣ будутъ стараться превзойдти въ великолѣпіи другъ друга; но, кажется, что г-жа Персиньи побѣдитъ всѣхъ своимъ вкусомъ и любезностью.

На этой недѣлѣ было два бала въ Финансовомъ Кварталѣ. На нихъ было много молодыхъ, свѣжихъ дѣвушекъ; но одна изъ нихъ привлекала всеобщее вниманіе. Она бѣлокура, какъ Геба; на ней бѣлое платье съ воланами, вышитыми голубымъ шелкомъ; корсажъ вырѣзанъ сердцемъ и убранъ тоже мелкими фалбалами. Ей едва минуло шестнадцать лѣтъ—и она ужь выходитъ замужъ. Мнѣ показали ея жениха. Это человѣкъ лѣтъ сорока, блѣдный, почти сѣдой и больной. Мнѣ сказали его имя и прибавили, что онъ не отличается даже умомъ, но у него десять мильйоновъ состоянія, и они заставляютъ забывать его лѣта, наружность, болѣзни и другіе недостатки.

— Не-уже-ли молодая дѣвушка сама выбрала такого мужа? вскричалъ я.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ мнѣ сосѣдъ: — она еще не думала о выборѣ, но ей предложили этотъ бракъ, и она согласилась. Недавно уѣхалъ ея двоюродный братъ Оскаръ, съ которымъ она пѣла романсы, и чтобъ утѣшить ее, родители нашли ей богатаго мужа, у котораго великолѣпный домъ, красивыя лошади, модные экипажи. Какъ тутъ не утѣшиться и не быть счастливою? Притомъ же мужъ очень-занятъ дѣлами, а жена его будетъ всѣмъ распоряжаться, давать балы, обѣды. Какая веселая жизнь! Разсказываютъ, правда, что женихъ ея при послѣднихъ переворотахъ на биржѣ чуть-было не помѣшался отъ какого-то неожиданнаго случая, какъ братъ нашего министра финансовъ, но это только слухи и притомъ, еслибъ и случилось подобное несчастіе, то жена мильйонера узнаетъ объ этомъ тогда, когда мужъ ужь вылечится. Разумѣется, комнаты жены расположены на другомъ концѣ дома и не сообщаются съ кабинетомъ мужа.

Я отвернулся отъ сосѣда, который такъ краснорѣчиво разсуждалъ о системѣ современныхъ браковъ, и очутился передъ писателемъ, котораго наканунѣ видѣлъ на похоронахъ у режиссёра Буффе, этого умнаго и веселаго человѣка (его не надобно смѣшивать съ извѣстнымъ комикомъ того же имени).

— Это вы! сказалъ я: — какъ это вы рѣшились снять шкуру пантеры и явиться львомъ въ шоссе д'Антенъ?

— Надобно все испытать, отвѣчалъ литераторъ.—Притомъ же мнѣ поручили составить фёльетонъ, и я собираю матеріалы. Вчера хоронилъ я бѣднаго Буффе, который въ своей жизни выпилъ больше шампанскаго, чѣмъ съѣлъ хлѣба. Сегодня утромъ я былъ на крестинахъ, потомъ на свадьбѣ одной вдовы и наконецъ слушалъ какую-то рап-

содію любителей. На это послѣднее испытаніе я рѣшился только потому, что за рапсодіей слѣдовалъ превосходный завтракъ. Только это могло вознаградить за скуку во время чтенія автора-любителя. Но вотъ онъ подходитъ къ намъ, будемъ говорить о механикѣ, наукахъ, модахъ, только не о литературѣ, а то онъ непремѣнно найдетъ случай напомнить, что и онъ сочинитель.

И мой-другъ продолжалъ:

— Сегодня всѣ женщины прекрасны. При освѣщеніи всѣ дѣлаются лучше, и надобно признаться, что мы не жалѣемъ свѣта. Какъ хороши эти косы, положенныя вѣнцомъ, и мелкія наколки, которыя развѣваются на головѣ! Надобно признаться, что наши Парижанки очаровательны, когда онѣ выйдутъ изъ рукъ *Лорансы*, г-жи *Бюлеръ*, или *Плеоренъ*. Древность и регентство вчера и сегодя соединились въ костюмѣ. Противоположности и противорѣчія встрѣчаются на каждомъ шагу, но во всемъ видѣнъ отличный вкусъ. Рукава во вкусѣ *Возрожденія*, рукава *à la Guise*, лифы блузами, воспоминаніе о *Лигахъ*.

Я остановилъ краснорѣчіе новаго оратора. Толпа рѣдѣла. Молодыя женщины и кавалеры ихъ ждали своихъ экипажей. Я же добрался до своей скромной кареты и отправился домой. Голова моя была наполнена разнообразными воспоминаніями, и я скоро уснулъ, но видѣлъ странный сонъ. Передо мною проходили призраки и чудовища. Дикія львицы въ газовыхъ платьяхъ танцовали какъ сильфиды; статуи двигались, надѣвали плащи, выходя изъ оперы, и отправлялись на балъ. На нихъ были цвѣты, перья, брильянты, платья красныя и голубыя, всѣ самыхъ модныхъ матерій: *золотаго сукна, гродетура, атласа, викторія*. Потомъ упали къ моимъ ногамъ перчатки съ кожаными застежками, туфли, обшитыя кружевами, тюрбаны, составленные изъ золота и серебра. Цѣлая гора бездѣлокъ возвысилась передо мною; я хотѣлъ перескочить чрезъ нея, сдѣлалъ усиліе и покатился съ постели вмѣстѣ съ одѣяломъ. Сонъ мой прервался, и я вывелъ изъ него слѣдующее заключеніе: мода мѣняется гораздо-чаще для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ; слѣдственно, метаморфозамъ подвержены бабочки, цвѣты и женщины. Въ-самомъ-дѣлѣ, мода и непостоянство сдѣлались почти синонимами. На каждый предметъ была мода, начиная отъ іезуитовъ, которые часто подвергались метаморфозамъ, до мёбели, которую то примутъ, то опять бросятъ. Есть модныя удовольствія и модныя болѣзни. У насъ теперь въ модѣ движущіеся столы. На сценѣ начинаютъ входить въ моду волшебныя представленія, и за ними послѣдуетъ другой родъ, который также скоро уступитъ свое мѣсто новому. Мода не оставляетъ ничего въ покоѣ; она занимается всѣмъ и всѣми. Это фениксъ, возраждающійся изъ своего пепла, чтобъ очаровать всѣхъ разочарованныхъ. Увы! за удовольствіемъ слѣдуетъ горе. Вчера соскочилъ съ рельсовъ цѣлый поѣздъ на правомъ берегу Сены. Это ужь не первое несчастіе на желѣзныхъ дорогахъ. Дай Богъ, чтобъ оно было послѣднимъ! Не надобно, чтобъ несчастные случаи входили въ моду... Маркизъ де Ру д'Арбель.

Парижъ, 25 октября 1853.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

въ магазинѣ И. Пеца, нынѣ СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой Морской, въ домѣ Лауфферта № 116.

Пьесы для фортепьяно въ двѣ руки.

	Сер. Р.	К.
Henselt A. — L'aurore Boréale. Grande Valse, dédiée à sa Majeste L'Impératrice de toutes les Russies	1	70
Sophie-Polka.	—	60
Meyer L. — Adieu. Nocturne	—	85
Rosellen. — Fantaisie sur l'opera: Beatrice di Tenda. (Nouvelle édition)	1	—
Schulhoff J. — Trois Idylles. op. 36 № 1, Doux réproche. № 2, Etoile du soir. № 3, Le Ruisseau	1	50
L'Ondine, op. 35	—	85
Thalberg. — L'Art du Chant appliqué au piano. Première Série № 1, Quatuor de l'opéra: J. Puritani de Bellini. № 2, Tre giorni, air de Pergolèse. № 3, Adelaide de Beethoven. № 4, Air d'Eglise du célèbre chanteur Stradella. № 5, L'acrymosa, tiré du Requiem de Mozart. № 6, Pesché mi guardi e piangi de l'opéra Zelmira de Rossini. Каждый .	—	85
Voss. — Fantaisie sur l'opéra: Lucrezia Borgia.	1	15

Танцы для фортепьяно.

Gung'l J. — Souvenir de Trianon. Valse	—	85
Retour-Valse.	—	85
Iwan Iwanowitsch Polka.	—	60
Catherinen-Polka	—	50
Octavia-Polka	—	50
Minuit-Passé. Quadrille	—	60
Liadoff. — Camilla-Quadrille	—	60
Quadrille militaire	—	60
Strauss. — Sohn. Annen-Polka. (Nouvelle)	—	30
Zehner-Polka	—	60

Разныя Школы.

Клингенбруннеръ. — Чаканная школа. На русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одного и двухъ чакановъ. Цѣна	2	25

Сер. Р. К.

Роде, Бальо и Крейцеръ. — Скрипичная школа, лучшая и самая употребительная съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ, съ присовокупленіемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно видитъ, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ тоны . . 3 —

Сихра. — Школа для семиструнной гитары. На русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное изданніе, съ многими примѣрами, упражненіями и пьесами для одной, двухъ и трехъ гитаръ, и для гитары съ фортепьяно, съ отлично-литографированнымъ и весьма-похожимъ портретомъ автора. Цѣна . . . . 3 —

Фуксъ. — Генерал-басъ или новая метода, содержащая главныя правила музыкальной композиціи и руководство къ практическому примѣненію ихъ; съ краткимъ изложеніемъ основаній двойнаго контрпункта, конона и фуги, съ примѣрами и упражненіями, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Второе исправленное и дополненное самимъ авторомъ изданіе, заключающее въ себѣ слишкомъ 200 печатныхъ страницъ. Цѣна . . . . 7 —

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати: *Школа для Скрипки.* Теоретическая и практическая, съ многими примѣрами, упражненіями для одной и двухъ скрипокъ, сочиненіе *Д. Аляра.* Принятая для руководства въ Парижской Музыкальной Консерваторіи, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: Ecole du Violon, Méthode complette et progressive à l'usage du Conservatoire de Paris, composée par D. Alard. (Violine-Schule). Цѣна 6 р. с.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо-больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейс-курантъ, разсылаются при посылкахъ безденежно

Печатать позволяется, 27-го октября 1853 г. Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

	Р. К.
Blumenthal. — Les mariniers. Scène italienne (1 р. 15 к.) La plainte du Savoyard. Mélodie (85 к.) Nocturne. op. 28.	— 60
Dreyschock. — Un doux entretien. Idylle	— 60
Henselt. — L'aurore boréale. Grande valse.	1 70
Herz. — Le carnaval de Venise. op. 170 (1 р. 30 к.) La rosée du matin. Fantaisie op. 172 (1 р.) La Tapada. Polka.	1 —
Leschetitzky. — Les adieux. Romance op. 14 (60 к.) Les clochettes. Impromptu op. 16.	— 75
Lewy. — Grand galop de concert op. 34 (1 р.) Polka-Mazurka de salon (85 к.) Vielliebchen. Polka de salon op. 36.	— 85
Liszt — Deux mélodies russes. № 1. «Ты не повѣришь» transcrit (1 р. 15 к.) № 2 «Соловей». Nouvelle transcription (85 к.) Air du Stabat de Rossini transcrit	— 85
Mayer. — Le désir. Romance (60 к.) Grace. Etude élégante	— 60
Schulhoff. — Trois idylles (3-me suite): doux reproche, étoile du soir, le ruisseau. op. 36	1 50
Thalberg. — L'art du chant appliqué au piano. Douze transcriptions des compositions classiques op. 70 № 1 à 12 (каждый 1 р. 15 к.) Air du célèbre chanteur Stradella transcrit (tiré de l'op. 70).	— 85
Prudent. — Le reveil des fées. Etude. op. 41 (1 р. 30 к.) Caprice-étude sur: i Puritani	1 —
Talexy. — Etude-Mazurka.	— 60

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, *получаютъ* двадцать пять *процентовъ уступки, а выписывающіе на* десять руб. сер., *пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями* непосредственно *въ магазинъ* М. Бернарда. *На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.*

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го ноября одиннадцатая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XIV), которая содержитъ въ себѣ · *Liszt*, Le désir. Valse célèbre variée — *Kuhé*, la harpe d'Eole— *Egghard*, Polka de salon — *Spindler*, Chanson du pêcheur — *Jaell*, Le carnaval de Venise — *Neumann*, Maryanka-Polka-Mazurka — *Strauss*, (fils), Valse — *князь Л. Голицынъ*, Русская пѣсня — *Puget*, Romance— *Beyer*, Petite fantaisie — *Duvernoy*, Rondo — Портретъ Россини.

Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Нувеллистъ будетъ выходить въ будущемъ 1854 году, на томъ же основаніи какъ и въ нынѣшнемъ году.

Печатать позволяется, 27-го октября 1853 г. Ценсоръ *А. Фрейгангъ*.

	Руб.	Коп.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ, на каткахъ, три нумера вдругъ	12	—
ЭКОНОМЪ, хозяйственная общеполезная библіотека, 52 тетр.	7	—
ПАМЯТНАЯ КНИЖКА на 1854 годъ, въ бумажкѣ	2	25
— — — въ англійской папкѣ	2	75
АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ. Общая роспись всѣхъ чиновныхъ особъ въ государствѣ, на 1853—1854 годъ. Изданный Императорскою Академіею Наукъ, въ 2-хъ частяхъ. Съ гербами всѣхъ губернскихъ городовъ. Цѣна въ бумажкѣ 5 руб. 15 коп., въ переплетѣ 6 руб.; вѣсовыхъ за 6 фунт.		
САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1854 годъ (на пересылку за 2 фунта):		
въ бумажномъ переплетѣ	—	65
въ цвѣтной папкѣ	—	90
въ сафьянномъ корешкѣ	1	—
въ chagrin	1	75
въ полномъ сафьянѣ, на веленевой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ	3	25

При выпискѣ нижеозначенныхъ періодическихъ изданій, покорнѣйше просятъ прилагать, сверхъ опредѣленнаго за журналы количества денегъ, коммиссіонныхъ 1 руб. сер. Эта плата слѣдуетъ за всю коммиссію, т. е будетъ ли выписанъ одинъ журналъ, или нѣсколько.

	Руб.	Коп.
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ	5	50
ГОРНЫЙ ЖУРНАЛЪ	9	—
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ	7	15
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА	3	—
JOURNAL DE ST.-PÉTERSBOURG	16	50
КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА, на русскомъ языкѣ	7	50
— — на нѣмецкомъ языкѣ	7	50
МОРСКОЙ СБОРНИКЪ	4	5
ПОСРЕДНИКЪ, газета промышлености, хозяйства и реальныхъ наукъ	6	—
РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ	16	—
СЕНАТСКІЯ ВѢДОМОСТИ, съ собраніемъ указовъ	8	—
СЕНАТСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, съ алфавитомъ по судебнымъ дѣламъ	8	—
СЕНАТСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ на недвижимыя имѣнія	9	20
ТРУДЫ Вольнаго Экономическаго Общества	3	—

Желающіе подписаться на какой-либо изъ означенныхъ журналовъ или газетъ, благоволятъ присылать съ деньгами свои адресы (четко написанные). Только при соблюденіи этого условія, Контора можетъ ручаться за исправную высылку выписываемыхъ журналовъ и газетъ, по мѣрѣ ихъ выхода; въ случаѣ же замедленія въ доставленіи подписчикамъ вышедшихъ нумеровъ, по полученіи о томъ извѣщенія, она принимаетъ на себя обязанность заботиться объ устраненіи вкравшейся неисправности. Присемъ Контора не лишнимъ считаетъ замѣтить, что неисправности въ доставленіи журналовъ вовсе не зависятъ отъ нея, а отъ тѣхъ учрежденій, которыя завѣдываютъ собственно пересылкою журналовъ послѣ сдачи ихъ изъ редакціи.

На заграничныя изданія подписка принимается по цѣнамъ, публикованнымъ отъ Газетной Экспедиціи.

Контора купца Н. Любавина учреждена съ дозволенія Правительства въ 1848 году и обезпечена денежнымъ залогомъ въ 15,000 рублей серебромъ, внесен-

ныхъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Этотъ залогъ неприкосновененъ для учредителя Конторы во все время существованія ея, и назначенъ для немедленнаго удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ жалобъ. Слѣдовательно для лицъ, имѣющихъ дѣло съ Конторою, потери никогда быть не можетъ.

ЗАНЯТІЯ КОНТОРЫ.

I. Высылка иногороднымъ лицамъ, по ихъ требованіямъ и на присылаемыя ими деньги, всѣхъ обращающихся въ торговлѣ вещей русскаго и иностраннаго произведенія. Контора занимается также высылкою книгъ русскихъ и иностранныхъ, Правительствомъ дозволенныхъ, и музыкальныхъ нотъ, по цѣнамъ, назначеннымъ въ объявленіяхъ книгопродавцевъ и содержателей музыкальныхъ магазиновъ. Громоздкія и тяжеловѣсныя вещи, невыгодныя для пересылки по почтѣ, высылаются чрезъ Конторы транспортовъ; а въ города, гдѣ нѣтъ отдѣленія Конторъ — съ подрядчиками извозовъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если посылка незначительна и отъ-того особая ея отправка будетъ для выписывающаго невыгодна, то, для отправленія таковой, Контора будетъ выжидать перваго удобнаго случая.

II. Пріемъ подписки на всѣ выходящіе въ С.-Петербургѣ журналы и газеты.

III. Покупка и продажа товаровъ на Биржѣ, выписка товаровъ изъ чужихъ краевъ и отправленіе за границу. Исполненіе такихъ порученій условливается различными обстоятельствами, которыя съ точностью не могутъ быть опредѣлены, а между-тѣмъ отъ нихъ же зависитъ назначеніе Конторою мѣры вознагражденія за ея труды; почему по дѣламъ подобнаго рода Контора покорнѣйше проситъ входить съ нею въ сношеніе предварительно. Дѣйствія Конторы по этому предмету производятся обыкновеннымъ коммерческимъ порядкомъ.

IV. Содѣйствіе частнымъ лицамъ въ продажѣ и покупкѣ населенныхъ и ненаселенныхъ имуществъ. Возлагая на Контору продажу имуществъ, необходимо доставлять ей сколь-возможно подробныя описи продаваемаго имѣнія, съ планомъ онаго и съ подробнымъ показаніемъ доходовъ и расходовъ.

V. Продажа и покупка акцій всѣхъ существующихъ съ разрѣшенія Правительства Компаній и также облигацій Польскаго Банка.

VI. Переводъ денегъ за границу и обратно.

Гг. иногородные, требующіе какихъ-либо невоспрещаемыхъ закономъ свѣдѣній изъ мѣстъ или отъ лицъ, на которыя они укажутъ, или объясненій по какимъ-либо предметамъ, по которымъ не было прежде сношеній съ Конторою, благоволятъ присылать въ Контору по 5 руб. сер. за труды и на расходы, которые обыкновенно бываютъ соединены съ подобнаго рода порученіями.

Примѣчаніе для гг. фабрикантовъ. Контора высылаетъ всѣ возможные химическіе и москотильные товары оптомъ по биржевымъ цѣнамъ, а въ разницу по прейсъ-курантамъ торговцовъ; равно и всякаго рода машины, изготовляемыя въ С.-Петербургѣ и за границею.

ОТЪ УЧРЕДИТЕЛЯ КОНТОРЫ.

Долгомъ считаю обратить вниманіе гг. иногородныхъ на слѣдующія вещи, продающіяся въ моемъ магазинѣ, при Конторѣ, а именно:

РИМСКІЯ СТРУНЫ

того самаго достоинства, какія продавались въ Нюренбергской лавкѣ подъ № 7-мъ, съ самаго основанія этихъ лавокъ (въ прошломъ столѣтіи). Этотъ сортъ струнъ всегда считался и до-сихъ-поръ считается лучшимъ въ Петербургѣ. Такъ-какъ со времени открытія моей Конторы Коммиссіонерства продажа этихъ струнъ значительно увеличилась, посему, при большомъ сбытѣ, я назначилъ имъ цѣны, доселѣ еще небывалыя въ С.-Петербургѣ, а именно:

(Съ пересылкою.)

Квинта за бунтъ $4\frac{1}{2}$ р.; въ разницу по 20 к.

Секунды за бунтъ 4 р.; въ разницу по 20 к.

Терціи за бунтъ 5 р.; въ разницу по 20 к.

Баски на скрипку по 20 к.; серебряныя по 50 к.

Аккордъ на скрипку и альтъ по 75 к.

Аккордъ на віолончель 1 р. 85 к.; въ разницу: *А* 30 к., *Д* и *Ж* по 50 к., *Це* 60 к.

Аккордъ на контр-басъ (4 струны) 8 р.; въ разницу *Ж* 1 р. 50 к., *Д* 2 р., *А* 2 р. 50 к, *Це* 3 р.

Аккордъ на арфу (безъ басковъ) 15 р.; баски по 75 к.

Аккордъ на гитару 6 струнъ 1 р., 7 струнъ 1 р. 15 к., баски по 15 к.

Канифоль по 15, 20 и 30 к. за кусокъ.

Полный аккордъ на фортепьяно: прежней конструкціи 16 р., новой 18 руб.

Полный аккордъ на рояль: прежней конструкціи 20 р., новой 35 руб.

Баски по 50 к., стальныя англійскія струны за фунтъ 2 р. 25 к., мѣдныя 2 р. 25 к., нюренбергскія катушка по 7 к.

Контора принимаетъ на себя пересылку струнъ только въ такомъ случаѣ, если ихъ будетъ выписано не менѣе какъ на 5 руб. сер.

МИТТЕНВАЛЬДСКІЕ СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

(Съ укладкою, но безъ пересылки.)

Контр-басы съ 4-мя струнами: въ $\frac{4}{4}$ 85 р.; въ $\frac{3}{4}$ 75 р.; въ $\frac{1}{2}$ 60 р.

Віолончели отъ 20 до 45 р.

Альты отъ 8 до 40 р.

Скрипки отъ 5 до 50 р.; дѣтскія въ $\frac{3}{4}$ отъ 7 до 10 р.; въ $\frac{1}{2}$ 7 и 8 р.

Гитары въ $\frac{4}{4}$ и $\frac{3}{4}$ съ 6-ю и 7-ю струнами отъ 10 до 35 р.

Смычки скрипичные отъ 2 до 12 р.; дѣтскіе по 1 р. 50 к.; віолончельные 3 и 4 р.; контр-басовые 5 р.

Подставки скрипичныя по 15 к.; для альта 25 к.; віолончельныя 1 р. 25 к.; контр-басовыя 1 р. 50 к. и 2 р. 50 к.

Каподастры для гитаръ 1 р.; стифтики для гитаръ 20 к.

Колки для скрипки по 25 к., для віолончеля по 1 р., для гитары по 75 к.

Сурдинки для скрипокъ по 50 к.; камертоны въ А и Це 1 р. и 1 р. 50 к.

ОРГАНЧИКИ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ПТИЦЪ
И ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ.

Для обученія канареекъ 6 р.; вѣсовыхъ за 10 фунт.

— — жаворонковъ 7 р.; вѣсовыхъ за 10 ф.

— — попугаевъ 25 р.; вѣсовыхъ за 20 ф.

Для забавы дѣтей 8 и 15 р., вѣсов. за 10 ф.; 25 и 30 р., вѣсов. за 20 ф.

ВЕЩИ ИЗЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ СТРАЗЪ (STRAS RICHE).

(Съ пересылкою.)

	Стразы съ розами.	Стразы съ жаргонами.
Браслеты	отъ 60 до 200 р.	отъ 25 до 75 р.
Броши	— 50 — 150 »	— 9 — 45 »
Букеты	— 100 — 175 »	— 50 — 85 »
Колье съ цвѣтными стразами или съ бусами	— 200 — 300 »	— 85 — 125 »

Серьги	— 30 — 100 »	— 10 — 30 »
— съ одною стразою . .		— 3½ — 15 »
Склаважи	— 400 — 1000 »	— 200 — 300 »
Орденскія звѣзды	— 250 — 275 »	— 225
— кресты: Александровскіе	— 300	— 85
— — Анненскіе. . .	— 120	— 65
— — Льва и Солнца на шею . . .	— 115 — 130 »	— 75 — 85 »
Фрейлинскій знакъ	— 90	— 65
Ривьеры изъ однѣхъ стразъ .		— 50 — 60 »
Кольцы, булавки, запонки . .	— 15 — 50 »	
— съ одною стразою.		— 3 — 5 »
Крестики изъ однѣхъ стразъ .		— 5 — 8 »
Перстни мужскіе.	— 23 — 100 » съ мелк. брилл. — 50 — 150	
— съ одною стразою.		— 15 — — »
Пряжки для кушаковъ изъ однѣхъ стразъ		— 9 — 15 »

Примѣч. Браслеты съ стразами дѣлаются обыкновенно: шины серебряныя вызолоченныя; за золотую же шину 20 руб. сер. дороже.

Этотъ сортъ стразъ есть лучшее подражаніе брильянтамъ: онѣ оправляются двояко: съ настоящими розами, или съ жаргонами; послѣдніе употребляются вмѣсто розъ, но такого блеска, какъ розы, не имѣютъ.

Депо этихъ стразъ находится въ моемъ магазинѣ съ 1842 года.

РЕМНИ ДЛЯ ФАБРИЧНЫХЪ МАШИНЪ

СЪ ВЛАДИМІРСКАГО КОЖЕВЕННАГО ЗАВОДА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Потребители ремней этого завода считаютъ ихъ лучшими и ни въ чемъ неуступающими настоящимъ англійскимъ. Цѣны имъ слѣдующія:

(За укладку и пересылку особо.)

ОДИНАКІЕ.

Шириною.		За аршинъ.	
въ 1	дюймъ	15 к.	Патент. съ винтами 5 к. за арш. дороже.
— 1¼	—	20 »	
— 1½	—	22 »	
— 1¾	—	30 »	
— 2	—	35 »	
— 2¼	—	40 »	
— 2½	—	45 »	
— 2¾	—	50 »	
— 3	—	55 »	
— 3½	—	65 »	
— 4	—	70 »	Пат. съ винт. 10 к. на арш. дороже.
— 4½	—	75 »	
— 5	—	85 »	
— 5½	—	90 »	
— 6	—	1 р. 10 »	
— 7	—	1 » 20 »	
— 8	—	1 » 30 »	

ДВОЙНЫЕ.

Шириною.		За аршинъ.	
въ 2	дюйма	80 к.	Патентованные съ винтами за каждый рядъ винтовъ по 15 к.
— 2½	—	1 р. — »	
— 2¾	—	1 » 10 »	
— 3	—	1 » 20 »	
— 3½	—	1 » 40 »	
— 4	—	1 » 60 »	
— 4½	—	1 » 70 »	
— 5	—	1 » 85 »	
— 5½	—	2 » 5 »	
— 6	—	2 » 30 »	
— 6½	—	2 » 45 »	
— 7	—	2 » 75 »	
— 7½	—	3 » — »	
— 8	—	3 » 10 »	
— 8½	—	3 » 25 »	
— 9	—	3 » 50 »	
— 9½	—	3 » 75 »	

АДРЕСЪ: *Въ Контору Коммиссіонерства купца Н. Любавина, въ Санктпетербургѣ.*

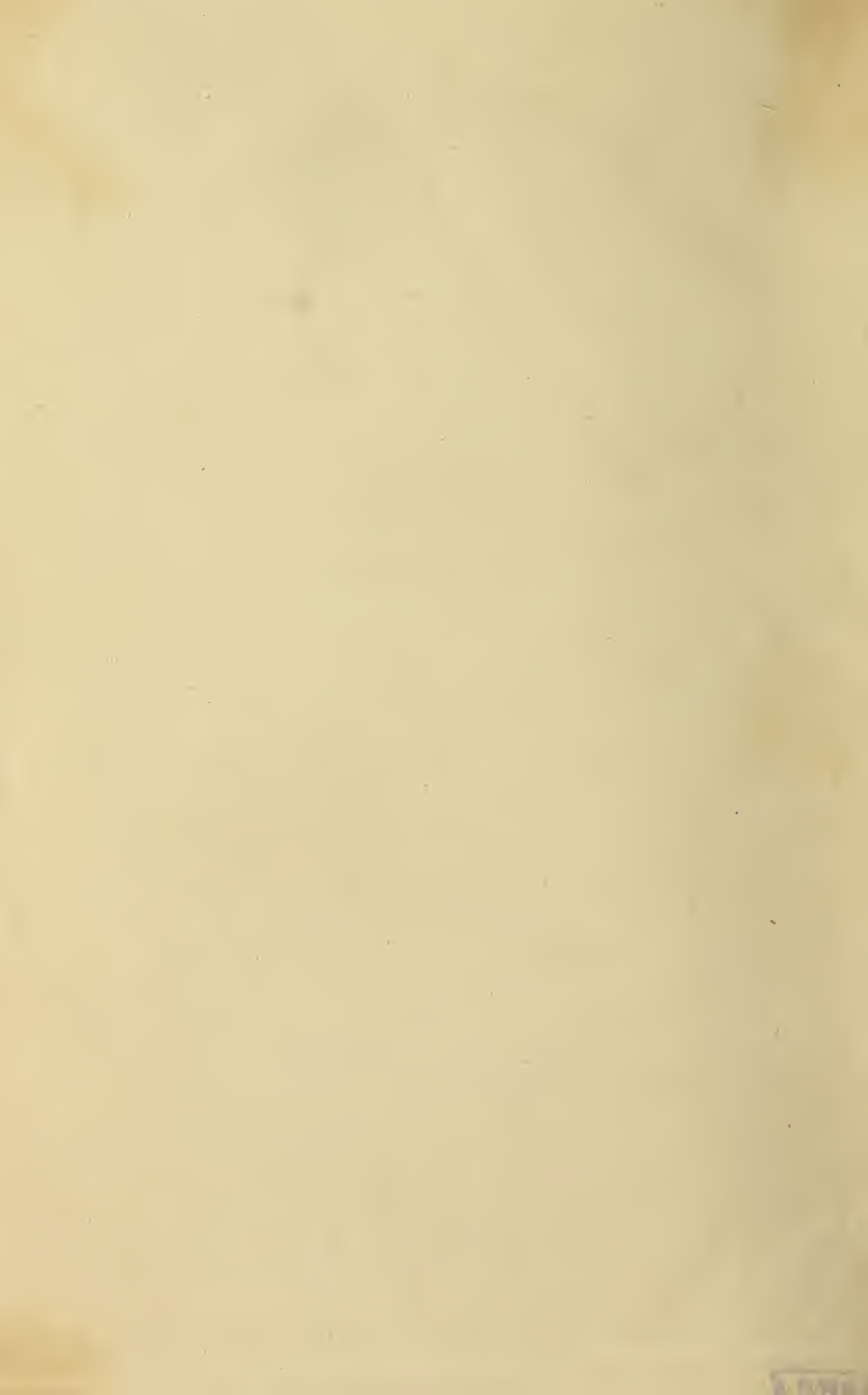
Печатать позволяется. 2-го сентября 1853 года. С.-Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ Генералъ-Адъютантъ Галаховъ.

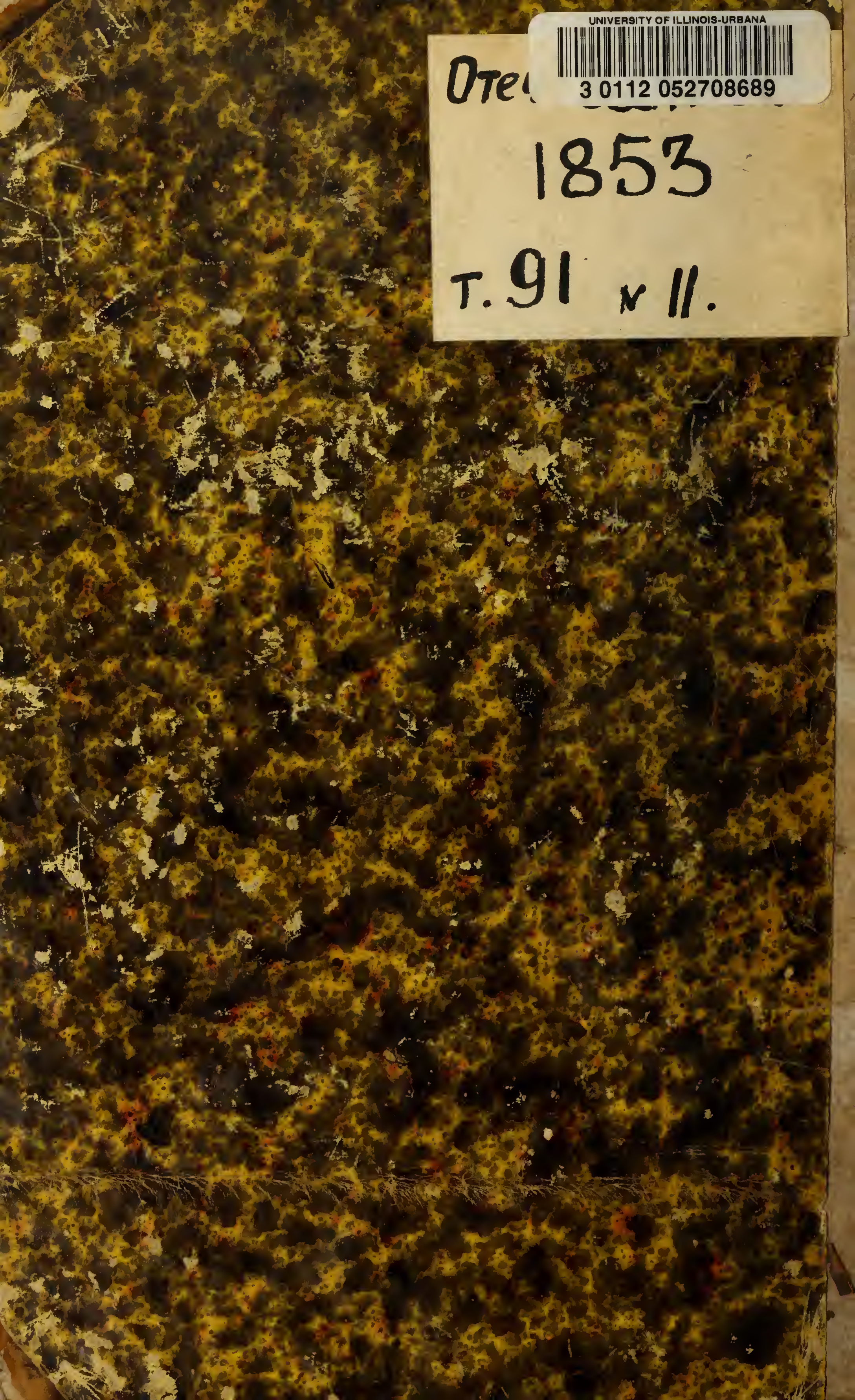
Въ типографіи Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній.

ОПЕЧАТКИ,

замѣченныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 года, № 10-й, въ отд. Смѣси, въ статьѣ «Разсказы Проѣзжаго»:

Стран.		*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
131	снизу	16	похожія съ	схожія съ
138	—	27	скачкѣ	качкѣ
—	—	22	Хохта, хохта	Тохта, тохта
—	—	11	офимскому	уфимскому
—	—	9	острогъ	отрогъ
141	сверху	10	моченные	кочевные
142	—	26	бураго	сѣраго
—	—	29	сѣраго	бураго
147	—	3	колпаки	калпаки
155	—	21	домогательствѣ	вымогательствѣ




UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 052708689
Оте
1853
т. 91 № 11.